

УДК 59(081)
ББК 26я44
В35

Составитель
академик *Э.М. Галимов*

Вернадский В.И.

Собрание сочинений : в 24 т. / В.И. Вернадский ; под ред. академика Э.М. Галимова ; Ин-т геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского ; Комиссия РАН по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского. – М. : Наука, 2013– . – ISBN 978-5-02-038093-6.

Т. 13. В.И. Вернадский – общественный деятель и публицист / науч. ред. и сост. академик Э.М. Галимов. – 2013. – 443 с. – ISBN 978-5-02-038120-9 (в пер.).

Предлагаемое Собрание сочинений в 24-х томах включает почти все научные работы В.И. Вернадского, тексты выступлений, дневники и основную часть его эпистолярного наследия. Основу настоящего издания составили тематические выпуски, публиковавшиеся в виде отдельных книг, начиная с 1992 г., в серии «Библиотека трудов академика В.И. Вернадского» Комиссией РАН по разработке научного наследия В.И. Вернадского. В собрание включены также избранные сочинения В.И. Вернадского в пяти томах, изданные Институтом геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского Российской академии наук (тогда АН СССР) в 1954–1960 гг., а также прижизненные и другие издания.

Тринадцатый том настоящего собрания сочинений В.И. Вернадского включает статьи, выступления, документы, связанные с общественно-политической деятельностью В.И. Вернадского. В него вошли работы В.И. Вернадского, ранее опубликованные в книгах: «В.И. Вернадский. Публицистические статьи» (1995 г.), «В.И. Вернадский “Философские мысли натуралиста”» (1948), «В.И. Вернадский. Труды по истории науки» (2002) и другие.

ISBN 978-5-02-038093-6
ISBN 978-5-02-038120-9 (т. 13)

© Институт геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН, Комиссия РАН по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского, 2013
© Галимов Э.М., составление, предисловие, 2013
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИНАДЦАТОМУ ТОМУ*

Тринадцатый том настоящего собрания сочинений В.И. Вернадского включает статьи, выступления, документы, связанные с общественно-политической деятельностью В.И. Вернадского. Эта сторона творчества В.И. Вернадского всегда освещалась скупо, возможно потому, что его гражданская позиция ни в какие времена не была удобна власти.

«Разрушительная деятельность правительства. Наше правительство стремится к разрушению государства и по какой-то странной иронии считает себя охранителем» (Из дневников, 25 мая 1884 г. Петербург).

«Всюду и везде натыкаешься на одно и то же, на какое-то бессмысленное, непонятное глумление над людьми, ни для чего не нужное их угнетение, их связывание. Точно у России так много хороших работников и людей, что их можно давить как лишних, ненужных, неугодных» (Из письма к Н.Е. Вернадской 6 июня 1887 г., Несоново Смоленской губернии).

В.И. Вернадский был членом Государственного Совета, избранным от Петербургского Университета. Он пишет в письме к Я.В. Самойлову 13 августа 1906 г.: «В Государственном Совете я увидел этих людей, нищих духом, а в их руках власть, и нельзя считать, что они будут делать то, что разумно...». И далее: «Несомненно, среди них были люди с именами и большим внутренним содержанием такие как Витте, Кони, Ковалевский, Таганцев и др. Но не они задавали тон... у сановников здесь собравшихся... не было ни блеска знания, ни образования, ни преданности России, ни идеи государственности. В общем – ничтожная и серая, жадная и мелкохищная толпа среди красивого декораума... Помню один разговор с Д.Д. Гримом, когда мы возвращались с заседания Совета. Ему больше нас, обычных членов оппозиции, пришлось сталкиваться лично с членами Совета. Он был совершенно потрясен циничным нигилизмом этих людей, которые были готовы пожертвовать всем для того, чтобы устроить своих детей, получить лишние деньги... Их интересы и их мысли все были направлены главным образом в эту сторону... И эти министры последних лет – да и раньше Горемыкин, князь Н. Голицын, Протопопов, Щегловитов... Какой ужасный подбор! ...» (цитируется из «Хронологии» 16 августа 1924 г.). Легко поставить другие фамилии и текст годится вполне для сегодняшнего дня.

«29 января речь Николая II... Огромное впечатление убожества и легкомыслия». Это сказано В.И. Вернадским по поводу речи царя перед предста-

* См. общее предисловие к настоящему собранию сочинений В.И. Вернадского, первый том, с. 3–5.

вительствами земства. «Мне известно, сказал царь, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления; пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойных родителей».

В общественно-политической позиции В.И. Вернадского большое место занимает, и это очень интересно, – подчеркивание роли социального просвещения с целью добиться того, что он называет *общественным пониманием*.

«...Когда нет общественного стыда и понимания в обществе, бессмысленны все вопросы о том, что делать для прямого принуждения правительства поступить целесообразно в интересах прогресса в России. Первым делом надо создать общественный стыд и общественное понимание... Без такого понимания невозможна ни правильная деятельность правительства, ни правильная политическая борьба какой бы то ни было группы лиц, видящих губительность и вред для государства существующей правительственной организации и деятельности... Рассматривая существующие в России условия, мы видим, что в ней нет ни общественного мнения, ни общественного понимания...» правительство не может исходить из корыстолюбивых каких-нибудь личных, семейных и тому подобных мотивов... «В нашем строе огромное число таких благовидных мошенничеств возможно очень легко, и едва ли найдется много чистых и честных фамилий в этом отношении среди нашей знати. Почти всякая несет на себе большое количество разных прямых и косвенных мошенничеств» (Из дневников, 19–20 июля 1893 г.). В.И. Вернадский написал это о российской власти в 1893 г., ровно 120 лет назад.

«Ужасно непроглядная крестьянская жизнь, она тяжела, невыносима экономически, но она ужасна и в духовном отношении...» (Из письма к Н.Е. Вернадской 12 июня 1893 г.).

Социальные проблемы не только вызывают сочувствие В.И. Вернадского, но и конкретные действия. В 1891 г. неурожай в средней России, в том числе в Тамбовской области, где было расположено его имение – Вернадовка, поставил крестьянство на грань голодного бедствия. В.И. Вернадскому и его друзьям удалось в ряде уездов Тамбовской области организовать систему столовых («119 столовых, в которых кормится до 5700 человек отмечает В.И. Вернадский в письме к Н.Е. Вернадской 1 мая 1892 г.), кормление лошадей и другую помощь, поддерживавших людей почти в течение 7 месяцев – с осени 1891 по лето 1892 г. В это время В.И. Вернадскому исполнилось лишь 29 лет.

1905–1907 гг. – это годы особенно активной общественно-политической жизни В.И. Вернадского. Он пишет несколько публицистических статей. В газете Московская неделя (24 мая 1905 г.) «По поводу разгрома»: «Вполне выяснилось, что причиной поражений [в русско-японской войне] является не состав русского флота и русской армии, а вся система положенная в их основание». В газете «Право» (19 июня 1905 г.): «Впереди выясняются и медленно надвигаются, может быть еще более грозные и страшные события. И, однако, это не есть время отчаяния, не есть время гибели. Родная страна не разлагается и не распадается. Она подымается тяжело и медленно к лучшему будущему...». Активно участвует в земском съезде в ноябре 1909 г., а затем во

II общеземском съезде (21–26 апреля 1905 г.) и в III общеземском съезде (24–25 мая 1905 г.). В августе 1905 г. В.И. Вернадский избран членом Государственного Совета от академической курии (Академия наук и университеты). В «Свободе и культуре», № 5, 1906 г. публикует статью «О Государственном Совете»: «Жизнью выдвинуты два коренных вопроса, которые должны быть разрешены во что бы то ни стало... установление свободных условий личной и общественной жизни... коренное разрешение земельного вопроса... Жизнь дошла до такого предела, что эти вопросы будут или разрешены легальным путем сверху или взяты силой снизу».

В Государственном Совете В.И. Вернадский выступил убежденным сторонником отмены смертной казни. В специально посвященной этому вопросу статье «Смертная казнь» от 10 июля 1906 г. В.И. Вернадский пишет: «Это орудие должно быть отнято у власти. Смертная казнь должна быть бесповоротно и окончательно отменена».

В июле 1906 г. В.И. Вернадский подал в отставку из членов Государственного Совета в знак протеста против роспуска указом царя Государственной Думы 8 июня 1906 г. Но в январе 1908 г. вновь был избран в Государственный Совет.

В конце июля 1917 г. В.И. Вернадский получил предложение занять должность заместителя министра народного просвещения во Временном правительстве. В.И. Вернадский пишет в «Хронологии»: «... не имел мужества отказать, так как сознавал свой долг не оставлять людей в... общем деле». В это время возникла идея об организации Украинской Академии Наук.

Настоящий том составлен из работ, ранее опубликованных в сборнике «В.И. Вернадский. Публицистические статьи» 1995 г., в книге «Философские мысли натуралиста» 1988 г. и в книге: «В.И. Вернадский. Труды по истории науки» 2002 г. Эти издания сопровождаются глубокими исследовательскими статьями их редакторов: «В.И. Вернадский – общественный деятель и публицист» В.П. Волкова, «Публицистика В.И. Вернадского» А.Л. Яншина и другими. В отличие от большинства предшествующих томов, в тексте, печатавшемся с книги: «В.И. Вернадский. Публицистические статьи», 1995 г., сохранены примечания редактора В.П. Волкова. Его статья, предварявшая составленный им сборник, не воспроизводится в этом томе. Приведу лишь заключительные фразы:

«Все тексты произведений В.И. Вернадского представленные в данном томе, за некоторыми исключениями, оговоренными в примечаниях, публикуются по оригиналам. Следует указать на то, что, к сожалению, многие из позднейших перепечаток изданы с купюрами, не отмеченными публикаторами и в изобилии содержат мелкие отступления от оригинала.

В нашем издании все тексты сверены с оригиналом, орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными правилами, но иногда сохраняются особенности авторской речи, например, характерное употребление тире в сложных предложениях.

Сокращенные слова приведены полностью, добавленные буквы заключены в квадратные скобки. Изредка, особенно в текстах, публикуемых по рукописям, для понимания смысла фраз составителем вставлены

отдельные слова, отмеченные знаком «⟨⟩». Тем же знаком и отточием отмечены пропуски в цитатах.

Примечания помещены после каждой из публикуемых статей и, как правило, ограничены сведениями, минимально необходимыми для понимания текста. В ряде случаев приводятся ссылки на источники, в которых можно почерпнуть более детальную информацию по комментируемому тексту. Сами же ссылки в тексте – арабские цифры в квадратных скобках на строке.

Составитель выражает глубокую благодарность В.С. Неаполитанской, А.А. Косорукову и Л.В. Баландиной, проведшим большую работу по поиску статей В.И. Вернадского в периодической печати и их предварительной текстологической обработке. Составитель искренне благодарен доктору философских наук И.И. Мочалову и доктору исторических наук В.В. Шелохаеву за ценные консультации и замечания при подготовке данного издания, а также Ю.С. Ликиновой, Г.Д. Мироновой и Е.В. Есаковой, готовившим рукописи тома к печати (В.П. Волков)».

В том включены также заметки В.И. Вернадского по истории Академии Наук России и Академии Наук Украины. Эти материалы печатаются с текста книги: «В.И. Вернадский. Труды по истории науки», изданных в 2002 г. под редакцией С.Н. Жидовинова и Ф.Т. Яншиной.

Э.М. Галимов

ОБЩЕСТВЕННО-ПУБЛИСТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

О ПРОФЕССОРСКОМ СЪЕЗДЕ

Профессора высших учебных заведений – университетов и технических институтов – нигде в цивилизованном мире не поставлены в настоящее время в столь униженное положение, как у нас в России. За последние десятилетия XIX века только положение преподавателей в университетском пережитке, в забытом схоластическом университете Филиппинских островов могло быть сравниваемо с правовым положением профессоров великого русского народа.

Одинаково, как отношение к ним государственной власти, и администрации, так и определенное уставами положение их внутри академических учреждений, находится в полном противоречии с тем местом, которое должен занимать профессор в жизни своего народа, резко нарушает живые государственные потребности страны.

Русский профессор находится под особым полицейским надзором. Каждый его шаг и каждое неосторожно сказанное им слово могут вызвать и не раз вызывали полицейские и административные возмездия, в результате которых являлось прекращение профессорской деятельности, стеснение, а иногда многолетнее ослабление его научной работы. Если профессор не вошел в состав бюрократической машины, не присоединился к тем силам, которые активно поддерживают полицейский бюрократизм, губящий нашу страну, вся его жизнь может пройти в душных тисках специального полицейского надзора; он не может быть уверен, что по произволу администрации и по неизвестным ему причинам он в один прекрасный день не будет устранен от дорогой ему деятельности. И это устранение может произойти в самой грубой и униженной форме, без всякой возможности выяснить и понять случившееся. Стоит вспомнить из недавнего прошлого «истории» московских профессоров – В.В. Марковникова и Ф.Ф. Эрисмана [1]. В течение последних лет бывали годы, когда полное отстранение от всяких попыток проявить свою личность в академической жизни, удаление в область чистой науки ставилось в вину, так как область чистой науки есть удел академиков, а профессор обязан в своей деятельности выражать и проводить взгляды правительства, не может и не должен стоять от него в стороне. Он не только ученый, но и звено бюрократической машины. Такую теорию развивал, например, Н.П. Боголепов [2].

В последней четверти XIX века, когда формы академической жизни в Западной Европе, Америке и даже в Азии, в Индии и в Японии, получили новое развитие, когда там вырабатывались новые, неизвестные прежним временам ее проявления, когда свободное, издревле и неизбежно свойственное уни-

верситетам самоуправление широко и могуче охватило всю академическую жизнь, – на нашей родине университетам выпала тяжелая доля пережить разрушение автономии, профессорам пришлось заботиться о том, чтобы спасти и сохранить в тяжелые времена реакции хотя немного из академической организации. Почти в тот самый год, когда французское правительство убедилось в пагубности для развития науки и знания административной опеки университетов и решительно приступило (в 1885 г.) к восстановлению прежних свободных академических организаций, на русское просвещение наложил свои тяжелые оковы университетский устав 1884 г. [3], пагубное значение которого бесспорно выяснено в единогласных отзывах советов всех русских университетов в 1902 г. в ответ на запросы П.С. Ванновского [4].

При таких условиях понятно, что русским профессорам в конце XIX и начале XX веков приходилось переживать времена, которые для их западных товарищей давно отошли в область туманной, далекой истории. В многовековой хронике мировой академической жизни в это время только у нас, в России, могут быть отмечены постоянные изгнания нередко выдающихся ученых из организаций, выговоры, административные взыскания и расследования в связи с направлением академической деятельности или научной работы профессора. Только у нас десятки лет не может установиться нормальная академическая жизнь и приходится прибегать к резким мерам усмирения. Каждая такая мера долго болезненно чувствуется и оскорбляет чувство справедливости. Не ручаясь за полноту, остановимся на печальной хронике прошлого академического года. В Горном институте в Петербурге шесть талантливых преподавателей вынуждены были выйти из института вследствие грубого нарушения основных принципов академического самоуправления. Еще более резкий разгром настиг Харьковский технологический институт: здесь 6 преподавателям было предложено подать в отставку, так как они во вполне законной форме указали на незаконные и странные действия директора Шиллера; вслед за ними летом 1904 г. нашли для себя невозможным оставаться в институте при таких порядках еще 13 преподавателей. В Харьковском университете один из молодых преподавателей был удален за лекцию, которая признана была недостаточно патриотичной. Аналогичные дела возникали в Юрьевском университете, но окончились благополучно. В Киевском политехникуме происходило дознание о двух профессорах, из которых один в частном доме выражался недостаточно «патриотично», а другой напечатал статью в подцензурном журнале, показавшуюся неудобной. Дело в конце концов окончилось выговорами или угрозами. В Варшаве поднималось дело в связи с легальным заявлением нескольких профессоров в совете по поводу действий ректора, казавшихся им незаконными, и т.д. Едва ли есть университет, где бы так или иначе не возникал аналогичный вопрос, иногда доходящий до резкой развязки, иногда замирающий в какой-нибудь промежуточной стадии. В этом последнем случае он заносится бюрократией в счет будущего, не проходит бесследно. Так, в Московском университете летом текущего года был удален без прошения молодой ассистент агроном А.П. Левицкий за его деятельность в Обществе сельского хозяйства; в числе указанных ему вин было и участие его 8 лет назад в студенческих беспорядках... Оно было в свое время занесено в его личный счет и при случае вспомнито... Такое бесправное и поднадзор-

ное положение русского профессора вполне отвечает и тому месту, которое отведено ему в организации академических учреждений.

В университетах это место определено уставом 1884 г. Он весь проникнут полицейским духом, основан на недоверии к профессорам, безгранично открывает двери административному вмешательству во все области университетской жизни. Достаточно сказать, что согласно этому уставу ректор и попечитель «в исключительных случаях» имеют право принимать все меры, какие они найдут нужными, ничем не стесняясь. Для характеристики этого законодательного памятника и выяснения соответствия его с потребностями жизни достаточно вспомнить условия его выработки. Министр Делянов [5], представляя его в Государственный Совет и делая указания на состояние вверенных его попечению учебных заведений, ссылаясь исключительно на результаты особой министерской комиссии 1875 г., очень напоминающей всем памятные комиссии Штюрмер-Зиновьева 1903 г. [6]. Таким образом, в 1884 г. при выработке законодательного акта принимались во внимание только условия, *существовавшие девять лет раньше...* Очевидно, ни о каком соответствии этого устава с требованиями жизни не могло быть и речи. Он вызывался соображениями иного порядка. К нему должна была приспособляться академическая жизнь, а не он был вызван ее потребностями. Нам показалось бы немыслимым действовать в 1904 г. на основании фактов и событий давно прошедшего времени – 1895 г. И, однако, на основании таких фактов проведен в жизнь важный государственный акт, оказавший глубоко вредное влияние на все высшее образование России в течение двадцати лет. Такая форма выработки закона возможна лишь при полном отсутствии гласности и при полном отстранении общества от законодательной деятельности, как это было в 1884 г.

Устав 1884 г. не мог быть целиком проведен в жизнь, постоянно видоизменялся административными распоряжениями и разъяснениями. Он имел характер чисто разрушительного революционного декрета, явился орудием для проведения в университетах узкопартийных взглядов того кружка лиц, который держал в 1884 г. власть в своих руках. Разрушение было быстро сделано, но в университетах нужно было *жить* и *работать*, а формы закона были для этого плохо приурочены. И жизнь создала что-то промежуточное, несуразное, не отвечающее и даже противоречащее закону. Еще более резко, может быть, это сказалось на положении Высших женских курсов в Москве. Здесь организация дела и требования закона убедительно противоречат друг другу. При точном применении закона нельзя было бы вести преподавание. Создалось положение еще более тяжелое и более вредное для государственной жизни, чем сам закон 1884 г., так как еще шире стали царить произвол и усмотрение – иногда благожелательные, временами усмирительные [7].

За последние годы в университетах стало легче жить, но эта большая легкость жизни связана с еще меньшим исполнением закона, с еще большим противоречием законодательной воли с ее исполнением. Дело в том, что моральное значение устава 1884 г. не только в той форме, в какой он вылился в законодательном акте, но и в тех его применениях, какие сложились с 1884 по 1901 год, совершенно уничтожено. В течение года в эпоху Ванновского советы всех университетов, профессора диаметрально противоположных политических мнений подвергли критике университетские порядки, вырабо-

тали проекты нового университетского устройства. В этих обсуждениях на многочленных советах находились лишь единичные голоса, которые считали возможными частные поправки к уставу 1884 г., подавляющее большинство решительно указывало на пагубное его значение для развития университетской жизни, безусловно, высказывалось против принципов, положенных в его основу. К этому пришли советы всех университетов, то же проводилось в петербургской комиссии выборными их делегатами. Но все труды советов, отдельных профессоров и комиссии Ванновского были положены под сукно, затерялись в петербургских канцеляриях, начали покрываться пылью забвения.

Проекты – произведения пера – можно было спрятать, скрыть от глаз человеческих. Но нельзя вычеркнуть из человеческой души пережитое и передуманное. У сотен профессоров русской земли окрепло глубокое убеждение в непригодности и пагубности для России тех университетских порядков, среди которых им приходится жить и действовать. Это убеждение было высказано даже теми самыми лицами, которые по закону обязаны поддерживать этот бесповоротно осужденный университетский строй. Легко представить себе, какое ложное, не соответствующее государственным интересам положение создано в университетах. Одновременно окрепло и окончательно установилось другое сознание. Стало несомненным, что и по своему умственному уровню, и по сути вещей профессора должны быть хозяевами в том учреждении, в котором они являются ныне лишь бесправными, поднадзорными работниками. Сделалось непреложным, что этого требует их нравственное чувство учителей молодежи, их достоинство самостоятельных научных работников, этого требует их гражданский долг перед родиной. Без этого университетский вопрос не получит правильного решения. И это убеждение, охватившее сотни людей, вытекшее из сознательного ознакомления с прошлым, не может быть спрятано в петербургских канцеляриях. Оно ищет выхода. И при его наличности еще болезненнее и острее чувствуется унижительное положение русского профессора.

Но какой может быть теперь найден выход? Как добиться правильного решения университетского вопроса? Советы всех университетов, отдельные профессора и даже министерская комиссия, где выборные делегаты советов были в меньшинстве, высказали почти все, что нужно дать университетам. Но их голоса оказались голосом вопиющего в пустыне; *de jure* все осталось по-прежнему. И идти вновь этим старым путем, переделывать снова старую работу невыносимо, ибо доверие в ее целесообразность и осуществимость потеряно.

Надо искать новых средств. Авторитетность и сила университетских заведений должны быть увеличены.

Прежде действовали отдельные университеты и институты; они шли в одиночку. Теперь они должны идти к той же самой цели *сообща* и *вместе*. Сила находится в единении, как это давно признано.

Для такого единения у нас нет готовых, выработанных жизнью форм. Но они давно уже указаны новейшей историей западноевропейских академических организаций, на них неуклонно наталкивает окружающая русская жизнь.

В германских университетах образовались съезды ректоров, которые обсуждают вопросы текущей академической жизни и сговариваются для сов-

местной деятельности университетов. Ректоры собираются ежегодно, так что состав съездов постоянно меняется. Конечно, ректоры немецких университетов не имеют ничего общего с нашими назначенными ректорами. Съездам немецких ректоров могут отвечать в России только съезды профессоров или выбранных делегатов советов.

В истории французских университетов в достижении ими автономии важную роль сыграла Ассоциация для изучения положения высшего образования. В нее вошли все друзья академической свободы. Она подготовила общественное мнение, и этим путем были побеждены давившие французские университеты могущественные традиции государственной централизации.

Надо идти тем же путем, надо создать единение профессорских коллегий организацией профессорских съездов, созданием «Ассоциации для достижения академической свободы и для улучшения академической жизни» [8]. Идея съездов на каждом шагу вызывается современной русской жизнью. Съезды земцев, адвокатов, городских представителей проложили путь, по которому должны пойти профессора, если они хотят, чтобы нужды их были услышаны, чтобы положение их стало более достойным и правильным, чтобы университетские порядки были улучшены. Мысль о профессорском съезде уже давно носится в академической среде, о ней толковали в комиссии Ванновского, но она замерла и заглохла в тенетах бюрократической мглы.

Но время идет. В грозные и ответственные дни, в которые нас поставила история, пробудились живые силы русской земли. И теперь наш голос может быть услышан. Съезды должны быть осуществлены. Будет ли это съезд отдельных профессоров, которые чувствуют необходимость обсудить совместно вопросы академической жизни, или это будет съезд выбранных делегатов советов, – перед ним неизбежно и раньше всего станет вопрос об общих условиях, мешающих правильному развитию академической жизни, о невозможности академической свободы в условиях русской действительности. Разрешение университетского вопроса, как и всех других вопросов нашей государственной жизни, возможно лишь при существовании в стране гарантий элементарных прав человеческой личности. Но наряду с этим общим вопросом, совместно с ним, должны быть обсуждены вопросы об ассоциации, о положении и подготовке студентов, о способе выработки и проведении в жизнь университетского устава. Съехавшись с разных концов русской земли, профессора создадут единение, путем которого университетская жизнь будет выведена из тисков бюрократической рутины [9].

Мы живем в ответственное и трудное время. С неумолимой ясностью перед мыслящими русскими людьми вскрылись язвы и болезни родной земли. Страстно и горячо, всеми фибрами души ищется выход из запутанного, серьезного положения. Этот выход может быть найден только тогда, когда в творческой государственной работе станут участвовать все живые силы страны, когда каждый русский человек сознает в себе гражданский долг, который лежит на нем в этот ответственный исторический момент.

Этот долг не позволяет молчать, заставляет русского профессора активно добиваться правильного и быстрого изменения строя русских академических организаций. Для этой цели профессорский съезд должен явиться могучим созидательным орудием. И, так или иначе, он неизбежно состоится в тот момент, когда сознание важности гражданских обязанностей и чувство исто-

рической ответственности перед родиной и народом охватит широкие круги профессорских коллегий.

Не наступил ли этот момент?

«Наши дни»*, 20 декабря 1904 г., № 3.

ПРИМЕЧАНИЯ

Статья повторно опубликована в: Город и человек. М., 1989. Вып. 2. С. 394–401.

1. Марковников Владимир Васильевич (1838–1904) – химик, ученик А.М. Бутлерова. В 1871 г. ушел из Казанского университета с шестью другими профессорами в знак протеста против увольнения из университета выдающегося анатома и врача П.Ф. Лесгафта, выступавшего против установления полицейского надзора над университетом. С 1873 г. – профессор Московского университета. Ему принадлежит известное выражение «ученым можешь ты не быть, но гражданином быть обязан».

Эрисман Федор Федорович (1842–1915) – врач-гигиенист, в 1882–1896 гг. – профессор Московского университета. В 1896 г. уволен из университета в связи с выступлением в защиту студентов медицинского факультета, арестованных полицией. После увольнения переехал в Швейцарию.

2. Боголепов Николай Павлович (1847–1901) – министр народного просвещения в 1898–1901 гг. Жестоко подавлял студенческие волнения. При нем в 1899 г. приняты «Временные правила» об отдаче студентов в военную службу за участие в беспорядках. В начале 1901 г. были отданы в солдаты 183 студента Киевского университета, принимавшие участие в студенческих выступлениях конца 1900 г., многие профессора уволены «за вредное направление». 14 февраля 1901 г. был смертельно ранен студентом П.В. Карповичем во время общего приема в Министерстве народного просвещения.

3. Университетский устав 1884 г. отменил автономию профессорской корпорации, введенную уставом 1863 г. Одной из основных задач устава 1884 г. было усиление «правительственного влияния» в университетах. Отменялась выборность ректора, деканов и профессоров, они стали назначаться министром народного просвещения, большой властью наделялись попечители учебных округов, учреждалась должность инспектора для надзора за студентами. По меткому замечанию одного из исследователей университетских уставов, главная цель, намеченная в 1884 г. состояла в том, чтобы «водворить в университетах мир и гарантировать спокойное течение академической жизни посредством полицейского режима» (см. *Воробьев В.А.* К истории наших университетских уставов // *Русская мысль.* 1905. № 12). Анализу подготовки и реализации устава 1884 г. посвящена брошюра В.И. Вернадского «Об основах университетской реформы» (М., 1901). (Подробнее см.: *Щетинина Г.И.* Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976).

4. Ванновский Петр Семенович (1822–1904) – генерал, в 1881–1898 гг. – военный министр, в 1901–1902 гг. – министр народного просвещения. Председатель межведомственного совещания 1902 г. для разработки проекта университетского устава.

5. Делянов Иван Давидович (1818–1897) – министр народного просвещения в 1882–1897 гг. В 1875 г. возглавлял комиссию, собиравшую материал для пересмотра устава 1863 г. и подготовки проекта нового университетского устава (1884 г.). Члены профессорских коллегий Петербургского и других университетов отказались от частных переговоров с членами комиссии и дали коллективные отзывы в защиту устава 1863 г.

6. Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917) – в 1902 г. директор департамента общих дел Министерства внутренних дел. В 1903 г. проводил ревизию земских учреждений в Тверской губ., целью которой было показать опасность земского либерализма и участия в земской деятельности «третьего элемента» – земской интеллигенции. В 1916 г. был председателем Совета Министров.

* «Наши дни» – либеральная газета, в конце 1904–1905 гг. рассылалась подписчикам вместо временно приостановленной газеты «Сын отечества», с ноября 1905 г. ставшего органом эсеров. В декабре 1905 г. выход «Сына отечества» прекратился. – *Ред.***

** Редакторские пометки здесь и далее принадлежат редакторам исходных изданий, по тексту которых воспроизводится работа В.И. Вернадского в данном томе Собрания сочинений.

Зиновьев Николай Алексеевич – в 1902 г. товарищ министра внутренних дел (В.К. Плеве). В 1903–1904 гг. возглавлял подобную же ревизию в Московской и Курской губ.

7. В 1886 г. был прекращен прием на Московские высшие женские курсы, в 1888 г. они были закрыты. Вторично курсы были открыты лишь в 1900 г.

8. В.И. Вернадский первым высказался в печати о создании Академической ассоциации. Его выступление вызвало сильный резонанс в высшей школе: профессура заявляла о своей солидарности с идеей ассоциации и съезда. 6 февраля в Петербурге состоялось закрытое собрание учредителей петербургского отделения Академического союза. В феврале была создана и организационная комиссия для работы по подготовке первого съезда Академического союза, руководящую роль в ней играл В.И. Вернадский. Первый учредительный съезд Академического союза состоялся 25–28 марта 1905 г. в Петербурге. Политической платформой Академического союза стала записка «Нужды просвещения», подписанная 342 представителями учебного корпуса. «Угрожающее состояние отечественного просвещения, – говорилось в ней, – не позволяет нам оставаться безучастными и вынуждает нас заявить наше глубокое убеждение, что академическая свобода не совместима с современным государственным строем России. Для достижения ее недостаточны поправки существующего порядка, а необходимо полное и коренное его преобразование». (Записка «Нужды просвещения» была опубликована 4 января 1905 г. в газетах «Наши дни», «Русь» и др.).

9. 6–9 ноября 1904 г. в Петербурге состоялся первый общеземский съезд, принявший решение о необходимости введения народного представительства с законодательными правами и гражданских свобод. После съезда по инициативе «Союза освобождения» (с 20 ноября) началась банкетная кампания (собрания оппозиционно настроенной общественности). В течение ноября–декабря прошло большое количество собраний интеллигенции, объединенной по профессиональному признаку, – адвокатов, врачей, инженеров и т.д. Эти собрания послужили толчком к образованию профессионально-политических союзов. 14 таких союзов объединились в мае 1905 г. в «Союз Союзов» – профессиональную по форме и либеральную по политической платформе организацию.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СОВЕЩАНИИ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ 27–29 АПРЕЛЯ 1905 ГОДА [1]

Предлагаемая аграрная программа представляется мне каким-то бюрократическим проектом, приуроченным, как то уже было отмечено Ф.И. Родичевым [2], к современному самодержавному строю и построенным на сомнительных и притом неполных цифровых данных.

Доклад А.А. Мануилова [3] производит такое впечатление, как будто бы после 1861 г. не произошло никаких изменений в сфере народно-хозяйственной жизни, так как выводы докладчика покоятся на данных бюрократической работы конца пятидесятых годов прошлого столетия, и никаких поправок к этим данным на изменившиеся условия автор не вводит. Поэтому логическим выводом являлась бы необходимость немедленного и быстрого производства статистических исследований в нескольких наиболее типичных уездах с целью получения точного цифрового материала.

Вообще весь проект носит нежизненный характер, и единственная практическая мера из числа предложенных докладчиками это увеличение штата межевых чиновников [4], причем вся схема поземельно-устроительных комиссий, данная в докладе В.Э. Дена, является сколком прусской системы, построенной на чисто бюрократических основаниях [5]. Поэтому я опасюсь, что в случае проведения подобного проекта мы рискуем допустить проникновение бюрократии в новые формы народно-хозяйственной жизни.

Кроме того, я считаю, что нельзя предпринимать серьезную аграрную реформу вне связи с одновременным реформированием всей финансово-

экономической политики, между тем ни в докладах, ни в резолюции нет даже никаких указаний в этом смысле.

В заключение я отмечу еще, что в докладе М.Я. Герценштейна [6] об условиях будущей выкупной операции отсутствуют очень важные указания, каким образом устанавливается оценка подлежащих выкупу земель. Может быть, М.Я. Герценштейн найдет возможным представить дополнительные разъяснения по этому вопросу.

«Аграрный вопрос», М., 1905 г., [Т. 1]. С. 311–312.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. На совещании земских деятелей 27–29 апреля 1905 г., состоявшемся в Москве, было продолжено обсуждение аграрных мероприятий, начатое на земском съезде 24–25 февраля. Эти мероприятия должны были составить основу аграрной программы кадетской партии. Участники совещания остановились на рассмотрении вопроса о малоземелье крестьян. С докладами выступили И.И. Петрункевич, А.А. Мануйлов, М.Я. Герценштейн, А.Ф. Фортунатов, А.А. Кауфман, А.А. Чупров, В.Э. Ден и др. В обсуждении проекта резолюции приняли участие около 30 человек, в том числе и В.И. Вернадский.

2. Родичев Федор Измайлович (1853–1932) – юрист, земский деятель, один из лидеров кадетской партии, член ее Центрального Комитета. Депутат I, II, III и IV Государственной Думы, знаменитый думский оратор.

3. Мануйлов Александр Аполлонович (1861–1929) – экономист, профессор Московского университета, член ЦК кадетской партии. В 1907 г. избран, так же как и В.И. Вернадский, членом Государственного Совета от университетов и Академии наук. В 1905–1911 гг. – ректор Московского университета (см. также примеч. 1 к статье «Разгром»).

4. В пункте 13 проекта резолюции предлагалось «для успешного проведения в жизнь поземельно-устроительной политики (...) озаботиться значительным увеличением землемерных сил путем расширения существующих учебных заведений: Межевого института и землемерных училищ, увеличением числа последних». [См. Аграрный вопрос. М., 1905. Т. 1. С. 301].

5. В докладе В.Э. Дена «Поземельно-устроительные учреждения и их задачи при проведении аграрной реформы в России» была рассмотрена возможность применения опыта прусских «генеральных комиссий» (созданных для осуществления поземельного устройства в связи с реформами начала XIX века в Пруссии) для проведения аграрных преобразований в России. Ден Владимир Эдуардович – профессор Петербургского политехнического института по кафедре экономической географии.

6. М.Я. Герценштейн выступал на совещании по аграрному вопросу с тремя докладами: «Национализация земли», «Крестьянский банк» и «Выкупная операция». В тексте речь идет о последнем докладе. После выступления Вернадского докладчик сделал некоторые фактические дополнения об условиях выкупной операции.

Герценштейн Михаил Яковлевич (1859–1906) – экономист, специалист по земельному вопросу. Один из авторов аграрной программы конституционно-демократической партии. Депутат I Государственной Думы от Москвы, член думской аграрной комиссии. 18 июля 1906 г. пал жертвой террористического акта, организованного черносотенцами.

ПО ПОВОДУ РАЗГРОМА

Одно поражение следует за другим. В течение всей войны ярко и неопровержимо для всех выяснилась полная неподготовленность русской армии и русского флота к исполнению тех задач, которые им ставились [1]. Огромные, колоссальные жертвы, понесенные русским народом для создания флота и армии, оказались напрасными: то, что создано на эти средства, не отвечает своему назначению.

Вполне выяснилось, что причиной поражений является не состав русского флота и русской армии, а вся система, положенная в их основание. На арену борьбы XX века Россия выступила с государственной организацией, годной лишь для войны первой половины XIX столетия. Обветшавшая система государственного правления и хозяйства, война, вызванная не государственными интересами России, а политикой, руководимой людьми, неосведомленными и малообразованными, в полном противоречии с желаниями русского народа и русского общества, невежество и отсталость в специальной подготовке офицерского корпуса, незнание языка и сил противника столкнулись со стройной и приуроченной к новым условиям государственной жизни системой управления и хозяйства Японии, с патриотическим подъемом и ясным сознанием государственного смысла войны японским народом и обществом, с военной организацией, находящейся на высоте современной военной и морской техники, охватившей все последние научные усовершенствования, с поразительным знанием и учетом сил и средств противника. В то самое время, как в России внешняя война обострила внутреннюю смуту, разгоревшуюся под влиянием безумной политики покойного министра Плеве [2], желавшего воспользоваться войной для торжества в стране реакционных мероприятий, и правительство встретилось в лучшем случае с индифферентным отношением к войне народа и общества – в Японии народ и правительство являются единым целым и мысль всех направлена на исполнение лежащей перед ними серьезной и важной государственной задачи.

Результат борьбы стал очевиден после первых столкновений более года назад. И с тех пор с поразительным фатализмом, ничему не научившись и ничего не изменив, бюрократия упорно и неуклонно шла по прежнему пути, ожидая чуда – перемены военного «счастья» – не понимая, что против этих старинных элементов борьбы давнего прошлого – XVIII века – противник выступает во всеоружии науки и знания, с подъемом мысли всего народа – этими элементами всякой победы XX столетия!

Постепенно и шаг за шагом бюрократическое правительство разрушало и разрушает государственную мощь России, созданную вековым трудом русского народа, русских государственных деятелей.

И теперь мы стоим перед новым несчастьем. Русский флот погиб и резервы почти не существуют. Робко и постыдно-малодушно печать решалась предупредить об этой ясной и неминуемой опасности при отправлении эскадры адмирала Рожественского [3]. Громко и с ужасом говорилось об этом в обществе, говорили об этом те лица, многие из которых нашли теперь смерть в далеких волнах океана. Но голос их и голос общества не мог быть услышан, не мог повлиять на ход событий. Для этого не было форм в системе государственного управления. Бестрепетной рукой эскадра – Балтийский русский флот – была отправлена на верную гибель.

Что делать теперь? Продолжать равнодушно смотреть на дальнейшую гибель русских сил? Ждать и молчать, пока наконец новые поражения – неизбежные последствия всей нашей государственной системы – не приведут страну к новым ужасам, которые, не позволят, наконец, идти прежним, безумным путем? Нам кажется, что теперь патриотический долг не позволяет молчать. Надо прямо и смело смотреть в глаза опасности. Новое несчастье

налагает тяжелые обязанности, еще острее ставит перед нами неотложность коренной государственной реформы. Надо спешить.

Ибо без нее немислимо в настоящее время государственное развитие и даже целостность России. Власть не может оставаться в руках кучки безответственных чиновников, имена которых нам чужды и неведомы и которые решают судьбы всего русского народа и всей России путями и способами, никому не известными. Стране нужен *мир* для широкой реформы внутреннего обновления, необходимо прекратить бесполезную трату денег на эту злосчастную, для России ненужную войну, перестать лить кровь, нести страдания в сотни тысяч семей. Надо *стремиться к заключению мира*.

Но мир не всегда может быть принят. И если бы оказалось, что условия мира, предлагаемые победителем, не отвечают интересам России, – страна должна знать это, понять и почувствовать. В глубинах русского народа таятся великие силы, и государственные средства России не истощены. Война должна тогда получить новый облик. Ее *неизбежность* и необходимость для блага России тогда будут признаны и шансы борьбы будут иные... В сознании неизбежности бедствия подымется русский народ, воспрянет русское общество.

Ждать нельзя. Надо спешить. Необходимо энергичными, быстрыми мерами поднять государственную силу России, задавленную случайными условиями государственного управления. Большое несчастье требует решительных и быстрых средств исцеления.

Таким средством является *немедленный созыв народных представителей, свободно и правильно выбранных*. Народные представители должны решить вопрос о войне и мире, обсудить – принять или отвергнуть те условия мира, которые предлагаются. Они должны реформировать центральную государственную власть, следить и контролировать ход государственной обороны России. В их руках, а не в руках нового бюрократического учреждения должна находиться эта оборона.

В эту тяжелую и ответственную минуту правительственная власть не может не созывать лежащую на ней обязанность. Она *не может* не созвать немедленно народных представителей, свободно и правильно выбранных. Она должна выяснить условия мира для передачи их на заключение народных представителей.

Медлить с этим нельзя, ибо всякое промедление грозит еще большими опасностями России, сделает еще труднее переход к неизбежным, новым условиям жизни. С каждой новой неудачей все глубже и шире увеличивается отчуждение между русским народом и русским правительством. И в такую эпоху государственной опасности это разобщение *должно* быть прекращено самими быстрыми, энергическими и решительными мерами. Иначе оно будет неизбежно прекращено ходом событий, характер и последствия которых ввергнут страну в новые потрясения и бедствия.

«Московская неделя», 24 мая 1905 г., № 3.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Статья написана под впечатлением сокрушительного поражения и гибели русского флота в Цусимском проливе 14 мая 1905 г. – в последнем сражении Русско-Японской войны 1904–1905 гг. Целью царского правительства на Дальнем Востоке было закрепиться в Маньчжурии,

оккупированной в 1900 г., усилить влияние России в Китае и Корее. Кроме того, в правящих кругах России считали, что победа над Японией поможет разрешить тяжелый внутренний кризис, остановить нарастание революционной ситуации.

2. Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904) – с 1902 г. министр внутренних дел и шеф жандармов, сторонник жестких репрессивных мер против любых проявлений социального протеста. Считал, что «маленькая победоносная война» с Японией поможет России выйти из революционного кризиса. Убит бомбой, брошенной в его карету эсером Е.С. Созоновым 15 июля 1904 г.

3. Рожественский Зиновий Петрович (1848–1909) – вице-адмирал, начальник Главного морского штаба. В апреле 1904 г. был назначен командующим 2-й Тихоокеанской эскадрой, совершившей в октябре 1904 – мае 1905 г. переход из Балтийского моря на театр военных действий на Дальнем Востоке. Эскадра Рожественского была почти полностью уничтожена в Цусимском проливе превосходящими военно-морскими силами японцев. Сам адмирал, будучи тяжело раненным, попал в плен. После возвращения в Россию в 1906 г. предан суду и оправдан в связи с ранением, полученным в бою.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

В «Правительственном вестнике» [1] появилось официальное сообщение о происходивших 24-го и 25-го апреля 1905 года в городе Житомире беспорядках.

Это сообщение было перепечатано во всех газетах, разнесено телеграфом по всему миру. По своей форме и содержанию оно сразу вызывало, однако, недоумение и сомнение, так как в резкой и яркой форме односторонне освещало печальные события. Оно являлось обвинительным актом, категорическим и далеко не бесстрастным против пострадавшего еврейского населения, – обвинительным актом, написанным раньше, чем в Петербург могли прийти точные и подробные официальные сведения, а на месте могло быть произведено требуемое законами строгое расследование. И в то же время, указывая виновных, оно тем самым оправдывало и защищало тех, кого общественное мнение могло считать пособниками, подстрекателями и попустителями преступления.

Сообщение было опубликовано в выражениях, не оставлявших места никакому сомнению. И в то время, как в Житомире предавались земле тела несчастных жертв кровавой расправы, когда еще не закрылись раны у оставшихся в живых, сообщение «Правительственного Вестника» оповещало всему миру, что пострадавшие евреи являются сами виновниками пережитых ими ужасов, и делало это на основании сведений, «которые имеются в министерстве внутренних дел».

Эти сведения были опубликованы, и через несколько дней, несмотря на суровые условия русской цензуры, не позволяющие всесторонне и беспристрастно освещать житомирский погром (см. «Сын Отечества». 1905. № 73 [2]), в печать проникли категорические опровержения, которые указали на *неверность* по крайней мере некоторых, если даже не всех официально опубликованных сведений. Так, волынский губернатор опубликовал официальное сообщение, противоречащее данным «Правительственного] вестн[ика]», а в местной газете «Волынь» появилось сообщение, что местная администрация просит министерство об опровержении; точно так же опровергает правильность правительственного сообщения один из указанных в ней пострадав-

ших из евреев (г. Корант). Появились коллективные частные опровержения (см. газ. «Вольны» [3], «Право» № 19-й [4], и т.д.).

Все эти опровержения оставлены «Правительственным вестником» без возражения. Русская печать безгласна и не может подвергаться дальнейшей критике текст правительственного сообщения; но за пределами, охваченными тисками русской цензуры, в свободных условиях общественного мнения культурных стран, это сообщение встретило достойную и унижительную для нас оценку. В общественном сознании человечества нанесен новый удар чести и достоинству России, оберегать которые есть первая обязанность всякого русского правительства.

На этом факте нельзя не остановить общественного внимания. За последнее время механизм нашей государственной машины даже в отдельных своих частях отказывается исполнять свои функции. Те или иные его части захватываются тайными котериями, группами или кружками и используются не в целях государственных, а в целях личных или партийных. Так, еще недавно опубликование Высочайшего манифеста 18-го февраля 1905 года произошло в «Правительственном вестнике» с нарушением всех законов и установленного порядка, в интересах одной из групп, борющихся за власть в Петербурге [5]. Тогда редактор «Правительственного вестника» получил выговор, объявленный в газетах. Теперь тот же «Правительственный вестник» публикует антисемитическую прокламацию в унисон с многочисленными подпольными и надпольными произведениями «черной сотни». В этом отношении «Правительственный вестник» идет по стопам субсидируемой официозной печати, – идет за «Московскими ведомостями», «Тамбовскими», «Уфимскими», «Пензенскими», «Харьковскими» и другими «Губернскими ведомостями» [6], которые по всей земле русской – на казенные средства – натравливают одни классы русского населения на другие [7], проповедают насилие и разрушение, организуют самосуд подонков населения над несогласномыслящими. И проповедь эта нашла благодарную почву. Кое-где при поддержке или попустительстве полиции и местной администрации произошли кровавые избиения или дикие насилия. Всюду внесены тревога и недоумение в среду обывателей, распространилось полное недоверие к органам власти, обязанным поддерживать внешний порядок и спокойствие; неудержимо растет стремление к самообороне, т.е. к замене правительственной охраны порядка охраной, находящейся под контролем общества, так как доверие общества к власти теряется.

Местные органы власти и подведомственные им органы печати забывают о своем служении всему государству и действуют не как представители правительства, а как тенденциозные сторонники кучки людей, захвативших в своих руки правительственную власть. С разрешения и без разрешения цензуры всюду по стране разносится клич к насилию и к преступлению; он раздается даже с церковных кафедр [8]. Трудно исчислить весь тот материальный вред, всю ту анархию, которая вносится в страну такой разрушительной деятельностью, происходящей на казенные средства. Отсутствие безопасности парализует промышленную и торговую инициативу, болезненно отзывается на всей жизни страны. В пылу партийной борьбы местные органы власти и казенная субсидируемая печать забывают про интересы России.

В настоящее время к сонму таких подпольных и надпольных деятелей присоединился и «Правительственный вестник» – орган, находящийся в руках и распоряжении центральной петербургской бюрократии. Благодаря этому правительство лишается органа печати, к сообщениям которого общественное мнение как нашей страны, так и всего цивилизованного мира должно было бы при правильной постановке дела относиться с серьезным вниманием.

Дезорганизация государственной машины неудержимо распространяется дальше и узкая партийная политика фанатической ретроградной группы безжалостно и не ведая, что творит, разрушает все части государственного механизма, необходимые для жизни всякого современного государства. В ее руках официальная печать превращается в орудие разрушения, а правительство теряет последнюю возможность дать обществу и народу сообщения и разъяснения, которые бы были встречены с доверием.

Кому выгодны и кому нужны такие действия? Для чего с этой целью тратятся народные средства?

«Русские ведомости», 31 мая 1905 г., № 144.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Правительственный вестник» – правительственная ежедневная газета, выходила в Петербурге с 1869 г. Публиковала Высочайшие указы, правительственные циркуляры, приказы по различным ведомствам и другую официальную информацию.

2. «Сын Отечества» – ежедневная либеральная газета, издавалась в Петербурге с декабря 1904 г. С ноября 1905 г. становится органом эсеров.

3. «Волянь» – житомирская газета, издавалась с 1895 г.

4. «Право» – юридическая газета кадетского направления, выходила в Петербурге с конца 1898 по 1917 г. Освещала теоретические и практические вопросы права.

5. 18 февраля 1905 г. в «Правительственном вестнике» был опубликован Высочайший манифест с призывом к населению содействовать правительству в одолении врага внешнего и в искоренении крамолы «и в разумном противодействии смуте внутренней». Одновременно на той же странице газеты по инициативе петербургского генерал-губернатора Д.Ф. Трепова был помещен Указ Сенату, возлагавший на Совет Министров рассмотрение поступающих на имя царя от частных лиц и учреждений предложений об усовершенствовании государственного благоустройства и улучшении народного благосостояния. Эти два акта противоречили друг другу, так как подобные предложения могли быть расценены как призыв к «смуте», исходя из первого документа, или как «радение об общей пользе и нуждах государственных», если верить второму.

6. «Губернские ведомости» – официальные местные газеты, издавались почти во всех губерниях и областях, общий надзор за «Губернскими ведомостями» осуществлял губернатор. В официальном отделе печатались официальные документы, предписания властей, перепечатывалась официальная информация и политические известия из центральных правительственных изданий. В неофициальном отделе помещались известия о чрезвычайных происшествиях в губернии, сведения о состоянии частных и казенных предприятий, торговле, сельском хозяйстве, народном образовании, краеведческие материалы.

7. В печати обсуждался вопрос об изменении организации полицейской власти на местах, о передаче городской полиции в ведение органов городского самоуправления.

8. 20 февраля 1905 г. волянский епископ Антоний, член Синода, выступил в Исаакиевском соборе с призывом встать на борьбу с «крамолкой» и защитить самодержавную власть, прозвучали и обычные для него злобные выпады против интеллигенции, которую он считал главным виновником «смуты». Настоятель Кронштадтского Андреевского собора Иоанн Сергеев в одном из своих «братских посланий» писал, что русские люди, особенно «обезумевшая интеллигенция», стали исполнять «злую волю сердца своего». Сельский священник из

Пензенской губ. Е. Любимов 2 февраля 1905 г. произнес проповедь, в которой убеждал, что «внутренние смуты» происходят по большей части «от ученой молодежи». Епископ гродненский Никанор обратился к духовенству своей епархии с призывом оказать административной власти соответствующую помощь в подавлении революции.

БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

I

Мы живем в особое время. Оно тяжело и сурово, вызывает множество жертв и страданий [1]. Впереди выясняются и медленно надвигаются, может быть, еще более грозные и страшные события.

И однако, это не есть время отчаяния, не есть время гибели. Родная страна не разлагается и не распадается. Она подымается тяжело и медленно к лучшему будущему. В ней пробуждаются живые силы, просыпается заснувшая созидательная мысль, формируется воля.

Мы переживаем исторический момент, который не повторяется в истории народа. Мы стоим на заре новой жизни. Как ни тяжело нам, будущие поколения будут нам завидовать. В такие моменты исторический рок ставит особые обязанности. Он требует полного напряжения воли всех граждан, заставляет биться общественными интересами сердца всех, направляет и возбуждает к разрешению и к выяснению вопросов общего блага, к работе над задачами государственного строительства.

Нам суждено пережить великое время энергичного и усиленного государственного творчества. Широкой волной охватило всю страну сознание государственной ответственности каждого гражданина – это высшее проявление патриотического долга. Та бессознательная, большею частью невидная, живая творческая работа, которая всегда лежит в основе всякого живого общества или демократического государства, теперь вышла наружу. И не случайно, а исторически неизбежно, она приняла у нас, в России, формы осуществления демократических идеалов. Ясно и открыто для всех провозглашены те принципы, которые веками ковались в глубинах народного духа, строившего и поддерживавшего существование русского государства. Впервые выходят на Божий свет основные устои нашей многовековой исторической жизни.

И ход их не может быть остановлен; их проявления не могут быть искажены или изуродованы в своих основах. Они должны или победить или быть раздавлены, но в этом последнем случае с ними вместе надолго погибнут живые корни государственного могущества, государственной жизни России.

Время такого возбуждения изменяет все условия общественной жизни. Оно создает многочисленные и разнообразные случайности и опасности для мирной текущей культурной работы. В вихре событий, в столкновениях, вызванных крупными мировыми движениями народа, могут пострадать и погибнуть здоровые, необходимые зародыши важных сторон будущей государственной жизни. Под влиянием грандиозности и важности текущих задач дня вечные запросы культурной работы временно отходят на второй план.

В такие эпохи интересы науки и знания, которые вошли в плоть и в кровь современного культурного человечества, не могут в сознании современников стоять наравне с великими государственными и политическими задачами

дня. Уважение к ним нарушается и слабеет, пожертвование ими становится относительно легким и возможным.

Даже в странах и обществах, в которых под влиянием вековой истории интересы знания глубоко проникли в народные слои, слились с самыми дорогими житейскими привычками – и там они меркнут в своем величии в возбужденном, серьезно и грозно настроенном сознании народа и общества, творящих свою историю. Тем более это резко и сильно сказывается у нас в России, где долгой и многострадальной исторической судьбой своей народ был отдален от источников чистого знания, где администрация привыкла смотреть на знание и на науку, как на неизбежное зло, как на опасное, хотя и необходимое орудие, где государственная жизнь осуществлялась в XX веке в научной атмосфере и с механизмом, приспособленным к государствам XVIII столетия. И ныне на Дальнем Востоке льется русская кровь, как тяжелое и грозное искупление легкомысленной затеи, основанной на невежестве, на пренебрежении к науке и знанию...

Борьба началась в полном неведении и непонимании сил и средств противника, интересов и блага родной страны... Ибо у нас еще теперь наука и знание находятся в таком тяжелом положении, в каком они стояли на Западе и на Дальнем Востоке в другие периоды истории. Там уже вымерли поколения, которые сознательно помнят эти все еще обычные нам условия научной работы, наши условия академической деятельности. Там сила и могущество знания и науки всеми признаны, регулируют всю государственную жизнь и деятельность. Там приступают к серьезному государственному делу лишь во всеоружии знания, в возможно полной осведомленности о силах и преимуществах противника. У нас отношение к науке и знанию резко иное. И потому в серьезную эпоху государственного кризиса на служителях знания и науки, на академических гражданах, лежат особенно тяжелые и ответственные обязанности. Они должны не только всеми силами своей души, всеми средствами своего ума участвовать в созидательной творческой работе народного сознания – они обязаны стоять на страже дорогого им дела науки и знания, должны охранить и провести через бурную эпоху народной жизни целыми и нетронутыми те ученые и учебные организации, существование и жизнь которых необходимы для всего дальнейшего развития русской земли. *Ибо об этом никто, кроме них, не будет заботиться.* Разрушить и уничтожить эти очаги знания, – университеты и другие академические учреждения, можно легко, почерком пера, но восстановить раз прерванную научную жизнь – задача величайшей трудности. И это положение усложняется у нас еще во много раз теми условиями, в какие поставлены в русской жизни академические организации.

Сорок лет назад, в великую эпоху освободительных реформ, университеты России – тогда господствовавшие формы академических организаций, восстановили издревле им свойственное самоуправление. Однако еще до своего утверждения устав 1863 года был изуродован и в своем окончательном виде уже не отвечал сознанию и стремлениям университетских деятелей того времени [2]. Эти искажения не спасли от гибели академическую автономию. Ограничения прав университета начались немедленно под влиянием противоречия между идеей свободной академической организации и неизменившимися формами государственного устройства. Через 20 лет эти проти-

воречия привели к катастрофе 1884 г. [3]. Уничтоженные в своей свободной жизни, академические организации были втянуты в политическую борьбу; их стремились превратить в орудия поддержки бюрократического строя. В ответ на это в сознании широких слоев русского общества официальный – не студенческий – университет или другая высшая школа получили несвойственное им значение звеньев в цепи других бюрократических, враждебных обществу, учреждений. Я считаю это мнение ошибочным; его нет надобности здесь опровергать. Но оно широко распространено, определяет в настоящее время отношение к академическим вопросам значительных кругов населения. И оно чрезвычайно затрудняет в настоящий момент положение профессоров и преподавателей, сильно ослабляет значение и ценность академических организаций в общественном сознании.

Невольно поэтому, при самом начале переживаемого общественного возбуждения, во всей своей неотложности предстал перед нами вопрос, как усилить моральное и общественное значение академических организаций, каким путем охранить их от дальнейшей гибели и разрушения. Ответ ясен: *необходимо прежде всего единение профессоров и преподавателей, единство действий профессорских коллегий*. Необходима дружная совместная работа всех для исполнения этой лежащей на них великой обязанности перед страной. Необходимы единение и свободная активная самодеятельность. Необходимо разрушение в обществе и народе пагубного представления об академических организациях, как о бюрократических учреждениях, как о пособниках и выразителях современного, всеми признанного пагубным для России, бюрократического режима.

Но от теоретического решения до практического осуществления далеко. Ибо в разбитых и разрушенных академических организациях не было форм для осуществления этих теоретически необходимых положений.

Создание форм для такой общественной деятельности академических граждан и академических организаций было первой нашей задачей. И начала ее теперь положены. Без предварительного уговора во всех центрах академической деятельности за последние годы пошла одна и та же работа – работа единения и организации – как среди членов советов, так и среди преподавателей, которые не состоят членами советов. Она произошла под влиянием проснувшегося гражданского чувства, под влиянием грозной логики событий. Советы всех высших учебных заведений с редким единодушием открыто высказали свое неизменное стремление к академической автономии и к академической свободе, совершенно определенно и ясно выступили в жизни страны, как живые общественные организации, живущие и страдающие теми же идеалами, какими живет и к каким стремится все русское общество.

Но, убедившись в единстве своих настроений, советы убедились и в своем фактическом бессилии. Они завоевали себе от времени до времени возможность широкого и полного обсуждения вопросов дня, самой решительной критики основ академической организации. И в то же время они всегда бывали лишены самых элементарных средств проведения в жизнь того, что им казалось неизбежным и необходимым для блага академической жизни. Вся их деятельность была огорожена стеной, канцелярской тайной, не только от общества, но и от академической среды, не входящей в состав советов. Как сильно и образно выразился один из виднейших деятелей одного из провин-

циальных университетов, 〈что〉 все речи и решения советов происходили в завязанном мешке, не выходили на Божий свет. Энергия терялась в мелочной и невидной работе, моральное и общественное значение академических организаций подымалось не в соответствии с действительным ходом жизни. Мы задыхались в мелочной борьбе, остававшейся невидной.

Надо было искать новых путей – полной гласности, общения с обществом и друг с другом – *надо было создать новую широкую базу деятельности*. Быстрая смена событий, резкий темп общественного возбуждения, рост гражданского чувства, сознание государственной ответственности каждого русского, наконец – ярко выяснившееся полное истощение творческой деятельности центральных бюрократических органов, заставляли еще более спешить с организацией, стремиться к единению и к взаимному общению.

И это единение теперь совершилось. Работа, бывшая скрытой, сделалась явной, всем известной. В опубликованной записке 342, под которой уже теперь подписалось значительно более трети, немного менее половины всех преподавателей и профессоров высших учебных заведений России, ясно и определенно выражено отношение коллегий к современным общественным задачам [4]. В своих заявлениях по поводу открытия высших учебных заведений в текущем полугодии впервые в истории образования в России советы почти всех высших учебных заведений выставили одинаковую программу практической академической деятельности, одинаково отвергли полицейские меры борьбы с беспорядками. Наконец, после январского совещания в Москве, состоялся в феврале 1905 г. частный профессорский съезд в Петербурге. Он положил окончательное осуществление идеи Академического союза и создал необходимые и недостававшие нам рамки современной академической деятельности [5].

II

Один из важнейших академических вопросов, поднятый съездом, заключался в выяснении отношения профессорских и преподавательских коллегий к тем традиционным приемам борьбы с беспорядками, академическими и политическими, внутри академических организаций, которые не меньше, если не больше самих беспорядков, вносили расстройство и разрушение в нормальную академическую жизнь. Меры эти издавна носили чисто полицейский характер, приводили в лучшем случае к восстановлению чисто внешнего формального порядка, вызывали глухое, при первой возможности проявлявшееся, раздражение и негодование произвольностью, неравномерностью, несообразностью взысканий. Они проводились обыкновенно в тесной связи с массою мелочных, но раздражающих и оскорбляющих формальностей; неизбежно вызывали все усиливающееся проникновение полицейского управления и надзора во все тайники академических учреждений. Трудно подсчитать тот урон, какой нанесли они достоинству и общественному почету академических учреждений, ту массу прямых несчастий и бедствий, какие они внесли в семьи, те нравственные компромиссы и связанные с ними страдания и мучения, какими они опутали академическую среду! Много лиц они погубили, много разбили святых чувств и упований... Тысячи молодых людей, благодаря им, вошли в жизнь надломленными, исковерканными, озлобленными...

Осужденные единодушными решениями всех советов, они почти накануне открытия съезда снова встали перед нами в своей конкретной возможности.

Под влиянием всех этих соображений и впечатлений съезд принял решение, которое выразилось в двух мотивировках. Вот текст этих мотивировок.

«1. Широкое и сильное политическое движение, охватившее различные слои и группы нашего общества, естественно распространилось и на высшие учебные заведения. В них приняло форму общей забастовки учащихся. Грозно и неотложно стал перед обществом вопрос о необходимости коренного переустройства академической жизни. Задача эта представляется делом чрезвычайной сложности и она может разрешиться лишь в связи и параллельно с общею реформою нашего строя. Но совершенно ясно уже и теперь для тех, кто близко стоит к делу отечественного просвещения, одно – советы всех высших учебных заведений, огромное большинство профессоров и преподавателей, пришли к единодушному заключению о ненужности, опасности и потому недопустимости не только для дальнейшего развития, но и для самого существования высшей школы России, тех исключительных мер и полицейских насилий, которые непрерывно применялись властью по отношению к студенчеству, постоянно возрастая в продолжение длинного ряда лет. Твердое убеждение, вынесенное из долгого тяжелого опыта, побудило профессоров и преподавателей открыто заявить, что практика системы репрессий уже причинила академическому благосостоянию едва ли исчислимый и трудно поправимый вред.

Такое убеждение советов доведено уже до сведения как общества, так и правительства, и оно является ныне фактом гласным и общеизвестным. Тем не менее в печать проникают тревожные вести о новых предположениях администрации водворить внешний, формальный и призрачный порядок в учебных заведениях обычными средствами полицейско-бюрократического обуздания, поголовными увольнениями студентов и профессоров и новым устройением академического быта канцелярским путем. Перед нами встают при этих слухах знакомые мрачные картины: обструкция, междоусобие среди учащихся, занятие зданий высшей школы полицейской силой, отбор среди учащихся «благонадежных» от беспокойных, массовые исключения и высылки, словом – бесчисленные жертвы.

Глубоко уверенные в том, что возобновление указанных мероприятий приведет к окончательной гибели высшего образования, в котором так нуждается наша родина, мы, нижеподписавшиеся, профессора и преподаватели высших учебных заведений, не можем оставаться безучастными к наступающей беде.

При таком убеждении мы считаем противоречащим нашему достоинству, нашему понятию о личной чести и гражданском долге каким бы то ни было образом поддерживать практику полицейско-бюрократического воздействия на учащееся юношество и поэтому считаем нравственно невозможным чтение лекций, ведение практических занятий и производство экзаменов при условии применения в высших школах репрессий и насилия.

Мы твердо решили этого не делать.

2. Признавая мотивировку приведенной записки недостаточной, мы вполне присоединяемся к самому решению и заявляем, что в случае принятия в высших учебных заведениях полицейских мер репрессии и водворения «порядка», о которых говорится в заявлении, мы считаем себя нравственно вправе не подчиниться указанным распоряжениям министерства, так как вполне убеждены в их пагубности для дела высшего просвещения и для блага России. Мы находим в таких обстоятельствах несовместимым с нашим понятием о достоинстве профессора чтение лекций или ведение экзаменов и полагаем, что министерство должно отменить эти свои распоряжения или заменить профессорский и преподавательский персонал новым».

Я не буду останавливаться на различиях в тексте этих двух заявлений. По существу они представляют лишь различное выражение *одного и того же общего единодушного решения*, которое было принято съездом подавляющим большинством голосов. Различия мотивировки связаны с первоначально принятой академической секцией, но отвергнутой общим собранием съезда редакцией резолюции; теперь оно потеряло, кажется мне, свою остроту и свое значение. Я хочу, однако, остановиться на значении этого общего решения, ибо оно служит первым выражением профессорской солидарности и является открытым осуждением губящих высшее образование в России печальных мер полицейской репрессии. Съезд, освободив членов союза от обязательного подписания этих заявлений, выразил однако желание собрать возможно большее количество подписей, так как только заявление от имени большого числа лиц может иметь достаточный вес и значение. Несомненно, заявление должно остановить применение репрессивных мер в тех случаях, когда в таких мерах не встречается какой-нибудь крайней необходимости, ибо оно указывает на последствия, которые вызовет их применение, – последствия, до сих пор не наблюдавшиеся в академической среде. Очевидно, всякий разумный администратор будет считаться со всеми результатами своих решений и ему важно знать их заранее.

Но, помимо такого практического значения, нельзя не остановиться и на другом значении этой меры. Ею создана новая коллегиальная форма профессорского единения – защита профессорского достоинства. В нормально установленных академических организациях эта защита должна лежать на организованных коллегиях, точно так же, как в правильно организованном обществе личное достоинство человека ограждено необходимыми гарантиями и законами. Но достоинство профессора не ограждено законом 1884 года, оно постоянно попирается; в русской академической жизни нет форм его ограждения от произвольных или противоречащих ему требований администрации. Каждый должен был ограждать профессорское достоинство на свой страх и риск, подобно тому как приходится самому защищать личное достоинство человека в дезорганизованном обществе. Последствия этого ненормального положения всем известны. В решении съезда мы впервые встречаемся с попыткой создать новые широкие и серьезные формы ограждения профессорского достоинства от исполнения унижающих его административных требований. В этом решении нельзя не видеть важной и серьезной меры, вносящей устойчивость в академическую жизнь. Ибо не могло быть такой устойчиво-

сти при шаткости положения и полной зависимости русского профессора от безответственной власти.

В близком соотношении находится и другой вопрос, обсужденный на съезде – вопрос *о немедленном поднятии значения советов и выборных органов академических организаций*. Принципиально съезд стал в этом вопросе на ту точку зрения, на которой стоял совет Московского университета и к которой позже пришло совещание делегатов советов высших учебных заведений Москвы и Ярославля, состоящее при московском учебном округе. Съезд пришел к заключению, что только народное представительство будет иметь достаточный авторитет для проведения в жизнь нового устава высших учебных заведений – устава, в основу которого должны лечь принципы академической автономии и академической свободы. Однако, для сохранения высших учебных заведений в нынешнее тревожное время необходимо немедленно предоставить советам высших учебных заведений, с выборным ректором во главе, право самостоятельного заведывания учебными заведениями. Признав академическую автономию и свободу неосуществимыми при нынешнем строе, съезд полагал, что необходимо теперь же готовиться к близким, новым условиям жизни. Необходимо поэтому ныне же приступить к обсуждению и к предварительной разработке университетского и академического уставов.

В этом решении практически наиболее важно единогласное заключение съезда о необходимости предоставления раньше осени советам (и соответствующим им учреждениям) временных широких полномочий в управлении академическими организациями. Такие полномочия могли бы быть предоставлены им путем особого Высочайшего повеления. Эта идея, столь обычная у нас в Москве, встречала сильное и серьезное сопротивление в академической среде других городов, в печати и в обществе. Ибо временные полномочия смешивались с автономией. Автономия же явно несовместима с современными условиями государственной жизни, не может быть жизненной и сильной, пока страна не получит народного представительства, возведенного Высочайшим рескриптом 18 февраля 1905 года [6]. На съезде удалось достигнуть единения в этом отношении, и *в рассеянии этого важного недоразумения я вижу серьезное и практическое значение решения съезда*. Ибо теперь можно действовать без внутреннего трения, быть свободным от борьбы с единомышленниками. В августе придется решать, как быть, если эти неизбежные и необходимые полномочия не будут даны.

Вопрос о полномочиях советов встречает еще и другие возражения. Указывают на то, что с ними связана ответственность, от которой теперь *de jure* профессорские коллегии свободны. Но в действительности и теперь на них всей тяжестью лежит, если не юридическая, то нравственная ответственность за судьбы молодых поколений, за жизнь и процветание академических организаций. Эта нравственная ответственность становится невыносимой при полном отсутствии возможности действовать. Руки у советов связаны, а совесть и мысль их членов болезненно и сильно чувствуют все происходящее. И ни один человек, чувствующий свои обязанности перед родиной, не может избежать такой нравственной ответственности. Решение съезда ставит перед всеми его членами ясную, практически осуществимую задачу, подымает их самодеятельность – этот первый залог жизни и развития!

В тесной связи с этой объединяющей работой съезда стоит и другая его заслуга в формулировании живой единой академической корпорации. Он уничтожил в общественном мнении академической среды *недоверие к официальным съездам*. В январе 1905 года в Москве подавляющее большинство профессоров высказалось против официального съезда. Позже Межевой институт и Киевский университет возбудили ходатайство о таких съездах. Ввиду этого единогласное решение съезда о желательности официального профессорского съезда в ближайшем будущем получило значение и смысл, ибо оно привело к взаимному пониманию и единению в этом делившем академическую среду вопросе. При этом съезд определенно высказал уверенность в необходимости для пользы дела участия в официальном съезде и преподавателей, не состоящих членами советов.

Я не буду останавливаться на других решениях съезда, имевших, по моему убеждению, меньшее значение. Отмечу только единогласно принятое положение, что младшие преподаватели должны получить представительство в факультетах и советах, причем эти представители должны иметь одинаковые права с другими членами советов и факультетов. Вопрос этот поручено разработать к следующему собранию. В академической секции съезд наметил и другие вопросы, напр[имер], об отношении к студенческим организациям, выразил протест против начинающегося было раскассирования Варшавского университета и т.д.

Но все это детали.

III

Подведем итоги. Можно ли счесть, что съезд, впервые собравшийся в довольно неопределенной обстановке, исполнил свою задачу – сплочения и единения, создания форм совместной деятельности? Я думаю, что в этом смысле он сделал свое дело, и главную заслугу съезда я вижу в том, что он в наше время, при происходящей кругом дезорганизации раньше сложившихся общественных и государственных установлений, *все время стремился к созидательной, к творческой работе*.

В переживаемое нами бурное время, каждый день выставляет перед нами новые требования. Перед русским обществом стоит новая, неведомая ему крупная задача. История потребовала от него быстрого сознательного государственного творчества. Привычки у него к такой деятельности нет, ибо веками оно стояло от нее в стороне. Жизнь развивала в нем лишь стремление к критике. Но одна критика в такой момент недостаточна. Мы стоим накануне новых форм деятельности, но формы эти неизвестны, их надо *создать*. Для их создания необходима, конечно, общая реформа государственного строя, но эта реформа даст только рамки государственной и общественной деятельности, даст удобные и необходимые, но все же пустые, формы для созидательной работы. В обществе должно быть ясно то *содержание*, которое уляжется в эти формы, и над содержанием будущего строя должна усиленно работать общественная мысль. Это содержание должно быть для нее ясно теперь для того, чтобы сразу применить его к жизни тогда, когда в близком будущем откроется для этого возможность. Эта созидательная работа трудна, она тре-

бует огромного подготовительного труда, она должна быть нами исполнена немедленно и быстро.

Такая созидательная творческая работа ярко проявилась в петербургском съезде. И в этом его главное значение.

Тесно связанные с вечными интересами жизни и знания, входящие в состав живущих самостоятельной жизнью академических организаций, мы, профессора и преподаватели высших школ, поставлены в стране в особое положение. Мы не можем упускать из виду интересов науки и знания, академических интересов. Мы не можем обсуждать события только с точки зрения граждан русской земли. Мы обязаны выступить хранителями интересов науки и знания, сохранить и развить те академические организации, в которые мы добровольно и сознательно вступили. Не дать им пострадать в эпоху государственного переустройства есть наш первый гражданский долг перед родиной, наша первая общественная обязанность. Но этот долг мы можем выполнить лишь созидательной, положительной работой, а эта последняя возможна лишь при единении, лишь при взаимной, самой энергичной солидарности.

Начало единению и солидарности теперь положено. От нас зависит его дальнейшее развитие. Это дело будущего, ближайшего будущего. Единение необходимо для блага родной страны, для самого существования академических организаций. Петербургский профессорский съезд подкрепил и усилил нашу веру в достижимость этого единения и тем самым увеличил наши силы в предстоящей нам трудной и ответственной жизненной работе. Дальше надо идти тем же путем.

«Право», 19 июня 1905 г., № 24.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Речь идет о Русско-Японской войне (январь 1904 – август 1905 гг.) и начале первой русской революции.

2. Подготовка университетского устава 1863 г. длилась более пяти лет, начиная с 1858 г. С осени 1861 г. по 1862 г. к разработке нового устава привлекаются университетские круги: в обсуждении проекта устава участвуют советы университетов. К работе Ученого комитета Главного управления училищ, занимавшегося подготовкой устава, министр просвещения А.В. Головин привлек многих известных профессоров. Среди них были: И.Е. Андреевский, А.Н. Бекетов, И.Н. Березин, Н.В. Благовещенский, И.Я. Горлов, И.И. Ивановский, Б.Ф. Калиновский, Н.И. Костомаров, А.Н. Савич, Н.Н. Соколов, В.Д. Спасович, М.И. Сухомлинов, А.В. Советов, Б.И. Утин, П.Л. Чебышев, В.В. Шнейдер и другие – в основном представители либеральной петербургской профессуры. Ученый комитет разработал новый вариант проекта. В нем предлагалось дать полную автономию советам университетов, с возложением на них ответственности за внутренний порядок в университете, за попечителем оставались лишь контрольные функции без вмешательства в дела университета. На первое место выдвигалась научная деятельность, предполагалось увеличение государственных ассигнований. С соответствующим докладом выступил знаменитый математик П.Л. Чебышев. Одако зимой 1862/63 г. подготовленный проект нового устава подвергся пересмотру в охранительном духе. (Подробнее см.: *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на путях реформы. М., 1993).

3. Имеется в виду университетский устав 1884 г. См. также примеч. 3 к статье «О профессорском съезде».

4. Речь идет о записке «Нужды просвещения», подписанной 342 учеными. Среди них: К.А. Тимирязев, В.И. Вернадский, И.П. Павлов, С.Ф. Ольденбург, А.Н. Веселовский, А.Н. Бекетов, А.А. Шахматов.

Записка была подготовлена к празднованию 150-летия Московского университета (12 января 1905 г.). Но в связи с трагическими событиями 9 января 1905 г. торжества были отменены правительством. Записка, однако, была опубликована рядом газет. См. также примеч. 8 к статье «О профессорском съезде».

5. Речь идет о собрании учредителей Петербургского отделения Академического союза 6 февраля 1905 г., посвященном выработке устава союза. Собрание явилось важным этапом подготовки первого учредительного съезда Академического союза, состоявшегося 25–28 марта 1905 г. в Петербурге. (См. также примеч. 8 к статье «О профессорском съезде»).

6. В Высочайшем рескрипте на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина царь объявил о намерении «привлечь достойнейших, доверием народа облученных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений» и об учреждении для осуществления этого намерения Особого совещания под председательством Булыгина. Рескрипт был подписан 18 февраля 1905 г. и опубликован в «Правительственном вестнике» 19 февраля.

ТРИ ЗАБАСТОВКИ

Академический год кончился. Но длится еще забастовка. Каждый день приносит новые ее проявления, и будущее, близкое будущее академической жизни беспросветно, темно и неясно.

Забастовали студенты, забастовали профессора, забастовало Министерство народного просвещения. Эти забастовки различны по своему происхождению, по своим целям и значению, но они все являются неизбежным порождением приказного строя, резким и ярким признаком коренного государственного кризиса.

Студенты всех высших учебных заведений забастовали сознательно. Они хотели путем забастовки указать *urbī et orbī* – на невозможные общественные условия, какие переживает наша родина; они воспользовались забастовкой как средством и орудием громкого политического протеста. Этой цели своей они достигли: они произвели большое впечатление по всей стране и на Западе, внесли в широкие слои русского общества новые элементы недовольства порядком, при котором зарождаются и осуществляются такие невозможные в благоустроенном государстве формы проявления политических идей; для многих более конкретно и ясно поставили вопрос о неудобствах приказного строя для текущей жизни. Но наряду с таким политическим эффектом последствия студенческой забастовки пагубно отразились на всей учебной и научной жизни страны и не скоро могут быть заглажены. Не говоря уже об обучении подрастающих поколений, которое в корне нарушено и не скоро придет в равновесие, научная жизнь великого народа претерпела грубые и сильные искажения, которые ничем и никогда не могут быть целиком и вполне возмещены и восстановлены.

Студенческая забастовка есть кость от кости, есть плод того государственного расстройтва, которое накоплялось и развивалось в России десятилетиями неслыханного в истории полицейско-бюрократического гнета. Она была бы невозможна в свободном государстве. Она вырастает только на фоне общественной жизни, в которой на каждом шагу происходят самые грубые и дикие акты произвола, надругания над человеческим достоинством и над человеческой личностью, где эти акты произвола широко разносятся по стране и возбуждают огромные слои мыслящего обще-

ства, где нет никакой легальной возможности выразить против них протест, проявить чувства негодования, найти законные средства к обузданию виновных, добиться судом восстановления поруганной справедливости. Когда эти акты полицейского произвола становятся обычными формами деятельности правительственных органов, нормальным, если можно так сказать, порядком жизни в стране – нельзя удивляться, если они вызывают такие формы протеста, которые немислимы в мало-мальски благоустроенном государстве. В жизни живого общества, находящегося в таких условиях, неизбежно вырабатываются те формы протеста, которые одновременно являются наиболее громкими и яркими, сильными и легко осуществимыми и наименее губительными для своих участников, наиболее трудно искоренимыми полицейским государством. После многих лет борьбы, путем правильного подбора, одни эти формы протеста получают преобладание, ибо изверившиеся и доведенные до отчаяния люди хотят только успешного протеста против произвола, оценивают протест только с точки зрения его силы и осуществимости, забывают о других его следствиях. Так выросли в России студенческие забастовки. Так выросла студенческая забастовка этого года после 9 января в Петербурге [1].

Совершенно иным путем, исходя из иных соображений забастовали профессора и преподаватели. Их забастовка не являлась актом политического протеста – она произошла против их желания, ибо профессора и преподаватели, в общем, сознавали больше, чем кто-либо, вред, наносимый забастовкой академической и научной жизни страны. Политические ее результаты – каковы бы они ни были – никогда не могли окупить в их глазах ее разрушительного и губительного академического значения. Они были приведены к забастовке условиями полицейского государственного строя, бездействием бюрократии. Им приходилось выбирать между забастовкой и полицейским или революционным террором, которые неизбежно водворились бы в академических учреждениях в наше возбужденное время при чтении лекций и ведении практических занятий против воли тысяч студентов. Террор неизбежно привел бы к прекращению академических занятий, к забастовке, но сопровождался бы множеством жертв и страданий.

Профессора пережили уже за последние годы несколько проявлений полицейского террора в академической жизни, неизбежно являвшегося следствием студенческих беспорядков. Они знали, что это значит. Годами тяжелого опыта и пережитых мучений они давно потеряли доверие к способности администрации пользоваться предоставленной ей страшной властью без вреда для общества и государства. Уже в эти относительно более спокойные времена полицейский террор приводил к отдаче студентов в солдаты, к заключению их в тюрьмы, предназначенные для уголовных преступников, к высылкам в Сибирь, к массовым исключениям, арестам, обыскам, к подавлению беспорядков военной силой. Уже в эти времена серьезно поднимались и имели практическое значение вопросы об образовании из непокорных студентов изолированных от населения лагерей в отдаленных местностях империи, о совершенном закрытии тех или иных высших учебных заведений, о значительном повышении в них платы с целью уменьшить количество студентов, наконец, об усмирении студентов силою оружия и нагаек. До чего же могли дойти обычные меры обуздания в наше время, когда жизнь человека ценится

ни во что, когда по всей России льется русская кровь во внутренней междоусобице, когда в течение месяцев убитые и раненые насчитываются тысячами?

Серьезность и ответственность положения заставила профессоров употребить все средства для ограждения высших учебных заведений от применения к ним привычных административных мер прекращения забастовки, ибо меры водворения порядка были гораздо страшнее, разрушительнее и гибельнее самой забастовки. Подавляющим большинством голосов советы всех высших учебных заведений империи сделали в этом смысле определенные представления правительству [2]. Они указали, что при сохранении неизменной системы управления учебными заведениями, приводящей к водворению в них полицейского режима, чтение лекций и ведение практических занятий становятся невозможными. Они ясно и определенно выяснили, что нормальная академическая жизнь в России станет возможной лишь при успокоении страны, лишь при созыве народных представителей, лишь при даровании необходимых гарантий личности. Они настаивали на необходимости спешить с осуществлением обещанной с высоты Престола реформы государственного управления. Отвергая забастовку, они, однако, признавали нравственно недопустимым чтение лекций в обстановке полицейских репрессий. Они искали иного практического выхода из трудного положения.

Огромное большинство профессорских коллегий обратилось к министерству с указанием на необходимые легко осуществимые меры, которые позволили бы попытаться восстановить прерванные занятия. Они полагали, что для этого необходимо, во-первых, немедленно изменить порядок и систему управления высшими учебными заведениями и этим гарантировать профессоров и студентов от особого внутреннего полицейского режима и, во-вторых, быстро созвать профессорский и преподавательский всероссийский съезд, который позволил бы принять, общие решения для временного выхода из академического кризиса и придал бы им нужный авторитет. В этом, а не в забастовке, профессора видели выход из тяжелого положения. Но в результате их решения произошла профессорская забастовка, ибо советы и коллегии вынуждены были ждать из Петербурга ответа на свои заявления и ждут его, отрицательного или положительного, до сих пор в течение многих месяцев. Ответ им не был дан, так как фактически одновременно произошла третья забастовка – забастовали центральные органы управления учебным делом империи [3].

Эта забастовка произошла, конечно, бессознательно, не имела никаких политических целей, сложилась роковым образом, силою вещей. Подобно забастовкам студентов и профессоров, она всецело выросла на почве приказного строя. De jure центральные органы государственного управления обладают в России в академической жизни такими полномочиями, такую неограниченную властью, о которой не решаются мечтать даже самые пылкие фанатики-администраторы Западной Европы. В обычное время министерство налагает свою тяжелую руку на самые мельчайшие проявления академической жизни. Худо ли, хорошо ли, оно всецело управляет делом высшего образования. И если это дело не ладится, виновато только оно одно, ибо у кого в руках вся власть, на том лежит и больший ответ.

В критическую минуту эта огромная власть оказалась призрачной, не была в состоянии вести дело, ей одной бесконтрольно и безответственно предоставленное. Такова обычная судьба бюрократической машины. Она держится рутинной, бессильна в серьезное и ответственное время государственной жизни, ибо для действия в эпохи кризисов нужны знания, которыми не могут обладать оторванные от жизни и дела петербургские канцелярии, нужна уверенность в прочности и последовательности общего направления государственной политики, которая невозможна в наше время, когда вся страна всколыхнулась от ужаса при виде пропасти, куда ее завела эта политика, нужен авторитет власти в глазах общества и в академической среде – но он невозможен после того, как громко и открыто вся политика министерства за последние 20 лет была подвергнута беспощадной и справедливой критике, когда все ее слабые и вредные стороны были оглашены, стали всем ясными, а между тем все остается по-прежнему.

В начале забастовки, встретившись с возражением профессорских коллегий против применения обычных полицейских репрессий, министерство приняло выжидательную тактику. Оно обратилось к советам с запросом – открывать или не открывать учебные заведения, – хотя этот вопрос не входил в компетенцию советов и по закону всецело предоставлен усмотрению министра. Советы рассматривали этот вопрос несколько раз, так как их мнения не удовлетворяли министерство. В переписке и обсуждении прошло четыре месяца. В течение их министерство само не открывало учебные заведения, но не давало и советам возможность взять дело в свои руки. В мае нечего было уже и думать о начале занятий. Время было безвозвратно упущено. Надо было заботиться о будущем – о том, чтобы в переполненных и недостаточных для потребностей русского государства учебных заведениях организовать без большого ущерба занятия для нового подросткового поколения. Советы выработали соответствующие планы, министерство не подавало признаков жизни. Наконец, начались и летние вакации.

И только тогда впервые стали проникать в печать сведения, стали появляться распоряжения, указывающие на возобновившуюся деятельность центральных органов управления.

Первым ее проявлением было опубликование угрозы удалить всех *профессоров и преподавателей* высших учебных заведений России в случае продолжения *студенческой* забастовки в будущем академическом году. Эта неслыханная в истории просвещения цивилизованных стран угроза произвела впечатление, обратное тому, какое, по-видимому, ожидалось ее авторами. Она не испугала, но глубоко оскорбила. Она казалась невероятной. Однако вскоре в заграничной, главным образом немецкой, печати появились известия о том, что русское правительство приглашает немецких врачей, вследствие недостатка своих русских, и ведет переговоры с несколькими немецкими учеными, которыми желает заменить непокорных русских профессоров. Оба эти приглашения окончились, по-видимому, полной неудачей (см. «*Akademische Revue*» за июнь 1905 г. С. 245). Они вызвали едва ли желательные для России комментарии, совсем не соответствующие достоинству нашей родины. По существу, такое обращение к чужому государству является едва ли опровержимой, всем понятной критикой вековой государственной деятельности Министерства народного просвещения, не сумевшего в течение ста лет создать

в стране нужное ей количество образованных специалистов. Наконец, и в русской печати проскользнули указания на деятельную работу Министерства народного просвещения. Появились известия о предлагаемом удалении в течение лета отдельных профессоров, назывались даже их имена. И действительно, в Казани без объяснения причин был удален приват-доцент Парфентьев, в Одессе – пр[иват]-доц[енты] Орженцкий и Тарасевич. Тихое лето уже издавна, со времени Делянова, избирается министерством для спокойного изгнания неугодных ему профессоров, и очень вероятно, что за первыми жертвами последуют дальнейшие...

Наряду с такой деятельностью министерство сказало свое слово и в другой области. Предложения советов о будущем семестре одни за другими были не утверждены и заменены новыми. Так, предложения советов об удержании платы со студентов за прошедший в забастовке семестр были кассированы, и студентам было объявлено, что плата с них взиматься не будет. Однако получить ее назад им не удалось, ибо министерство неожиданно узнало, что своим решением оно разрушает весь хозяйственный строй учебных заведений, и спешно испросило новое Высочайшее повеление, отменившее только что объявленную льготу. Затем точно разработанные предположения советов о плане будущих занятий были не утверждены, а в Петербурге были в самых общих чертах указаны принципы нового плана учения. К сожалению, эта работа закончилась лишь в конце мая и в начале июня, когда сессии советов кончились; а потому весь вопрос об организации преподавания с осени оказался висящим в воздухе, так как едва ли возможно будет целиком применить те принципы, которые предложены министерством и которые в свое время обсуждались и найдены советами трудно исполнимыми. В августе вместо занятий профессорам придется вырабатывать план учения. На это уйдет много драгоценного времени.

Итак, первое: возродившись от забастовки, приступив к живой работе, министерство дало мало надежды на благополучное разрешение академического кризиса. Скорее, оно сделало его еще более грозным и запутанным, ибо деятельность его отнюдь не имела положительного, созидательного характера. Если она будет идти дальше в том же направлении, то осенью не возобновится нормальная жизнь учебных заведений. Придется переживать уже не пассивное, но активное их разрушение...

Однако ждать нельзя; надо спешить с выяснением положения, ибо времени мало и каждый день дорог. Есть два и *только два* выхода. Или надо возобновить жизнь созданных вековой государственной работой правительственных высших учебных заведений, или создать новые. Для первого выхода, достигнув некоторого спокойствия в стране путем созыва народных представителей, надо немедленно вернуться к указаниям, сделанным советами несколько месяцев назад, и: 1) изменить сепаратным Высочайшим повелением порядок управления учебными заведениями, дав советам особые полномочия, гарантирующие школу от полицейского режима, и 2) созвать профессорский и преподавательский съезд перед началом занятий для совместного решения вопроса о ведении преподавания в переживаемое смутное время.

Если бы, почему бы то ни было, это оказалось невозможным, то придется идти другим путем, который недавно был указан проф. кн. Е.Н. Трубецким [4] (см. «Русские ведомости», 145). Оставив старые, надо создать новые учебные

заведения – вольные университеты, вольные высшие школы, не связанные программами, не зависящие от казенных средств, дающие широкую возможность академической творческой деятельности. Как ни труден этот путь и сколько ни связано с ним затрат и преград – иного выхода не остается, если многие профессора будут изгнаны из государственных школ, а эти последние закрыты или изувечены. Нельзя оставить молодежь без образования, и силы ученых людей русского народа не могут безнаказанно для блага страны долго оставаться без употребления.

Время не ждет и нет иных выходов. Возврата к старому нет и не будет. С осени или жизнь старых учебных заведений должна пойти по новому пути, указанному советами, или русское общество создаст себе новую школу на свободных началах, как предлагает проф. кн. Трубецкой.

«Русские ведомости», 5 июля 1905 г., № 179.

ПРИМЕЧАНИЯ

Статья повторно опубликована в: Город и человек. М., 1989. Вып. 2. С. 401–408.

1. В знак протеста против расправы над рабочими 9 января 1905 г. началась всероссийская студенческая забастовка. Забастовало 39 высших учебных заведений, включая все университеты и институты, кроме военных и духовных академий.

2. Циркуляром министра народного просвещения от 20 февраля 1905 г. попечителям учебных округов было предписано посредством обсуждения в советах высших учебных заведений выявить меры, позволяющие в кратчайший срок возобновить «правильные занятия». Ответом на этот циркуляр явилось единодушное мнение всех профессорских коллегий о невыполнимости данного требования. Профессура, таким образом, оказала поддержку бастующим студентам.

3. В данном случае «забастовкой» В.И. Вернадский иронически называет бездействие ведомства просвещения, оказавшегося не в состоянии найти решение, которое могло бы нормализовать положение в высшей школе, и предпочитавшего до конца учебного полугодия оставить высшие учебные заведения «в настоящем их положении».

4. Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920) – юрист, профессор Московского университета, последователь Вл. Соловьева. Один из организаторов партии мирного обновления в 1906 г. (см. примеч. 5 к статье «Москва, 4-го января»). В 1907–1908 гг. – член Государственного Совета от Академии наук и университетов.

НОВОЕ БЕДСТВИЕ

I

Надвигается новая гроза на Русскую землю. Неурожай хлебов, озимых и яровых, охватил огромный район Европейской и отчасти Азиатской России, захватил более или менее сильно 20–25 губерний. Это бедствие, которое чувствительно и серьезно для культурных стран Запада, принимает у нас еще более острую и ужасную форму, – форму *голода*. «Голод» – страшное бедствие Средних веков, обычное явление государственной жизни в эпоху сложения новых европейских государств, – давно исчез из памяти культурного человечества. В правильном и закономерном государственном строе европейских стран, при широком развитии общественной инициативы, под могучим контролем общественного мнения, государственная власть не позволяет неурожаю принимать форму голода. Там вошло в сознание всех, что если *неурожай*

есть стихийное бедствие, которое еще не поддается окончательно силе науки и техники, то *голод*, как его следствие, есть *явление общественное*, которое может, которое должно быть заранее предвидено и не допущено. И если все-таки неурожай превращается в голод, это есть не только великое бедствие для страны, но и грозный симптом, указывающий на коренное расстройство всего государственного механизма, на необходимость самых быстрых и решительных мер государственного обновления. В голоде ответственно не одно правительство; в этом грозном и мрачном беспорядке земли, в страданиях голодающих народных масс, в жертвах смерти и болезней, им вызванных, виновно все общество, весь народ, допустившие в наше время повториться ужасам давно прожитого прошлого, не сумевшие правильно направить работу своих правительственных сил. И это сознание, это не подлежащее сомнению элементарное требование общественной нравственности вошло в плоть и в кровь мыслящего образованного общества западноевропейских стран. Голод там не мыслим. И он не повторялся на памяти современного поколения.

Но это сознание и это великое чувство ответственности не проникло вполне в Русскую землю. У нас неурожай превращается в голод. Нашему поколению приходилось переживать, и не раз, тяжелые картины несчастий и страданий, которые давно отошли в область преданий, известны только из книг и отдаленных сказаний европейцу Запада. И потому, когда широкий неурожай охватывает огромный район нашей страны, невольно сжимается сердце, охватывает ужас при мысли о том, чем грозит это стихийное бедствие у нас, при дезорганизации государственной власти, при относительно малом сознании общественного долга в русском обществе.

II

Я хорошо помню грозный 1891–1892 г. [1]. В душной и тяжелой атмосфере бюрократического режима заглохло русское общество. Все спало, и было тихо. Снаружи был блеск внешних успехов; средства правительственных органов все росли, они поражали своими размерами далекого наблюдателя. Они черпались откуда-то из глубины, из неведомых и безмолвных народных масс. Они казались неисчерпаемыми. Но что делалось внутри, в народных глубинах, это не сознавалось и не понималось вполне ни русским правительством, ни русским обществом. И вдруг страшный удар – неурожай, охвативший все наиболее плодородные области, потряс всю страну до основания. Вдруг стала всем ясной ужасающая картина народного разорения, внешнего блеска, безумных трат, угнетения» общества и народа, полного нерадения к самым безотложным нуждам населения. И впервые, после многих лет, заговорило русское общество. Сперва попытки земств и частных лиц обратить внимание на надвигающуюся грозу были заглушены. Министерство внутренних дел думало замолчать бедствие, совершенно не рассчитало и не поняло подъема общественного чувства, глубины поразившего страну несчастья. Отдельные администраторы принимали для этого героические средства, отзывавшиеся глубокой стариной Московской Руси; один из них даже окружил заставами свою губернию.

Время было упущено, и лишь когда неурожай превратился в голод, скрывать и замалчивать стало нельзя. Началась лихорадочная деятельность пра-

вительственных органов; земства получили нужные средства, и им были развязаны руки; впервые широко и сильно проявилась частная инициатива. Частные люди собрали огромные средства, тысячи добровольных работников устремились по мере сил и умения помочь народной беде. И если, несмотря ни на что, не удалось вполне предотвратить голодание и разорение, если, как следствие недоедания и ослабления организма, в «голодный год» повысилась общая смертность страны, то вызвано это упущенным временем, поздним отрезвлением власти, невозможностью быстро найти формы деятельности для живых сил страны, в архаическом строе местного управления нашей родины. Но все же было сделано много...

Безропотно и терпеливо переносил народ страдания и разорение, но бессознательно переживал он несчастье. Он стал иным после «голодного года». Это был год перелома. Впервые после многих лет проявилась сила общественного мнения, выяснилась общественная воля, так как под их направляющим влиянием в эту годину несчастья вынуждено было идти правительство. Впервые общество почувствовало свою силу. И будущий историк увидит здесь начало не прерывавшегося с тех пор освободительного движения русского общества. «Хождение в народ» в голодный год внесло в русское общество жизненное, живое понимание государственных нужд, народных страданий. Общественная мысль обратилась к экономическим вопросам, но уже не только теоретически и отвлеченно. В это же время зародились первые частные съезды земских деятелей, началась медленная работа общеземского общения [2].

Русское общество стремилось тогда не к коренной государственной реформе. Необходимость широких и смелых экономических и аграрных реформ, борьба с народным невежеством, переход к той или иной форме общеземского или государственного страхования от неурожаев, предоставление широкой возможности общественной и частной инициативе в этом деле, в создании мелкой, свободной, бессловной земской единицы – вот те конкретные, совершенно ясные государственные реформы, которые проникали общественную мысль, привлекали внимание русского общества, требовали серьезного изучения и быстрого разрешения...

Но жизнь судила иначе. Голодный год кончился, и властная бюрократия направила свои усилия на подавление начавшегося общественного движения. Она не смогла стать на путь выставленных обществом реформ, ибо она понимала уже тогда их неосуществимость без коренного преобразования государственного управления. Это было еще не ясно тогда русскому обществу. В ближайшие годы последовательно и энергично был принят ряд мер и распоряжений, имевших целью всецело устранить общественный контроль и общественное влияние в этом деле. Частная инициатива и помощь были подавлены и совершенно устранены: их заменил Красный Крест со своей бюрократической организацией; продовольственное дело было отнято от земств и почти всецело передано в руки земских начальников; печать была лишена возможности свободного и серьезного обсуждения этих вопросов.

И в то же время страну постигали частые неурожаи один за другим. Они разрушительно действовали на народное благосостояние, поднимали нервное, напряженное настроение народных масс. Они превращались в голодовки, так как организация продовольственного дела все ухудшалась. Голо-

довки прикрывались покровом канцелярской и полицейской тайны, но свое разрушительное дело они делали. В течение 13 лет после 1892 года не было сделано ни одной серьезной попытки столь необходимых экономических или аграрных реформ. Благосостояние населения падало, полицейский гнет неуклонно усиливался, бремя налогов увеличивалось. В то же время в населении все росло сознание своего невыносимого положения.

И вот, в связи с неудачной войной вся общественная жизнь России расстроилась; вся страна пришла в движение; настало время «великой смуты», нами переживаемой. Всюду льется кровь, раздаются призывы к насилию; вера в законность и в охранительную деятельность правительства быстро теряется. Страна неуклонно стремится к новым рамкам жизни. Но бюрократия упорно защищает каждый шаг. Конец кризиса еще не виден.

И в это время на политическом горизонте появляются новое грозное событие: вновь настал тяжелый неурожай, который в близком будущем во многом грозит повторить ужасы и бедствия страшного голодного года...

III

Ни события внутренней жизни, ни интересы войны не могут и не должны отвлечь наше внимание и наши силы от борьбы с этим новым надвигающимся на нас несчастьем. От нас, от усилий нашей воли, от высоты нашего гражданского чувства зависит, чтобы оно не превратилось в бедствие голода. И горе нам, горе нашей стране, если *теперь* ко всему переживаемому присоединится новый голодный год, ибо *теперь* условия жизни иные. Продовольственное дело организовано много хуже, чем в 1892 г., когда оно, хотя и не вполне, было в руках земских людей. Общественное внимание и частные силы не могут быть всецело сюда направлены, как это было в 1891–1892 гг. Государственные средства отвлечены войной, а имперский продовольственный капитал всецело истрачен. Наконец, настроение народных масс повышено, и они не будут переносить так безропотно и покорно страдание и разорение, как это было раньше, и в то же время они не имеют в своем распоряжении никаких легальных средств воздействия на правительство и общество. К тому же правительственная машина дезорганизована несравненно сильнее, чем в 1892 г.

Все это делает положение страны много серьезнее, чем оно было 14 лет тому назад. При данных обстоятельствах опасен и страшен даже относительно небольшой неурожай, если он охватит широкий район, но грозен тот, который теперь выясняется.

Теперь *нельзя допустить без крайней опасности для государства перехода неурожая в голод*. Усилия всех граждан должны быть на это направлены. Конечно, тяжело и досадно, что в такую серьезную историческую минуту, когда живые силы русского общества целиком захвачены разработкой и борьбой за новые формы государственной жизни, на них налагаются еще новые тяжелые и неотложные обязанности, – но изменить это положение не в нашей власти. История не идет логически ясным и простым путем. Русское общество может завоевать себе новые, исторически неизбежные права и иное, более его достойное, положение в государстве не только путем приобретения юридического акта, в котором эти права и это положение определены, – оно

может добиваться их путем фактического удовлетворения своих нужд. Оно не может отложить все вопросы жизни до лучшего будущего, когда в руках его будет правильное народное представительство, будет находиться осуществление законодательной власти.

Неурожай наступил... В борьбе с ним русское общество немедленно должно осуществлять свободную общественную инициативу и самодеятельность, фактический контроль и регулирование деятельности правительственных органов.

IV

Каковы же те меры, которые обязано и может принять в настоящее время русское общество? Как можно предотвратить переход неурожая в голод?

1) Несомненно, одной из первых мер должна быть *передача всего дела народного продовольствия* в руки тех органов управления, которые находятся под более живым, свободным и непосредственным общественным контролем, т.е. *в руки земских учреждений*. Как ни несовершенны эти учреждения и как ни требуют они коренной и широкой демократической реформы, все же их государственная продуктивность, их гибкость и приспособляемость к сложным делам народной жизни не может быть даже сравниваема с деятельностью мертвых местных органов бюрократии. Для этого нечего ждать особых законодательных распоряжений. Уже теперь – вопреки прямому и точному смыслу закона 1900 г. – продовольственный вопрос обсуждается во всей полноте в уездных и губернских земских собраниях; он обсуждается, так, например, даже в Тамбовской губернии, местная администрация которой является одним из самых послушных орудий партии «Гражданина» и «Московских ведомостей». Жизнь берет свое. Шутить с грозной бедой нельзя, и несостоятельность для государственной деятельности Продовольственного Устава 1900 г. ясна всякому.

Для ведения дела необходимы средства и люди. Для их получения необходима совместная деятельность земств всей России, ибо *только при этом условии* с ними будут принуждены считаться, их голос будет быстро услышан в правительственных сферах; только этим путем можно быстро добиться отмены циркуляров, мешающих притоку людей, можно быстро получить средства. Необходимо, далее, чтобы центральное заведывание земской организацией этого дела стояло вне влияния местных администраций, состав которых сильно понизился даже по сравнению с 1891 годом.

В настоящее время такой орган совместной деятельности русского земства имеется в виде общеземской организации помощи раненым на Дальнем Востоке. *Эти готовые кадры земской организации должны быть направлены на борьбу с голодом*. Эта мысль уже теперь ширится в земской среде; ее высказал московский съезд; к ней начинают присоединяться земские собрания (напр[имер], моршанское). Эта организация позволит собрать необходимый фонд для начала деятельности путем ассигнований отдельных земств, пожертвований частных лиц и общественных учреждений; ей должны быть целиком переданы государственные средства для борьбы с неурожаем. Она может иметь большой авторитет в русском обществе в настоящее время, так

как ее деятельность на войне идет на глазах у всех, в общем оказалась вполне целесообразной, успешной, заслужила всеобщее доверие.

2) Но наряду с органами управления борьба с неурожаем должна вестись самим русским обществом. В среде русского общества есть теперь организованные живые силы в виде *профессиональных союзов*. Их задачей должна являться организация помощи на местах. В совместной работе их с земствами может осуществляться живой и свободный общественный контроль над делом народного продовольствия. С помощью местных органов профессиональных и иных союзов общественная помощь может быть организована теперь лучше, чем в 1892 г. Циркуляры, явные и тайные, не могут остановить движения, если только русское общество сознает глубину и серьезность грозящего ему несчастья.

3) Но для всего этого необходимы *средства*. Они могут достигать нескольких миллионов и даже, как в голодный год, многих миллионов. Очевидно, ни частные или общественные средства, ни земские ассигновки для этого недостаточны. По самой сути вещей помощь должна быть доставлена *государством*, но распределена и израсходована обществом и под живым общественным контролем. Дело общества – получить нужные средства своевременно, не дать им придти поздно, как это было в 1891 г. И несмотря на тяжести войны эти средства должны быть найдены. Вопрос идет о сумме, которая тратится в течение двух, много трех недель войны. Очевидно, голод не менее, если не более, пагубен для страны, чем война. Ясно для всякого, что раз война ведется, – деньги на нее, так или иначе, должны быть найдены. Неурожай и голод – та же война, и средства для них так же неотложно должны найтись. Это обычно забывается бюрократией; уже теперь рассылаются земским начальникам циркуляры о необходимости особенно бережного определения размеров нужды, так как государство отягощено войной. Однако было бы пагубно и безумно делать здесь экономию, как пагубно и безумно во время войны экономить в вооружении или продовольствии войск. Средства нужны, их надо найти; общественное мнение должно в этом отношении оказывать давление на государственную власть.

4) Наконец, необходимо выяснить степень и распространение нужды. Здесь мы сразу сталкиваемся с противоречием между наблюдением на местах и различными официальными сведениями. Так, еще на днях, «Торгово-промышленная газета» (30-го июля 1905 г., по агентским телеграммам) дает вполне успокоительные сведения об урожае, а ранее опубликованные ею официальные сведения в некоторых случаях не совпадают с действительностью: напр[имер], в ближе мне известной Тамбовской губернии. В то же время опубликованные сведения Министерства внутренних дел дают иную, более близкую местным впечатлениям картину [3]. Необходимо быстрое и точное выяснение размеров неурожая, местной обеспеченности населения. Конечно, очень много здесь может сделать печать, но она одна не даст быстро общей картины несчастий. Проще всего получить ее в течение 1–2-х месяцев посредством авторитетной *анкеты*, путем публичного опроса нескольких тысяч местных людей. Такая анкета может быть произведена *правительственной комиссией*, заседания которой должны быть гласны и публичны. Это тем более необходимо, что неурожай охватил губернии, в которых нет земства и

местное управление которых слишком рудиментарно и несовершенно, чтобы выяснить размеры бедствия.

Перед нами – три-четыре месяца, в которые надо быть вполне готовым к продовольственной кампании. В эти месяцы надо не только выяснить размеры нужды, добыть средства, – нужно организовать дело. Это организация – дело трудное и во многом неясное. Как помочь скоту? Как добыть топливо в местностях, которые отапливаются соломой, которой относительно еще меньше, чем зерна? Как оказывать помощь: в форме *ссуд*, – как делалось раньше, или в форме безвозвратной помощи, что, по-видимому, является с государственной точки зрения более правильным?

Эти и многие другие вопросы требуют общественного внимания, обсуждения и решения. А между тем они совсем не столь просты и ясны, а русское общественное мнение занято совершенно другими вопросами.

Но серьезность положения требует общественной работы в этой области. К ней надо приступить немедленно и спешно, так как время не ждет, гроза надвигается, надо к ней подготовиться. Русское общество должно сознательно, разумно и мужественно отодвинуть новую опасность, грозящую стране: оно должно помнить, что голод в наше время общественного и народного возбуждения, дезорганизации власти грозит не тем, во что вылился страшный голодный 1891 год.

«Русские ведомости», 4 августа 1905 г., № 209.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В 1891–1892 гг. В.И. Вернадский, Л.Н. Толстой, редакция газеты «Русские ведомости» и группа университетских друзей Вернадского организовали широкую помощь голодающим крестьянам Тамбовской губернии, в которой находилось его имение Вернадовка. (См. *Вернадский В.И.* Отчет о помощи голодающим некоторых местностей Моршанского и Кирсановского уездов Тамбовской губернии в 1891–1892 гг. // *Корнилов А.А.* Семь месяцев среди голодающих крестьян, М., 1892).

2. На местных земских съездах 90-х годов рассматривались в основном вопросы хозяйственной жизни деревни, главным образом об агрономической помощи крестьянскому хозяйству. Съезд земских деятелей, состоявшийся в конце июня 1901 г., принял воззвание к земским гласным обсудить на губернских земских собраниях не только местные, но и общегосударственные вопросы. Одним из проявлений либеральной оппозиции в 1902–1903 гг. были выступления земцев в уездных и губернских комитетах «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности», где выдвигалось требование уравнивания крестьян в правах с другими сословиями. В июне 1902 г. группа земских либералов во главе с И.И. Петрункевичем и П.Д. Долгоруковым основали в Штутгарте журнал «Освобождение»; опубликованная в нем программа содержала требование политических свобод и созыва представительного органа с законодательными правами. 3–5 января 1904 г. на учредительном съезде в Петербурге из земских либералов и представителей буржуазной интеллигенции, группировавшихся вокруг журнала «Освобождение» был создан «Союз освобождения», выдвинувший требование конституции и всеобщего избирательного права. В ноябре 1903 г. был основан «Союз земцев-конституционалистов», в который входили либеральные помещики. Впоследствии из этих организаций выросла кадетская партия. Первый общеземский съезд (6–9 ноября 1904 г.) принял постановление о выработке программы политических реформ: народное представительство, гражданские свободы, равноправие сословий. Второй общеземский съезд (21–26 апреля 1905 г.) наметил организацию народного представительства на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права; съезд земцев-конституционалистов (февраль 1905 г.) положил начало выработке земской аграрной программы. Третий общеземский съезд, состоявшийся 24–25 мая 1905 г., постановил обратиться к верховной власти с просьбой о немедленном со-

зыве народных представителей и избрал депутацию для представления этой просьбы царю во главе с кн. С.Н. Трубецким.

3. Прессе запрещалось сообщать о политических процессах, забастовках, крестьянских волнениях. Многие губернаторы в 1891–1892 гг. пытались скрыть или преуменьшить в своих докладах масштабы бедствия. Земским деятелям с большим трудом удалось пробить «стену молчания».

ТРИ РЕШЕНИЯ

Мысли из жизни

I

Никогда на памяти живых людей вопросы общественной этики не становились перед нами с такой силой и яркостью, с какой они стали ныне, во времена смуты и анархии. В эпоху, когда государственная машина совершенно расстроилась, когда отдельные ее части стали действовать независимо, когда кругом крупные и мелкие агенты власти открыто и на глазах всего мира творят величайшие преступления – убийства, грабежи, поджоги и насилия, когда восстанавливается пытка, – в эту эпоху анархии перед каждым отдельным гражданином вопросы общественного долга и общественной нравственности встают во всем своем величии, настойчиво и властно требуют ясного ответа, требуют действия. Никто не в силах и не может спокойно и холодно закрыть глаза, пройти мимо. Всякий чувствует себя частью целого. Не холодным рассудком и не привычкой подражания создается и поддерживается в эту эпоху гражданское чувство общности. Оно охватывает человека на всяком шагу, оно рождается в крови, в пожарах и страданиях, оно подымается в народном движении.

Перед общим благом и общим будущим отступают и бледнеют мелкие вопросы личной, будничной жизни. Сотни тысяч, миллионы людей с мучением и тоской ищут выхода, живут жизнью целого. В эту грозную и великую минуту вопросы общественной этики требуют от всех определенного, быстрого, ясного решения.

Нередко неуловимое, глубокое и великое, коллективное создание вековой жизни человечества, – общественная этика только в такие минуты не требует обоснования, не требует рассудочных доказательств и построений. Только в такие эпохи бесспорно и безусловно признается всеми существование норм и принципов для всех одинаковой, обязательной общественной этики. Верховной властью охватывает она все проявления человеческой жизни, и не страшны ей отрицания и возражения. Они уходят в глубокие тайники человеческой души, они вернуться, когда пройдет исторический подъем народной жизни. Нормы общественной этики охватили теперь всех, она живет кругом нас со своими велениями.

В разные эпохи исторической жизни ее веления выражаются разное, она сама получает неодинаковые названия, облекается в различные формы. И даже теперь для отдельных людей – для разных темпераментов, характеров, умственных укладов одно и то же гражданское чувство получает иное название и выражение. Для одних оно является в форме гражданского или го-

сударственного патриотизма. Для других оно истекает из альтруистической идеи общего блага, обязательств, вызванных любовью к ближнему, любовью к человечеству, к обездоленным, страдающим и униженным, к Великому Целому – к Богу. Оно коренится для других в понятиях права и справедливости, неразрывно связано с ростом и углублением единичного сознания свободной, мыслящей личности, и в таком случае, в конце концов, исходит из самых глубоких основ всего их умственного существования. Но у *всех* мыслящих человеческих личностей, на основе ли сознательной практической деятельности, религиозного чувства и настроения, философского созерцания или научного мышления в разных оболочках и в разных проявлениях – поднялось и доминирует одно и то же живое чувство и сознание гражданской обязанности, общественного долга, обязательности общественного служения. *Все* ясно сознают существование в жизни обязательных норм социального поведения. Все сознают нравственное право и признают гражданской обязанностью требовать исполнения этих норм, не только от себя самих или от своих единомышленников, но и от всех и каждого, каких бы взглядов они ни держались, какую бы веру они ни исповедовали.

Еще недавно такая мерка поведения личности могла считаться донкихотством, противоречила практической морали здравого смысла. Теперь она вошла в оценку отдельных конкретных случаев, регулирует личное поведение. Теперь переоценивается и шатается давно уже установившаяся рутина поведения, созданная здравым смыслом русского человека, выработанная мелкой и серой русской обыденностью.

Что делать? Как быть? Как найти применение поднявшемуся чувству гражданственности? Как вывести страну из тяжелого кризиса? Что делать для этого отдельной личности? Вот те вопросы, ответа на которые жизнь требует на каждом шагу, забыть которые она никому не дает, от решения которых она никого не освобождает.

И для всех один вопрос стоит с мучительной остротой, ибо он должен быть решен, но не может быть решен с точки зрения привычной нам личной этики, – что делать отдельной личности для того, чтобы вывести страну из тяжелого кризиса, из бедствия? Именно он – этот проклятый вопрос – настойчиво и страстно выдвигает в жизни нормы общественной этики.

Тот или иной ответ на него всецело зависит от практических политических идеалов. Когда наступит прекращение кризиса? Когда жизнь страны и народа войдет в нормальное русло? Когда кругом нас улягутся страсти, возьмет верх обыденная жизнь, огромное большинство населения вернется к текущим жизненным заботам? Когда творческая работа русского общества пойдет вперед без скачков и перерывов?

II

Для одних выход из кризиса заключается в *идеализации прошлого*. Страна вернется к спокойствию, жизнь пойдет нормальным развитием, когда уляжется революционная буря, когда нарушенная ею прежняя государственная жизнь восстановится, в общем, во всей целостности и неизменности или с некоторыми поправками. Прежние цели и задачи государственного бытия должны сохранить свое неизменное значение: внешнее могущество, сильная армия и

сильный флот, рост государственной территории, рост средств, находящихся в руках правительства. Дальнейшее территориальное расширение и неуклонное претворение в единое целое захваченных племен и народов должны давать работу государственной машине. Государство, отождествляемое с правительством, должно быть признано тем благом, которому приносится все в жертву, перед которым стираются интересы отдельных личностей, исчезает личная инициатива. Вековая работа создания сильного единообразного государственного целого должна и впредь неуклонно идти по тому же самому пути, по которому так долго совершалось развитие Российской империи. Перед этой целью все остальные интересы, как бы жизненны они ни казались отдельным лицам или группам населения, имеют значение лишь побочных, вторичных государственных задач; они могут иметь значение лишь постольку, поскольку, они не мешают выполнению основной цели государственного бытия. Интересы народа и человеческой личности растворяются в интересах государства и правительства. Сами по себе они не имеют значения с точки зрения общественной этики. Для возвращения страны в ее нормальное русло должны быть направлены все силы, употреблены все испытанные орудия государственного строительства, хотя бы они были связаны с народным мучением. Благо государства – великая идея целого – должна дать им оправдание, вызвать и определить народное терпение. В эпоху кризиса эти орудия должны быть усилены, каждый мыслящий гражданин должен им содействовать всеми мерами. Эти старые испытанные силы: силы войска, полиции, цензуры, бюрократии, силы государственной церкви. Рамки для деятельности сторонников старого режима готовы: надо войти в них, идти по указанным путям, и нет для них нерешенного вопроса, как быть, как выйти стране из тяжелого кризиса. Есть лишь один вопрос, будящий у них гражданское чувство. Достаточны ли эти средства в их обычном развитии? Могут ли они побороть народное волнение, грозящее разрушить вековые устои общественной, государственной деятельности? И если они недостаточны и не в силах побороть поднявшееся волнение, то что же делать людям, идеалы которых тесно связаны с развитием и продолжением прошлого, старого строя русского государства? Путь их ясен и требует только *дерзания*. В эпоху кризиса *Salus reipublicae suprema lex*. Все средства дозволены, когда надо спасти погибающее великое целое. Нужна лишь последовательность в проведении мер, неуклонность и решительность. Наряду со старой организацией бюрократического государства должна в помощь ей стать подвижная патриотическая организация граждан, защитников старого. И мы видим, как неуклонно и фатально идет развитие в этом направлении. Расходы на полицию и на войска для подавления внутреннего брожения растут с колоссальной быстротой и совершенно не соотносятся ни с какими финансовыми расчетами. Создаются черные сотни. Они проводят проскрипции, убийства, грабежи своих политических противников и их семей. Власть вступила на путь террора, и количество жертв, павших в эти последние месяцы, во много превысило печальную работу до сих пор памятных революционных трибуналов Франции конца 18-го столетия. Мы пережили и переживаем казни более жестокие или по крайней мере равные тем, какие пережиты были современниками Террора [1]. Расстрелы и убийства, совершенные Мином, Риманом, Ренненкампом, Орловым,

Меллер-Закомельским [2] и другими героями Остзейского края, Закавказья, Сибири, Москвы, Тамбовской губернии, ежедневно происходящие в разных углах нашего отечества, соперничают с самыми кровавыми подвигами революционных фанатиков и убийц далекого прошлого, пережитого французской нацией. И если в этом отношении можно еще пока сравнивать работу современных защитников старого режима с трудами якобинских террористов, то в области политической полиции они не имеют соперников. Массовые и тысячные аресты и проскрипции, уже совершенные министерством Витте–Дурново [3] и его помощниками, единственны в мировой истории последних ста–полтораста лет. Едва ли где произвол достигал таких размеров, считал столько жертв, вызывал столько подавленного негодования и будил столько стремления к отомщению, как это он делает теперь, в России, на наших глазах. Мы переживаем в 20-м столетии явление более страшное и ужасное, чем деятельность французских террористов 18-го века или неаполитанских Бурбонов 19-го столетия [4]. И если все же эти удары падают бессильно, не достигают цели, то только потому, что великое народное движение, какое охватило всю Россию и захватило и нас, сильнее их и во много раз могущественнее. Оно явно не может быть остановлено такими примитивными, хотя бы жестокими и ужасными средствами.

Идеологи прошлого – если они хотят его возвращения – не могут действовать иначе. Террор и все ужасы, его сопровождавшие, для них неизбежны, логически правильны. Для них одна надежда, надежда на то, что они раздавят движение и затем на чистой обновленной почве будут строить дальнейшее созидание государственного могущества. Могут ли они это сделать? – вот вопрос. Не подорвут ли они в случае успеха все живые силы страны?

К этим мрачным фанатичным сторонникам старого примыкают все те, материальные интересы которых связаны со старым или кажутся им с ним связанными. Они цепляются за шатающиеся формы отживающего режима, поддерживая их своим пассивным содействием. На них, так же как на идейных сторонников старого, должны лечь все последствия жестокого, но неизбежного террора, и неизвестно, не дрогнет ли их сочувствие, долго ли они будут в состоянии основывать свое благополучие на крови, страданиях и насилии?

Другая группа лиц ищет практических политических указаний в тех или иных формах мыслимого будущего. Она считает неизбежным для спасения страны и для достижения умиротворения полную реконструкцию общественных отношений. Чем полнее и глубже будет произведена эта перестройка, чем быстрее она совершится, тем больше счастья будет внесено в человеческую жизнь, тем сильнее уменьшатся страдания народных масс. Народные массы впервые за многие столетия почувствовали в себе человека; крайние левые партии открыли перед ними заманчивые картины лучшего мыслимого будущего, они забросили в их среду веру в достижимость справедливого распределения материальных и умственных благ, в возможность полного его осуществления в немногие годы или месяцы. Народные массы заволновались, народная мысль пришла в брожение, и на историческую сцену русского государства выступил народ, как в давние времена государственного строительства. И с неслыханной силой выдвинулись вперед его интересы,

его тяготы, его желания – перед ними дрогнула и поблекла громада старого государственного идеала.

Нигде в цивилизованном мире нет таких ужасных, нечеловеческих условий существования, какие царят в России, в каких живет большинство русских граждан. В сложной конструкции русской общественной жизни соединились вместе все самые тяжелые стороны как современного капиталистического строя, так и старинного государственного устройства, где народные массы несут лишь служилое тягло, где они являются рабской безличной основой государственного благополучия. На русский народ выпала фатальным ходом истории доля двойной тяготы; бесправие, полная подчиненность государству, самые элементарные нарушения прав личности, отнятие в пользу государства на чуждые цели внешнего могущества главной части народного труда – соединились с захватом в пользу меньшинства источников народного богатства, с эксплуатацией его труда, тесно связанной с основными условиями современного строя. В тяжелую минуту кризиса надо было сбрасывать двойные цепи, и многим кажется и казалось, что в эту эпоху одним ударом можно снести основы старого строя и заменить их новыми, которые дали бы человеческое существование поработенным классам и слоям русского государства. Опыт государственной жизни более современных организаций человечества, вековая работа теоретиков и программы социалистических партий Запада дали готовые формулы, дали идеи и указания, применение которых кажется этим защитникам интересов народных масс легко и просто осуществимым.

Новый государственный идеал поставил задачей государственной политики благополучие массы населения, теперь обездоленной и приниженной, отдельных классов, ее составляющих. Для того чтобы провести этот идеал в жизнь необходим – по мнению русских «социалистических» партий – захват власти и как практически неизбежный переход к будущему идеальному строю – временная диктатура тех классов населения, в интересах которых должен быть перестроен государственный и общественный строй, диктатура пролетариата или крестьянства. Достигнуть этого, как всякой диктатуры, можно только силой, путем вооруженного восстания или террора. Введение элементов насилия с этой точки зрения неизбежно. Ибо только тогда программа крайних групп русского общества получает практический смысл, перестает быть идеологическим созданием мечтателей. Жизнь требует в настоящее время действия, а не мечтания. В эпоху кризиса выступают вперед практические средства врачевания, а не теоретические диагнозы болезни. Вооруженное восстание и революционный террор выступили вперед; явились попытки их осуществления. Эти попытки столкнулись с военной и полицейской силой, созданной вековой государственной практикой, они столкнулись с жизненными интересами более зажиточных и интеллигентных слоев русского общества, не могущих идти навстречу диктатуре, т.е. порабощению, не желающих менять одного господина на другого. Они столкнулись с неподготовленностью народных масс, с малым распространением и пониманием среди них тех идей, которые должны были быть положены в основу нового строя. И, наконец, они разбились об отсутствие государственной мысли, государственного творчества в среде носителей этих идей, ярко выразившимся, например, в отсутствии практически осуществимой и разработанной аграрной программы, осно-

ванной на выставленных этими группами русского общества теоретических принципах. Террор и вооруженное восстание кончились полным крушением. Настаивая на немедленном проведении сразу своих программ, фатально и неизбежно эти партии будут идти к повторению подобных попыток. Будут ли эти новые попытки удачны – вопрос. Не осуждены ли они на полную неудачу, ибо наличность условий, приведших к их неудаче, ни в чем не уменьшилась и наоборот – она даже усилилась, так как нет той веры, которая сопровождала первые проявления движения? Не приведут ли они в конце концов к бесцельной гибели живых сил русского народа, к торжеству темных сил реакций? Не работают ли они в конце концов pour le roi Prusse, на пользу идеологов прошлого? Сложны обстоятельства жизни и трудно учесть будущее. Трудно представить себе, как долго будет слепо следовать значительная группа народных масс за вождями, выходящими из этих слоев русского общества, как долго она будет давать кадры для вооруженного восстания. Трудно учесть, как долго будут находиться фанатически настроенные отдельные личности или кружки, способные на самопожертвование для террора. Все зависит от хода истории, т.е. находится в области разнообразных возможностей. Все определится прежде всего тем, приобретут ли в русском народе и обществе силу и значение сторонники третьего ответа на великий вопрос, поставленный нам общественной этикой. Этот третий ответ дается *людьми настоящего*.

Идеологи прошлого и мечтатели будущего не охватывают всего содержания, какое может вылиться в нормы общественной этики. Ни те, ни другие не учитывают сложности жизни, заменяют ее схемами и построениями. Но глубоко тайники жизни, и тщетной утопией было бы искать одного ответа на ее запросы. Нельзя единообразно определить нормы отношения личности к совершающимся событиям; ответов на этот вопрос можно дать много; их должно быть несколько. Только при одновременном существовании и при борьбе различных ответов, даваемых разными политическими программами, выкуется в конце концов правильное решение. Каждая программа включает всегда большую или меньшую долю истины; лишь их борьба и состязание дадут жизненно правдивый ответ. Он неизбежно будет более сложен, чем простая схема или создание мысли отдельной личности или группы. Коллективная жизнь требует коллективного решения. Много позже правильный смысл событий, суд истории может быть уловлен ученым исследователем, но он всегда недоступен современникам.

Каждый человек должен искать своего ответа на запросы жизни. Он сам должен дать его, сам своим усилием ввести его в общую суммарную работу человечества. Долгие годы работа политической мысли политических граждан могла учитываться в русской истории крайне слабо, неполно и отрывочно, проходила без всяких практических результатов. Рамки полицейского военного государства давили личную инициативу, не давали спланироваться единомышленникам. Русская политическая мысль была далека от политической деятельности. Она привыкла не считаться со сложностью жизненных отношений, не проходила через горнило действительности. И если политическая мысль не замерла, а была лишь изуродована, то политической деятельности в русском обществе не было вовсе. Русское общество привыкло к разброду, в лучшем случае – к кружковщине.

Все изменилось сразу и навсегда с началом государственного кризиса. Он призвал к действию тех русских людей, которые ненавидели прошлое, но не верили в жизненную правду фантазий и схем далекого будущего. Они хотели создавать настоящее, искать реальных выходов в государственной и общественной жизни современности. К ним пристали широкие слои безразличных групп русского народа и общества. Разно понимают они цели, задачи, средства ближайшего будущего. К разным идеалам хотят направлять государственную жизнь. Среди них есть индивидуалисты, социалисты, анархисты, сторонники буржуазного строя и его горячие противники, сторонники равенства и приверженцы классовых или прирожденных различий – вся бесконечная гамма оттенков, отвечающих сложной форме политической мысли данного времени. И все же у всех этих людей есть общее. Оно соединяет их в одну группу, несмотря на взаимное недоверие, вражду и ненависть. Это общее есть форма их деятельности. Она сводится к политической организации народа. В государственной жизни эта форма деятельности – какие бы цели она ни преследовала – получает исключительное значение, ибо она приводит этих разных далеких людей к одной коллективной работе. На большой вопрос общественной этики, что должен делать отдельный человек для того, чтобы помочь стране выйти из бедствия, чем он может помочь общей беде – у всех у них ответ один: он должен войти в политическую партию, он должен участвовать в ее работах, в ее деятельности.

В конечном результате совместной работы всех партий получается политическая организация народа, та сила, которая в конце концов совершенно реорганизует государство, придает ему новую форму, в которой задачи и цели государственной политики определяются волей организованного народа. Эта воля через посредство борьбы политических партий даст решение всем назревшим вопросам государственной жизни, выведет страну из тяжелого кризиса и анархии. И сделать это может она одна. Чем энергичнее будет организация партий, чем шире она охватит русскую жизнь, тем скорее и полнее прекратится анархия.

Таким образом, в настоящую великую и ответственную минуту народной жизни выяснились три ответа на вопрос об обязанностях и нормах поведения отдельного русского гражданина. Один ответ требует от него энергичного и безусловного подавления всего освободительного движения, другой – налагает на него обязанность участия в вооруженной борьбе с правительственной машиной старого государства. Наконец, третий – приводит к энергичной работе над политической организацией народа, к работе в политических партиях. Только этот третий ответ исключает возможность истощения народных сил, т.е. государственную гибель, которая существует при победе как идеологов прошлого, так и мечтателей будущего.

Иных решений русская жизнь не дала и едва ли может дать. Как ни различны и ни противоположны эти три решения, каждое из них с точки зрения общественной этики дает оправдание людям, пошедшим по указанным ими путям, по своему каждый из них исполняет свой долг, каждый из них вносит сознательность в свое поведение, дает посильный ответ на выдвинутые жизнью вопросы.

Казалось бы, все русское общество – все его сознательные элементы – должны были бы быть захвачены в рамки этих трех различных норм обще-

ственного поведения, раз других типов не выработали. А между тем, близко присматриваясь к окружающему, мы видим существование в стране огромных слоев русского общества, которые остались в стороне от этих группировок, находятся между ними, колеблются в поисках верного пути. Как могут оправдать эти люди свое поведение с точки зрения общественной этики?

«Полярная звезда», 19 марта 1906 г., № 14. С. 163–173.

ПРИМЕЧАНИЯ

Статья вторично опубликована с купюрами в журнале «Слово». 1990. № 2. С. 45–17.

1. Речь идет о Великой Французской революции 1789–1794 гг., о терроре, развязанном якобинской диктатурой летом–осенью 1793 г., жертвами которого стали не только «контрреволюционеры», но и представители городского плебейства, так называемые бешеные. По приговору революционного трибунала была казнена королева Мария-Антуанетта и многие жирондисты. Для подавления движения в провинциальные города и департаменты Конвентом направлялись комиссары с очень широкими полномочиями. По словам А.И. Герцена, «Конвент завесил на время статуэтку свободы и поставил гильотину стражей «прав человеческих»».

2. Мин Г.А. (1855–1906) – полковник, командир гвардейского Семеновского полка. Один из руководителей подавления вооруженного восстания в Москве в декабре 1905 г. Ему принадлежала инструкция «арестованных не иметь и действовать беспощадно», которая была дана карательной экспедиции, действовавшей на Московско-Казанской ж.д. За расправу над восставшими был произведен в генерал-майоры. Убит членом партии эсеров.

Риман Н.К. (1864–1917) – полковник. Во время вооруженного восстания в Москве в декабре 1905 г. командовал карательной экспедицией на Московско-Казанской ж.д. Учинил расправу над революционерами и местными жителями на станциях Сортировочная, Перово, Люберцы и др.

Ренненкампф Павел Карлович (1854–1918) – генерал. Во время Русско-Японской войны командовал Забайкальской казачьей дивизией. В 1905–1907 гг. с карательным отрядом участвовал в подавлении революционного движения в Восточной Сибири. В начале Первой мировой войны командовал 1-й армией Северо-Западного фронта. Во время Восточно-Прусской операции 1914 г., имея в резерве пять кавалерийских дивизий, не оказал помощь 2-й армии генерала А.В. Самсонова, был одним из главных виновников ее поражения, а затем и поражения самой 1-й армии. В Лодзинской операции 1914 г. в результате его действий удалось выйти из окружения германской группе войск генерала Р. Шеффера. После этого Ренненкампф был отстранен от командования армией. Расстрелян в 1918 г. в Таганроге по приговору революционного трибунала.

Орлов А.А. – генерал-майор, командир Уланского Ее Величества императрицы Александры Федоровны полка, приближенный императрицы. В 1905–1906 гг. возглавлял карательную экспедицию в Прибалтике. Умер в 1908 г. от чахотки.

Меллер-Закомельский А.Н. (1844–?), барон, генерал. В 1905 г. участвовал в подавлении Севастопольского восстания моряков, в 1906 г. вместе с Ренненкампфом возглавлял карательную экспедицию на Сибирской ж.д. В октябре 1906 г. был назначен прибалтийским генерал-губернатором, жестоко подавлял революционные выступления в Латвии и Эстонии. После Октябрьской революции эмигрировал.

3. Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – крупный государственный деятель, граф. С февраля по август 1892 г. – министр путей сообщения, с августа 1893 по 1903 г. – министр финансов, с 1903 г. – председатель Комитета Министров. С октября 1905 г. по апрель 1906 г. – председатель Совета Министров.

Дурново Петр Николаевич (1844–1915) – министр внутренних дел в кабинете Витте. По отношению к революционному движению оба были сторонниками жестких мер.

4. Речь идет о событиях в Неаполе в мае 1848 г. В результате конфликта, возникшего между неаполитанским королем Фердинандом II и радикальными депутатами парламента, стремившимися к демократизации избирательной системы, в город по приказу короля были введены войска. Началось восстание, которое было быстро подавлено. В Неаполе было объявлено военное положение и начался кровавый террор.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ И «ВНЕПАРТИЙНЫЕ»

Мы переживаем время трудное, ответственное и вместе с тем великое. От того, *как мы*, поведем себя в эти месяцы и годы, во многом зависит будущее нашей страны. Может быть, никогда еще не стояла перед отдельным человеком такая ответственная нравственная задача, какая стоит теперь перед нами. Ибо теперь мы можем влиять не только на судьбу свою или своей семьи, своих детей – мы участвуем в строении будущего, кладем камни сооружения, которое определит судьбу поколений. Такая задача выпадает на долю немногих, и впервые в истории нашей родины она встала перед нами. Окажемся ли мы на высоте этой исторической работы? Сумеет ли мы отнестись к ней с тем великим вниманием, какого она требует, с той вдумчивостью и сознательностью, при каких только и возможно правильное решение этого сложного вопроса нашей совести, нашего гражданского долга.

Нам надо решать вопрос – *как быть и как действовать*. И при его решении мы должны помнить, что мы связаны целою сетью нитей крепких и неразрывных со всею жизнью и всякое наше решение, – даже решение ничего не делать, – не является безразличным; оно перевешивает чашку весов в ту или другую сторону. Капля долбит камень; от отдельных сознательных действий отдельных людей складывается коллективное решение русского общества, всего народа. И никогда еще единичный голос не имел такого решающего значения в этом общем действии, как в настоящее время, никогда еще он не мог производить такого влияния на весь ход жизни.

Посмотрите на выборы, происходящие кругом: нередко один голос решает судьбу выборов – вперед проходит или член партии народной свободы или враг народной свободы – член собрания русских людей [1]. Я недавно вернулся с выборов в глухом углу Тамбовской губернии; выборщики проходили двумя-тремя голосами. Каждый голос был на счету. Трое избирателей, – из беспартийных, – считающие себя более левыми, чем конституционалисты-демократы, по каким-то причинам не приехали. Партийных обязательств они не брали, хотя и обещали поддерживать конституционно-демократическую партию. Они были «свободны», и в результате они дали возможность провести нескольких реакционных выборщиков, своим отсутствием помогли реакции; не желая и ничего не делая, *действовали* в общественной жизни в прямом противоречии со всеми исповедуемыми ими верованиями, в союзе со своими злейшими врагами. Это и понятно. Нет теперь воли, нет теперь возможности выйти из жизни, как бы кто ни хотел этого. Не то ли самое недавно видели мы на выборах рабочих, где ошибочная тактика социалистических партий усилила реакционные элементы, принесла вред и нанесла удар тому самому рабочему классу, интересы которого стоят впереди всего для этих партий. Уклоняясь от выборов, сознательные элементы рабочих усиливали правые партии, буржуазные слои русского общества. На днях в Москве среди дворян были выборы в Государственный Совет. Один голос дал перевес крайнему представителю ультрареакционных воззрений, который прошел первым. Можно быть разных взглядов на значение этих выборов, но нельзя отрицать значения одного голоса, давшего перевес известному общественному течению...

Итак, помимо нашей воли жизнь ставит каждого из нас в такое положение, когда, даже того не сознавая, мы участвуем сильно и могущественно, незаметно для самих себя и для других, в ее строении. Это налагает на нас особую ответственность, это должно заставлять нас выйти из безразличия к общественной жизни, в каком находилась и находится добрая часть русских граждан и русского общества. А вместе с тем, помимо такого чисто личного, хотя с нравственной точки зрения и решающего мотива, глубокий кризис, переживаемый страной, – кризис, который выпадает на долю народам и государствам только раз в тысячелетнюю их историю, – сам по себе настоятельно требует от нас напряжения всех наших сил, нашего беззаветного участия в общественной жизни в данный момент, ибо мы сами, составляя плоть от плоти, кость от кости русского народа, не можем жить вне и отдельно от русской жизни. Наше участие в жизни мы должны и можем определять, исходя только из соображений нравственного долга, гражданской обязанности. Общее благо должно стоять впереди личных интересов и привычек.

И вот с этой точки зрения были выдвинуты в русской жизни *четыре* различных формы поведения. Одна из них выдвинута защитниками старого режима: она требует от русских людей напряжения всех сил для борьбы за это старое, для борьбы с освободительным движением, а так как старое не может быть возвращено, иначе, как путем насилия, – она требует участия каждого русского гражданина в этом насилии – в произволе, казнях и т.д., кровавым покровом, густой удушливой мглой охватившими русскую жизнь. Другая форма поведения указывается мечтателями, верящими в возможность быстрого и скорого переустройства в немногие месяцы или годы всех государственных и общественных отношений, в достижимость социального переворота одним мощным усилием толпы, несоорганизованного народа. Очевидно, и это возможно только путем насилия и путем перехода власти в руки тех людей, которые верят в достижимость и правильность предлагаемых решений, возможно только путем *диктатуры*, а диктатура достижима только путем вооруженного восстания или организованного террора. Участвовать в них и призывают русских граждан сторонники этих идей. Я не буду останавливаться на обсуждении форм поведения, которые предлагаются этими двумя течениями русской жизни, ибо теперь, перед выборами, решающее значение в русской жизни имеют те люди, которые не считают возможным идти по этим путям, не верят им или считают их вредными и опасными.

Остановлюсь на других выдвинутых жизнью программах поведения. Одна из них призывает всех к *участию в партиях*, к вступлению *в ту или иную политическую партию*. Другая предлагает каждому остаться вне партий, действовать в профессиональных союзах, в отдельных кружках или просто в одиночку, сохранить полную свободу, выбирать путь-дорогу согласно ходу событий и обстоятельств, ничем не связывая свою волю и свое решение. Никаких других путей, кроме этих четырех – реакции с белым террором, вооруженного восстания с красным террором, участия в партиях и свободной внепартийной деятельности нет и быть не может.

Что значит *участие в партиях*? Может ли это сравниться по силе и значению с теми на первый взгляд *реальными*, всеми чувствуемыми и ясно сознаваемыми предложениями, которые провозглашаются крайними правыми и крайними левыми? Представляет ли из себя предлагаемый нами путь в ко-

нечном итоге что-нибудь с ними сравнимое по силе и значению? Является ли он более быстрым и сильным средством для достижения цели? Является ли этот мирный путь более могущественным, чем пулеметы и тюрьмы, бомбы и покушения? Для меня не существует сомнений, что это – путь более верный, более сильный и более скорый для достижения государственного спокойствия, народного блага, для роста и развития нашей страны и для прекращения народных бедствий и страданий, чем все другие пути, как бы на первый раз могущественны они ни казались. И для того, чтобы убедиться в этом, посмотрим, что значит участие в партиях, в идеале, в том случае, когда *все* граждане войдут в партии. Тогда мы получим *политическую организацию народа*. Тогда, вместо разрозненной и разъединенной народной массы, вместо отдельных лиц, слабых и бессильных воплотить в жизнь то, что они считают нужным для народного блага и для народного счастья, – весь *народ* будет организован и благодаря этому получит возможность воплощать в жизнь, проводить в нее все то, чему он будет верить, чего он хочет. Конечно, немислимо и невозможно, чтобы весь народ объединился в одну партию, имел одну мысль и одну душу, – партий будет несколько; но в их борьбе проявится и выяснится *воля организованного народа* в лице той партии, которая будет призвана таким путем к власти, и эта воля представляет из себя такую решающую силу, перед которой должно склониться *все*, которой ничто в стране не будет в состоянии долго противиться. А потому, когда мы призываем вас сплотиться вокруг партии народной свободы, войти в ее ряды и дружно и вместе стремиться к достижению народного блага, в путях и рамках, выработанных партийной программой, мы верим и убеждены, что так будет создана сила, которая, наконец, даст вздохнуть исстрадавшейся стране, выведет народ на путь правильного развития. Мы верим, что в борьбе партий идеалы и программа партии народной свободы получают народный голос, ибо они, по нашему убеждению, отвечают его интересам и дают максимум того, чего можно – по соотношению реальных сил – добиться в данный момент.

Прошло четыре месяца, партия народной свободы только-что организуется, она переживает первые шаги своей политической жизни, борется за свое существование в жестокой и суровой обстановке военного положения и чрезвычайной охраны [2]. Колесо судьбы начинает медленно поворачиваться в ее сторону. Десятки тысяч ее членов рассеяны по всей стране, и к ней начинает обращаться народная масса, посылая ее членов своими выборщиками. Силы еще нет, но чувствуется ее рост, ее приближение, становится реальной возможность ее быстрого проявления. Для того, однако, чтобы эта сила сделалась фактом, для того, чтобы она определила судьбу родной страны, надо одно: надо, чтобы не десятки тысяч, а *сотни тысяч, миллионы* русских граждан сплотились вокруг нашей программы. И это – не утопия, это все теперь чувствуют. К этому мы призываем всех, ибо это есть единственный путь прекратить и сделать невозможным произвол и насилия, гнетущие русскую землю, остановить анархию правительственных органов, расхищение народных средств, разрушающих русскую жизнь. Произвол и насилия, анархия власти невозможны в стране, где народ составляет политически организованное целое, обладающее органами, могущими выражать его волю и его мысль, – политическими партиями и их комитетами. Политическая организация народа есть самое могучее средство для того, чтобы сделать навсегда невозможным

повторение ошибок и несчастий настоящего. Без всяких сомнений и колебаний можно утверждать, что самым сильным, самым быстрым, самым верным и самым мирным путем к прекращению кризиса, переживаемого нашей родиной, является организация политических партий и политическая организация народа. Идя этим путем, мы готовим новую, молодую Россию – Россию, которая рождается на наших глазах, великое будущее которой нам так близко и дорого. Создавая ее, мы работаем не только для России, но и для всего человечества. Россия будущего – Россия народная, демократическая. При ее создании поставлены в настоящий момент на наше разрешение задачи, которые выходят далеко за пределы одной страны, которые требуют государственного творчества, создающего формы лучшего будущего для всего человечества. Впервые в истории большая политическая партия, не имеющая классового характера, ставит так последовательно и решительно идеи политического равенства и социальной справедливости, как это делает конституционно-демократическая партия. Нам первым приходится создавать демократический строй, обеспечивающий свободу личности в ее современном понимании, в огромном государстве, занимающем 1/7 часть земной суши, разнообразном по составу и по культуре, при необходимости одновременно восстановить его политическую силу, разрушенную маньчжурскими авантюрами, хищническим хозяйничанием наглой и невежественной бюрократии. Ясно для всякого, вдумывающегося в политическую жизнь, что без политической силы нельзя достигнуть в государстве необходимых, широких и справедливых социальных реформ. Но как соединить вместе политическое могущество и обеспечение широкой свободы личности в таком огромном государстве, как Россия? Это возможно лишь путем организации последовательной, широкой, своеобразной местной автономии. По этому одному вопросы местной автономии, выдвинутые конституционно-демократической партией и введенные ею в обиход политических интересов русского общества, получают большое значение в политической жизни. Они требуют творчества. Вот стороны, которые придают партийной деятельности особый отпечаток, дают ей смысл и значение помимо преходящих интересов момента, быстро переживаемого времени. Ими мы касаемся вечных вопросов идеального будущего [3].

Таким образом участие в работе партии не только осмысливает общественную жизнь каждого ее члена, но вместе с тем вводит его в великую коллективную работу всего человечества, ибо, работая для своей страны, он в то же время участвует в такие моменты в создании новых форм общественной жизни человечества...

Мы далеки еще от политической организации народа. Нас еще слишком мало. Идут выборы, в которых участвует меньшинство русских граждан, но и в этом меньшинстве только немногие, наверно, много меньше 10%, принадлежат к партийным организациям. Остальные – дикие и тайные адепты партий. И все же вхождение в русскую жизнь организованного меньшинства оказалось решающим, определило все формы политической жизни, определило поведение и тех слоев русского общества, которые не пристали ни к одной партии, думали, что могут оставаться свободными в своем общественном поведении. Эта их свобода оказалась иллюзией.

В самом деле, что приходится делать в настоящий момент этим внепартийным гражданам? Многие из них остаются совсем в стороне, не принима-

ют участия в избирательной борьбе, живут иностранцами в своем отечестве. Нередко, сочувствуя идеям крайних правых или крайних левых, они не сочувствуют лишь их тактике и потому не принимают участия в активной деятельности этих групп русского общества. Вследствие этого их общественное значение становится в высшей степени странным и двусмысленным. В зависимости от своих идей, сторонники более левых воззрений, – социал-демократы, социал-революционеры, республиканцы, на словах, не вступающие в соответствующие партии и не принимающие участия в выборах, на деле повышают шансы более правых партий, работают на пользу и славу своих врагов, играют в жизни роль, диаметрально противоположную своим принципам. То же самое делают правые – они помогают своим левым противникам. Будущий историк русской жизни, вероятно, с удивлением остановится перед этим фактом, и трудно отнести к этому противообщественному явлению с достаточно сильным осуждением. Это – порождение долгого рабства, результат векового, развращающего действия бюрократии на широкие слои русского общества.

Но внепартийные могут играть и играют другую роль. Они могут принимать участие в избирательной кампании – в прессе или подачей своего голоса. При этом они могут всецело подчиняться на это время дисциплине партии, которая наиболее близка им по своим воззрениям, и в таком случае приносят *minimum* общественной работы, которая требуется обстоятельствами жизни от русского гражданина. Они всецело руководятся в жизни нормами субъективной этики, а в общественных вопросах выбирают готовую, выработанную другими схему поведения. Однако это – самое важное и самое нужное, чего может в настоящее время требовать русское общество от внепартийных. Время упущено, поздно организовываться, когда нужно подавать голос. Русский народ может требовать от них подачи голоса, и они могут подать его *без вреда*, лишь подчиняясь спискам партий.

Наконец, среди внепартийных есть группы совсем «диких», которые вотируют по своему разумению, отрицают и поддерживают партии по своим настроениям и вкусу. Их роль безусловно вредна со всякой точки зрения, ибо они вносят анархию в русское общество, разрушают политическую организацию народа, вопреки собственному желанию и убеждению, работают в пользу реакции. Они забывают, что мы переживаем совершенно особое время исторического перелома. В нем нет места единичной партизанской борьбе; залог победы лежит в концентрации сил, в действии *массами*. Лишь отдельные, исключительные личности имеют в это время право, не вредя обществу, идти своим путем.

С каждым новым успехом партий, положение внепартийных будет становиться все более и более невыносимым и с общественной точки зрения двусмысленным. Рано ли, поздно ли, они должны выйти из своего противообщественного настроения. Чем скорее и полнее они это сделают, тем ближе будет победа освободительного движения.

Но это – дело будущего, хотя и ближайшего. Пока совершится их организация, они должны решать практический вопрос выборов. С нравственной точки зрения для них здесь один выход – на этот момент они должны войти в ряды политических партий, подать голоса по их спискам и по их указаниям. В этом теперь патриотический долг каждого русского гражданина.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. примеч. 2 к статье «Патриотизм и черная сотня».

2. Учредительный съезд кадетской партии состоялся 12–18 октября 1905 г. в Москве. 29 ноября 1905 г. был опубликован Указ, предоставлявший местным властям право объявлять без санкции правительства положение усиленной и чрезвычайной охраны для борьбы с забастовками на железных дорогах, почте и телеграфе; 2 декабря изданы «Временные правила» об уголовной наказуемости за участие в забастовках; 14 декабря издан Указ «О правилах чрезвычайной охраны на железных дорогах» (действовавших до начала Первой мировой войны). Ряд городов и губерний был объявлен на военном и чрезвычайном положении.

3. Программа кадетской партии, принятая на учредительном съезде, по важнейшему вопросу о государственном устройстве высказалась довольно туманно; II съезд кадетской партии (в январе 1906 г.) сформулировал это положение более определенно: «Россия должна быть конституционной и парламентской монархией. Государственное устройство России определяется Основным законом». Важное место отводилось реформированию местной власти: программа указывала на необходимость реорганизации местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права, т.е. на бессловных началах. Судебная реформа также предусматривала очищение судебной системы от сословных пережитков. Что касается национального вопроса, программа требовала восстановления конституции Финляндии, обеспечивающей ей «особенное государственное положение», предоставление автономии Польше при условии сохранения государственного единства. В ряде случаев допускалось введение областной автономии и образование областных представительных собраний, избранных на основе всеобщего избирательного права. Центральным пунктом национальной программы было требование культурного самоопределения народностей, входивших в состав Российской империи. В области гражданских прав и политических свобод программа содержала требование равенства граждан, свободы совести и вероисповедания, свободы слова, печати, собраний, союзов, неприкосновенности личности и жилища, свободы передвижения и отмены паспортной системы.

Аграрный вопрос решался путем принудительного отчуждения частновладельческих земель за выкуп. Причем отчуждению подлежали только земли, сдающиеся в аренду или обрабатываемые крестьянским инвентарем. Отчуждению не подлежали так называемые образцовые хозяйства, т.е. хозяйства, основанные на капиталистических началах. Первоначально аграрная программа кадетов предполагала создание государственного фонда для надления безземельных и малоземельных крестьян за счет государственных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных земель, а также части помещичьих земель, отчуждаемых за выкуп. В II Государственной Думе требование создания государственного земельного фонда было снято из кадетского аграрного законопроекта.

По рабочему вопросу кадетская программа содержала требование 8-часового рабочего дня, свободы рабочих союзов, собраний, стачек.

В вопросах просвещения кадеты выступали за отмену всех ограничений при поступлении в школу, связанных с полом, национальностью, вероисповеданием; автономию, университетов и т.д. (Подробнее см.: *Шелохаев В.В.* Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983).

О ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ*

Государственный Совет, реорганизованный 20 февраля 1906 г. – если его оценивать с точки зрения государственной целесообразности – несомненно представляет из себя одно из самых неудачных и самых бесцельных созданий бюрократического законодательного творчества последних месяцев [1].

В его создании сказались два взаимоуничтожающих течения. С одной стороны, не исчез старый страх администрации и двора перед Государствен-

* Обращаем внимание читателей на политическую важность предлагаемой статьи, автор которой проф. В.И. Вернадский – член Государственного Совета. – *Ред. журнала «Свобода и культура».*

ным Советом, все время в течение столетней его истории не дававший ему выйти из узких рамок и в конце концов приведший его в приниженное и унижительное современное положение. Неуклонно и последовательно в течение столетия проводился принцип внешнего почета, огромного вознаграждения и декорума власти Государственного Совета при полном фактическом его подчинении, беспомощности и приниженности перед велениями всемогущей министерской бюрократии и дворцовой камарильи. Государственный Совет стал их послушным орудием и не мог постепенно развиваться в какую бы то ни было форму представительства страны, оставшись первым и единственным созданием недоконченного, едва начавшего осуществляться государственного плана Сперанского [2]. Опасение оппозиции Государственного Совета приняло в среде бюрократических вершителей судеб России форму традиционного страха перед Государственным Советом, *страха* перед ним, как перед чужеродным телом в самодержавном строе российского государства. Их обуяла боязнь, что Государственный Совет может вдруг и неожиданно – при малейшем послаблении – раскрыть скрытые и заложенные в нем оппозиционные силы. Страх напрасный – ибо это чужеродное тело давным-давно выродилось в невинный бюрократический придаток и в верного слугу того самого строя, к уничтожению которого оно – по идее – должно было служить первым шагом. В своей безумной и растерянной деятельности последних месяцев придворно-бюрократические сферы не могли однако избавиться от этого пустого детского страха, хотя условия жизни давно привели к другому, более верному, сильному и глубокому разрушению самодержавного строя, чем то его изменение, какое могло когда-то произойти путем реорганизации и оживления Государственного Совета.

Этот страх сказался в том, что Государственный Совет по своему устройству – оставляя в стороне его состав – является по манифесту 20 февраля [3] зависимым от министерства и придворных течений. Председатель и его товарищ назначаются *de facto* придворными влияниями. Лишь накануне открытия Совета, 26 апреля 1906 г., положение назначенных членов стало более устойчивым, но перемещение в число «неприсутствующих» остается и теперь могучим средством влияния короны, как это сказалось на гр[афе] Витте. Выбор этих членов и количество их ничем не обусловлены; внутренний регламент Госуд[арственного] Совета, давно передавший всю фактическую власть в руки Госуд[арственного] секретаря и канцелярии, не зависимых от Госуд[арственного] Совета, сохраняется целиком. Сохранилось даже назначение членов в департаменты и т.д. Этим путем придворно-бюрократические сферы сохранили огромное и могущественное влияние на Государственный Совет и, не желая того, связали его по рукам и ногам, окончательно лишили его авторитета, силы и значения. Государственный Совет гораздо более стеснен в своей деятельности, чем Государственная Дума, и это совершенно не понятное с точки зрения здравого смысла обстоятельство едва ли может получить иное объяснение кроме чисто психологического – традиционного страха, воспитанного вековым навыком и привычками в среде двора и министерских канцелярий. Правда, и интересы тех слоев русского общества, которые привлечены в состав Государственного Совета, далеко не во всем совпадают с интересами бюрократии и правящих сфер. Эти слои – чиновничество, белое и черное духовенство, дворянство, губернские земские собра-

ния, советы университетов и Академии наук, биржевые комитеты – имеют свои интересы, традиции и желания. Некоторые из них, как советы университетов и Академии и многие губернские земские собрания, не раз выступали в последние годы в рядах оппозиционного освободительного движения, с которым они неразрывно и по существу связаны. Их интересы и желания в корне и непримиримо противоположны чаяниям и желаниям придворной бюрократии. Интересы торгово-промышленного класса, духовенства, широких кругов чиновничества едва ли будут всегда совпадать с интересами двора и министерства – они даже совсем не должны были бы совпадать с ними в данный момент, если бы их представители правильно оценили свое положение и вполне учли происходящее в стране движение. Но все это не могло, бы заставить неведомых, закулисных правителей России ограничить права и силу Государственного Совета по сравнению с правами Государственной Думы – в лучшем случае они могли бы заставить их сделать права этих учреждений *равными*. Уменьшение прав Государственного Совета вызвано не разумными соображениями, не логикой. Оно произошло благодаря отсутствию творческого и государственного ума и понимания положения дел, которое блестяще проявляет за последнее время русское правительство, благодаря тому, что все правительственные меры последних месяцев диаметрально противоположны тем целям, ради которых они принимаются, что Россией управляют не государственные люди, а полицейские и дельцы, не поднимающиеся выше соображений минуты, невежественные и не знающие русской жизни.

В данном случае это влияние традиционного страха, может быть, сослужило и хорошую службу делу свободы, оказалось не во вред интересам России. Ибо созданное им «положение» не даст Государственному Совету обратиться в ту силу, которую желали создать из него вдохновители манифеста 20 февраля, и неизбежно вызовет в нем оппозиционное настроение к правящей бюрократии, стесняющей его деятельность и принижающей его достоинство. Благодаря этому Государственный Совет одновременно явится слабым по сравнению с Думой и в то же время по существу враждебным к правящей бюрократии.

А между тем новая организация Государств[енного] Совета создана была под влиянием иных надежд и иного течения. Из Государственного Совета хотели сделать вторую палату и противопоставить эту *вторую палату* палате народных представителей – Государственной Думе. Государственная Дума, образованная на основании совершенно нелепого избирательного закона, должна была главным образом состоять из земледельцев-крестьян. Если бы правительству удалось провести выборы в нее под достаточным давлением, если бы в стране не сложились политические партии, если бы интеллигенция страны вся состояла из сторонников бойкота [4] и внепартийных – победа правительства была бы полная. К счастью, политические партии, приспособленные в своей организации к выборам – образовались. Крупная политическая ошибка, совершенная вождями социалистических партий, не понявшими хода событий и провозгласившими бойкот, не имела тех губительных последствий для дела свободы, какие она могла иметь. Точно так же и деятельность внепартийных, этих прямых преемников исконной русской кружковщины, несмотря на огромный вред, какой она принесла организации политических партий и на дезорганизацию, какую она внесла в наиболее прогрессивные

круги русской интеллигенции, в общем не могла остановить хода русского освобождения, властно требовавшего в данный момент создания могущественной прогрессивной оппозиционной партии. Деятельность политических партий – и главным образом партии народной свободы – усилия сотен тысяч людей в различных уголках русской земли ослабили правительственное давление на выборы. Победа партии народной свободы и проникновение в число крестьянских депутатов многих независимых прогрессивно настроенных людей явились следствием этой работы и совершенно разрушили все надежды правительственных советчиков на послушную, малоосведомленную крестьянскую Думу. Вместо нее мы получили Думу, в среде которой находится ряд крупных общественных деятелей, Думу, богатую опытом и специальными знаниями, на две трети составленную из искренних друзей и борцов за русскую свободу [5]. Против *этой* Думы Государственный Совет не может и не должен бороться. Государственный Совет – в его современном составе – мог бы иметь значение по сравнению с той Думой, какую иногда рисовал в своих разговорах и своем воображении бывший русский премьер [6], с серой невежественной Думой «русских мужичков» – но не может иметь силы и значения перед Думой, большинство которой примыкает к партии народной свободы, а представители крестьянства в которой настроены прогрессивно и представляют из себя передовые ряды нового крестьянства будущего – представителей великой будущей демократии.

В идее создания второй палаты из Государственного Совета – если только можно искать общих идей в русском законодательстве последнего времени – лежит стремление сосредоточить в законодательном учреждении силы, привыкшие к общественной работе, представителей знания, административного опыта, капитала и землевладения. В опасении очень радикального решения некоторых поставленных жизнью вопросов и в предположении малого государственного навыка будущей Государственной Думы правительство думало создать противовес ей в реформированном Государственном Совете и выдвинуть в его лице реакционный тормоз. Выборы в Думу совершенно разбили эти мечтания. Связанный сверху, Государственный Совет не имеет опоры и снизу, не имеет корней в стране. Все те учреждения, на которые мог бы опираться Государственный Совет, или ничтожны по своему современному значению, представляют давно уже замершие исторические пережитки, как дворянские собрания, или явно враждебны придворно-бюрократической реакции, как советы университетов и Академии, или сами подлежат коренному изменению при том обновлении русской жизни, какое ставится историческим роком, как губернские земские собрания, организация православной церкви, биржевые комитеты. Жизнь ставит на разрешение государственных людей такие задачи, которые не могут быть заторможены этими подлежащими уничтожению или реформированию учреждениями, перед которыми вся сила их исчезает.

Жизнью выдвинуты два коренных вопроса, которые должны быть разрешены *во что бы то ни стало*. С одной стороны, в России неизбежно установление свободных условий личной и общественной жизни на принципах равенства, а с другой – коренное разрешение земельного вопроса. Эти две задачи, великие и огромные, каждая в отдельности, неизбежным ходом событий соединены вместе и должны быть разрешены одновременно. И они будут

разрешены тем или иным путем – путем ли насильственной и кровавой или путем относительно мирной революции. Жизнь дошла до такого предела, что эти вопросы будут или разрешены легальным путем сверху, или взяты силою снизу. Ибо их коренное разрешение является неизбежным условием самого существования российского государства; их разрешение стало исторической необходимостью. *Salus reipublicae suprema lex*. В самом деле, принципы свободы глубоко проникли и все глубже проникают в широкие массы русского народа; их не могут отсюда искоренить никакие репрессии, их движения и распространения не могут задержать никакие репрессии, их движения и распространения не могут задержать никакие жестокости. Свобода становится все более и более необходимой, как воздух, для всякого русского гражданина, и каждый видит в ее осуществлении единственное средство улучшить свое тяжелое материальное и духовное положение, будущее своей семьи. Общему стремлению к свободе – при таком настроении – не могут быть поставлены никакие преграды. В лучшем случае они задержат потоками крови это стремление на немного лет, и затем будут сметены вместе с теми, кто их поставил и, может быть, вызовут распадение государства.

К этому присоединилось и другое сознание – *ясное сознание* неспособности придворно-бюрократического режима управлять судьбами великого государства в мировой международной жизни. Благодаря невежеству и неспособности правящих сфер Россия низведена на роль слабого и бессильного государства, огромные средства, извлеченные из населения с безумной расточительностью, привели народ к обнищанию, но не создали государственного могущества; созданный вековой историей крепкий государственный механизм совершенно расшатан. Единственным выходом является коренная политическая реформа государства, переход власти в руки самого народа, ибо только при этом условии возможно – в настоящую эпоху – правильное развитие и существование государства. Строй России соответствует тем условиям, какие существовали сто-полтораста лет назад. Теперь на мировую арену выступают демократические государства, деятельность и жизнь которых направляется усилиями всего *народа*, во главе которых свободной конкуренцией и общими усилиями поставлены лучшие, наиболее способные, энергичные или приноровленные к политическому руководству люди нации. Современные государства управляются коллективной волей и умом всей нации, тогда как Россия ведется случайно составившейся кучкой придворной знати. Во главе современных государств, быстро демократизирующихся, становится цвет нации – а у нас он безжалостно уничтожается и губится во внутренней борьбе. Безумно и преступно с государственной точки зрения думать, что при таких условиях международной политической жизни Россия может сохранить свою силу, значение и даже целостность при какой-нибудь частичной реформе своего обветшалого, давно мертвого государственного строя. Позорная для нас война с Японией – одна из тех фатальных случайностей, которые неизбежны, пока власть, благодаря русскому государственному строю, будет находиться в руках людей, которые не в состоянии ориентироваться в сложных условиях современной жизни. Нельзя команде и кормчему XVIII столетия вести сложный государственный корабль XX века. Нельзя безопасно жить среди государств нового типа старомодному государству прошлого. И в международной государственной жизни идет борьба, и выживают лишь более приспособлен-

ные; с каждым днем увеличивается количество нитей, связывающих нас с жизнью всего человечества; всемирная история охватывает весь земной шар, и государственная опасность для целостности и силы России от ее неправильной организации становится все грознее и серьезнее. Реформа государственного строя должна быть коренная и решительная; этого властно требует дальнейшее существование государства – *salus reipublicae* – как в своих внутренних основах – народном самосознании, так и в его внешнем положении – в условиях мировой жизни.

Совершенно так же благо и дальнейшее существование государства требует решительной и коренной аграрной реформы, не допускает никаких мелких паллиативов. Колоссальная аграрная реформа, предположенная партией народной свободы, представляет при данных исторических условиях тот *minimum*, который только и может укрепить силу государства, вызывается исторической необходимостью, удовлетворит первые и главные народные желания. Исконное, вековое стремление народа к земле в настоящую минуту вылилось в *ожидание* близкого его осуществления. Это ожидание не может быть обмануто и, если не будет удовлетворено, выльется в форму пугачевщины. Быстро или медленно последняя будет подавлена – вопрос неважный, ибо в том и в другом случае она представляет потрясение государства, – может привести его к разложению. Широкие слои населения России – великороссы, малороссы, белорусы, инородцы – никогда не мирились с частным землевладением; оно поддерживалось кровью и вооруженною силою. Народ протестовал века – явно и скрыто – и ожидания «слушного часа», «черного передела» [7] были живы поколения, передавались от отцов и дедов. И теперь мелькнула возможность осуществления вековой народной надежды! Неужели она может быть остановлена? Разве есть в стране для этого какая-нибудь сила? В огромной части России частное землевладение есть дело новое; мал и беден положительный результат частновладельческого хозяйства с точки зрения государственных интересов. Его не могут поддержать ни традиции, ни польза и необходимость для государственного благополучия. *Ничто* не может искоренить из народного самосознания стремления к земле, особенно теперь, когда представители народа прошли в Государственную Думу. Их требование земли, их взгляд на аграрную реформу не может быть отодвинут в сторону – он должен и он будет удовлетворен, ибо за ним и за ними в этом вопросе стоит весь стомиллионный народ России. Но и по существу дела та же аграрная реформа и то же ее разрешение вызывается объективным явлением народного разорения. Народная нужда велика, и *нет* другого более быстрого и сильного способа ее удовлетворения, нет иного быстрого средства подъема народного благосостояния, как значительное наделение трудящегося земледельческого класса землею. Это – единственная разумная мера государственного вмешательства. Все другое, что предлагается, все бледнеет по силе, по быстроте возможных результатов и по своему значению в сравнении с этою реформою. Если земельная реформа и не есть панацея и многими считается за паллиатив, то все другое еще дальше отходит от сущности дела. Для *данного момента* это единственная реформа, настоящее разрешение бедствия дня. Таким образом, и народное самосознание, и интересы государства одновременно требуют коренной аграрной реформы.

«Свобода, равенство и земля» – необходимы русскому народу, и реформы, им отвечающие, неизбежны для существования, для развития, для могущества русского государства.

Может ли противиться их осуществлению Государственный Совет? На что и на кого он может опираться? И не безумие ли думать, что можно из него создать тормоз Государственной Думе при разумном стремлении ее к этим народным требованиям, отвечающим в то же время государственному благу России?

Государственный Совет не может и не должен идти против Думы при решении этих вопросов. На него выпала другая историческая задача. Найдут ли члены Совета достаточно патриотизма, смелости и государственного разума для того, чтобы выполнить свою историческую задачу – вопрос другой; это покажет ближайшее будущее. Государственный Совет стал *между* Думой и бюрократическими правящими кругами помимо своего желания; он поставлен в это тяжелое, невозможное положение вопреки своей воле. Время бежит – требуется быстрое решение. Вся страна с замиранием ждет результатов работы Государственной Думы. Может ли она что-нибудь сделать или правы те, которые верят только в вооруженное восстание? Государственный Совет поставлен в такое положение, что ему *первому* придется перед всем народом, на глазах у всех дать ответ на то, что может ждать Русская земля от Государственной Думы, ибо без него и помимо него ни одно решение Думы не может дойти до Монарха. Великая и тяжелая ответственность пала на Государственный Совет. Судьба истории дала на его долю ускорить решение Думы или вызвать пагубный конфликт, первому бросить искру пожара. Он *должен стать на сторону Государственной Думы*. Во имя государственного блага и спасения русского государства от кровавой распри и разложения, он обязан всеми мерами помочь Думе в ее тяжелой и трудной работе успокоения и обновления русской жизни. И если патриотизм и сознание государственного блага помогут ему подняться над мелкими личными интересами, над старыми привычками, над узкими классовыми и сословными интересами, – он выполнит свою историческую задачу, отгонит грозные сумерки будущего.

Поймет ли Государственный Совет всю серьезность того положения, какое переживает русское государство? Или он подымет пламя пожара.

«Свобода и культура», 1 мая 1906 г., № 5. С. 329–339.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 20 февраля 1906 г. был опубликован манифест «Об изменении учреждения Государственного Совета и о пересмотре учреждения Государственной Думы». Государственный Совет преобразовывался из совещательного органа в верхнюю палату парламента, получившую законодательные права наравне с Государственной Думой. Изменялся и состав Государственного Совета. В него входили члены по назначению, т.е. назначаемые царем, и по выборам «от духовенства господствующей в России православной церкви, от дворянства и земства, а также представители науки, торговли и промышленности». Общее число членов по назначению не должно было превышать общего числа членов по выборам. Законопроекты представлялись на рассмотрение царю после рассмотрения и одобрения их Государственной Думой и Государственным Советом. Государственному Совету предназначалось стать противовесом Думе.

2. Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) – крупный государственный деятель в царствование Александра I и Николая I, автор проекта государственных преобразований в России «Введение к уложению государственных законов». Целью его проекта было преобра-

зование государственного строя страны, превращение России в конституционную монархию, реформирование всех государственных учреждений на основе строго проведенного принципа разделения властей. Созданный в 1810 г. Государственный Совет являлся лишь небольшой частью этого обширного плана.

3. Члены Государственного Совета по назначению подразделялись на «присутствующих» и «неприсутствующих». В Указе «Учреждение Государственного Совета» от 26 апреля 1906 г. говорилось: «Состав присутствующих в Совете членов по высочайшему назначению может быть пополняем из числа сих членов как не присутствующих в Совете, так и вновь назначаемых. Члены по высочайшему назначению увольняются только по их о том просьбам...». Список членов Совета, назначенных к присутствию, объявлялся каждый год. Не включенные в него члены Государственного Совета, «неприсутствующие», имели это звание как почетное отличие. Такое положение позволяло избавляться от членов Государственного Совета, выступавших с критикой правительства. В списке членов Государственного Совета по назначению, опубликованном 27 апреля в «Правительственном вестнике», С.Ю. Вите не значился. Он был назначен «к присутствию в Государственном Совете» на 1906 год позднее – 30 апреля Именным высочайшим указом.

4. Бойкотировали выборы в I Государственную Думу большевики по решению Таммерфорской конференции РСДРП (12–17 декабря 1905 г.).

5. Имеется в виду думская фракция кадетской партии, а также трудовики, автономисты и внепартийные, голосовавшие в начале работы Думы вместе с кадетами.

Трудовики – «Трудовая группа» – фракция мелкобуржуазных демократов, крестьян и интеллигентов в Государственной Думе. Возникла в апреле 1906 г., насчитывала от 97 до 107 человек. Лидерами фракции являлись А.Ф. Аладьин, С.В. Аникин, С.И. Бондарев, И.В. Жилкин и др. Основными программными положениями трудовиков были: народовластие, всеобщее избирательное право, демократические свободы, передача всех земель, в том числе и помещичьих, крестьянам при национализации всех земель, кроме крестьянских наделных и частновладельческих, не превышавших «трудовой нормы».

Автономисты – партия союза автономистов – представители национальных районов в I Государственной Думе: польское коло, эстонская группа, латышская группа, литовская группа, группа западных окраин, украинцы, мусульмане.

6. Речь идет о С.Ю. Вите.

7. «Слушной час», «черный передел» – известные выражения, обозначающие передел земли в пользу тех, кто на ней работает.

В ЗАЩИТУ АМНИСТИИ

⟨...⟩ Акад. А.А. Шахматов и проф. В.И. Вернадский в поданных ими записках указывают на необходимость ходатайствовать о полной амнистии ⟨...⟩

В.И. Вернадский, между прочим, говорит, что к полной амнистии заставляют склоняться:

«1) Широкое ожидание амнистии в разнообразных слоях русского общества. Волнение в обществе не прекратится, пока амнистия не будет дарована. Неполная амнистия не даст достаточного удовлетворения.

2) Под влиянием правительственных репрессий в обществе накопились сильное озлобление и желание отмщения. Это озлобление ищет выхода и накапливает известный отпечаток на всю нашу общественную жизнь.

Нельзя достаточно переоценить значение этого озлобления, если мы придем во внимание, что количество лиц, так или иначе, по вине или безвинно, пострадавших за эти месяцы, считается десятками тысяч. Такая полная амнистия может положить предел росту этого очень глубокого общественного настроения, которое грозит в ближайшем будущем серьезными осложнениями.

3) Правительство не будет в состоянии противиться общественному мнению и вынуждено будет пойти в этом отношении на уступки. В конце концов оно придет к полной амнистии. Лучше дать ее сразу, так как иначе постепенные уступки на этом пути лишат эту меру ее успокаивающего характера.

4) Государственная Дума выставила уже вопрос о полной амнистии по указанным делам в своем обращении к Монарху [1]. Иное решение Государственного Совета или должно быть ясно мотивировано, или создаст ненужный конфликт с Государственной Думой. Этот конфликт окажется вредным для достоинства Государственного Совета, если, согласно просьбе Думы, амнистия будет дарована Государем более полная, чем на такую согласен Государственный Совет [2].

5) Прекращение наказания за все те преступления, какие таковыми не являются при конституционном строе Российской Империи, является актом справедливости. Что же касается дел, связанных с уголовными преступлениями, но совершенных ради политических целей, то преступления эти не могут впредь иметь место при новом строе, а потому освобождение совершивших их лиц от дальнейшего наказания не представляет опасности для общества. Ввиду того, что наказание в современном государстве не может иметь характера возмездия, мотив уединения преступника может и должен являться единственно возможным. Было бы более правильно отдать этих лиц на суд присяжных, нелицеприятный и авторитетный суд с участием общества, ибо в обществе в последнее время глубоко вкоренилось недоверие к коронному суду, тесно связанному в таких делах с деятельностью Министерства внутренних дел и Отдельного корпуса жандармов. Однако возбуждение массы таких дел, поднимая вновь старое и иногда забытое, едва ли может быть желательным для успокоения общества».

«Дума», 3(16) мая 1906 г., № 5.

ПРИМЕЧАНИЯ

Опубликовано в газете «Дума» под заголовком «Государственный Совет об амнистии». Как следует из сообщения, приведенный текст записки В.И.Вернадского в Государственный Совет, представляет собой отредактированное журналистом краткое изложение документа. Данный заголовок (в квадратных скобках) дан составителем настоящего тома.

1. В ответном адресе Государственной Думы на тронную речь императора в день открытия Думы, обсуждавшемся 2–5 мая 1906 г., содержалось ходатайство об общей политической амнистии. (Государственная Дума. Созыв I. Сессия 1. Полный стенографический отчет. СПб., 1906.)

2. Вопрос об амнистии поднимался на заседании Государственного Совета 3 мая 1906 г. при обсуждении ответного адреса на приветствие императора. (Государственный Совет. Стенографические отчеты. Сессия 1. СПб., 1906.)

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА 4 МАЯ 1906 ГОДА

Прежде чем начать говорить, я должен сказать, что не могу обещать, что не буду повторять тех доводов, которые говорились раньше. Сознательно я, конечно, повторять их не буду. Я считаю невозможным для Государственного Совета принять адрес, составленный большинством Комиссии [1]. Мне кажется что в адресе, который мы в настоящую минуту обсуждаем, должен

отражаться переживаемый нами исторический момент. Этот момент является моментом исключительной важности. Это необычное время, это время совершенно исключительное, и государственное учреждение, которое так или иначе имеет законодательную функцию, не может, подавая адрес – единственное средство обращения к Верховной Власти, не остановиться на тех обстоятельствах, которые вызываются исключительными условиями переживаемого нами времени. Между тем, ни в адресе, ни в речах предыдущих ораторов я совершенно не вижу этого отражения. Отражение исключительного момента могло быть двояко, или в программе тех реформ, которые Государственный Совет считает возможным проводить в настоящее время, или в указании тех необходимых мер, которые должны быть приняты раньше всего, чтобы стало возможным дальнейшее правильное течение нашей жизни. В первой части, которая должна заключать реформы, намечаемые Государственным Советом, я ничего не вижу, кроме общих мест, которые совершенно не отвечают той минуте, которую мы переживаем. Если мы вдумаемся в первую часть проекта, то ровно ничего не найдем. Должен сказать, что я вообще не считаю для Государственного Совета важным намечать в настоящее время программу будущих реформ. Государственный Совет не сплотился еще в целое, а потому едва ли может выступить с определенной программой. Гораздо важнее я считал бы, чтобы Государственный Совет высказал некоторые положения относительно тех мер, которые связаны с серьезностью переживаемого момента. В этом отношении адрес содержит некоторый намек, но намек, выраженный с такими оговорками и так осторожно, что он лишается своего содержания. Это – намек на амнистию. И то, что должно походить на амнистию, в сущности не амнистия. Когда мы слышали предыдущих ораторов, мне казалось странным, что ими как будто не сознается серьезность того положения, в котором находится Россия. В речи Ф.Д. Самарина [2] предлагается самым спокойным образом следовать тому пути, который привел нас к несчастной войне со всеми ее результатами. Граф Витте [3] уверяет нас, будто мы пережили революцию. Мне кажется, что это иллюзия и иллюзия опасная. Если наиболее яркие вспышки революции и погасли, то все-таки порядка, даже самого внешнего, еще нет. Для достижения же его надо согласовать с жизненной практикой те обещания и реформы, которые до сих пор существуют лишь на бумаге. Среди таких мер выделяются прежде всего две: одна – согласовать министерство с настроением Думы, другая – амнистия. Граф Витте сомневается, чтобы амнистия могла водворить спокойствие, так как водворению спокойствия мешает ненависть. Никто, конечно, не предполагал амнистией врачевать социальную ненависть. Можно, однако, сказать, что без амнистии спокойствие не может быть достигнуто и с этой точки зрения амнистия является мерою государственной необходимости. Конечно, эта мера не нормальная. Но мы переживаем исключительное время, а в исключительное время надо прибегать к героическим средствам.

Повторяю, это средство не нормальное, но средство, выработанное веками. При этом для достижения порядка и спокойствия этою мерою не предлагается ограничиваться, а ей должны сопутствовать органические мероприятия государственного строительства.

Затем посмотрим, имеет ли это средство значение. Мы должны оценить его с двух точек зрения. Во-первых, заявление Н.С. Таганцева о количестве

лиц, заинтересованных в амнистии [4]. Он несколько уменьшил количество лиц, которых касается амнистия. Я пытался сделать об этом опровержение раньше. Мне кажется, что количество лиц, не реально заинтересованных в амнистии, достигает не ста тысяч, а миллиона... Дело в том, господа, что в настоящее время – во всяком случае так было недавно – около 20 000 человек находилось в ссылке и заключении. Если мы примем во внимание, что все они имеют семьи, то уже окажется, что до 80 000 человек тесно связаны с участью этих лиц. Если еще прибавить их друзей, знакомых и приятелей (всякий знает – какое впечатление вызывает каждый арест, как он проникает в самые широкие и разнообразные круги), то число непосредственно заинтересованных в амнистии окажется далеко свыше ста тысяч. Нельзя также упускать из виду, что волнения и аресты бывают чаще в среде, являющейся наиболее энергичной и делающей то, что называется общественным мнением. Лица, которые были подвергнуты заключению, несомненно относятся к этому явлению не так, как те, которые не были им затронуты и не подвергались политической каре. Если мы примем все это во внимание, то мы поймем, почему идея амнистии глубоко проникла в среду русского общества и почему стремление к амнистии нельзя ничем искоренить. С другой стороны, несомненно, что отсутствие амнистии создаст совершенно невозможные условия деятельности для новых законодательных учреждений. Если будут оставлены в ссылке и тюрьме лица, связанные с движением прошлых месяцев, то раздражение общества будет продолжаться, негодование – расти. Благодаря строгим репрессиям, неудачным и ложно принятым мерам – пало сознание законности. Появился самосуд, достигавший прямо диких размеров. Амнистия придержит общественное возбуждение и даст время для проведения органических реформ. При этом полная амнистия произведет наиболее глубокое впечатление, и чем сильнее это впечатление, тем глубже и шире будет успокоение.

Печатается по тексту: Государственный Совет: Стенографические отчеты. Сессия 1. Заседание 3, 4 мая 1906 г. С. 21–22.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. На заседании 3 мая 1906 г. была создана комиссия из 17 членов Государственного Совета под председательством А.С. Ермолова для обсуждения проекта «всеподданнейшего адреса» Государственного Совета императору в ответ на приветственное слово Николая II Государственному Совету и Государственной Думе, произнесенное 27 апреля 1906 г. в Зимнем дворце по случаю открытия новых российских законодательных учреждений. 4 мая обсуждался 3 проекта адреса: проект большинства членов комиссии, в котором речь шла о частичной амнистии, проект Д.И. Багалей, где предусматривалась полная амнистия и проект четырех членов комиссии, которые вообще не упоминали амнистию. До В.И. Вернадского, выступившего в самом конце заседания, за полную амнистию высказались его коллеги по «академической» группе членов Государственного Совета видные русские ученые А.С. Лаппо-Данилевский, А.А. Шахматов, автор проекта о полной амнистии проф. Д.И. Багалей. В то же время резко против любой амнистии высказались кн. Н.Ф. Касаткин-Ростовский, П.А. Сабуров, Ф.Д. Самарин и преосв. Антоний.

2. Самарин Федор Дмитриевич (1858–1916) – член Государственного Совета от дворянских обществ, известный земский деятель. При обсуждении проекта адреса он, в частности, заявил: «Для того, чтобы новый порядок мог действовать правильно и целесообразно, для того, чтобы новые учреждения могли работать на пользу родине, чтобы они не подвергались влиянию извне, влиянию течения опасного для государства, нужно подавить это течение, нужно

остановить его и дать возможность русскому народу работать мирно и спокойно при условиях, дарованных верховной властью...» (Государственный Совет. Стенографический отчет. Сессия 1. Заседание 3, 4 мая 1906 г. С. 16).

3. В речи графа С.Ю. Витте, только что уволенного с поста Председателя Совета Министров, содержались следующие соображения: «Должны быть указаны те лица, которые пострадали несоответственно их вине при переполохе, который разыгрался за время с октября до февраля, а переполох этот был не что иное, как сильнейшая революция. Но я буду против всяких мер, которые могли бы создать новую революцию, ибо это было бы величайшим несчастьем для нашей родины». (Там же. С. 19). См. также примеч. 3 к статье «Три решения».

4. Таганцев Николай Степанович (1843–1923) – член Государственного Совета по назначению, правовед, криминалист. На заседании 4 мая подчеркнул: «Наконец, нельзя забывать, что с октября по март арестовано около 23 000 человек. Все это ведь люди живые, у них есть родные и близкие и, если мы будем считать и их, то страдающих окажется по меньшей мере 100 000». (Там же. С. 6).

АМНИСТИЯ КАК АКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ

В широком обсуждении вопроса об амнистии в русской печати и в русском обществе, мне кажется, все еще недостаточно подчеркивалось ее *политическое значение*, ее необходимость и неизбежность для дальнейшего более правильного, менее бурного течения русской жизни. Я хочу здесь остановиться на необходимости амнистии с государственной точки зрения, так как думаю, что в конце концов этот мотив может и должен иметь решающее значение при обсуждении всех вопросов текущей жизни, по крайней мере, в ныне переживаемый критический период нашей истории.

Амнистия, т.е. *формальное забвение* государством прошлого по отношению к политическим явлениям со всеми последствиями, может касаться как так называемых политических преступлений, так и настоящих преступлений, совершенных с политической целью. Она имеет задачей быстрое успокоение общества, быстрое прекращение поднявшейся в обществе ненависти, чувства отмщения, раздоров и знаменует собою возвращение к спокойной жизни. Согласно с этим, она постоянно применялась и применяется после восстаний, бунтов, после общественных волнений, гражданской войны; всюду она применяется тогда, когда острый период миновал и когда есть надежда достигнуть успокоения и возвращения к нормальным – новым или старым условиям жизни. Теоретически амнистия такого характера должна быть *полная*, практически, однако, в иных условиях тот же результат может быть достигнут и неполной амнистией, но это вопрос чистой практики, который здесь нет надобности рассматривать. Ясно, что цель политической амнистии может быть достигнута, когда она полная; но насколько та же цель может быть достигнута какой-нибудь ограниченной амнистией – неясно, а потому я буду говорить только о политическом значении *полной амнистии*.

Для того, чтобы выяснить себе значение амнистии, надо ясно представить себе: 1) количество лиц, которые в ней заинтересованы, и 2) то впечатление и настроение в обществе, какое создается отсутствием амнистии и которое может быть прекращено только провозглашением амнистии. В настоящее время количество лиц, арестованных и высланных, томящихся в ссылке или в тюрьмах, достигает 20 000 человек, может быть, превышает это количество. Если

счесть их *семьи*, непосредственно, конечно, с ними переживающие весь ужас политических кар, то это число должно быть увеличено до 80–100 000 человек. Если же причислить сюда всех их друзей, приятелей и знакомых, – то мы едва ли ошибемся, если скажем, что количество лиц, так или иначе *непосредственно* заинтересованных амнистией, *достигает сотен тысяч человек*, и в том числе наиболее живых, сознательных, энергичных русских граждан. Но это число далеко не выражает всего количественного значения амнистии, ибо ее отсутствие означает *продолжение* той же судебной и административной практики, которая привела нас к переполнению тюрем. Это мы видим и теперь. В таком случае в амнистии непосредственно заинтересованы и все те, которые хотя теперь и освобождены, но уже раз испробовали административное воздействие. Даже чужие арестованным или сосланным, они неизбежно близки им в настроении, чувствуют все ими переживаемое, так же как их семьи или друзья и знакомые. С середины октября до сих дней количество лиц, которые во всей России были арестованы или сосланы, достигает сотен тысяч человек, а считая их семьи, их друзей и приятелей, – мы приходим к миллионным цифрам... Все это – люди, *реально* – помимо всяких теорий и идей – сознающие значение амнистии, и если мы представим себе, что это как раз те люди, которые составляют большинство среди тех, которые делают русское общественное мнение, – мы поймем, *почему* амнистия так популярна, ее ждут так горячо, за нее стоят такие широкие и глубокие слои русского народа...

Одновременно с этим в русском обществе все растет негодование, подымается стремление к отмщению за все те обиды, какие оно вынесло во время подавления осенних революционных вспышек [1]. Вернее даже, *после* подавления революционных вспышек, ибо то, что особенно возбудило общество и подняло рост оппозиции, была та расправа, какая совершалась с неслыханной в русской истории последних лет жестокостью представителями власти во всех местностях Российской империи *по окончании и по подавлении* революционных вспышек. В общественное сознание глубоко вкоренилось убеждение в участии отдельных представителей местной и центральной администрации в преступлениях и погромах, которые производила чернь в разных городах и селениях [2]. Смертные казни без суда целыми сотнями, истязания в тюрьмах – еще более внесли тяжелого в общественное сознание [3]. При полной безнаказанности лиц, виновных в этих преступлениях, – наказание тысяч других людей, виновных в меньших или хотя бы таких же преступлениях, не может считаться актом справедливости. Почва законности вырвана у общества, ибо закон применяется только *к одной стороне, не всегда*.

В результате явилось искание *самосуда*, самосуда нередко жестокого и глубоко преступного. Мы видим рост этого самосуда – учащение убийств, и наряду с этим продолжение прежней политики, не прекращающей убийства, но их питающей. В русском обществе широко сеются и всходят семена глубокой ненависти, стремления к мести, легкого отношения к человеческой жизни – эти предвестники гражданской войны.

При таком настроении сохранение внешнего порядка – правда, очень плохого, т[ак] к[ак] не проходит и дня без убийств и покушений, – прежними средствами является опасным для будущности государства. Тысячи людей в ссылке и в тюрьмах являются могучим ферментом, возбуждающим общество.

А огромные средства, направленные на производство этой, едва ли раньше бывшей полицейской работы, охватывая все большее количество людей, все глубже и глубже разъединяют русское общество на два враждебных лагеря. Друзья, знакомые и даже дети группируются... И грозно в будущем столкновение этих двух враждебных сил, которые скоро могут оказаться непримиримыми; опасно разъединение общества, которое вскоре может оказаться неисправимым.

Я не вижу никакого другого средства положить этому быстрый предел, кроме политической амнистии, полной и всеобщей, без оговорок. Она необходима как акт чисто политического характера.

Никакое другое средство для достижения общественного успокоения не указывается противниками амнистии. Наоборот, они предлагают нам вести государственную созидательную деятельность на фоне продолжения прежней административной политики. Они ставят творческую государственную работу в самое неблагоприятное положение и предлагают продолжать идти все по тому самому опасному и пагубному для блага России пути, по которому шли русские правительства в течение последних двух лет. Они предлагают упорно продолжать делать ту же политическую ошибку. Мы видим, куда этот путь ведет: он, в конце концов, делает потрясение государства все более глубоким и сильным. Но правильная государственная работа не может быть совершаема без достижения элементарного общественного успокоения, а это успокоение может наступить лишь тогда, когда в общество проникнет сознание, что изменились не только бумажные основы законодательной деятельности, но и формы административной практики, и когда оно реально почувствует наступление новых условий государственной жизни. Без амнистии это невозможно.

Амнистия представляет для этого старинное средство еще древней государственной мудрости, многократно испытанное и проверенное в разных странах, во все времена государственного строительства.

Конечно, *одна* амнистия недостаточна для установления более нормальных условий государственной жизни, но *без нее* достижение их совершенно невозможно.

«Реформа», 7(20) мая 1906 г., № 31.

ПРИМЕЧАНИЯ

Статья вторично опубликована в «Независимой газете» 5 марта 1994 г.

1. Имеется в виду сентябрьская стачка московских рабочих и Всероссийская октябрьская политическая стачка, охватившая 120 городов России и сотни фабричных и станционных поселков.

2. После 17 октября 1905 г. по стране прокатилась волна черносотенных погромов. Наиболее кровопролитными были события в Одессе и Киеве. При расследовании действий киевской администрации был сделан вывод, что главным виновником киевских событий являлся исполняющий должность губернатора Т.Л. Рафальский, а также военные власти. Полиция сама нередко направляла погромщиков, а действия местных властей выглядели как самоустранение и попустительство действиям погромщиков.

3. Продолжавшие действовать в 1905–1907 гг. «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» (изданное в 1881 г.) и «Положение о местностях, объявленных состоявшими на военном положении» (1892 г.) открывали широкий простор для произвола местных властей. Сроки судопроизводства по этим положениям со-

крашались до 24 часов, что практически исключало возможность обжалования и пересмотра приговоров. Из 4698 лиц, судившихся в 1906 г., по данным отчетов военного министерства, на основании этих положений к смертной казни было приговорено 254 человека. (Подробнее см.: *Полянский Н.Н.* Царские военные суды в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1958).

ПИСЬМА О ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ

I

В то самое время как Государственная Дума заседает каждый день, выделила ряд комиссий по нескольким вопросам, начала обсуждение нескольких важных законопроектов, Государственный Совет находится в полном, абсолютном бездействии. Фактически он до сих пор не организовался и совершенно не выяснилась его работоспособность. В нем долго не было председателя, нет ни одного вопроса для обсуждения, кроме проверки выборов и выработки внутреннего регламента, который едва ли может быть установлен в учреждении, характер работы которого составляет до сих пор загадку.

В общем, оба эти учреждения, Дума и Совет, созданные среди столкновения самых разнообразных течений, при стремлении значительных и влиятельных кругов сделать их неработоспособными (ибо власть находилась и находится в руках лиц, едва ли искренно желающих установления конституционного режима в России), несомненно, не могли быть организованы правильным образом. Сделано, кажется, все чтобы иметь возможность затормозить на законном основании их работу во всякий данный момент. Дума, однако, так или иначе выходит из созданного ей тяжелого положения. Не имея в течение нескольких недель ни одного законопроекта, переданного ей министерством (факт едва ли возможный в другой стране), она сумела проявить свою инициативу в обсуждении законов, несмотря на то, что эта инициатива была обставлена условиями, делавшими ее, казалось, несуществующей. По точному смыслу закона, Дума могла бы, и то не наверное, приступить к обсуждению своих законопроектов лишь через месяц после заявления о том в общем собрании, т.е. лишь в середине или в конце июня 1906 г. Но Дума обошла это первое препятствие путем юридических толкований, и теперь уже началось обсуждение аграрного вопроса, законопроектов об уничтожении смертной казни, неприкосновенности личности, равноправности и т.д. [1]. Неясна только дальнейшая судьба выработанных Думой законов. Вместе с тем Дума энергически стремится осуществлять свое право участия в управлении, и нет никаких сомнений, что столкнувшееся с ней министерство должно будет так или иначе скоро выйти в отставку. Это – вопрос немногих дней или недель... [2].

В совершенно ином положении находится Государственный Совет. При его создании – еще меньше чем при создании Государственной Думы – преследовались цели государственного характера, цели связанные с правильной организацией народного представительства. На скорую руку и спешно старый Государственный Совет был переделан в учреждение, имевшее наружный облик второй палаты. Но эта переделка делалась в целях политических, а не государственных. Учреждение Государственного Совета должно быть поставлено наряду с такими мерами внутренней политики, как опубликование

25-го апреля основных законов или заключение займа перед самым открытием Государственной Думы [3]. Это – все политические ходы, которыми придворные круги и министерство думали обеспечить сохранение старого режима в новых формах народного представительства. В манифесте 17-го октября не было ничего сказано о Государственном Совете, и по его контексту можно было думать, что Совет не будет поставлен между Думой и Монархом. Опубликование закона 20-го февраля [4], установившего современный строй Государственного Совета, явилось совершенной неожиданностью для русского общества. По-видимому, одновременно должны были быть опубликованы и основные законы, почему-то запоздавшие.

Почва для новых функций Государственного Совета была до такой степени не подготовлена, что он не мог быть приспособлен к новым условиям деятельности в течение двух месяцев, предшествовавших его открытию. Очень характерной чертой Государственного Совета по сравнению с Государственной Думой, с которой он получил равные права в области законодательства и «управления» (если к этой области отнести ограниченное право запроса), несомненно должно быть отнесено отсутствие у него самостоятельности во внутреннем ведении дел. А между тем только самостоятельность внутренних распоряжений и позволила Думе начать свою деятельность. Государственный Совет, в отличие от Думы, лишен права выбирать председателя, товарища председателя и секретаря. Они все назначаются, причем государственный секретарь определяется из посторонних лиц, не являющихся членами Совета. Таким образом, все ведение дел в Государственном Совете всецело изъято из ведения самого учреждения. Едва ли может существовать в таких условиях какая бы то ни была «вторая палата»!.. Мало того, назначенные члены по положению 20-го февраля являются сменяемыми и могут быть легко перемещаемы из числа присутствующих в неприсутствующие (т.е. при известных условиях лишаются содержания). Однако вскоре в новом, как бы кодифицированном, издании Учреждения о Государственном Совете 26-го апреля, напечатанном в «Правительственном Вестнике», эти пункты изложены иначе, и назначенные члены стали по закону несменяемыми. Но при открытии Государственного Совета в Высочайше утвержденном списке назначенных членов 27-го апреля они были утверждены *только на сессию 1906 г.* и таким образом несменяемость стала для них опять фикцией; они несменяемы лишь в течение сессии! В то же время в новой редакции Учреждения о Государственном Совете 26-го апреля 1906 г. перемещение из числа присутствующих в неприсутствующие обставлено некоторыми, не совсем правда ясными оговорками; но в то же время 27-го апреля два таких видных члена Государственного Совета, как гр[аф] Витте и Манухин [5], оба бывшие министра, оказались переведенными в разряд неприсутствующих вопреки точному смыслу статьи закона 26-го апреля. Потребовался новый Высочайший Указ от 29-го апреля, чтобы исправить эту «ошибку» или «случайность» ...Эти колебания и совершенно противоположные решения – на пространстве нескольких дней – указывают чрезвычайно характерно и ярко на влияние закулисной борьбы каких-то чуждых Государственному Совету сфер и интересов. Они лишний раз подчеркивают зависимость Государственного Совета от придворно-бюрократических кругов, зависимость совершенно отсутствующую в Государственной Думе.

Спешная организация Совета сказалась и в назначении его президиума. Не могло быть найдено и подготовлено лицо, которое бы решилось занять трудную и ответственную должность председателя Государственного Совета. Ни для кого не было тайной, что назначенный на эту должность гр[аф] Сольский, председатель старого Совета, по болезненности и преклонным летам может исполнять эти обязанности, в крайней случае, одну сессию [6]. В действительности он был в состоянии провести только одно заседание, был сейчас же заменен ст[атским] секретарем] Фришем – товарищем председателя (тоже назначенным), а 10 мая 1906 г. совсем вышел в отставку [7]. С тех пор прошло много дней, и только 21-го мая состоялось новое назначение ст[атского] секретаря] Фриша. Таким образом, в критическую и серьезную минуту государственной жизни Государственный Совет долго оставался без председателя и уже по одному по этому не мог функционировать.

Это все явно показывает, что Государственный Совет не был создан как вторая палата, как необходимое звено в определенной системе конституционного устройства страны. Его надо рассматривать не с этой, государственной, а с политической точки зрения.

Русское общество так и отнеслось к Государственному Совету. Оно увидело в нем средостение между народными представителями – Государственной Думой – и Монархом. Его значение стали искать в стремлении правящих кругов сделать фактически невозможной реформаторскую деятельность Государственной Думы. Стали считать, что Государственный Совет, по идее его создателей, не должен пропустить ни основных политических законов, ни аграрной реформы, выработанных Думой. Этим определилось враждебное отношение к Государственному Совету самых разнообразных и очень широких кругов русского общества. Этим было вызвано и указание Государственной Думы в ответном ее адресе на необходимость уничтожения Государственного Совета. Единственные прения в Государственном Совете, по поводу его ответного адреса, несомненно должны были укрепить, а отнюдь не рассеять эти опасения...

Организация Государственного Совета установлена так, что она неизбежно должна вызывать трения и конфликты с Государственной Думой, причем в иных случаях эти конфликты не могут быть разрешены никаким разумным путем и должны приводить к государственным потрясениям. Такая организация была бы невысказана, если бы в основе создания Совета лежала государственная мысль, а не политический интерес минуты, если бы при выработке закона 20-го февраля принимались во внимание одни интересы России, а не интересы одной определенной партии [8]. Исходя из государственных соображений, ни один разумный государственный человек не мог бы выдумать такое устройство из двух палат, при котором в самом начале их деятельности стал неизбежным конфликт между ними при разрешении как раз тех самых вопросов, быстрое и коренное разрешение которых является в данный момент государственной необходимостью. Конфликт между двумя палатами может происходить везде, но в других странах различие между двумя палатами или вызвано исторически сложившимися условиями их организации и с течением времени приведено жизнью к известному *modus vivendi*, или их организация выработана так, что она не ставит две палаты друг против друга на каждом шагу. В России никакой исторической

традиции не было; была полная возможность создания народного представительства любым образом; даже если бы власть пришла к убеждению в необходимости создания двух палат, – эти палаты могли быть созданы так, чтобы они не мешали друг другу. В действительности было сделано как раз наоборот... Это может быть объяснено или ошибкой, – следствием невежества или слабости государственного творчества, – или политическим расчетом, при отсутствии желания создать сильное народное представительство, могущее правильно функционировать. Как бы то ни было, ко многим тяжелым испытаниям нашей родины в смутное и серьезное время нами переживаемое, прибавлено новое – невозможность правильного функционирования двух палат, задержка и остановка всей законодательной деятельности, конфликт между двумя палатами.

Все это вызвано: 1) организацией состава Государственного Совета и 2) предоставления ему прав, равных с правами Государственной Думы.

Состав Совета таков, что он не может содействовать разрешению главных вопросов государственной жизни России в том направлении, в каком высказываются широкие круги русского народа и русского общества. Он не может согласиться с широкой демократической реформой государственного управления, с аграрной реформой, основанной на интересах крестьянства, с рабочей реформой, отвечающей желаниям и программам рабочих масс. Он не может отнестись беспристрастно и сочувственно к уничтожению всяких привилегий или неравенств отдельных классов или групп населения, к ликвидации той государственной политики, которая царила в России в течение всего царствования Александра III, неуклонно шла вплоть до последнего времени и которая привела страну к позорной катастрофе японской войны.

В самом деле, в состав Государственного Совета совершенно не входят представители рабочих или крестьянства. Следовательно их голос не будет услышан при обсуждении вопросов, близко их касающихся, и решение Государственного Совета, равное по закону с решением Думы, будет вынесено без них. Затем, половина членов Государственного Совета (члены по назначению) составлена из членов старого Государственного Совета, большинство которого было назначено как раз не раньше царствования Александра III и среди которых находятся многие видные деятели той эпохи нашего государственного управления, над которой идет теперь исторический суд. Благодаря этому силы защитников старого режима в Государственном Совете искусственно увеличены. Но и характер выборного элемента организован совершенно определенным образом, в том же самом направлении. Преобладающую роль в нем имеет *дворянство*, небольшой слой населения Российской империи, наиболее близкий к старому режиму и наиболее заинтересованный в его сохранении. Дворянские собрания за последние годы мало выступали на политическую почву, но когда выступали, то в подавляющем большинстве они являлись защитниками реакции. Дворянам же предоставлено преобладание и в выборах губернских земских собраний. Состав губернских земских собраний по закону 1890 года давал резкое преобладание дворянству [9]; старые земские традиции и усилия лучшей части поместного дворянства не дали им опуститься до того реакционного уровня, до которого их хотели довести создатели закона 1890 года. В губернских земских собраниях все время шла борьба между либералами и консерваторами. По мере того, как силы

либеральных земцев были отвлечены из земства политической борьбой и в стране шла дифференциация политических партий, губернские земские собрания начали двигаться в сторону реакции, теряя в то же время живую связь с обществом. Закон 20-го февраля еще более усилил преобладание консервативной дворянской части земских собраний, ограничив круг лиц, которые могли быть выбраны в члены Государственного Совета установлением для избрания нового тройного земского земельного ценза [10]. Наконец, совершенно преобладающее положение занимает дворянство в куриях землевладельцев Западного края и Царства Польского. Можно сказать, что 3/4 или 4/5 всех выборных мест в Совете находятся в распоряжении дворянства и только в исключительных случаях, неизбежно в меньшинстве, могли пройти в эту среду лица, прогрессивно настроенные. Совершенно определенный характер должна была иметь по способу избрания также и курия духовенства в которой избрание отчасти происходило, кажется, письменно, – выборщики не съезжались, – и в которой было обеспечено преобладание верхов духовной иерархии. Только две курии – торговли и промышленности и академическая – стояли несколько в стороне, но из них первая является представителем капиталистических интересов. Включение второй в состав Совета, вероятно, основано на недоразумении.

Принимая во внимание такой состав Государственного Совета, нельзя удивляться тому, что он в крайней слабой степени может отражать настроение и мнение народа и общества. Государственный Совет не может выражать их желания или знать их потребности, так как подавляющее большинство принимающих в нем участие лиц является представителями богатого меньшинства, все материальные и духовные интересы которого связаны с прошлым. Он не может даже представлять интересы отдельных классов или сословий населения, так как численные соотношения между представительствами этих классов или сословий взяты непропорционально их реальному значению в жизни, а некоторые из них в нем совершенно не представлены – как крестьянство, рабочие, сельское духовенство, купечество.

Очевидно, такой состав Государственного Совета не вытекает из его положения в качестве представительного учреждения, приспособленного к нормальной государственной жизни. Объяснения такого состава надо искать в особых политических целях правящих лиц. Государственный Совет приспособлен не к законодательной работе, он приспособлен к тому, чтобы тормозить деятельность Государственной Думы; он должен путем конфликтов ослаблять силу ударов, наносимых ею старому строю, делать более медленным и более постепенным переход к новой, свободной России. Такая цель выставляется открыто как в печати, так и в среде бюрократии, в известных кругах русского общества, в среде самого Государственного Совета [11]. Борьбаться с этим положением, изменив состав Совета, русское общество не может. Общество и народ могут только провести в Совет небольшое количество лиц, защищающих их интересы, но эти лица всегда и неизбежно будут составлять меньшинство Совета, представлять в нем оппозицию. Конечно, их присутствие может быть полезным и нужным; они во всяком случае ослабляют сплоченность и силу действий Государственного Совета, – но сделать они ничего не могут, так как будут всегда находиться в среде, в значительной своей части им прямо враждебной.

Чем дальше подвигается работа Государственной Думы, тем ближе приближается время ее конфликта с Государственным Советом. Может ли этот конфликт быть ослаблен или избегнут и какими средствами? К чему он приведет, если он не может быть предотвращен? Эти вопросы должны быть теперь же ясно поставлены и вырешены, так как в результате предстоящего конфликта могут произойти потрясения, которые заденут глубоко и тяжело интересы всей страны.

«Русские ведомости», 24 мая 1906 г., № 135.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Указанные вопросы обсуждались в заседаниях Государственной Думы в течение мая 1906 г. (Государственная Дума. Созыв I. Сессия I. Полный стенографический отчет. СПб., 1906. Т. 1–2).

2. Речь идет о кабинете министров И.Л. Горемыкина, о его резко враждебных отношениях с Думой. 13 мая состоялось первое и единственное выступление И.Л. Горемыкина от имени Совета Министров в Думе по поводу ответного адреса Думы на приветствие императора. Он заявил, что почти все важнейшие вопросы, поднятые в адресе: аграрный, об ответственности министров перед народным представительством, об упразднении Государственного Совета, расширении законодательных прав Думы не подлежат пересмотру по почину Думы, а являются прерогативой верховной власти и Совета Министров. Правительство ответило отказом и на обращение Думы к царю с просьбой об амнистии политическим заключенным. По меткому выражению одной газеты, смысл правительственной декларации умещался в трех словах: «Никому, никогда, ничего». В ответ на выступление главы правительства Дума приняла резолюцию о полном недоверии правительству и требование замены его другим, пользующимся доверием Думы.

Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917), в 1895–1899 гг. – министр внутренних дел, с 1899 г. – член Государственного Совета. С 22 апреля по 8 июля 1906 г. – председатель Совета Министров. Кабинет И.Л. Горемыкина вышел в отставку одновременно с роспуском I Государственной Думы 9 июля 1906 г.

3. Соглашение о русском займе на сумму 843 750 тыс. рублей было подписано в Париже 4 апреля 1906 г. Важную роль в предоставлении займа Францией сыграл С.Ю. Витте.

4. См. примеч. 1 к статье «О Государственном Совете».

5. См. примеч. 3 к статье «О Государственном Совете». В списке членов Государственного Совета, опубликованном 27 апреля, С.Ю. Витте и С.С. Манухин не значились. В Именном высочайшем указе Государственному Совету, опубликованном три дня спустя, 30 апреля («Правительственный вестник», № 96), говорилось: «Членов Государственного Совета нашего статс-секретаря, действительного тайного советника графа Витте и тайного советника Манухина признали мы за благо назначить на 1906 год к присутствию в Государственном Совете».

Манухин Сергей Сергеевич (1856–1921), юрист, с 1902 г. – товарищ министра юстиции, в 1905 г. – министр юстиции. В октябре 1905 г. после прихода к власти кабинета С.Ю. Витте вышел в отставку и был назначен членом Государственного Совета, в котором возглавил Комиссию законодательных предположений.

6. Сольский Дмитрий Мартынович (1833–1910), граф, в 1878 г. был назначен государственным контролером и членом Государственного Совета, с августа 1905 г. – председатель Государственного Совета. 13 мая 1906 г. принята отставка Сольского с поста председателя Государственного Совета. (См. начало статьи.)

7. Фриш Эдуард Васильевич (1833–1907) – член Государственного Совета с 1833 г., в 1897 г. назначен председателем департамента гражданских и духовных дел, в 1910 г. – председателем департамента законов, а в 1906–1907 гг. – председатель Государственного Совета.

8. Речь идет о правых консервативных кругах, сформировавших в мае 1906 г. общероссийскую организацию «Совет объединенного дворянства». Совет отстаивал незыблемость самодержавия и помещичьего землевладения. Имел значительное влияние на правительство и на царя Николая II.

9. Закон 1890 г. о губернских и уездных земских учреждениях (Полное собрание законов, собр. III. Т. 10, отд. 1, № 6927) давал право участия в выборе гласных на земских избирательных собраниях лицам, владеющим по праву собственности землей в пределах уезда в размере не меньшем, чем это было определено в специальном расписании для каждого уезда. Этот минимальный размер колебался от 125 десятин в черноземных губерниях до 800 – в Вологодской губернии, в среднем же он составлял 250–300 десятин.

10. Закон 20 февраля 1906 г. определял, что «каждое губернское земское собрание выбирает по одному члену Государственного Совета из числа (...) лиц, владеющих в губернии, на праве собственности, или пожизненного владения (...) пространством обложенной сбором на земские повинности земли, в три раза превышающим количество земли, дающее право на непосредственное участие в земских избирательных собраниях (...)» (Полное собрание законов, собр. III. Т. 26, отд. 1, № 27425.)

11. О назначении Государственного Совета вполне определенно сказал С.Ю. Витте на совещании «для рассмотрения предложенных в учреждениях Государственного Совета и Государственной Думы изменений», проходившем под председательством Николая II 14 и 16 февраля 1906 г.: «Известно, что только верхняя палата может спасти от необузданности нижней. Она необходима, чтобы гарантировать консервативный строй государства, чтобы не было непосредственных коллизий с верховной властью. Назначение ее состоит в том, чтобы давать отпор всем крайним взглядам. Одним словом, верхняя палата должна представлять из себя буфер. Для этого, конечно, существенно важно, чтобы она заключала в себе более консервативные элементы, и нельзя не признать, что условиям этим преобразованный Государственный Совет удовлетворяет в полной мере».

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ*

Месяц тому назад – 16 мая 1906 г. – Государственная Дума единогласно приняла законопроект об уничтожении смертной казни [1]. Но дальнейшего движения этот законопроект получить не мог, так как министерство Горемыкина [2] нашло вопрос неясным и захотело воспользоваться своим законным правом дать ответ на него через месяц. В течение этого месяца министерство готовилось к ответу, а в стране продолжались на прежнем основании суды, произносились смертные приговоры, совершались казни. За этот месяц было казнено несколько человек, в том числе были несовершеннолетние, мальчишки; приговоры совершались прежним архаическим порядком. Произносившие их суды таковы, что ни один беспристрастный и вдумывающийся человек не мог быть уверен, что наказываются действительно виновные, что смертная казнь совершается не над невинными людьми.

Лилась кровь, а министерство думало. И через месяц, в заседании Государственной Думы 19 июня 1906 г., министр юстиции дал, наконец, обещанный ответ на законопроект Думы. Ответом этим была его легкомысленная речь в защиту смертной казни [3]. Когда ее читаешь теперь в стенографическом отчете, не знаешь, что это? – насмешка над русским обществом и Государственной Думой или результат светски легкого отношения к государственным обязанностям?..

Государственная Дума в том же заседании, не теряя ни одного дня, приняла единогласно прежний законопроект об уничтожении смертной казни и направила его в Государственный Совет. Прошло 8 дней, и, наконец, 27 июня этот законопроект поставлен на обсуждение Совета.

* В газетном оригинале после фамилии автора указано: «член Государственного Совета». – *Ред.*

Какой ответ даст Государственный Совет? Остановит ли он льющуюся по всей России кровь, поможет ли сбросить с нашей страны позор непрекращающихся легальных убийств? Или станет наперекор горячему стремлению страны, войдет в ряды вершителей кровавых дел?

То или иное отношение его к этому первому законопроекту Государственной Думы имеет огромное политическое значение. И есть для него только два пути, только два ответа. Один – принять думский проект целиком и этим путем остановить кровавые казни и убийства. Другой – отклонить или изменить его, т.е. сохранить легальные убийства в большем или меньшем размере.

Время прошло, и постепенные, промежуточные решения стали невозможны. На деле, в XX веке страна пережила ужасы прошлых, давно отошедших в историю времен. Она увидела и поняла, что значит дать в руки современной русской власти право жизни и смерти. В результате этого явились сотни трупов, законно убитых людей – взрослых и детей, не считая оставшихся безнаказанными массовых и единичных убийств, совершенных органами власти – генералами Мином, Риманом, Меллер-Закомельским, Ренненкампом, Орловым и другими их сподвижниками, – убийств, поражающих своей жестокостью и бессмысленностью... [4]. Эти убийства могли быть совершены только потому, что в стране признавалась смертная казнь, – их бы не было, если бы смертная казнь у нас была отменена, они явились упрощенной формой смертной казни в руках распущенных служителей дезорганизованной государственной власти.

Сотни казней, сотни легально и безнаказанно убитых людей в течение немногих месяцев, в XX веке, в цивилизованной стране, в образованном обществе! Если бы нам сказали об этом, как о возможном и вероятном, несколько лет тому назад – мы сочли бы это дикой фантазией. Когда в некоторых кругах русского общества, перед наступлением революции, носился страх ее кровавых дел – этот страх обращался в сторону революционеров. Революция пришла, и оказалось, что правительственная власть стоит далеко впереди их, что на ее совести несравненно больше крови и больше убийств, чем на совести революционных фанатиков или боевых организаций тайных партий... И занесенная кровавая рука власти не останавливается. Правительственный террор становится все более кровавым.

Это орудие должно быть отнято у власти. Смертная казнь должна быть бесповоротно и окончательно отменена. В защиту ее не слышно никаких разумных доводов, ее сторонники молчат – в них говорит лишь чувство отмщения и возмездия, лишь рутина и умственная беспомощность.

Прошло почти 150 лет, когда во второй половине XVIII века началась борьба науки и научного мышления с смертной казнью, этим пережитком варварства. Прошло почти полтора столетия, когда свет знания и научный анализ начали изменять бессознательно сложившиеся формы государственной жизни. Смертная казнь в самых жестоких и суровых формах была выработана историческим ходом жизни, в своей непосредственности не знавшей ни добра, ни зла – этих созданий человеческого сознания. И когда научная мысль – сперва в лице Беккарии [5] – открыла перед всеми ужас того, что все видели и с чем все мирились, как с чем-то неизбежным и потому естествен-

ным, когда она показала, что во власти человека изменить все это, – царство смертной казни кончилось. То, что не удалось сделать религиозному сознанию в течение многих столетий, не удалось произвести христианству, того достигла научная мысль в течение нескольких десятков лет, при самом начале своего расцвета. Ограничение смертной казни, изгнание в область далекого предания пыток и легальных истязаний – это великая заслуга науки и научного мышления. Безумно думать, что эти исчадия варварства – хотя бы только в форме смертной казни – в каком бы то ни было виде – могут быть сохранены и оправданы в наше время, в XX веке, когда наука и научная мысль охватывают все стороны жизни, проникают в народные массы, вносят свет в самые темные закоулки государственного механизма. Наука не имеет материальной, физической силы, она действует только разумом, она только подвигает человеческую мысль и человеческое сознание – но горе тем, кто становится на дороге ее победоносного шествия.

Смертная казнь, легализованное убийство не выдержали научной критики, не могут быть терпимы ни в одном государстве. В такие времена, как наше, когда потоки крови возбудили народную совесть и пробудили научную мысль, их дальнейшее сохранение грозит опасностью государству, ибо оно дезорганизует и унижает правительственную власть, вызывает чувство мести и негодования в широких слоях русского общества. Смертная казнь выродилась у нас в правительственный террор, а этот белый террор вызывает красный террор со всеми его последствиями. И нет никакого иного выхода из сети убийств и потоков крови, как прекращение легализованных убийств, как уничтожение смертной казни.

«Речь», 27 июня (10 июля) 1906 г., № 110.

ПРИМЕЧАНИЯ

Статья в газете «Речь» – главном партийном органе конституционно-демократической партии. Газета «Речь» издавалась в Петербурге с 23 февраля 1906 г. под редакцией П.Н. Миллюкова и И.В. Гессена. Закрыта по решению Петроградского Военно-революционного комитета на следующий день после Октябрьского переворота, 26 октября (8 ноября) 1917 г. Затем, неоднократно меняя название, выходила до августа 1918 г.

1. Законопроект об отмене смертной казни был принят I Государственной Думой 19 июня 1906 г. 18 мая, а не 16 мая, как в тексте статьи. Законопроект об отмене смертной казни был внесен на рассмотрение Думы, но поскольку его текст не был отпечатан, состоялось лишь его предварительное обсуждение. На этом заседании было решено передать Законопроект в Комиссию по неприкосновенности личности (Комиссия 15-ти) для срочного его рассмотрения и доработки. Обсуждение доклада Комиссии 15-ти и голосование (единогласное) состоялось только через месяц, 19 июня 1906 г.

2. См. примеч. 2 к статье «Письма о Государственном Совете».

3. Речь идет о выступлении в Думе И.Г. Щегловитова – министра юстиции в кабинете И.Л. Горемыкина. (Государственная Дума. Созыв I. Сессия 1. Полный стенографический отчет. СПб., 1906. Т. 1–2. С. 1478–1480.)

4. См. примеч. 2 к статье «Три решения».

5. Беккария Чезаре (1738–1794) – итальянский просветитель, юрист, экономист. В работе «О преступлениях и наказаниях» впервые поднял вопрос об отмене смертной казни, он доказывал, что суровые наказания ожесточают нравы и увеличивают преступность. Считал, что для уменьшения числа преступлений необходимо распространение просвещения и подъем благосостояния народа.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА 30 ИЮНЯ 1906 ГОДА

Я считаю, что Государственный Совет должен принять этот законопроект целиком, и к тем соображениям, которые были высказаны предыдущими ораторами, я хочу прибавить несколько слов частью по существу, частью по форме [1]. Во-первых, нельзя не заметить, что Государственная Дума своим законопроектом не решает вопроса целиком; она предполагает вновь вернуться к его разрешению в начале и в конце июля. Следовательно, все возражения, которые были сделаны министром финансов и главноуправляющим землеустройством и земледелием по отношению к думскому законопроекту, как полному решению вопроса, основаны, очевидно, на недоразумении. Г. министр финансов указывал на то, что Дума предлагает взять 50 или даже 75 милл[ионов] из сметы 1906 г. Этого в законопроекте нет. Дума касается только 15 милл[ионов], которые она ассигнует авансом, как в настоящее время настоятельно необходимые. С другой стороны, г. главноуправляющим указано на то, что если этот законопроект пройдет, то не будет возможности исполнить дело как следует, так как хлеб будет дороже и пройдет период навигации. Это также недоразумение, так как к этому самому вопросу в начале июля вновь придется вернуться Государственной Думе и Государственному Совету. Очевидно период навигации к июлю еще не закончится.

Обращаясь к самому законопроекту, я нахожу предлагаемый Думою способ частичного разрешения вопроса по существу совершенно правильным. Здесь столкнулись два совершенно различные мировоззрения, люди с разным пониманием ведения дела. Сам министр финансов очень подчеркнул это различие в своей речи. Он указал, что если его проект не был принят Государственной Думою, то это вызвано между прочим тем обстоятельством, что лица, обсуждавшие законопроект, не были достаточно подготовлены к обсуждению финансовых вопросов [2]. Мне кажется, что непринятие законопроекта вызвано не неподготовленностью Думы, а различием взглядов Государственной Думы и министра финансов в финансовых вопросах. Столкнулись люди жизни и люди, привыкшие к старому ведению дела. К тому же нельзя забывать и того, что Государственная Дума встретилась с необходимостью выдать немедленно ассигновку по вопросу, который не терпит отлагательства. Но в то же время она имеет дело с министерством, которому не раз выражала свое недоверие. Это еще больше осложнило положение. Можно иметь две точки зрения на обсуждение финансовых государственных вопросов. Одну из них ярко и красиво выразил в своей речи г. министр финансов. Он считает необходимым основываться на нормальных указаниях закона и не отступать от него, хотя бы жизнь выставила новые требования. Так, нарисовав картину тяжелого финансового положения страны, он считал невозможным отступить от формального закона, от всех раз утвержденных расходов. На другой точке зрения стоят члены Думы, люди, которые не являются, по мнению министра финансов, подготовленными к финансовым вопросам. Они, конечно, не специалисты. Но они на себе, на каждом шагу, чувствуют ту старую финансовую систему, которая касается близко каждого из нас, которая привела нас к современному положению. Дума устами своих ораторов очень ярко указала эту новую точку зрения, высказав, что теперь каждая копейка будет на учете.

Она дает деньги, но желает, чтобы министр финансов давал ей отчет в каждой копейке. Думский законопроект настаивает на том, чтобы всякая новая ассигновка вновь обсуждалась Думой. Этим путем Дума избегнет той финансовой системы, которая так долго господствовала в нашей стране и привела ее в то тяжелое положение, в котором она теперь находится. Я не могу не остановиться на одной иллюстрации этой старой системы. В розданном нам перечислении новых кредитов, утвержденных после опубликования росписи на 1906 г., показан кредит в 1 000 000 рублей, о котором, однако, сказано, что по нему будет внесено в установленном порядке соответственное представление. Таким образом, с одной стороны, показан кредит, как утвержденный, а с другой стороны, его собираются лишь испрашивать. Эта иллюстрация показывает, насколько важен точный учет во всех делах подобного рода. Я не мог раньше понять, отчего Дума настаивала на III пункте [3], настаивала на его конце, который министр финансов считает нужным отбросить. И только выслушав речь министра финансов, я ясно понял это. Из этой речи выяснилось тяжелое финансовое положение России, совершенно исключительное, требующее исключительных мер. Министр финансов указывает, что бюджет 1906 года утвержден, и что Дума поэтому не смеет его касаться. Если бы время было совершенно нормальное, то ни Дума, ни Государственный Совет, конечно, не коснулись бы среди года бюджета 1906 г., но из той самой картины финансового положения страны, которую так ярко нарисовал министр финансов, для меня ясно, что Государственный Совет и Государственная Дума, ввиду тяжелого финансового положения страны, обязаны рассмотреть, можно или нельзя сделать сокращения в утвержденном бюджете раньше, чем перейти к изысканию иных финансовых источников. Г. министр финансов говорит, что он убежден, что сделает все возможные сокращения и что других сделать будет нельзя, – но важно, чтобы это было убеждением не министра финансов, а убеждением Государственной Думы и Государственного Совета. Комиссия Государственной Думы рассмотрит бюджет 1906 г. и убедится, прав или неправ г. министр финансов в своем утверждении. Министр финансов указывал и на то, что он не в состоянии внести подлежащие законопроекты к 23 июля, как того требует пункт III. Весьма вероятно, что эти законопроекты сводятся к тому, на что указывал член Государственного Совета Дмитриев [4], но даже если бы они вышли из этих пределов, мне кажется, что министр финансов и другие министры, если только Государственная Дума и Государственный Совет сделают такое постановление и оно будет утверждено Высочайшею Властью, обязаны их исполнить. Что возможно и что невозможно, – это будет ясно из последующего. Поэтому я считаю, что осторожное отношение к делу, которое проявила Государственная Дума, является чрезвычайно желательным, и что Государственный Совет должен поддержать этот новый принцип, вносящий с одной стороны, постоянный учет, а с другой стороны, чрезвычайно осторожное отношение к народным деньгам. Затем я хочу сказать несколько слов о чисто формальной стороне дела. Ясно, что законопроект состоит в следующем: ассигнуется 15 000 000 р[ублей] из сбережений 1906 г., с тем что в июле месяце вопрос будет снова пересматриваться Государственной Думой и Государственным Советом уже в полном объеме. Что же будет, если мы отбросим законопроект, или если мы введем в него некоторые новые поправки, которые в конце концов затянут принятие

законопроекта на несколько недель? Будет то же самое. В начале июля тот же вопрос будет снова рассматриваться, пройдя ряд предварительных стадий. И при этом, переходя из Государственного Совета в Государственную Думу и обратно, вопрос о 15 000 000 р[ублей] никоим образом не будет осуществлен. По существу мы только внесем конфликт между Государственной Думой и Государственным Советом [5], не сделав ничего нового, и придем к тому, что рассмотренный вопрос вернется опять в Государственный Совет. Поэтому я считаю, что нам ничего другого делать нельзя, как целиком принять проект, внесенный Государственной Думой.

Государственный Совет. Стенографические отчеты. Сессия I. Заседания 1–15, СПб., 1906. С. 29–31.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. На заседании обсуждался внесенный из Государственной Думы законопроект «Об ассигновании чрезвычайным сверхсметным кредитом 15 млн руб. на расходы в течение июля месяца 1906 г. по удовлетворению семенной и продовольственной нужды населения пострадавших от неурожая губерний». Неурожаем в 1905 г. охватил 28 губерний России. До В.И. Вернадского выступили 12 ораторов, в том числе Председатель Совета Министров И.Л. Горемыкин и министр финансов В.Н. Коковцов, главноуправляющий землеустройства и земледелия А.С. Стишинский.

2. На заседании Государственной Думы 23 июля 1906 г. по тому же вопросу о кредитах для губерний, пострадавших от неурожая, выступило 20 депутатов. Среди них были и вполне компетентные лица, например М.Я. Герценштейн – член думской бюджетной комиссии, А.Н. фон-Рутцен – экономист, член думской финансовой комиссии. В.Н. Коковцову пришлось выслушать на этом заседании немало неприятных слов в свой адрес. Например, известный оратор от к.-д. партии Ф.И. Родичев заявил: «Я совершенно серьезно, не с точки зрения полемики, утверждаю, и министерство не может этого не понимать – что есть в его руках великолепное средство, единственное в настоящую минуту, поднять русский кредит. Вы знаете, господа, чем вызывается повышение русской ренты на бирже – слухами об уходе министерства. Когда это будет совершившимся фактом, тогда будет положено первое и прочное начало упорядочению русских финансов, и в особенности восстановлению русского кредита». (Государственная Дума. Полный стенографический отчет. Созыв I. Сессия I. СПб., 1906. С. 1667.) После этого выступления В.Н. Коковцов покинул зал заседаний.

3. Пункт III законопроекта Государственной Думы гласил: «а) Предоставить министру финансов по соглашению с подлежащими министрами пересмотреть расходную смету 1906 года в видах ее сокращения с тем, чтобы относящийся к сему законопроект был внесен в Государственную Думу не позднее 23 июня сего 1906 года, б) Предоставить министру финансов по соглашению с министром внутренних дел с дальнейшими представлениями об ассигновании на продовольственные нужды входить по мере надобности». (Государственная Дума. Полный стенографический отчет. Созыв I. Сессия I. СПб., 1906. С. 1702.) В конечном итоге было принято решение поручить правительству ассигновать сверхсметным кредитом все 50 млн руб на борьбу с последствиями неурожая. Это было одно из немногих решений I Государственной Думы, поддержанных Государственным Советом и утвержденных царем.

4. Дмитриев Михаил Дмитриевич (1846–?) – член Государственного Совета по назначению, с 1902 г. – товарищ министра финансов. Предложил утвердить законопроект Думы «всего без поправок и изменений». Он считал, что выполнение пункта II думского законопроекта («Потребную сумму отнести за счет ожидаемых сбережений в пределах ассигнований по главным подразделениям росписи на 1906 год»), против которого решительно возражал министр финансов, «не может считаться невозможным». (Государственный Совет. Стенографические отчеты. Сессия I. Заседания 1–15. СПб., 1906. С. 21).

5. Высказывание В.И. Вернадского о возможности конфликта между Государственным Советом и Государственной Думой вызвало беспокойство министра финансов В.Н. Коковцова: «⟨...⟩ я не хотел вносить никакого политического оттенка. Я объяснил физическую невоз-

возможность стать на сторону этого предложения [Государственной Думы. – *Сост.*] и считал себя обязанным докладывать Государственному Совету то, что мне известно, что привести это постановление в исполнение нельзя, и тот пункт II (...) как категорическое требование об обращении расходов в 15 000 000 руб. на остаток по смете есть постановление неисполнимое. Следовательно зачем тут говорить о пропасти, которая разделяет два органа правительственной власти. Я не хотел об этом говорить, но слова г. Вернадского именно указали на эту пропасть, как на тот мотив, который нежелателен. Я говорил, что вопрос идет о помощи населению, об изыскании средств (...), а потому нет повода говорить о какой-то пропасти и согласительных мостках. Я считаю, что нужно говорить о том, что мы можем выполнить и чего не можем, зная бюджет, зная его составление». (Государственный Совет. Стенографические отчеты. Сессия I. Заседание 1–15. СПб., 1906. С. 31–32).

ОТДЕЛЬНОЕ МНЕНИЕ

Члена Государственного Совета В.И. Вернадского
по вопросу о пределах рассмотрения законопроекта
об отмене смертной казни в Государственном Совете

Я не могу согласиться с тем толкованием ст[атьи] 55 Основных Законов, к которому пришло большинство комиссии Государственного Совета [1], и считаю это разногласие настолько важным, что полагаю необходимым еще раз обсудить весь вопрос в публичном Общем Собрании Государственного Совета. Поэтому я пользуюсь своим правом на основании ст. 46 Наказа Государственному Совету представить особое по этому вопросу мнение [2].

Я считаю этот вопрос чрезвычайно важным по существу. Во-первых, решение большинства комиссии, резко расходящееся с мнением Государственной Думы [3], приводит к серьезному умалению прав Государственного Совета и Государственной Думы, в то же время усиливая – вопреки буквального смысла 55 ст. Основных Законов – власть исполнительных органов. Во-вторых, оно вводит чрезвычайно опасный прецедент распространительного толкования Основных Законов, объясняя их, вопреки их буквального смысла, обязательного для всех, по их предполагаемой цели, очевидно разно всеми понимаемой в зависимости от тех или иных политических взглядов. Я считаю этот юридический принцип толкования законов безусловно недопустимым в отношении к законам, которые изданы в разгаре политической борьбы, с определенной узкой целью, далекой от идеи права, связанной с преходящим моментом политической жизни, среди борьбы партий и противоречивых влияний. В-третьих, наконец, это решение большинства Комиссии Государственного Совета губительно отражается на судьбе людей, которые не могут, благодаря ему, быть освобождены от смертной казни. В настоящее тревожное время последствия такого толкования статьи могут выражаться в жизни очень жестокими явлениями.

I

Статья 55 Основных Законов гласит: «постановления по военно-судебной и военно-морской судебной частям издаются в порядке, установленном в сводах военных и военно-морских постановлений».

По мнению Комиссии, законодатель этой статьей хотел изъять из ведения Государственного Совета все, что заключается в военных и военно-морских

постановлениях. По моему мнению, изъятие касается только постановлений по военно-судебной и военно-морской судебной частям, т.е. устава военно-судебного и военно-морского судебного, тогда как другие части свода военных и морских постановлений, как то: постановления, содержащиеся в воинском и военно-морском уставах о наказаниях, вполне подлежат ведению Государственной Думы и Государственного Совета.

В этом меня убеждает прямой и буквальный смысл этой статьи. В ней говорится только «о военно-судебной» и «военно-морской судебной» частях, очевидно тем самым исключаются из нее другие части свода военных и военно-морских постановлений. То, что включено в эту статью, составляет процессуальное право, тогда как воинский и военно-морской уставы о наказаниях касаются права материального. Государственная Дума поняла эту статью, точно придерживаясь ее смысла, и коснулась в предложенном нашему вниманию законопроекте исключительно материального военно-уголовного права.

Прежде чем обратиться к вопросу о правильности такого толкования по существу, я остановлюсь на формальном смысле ст. 55, пользуясь для этого теми указаниями, какие даны столь компетентными юристами нашими, как профессор В.Д. Кузьмин-Караваев, В.Д. Набоков и Ф.Ф. Кокошкин [4].

Во-первых, надо заметить, что военно-судебная часть отделяется ясно и определенно от уложения о наказаниях и в самом своде военных и военно-морских постановлений. Так, все, что касается процессуальной стороны права, отнесено в военно-судебный и военно-морской судебный уставы, а все, что касается материальной, – в уставы воинский и военно-морской о наказаниях. Помимо этого, мы и в самых отдельных частях свода военных и военно-морских постановлений видим ясное ограничение этих двух частей права. Так, в ст. 1023 п. 5 уст[ава] воен[ного] суд[а] (и соответственно) в ст. 937 п. 5 Уст[ава] Военно-Морск[ого] Суд[а] мы находим указание, что ведению Главного Военного (resp. Военно-Морск[ого]) Суда подлежит «обсуждение законодательных вопросов, относящихся до военно-судной части и до законов о наказаниях и взысканиях». Здесь эти законы категорически и ясно отделены от военно-судной части, а в статье 55 от «военно-судебной», но кажется нет и не может быть никаких сомнений в тождественности этих двух выражений. Член Государственного Совета С.С. Манухин [5], указывая, что в статье 55 выражения заимствованы из свода военных и военно-морских постановлений, полагал, что для правильного понимания этих выражений надо обратиться к самому своду. Он указывал, что в этом своде военно-судебная часть и законы, относящиеся до наказаний, постоянно смешиваются и терминология различных вопросов процессуального и материального права не выдержана. Едва ли это мнение может быть доказано. Ибо если обратиться к своду военных и военно-морских постановлений, то, несмотря на чрезвычайную архаичность заключающихся в нем постановлений, такого вопиющего противоречия основам всякой кодификации, на какое указывает сенатор Манухин, я в нем найти не мог; напротив, напр[имер], та же ст. 1023 прямо говорит против такого смешения. Такой авторитет в области военно-уголовного права, как профессор Кузьмин-Караваев, также указывал в печати и в Думе на различие процессуального и материального права в своде военных постановлений.

Таким образом, и в своде военных постановлений процессуальное право отделено от материального, и нет никаких затруднений рассматривать эти вопросы раздельно. Но нельзя не обратить внимания на то, что в п. 5 ст. 1023, только что приведенной, ведению Главного Военного Суда подлежит обсуждение законодательных вопросов, относящихся к законам о наказаниях и взысканиях. Несомненно, отсюда вовсе не следует, что эти вопросы не подлежат также ведению и Государственной Думы и Государственного Совета, — но все же необходимо выяснить смысл этого указания. Он становится ясным уже из простого рассмотрения других статей того же самого военно-судебного устава и других частей свода.

Дело в том, что по точному смыслу закона, обсуждение этих вопросов должно совершаться Главным Военным Судом совершенно в другом порядке, чем в каком им производится решение процессуальных вопросов. На это указывает уже ст. 60 ч. 1 свод[а] воен[ных] постановлений] кн[ига] 1, которая, определяя функции Военного Совета, в примечании выделяет законодательные вопросы по части военно-судной, как подлежащие ведомству Главного Военного Суда. Очевидно указанное в ст. 1023, п. 5 «обсуждение законодательных вопросов, относящихся... до законов о наказаниях и взысканиях», должно быть подведомственно Главному Военному Суду на совершенно иных основаниях, чем военно-судная часть, ибо оно по той же ст. 60 принадлежит и ведомству Военного Совета. По всем делам, ему подведомственным, на основании ст. 1083 и 1087, заключения Главного Военного Суда или Соединенного Собрания Главного Военного и Морского Судов подносятся во всеподданнейшем докладе на Высочайшее усмотрение. Но ст. 1089 выделяет из этого порядка «вопросы законодательные, имеющие связь с общими в государстве законами или касающиеся не исключительно одних военно-сухопутного и морского ведомств». Об этих вопросах «не составляется всеподданнейшего доклада..., а копия протокола представляется... по принадлежности генерал-адмиралу или военному министру, для дальнейшего направления дела в законодательном порядке по общеустановленным правилам». Такие дела идут, следовательно, другим путем, чем вопросы военно-судной части. Смысл этой статьи, мне кажется, прекрасно выражается следующими соображениями нашего выдающегося юриста, приват-доцента Московского Университета, а ныне Члена Государственной Думы Ф.Ф. Кокошкина: «Нет сомнения, что законы о наказаниях, налагаемых военными судами, имеют самую тесную связь с «общими в государстве законами», именно с законами уголовными. Наказания, налагаемые военными судами, могут быть, в интересах военной дисциплины, суровее общих уголовных наказаний, но вся система их, очевидно, стоит в неразрывной связи с общей системой уголовной политики, вытекающей из взглядов законодателя на основания и цели карательной деятельности государства. Так, напр[имер], если смертная казнь признается вообще наказанием, противоречащим началам нравственности и разумной государственной политики, нельзя представить себе, чтобы это наказание в том же государстве признавалось возможным и целесообразным в известной области законодательства. Поэтому законы о наказаниях несомненно принадлежат к числу тех, которые имеются в виду в ст. 1089 военно-судебного устава и ст. 1003 военно-морского устава, и которые, согласно смыслу этих статей, издаются в законодательном порядке по общеустановленным правилам. Общеустанов-

ленным же порядком законодательства является в настоящее время конституционный, при участии Государственной Думы и Государственного Совета». На то же самое указывает и другое обстоятельство. При определенных условиях воинский и военно-морской уставы о наказаниях применяются обыкновенными судами – мировыми судьями и т.д. – и, очевидно, это указывает, что законодательные вопросы, связанные с этими уставами, «касаются не исключительно одних военно-сухопутных и военно-морских ведомств» (ст. 1089).

Таким образом, точное сопоставление буквального смысла этих статей указывает нам, что вопросы военного материального права, поскольку они выражаются в воинском и в военно-морском уставах о наказаниях, хотя и относятся к кругу ведения Главного Военного Суда, но им не решаются и не подлежат также окончательному заключению военного или морского министров.

II

Однако из сопоставления этих статей как будто бы вытекает другое обстоятельство, заключающееся в том, что хотя окончательное решение по военно-уголовным законам и совершается в особом «установленном порядке», но эти законопроекты должны подлежать предварительному обсуждению Главного Военного или Военно-Морского Суда (ст. 1023 п. 5 У[става] В[оенного] С[уда] и ст. 973 п. 5 У[става] В[оенно]-М[орского] С[уда]) до обсуждения и в Государственной Думе и Государственном Совете. Не могу не привести и здесь указаний Ф.Ф. Кокошкина, который по этому поводу замечает: «Если бы это было так, это означало бы, что в Государственной Думе и Государственном Совете военно-уголовные законы могут обсуждаться лишь, когда они вносятся туда по инициативе военного или морского министров, ибо, по смыслу основных законов, очевидно, что *после* обсуждения законопроекта в Государственной Думе и Государственном Совете он не может вноситься ни в какое иное учреждение, а представляется непосредственно Монарху. Однако ясно, что если военно-уголовные законы могут вообще обсуждаться в Государственной Думе и Государственном Совете, то установленное законом право почина Государственной Думы и Государственного Совета в отношении законопроектов, подлежащих их обсуждению, могло бы быть ограничено только прямым постановлением законов, касающихся пределов ведения и пределов власти Государственной Думы и Государственного Совета, но никоим образом не статьями изданных до учреждения Государственной Думы и Государственного Совета Военно-Судебного и Военно-Морского судебного уставов (ст. 55 Осн[овных] Законов не ограничивает этого почина, так как в ней говорится только о процессуальном, а не материальном уголовном праве). Отсюда следует, что военно-уголовные законы могут обсуждаться в Государственной Думе и Государственном Совете не только по почину самих упомянутых учреждений. Что же касается ст. 1089 Военн[ого] Судебного] Уст[ава] и ст. 1003 Военно- Морского] Судебного] Уст[ава], предусматривающих предварительное обсуждение Главным Военным и Военно-Морским судами военно-уголовных законопроектов, направляемых затем в общем законодательном порядке, то эти статьи лишь обставляют известными

условиями инициативу военного и морского министров. До законодательных актов последнего времени, когда существовал лишь Государственный Совет, как совещательное учреждение, и право внесения в него проектов принадлежало только министрам, с Высочайшего соизволения, эти статьи указывали единственный путь законодательного почина в отношении военно-уголовного права, но теперь они только ограничивают определенными условиями инициативу министров, но не могут ограничивать инициативу Государственной Думы и Государственного Совета».

Все эти соображения приводят меня к заключению, что ст. 55 Основных Законов (Свод зак[онов], т. I, ч. 1, изд. 1906 г., ст. 97) отнюдь не изъе­млет из рассмотрения Государственной Думы и Государственного Совета вопросов, связанных с материальным военно-уголовным правом, и что комиссия Государственного Совета не имела в законе формальных оснований выключить из своего рассмотрения, как не подлежащую ведению Государственного Совета, ту часть представленного Государственной Думой законопроекта, которая касается этих законов.

III

Не отрицая возможности такого толкования ст. 55 Осн[овных] Зак[онов], комиссия пришла к иному ее пониманию, противоречащему ее прямому смыслу, на основании частью соображений общего характера, частью – соображений характера исторического. Первые соображения основаны на категории *целесообразности*, а вторые: 1) на *установившейся в России практике* решения вопросов материального военного уголовного права, и 2) на мотивах, благодаря которым при создании Основных Законов введена в них 55 статья.

Возражения, основанные на целесообразности, вызваны тем соображением, что законодатель не мог установить статьей 55 Основных Законов такой порядок обсуждения военно-уголовных законов, который неизбежно привел бы ко вреду для дела и имел бы следствием разрушение или ослабление порядка в армии и флоте. Он не мог установить порядка, в котором военно-уголовные законы обсуждались бы вне ведения и предварительного суждения специалистов дела и лиц, на ответственности коих лежит военное дело в России. Между тем этот порядок истекает по мнению комиссии из того понимания ст. 55 Осн[овных] Зак[онов], которого я придерживаюсь.

Смысл этого возражения заключается в том, что Государственная Дума и Государственный Совет должны, по существу самого дела, предварительно своего решения выслушать мнение заинтересованных лиц и иметь заключение по этому поводу военного и морского министров – иначе их решения могут оказаться вредными и не отвечающими интересам государства. Я вполне согласен с этим положением, но думаю, что оно не имеет никакого отношения к тому или иному пониманию ст. 55 Осн[овных] Зак[онов]. Ибо согласно статье Осн[овных] Зак[онов] всякий законопроект рассматривается в Государственной Думе и Государственном Совете только тогда, когда он внесен министерством или когда, возбужденный по инициативе Государственной Думы и Государственного Совета, он был заблаговременно сообщен министерству. Он рассматривается то всегда лишь после выслушания заключения министерства. Эти статьи Основных Законов совершенно полно обеспечива-

ют и при буквальном понимании ст. 55 тот порядок ведения дел, какой Комиссия желает установить распространительным толкованием этой статьи. Ежели в данном частном случае вопрос этот был рассмотрен Государственной Думой без заключений военного министра, то причиной этого явилось ненормальное состояние, в котором находится русское правительство, ибо в нем произошел конфликт между Государственной Думой и министерством. Ко времени рассмотрения вопроса конфликт этот находился в острой стадии, ибо министерство не подало в отставку, а Государственная Дума не была распущена. Морской министр все же дал через главного военно-морского прокурора свое заключение, но это заключение состояло в простом отказе войти в обсуждение вопроса, так как, по мнению морского министра, весь этот вопрос выходит за пределы ведения Государственной Думы. Едва ли могло иметь для Государственной Думы, да и для всех других учреждений, не подведомственных морскому министру, какое-нибудь значение толкование закона морским министром. Оно не могло иметь значения еще и потому, что не было подкреплено никакими доводами. Оно было высказано в простой голословной форме.

Не имея заключения заинтересованных ведомств, Государственная Дума, однако, нашла возможным составить свой законопроект. На это она имела полное право, так как все требования закона о сроках и об уведомлении министерств были ею соблюдены. Но она могла обойтись и по существу без заслушивания мнений министерств в данном частном вопросе, ибо она не входила в обсуждение чисто военных или морских вопросов: она лишь устанавливала принципиальную отмену одной из форм наказаний из всех кодексов Российской Империи. Уничтожая в системе наказаний смертную казнь, не было надобности при обсуждении этого вопроса входить в рассмотрение частных вопросов военно-уголовных законов. Смертная казнь должна быть уничтожена принципиально, ибо она противоречит гуманности и интересам государственного порядка и спокойствия, подобному тому как раньше были уничтожены ее спутники – пытки и телесные наказания. Очевидно, согласно общему характеру военно-уголовных законов, они должны быть лишь согласованы с новыми принципами уложения об наказаниях*, в связи с таким исключением смертной казни из общей системы наказаний: обсуждать же предварительно эту отмену с точки зрения военно-уголовной, по самой сути вопроса, никакой надобности не было.

Отсюда ясно, что все рассуждения о необходимости расширительно толковать ст. 55, ввиду существа и пользы дела, не отвечают действительной необходимости, ибо польза дела совершенно ограждена положением о Государственном Совете и Государственной Думе и при буквальном толковании ст. 55. Изменять же буквальный смысл закона и не исполнять в то же время других ясных указаний законов (Свод зак[онов], т. 1, ч. 1, изд. 1906 г., ст. 110) отказом от рассмотрения законопроекта является в высшей степени нежелательным и опасным прецедентом в практике нового Государственного Совета.

* См. Кузьмин-Караваев В.Д. Военно-уголовное право. СПб., 1895. Т. 2. С. 127.

Нельзя не заметить кроме того, что и в других конституционных странах военно-уголовные законы подлежат ведению законодательных учреждений и никаких вредных последствий для армии и флота от этого не наблюдается.

IV

Обратимся теперь к возражениям исторического характера и во 1-х к тому из них, которое указывает, что буквальное понимание ст. 55 Осн[овных] Зак[онов] противоречит всей вековой, установившейся у нас практике рассмотрения военных законов. Несомненно практика жизни служит очень важным толкованием нередко неясного смысла закона, но с другой стороны нельзя преувеличивать ее значения. Особенно это имеет место в тех обстоятельствах, в каких мы находимся, после почти неслыханной в летописях России бесславной войны, приведшей нас к одним только поражениям и к полной гибели нашего флота. При этих обстоятельствах приходится чрезвычайно осторожно относиться – с точки зрения государственной пользы – к практике, установившейся в военном и морском ведомствах. Едва ли возможно из-за этой «практики» менять буквальный смысл закона и придавать ему расширительное толкование.

Но, сверх сего, сама эта вековая практика отнюдь не исследована, и состояние вопроса об объеме, пределах и способе издания военно-морских и военных законов находится в хаотическом состоянии. Это ясно и из прений, какие происходили в комиссии, и из ознакомления с положением вопроса, хотя бы по «Военно-Уголовному Праву» профессора] Кузьмина-Караваева. Не входя, однако, в рассмотрение этого вопроса, я не вижу возможности пользоваться этим аргументом для расширительного толкования ст. 55 ввиду его неясности и неопределенности.

Мало того, оно, мне кажется, основано на предвзятом предположении, что практика издания военных законов не должна измениться при изменившихся условиях государственной жизни России и что при конституционном режиме способ издания и обсуждения военных законов должен остаться тот же самый, какой существовал при неограниченной монархии. Другими словами, это возражение предполагает как раз то, что надо было доказать для того, чтобы придать ст. 55 расширительное толкование. Для меня несомненно, однако, что уже ст. 1085 Воинск[ого] Судебного] Уст[ава] ясно указывает, что порядок обсуждения всех этих вопросов должен быть теперь иной, чем это было раньше и что практика обсуждения и издания военных и военно-морских законов не должна остаться неизменной при создании новых законодательных учреждений в нашем государстве. Поэтому, толковать ст. 55 прямо против ее смысла, с целью сохранить старый порядок в этой области при новом режиме в стране, является логически неправильным. Я думаю, что законодатель мог иметь эти соображения в виду, придав статье 55 очень ясное ограничительное выражение.

V

Остается последний аргумент, основанный на изучении хода выработки Основных Законов. Как известно, однако, Основные Законы вырабатывались вне обычного законодательного порядка, совершенно исключительным обра-

зом. Они представляли из себя не кодификацию раньше состоявшихся постановлений, а акт, преследовавший чисто политические цели, судить о которых мы можем пока только предположительно, не зная их вполне. Все же и теперь несомненно, что одною из целей издания Основных Законов было ограничение прав и пределов компетенций Государственной Думы и Государственного Совета. Но становиться на эту точку зрения Государственному Совету в тех случаях, когда формулировка той или иной статьи Основных Законов расширяет права Государственного Совета, отказываться понимать эту статью буквально, лишь на том основании, что это противоречит смыслу Основных Законов было бы и с государственной и с логической точки зрения неправильным. Государственный Совет не должен сам ограничивать свои права и права Думы ради расширения прав бюрократии, вопреки прямому смыслу закона. Еще менее он может стремиться проводить предполагаемую им точку зрения составителей Основных Законов, имевших своею целью уменьшение прав и компетенций законодательных учреждений Империи. Если бы Государственный Совет стал на этот шаткий и опасный путь, он явился бы явным защитником старого порядка и вступил бы фактически в борьбу с устанавливающимся новым строем Российской Монархии. Трудно понять, какая бы польза для государства могла получиться от такой практики Государственного Совета.

Указанная цель Основных Законов вытекает, однако, из их логического изучения, из их состава и из условий их опубликования, но она пока не доказана прямыми историческими фактами. Кое-какие данные заключаются в записке, сообщенной членом Государственного Совета Н.Н. Масловым [6], однако эти данные очень отрывочны, неясны и, конечно, недостаточны для того, чтобы служить основой юридического толкования смысла ст. 55. Так, напр[имер], в них нет никаких мотивов, почему первоначальный проект ст. 55 был изменен в его современный вид. А между тем все дело в мотивах. На основании опубликованных в записке данных можно думать, что статья 55 выражена сознательно в ограничительной форме, ибо первоначальный проект этой статьи, изложенный в записке члена Государственного] С[овета] Н.Н. Маслова, обнимал вопросы военно-уголовного материального права*, но затем все эти указания были из нее выброшены при окончательном ее редактировании. Таким образом, и с этой точки зрения, я не вижу оснований расширительного толкования ст. 55.

VI

Заканчивая свое особое мнение, я считаю необходимым еще раз заметить, что в таких вопросах как тот, который подлежит нашему обсуждению, необходима чрезвычайная осторожность в отказе исполнять прямое предписание закона и толковать какую-нибудь его статью вопреки ее пониманию другим законодательным государственным учреждением – в данном случае Государственной Думы – и вопреки ее буквальному смыслу. Я полагаю, что к этому могут побуждать только какие-нибудь важные, непровержимые и ясные

* Он гласил (Зап[иска] чл[ена] Г[осударственного] С[овета] Н.Н. Маслова, стр. 7): «постановления, касающиеся военных и военно-морских уставов судебных, дисциплинарных и о наказаниях, издаются в порядке, установленном в Сводах Военных и Военно-Морских постановлений».

для всех основания. Таких оснований я в заседаниях Комиссии не слышал. А между тем, решение, предлагаемое большинством Комиссии на заключение Государственного Совета вызовет лишь раздоры и несогласия и еще больше внесет волнений в общественную жизнь.

На этих основаниях я не могу согласиться с мнением большинства Комиссии и полагаю, что:

1) Государственный Совет не может уклониться от рассмотрения всего законопроекта, внесенного Государственной Думой во всех его частях, и должен в этом смысле исполнить обязанность, возложенную на него Законом (Свод зак[онов], т. I, ч. 1, изд. 1906 г., ст. 110).

2) Статья 55 Осн[овных] Зак[онов] должна пониматься буквально, согласно ясно выраженному в ней ее смыслу, и нельзя придавать ей другое толкование, противоречащее точно указанному в ней ее содержанию.

1 июля 1906 г.

Печатается по тексту отдельного оттиска из фондов Кабинета-музея В.И. Вернадского (ГЕОХИ РАН) в Москве.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В состав комиссии Государственного Совета для обсуждения законопроекта об отмене смертной казни 28 июня 1906 г. были избраны: Н.С. Таганцев, кн. Б.А. Васильчиков, В.И. Вернадский, М.В. Красовский, С.С. Манухин, Н.Н. Маслов, С.И. Лопацинский, А.А. Сабуров, А.С. Ермолов, С.С. Гончаров, А.А. Нарышкин, Н.Э. Крамер, С.Ф. Платонов, Ф.Д. Самарин, кн. Н.Ф. Касаткин-Ростовский.

2. Статья 46 Наказа Государственному Совету предусматривала возможность вынесения на рассмотрение общего собрания Государственного Совета отдельного мнения меньшинства или отдельного члена комиссии Государственного Совета, избранной для рассмотрения какого-либо вопроса.

3. 19 июня 1906 года Государственная Дума приняла законопроект об отмене смертной казни.

4. Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич (1859–1927) – член Государственной Думы от Тверской губ., профессор, правовед, автор ряда трудов по военно-уголовному праву. Во время русско-японской войны – председатель военно-судной комиссии на Дальнем Востоке. См. также примеч. 4 к статье «Неотложное дело».

Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) – член Государственной Думы от С.-Петербурга, профессор уголовного права, редактор журналов «Право» и «Вестник права», товарищ председателя ЦК к.-д. партии.

Кокошкин Федор Федорович (1871–1918) – член Государственной Думы от Москвы, юрист, публицист, член ЦК кадетской партии.

5. См. примеч. 5 к статье «Письма о Государственном Совете».

6. Маслов Николай Николаевич (1846–1912) – член Государственного Совета по назначению, генерал от инфантерии, в 1892–1905 гг. – главный военный прокурор и начальник Военно-Судного управления.

ВОТУМ НЕДОВЕРИЯ

Неожиданно вчерашнее заседание Государственного Совета закончилось выражением *недоверия министерству* Горемыкина [1] и этот факт, несомненно, имеет известное значение для данного момента.

После двухдневных прений Государственный Совет принял целиком думский законопроект и отвергнул все поправки, которые были внесены в

него министром финансов Коковцовым [2] и членами Совета – Череванским и Философовым [3], поддерживавшими законопроект министерства. Вопрос о доверии министерству ясно вытек из прений, происходивших в Совете, и был подчеркнут речами министра финансов, не раз выступавшего в прениях, резко нападавшего на решение Государственной Думы и отстаивавшего министерские предложения. Первая поправка, им внесенная и отвергнутая большинством 68 против 55 [4], заключалась в том, чтобы ассигновать министерству (или правительству, как было указано в поправке) сразу 50 миллионов, вместо 15 миллионов аванса, ассигнованного Думой, и предоставить министру финансов изыскать источники для покрытия этих 50 миллионов. В этом праве министру было отказано Государственной Думой и теперь отказано Государственным Советом.

Едва ли может после этого решения оставаться у власти даже министерство Горемыкина, так как оно не нашло достаточно сильной поддержки в последнем своем оплоте, в том учреждении, в котором у него находится наибольшее число сторонников, искусственно подобранных, как среди членов по назначению, так и по избранию. Ибо среди членов по назначению мы имеем всех видных сановников эпохи реакции царствования Александра III и Николая II, а среди членов по избранию [5] преобладают представители дворянства. Теперь силы этих элементов русской реакции оказались недостаточными для того, чтобы отвергнуть законопроект Думы и, приняв поправки к нему министерства, поддержать его существование.

Государственный Совет выразил недоверие министерству неожиданно для многих из своих членов, но факт совершился и после этого решения Государственного Совета положение министерства стало совершенно невозможным. Оно, наконец, подаст в отставку [6]. Эта капля переполнит чашу?

«Речь», 2 (15) июля 1906 г., № 115.

ПРИМЕЧАНИЯ

Авторство данной статьи установлено по автографу В.И. Вернадского на экземпляре газеты, хранящемся в его личной библиотеке в Кабинете-музее В.И. Вернадского в ГЕОХИ РАН (инв. № 944). Подпись Вернадского поставлена непосредственно под текстом статьи «Вотум недоверия».

1. Речь идет о заседании Государственного Совета 1 июля 1906 г., на котором продолжалось обсуждение законопроекта, внесенного Государственной Думой об ассигнованиях на расходы, связанные с неурожаем в ряде губерний (см. примеч. 1 к «Выступлению на Государственном Совете 30 июня 1906 г.»). За думский законопроект «в полной его совокупности» проголосовали 74 члена Государственного Совета, против – 47.

2. Коковцов Владимир Николаевич (1853–1943), в 1896–1902 гг. – товарищ министра финансов, в 1902–1904 гг. – государственный секретарь, с 1904 г. по октябрь 1905 г. – министр финансов. С апреля 1906 г. по январь 1914 г. – вновь министр финансов, после убийства П.А. Столыпина (сентябрь 1911 г.) и до отставки в январе 1914 г. совмещал пост министра финансов с должностью Председателя Совета Министров.

3. Череванский Владимир Павлович (1836–1914) – член Государственного Совета с 1898 г., с 1906 г. член департамента Совета по финансовым вопросам. Философов Дмитрий Александрович (1861–1907) – член Государственного Совета по назначению, в 1905 г. – государственный контролер, с 1906 г. – министр торговли и промышленности. Поправки Череванского и Философова по существу совпадали с поправками В.Н. Коковцова. Упорство министра финансов в нежелании принять думский законопроект объяснялось не столько невозможностью изыскания необходимых средств, сколько стремлением дать решительный отпор Думе в

ее попытке вмешаться в бюджетные дела. Об этом прямо заявил в своем выступлении В.П. Череванский: «Нужно помнить, что пред нами первая законодательная мера, могущая служить прецедентом на возможные и в будущем подобные случаи. Необходимо озаботиться устранением подобных прецедентов» (Государственный Совет. Стенографические отчеты. Сессия 1. Заседания 1–15. Спб.: 1906. С. 14).

4. В статье допущена неточность: за поправку голосовали 52 члена Государственного Совета, а не 55. (Там же, С. 24).

5. См. примеч. 1 к статье «О Государственном Совете».

6. Отставка кабинета И.Л. Горемыкина произошла одновременно с роспуском I Государственной Думы.

ИЗ ЗАГРАНИЧНЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

1

Переживаемый нами величайший государственный перелом в жизни России является не только событием внутренней истории нашей страны; он имеет огромное всемирно- историческое значение. С глубоким вниманием следит за событиями в России вся европейская печать; с негодованием, недоумением и опасением, с надеждами и удивлением оценивают русские события в самых разнообразных и глубоких слоях европейского общества и народа.

Русская революция уже отразилась широко и могущественно в европейской жизни. Под ее впечатлением двинулась вперед реформа избирательного права в Австрии [1]. Проекты аграрной реформы, выработанные в среде конституционно-демократической партии, находят отголоски в политической мысли Запада при обсуждении земельного вопроса в Галичине или в сербско-хорватских землях [2]. Успех первой всеобщей забастовки [3] произвел сильное впечатление, явился одним из тех исторических фактов, которые заставляют прогрессивные и революционные группы Запада пересматривать установившуюся тактику. Под влиянием конкретных явлений русской действительности в тактике рабочих партий вновь возрождаются старые традиции Интернационала [4], в новой обстановке – и с новым, может быть, очень серьезным значением. Изменения в положении национального вопроса в России в духе свободы и равноправности начинают все серьезнее нарушать установившееся равновесие и могут отразиться самым глубоким образом на конструкции исторически национальных государств Запада, основанных на насилии и на порабощении отдельных народностей или вероисповеданий. Пока мы видим здесь только одни возможности – колесо истории еще не повернулось, – но поворот его грозит глубокими, неожиданными и, в общем, благими для человечества потрясениями.

Здесь на первом месте должно быть поставлено согласное со справедливостью разрешение старинного русско-польского спора [5]. Политическое усиление поляков отразится могущественным – и по-видимому выгодным для России – образом на положении их в Германии и в Австрии. Совершенно правы поляки, когда они указывают, что польский вопрос есть вопрос общеевропейский, а не чисто австрийский или русский. Фактически вопрос идет о политическом возрождении, как единого целого в новых государственных формах, в виде автономной провинции России высококультурного народа, сплошного 20-миллионного населения. Правильное разрешение польского

вопроса явится ослаблением политической силы Германии Бисмарка и рикошетом усилит демократическую Германию будущего. Познань, Силезия, Восточная Померания будут для Германии тем, чем для России теперь является Царство Польское. Это положение еще усилится вследствие неизбежности коренного изменения политической группировки поляков в Австрии при демократической автономии конгрессовки [6].

Рядом, по другую сторону великого русского государства, подымается новое течение, может быть еще большего мирового значения. Впервые в парламентской жизни выступили мусульманские политические деятели [7]. Рука об руку с нами они идут в разрешении назревших вопросов народной свободы, социальной справедливости. Кто может оценить то влияние, какое будет иметь в далеких краях мусульманского мира это новое возрождение мусульманского Востока, приобщение его к новым формам политической жизни России, к мировой культурной работе? Как далеко может идти, куда может достигать влияние этого прогрессивного течения, независимого в своем существовании и развитии от веками сложившихся форм мусульманских государств и теократий?

В меньшей степени, но огромное политическое значение должно иметь решение еврейского вопроса в той его форме, в какой он выставляется в политических программах передовых партий России [8]. Не говоря уже о международном значении русской еврейской эмиграции – решение еврейского вопроса в России при демократической ее конституции должно коренным образом изменить структуру антисемитского движения и отразиться самым серьезным образом на политической жизни Австро-Венгрии, Румынии, м[ожет]-б[ыть], Германии. Еврейская народная масса, насильственно выдержанная в пределах черты оседлости, получила благодаря насилиям и притеснениям, проповеди сионизма и социализма, – национальное чувство, оно проникло широко в народную среду, главным образом в России. Права еврейства, как отдельного национального целого, должны быть признаны; его язык («жаргон») должен получить права гражданства; в то же время условия расселения еврейской народной массы – «диаспора» еврейских публицистов – неизбежно вызывают для осуществления этих прав особые формы политической структуры...

Наконец, еще один вопрос – вопрос украинский – имеет большее международное значение, чем это рисуется обыкновенно в политическом сознании русского общества. Образование украинских политических партий в России, признание прав малорусского языка – неизбежно связанный с этим рост национального самосознания в украинском *народе*, что уже сказалось за время недолгой политической жизни Государственной Думы – совершенно меняют положение русинов Галичины и Буковины [9]. С одной стороны, оно должно отразиться на группировке и значении ныне действующих польских политических партий, заставить их пересмотреть свою практическую программу, а с другой – изменить внутреннее направление политических течений австрийской монархии по отношению к Венгрии. Для неизбежной демократизации буржуазно-шляхетного строя Венгрии, основанного на диком и беспощадном порабощении славян, немцев и румын, пробуждение украинского народного самосознания имеет огромное значение, оно не только изменяет – не в пользу Венгрии – политическую силу Австрии, но и политические интересы укра-

инского народа непосредственно кровно связаны с жизнью монархии Арпада [10] судьбами Угорской Руси [11] – этого крайнего западного форпоста русских племен... Нити, связывающие внутреннюю русскую политику с жизнью Запада и Востока, этим не исчерпываются. Достаточно вспомнить сложные интересы Кавказа, буддийских инородцев Восточной Сибири, потерю немецкой силы в латышских областях...

Конечно, пока все это лишь перспективы, которые начинают вырисовываться для человека, вдумывающегося в ход мировой истории, в политическую жизнь человечества. Но с этими перспективами каждый политик начинает считаться; он должен принимать их во внимание, ибо немного может пройти времени, когда они станут реальностью. И влияние этих настроений и ожиданий политических и общественных деятелей начинает чувствоваться в жизни заинтересованных государств, – оно ясно проявляется, напр[имер], в Австро-Венгрии.

С ожиданием и волнением следят мыслящие люди Запада за ходом и развитием русской исторической драмы. Тысячью нитей связаны с тем или иным ее разрешением самые глубокие и дорогие их интересы. Те из них, мысль которых привыкла видеть далеко за пределами текущего дня, следят за русской политической жизнью с еще более глубоким вниманием. Ибо они чувствуют в нашем движении возможность осуществления того, к чему давно стремится мысль лучших людей Европы. Наша жизнь и наша история является оселком, на котором пробуются идеальные создания и теоретические выводы вековой мысли человечества. В области социальной политики Россия совершает великий эксперимент, удачное решение которого должно широкой и могучей волной пройти по всему миру...

Но все это лишь ожидания, которые осуществляются только тогда, когда темные силы прошлого будут побеждены великим народным движением за землю и волю. Они получают реальное значение только тогда, когда новая свободная Россия вновь получит силу и могущество, когда прекратится владычество бюрократии, приведшей уже Россию к анархии, позору и унижению. Считаюсь – пока борьба с бюрократией в России не кончилась – с возможностью возрождения политического могущества и силы России, реальные политики Запада теперь учитывают падение русского государства как великой державы. Падение политического значения России есть тот реальный факт, который отражается на всем ходе современной политической жизни. Вина за него всецело падает на людей, и ныне осмеливающихся править судьбами России. На каждом шагу чувствуются уколы национального самолюбия. Они сказываются в мелочах – в соболезновании короля Эдуарда в связи с покушением на Столыпина [12], в болгарском инциденте с представителем России, с постановлением съезда южнославянских журналистов в Софии. Они отражаются и в крупном. Свободнее и сильнее ширится влияние Австро-Венгрии на Балканском полуострове, греки опираются на турок в греко-болгарском споре [13], угрозы слышатся из Берлина (куда трогательно обращаются за своими делами и так наз[ываемые] «русские люди») [14], в связи с решением наших внутренних дел, происходит сближении Франции с Англией, но невозможным оказывается русско-английское соглашение [15]. Изменилось настроение Ближнего Востока и серьезными осложнениями грозит нам Дальний Восток. Это и понятно. Как могло быть иначе после Цусимы, после долгой войны, во

время которой наши войска терпели все время жестокие поражения, после того, как силы русской армии и флота оказались не тем, чем они должны были быть, а колоссальные народные затраты на их создание, истраченными, в лучшем случае, легкомысленно и невежественно? Политическое значение России все падает благодаря дальнейшей политике правящей у нас бюрократии в лице ее выразителей – министерств Витте, Горемыкина, Столыпина. Потоками крови они защищают свою власть, как бы не сознавая, что власть в великом государстве не может оставаться в руках тех, кто уже привел его к политическому унижению и к неслыханным поражениям. Занятая внутренними делами с армией и флотом, сила которых оказалась в глазах всего мира незначительной, с зависимостью от иностранных банкиров, Россия является малой величиной в политической истории данного момента по сравнению с ее недавним прошлым и с ее действительным весом. В европейской печати учитывается, как возможная перспектива, ее финансовое банкротство, грезится ее разрушение – раздел еще одного славянского государства. Неужели и к этому приведет нас дальнейшее управление государственными делами тех групп русских граждан, которые уже привели Россию к Мукдену и Цусиме, к Портсмутскому договору [16] и к переживаемой междусобной борьбе.

2

Месяц мне пришлось пробыть в северной Чехии, в области, где преобладает немецкое население и идет вековая национальная борьба между немцами и чехами. Здесь на пороге Рудных Гор культурным и умственным центром все еще является Прага. Пражская немецкая печать обслуживает немецкие места Чехии, как северной, так и южной, с Прагой связаны все эти местности и торговыми интересами. Еще теснее связь с Прагой чешского меньшинства этих окраин: чешская умственная жизнь централизована в одном месте – в Праге, как в былое недавнее время была централизована в Париже умственная жизнь Франции. Судьбы истории поставили Чехию в центре политико-государственных вопросов старой Европы. Окруженные с трех сторон сплошным немецким населением, чехи должны были отчаянно бороться за свое национальное самоопределение и только усилиями всего народа им удалось за последние 40 лет добиться широкой автономии, остановить, вероятно, навсегда германизацию чешского народа. Чешское возрождение сыграло крупную роль в политической истории новейшей Европы: оно сделало невозможным создание сплошного централизованного германского государства от берегов Балтийского и Немецкого морей до Адриатики, о чем одно время могли реально мечтать немецкие патриоты. Но чехам до сих пор приходится вести упорную борьбу за свое национальное существование. Как всякая национальная борьба, вернее как всякое народное движение, наряду с крупным и героичным, она представляет много мелкого, грубого, тяжелого, дикого. Там, где она идет, создаются для жизни невыносимые условия. В течение долгих поколений, в одной и той же стране, рядом живут люди, неизбежно враждебно друг к другу настроенные, ибо их вражда питается национальной борьбой. Каждый шаг их личной или семейной жизни оценивается с точки зрения национальной борьбы и национальных интересов – чешских или немецких: женитьба, посылка детей в школу, каждое письмо и каждое обращение к общественным властям,

покупка и продажа недвижимости получают совершенно особое значение, учитывается, находится под неусыпным тяжелым контролем общества. Несколько мелких примеров лучше всего осветят характер этой борьбы. В Праге два университета – чешский и немецкий: это два разных центра – представители одинаковых кафедр должны сторониться друг от друга, нередко друг с другом незнакомы. В Духцове (Дуксе) и Теплице не допускаются чешские надписи на надгробных памятниках – из-за этого начинаются судебные дела. В городах с немецким большинством чешское меньшинство не может пользоваться своим языком для публичных надписей. Каждая новая немецкая или чешская школа, каждый приезд шовинистических или даже безразличных чешских или немецких обществ в городе со смешанным населением вызывает шум, возбуждает страсти далеко за пределами Чехии, нарушает установившееся равновесие. Немцы Чехии – *Deutschböhmen* – поддерживаются в этой борьбе всей могущественной немецкой печатью Австрии и Германии, многочисленными патриотическими обществами, насчитывающими десятки тысяч членов, вроде националистического *Alldeutscher Eurband*, деятельность которого во многом не безынтересна и для нас, русских. Чехи предоставлены своим собственным силам; они неизбежно вынуждены обращаться *вглубь*, идти в народ – все чешские партии, даже такая, как аграрии, неизбежно должны демократизироваться, несмотря на далеко недемократическую политическую структуру австрийского представительства.

Едва ли где эта демократизация в связи с национальным движением сказывается так ярко и так резко, как в Чехии. И в этом условии, в неизбежной демократизации общества, как следствии всякого серьезного национального движения, в наше время заключается весь успех национальных движений, их огромное культурное значение в истории современного человечества. Национальное движение должно захватывать *весь народ*, оно дает каждому человеку смысл и значение в общей жизни. Одухотворяя мелочи его жизни, оно в то же время неизбежно на первое место должно ставить интересы *большинства*, ибо только при этом условии оно может быть сильным и могущественным. Особенно резко сказывается эта демократизация в тех случаях, когда данная национальность не получает возможности вылиться в какие-нибудь политические формы, обеспечивающие ее элементарные права в печати, в собраниях, в школе, в общественной жизни. Когда она должна бороться за эти права и когда она не имеет за собой внешней силы – она должна стремиться стать целью всего народа, а для этого она должна слить национальные интересы с экономическими и духовными интересами народных масс.

В небольшом уголке Чехии, где мне пришлось быть, это тождество национальных интересов с демократическими сказывается очень резко. Всякая демократизация общественной жизни усиливает и защищает здесь чехов; всякое сохранение политического или общественного неравенства, исторически сложившейся экономической и общественной жизни усиливает немцев. Город, в лице большинства своих домовладельцев, купцов и ремесленников, здесь вполне немецкий. Чехи являются главным образом рабочими, черно-рабочими, прислугой. Рост промышленности, наблюдаемый и здесь, как и в других странах, в местностях, близких к государственной границе, отчасти усиленный нахождением многочисленных бурогольных копей, вызывает новый приток населения – чешского. Этот рост чешского населения ясно за-

метен, напр[имер], за те восемь лет, какие прошли после первого моего посещения этих мест. Все чешские национальные организации в многочисленных местах, как и городах Северной Чехии, чисто демократические, частью – социалистические, частью – анархические. Единственный чешский печатный орган в этих немецких областях Чехии (*Severočeský Dělník* в Теплице) – социалистический. Это совпадение интересов демократии, к которой неуклонно стремится в наше время жизнь всех государств, с ходом чешского национального возрождения делает положение здесь чехов далеко не безнадежным и во всяком случае кладет предел движению и распространению немецкого населения. Здесь получается очень устойчивая национальная граница.

Этот результат далеко не безразличен и с точки зрения государственных интересов России. Ибо несомненно, что то движение, которое теперь происходит в России, есть одно из величайших проявлений мирового стремления к демократии. Новая Россия должна искать новых политических комбинаций, а не тех, которые обуславливались династическими интересами или теми проявлениями великодержавной политики, которые привели нас к союзу с Францией, к зависимости от западноевропейских капиталистов и колониальным авантюрам [17]. Новые политические комбинации, в какие вступит Россия, должны быть тесно связаны с теми основными принципами, на которых будет построено ее новое государственное могущество: на принципах свободы и социальной справедливости, широкого проявления интересов демократии. Ее естественными сторонниками должны явиться государственные тела, политика которых построена на тех же принципах; в пределах чуждых ей по духу государственных тел естественными сторонниками тесного союза с новой Россией должны явиться группы и партии, преследующие те же цели свободы и равенства. Едва ли можно сомневаться, что политические комбинации, которые до сих пор творили мировую политику Европы, должны совершенно измениться со вступлением новой демократической России на международную политическую арену. Национальные группы, не достигшие политических форм и борющиеся за свою самобытность на почве демократии, должны быть ее естественными союзниками. И, очевидно, сочувствие этих национальных групп, хотя и не являющихся государственными телами, но влияющими на политику своих государств сильнее, чем существующие в них политические партии, является для России и для русского движения существенным и не безразличным фактом.

Оценивая с этой точки зрения отношение чешской политической мысли к русскому освобождению, надо было ждать нам в нем естественного союзника, ибо интересы демократической Чехии тождественны с интересами молодой России. Но действительность разбивает эти ожидания.

3

В общем, в чешском общественном мнении, поскольку оно проявляется в печати, можно заметить по отношению к русскому освободительному движению два течения. С одной стороны, вся социалистическая печать, как в виде столичных пражских органов (*Právo lidu*, *Žar*), так и в виде провинциальных (*Severočeský Dělník* и пр.), стоит целиком на стороне русского освобождения; однако она рассматривает его исключительно с точки зрения интересов

пролетариата и видит в нем только эту одну его сторону. Главные органы другой печати, за нижеуказанными исключениями, являются более или менее открыто враждебными к достижению русским обществом широких конституционных гарантий, считая, по-видимому, падение самодержавия в России нежелательным для интересов Чехии. Они мирятся с этим, как с неизбежным фактом, считая необходимым сохранение русской бюрократией максимума власти. Иногда это высказывается очень ярко и резко, иногда видно по искажению, тенденциозному освещению и подбору событий, по грубому смешению хулиганских и анархических явлений или террора со всем освободительным движением. В чешской печати нередко с сочувствием перепечатываются или излагаются отзывы русских официозов (напр[имер], «Нового времени») или соответствующие им статьи иностранной прессы. Так освещают русские события самые распространенные и влиятельные органы чешской политической печати, как «Národní Politika» (самая распространенная газета), «Národní Listy», «Hlas Národa».

Исключение составляют органы действительно прогрессивных групп чешского народа, тех кругов, к которым, возможно, при новой системе выборов, перейдет значительная доля руководства политической жизнью Чехии; таковы орган Масарика [18] – «Czas» или журналы «Slovanský Přehled», «Přehled». В них чувствуется симпатия свободных людей к людям, борющимся за свободы. Но эти органы мало распространены за пределами Праги и некоторых кругов чешской интеллигенции. Их совершенно нельзя было достать в городах северной Чехии. Читая чешские газеты, соглашаешься с суждениями польской прессы, напр[имер], краковского «Swiat Slowianski», который указывает, что общественное мнение Праги стоит за самодержавие в России, что оно боится и не сочувствует достижению русским народом конституционных прав. Могущественный творец общественного мнения – чешская печать – создает и питает это пагубное заблуждение, давая ложное и неправильное освещение происходящим в нашей стране событиям. Это отношение чешской печати поражает еще более, если сравнить его с немецкой австрийской прессой. Крупные ее органы, как венская «Neue Freie Presse» или «Zeit», так и пражский «Prager Tageblatt», в полном единении с огромной частью европейской печати стоят на стороне русского народа в его борьбе за свободу и дают правильное и нередко очень интересное («Neue Freie Presse») освещение нашей политической жизни. В общем, здесь чувствуется больше понимания России и больше человеческого отношения к русской жизни, чем в более близкой к нам чешской печати.

Такое отношение к русской жизни господствующих органов младо- и старочехов [19] объясняется, с одной стороны, их более или менее ярким антисемитизмом, а с другой – грубым панславизмом австрийских политиков, ценящих в России только ее военное могущество, только богатство ее правительства, привыкших не считаться с русским обществом.

Усиление антисемитизма в Европе поражает, вероятно, всякого наблюдателя европейской жизни, который ездит туда годами, внимательно присматривается к окружающему. Это явление очень сложное. Оно отнюдь не может быть объясняемо одними экономическими причинами. Оно не может целиком или даже в главных своих формах считаться первым, неправильно направленным проявлением недовольства народных масс существующим строем, как

это нередко высказывается в ходячих схемах русской политической мысли под влиянием немецкой социал-демократии. Антисемитизм, глубоко проникающий (в) негосударственные народности, может служить ярким примером недостаточности одного этого объяснения. Здесь антисемитизм является проявлением элементарного национального чувства – враждебным отношением туземцев к пришлому обособленному населению, чуждому их национальной борьбе за существование, нередко даже ей враждебному. Среди территорий подавленных народностей евреи, в общем, являются союзниками их национальных врагов. Так, в Венгрии – по отношению к словакам, румынам, украинцам, сербам – евреи, рассеянные среди них, являются главными пособниками шовинистической мадьярской государственной власти. В Чехии и в некоторых областях польского края (Познани, Силезии) они первые бессознательные пособники германизации. Антисемитизм на национальной почве стоит вне области экономических отношений. К этому присоединяются новые обстоятельства, вызванные коренным изменением в настроении и стремлениях еврейского народа во второй половине XIX столетия. Среди него поднялось чувство своего национального достоинства, стремление к равноправию с туземцами страны, в которой евреи живут поколениями, хотя и не творят ее историю. Это их требование встречает отпор в национальных стремлениях туземцев, противоречит тем формам национального движения, которые основаны на исторической бывальщине. Так объясняется антисемитизм польских национальных партий, напр[имер], народных демократов, выставивших требование Польши для поляков [20]. Русское освободительное движение [21] имеет огромное значение для еврейства: оно обозначает освобождение от неравенства главной их массы. Понятно поэтому, что евреи играют крупную и видную роль в русском движении. Неизбежное в новой России полное равноправие евреев не может быть безразличным для положения евреев в национальных телах, сильных историческим прошлым – в Чехии или Польше. Русское освободительное движение явно враждебно всяким формам антисемитизма, а потому антисемитски-национальная чешская печать не может отнестись к нему правильно и беспристрастно. По следам русских официозов и печатных органов так называемых «русских людей» она преувеличивает значение еврейства в нашем движении – из-за деревьев не видит леса; в борьбе с еврейством она забывает про интересы русского народа.

К тому же самому приводит чешскую политическую мысль укоренившийся в ней панславизм. В борьбе с германизацией чехи невольно искали внешней опоры в противовес той, какую нашли немцы в Германии. Эту внешнюю опору они думали найти в могущественном и родственном им славянском государстве – в России. Она была им нужна и дорога только своей военной мощью, которая могла быть противопоставлена военной силе германского государства; она была им нужна возможностью внешней материальной помощи. Несомненно, в этой идее много было верного: правильно понятый государственный интерес России должен был способствовать ее сближению со всеми небольшими национальными единицами Западной Европы, в том числе и с чешской. Но внешняя политика России в европейской истории XIX века руководилась в общем другими идеями – интересы династические и монархические стояли в ней впереди интересов государственных. Реальной помощи русское правительство чехам, как и другим австрийским и германс-

ким славянам, не оказало. Но все же одно существование могущественного славянского государства могло быть использовано и было использовано чешскими и другими славянскими общественными деятелями. Другой вопрос, насколько оказалось в конце концов выгодным для самих славян, это тяготение к России. Россия играла в их руках роль колосса, которым можно было грозить в пылу борьбы за национальное существование; это был могущественный сфинкс, считавшийся другом чешского (и славянского) возрождения, помощь которого должна была явиться спасительной в последнюю критическую минуту. Чешские политики направляли все усилия, чтобы завязать более тесные сношения с официальными и влиятельными русскими сферами. Для этой цели они не считались со своими убеждениями: радикалы шли рука об руку с консерваторами. Ценя в России только политическую силу и могущество, они сторонились от всех слоев русского общества, которые были враждебны или находились в оппозиции с русским правительством, а в таком положении была в последние 40 лет большая часть русского общества, все живое в России. Мы видим здесь в иной среде и в течение десятков лет проявление того же самого настроения, которое наблюдалось в течение немногих лет в широких кругах французского общества в эпоху Alliance Franco-russe. Французские радикалы стали тогда союзниками русского абсолютизма [22].

Времена шли, но старые тенденции чешских политиков оставались нетронутыми. А между тем все переменялось: чешское национальное движение демократизировалось, ушло вглубь, нашло корни в народе, и внешняя сила потеряла для него свое прежнее реальное значение. Еще более резкий перелом произошел в русской жизни: общество и народ выдвинулись вперед из тисков бюрократии; началась русская революция. Чешские политики продолжали тянуть старую песню и тогда, когда французская печать резко изменила свое отношение. В борьбе за свободу России они стали на сторону русской бюрократии против русского общества. Они думали, что могущество России все еще покоится в ее нетронutom самодержавно-военном строе. Они не видят, что даже с точки зрения политической государственной силы для России теперь стоит дилемма: или остаться великой державой, сделавшись свободной, демократической страной с широкой местной автономией, или играть в мировой политике ничтожную роль, сохранив свой отживший самодержавно-бюрократический строй. Японская война доказала это ярко; с беспощадной жестокостью она показала, что в наше время в мировой политической жизни не может иметь значения государство, форма управления которым отвечает прошлым, давно минувшим для человечества векам. На каждом шагу в переживаемой анархии мы ясно и больно чувствуем, как опасно для государственного блага сохранение в XX веке власти в руках людей, идеалы которых отвечают в лучшем случае тому, что было живым сто лет тому назад. Это еще более опасно во внешней политике государства: ибо здесь русский государственный корабль, руководимый старомодными, невежественными кормчими, входит в столкновение с государственными телами, являющимися во всеоружии знания и техники XX века, руководимыми людьми, выбранными из всего народа. Как можно сомневаться в конечном результате такой политики и происходящих при таких условиях столкновений?

Чешская политическая жизнь находится теперь в полном переустройстве. Рушатся старые партии младочехов и старочехов и нет сомнения, что старый

традиционный взгляд чешских политиков на Россию скоро сменится новым. Новый избирательный закон в Австрии, изменение сейма в Моравии, где чехи получают большинство, и вызванные этим новые политические группировки, рост демократических идей и влияние европейского общественного мнения – все неуклонно ведет к этому... С неизбежным падением младочехов рушатся и их политические тенденции: связь Чехии с русским обществом восстановится.

Но для нас этот эпизод русско-чешских отношений интересен и важен в связи с более общим славянским вопросом. Среди внутренней анархии и разгула реакции мы не можем оставлять в стороне и без внимания вопросы внешней политики. Окружающая нас тьма скоро рассеется. Черносотенная Россия, Россия расстрелов, разгромов городов, кровавой мести, Россия анархистов, убийц, хулиганов и палачей – как государственное целое – немислима. Так она долго существовать не может. Победа свободы и демократии неизбежна. А вместе с тем подымется вновь политическое могущество российской державы, разрушенное русскими правительствами последних десятилетий. Русские граждане обязаны теперь же выяснить для себя столь чуждые им раньше вопросы внешней политики. Среди них, может быть, ближайшим для нас является в настоящую минуту вопрос междуславянского общения.

Не входя здесь в детальное его рассмотрение, нельзя не отметить, что едва ли может быть сомнение в невозможности какой бы то ни было гегемонии интересов славянских народностей в российском государстве. Панславизм или славянофильство не могут иметь для нас никакого прямого политического значения. Никакая национальная борьба не может быть русской государственной задачей. Интересы славянского народа тождественны с интересами новой России только постольку, поскольку они отвечают принципам свободы и демократии, наряду с другими чуждыми славянам народами, входящими в состав нашего государства. Чешско-русские отношения могут служить яркой иллюстрацией этого положения.

Новая Россия, благодаря своей обширности и этническому составу, имеет круг интересов, выходящих далеко за пределы национального государства, даже если расширить национальность до понятия широкой племенной группы – славянства. Наша внешняя политика должна быть построена на более широком базисе общечеловеческих интересов, и в этом заключается залог чрезвычайного будущего государственного могущества России.

Однако этим для нас не исчерпывается содержание славянского вопроса. Культурное значение его для русской мысли огромно. Ибо только этим путем русская нация и литература, а равным образом литература и наука более мелких славянских племен, получают широкий круг распространения, получают достаточный базис для мирового непрерывного влияния, среди сплошных масс великих мировых народных тел – германского, романского и англо-саксонского. Близость славянских языков расширяет для каждой славянской народности до чрезвычайности контингент ее культурного влияния. В частности, для России этим путем достигается проникновение ее вглубь европейского общества. Для нас славянский вопрос есть вопрос культуры, а не внешней политики.

«Речь», 21 сентября (4 октября) 1906 г., № 170.

ПРИМЕЧАНИЯ

Статья написана после научной командировки в Германию и Австро-Венгрию в августе-сентябре 1906 г. Целью поездки было ознакомление с минеральными месторождениями Рудных гор и сбор коллекций для Минералогического отделения Геологического музея им. Петра Великого. Геологические экскурсии В.И. Вернадский совмещал с широким знакомством с местной печатью, собирал сведения по всегда волновавшему его национальному вопросу.

1. После многотысячных демонстраций в октябре 1905 г. в Вене (на улицы и площади австрийской столицы вышли четверть миллиона человек), Праге (150 тыс.), Кладно (70 тыс.), Острове (60 тыс.), прошедших вслед за октябрьской политической стачкой в России, правительство Австро-Венгрии вынуждено было дать обещание о проведении избирательной реформы. Закон о введении всеобщего избирательного права был утвержден рейхсратом в январе 1907 г.

2. Галиция, Галичина – историческое название западноукраинских земель, которое относилось в конце XVIII – начале XX в. и к части польских земель. В 1772 г. после первого раздела Польши Галиция оказалась в составе Австрии и до 1918 г. являлась отсталой аграрной провинцией Габсбургской империи, с крупными помещичьими латифундиями и крестьянским малоземельем. Те же аграрные проблемы стояли и перед Хорватией, по решению Венского конгресса 1814–1815 гг., находившейся в подчинении Габсбургов. Австро-Венгрия оказывала в конце XIX – начале XX в. сильное экономическое влияние на Сербию, основой экономики которой являлось сельское хозяйство, стремясь превратить ее в свой сырьевой придаток (см. также примеч. 3 к статье «Русская жизнь и “внепартийные”» и аграрной программе кадетской партии).

3. Имеется в виду октябрьская всероссийская политическая стачка, под напором которой царское правительство издало Манифест 17 октября, возвестивший о «даровании» народу «незыблемых основ гражданской свободы» на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов, о созыве законодательной Государственной Думы.

4. В.И. Вернадский, по-видимому, имеет в виду реформистское движение в II Интернационале, делавшее упор на легальную деятельность рабочих партий в рамках буржуазной демократии и рассматривавшее массовую стачку как одну из форм парламентской политической борьбы пролетариата.

5. Имеется в виду вопрос об автономии Царства Польского, которая была окончательно ликвидирована после подавления польского восстания 1863–1864 гг.

6. Речь идет о Царстве Польском – территории бывшего Варшавского княжества, отошедшего к России по решению Венского конгресса 1814–1815 гг. Оно также называлось поляками Королевством конгрессовым, или, как пишет В.И. Вернадский «конгресувка».

7. Раньше всего из стран Востока влияние русской революции сказалось в Иране. В декабре 1905 г. там началась революция. 5 августа 1906 г. шах Ирана был вынужден издать указ о введении конституции и о выборах в меджлис (парламент). Первый иранский меджлис открылся 7 октября 1906 г.

8. Имеется в виду программа кадетской партии по национальному вопросу. Ее центральным пунктом было требование культурного самоопределения народностей, входивших в состав Российской империи. Под этим требованием кадеты понимали прежде всего предоставление каждой народности права пользования родным языком во всех сферах общественной жизни, основание учебных заведений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы и культуры.

9. Русины – название русского населения в Галиции и Буковине, входивших в состав Австро-Венгрии.

10. Арпады – династия венгерских князей (889–1001), затем королей (1001–1301). Основатель династии первый венгерский князь Арпад (889–907) был избран князем в период пребывания венгров в южно-русских степях. Под его предводительством венгры переселились в Паннонию – провинцию Римской империи, занимавшую западную часть территории современной Венгрии, северную часть современной Югославии и восточную часть современной Австрии.

11. Угорской Русью назывались славянские племена, поселившиеся за Карпатами на территории Венгерского королевства в XI–XIV вв. (угры – дунайские венгры), которые сами себя называли русинами.

12. В газетах было помещено короткое сообщение о том, что английский король Эдуард VII был очень огорчен покушением на Столыпина и выразил сожаление, что внутренние смуты мешают в настоящее время России быть выдающимся фактором международной политики, каковым король желал бы видеть ее («Русские ведомости», 13 августа 1906 г.).

13. Речь идет о столкновениях греков и болгар в Македонии, находившейся под властью Турции. Македония имела чрезвычайно пестрый этнический состав. Борьба славянского населения Македонии была направлена против османского ига, а также против политики эллинизации, осуществлявшейся греческой константинопольской патриархией. По Мюрцштегскому соглашению 1903 г. между Россией и Австро-Венгрией обе державы обязались осуществлять совместный контроль над Македонией и сдерживать какие-либо притязания на эту область (болгарские, греческие и др.) для поддержания status quo в соответствии с ранее заключенным соглашением 1897 г.

14. В данном случае имеются в виду сторонники германской ориентации в области внешней политики, представленные высшими чиновниками и лицами из непосредственного окружения царя: И.Л. Горемыкин, П.Н. Дурново, ближайшие сотрудники министра иностранных дел бар. М.А. Таубе, К.А. Губастов, послы и посланники Ю.П. Бахметев, бар. Р.Р. Розен, П.С. Боткин, помощник министра двора кн. Н.С. Долгорукий, гофмаршал граф П.К. Бенкендорф, обер-церемониймейстер граф В.А. Гендриков, начальник канцелярии царя кн. В.Н. Орлов.

15. Переговоры о заключении русско-английского соглашения начались весной 1906 г., но затягивались из-за противодействия влиятельной группировки в российских правящих кругах, выступавшей за сближение с Германией, и из-за неуступчивости английской стороны, стремившейся расширить свои позиции на Среднем Востоке. Соглашение между Россией и Англией было подписано в 1907 г.

16. Речь идет о двух крупнейших поражениях России во время Русско-Японской войны: Мукденском сражении (5–24 февраля 1905 г.) и сражении русского и японского флотов в районе острова Цусима (14–15 мая 1905 г.), закончившемся гибелью русского флота. 27 июля 1905 г. в Портсмуте (США) началась мирная конференция, продолжавшаяся целый месяц. Японскую делегацию возглавлял министр иностранных дел Комура, русскую – С.Ю. Витте. 23 августа был подписан мирный договор, по которому Корея признавалась сферой интересов Японии, в Маньчжурии устанавливался принцип «открытых дверей», Россия вынуждена была передать Японии южную часть Сахалина до 50-й параллели, но освобождалась от уплаты контрибуции.

17. Имеется в виду Русско-Японская война.

18. Масарик Томаш (1850–1937) – чехословацкий государственный деятель, первый президент Чехословакии (1918–1937), философ и публицист. В 1882–1914 гг. – профессор Пражского университета, в 1900–1920 гг. возглавлял Чешскую народную, затем Прогрессистскую партию, стремившуюся к автономии Чехии в составе Австро-Венгрии. Долго жил в России, был знаком с Л.Н. Толстым.

19. Старочехи – официальное название – Чешская национальная партия (1860–1918), представляла интересы крупной буржуазии и реакционного чешского по происхождению «исторического дворянства». Выступала за сохранение Габсбургской монархии, за осуществление так называемого чешского государственного права (автономии чешских земель в рамках империи Габсбургов), против буржуазно-демократических преобразований. Название «старочехов» получила после выделения из ее состава в 1874 г. партии младочехов. Официальное название партии «младочехов» – Национальная свободомыслящая партия, представляла интересы промышленной буржуазии и зажиточного крестьянства. Наряду с национальными требованиями преобразования двуединой Австро-Венгерской монархии в триединую Австро-Венгеро-Чешскую монархию с автономией чешских земель, выдвигала демократические требования избирательной реформы, политических свобод.

20. Имеется в виду партия национал-демократов, «эндеков», отражавшая интересы крайне шовинистически настроенных групп польской буржуазии.

21. Имеется в виду подъем либерального и революционного движения в России после русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

22. Русско-французский союз оформился в 1891–1893 гг. Возникновение в 1882 г. Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия), резкое обострение в конце 80-х годов XIX в. франко-германских и русско-германских противоречий обусловили общность внешне-

политических и военно-стратегических интересов республиканской Франции и самодержавной России. Важной предпосылкой создания русско-французского союза было также развитие финансовых связей между двумя государствами.

ПАТРИОТИЗМ И ЧЕРНАЯ СОТНЯ

Наиболее характерной чертой переживаемого момента можно признать то странное явление, что разум и сознание народа не успевают следовать за быстрым ходом событий, не в силах их своевременно схватывать. Еще недавно призывы к вооруженному восстанию, к проведению явочным порядком экономического переустройства жизни, к бойкоту Государственной Думы, к доверию в революционную силу неорганизованных народных масс, к политической борьбе в XX веке вне политических партий беспартийными кружками и организациями охватывали широкие слои населения. Жестокая проза жизни разбила эти фантастические лозунги, разогнала обманчивые миражи [1]. Под ее запоздалым влиянием в глубоких слоях народной среды идет перестройка настроения, исправляются сделанные ошибки, энергически выковываются новые приемы борьбы за освобождение, за лучшее будущее.

Но на поверхность – на смену старым – выступили новые призывы, столь же революционные, но еще более фантастические и разрушительные. «Правительство» и «власть» были провозглашены целью государственной жизни сами по себе и стали противопоставляться интересам народа и государства; им в жертву полилась кровь. В группе победителей разыгралась черная сотня и стремится фактически захватить в свои руки правительственную власть. В эти месяцы ее владычества страна переживает ужасы, напоминающие времена бироновщины. Законы – божеские и человеческие – попираются на каждом шагу, ежедневно льется кровь казненных, десятки тысяч людей сосланы и томятся в заключении, месть и отмщение надевают маску закона, а устои государственной жизни разрушаются в безумном забвении целей государственного существования. Страна покрывается сетью легализированных и покровительствуемых организаций т[ак] называемого «русского народа» [2], наиболее близких по тактике к максималистам и едва ли терпимых в наше время в каком бы то ни было другом государстве. Но террор и устрашение как-то разбиваются и распыляются в нашей жизни; сердце притупляется к ужасам, мысль отходит от них к другим вопросам еще более грозного значения для нации. Они не охватывают широких масс населения, не действуют на них – но всюду кругом родят озлобление и скрытое стремление к отмщению. Жизнь потеряла свою цену. На каждом шагу по всей стране подымается рука убийцы, каждый день все растут дикие грабежи и насилия. Анархия родит анархию.

Где выход из этого положения? Он может быть найден только тогда, когда подымется национальное самосознание. Дружными усилиями министерства Столыпина и его «русских» союзников быстро создается вновь то единое государственное настроение русского народа и общества, которое раз сделало уже исторически необходимым акт 17 октября. Оно вполне кристаллизуется тогда, когда ясно перед глазами всех станет *национальная опасность* дальнейшего продления безумной политики последних месяцев. Тогда подымется то патриотическое настроение, которое вековыми усилиями лучших русских

умов, неисчислимыми страданиями народа создало наше государство, которое проявлялось всегда в критические периоды нашей истории и которое не допустит, не может допустить превращения России в Турцию, в это разлагающееся государство, но в то же время в эльдорадо турецкой черной сотни [3].

Это время близко. Жизнь беспощадно и непоколебимо ведет к его проявлению. Настоящее сильное патриотическое чувство русской нации должно прекратить ту кощунственную игру патриотизмом, которая ведется в собраниях монархических партий, в заседаниях благородного российского дворянства, на столбцах черносотенной печати. Оно должно прекратить то дикое явление, когда люди, вся жизнь и все помыслы которых были отданы благу родины, – настоящие русские патриоты – изгоняются из политической жизни страны, предаются суду и заключению, обливаются черносотенной и октябристской печатью потоками грязи и инсинуаций, а те, которые виновны во всем позоре и унижении, переживаемых родиной, на каждом шагу кричат о своем патриотизме, им прикрывают свое умственное убожество или корыстные расчеты. В самом деле, в чем проявляется и проявился патриотизм тех, которые громче и чаще всего кричат о нем, патриотизм наших, так называемых монархических партий – русских черных сотен?

Перед самым началом несчастной русско-японской войны черная сотня выступила впервые перед русским обществом. В торжественных патриотических манифестациях на улицах городов и деревень, в призывах и статьях своей прессы она поддержала воинственную политику правящих сфер бюрократии. Она приняла на себя ответственность за эту пагубную ошибку правительства. Но потоки напрасно пролитой крови, давно небывалое унижение государственного достоинства России ее не коснулись. Ибо теперь, когда на Востоке вновь собираются грозные тучи, черная сотня в ослеплении и безумии подымает свой голос в прежнем тоне, начинает свою прежнюю антинациональную игру. Или она думает, что и другие забыли ее роль и роль ее героев в прошлую войну? Завеса над ней поднялась еще слабо, но роль Стесселей, Безобразовых, Алексеевых [4] – этих порождений старого режима – ярко стоит перед всем русским обществом. Среди государственного разорения и унижения они хорошо вели свои собственные дела. В процессах Небогатова и Рожественского [5] выдвинулись скрытые и не тронутые судом настоящие виновники поражений. Те, которые готовили поражения прошлой войны, посылали на гибель русский флот, плохо организовали нашу армию, продолжают свою деятельность невозбранно до сих пор. Они готовят стране новые поражения. Они пышно расцветают в душной атмосфере старого режима, они плоть от плоти того государственного устройства, который всеми силами защищают черные сотни. Защищая этот режим, черные сотни защищают темную работу этих делателей поражений, губителей русского государственного достоинства.

В недавние месяцы нами была пережита попытка свергнуть владычество этих лиц. В трагические дни первой Государственной Думы народные представители открыто перед лицом всей страны столкнулись с бюрократией, со старым режимом, который имел в свое время в своих руках *всю* власть и нес *всю* ответственность за то состояние, в какое приведена им Россия.

На стороне народных представителей была вся страна. Передача власти в руки министерства, пользующегося доверием Думы, была общим нацио-

нальным лозунгом. Дальнейшее оставление правительственной власти в руках тех людей и кружков, которые уже привели нашу страну к Цусиме и к Мукдену, к потере части русской территории, к подчинению ее иностранным банкирам, ясно в глазах всех представляло национальную опасность. В этом столкновении с властной бюрократией Государственная Дума была распущена и патриотизм черных сотен был удовлетворен: власть осталась в руках тех лиц, которые привели уже раз нашу страну к унижениям и явно оказались неспособными управлять государственными интересами России.

И теперь, когда перед страной стоит новое бедствие, неспособность этих людей управлять современным государством стоит перед всеми в поразительной, почти трагической, простоте. Голод, болезни, ужасы голодания и их последствия – нищета и вымирание – охватили десятки миллионов крестьянского населения. В том, что они могли произойти и не были своевременно предупреждены, виновно во всякой стране, всегда и везде правительство. Неурожай бывает везде, но голод и голодные заболевания и смерть могут быть только там, где правительство не исполняет своих элементарных обязанностей. Голод и его ужасы давно отошли в область истории в цивилизованных странах Европы и Америки. Только в Турции, среди диких племен Африки, в архаическом строе Китая возможны их проявления. Государственная Дума предвидела опасность оставления власти в руках министерства для правильной борьбы с голодом. Выработанный ею продовольственный закон останется памятником ее государственной прозорливости. Действительность подтвердила ее опасения сильнее и быстрее, чем она могла сама это думать. Разложение государственной власти оказалось более сильным, чем казалось. Скандальное дело Гурко-Лидваля [6] раскрыло перед изумленной страной поразительное легкомыслие в ведении важного государственного дела. А сколько Гурок-Лидвалей таится в недрах русской бюрократии! Они только агенты – настоящим виновником является министерство, поручающее им ведение ответственного дела. Точно так же как патриотизм черных сотен, поддерживавший японскую войну, привел нас к позору и к поражениям, точно так же тот же патриотизм, поддерживая роспуск Думы, привел нас к ужасам голода и обнищания.

Приближается время, когда этот патриотизм, все время приводящий страну лишь к гибели, может быть по достоинству оценен русским народом и обществом. Это время выборов. И несмотря на все давление министерства Столыпина, на проведение им в жизнь стамбуловских [7] приемов избирательной кампании, государственный патриотизм русского народа должен нанести на этих выборах сильный и решительный удар старому режиму и поддерживающим его «патриотическим» завываниям черносотенных организаций, «патриотической» деятельности дворянских собраний. Государственная безопасность России неразрывно и тесно связана с переменой режима, и мы верим, что факты с каждым днем все яснее и глубже проникают в самые широкие слои русского народа. На этой тесной связи со всем будущим русского государства наших желаний и стремлений непоколебимо стоит наша уверенность в неизбежной и близкой победе русского освободительного движения.

«Новь», 19 декабря 1906 г. (1 января 1907 г.), № 2.

ПРИМЕЧАНИЯ

Статья «Патриотизм и черная сотня» – первая из многочисленных публикаций В.И. Вернадского в газете «Новь». Газета издавалась в Москве группой общественных деятелей, либо входивших в к.-д. партию, либо по своим взглядам примыкавшим к кадетам (кн. Пав. Д. Долгоруков, Ф.Ф. Кокошкин и др.). Первый номер вышел 17 декабря 1906 г., а последний – в апреле 1907 г.

Из известных нам публицистических статей В.И. Вернадского максимальное число (25) приходится именно на эту газету, из них 20 редакционных или передовых (без подписи). Авторство В.И. Вернадского было установлено по его автографам, аккуратно проставленным черными чернилами после соответствующего текста в экземплярах газет, отобранных для личной библиотеки, хранящейся в Кабинете-музее В.И. Вернадского в ГЕОХИ РАН. Заголовки статей, принадлежащих перу Вернадского, как правило отчеркнуты синим карандашом.

1. «Фантастическими лозунгами», «миражами» В.И. Вернадский называл в своих статьях большевистскую тактику подготовки вооруженного восстания, их веру в возможность быстрого переустройства общественных отношений в течение немногих месяцев или лет. (См. также статьи «Русская жизнь и внепартийные», «Москва, 4-е апреля» и др.).

2. Речь идет о «Союзе русского народа», образованном в ноябре 1905 г. В программе «Союза» главными пунктами были поддержка самодержавия, противодействие реформам государственного строя.

Непримиримость, экстремизм, воинствующее православие, великорусский шовинизм и антисемитизм составили основы идеологии «Союза». В «Руководстве монархиста-черносотенца» на вопрос: «Почетное ли звание “черная сотня”»? , дается утвердительный ответ: «Да, очень почетное. Нижегородская черная сотня, собравшаяся вокруг Минина, спасла Москву и всю Россию от поляков и русских изменников». Имелось в виду, что в XVII веке «черной сотней» называли податное посадское население. Черносотенцы считали себя наследниками славянофилов, противопоставляли Россию Западу.

Занимая во II Государственной Думе крайне правый фланг, черносотенцы пытались расширить свою социальную базу, поддерживая ряд проектов, направленных на защиту прав крестьян и рабочих (распределение государственных земель среди малоземельных крестьян; государственное страхование и т.п.).

Лидерами «Союза» были врач А.И. Дубровин и помещик В.М. Пуришкевич. Социальный состав партии «истинно русских людей» был исключительно пестрым, охватывал представителей почти всех социальных слоев тогдашней России. В начале 1907 г. отделы «Союза» существовали в 900 населенных пунктах, включая села. Активисты имелись в высших учебных заведениях, на крупных заводах (на Путиловском около 1,5 тыс. человек). В 1907–1908 гг., по данным Департамента полиции, в «Союзе» состояло около 360 тыс. членов, т.е. это была вторая (после эсеров) по численности политическая партия в России.

«Союз русского народа» и близкие к нему «Русский народный союз им. Михаила Архангела» (создан в конце 1907 г.) и более мелкие монархические организации пользовались открытой поддержкой ряда губернаторов, высших государственных сановников, русской православной церкви, лично императора Николая II. Пресса черносотенцев в значительной степени субсидировалась правительством («Русское знамя», «Киевлянин», «Гражданин» и др.). Сразу после роспуска II Государственной Думы (3 июня 1907 г.) Николай II направил А.И. Дубровину телеграмму, заканчивавшуюся: словами: «Да будет же мне Союз русского народа надежной опорой, служа для всех и во всем примером законности и порядка».

Насилие – официальная часть идеологии черносотенного монархизма. Во многих городах открыто действовали под флагом помощи полиции боевые дружины, на счету которых участие в еврейских погромах, и политический террор. В частности, жертвами их пали коллеги В.И. Вернадского по к.-д. партии М.Я. Герценштейн и Г.Б. Иоллос (см. примеч. 6 к «Выступлению по аграрному вопросу...»). [Подробнее см.: *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905–1914). М., 1992].

Весьма пронизательную характеристику дал черносотенцам С.Е. Крыжановский – видный государственный деятель николаевской эпохи, в юности входивший вместе с Вернадским в «Братство»: «Крайне правое крыло этого движения (Союз русского народа) усвоило себе почти ту же социальную программу и почти те же приемы пропаганды, какими пользовались партии революционные. Разница была в том лишь, что одни обещали массам насильственное перераспределение собственности именем самодержавного царя, как представителя интересов народа и его защитника от утеснения богатых, а другие – именем рабочих и крестьян, объединенных в демократическую или пролетарскую республику». (*Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Берлин, б/г. С. 153).

3. В 1879 г. Турция объявила о своем полном финансовом банкротстве. Страна оказалась в финансовой и во многом политической зависимости от государств-кредиторов – Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Италии. С 1878 г. в Турции воцарился жестокий самодержавный режим султана Абдул-Хамида II. Его правительство провоцировало погромы христианского населения. В 1894–96 гг. по территории Турции прокатилась волна армянских погромов, в результате которых было истреблено население целых районов.

4. Стессель Анатолий Михайлович (1848–1915) – генерал-лейтенант. С августа 1903 г. – командант крепости Порт-Артур, с марта 1904 г. – начальник Квантунского укрепленного района. 19 декабря 1904 г. сдал японцам Порт-Артур, еще способный выдерживать осаду; 30 сентября 1906 г. уволен из армии, а в 1907 г. привлечен к военному суду. Суд признал его виновным к сдаче крепости, приговорил к смертной казни, замененной 10 годами тюрьмы. В 1909 г. помилован Николаем II.

Безобразов Александр Михайлович (1855–1931) с мая 1903 г. – член Особого комитета по делам Дальнего Востока; оказывал большое влияние на направление русской дальневосточной политики. Так называемая «безобразовская клика» организовала в 1901 г. «Русское лесопромышленное общество на р. Ялу» (по маньчжурско-корейской границе) для эксплуатации природных ресурсов, потерпевшее финансовый крах в 1903 г. В состав «клик» входили: контр-адмирал А.М. Абаза, вел. кн. Александр Михайлович, генеральный консул в Корее Н.Г. Матюнин, крупные помещики – В.М. Вонлярлярский, Н.П. Балашов, М.В. Родзянко и др. В 1902 г. к ним присоединился министр внутренних дел В.К. Плеве. Эта группа имела значительное влияние на Николая II и настаивала на агрессивном курсе внешней политики в Тихоокеанском регионе, в том числе и на военном решении проблем, связанных с Японией.

Алексеев Евгений Иванович (1843–1909) – адмирал, генерал-адъютант, внебрачный сын Александра II; с 1903 г. – наместник на Дальнем Востоке; с 28 января 1904 г. – главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке; 12 октября 1904 г. ушел в отставку, в июне 1905 г. назначен членом Государственного Совета. Общественное мнение возлагало на него ответственность за начало войны с Японией и неподготовленность к ней армии и флота.

5. О З.П. Рожественском см. примеч. 3 к статье «По поводу разгрома».

Небогатов Николай Иванович (1849–1922) – контр-адмирал. В Цусимском сражении (14–15 мая 1905 г.) после ранения З.П. Рожественского принял командование всей эскадрой. Сдался в плен японцам и по возвращении в Россию предан военно-морскому суду.

6. Имеется в виду широко освещавшаяся в прессе в конце 1906 – начале 1907 гг. «хлебная панама Гурко и Лидваля». Товарищ министра внутренних дел В.И. Гурко предоставил подряд на поставку 10 млн пудов ржи владельцу технической фирмы Э.Л. Лидвалю, которому был выдан огромный аванс в 800 тыс. руб. Сделка была совершена В.И. Гурко без ведома членов Особого совещания по продовольственному делу, причем аванс выдан без соответствующего обеспечения ценными бумагами, недвижимостью и т.п. До середины ноября 1906 г. поставки практически не начинались, хотя Лидваль обязался поставить весь хлеб к 1 февраля 1907 г. После доклада по этому делу министра внутренних дел П.А. Столыпина 17 ноября 1906 г. Николай II назначил комиссию для расследования во главе с членом Государственного Совета И.Я. Голубевым. Комиссия пришла к выводу о виновности Гурко в превышении власти. Дело передали в Сенат и В.И. Гурко был приговорен к отшению от должности.

7. Имеется в виду болгарский государственный деятель Стефан Стамбулов (1853–1894), возглавлявший правительство в 1887–1894 гг. и установивший в стране режим диктатуры и полицейского террора.

МОСКВА, 4-го ЯНВАРЯ

Редакционная статья

Выборы приблизились [1]. Перед страной теперь стал вопрос, имеющий огромное значение для всего ее будущего. Кто победит? Оппозиция или министерство? Окажется ли страна достаточно энергичной и жизнеспособной, чтобы высказать ясно и непреложно свою волю, несмотря на всю ту невероятную обстановку, в какую поставлено выражение этой ее воли? Министерство путем насилия над личностями, террора, нарушений закона, оказывает та-

кое давление на выборы, о каком не мечтали в свое время Наполеон III и Стамбулов [2]. Удастся ли ему то, что удалось в былые времена во Франции и Болгарии? Или оппозиционное настроение страны окажется достаточно сильным, чтобы прорваться через все воздвигнутые ему преграды?

Теперь не время оценивать последствия успеха Столыпина, ибо в стране все растет убеждение, что, несмотря ни на что, победит оппозиция, и что министерство будет разбито на этих выборах. Но несомненно, что победа министерства на выборах, путем насилий и фальсификаций, при глубоком оппозиционном и полном ненависти настроении общества и народа, привела бы только к государственным потрясениям и заставила бы в конце концов сделать большие уступки, чем какие могли быть сделаны им раньше. Победа министерства при данных обстоятельствах не привела бы к государственному порядку. Гораздо важнее остановиться на том вопросе, который ставится в настоящее время всеми мыслящими гражданами России. Это вопрос об объединении и сплочении сил оппозиции, о прекращении среди нее внутренних споров и разногласий, вопрос о так называемых блоках и соглашениях.

Несомненно, при разделении сил оппозиции, при нашей системе выборов, даже без обмана и фальсификаций, могут пройти октябристы или истинно-русские люди [3], хотя бы они были и в меньшинстве в данном избирательном участке. Но как сплотить оппозицию, состоящую из таких разнородных элементов, каковыми являются социал-революционеры, большевики, меньшевики, народные социалисты [4], конституционалисты-демократы, мирно-обновленцы [5]. Как ее сплотить, когда подавляющее большинство русских граждан не вошло и в эти партийные рамки, а является неустойчивой и колеблющейся, дезорганизованной толпой беспартийных? Между тем победа на выборах и власть в конце концов окажутся в той группе оппозиции, к какой примкнут эти беспартийные. Кто угадает их решение? Ясно только одно – они являются непримиримыми, тайными и явными, врагами бюрократически-самодержавного режима и всячески будут ему противодействовать. Их настроение лишь изредка получает отголоски в прессе, мы его видим в окружающем обществе, чувствуем на собраниях, в деловых и житейских встречах и разговорах. Но настоящую ему оценку могут дать только выборы. До них все заключения довольно гадательны.

Дезорганизованность и беспартийность русского общества делают особенно трудным вопрос о блоках и соглашениях. Приходится считаться не с теми *силами*, какие может выдвинуть та или иная партия, а с теми *ожиданиями*, которые каждая из них имеет по отношению к разнородной массе беспартийных.

С другой стороны, организованная оппозиция сама по себе чрезвычайно разнородна. Это видно уже потому, что крайний правый ее фланг – мирно-обновленцы – одно время не был резко отделен от октябристов, сторонников Столыпина, а «левые» большевики – в ненависти к кадетам, до сих пор считают допустимым указывать устами своих ораторов на собраниях о возможности с их стороны поддержки октябристов [6]. Глубокое различие в составе оппозиции сказывается и в отношении ее к Думе – для одних Дума есть орудие управления страной и средство прекращения современной государственной анархии, для других она есть агитационное средство для возбуждения революционного движения.

Все это делает, очевидно, совершенно невозможным какой бы то ни было блок, какое бы то ни было объединение оппозиции на общих лозунгах или программных положениях. Едва ли кто-нибудь теперь об этом серьезно и думает. Возможны лишь рассуждения о чисто временных и формальных соглашениях, которые могут быть связаны с проведением известных определенных лиц в выборщики или в депутаты, или с поражением тех правительственных кандидатов, какие могут пройти в Думу при разделении оппозиции. Дело идет теперь не о блоках, а о технических соглашениях.

Такое хаотическое состояние русского общества налагает особые обязанности и заставляет быть особенно осторожной ту русскую партию, которая является самой большой и организованной группой в среде оппозиции и которая идет в Думу с определенной целью упорядочения и возрождения русской государственной жизни – партию народной свободы. Она обязана стремиться к тому, чтобы вокруг нее сомкнулись беспартийные и чтобы она провела в будущую Государственную Думу компактную группу своих сторонников. Ибо иначе победа оппозиции *на выборах* не будет победой оппозиции в *Думе*, которая может быть только тогда сильной и могущественной, когда в ней есть сплоченное организованное *большинство*, опирающееся на организованные в партии силы народа. В настоящие выборы надо не только провести в Думу кандидатов оппозиции, но надо провести таких кандидатов, которые будут дружно и сплоченно в ней действовать. Из всех партий и кружков русской жизни в настоящее время это может сделать только *партия народной свободы*. Поэтому ее деятели подвергаются в настоящее время наибольшим гонениям со стороны правительства, деятельность ее стеснена вне всяких рамок закона. Такое совершенно исключительное положение партии народной свободы создано, с одной стороны, ее программой, верно отвечающей историческим условиям русской жизни, а с другой – ошибками других течений русского общества, не сумевших создать достаточно широкой и прочной организации и реальной политико-социальной программы. Партия народной свободы при вопросе о блоке и соглашениях не может и не должна забывать о лежащей на ней исторической миссии.

Между тем, очевидно, технические соглашения с другими группами, которые приходится делать в настоящий предвыборный период, отразятся определенным образом на составе будущей Думы. Этот момент не может и не должен быть нами упускаем из виду, и едва ли возможны соглашения с партиями или кружками, когда неизвестны те лица, которые будут выставляться ими как кандидаты. Конечно, об этом не могло бы быть и речи, если бы вопрос шел о соглашении с партиями, имеющими широкие кадры своих сторонников. Но нам приходится иметь дело не с партиями, а с генералами и офицерами без армий или просто с кружками, среди которых есть энергичные вожаки, влиятельные в прессе или профессиональных союзах личности. Та армия, на которую они рассчитывают, солдаты, решающие дело – избиратели – в каждый данный момент могут пойти как за ними, так и против них, за партией народной свободы. Учесть их настроения и желания в данный момент – дело трудное и не всегда возможное. В значительной мере оно также зависит от значения имен тех лиц, которые будут выставлены другими партиями или группами в данной среде беспартийных.

Итак, имея в виду неотложную необходимость добиться не только оппозиционной Думы, но и Думы с компактным однородным оппозиционным большинством, партия народной свободы должна идти на технические соглашения только в крайних и неизбежных случаях, всякий раз учитывая работу в будущей Государственной Думе лиц других партий или беспартийных, которых она будет проводить, благодаря этим соглашениям.

«Новь», 4 января 1907 г., № 13.

ПРИМЕЧАНИЯ

Редакционная (без подписи) статья. Авторство установлено по автографу В.И. Вернадского на экземпляре газеты из его личной библиотеки, хранящейся в Кабинете-музее В.И. Вернадского в ГЕОХИ РАН в Москве (инв. № 962).

1. Речь идет о выборах в II Государственную Думу, проходивших в январе – феврале 1907 г.

2. Наполеон III – Шарль Луи Наполеон Бонапарт (1808–1873). 10 декабря 1848 г. был избран президентом Франции; 2 декабря 1851 г., опираясь на военных, совершил государственный переворот, через год провозглашен императором. Установил режим жестокой диктатуры, парламентские выборы проходили под сильным давлением администрации.

О Стамбулове см. примеч. 7 к статье «Патриотизм и черная сотня».

3. Октябристы («Союз 17 октября») – партия крупных помещиков и торгово-промышленной буржуазии. Организована в 1905 г. и названа в связи с царским Манифестом 17 октября, декларировавшим гражданские свободы и ограничение абсолютной власти монарха. Лидерами «Союза» были А.И. Гучков, П.А. Гейден, М.В. Родзянко и др. Октябристы выступали за сильную монархическую власть; аграрный вопрос предполагалось решать путем уравнения крестьян в правах с другими сословиями, облегчения выхода из общины, содействия переселенцам, создания из государственных и удельных земель крестьянского фонда. Поддерживали аграрную политику П.А. Столыпина. В II Государственной Думе были представлены 34 депутатами.

«Истинно-русские люди» – публицистическое название партии «Союз русского народа». См. примеч. 2 к статье «Патриотизм и черная сотня».

4. Народно-социалистическая (трудовая) партия образована в сентябре 1906 г. группой публицистов из журнала «Русское богатство» (А.В. Пешехонов, В.А. Мякотин, В.Г. Богораз-Тан и др.). Программа партии содержала требование гражданских свобод, широкого местного самоуправления и автономии, восьмичасового рабочего дня, свободы стачек и т.д. В отличие от кадетов принцип передачи земли в частную собственность партийей н.-с. отвергался: они отстаивали идею национализации земли, т.е. провозглашение ее общенародным достоянием с правом распоряжаться наделами демократически организованным территориальным союзом. Переход к социализму предусматривал постепенное ограничение власти капиталистов с помощью системы рабочего контроля. К народным социалистам был чрезвычайно близок их духовный вождь писатель В.Г. Короленко (друг и родственник В.И. Вернадского), формально на партии не состоявший. В I и II Государственной Думе блокировались с беспартийными крестьянами, вошедшими во фракцию трудовиков. (Подробнее см.: *Протасов Л., Протасова О. Народные социалисты // Родина. 1994. № 10. С. 76–81*).

5. Мирнообновленцы – партия мирного обновления, занимала промежуточное положение между октябристами и кадетами. Создана в июле 1906 г. левыми октябристами П.А. Гейденом, Д.Н. Шиповым, М.А. Стаховичем и правыми кадетами Н.Н. Львовым, Е.Н. Трубецким на основе фракции «мирного обновления», сложившейся в I Государственной Думе. В II Государственной Думе была представлена всего одним депутатом.

6. Такая возможность подтверждалась голосованием в I Государственной Думе по кадетскому проекту «Обращения к населению» о подготовке земельного закона. Решение выступить с таким обращением было принято Думой после публикации 20 июня 1906 г. правительственного сообщения по аграрному вопросу, в котором отвергался принцип принудительного отчуждения частновладельческих земель. Этот акт являлся открытым вызовом Думе, уже принявшей положение о принудительном отчуждении и включившей его в адрес императору.

Октябристы голосовали против «Обращения», считая этот шаг Думы незаконным. Социал-демократов, напротив не устраивал «успокоительный» характер «Обращения» и компромиссный тон документа.

ДВА ГОДА

Два года назад среди тяжелых дней апатии, в Москве по телефону и телеграфу неожиданно распространились из Петербурга смутные слухи о кровавых столкновениях. Говорили об артиллерийской стрельбе, о народном восстании, о сотнях убитых и раненых. Жадно передавались, нервно обсуждались отрывочные известия...

Лишь через день или два раскрылась трагическая по своей простоте правда этого исторического дня. Бюрократия хотела мерами исключительной строгости подавить движение в самом начале. Неизвестно до сих пор, по чьей инициативе и по чьему распоряжению войска стреляли в безоружный народ. Кто был виновником и инициатором этого безумного и безрассудного шага? Кто пробудил кровавыми жертвами теплившееся народное сознание исторической ответственности [1]?

Суровые меры вызвали обратное действие. В этот день произошел психический перелом в душе русского народа. По всей стране пронесся стон, и глубоко проникло сознание о полном крушении старых исторических форм русского государства. *Народ* после 9-го января 1905 года пошел по иному пути – он перестал искать счастья и лучшей жизни в старых рамках бюрократического строя. После того прошли целых два года – два года борьбы, подъемов и разочарований. Но во все эти длинные, трагические месяцы неуклонно и без колебаний русский народ все время был на стороне освободительного движения. Оно стало *народным*, и в этом его все будущее, в этом залог и неизбежность полной близкой победы.

«Новь», 9 января 1907 г., № 16.

ПРИМЕЧАНИЯ

Редакционная (без подписи) статья. Авторство установлено по автографу В.И. Вернадского на экземпляре газеты из его личной библиотеки, хранящейся в Кабинете-музее В.И. Вернадского (ГЕОХИ РАН) в Москве (инв. № 963).

1. О том, что 9 января состоится шествие рабочих к царю, властям было хорошо известно заранее. В город были стянуты войска: 8 тыс. и 3 тыс. кавалерии, в их числе были части, вызванные из Пскова и Ревеля. Штаб во главе с дядей Николая II великим князем Владимиром Александровичем разработал план действий: столица была разбита на восемь секторов, командирам частей указаны улицы и площади, на которых они должны действовать. Вечером 8 января к министру внутренних дел П.Д. Святополк-Мирскому и председателю Комитета Министров С.Ю. Витте пришла делегация столичной интеллигенции, надевшейся предотвратить возможное кровопролитие. Святополк-Мирский делегацию не принял, Витте заявил, что он «бессилен сделать что-либо». Товарищ министра внутренних дел К.Н. Рыздзевский сообщил, что правительство прекрасно осведомлено обо всем, что происходит, и что оно приняло уже решения, которые не могут быть изменены ни по каким ходатайствам. Об осведомлении правительства и о том, какая велась им подготовка свидетельствуют, в частности, документы, опубликованные в сборнике «Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Начало первой русской революции. Январь–март 1905 г.». М., 1955 (документы №№ 12, 34–40, 44–48, 56).

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

Вчера в «Нови» были приведены выдержки из исчислений д-ра Жбанкова (в «Веке») о результатах применения смертной казни в России за прошлый 1906 год. По этим цифрам, далеко не новым, с 1 января 1906 по 1 января 1907 г. казнено 1496 человек. Едва ли был другой период в русской истории, когда бы так беспощадно применялась эта форма наказаний, столь противоречащая нравственному и религиозному чувству современного человечества и столь вредная и бесплодная в государственном отношении. 1005 человек казнено с 1 августа, после роспуска Государственной Думы [1]...

19 июня 1906 г. Государственная Дума приняла законопроект о полной отмене смертной казни в России; законопроект этот был обсужден в Государственном Совете; на 10 июля было назначено окончательное заседание комиссии Государственного Совета для подписания доклада, а на 12 июля было назначено заседание Государственного Совета для окончательного обсуждения законопроекта Государственной Думы. Но Дума была распущена [2], и 9 июля оба эти заседания были отменены...

Комиссия Государственного Совета должна была представить в Совет два мнения: – одно большинства, другое – меньшинства, отдельное мнение одного члена комиссии (пишущего эти строки), всецело присоединявшегося к законопроекту Государственной Думы. Как мнение Комиссии, так и отдельное мнение одного ее члена должны были поступить на обсуждение всего Совета 12 июля. Если бы, как все показывало, Государственный Совет согласился с большинством комиссии, то дело пошло бы в смешанную комиссию Государственного Совета и Государственной Думы для выработки соглашения...

Трудно предвидеть, чтобы в конце концов было выработано, но несомненно, в результате законодательной работы явилось бы не *усиление* смертной казни, как это произошло в период властвования министерства Столыпина, но ее *ослабление*, если не полное прекращение. Так или иначе, и большинство комиссии Государственного Совета стояло на ясном сознании вреда смертной казни. Оно полагало, что «не подлежит сомнению, что смертная казнь находится в противоречии с высокими началами христианской любви, сострадания и гуманности. Она, несомненно, является крайней мерой карательного воздействия, жестокого и непоправимого. Вопрос о смертной казни породил огромную литературу. Большинство выдающихся криминалистов высказалось совершенно определенно против сохранения смертной казни, доказывая, что она не приводит к ожидаемым последствиям, не столько устрашает, сколько ожесточает и даже нередко порождает все новые и новые преступления». Исходя из этих соображений, комиссия сводила применение смертной казни к совершенно исключительным, редко встречающимся случаям (нап[ример], за покушение на Особу Государя Императора) и считала необходимым строго ограничить ее применение при действии исключительных законов случаями, обставленными рамками закона, во время вооруженного восстания и убийств...

Как все это далеко от военно-полевых «судов», от тысячи казненных после роспуска Думы! Едва ли кому-нибудь из членов комиссии представлялось в это время, какой страшный смысл скрывается за каждым ее суждением...

Долго ли будет литься кровь? Какая дальнейшая судьба постигнет законопроект Государственной Думы? В газетах промелькнуло известие, что «все

законопроекты», поступившие в Государственный Совет из первой Думы, должны вернуться во вторую. Но таких законопроектов только один. Вопрос идет только о законопроекте об отмене смертной казни. Кому надо еще оттягивать дальнейшими «разъяснениями» отмену учреждения, заливающего страну человеческой кровью, позорным пятном лежащего на нашей родине?

Человеческая личность представляет самое драгоценное и неотъемлемое, что может быть найдено в мире. Она тесно связана с человеческим сознанием – все лучшее и дорогое сосредоточено в ней. Никто не может и не должен посягать на ее существование. В конце концов, ради ее сохранения и ее развития, идет вся вековая работа человечества. Ужасно и не может быть оправдано никакими практическими соображениями отдельное убийство, не имеет оправдания террор, но еще ужаснее, когда формы государственной жизни легализируют убийство одним человеком другого человека.

В жизни большинства государств еще нет легальной отмены смертной казни, но она отменена там фактически, жизнью – ибо ее применение становится все более редким и исключительным. Едва ли *во всех государствах мира*, вместе взятых, в течение года исполнено столько смертных приговоров, сколько их применено в России в те тяжелые месяцы, которые прошли после роспуска Думы. Когда там – в более счастливых государствах Запада и Дальнего Востока – подымается вопрос об отмене смертной казни, он не имеет того трагического и кровавого значения, какое он имеет у нас. У нас дороги каждые недели, так как ежедневно несколько человек легально лишаются жизни. У нас не теория, а тяжелая проза жизни требует немедленного обсуждения закона о смертной казни, 20 февраля, при открытии сессии Государственного Совета. И так уже до 20 февраля прольется море крови.

«Новь», 11 января 1907 г., № 18.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Данные о приговоренных к смертной казни в 1906 г., приведенные ранее в примеч. 3 к статье «Амнистия как акт политической необходимости» (254 чел.), основаны на подсчетах по отчетам военного министерства. Они значительно ниже данных, фигурировавших в прессе, на которых основывается В.И. Вернадский.

2. В «Манифесте о роспуске Государственной Думы и о времени созыва таковой в новом составе» от 9 июля 1906 г. депутатам ставилось в вину, что они «вместо работы строительства законодательного, уклонились в непринадлежащую им область и обратились к расследованию действий (...) местных властей, к указаниям (...) на несовершенство Законов Основных (...) и к действиям явно незаконным, как обращение от лица Думы к населению...» (имеется в виду обращение к населению о подготовке земельного закона, текст которого был принят Думой 6 июля). (Полное собрание законов, собр. III. Т. 26. Ч. 1. № 28105).

О ВЫБОРАХ В II ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

Сегодня мы печатаем список выборщиков города Москвы и призываем всех московских избирателей подать за него голоса. Это, в общем, все те же люди, которые и в прошлом году были избранниками Москвы и честно исполнили свой долг, послав в Думу трех членов партии народной свободы. Одного из них уже нет. М.Я. Герценштейн, горячий и стойкий защитник крестьянст-

ва, пал от руки убийцы, причастность которого к «союзу русского народа» начинает открываться на суде в Териоках [1]. Он своей жизнью заплатил за преданность народной свободе, за свою любовь к народу. Два других – председатель первой Государственной Думы С.А. Муромцев [2] и один из помощников, ее секретарь Ф.Ф. Кокошкин [3] – лишены в настоящее время возможности быть выборщиками и избирателями, так как они привлечены к суду за свой протест по поводу роспуска первой Государственной Думы [4].

В прошлом году московские выборщики исполнили свой долг, выбрав депутатами Москвы людей, игравших крупную и видную роль в собрании представителей народа. Мы убеждены, что и ныне они сумеют найти в своей среде лиц, которые достойно станут на места первых депутатов Москвы и так же, как и они, будут стойко и непреклонно защищать интересы народа против всевластной русской бюрократии. После первых выборов прошло немало месяцев, и нет ничего, чтобы указывало на способность безответственного министерства управлять Россией. Напротив, положение ухудшилось, и государственная опасность – оставлять власть в руках бюрократического министерства – сказалась с особой яркостью. После разгона Думы мы видим тысячи казненных и десятки тысяч арестованных, убийства и грабежи на каждом шагу, нарушения закона и полный произвол администрации, – мы видим целые области, охваченные голодом, всюду застой и разорение. Три факта за самые последние дни вскрыли перед нами такую картину управления Россией, которая должна открыть глаза даже слепому. Дело Гурко-Лидваля [5], дело об убийстве Герценштейна, дворянский совет за спиной министерства [6] – ясно, показывают, что в России нет правительства, которое было бы достойно нашей родины.

Оно может быть создано только думским министерством.

Приглашая московских избирателей подавать голоса, в общем, за тех же выборщиков, которые исполнили свой долг в прошлом году, мы тем самым приглашаем их содействовать образованию в России достойного ее министерства, а не того, которое поручает ответственные государственные дела Гуркам-Лидвалям, покровительствует организациям, имеющим в своей среде убийцу, служит дворянскому сословию. Спасение России – в думском министерстве. Подайте свои голоса и исполните свой долг, граждане Москвы!

«Новь», 14 января 1907 г., № 21.

ПРИМЕЧАНИЯ

Редакционная (без подписи) статья. Авторство установлено по автографу В.И. Вернадского на экземпляре газеты из его личной библиотеки, хранящейся в Кабинете-музее В.И. Вернадского (ГЕОХИ РАН) в Москве (инв. № 965).

1. См. примеч. 6 к «Выступлению на совещании по аграрному вопросу 27–29 апреля 1905 г.».

2. Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910); юрист, профессор Московского университета (1877–1884) – один из основателей земского движения и к.-д. партии. Председатель I Государственной Думы. После роспуска Думы 9 июля 1906 г. председательствовал на совещании ее членов в Выборге (см. примеч. 4).

3. См. примеч. 4 к «Отдельному мнению...».

4. 9–10 июля в Выборге состоялось совещание членов I Государственной Думы, в котором приняло участие около 230 человек (кадеты, трудовики, представители партии демократических реформ, беспартийные). Участники совещания подписали воззвание «Народу от народ-

ных представителей», в котором призывали в знак протеста против роспуска Думы оказать пассивное сопротивление правительству: саботировать призыв в армию, не платить налогов, не признавать займов правительства. Воззвание подписали 180 человек (позднее к нему присоединились еще 52 человека). Членам Думы, подписавшим воззвание, было предъявлено обвинение в «возбуждении к неповиновению и противодействию законам». Суд, состоявшийся 12–18 декабря 1908 г., приговорил 167 депутатов Думы к трехмесячному тюремному заключению, что означало лишения права избрания в Думу и земские органы. Таким образом, в II Государственную Думу не могли баллотироваться С.А. Муромцев, П.Н. Милуков, многие видные деятели русского либерализма. В.И. Вернадский, как и ряд других членов кадетской партии, не являвшихся депутатами Думы, приехал в Выборг, присутствовал во время принятия воззвания и принимал участие в его редактировании.

5. См. примеч. 6 к статье «Патриотизм и черная сотня».

6. Речь идет о Совете объединенного дворянства. См. примеч. 8 к статье «Письма о Государственном Совете».

АКАДЕМИЯ НАУК В 1906 ГОДУ

Русское общество очень мало знакомо с деятельностью своего старейшего ученого учреждения. Академия наук быстро приближается к 200-летнему существованию, и в эти долгие годы своей жизни она сыграла крупную роль в истории научной мысли и русского просвещения. Жизнь ставит теперь перед ней новые задачи, быстро изменяет характер и формы ее деятельности.

Подобно современным университетам, далеко ушедшим от старинных средневековых схоластических своих предшественников, и современные академии только по имени схожи со старинными академиями в эпоху Возрождения. Тогда – в конце XV и XVI веков – зародились первые формы тех учреждений, которые в XVII и XVIII веках окончательно вылились в форму ученых академий. Их первой и ближайшей целью была ученая самостоятельная научная работа их членов, поставленных для этого в удобные условия. Они должны были иметь досуг и возможность для расширения границ научного познания.

Эта цель осталась и поныне, но она далеко отошла перед другими задачами, выдвинутыми жизнью и научными потребностями.

Постепенно и неуклонно перед академиями стали выдвигаться вопросы об *организации* коллективной научной работы, выработки новых форм научного творчества. В этом деле академия пошла наряду с университетами и другими высшими школами, учеными обществами и музеями, но постепенно эти цели стали приобретать все большее и большее значение в их среде и, в конце концов, совершенно переменяли всю структуру академических учреждений.

Организация коллективной научной работы приняла две формы, тесно и неразрывно между собою связанные: одну – *национальную* организацию форм и центров научной работы и научного исследования в данной стране, другую – *международную* организацию научной коллективной работы всего культурного человечества.

Интересно, с этой точки зрения, обратиться к только что вышедшим отчетам* русской академии наук. Русская академия наук, являясь одной из ста-

* С. Ольденбург. Отчет о деятельности Императорской академии наук по физико-математическим и историко-филологическим отделениям за 1906 г. СПб., 1906.

Н. Кондаков. Отчет о деятелях отделений русского языка и словесности Императорской академии наук за 1906 г. СПб., 1906.

рейших (основана в 1726 г.) [1], энергично работает в настоящее время, находясь в первых рядах ученых учреждений, пошедших по этому новому пути. Она страдает, и деятельность ее чрезвычайно тормозится только недостатком средств, нищенскими – по существу дела – ассигновками, какие уделяются ей русским государственным бюджетом. В этом отношении ее средства не только не могут сравниться с теми, какие находятся в распоряжении аналогичных американских и английских учреждений (напр[имер] Carnegie Institution или Smithsonian Institution, Английское королевское общество) [2], обладающих большими собственными капиталами, но и сильно поддерживаемых государствами – японская, прусская или венгерская академии имеют в своем распоряжении больше средств для исполнения как раз тех функций, куда переносится теперь центр тяжести академической деятельности.

Национальная деятельность Академии наук сказывается в работе ее отдельных научных учреждений. Некоторые из них поставлены хорошо, и деятельность их находится в полном ходу – таков Зоологический музей и Главная физическая обсерватория в Петербурге, Астрономическая обсерватория в Пулковке. Они обладают уже необходимыми штатами и действительно представляют могущественные центры для коллективной научной работы русских ученых. Наряду с ними, однако, находятся только что зарождающиеся или сдавленные недостатками средств учреждения такого же характера. Только при их полном развитии Академия наук получит форму и научную силу, отвечающую потребностям русского государства. Такими учреждениями являются Геологический музей, минералогическое его отделение (самостоятельно выделенное только в этом году) [3], библиотека, Азиатский музей, физический кабинет, химическая лаборатория, Ботанический музей, две физиологические лаборатории, Музей антропологии и географии, постоянная Центральная сейсмическая комиссия, биологическая станция в Севастополе, ученые корреспонденты академии при заграничных архивах (существует только одна в Риме). Наряду с такой деятельностью, другую часть национальной научной работы представляют ученые ее предприятия, комиссии, которые работают в разных областях знания, как напр[имер], по научному изданию сочинений Пушкина, составлению диалектологической карты русского языка, изданию «Памятников русского законодательства» и русских исторических актов экономического характера и т.д. Кроме того, академия, обладая хорошей типографией, развивает широкую научную издательскую деятельность. В настоящее время выдвинулся вопрос об издании периодического органа – «Известия академии», выходящего еженедельно или раз в две недели [4]. Потребность в таком органе (аналогичном издаваемым в Лондоне, Париже и Берлине) настоятельно чувствуется всеми русскими учеными, т[ак] к[ак] обычно приходится ждать месяцы, пока научная статья получит возможность выйти в свет. Академия издает несколько научных журналов, но они выходят медленно и с неправильными промежутками.

Еще более важным является участие академии в научных работах международного характера. К концу XIX века эти предприятия получили определенную международную научную организацию – Международный союз академий [5], куда пристали академии и аналогичные учреждения всего мира. Несомненно, это только начало могущественной мировой научной организации, которой предстоит великое будущее в коллективной борьбе человечест-

ва с окружающими фатальными силами природы. Международный союз академий и отдельные международные предприятия академии, вне его стоящие, имеют своей задачей исполнение таких научных исследований, которые не по силам отдельным исследователям или всем ученым данной страны. В настоящее время Петербургская академия наук участвует в предпринятой международной библиографии по естествознанию и математике, составляя русский ее отдел (во главе предприятия стоит Royal Society в Лондоне), в издании сочинений Лейбница, в Международной ассоциации по исследованию Солнца, в издании буддийских сочинений (Bibliotheca Buddhica – во главе стоит Петербургская академия), сочинений древних медицинских писателей, Большого словаря древнегреческого языка, Энциклопедии ислама, в Международной ассоциации для исследования землетрясений, в издании Славянской энциклопедии и т.д. Все эти предприятия, очевидно, не могут вестись средствами и силами одних академиков и вызывают особые новые формы группировки научных сил страны... Эта сторона деятельности академии только начинается – но в ней лежит залог всего ее будущего развития.

Перед этими задачами исчезают другие, которые когда-то имели первостепенное значение – торжественные и обычные заседания академии, выдача и присуждение ею премий и т.п. По мере того как культура человечества повышается, все настоятельнее выясняется необходимость международной научной организации ученых – по этому пути пошли академии, и на этом пути они должны встретить сочувствие и материальную поддержку современных государств, ибо конечная цель и результаты научной работы совпадают с той целью, какую ставит современное культурное государство – гуманитарная цель общего блага, блага униженных и обездоленных.

«Новь», 31 января 1907 г., № 25.

ПРИМЕЧАНИЯ

Статья вторично опубликована в: *Вернадский В.И.* Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. С. 202–204.

1. Указ об учреждении Академии наук был подписан Петром I и издан Сенатом 28 января 1724 г., ее торжественное открытие состоялось уже в царствование Екатерины I 27 декабря 1725 г. Тем не менее в официальной историографии было принято считать началом деятельности академии 1726 г. Именно к этой дате приурочили празднование юбилея Академии наук в 1776, 1826 и 1876 гг. После Октябрьской революции неточность была устранена и, начиная с 1925 г. (200-летний юбилей) годом основания академии стали считать 1725 г.

2. Институт Карнеги в Вашингтоне (США) основан предпринимателем и меценатом Э. Карнеги в 1902 г. в качестве независимого учебного и научно-исследовательского института, финансируемого из неправительственных источников. Исследования в этом институте сосредоточены в области биологии, наук о Земле, астрономии. В первой половине века велись и обширные археологические и этнографические работы на американском континенте.

Смитсоновский институт – один из крупнейших научно-исследовательских и культурных центров США. Основан в 1846 г. в Вашингтоне на средства английского химика и минералога Дж. Смитсона. Объединяет Национальный музей, Смитсоновскую астрофизическую обсерваторию, зоопарк, Национальную галерею искусств и другие научные учреждения.

Английское (официальное наименование – Лондонское) королевское общество по развиту знаний о природе – один из старейших научных центров Европы (создано в 1660 г.). Общество является самоуправляющейся частной организацией, формально не связанной с деятельностью правительственных научных учреждений. Его деятельность традиционно направлена на фундаментальные исследования в области естественных наук. Играет видную

роль в организации научных исследований, действует как совещательный орган при решении основных вопросов научной политики.

3. Геологический музей ведет начало от собраний петровской Кунсткамеры. В 1906 г. по предложению его директора академика Ф.Н. Чернышева разросшийся музей был разделен на два отделения, а в сентябре того же года на пост заведующего Минералогическим отделением был назначен профессор Московского университета В.И. Вернадский.

4. «Известия Императорской Академии наук» издавались, начиная с 1894 г. без регулярной периодичности. Имеется в виду VI серия «Известий», начавшая выходить с периодичностью два раза в месяц с 1907 г. тиражом 1600 экз., где печатались извлечения из протоколов, постановления академических собраний и другие официальные материалы о текущей деятельности Академии наук.

5. Международный союз академий (вначале – ассоциация) был создан в 1899 г. по инициативе Лондонского королевского общества для организации научных работ глобального масштаба по сейсмологии, геодезии, астрономии и т.п. Петербургская академия наук вступила в Союз уже в 1900 г. Вернадский впоследствии принимал активное участие в подготовке съезда Международного союза академий в Петербурге в 1913 г. и был избран в состав подготовительной комиссии по организации исследования вулканов в международном масштабе, деятельность которой была прервана Первой мировой войной. В.И. Вернадский опубликовал в газете «Речь» (29 апреля 1913 г.) обширную статью «Международная ассоциация академий», пропагандируя идеи о необходимости объединения сил ученых всего мира в интересах гармонического развития всей цивилизации.

МОСКВА, 2-го ФЕВРАЛЯ

Редакционная статья

Выборы не окончились, но общий их смысл едва ли в настоящее время может подлежать сомнению. Это сознание глубокой, полной неудовлетворенности существующим положением вещей – и прежде всего вотум полного недоверия правительству. Можно так или иначе истолковывать программные и тактические пожелания, выражающиеся в этих избраниях, но все они проникнуты одним чувством – что при дальнейшем пребывании у власти нынешнего министерства никакая правильная государственная работа невозможна. И если мы взвесим все препятствия, созданные для свободы выборов, и большие и маленькие ухищрения, предпринятые с целью получить законопослушных депутатов, то только тогда мы можем оценить весь размер правительственного поражения.

Мы бы не хотели, чтобы в этих словах заподозрили злорадство. Конечно, не может не давать нравственного удовлетворения неуспех попытки заставить страну сказать не то, что она думает и чувствует. Конечно, с другой стороны, политическая вина министерства Столыпина – огромна. С этой обычной пагубной самонадеянностью бюрократии, для которой величайшие исторические задачи всегда могут быть разрешены разными ведомственными мероприятиями – с этим игнорированием истинных потребностей народа, оно сначала распустило Думу, а затем взяло на себя обязательство успокоить Россию и вместе с тем реформировать ее. Начался ряд дней бюрократического самовластия и ряд словесных известий, что правительство думает лишь о реформах, а в то же время беспощадное к конституционной оппозиции министерство Столыпина оказалось бессильно обуздать «союз русского народа». Какой капитал ненависти и озлобления накопился в России за эти мрачные месяцы, как расшатывались последние остатки народной веры в право, какая демора-

лизация охватила наши правительственные учреждения – администрацию, суд, – все это полностью мы сможем оценить лишь впоследствии. Но как бы эта вина ни была велика, над ошибками и даже преступлениями отдельных лиц и отдельных партий подымается высший интерес – интерес всей России. И ее судьба в эти грозные минуты всего больше должна приковывать наше внимание.

С точки зрения этого высшего национального интереса можно сказать, что первым шагом к разрешению кризиса должен явиться уход министерства. Ведь какому бы ослеплению, умысленному или невольному, ни предаваться, а все же придется признать, что сколько-нибудь правильная совместная деятельность его и Думы есть вещь абсолютно невозможная. Разъединенные правительство и Дума могут оказаться бессильными для положительной работы, но достаточно сильными для постоянной взаимной борьбы. А что иное, кроме разъединения, какая тень доверия может существовать между представителями страны, у которой так свеж в памяти весь пережитый гнет и полицейский террор – гнет тем более возмущающий, что он прикрывался лицемерными конституционными заявлениями? И совершенно нельзя себе представить какой-нибудь выход из указанной дилеммы – уход министерства или роспуск Думы.

Уйти – но ведь это значит капитулировать, признать, что ошибкой был и роспуск первой Думы, и вся правительственная деятельность после него? Да, конечно, это и значит признать, что страна произнесла свой приговор. На старом бюрократическом языке это называется умалением престижа власти, а известно, что не существовало жертв, которые считались бы чрезмерными, раз речь идет об охране этого престижа. Вероятно и теперь в высшей бюрократической среде будут отстаивать оставление кабинета у власти, будут ссылаться на недопустимость уступок. Конечно, этим лишь откровенно будет сказано, что роспуск первой Думы вовсе не был обращением к народу в споре правительства и представительства – каковым является роспуск во всяком конституционном государстве, а просто желанием или требованием получить сговорчивых людей. Правительство до сих пор не может вместить мысль, что после 17 октября народ уже самой Верховной Властью признан не пассивным объектом начальственных мероприятий, а активной частью общегосударственного механизма. И когда народ высказывается с такой недвусмысленной определенностью, то уже нельзя делать вид, что все обстоит благополучно, нельзя утешать себя и других рассказами о «пробудившемся глубоком консерватизме народных масс». Да, масса консервативна, да, в ней живет инстинкт порядка, но в ней живет и другой здравый инстинкт, что власть настолько компрометированная, как министерство Столыпина, дать порядка стране не может.

Так или иначе, но решение должно быть найдено: пропасть, которая легла между министерством роспуска и военно-полевых судов и Думой, теперь уже не засыплешь, и остается только ожидать, что будет признано более важным – дальнейшая охрана престижа правительственной власти или начало действительного умиротворения страны путем правомерной государственной работы и правомерного осуществления народных требований.

Осталось еще несколько недель до Государственной Думы и администрация проявляет самую горячую и энергичскую деятельность. В эти последние дни она не останавливается ни перед чем. Законность, совесть, государственное благо – все выброшено за борт. С цинизмом, едва ли имеющим примеры в истории других стран, бюрократия защищает свое положение. Она защищает свою власть, свои оклады, бесконтрольное хозяйничание народными средствами. Она поставила на карту все. Новая оппозиционная Дума делает бессмысленным весь девятимесячный режим Столыпина. Зачем пролита кровь, зачем сосланы десятки тысяч людей, зачем еще более запутаны финансы, сделаны новые многомиллионные долги, остановлена законодательная деятельность великого государства, распущена администрация, если в результате всех этих жертв получится такая же оппозиционная Дума, какой была и первая? [1].

В настоящее время выборы идут в стране и на них начинает побеждать оппозиция. В руках администрации остается лишь одно средство влияния – кассация нежелательных выборов и давление на избирателей при повторных выборах, еще более жестокое, чем при первоначальных.

И здесь администрация не останавливается ни перед какими соображениями о законности или о нравственном достоинстве правительственной власти. Она видит лишь одну цель – проведение правительственных кандидатов – все равно какими средствами.

Последние выборы в Ельце, Бронницах, Звенигороде являются поразительной иллюстрацией нравственной беспринципности русской администрации. Поводом кассации городских выборов в Ельце и Звенигороде было присутствие полиции в избирательной комнате и недостаток изоляции избирателей, писавших свой бюллетень. Здесь были выбраны прогрессивные избиратели – и выборы были кассированы. В Звенигороде этим путем удалось получить более правых выборщиков. В Бронницах и на съезде землевладельцев в Ельце были те же самые обстоятельства, но здесь были выбраны правые – и выборы были утверждены.

Едва ли можно идти дальше. Администрация не ведает, что творит. В погоне за минутным успехом она губит и разрушает основы своего государственного существования, совершает работу, разрушительную для государства.

«Новь», 2 февраля 1907 г., № 27.

ПРИМЕЧАНИЯ

Редакционная (без подписи) статья. По стилю и тональности первая часть весьма близка ко второй, однако однозначно приписать ее авторство В.И. Вернадскому не представляется возможным, поскольку его автограф на экземпляре газеты из личной библиотеки проставлен после текста второй части (Кабинет-музей В.И. Вернадского в ГЕОХИ РАН в Москве, инв. № 967).

Судя по уже ставшим известными эпистолярным материалам (см. например, письма В.И. Вернадского И.И. Петрункевичу, опубликованные И.И. Мочаловым: Новый мир. 1989. № 12. С. 204–221), Владимир Иванович после окончания гражданской войны (1921) много думал над переоценкой своей общественно-политической деятельности. В дневниковой записи от 3 августа 1924 года читаем: «И хотя тогда (1904–1905) г. было ясно, что идеи свободы личности, свободы научного искания, столь дорогие мне, не отвечали идеалам людей, с кото-

рыми мы шли как будто вместе (налево – не враги!) – на это закрывались глаза. Враг “налево” был страшнее для будущего свободного человечества, чем тот направо, с которым боролись.» (Архив РАН, Ф. 518, Оп. 2, Д. 46, Л. 61).

Статьи в газете «Новь» в полном соответствии с идеями кадетского либерализма были посвящены борьбе с «врагами справа».

1. Действительно, Вторая Государственная Дума оказалась более «левой» по сравнению с первой. Подробнее см. примеч. 8 к статье «Роковая ошибка».

РОКОВАЯ ОШИБКА

Россия произносит теперь приговор над деятельностью министерства Столыпина [1]. Семь месяцев назад Столыпин решительно и смело бросил Россию в ту анархию, из которой мы никак не можем теперь выйти. Это была не смелость государственного человека, истекающая из строгого расчета и провидения грядущих событий, а смелость чиновника, основанная на незнании и непонимании окружающего.

Теперь ясно для всех: эти семь месяцев – семь месяцев смуты; разорения и анархии – были потеряны для упорядочения государственной жизни России – по вине неспособного безответственного министерства.

8 июля 1906 года совершена была *роковая ошибка*. Роспуск Государственной Думы совершился при условиях, при каких едва ли где-либо и когда-либо происходил роспуск парламента [2]. Только что началась законодательная работа, началось рассмотрение государственного бюджета, заканчивались в комиссиях законопроекты, – кончались первые недели внутренней организации. В эти последние дни происходило глубокое внутреннее изменение в составе Думы: крестьянские депутаты, близкие к трудовикам, отходили от них и образовывали новую, очень численную группу, примыкавшую к партии народной свободы, с другой стороны, часть беспартийных крестьян была готова организовать под руководством М.М. Ковалевского [3]. Обсуждение закона о смертной казни заканчивалось в Государственном Совете, и должна была быть выработана форма прохождения законов через архаическую и слабую силами верхнюю палату – или стали бы ясны для всех недостатки и невозможные условия ее организации. Проходили первые дни внутренней организации никому не известного, сложного и страшно трудного дела, заканчивались многочисленные подготовительные работы – и в это время вдруг был нанесен роковой удар, обставленный всем внешним аппаратом государственного переворота: ночными передвижениями войск и даже артиллерии, оцеплением здания Думы с утра войсками и полицией, официальным обещанием министра внутренних дел явиться на заседание в понедельник 10-го июля в то время, как он тайно имел уже в своих руках подписанное решение о ее роспуске... [4]. Вся история роспуска первой Государственной Думы во многом до сих пор – темное дело; вероятно скоро откроется перед нами ее закулисная сторона, выйдут на свет Божий документы этого пагубного для блага России акта. Но уже ясно и теперь, что ее причиной были далеко не те явления, на которые указывал председатель Совета Министров или во всяком случае не они одни. Теперь мы можем оценивать события в более правильной перспективе, чем это могло быть сделано летом в Петербурге в угаре событий, в сутолоке нервных ожиданий, огорчений и борьбы. И *теперь* становит-

ся ясным: Государственная Дума впервые в истории России дотронулась до бюджета, приступила к контролю и рассмотрению того нерва, которым жила бюрократия. Этого бюрократия снести не могла. Министр финансов не получил на продовольственное дело тех сумм, которых он добивался. Законом, утвержденным Государем и прошедшим обе палаты, министерство было поставлено под точный учет и строгий контроль народных представителей. Если бы Дума не была распущена – уже в течение июля месяца министр финансов должен был представить на ее рассмотрение свои соображения о сокращении текущего бюджета, а весь ход продовольственного дела подвергся бы ее неусыпному наблюдению. Что открылось бы при этом рассмотрении – можно только догадываться. Открылось бы многое, ибо, даже в наше время самодержавного управления министерства, позорная эпопея Гурко-Лидваль [5] все же не могла быть скрыта... Дума дотронулась до бюджета – и была распущена. Между этими двумя делами есть явная, неоспоримая связь.

Первая Государственная Дума застигла министерство врасплох, у него не было законопроектов; не мог фактически уйти от рассмотрения Думы бюджет 1906 года, едва ли был подготовлен к рассмотрению бюджет 1907 года. Теперь в эти семь месяцев министерство более подготовилось: в Думу будут внесены им многочисленные законопроекты, бюджет 1906 года отошел в давнее прошлое, бюджет 1907 года будет рассматриваться при условиях, не позволяющих долго останавливаться на его главных статьях. Едва ли Государственная Дума будет в состоянии рассмотреть правильно в одну сессию *два* государственных бюджета. Для нее неизбежно будет обратить главное внимание на бюджет 1908 года. Таким образом, роспуском Думы бюрократия выиграла два года бюджетного рассмотрения, имела время прикрыть многие старые грехи.

Этот результат отпуска ясен. Но едва ли он является и не единственным. В самом деле, что достигнуто актом 8 июля 1906 г.? Стоим ли мы в настоящее время при лучших условиях государственной жизни, чем какие существовали во время деятельности Государственной Думы?

Нет надобности на этом останавливаться. Нельзя забыть ту массу крови, какая пролита с этого дня, ту анархию и распущенность, нарушения закона и ряд жестокостей, которые совершены в междудумский период. Страна ожидает и теперь только от Государственной Думы умиротворения и упорядочения, как она ожидала этого от первой Думы. Но положение второй Государственной Думы в этом отношении гораздо тяжелее и затруднительнее. И вина в этом всецело лежит на правительстве. За эти семь месяцев правительство потеряло в глазах страны – широких масс населения – последние следы нравственного авторитета – оно явно держится исключительно на грубой физической силе. Оно не может поддерживать авторитет закона против нарушения его своими отдельными агентами, ибо оно явно зависит от этих агентов в своем существовании. Уровень администрации чрезвычайно понизился, и в то же время она неизбежно стала еще самовластнее. В результате дезорганизация правительственной машины усилилась, и Думе едва ли возможно будет с ней справиться без энергичных мер изменения состава администрации. Но ясно, сколько трудностей стоит на этом пути.

В то же самое время и характер второй Государственной Думы будет во многом отличен от первой. Из состава ее исключена министерством целая

плеяда людей, большею частью принадлежащих к партии народной свободы [6], привыкших годами действовать вместе в общественной жизни, людей, богатых опытом и знаниями. К этим людям, исключенным из Думы за подписание Выборгского воззвания, присоединились многие другие, удаленные разными канцелярскими ухищрениями и актами административного произвола, как например, П.Н. Милюков в Петербурге, Л.Д. Брюхатов в Тамбове, комитет народно-социалистической партии в Петербурге и т.п. [7]. Заменить их равным вторым контингентом невозможно. В результате, в общем, их места заняты, однако, не сторонниками правительства, но людьми оппозиции. И, в конце концов, получается Дума, вероятно, еще более оппозиционная, но и менее богатая научными и общественными силами [8].

Вот тот результат, которого достиг П.А. Столыпин и за который он ответственен перед Россией. К этому ли он стремился? Неужели не ясна для него, как ясна для всех, роковая ошибка, совершенная им 8 июля? А если ясна, как может дальше оставаться у власти министерство, которое привело страну к новому кризису.

Выход из положения труден и едва ли ближайшее время может обойтись без глубоких и тяжелых потрясений.

Эти потрясения могут быть уменьшены, если решительно стать на тот путь, который еще в июне ясно стоял перед страной, как единственный выход из кризиса, – на путь создания думского министерства, хотя бы не состоящего из членов Думы, но обладающего ее доверием и способного поднять в глазах страны нравственный облик власти [9]. Другого выхода нет.

«Новь», 4 февраля 1907 г., № 29.

ПРИМЕЧАНИЯ

Статья подписана инициалами «В.В.». На экземпляре газеты, хранящейся в личной библиотеке В.И. Вернадского в Кабинете-музее (ГЕОХИ РАН) в Москве (инв. № 968), заголовок статьи отчеркнут синим карандашом точно так же, как и все другие газетные материалы, принадлежащие перу владельца библиотеки.

1. Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) – государственный деятель, реформатор в области аграрной политики. В 1902–1906 гг. – губернатор Гродненской, затем Саратовской губерний, с 26 апреля 1906 г. – министр внутренних дел, с 8 июля того же года, после роспуска I Государственной Думы возглавлял Совет министров, сохранив за собой пост министра внутренних дел. Его политика жестоких репрессий против революционных проявлений в любых формах стала нарицательной в публицистике того времени: «сначала успокоение, а потом реформы». Либералы, а в их числе и Вернадский сугубо отрицательно относились к внутренней политике Столыпина, в корне противоположной их политическим программам по большинству пунктов. Тем не менее наиболее прагматичные лидеры кадетов, в частности П.Н. Милюков, не исключали лояльного сотрудничества со Столыпиным (см. ниже – примеч. 9).

2. По словам лидера кадетской партии П.Н. Милюкова, «Роспуск I Думы был попыткой прервать правильное функционирование народного представительства, исходившей от недоверия к народу. На Западе, обыкновенно, народ высказывает доверие или недоверие правительству. У нас наоборот: у нас власть снисходит до доверия к народу и лишает народ своего доверия» (*Милюков П.Н. Вторая Дума. Публицистическая хроника. 1907 г. СПб., 1908. С. 2*).

3. Эта фраза требует уточнения: говорить о большой группе крестьянских депутатов, прикнущих к кадетской фракции, нельзя. Речь идет о том, что во время обсуждения аграрного вопроса в Думе часть крестьянских депутатов поддержала партию демократических реформ М.М. Ковалевского, в то время как количество крестьян в кадетской фракции уменьшилось.

Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) – историк, юрист, профессор Московского, затем Петербургского университетов. Депутат I Государственной Думы от Харьковской гу-

бернии. В 1907 г. избран членом Государственного Совета от Академии наук и университетов (как и В.И. Вернадский). В январе 1906 г. основал партию демократических реформ и вошел в состав ее оргкомитета вместе с К.К. Арсеньевым, И.И. Иванюковым, В.Д. Кузьминым-Караваевым (см. примеч. 4 к «Отдельному мнению...»), А.С. Постниковым. Партия демократических реформ была близка к кадетской партии и резко отмежевывалась как от крайне правых, так и от крайне левых. В I Государственной Думе имела 14 депутатов, во II Думе – одного. После роспуска II Государственной Думы фактически прекратила свое существование.

4. См. примеч. 1 к статье «Смертная казнь» [11 января 1907 г.].

5. См. примеч. 6 к статье «Патриотизм и черная сотня».

6. Речь идет о депутатах I Государственной Думы, подписавших Выборгское воззвание. См. примеч. 4 к статье «[О выборах в II Государственную Думу]».

7. Местная администрация, основываясь на сенатских разъяснениях к избирательному закону, опубликованных перед выборами во II Государственную Думу, всеми силами препятствовала выборам в Думу представителей оппозиции. П.Н. Милюков, в частности, не был допущен к выборам за неимением квартирного ценза, установленного сенатскими разъяснениями. Упомянутый в тексте Л.Д. Брюхатов также был членом кадетской партии.

8. II Государственная Дума действительно оказалась еще более оппозиционной, чем первая. Современники называли Думу этого созыва «Думой резких крайностей». Оппозиционность Думы нашла свое отражение в блоке левых партий: трудовики (104 депутата), эсеры (37), народные социалисты (16) и социал-демократы (65). Левый блок в Думе имел, таким образом, 222 депутата или 43% от общего числа членов Думы. В то же время кадетская фракция насчитывала 98 человек против 179 в составе I Думы. Октябристы и правые в II Думе имели всего 54 депутатских места.

9. Открытый конфликт Думы с правительством начался после выступления председателя Совета министров И.Л. Горемыкина в Думе 13 мая 1906 г., в котором он в резкой форме отверг все основные требования к царю, изложенные в думском адресе. Дума в свою очередь вынесла резолюцию о полном недоверии правительству и замене его другим, пользующимся доверием депутатов. В июне 1906 г. министр просвещения П.М. фон Кауфман при поддержке министра финансов В.Н. Коковцова и министра иностранных дел А.П. Извольского предложил создать министерство (правительство) доверия, вступив для этого в соглашение с центристами в лице кадетов. Эту идею поддержал генерал Д.Ф. Трепов (в это время – дворцовый комендант, имевший большое влияние на Николая II), который тайно встречался с лидером кадетов П.Н. Милюковым и обсуждал с ним условия вхождения к.-д. в кабинет министров. В определенной мере к этой комбинации склонялся и П.А. Столыпин, также ведший переговоры с Милюковым. Однако в конце концов верх одержало консервативное окружение императора: было принято решение о роспуске Думы и новых выборах.

МОСКВА, 6-го ФЕВРАЛЯ*

Редакционная статья

Референдум московского студенчества, приведший 3-го февраля 1907 года к коренному изменению организации академической молодежи, является крупным событием академической жизни, которому нельзя отказать в серьезном общественном значении. Этот референдум не является случайностью [1]. Он закончил собою долгую идейную борьбу более живых, прогрессивных элементов студенчества против давно обветшавшей, демагогической, якобинской формы организации, за которую упорно, как за старую традицию, держались широкие элементы студенчества и которая делала все его решения случайными и мало авторитетными. Референдум положил конец господству

* Публикуется только та часть редакционной статьи, под которой имеется автограф В.И. Вернадского. –*Ред.*

общей сходки в университете, отнюдь не уничтожая ее агитационного характера. Ниже мы помещаем статью нашего сотрудника Б.М. Овчинникова, посвященную оценке этого нового явления в академической жизни, здесь же мы хотим подчеркнуть его общественное значение.

В русской общественной жизни студенчество играло в течение долгих лет крупную и яркую роль. В то время, когда русское общество не имело почти форм для выражения своего мнения, лишь в кругу молодежи, в университетских центрах, неуклонно и непрерывно могли пробиваться те течения, которые скрыто и глухо волновали все русское общество. Все усилия администрации подавить оппозиционные течения молодежи были напрасны, ибо форма им давалась одним уже скоплением молодежи в одном месте, ее постоянным общением на академической почве – а ростки этого движения глубоко хоронились во все растущем негодовании русского общества. В эту эпоху выработана была форма общей сходки.

Когда оппозиционное настроение русского общества вылилось наружу – оно приняло в среде академической молодежи энергические формы революционного брожения, одно время угрожавшие самому существованию университета. С легкой руки «Искры», в 1904 году стало отрицаться значение университета, как научного центра, он стал рассматриваться как представитель «буржуазной науки», не имеющей будущего и абсолютного значения. Университет должен был быть открыт не для научных занятий, но должен был явиться революционной ареной, он должен был готовить революционную организацию народных масс [2]. Всем памяты те во многом тяжелые – но молодые и живые – впечатления, которые, как буря, пронесли над Московским университетом в эти годы. Но долго жить в революционном вихре было нельзя. Взяла свое жизнь, – молодежь вновь вернулась к науке, сила и вечное значение которой не связаны с теми или иными политическими и социальными воззрениями и не могут быть подорваны нервными выкриками большевистских митинговых ораторов и памфлетной литературой.

С возвращением молодежи к научным занятиям, при совершенно новых условиях жизни и при возросшем до пределов возможности количестве студентов, – явилась необходимость в такой организации студенчества, которая делала бы его будущее менее зависимым от решений энергичного меньшинства.

С этой точки зрения переход московского студенчества к новой форме организации является важным общественным значением, т[ак] к[ак] он делает более устойчивым положение университета и лишает гегемонии то меньшинство в академической среде, которое еще недавно отрицало за университетом всякое самостоятельное значение и в то же время – с помощью общей сходки – могло всегда говорить от имени студенчества. Оно вело в университете политику, университету чуждую и нередко враждебную.

Мы видим в результате референдума яркое проявление политической зрелости московского студенчества, выражение его страстного стремления к науке и знанию, и рады, что провести эту крупную реформу в жизни нашей alma mater выпало на долю наших товарищей – молодой студенческой фракции партии народной свободы!..

«Новь», 6 февраля 1907 г., № 29.

ПРИМЕЧАНИЯ

Редакционная (без подписи) статья. Авторство установлено по автографу В.И. Вернадского на экземпляре газеты из его личной библиотеки, хранящейся в Кабинете-музее В.И. Вернадского (ГЕОХИ РАН) в Москве (инв. № 969).

1. В течение 1905/06, 1906/07 учебных годов Московский университет неоднократно закрывался в ответ на революционные выступления студенчества, находившегося под сильным идейным влиянием левых партий – социал-демократов и эсеров. В 1907 г. в студенческой среде усиливается стремление к возвращению в нормальную колею академической жизни. Свидетельством этого стал опрос студентов Московского университета, проводившийся 1–3 февраля 1907 г. Большинство высказалось против «законодательной роли» всеобщей сходки в университетской жизни, за восстановление значения центрального университетского органа – выбранной студенческой организации.

2. В «Искре» постоянно помещались материалы о студенческих выступлениях, разъяснялась необходимость для демократического студенчества объединить свои усилия с рабочим классом и под его руководством смелее выставлять политические требования. В отношении студенческих дел у большевиков и меньшевиков не было разногласий. (См. «Искра», 1901, № 1–5, 12, 13; 1902, № 16–19, 29; 1903, № 32, 34–36, 38, 40; 1906, № 59; 1905, № 107. См. также примеч. 1 к статье «Странные заботы о восстановлении порядка»).

МОСКВА, 7-го ФЕВРАЛЯ

Редакционная статья

Когда мы пишем эти строки, еще почти нет телеграмм о результатах выборов в Государственную Думу. По всей стране происходит последнее столкновение между избранными представителями народа и бюрократией, с невероятным цинизмом не останавливающейся ни перед какими средствами воздействия на выборы. В последние дни отовсюду идут сведения о незаконных кассациях выборов, прошедших в прогрессивном духе, об арестах, обысках, застрачивании выборщиков и кандидатов в Думу, о вызове по телеграфу по служебным делам выборщиков-чиновников, об открытой предвыборной агитации администрации и полиции, об избияниях в насилиях над прогрессивными обывателями, производимых состоящими под покровительством местных властей монархическими организациями, об утверждении реакционных выборов при явном нарушении закона, не стесняясь никакими нравственными соображениями. И все же в общем счете все эти преступные старания оказываются тщетными. В отдельных местах, благодаря им, проходят октябристы или монархисты, но общего характера Думы эти отдельные «удачи» изменить не могут.

Даже и эти «удачи» в значительной мере (как напр[имер], в Киеве или Туле) в сущности были достигнуты добровольной помощью, оказанной министерству Столыпина партиями и группами русских граждан, считающими себя «левыми». Столыпин должен быть благодарен за эти успехи энергичным выступлениям большевистских главарей и сбитых ими с толку избирателей «левого блока» [1].

Выборы, выигранные в такой невероятной обстановке, представляют явление огромного исторического значения в жизни нашей страны. Во-первых, они указывают на чрезвычайную глубину оппозиционного настроения в народной среде и на непоколебимую решимость народа расстаться со старым

строем, а во-вторых, – они окончательно подрывают последние нравственные устои бюрократического министерства. При этих условиях конечный результат происходящей борьбы не может возбуждать сомнения. Бюрократия может отдалить день своего окончательного поражения на один, на два года, она может заставить страну перейти к новому государственному строю с большими потрясениями и жертвами, но она не может вернуть Россию назад или сохранить теперешнее неустойчивое положение. Чем дольше она будет оттягивать ликвидацию старого, тем больше она должна будет уступить в день своего окончательного поражения.

Страна не может управляться только физической силой. Власть, которая держится только на физической силе, – есть власть, не имеющая будущности, которая неизбежно или приводит страну к катастрофе, или сдается при первом серьезном внешнем или внутреннем осложнении. А между тем политика министерства в междудумский период лишила его последнего общественного доверия. В связи с выборами в обществе в народе тревожно обсуждаются такие предположения о деятельности министерства, которые не могут даже придти в голову иностранцу в его родной стране. В печать (например, в издания совета объединенных дворянских обществ или в «Моск[овские] вед[омости]») проникли слухи о намерении министерства изменить избирательный закон в случае новой оппозиционной Думы – т.е. о намерении совершить государственный переворот. В то же время сегодня газеты принесли известия о распродаже России – слухи о распродаже Донецких каменноуг[ольных] земель, о залоге государственных железных дорог и т.д. Дальше идти некуда. Если, однако, эти слухи имеют основание, – то мрачно и тяжело то ближайшее будущее, которое готовит нам г. Столыпин, и дорогой ценой окупит Россия свое неизбежное, окончательное освобождение...

Положение новой Государственной Думы при таких обстоятельствах будет чрезвычайно трудное и нельзя предвидеть даже ближайшего будущего. Из нее правдами и неправдами искусственно удалены многие люди государственного опыта и знания (в самое последнее время П.Н. Милюков, М.М. Ковалевский, кн. Г.Е. Львов) [2], кровь и насилия составляют ту атмосферу, в какой ей приходится действовать. И все же мы не видим другого пути к спасению России, кроме пути Государственной Думы, и на ее депутатах лежат, может быть, еще более ответственные и более тяжелые обязанности, чем на депутатах первой Государственной Думы...

Только что пришло известие о выборе четырех депутатов Москвы – кн. П.Д. Долгорукова, А.А. Кизеветтера, В.А. Маклакова, Н.В. Тесленко – и Московской губернии] – гг. Головина, Челнокова, Афанасьева и др. [3]. Пожелаем им в этот торжественный и ответственный момент спокойствия, смелости и энергии, пожелаем им неуклонно идти по тому пути, по которому шла первая Госуд[арственная] Дума, явившаяся искренней выразительницей народных желаний.

«Новь», 7 февраля 1907 г., № 30.

ПРИМЕЧАНИЯ

Редакционная (без подписи) статья. Авторство установлено по автографу В.И. Вернадского на экземпляре газеты из его личной библиотеки, хранящейся в Кабинете-музее В.И. Вернадского (ГЕОХИ РАН) в Москве (инв. № 970).

1. Перед выборами в II Государственную Думу большевики отказались от ее бойкота, их тактика на это раз была направлена на создание блока левых сил в Думе с партиями народнического толка: трудовиками, эсерами, партией народных социалистов. Блок противостоял кадетам и правым. «Левый блок» отобрал у кадетов немалое количество голосов. См. также примеч. 8 к статье «Роковая ошибка».

2. Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – историк, публицист, политический деятель, лидер кадетской партии, председатель ее Центрального Комитета с марта 1907 г., редактор газеты «Речь».

О М.М. Ковалевском см. примеч. 2 к статье «Роковая ошибка».

Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) – князь, земский деятель, организатор помощи раненым во время русско-японской войны, участник земских съездов 1904–1905 гг., примыкал к кадетам. Будущий глава Временного правительства.

3. Долгоруков Павел Дмитриевич (1866–1927) – князь, предводитель дворянства Рузского уезда Московской губернии. Один из основателей «Союза освобождения» и кадетской партии, председатель ее ЦК в 1905–1907 гг.

Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933) – историк, публицист, политический деятель, приват-доцент Московского университета. Член «Союза освобождения», член ЦК к.-д. партии.

Маклаков Василий Алексеевич (1870–1957) – известный московский адвокат, с 1906 г. член ЦК кадетской партии, депутат II, III, IV Государственной Думы.

Тесленко Николай Васильевич (1870–1942) – адвокат, известный криминалист, организатор группы бесплатной адвокатуры по политическим делам, член ЦК кадетской партии.

Головин Федор Александрович (1867 – после 1929) – мировой судья, председатель московской губернской управы. Член ЦК кадетской партии, председатель II Государственной Думы.

Челноков Михаил Васильевич (1863–1935) – владелец кирпичных заводов, участник съездов земских и городских деятелей, гласный Московской городской думы, член к.-д. партии, секретарь II Государственной Думы.

Афанасьев Петр Афанасьевич – избран в II Государственную Думу от крестьянской курии, в Думе входил во фракцию трудовиков.

МОСКВА, 14-го ФЕВРАЛЯ

Редакционная статья

Выборы выяснились – оппозиция победила. Но общее положение в Государственной Думе все еще темное и неясное. Огромное большинство Государственной Думы – больше 2/3 ее состава – принадлежит к оппозиционным группам и партиям. Это большинство еще увеличится, когда окончательно установится состав Думы, т.е. когда будут кассированы те выборы, которые были произведены с исключительными нарушениями закона и с открытым до цинизма вмешательством администрации. Выборы в Полтавской губ[ернии], Кишиневе, Бессарабской губ[ернии] и т.д., неизбежно будут кассированы Государственной Думой, а вместе с тем и силы оппозиции еще увеличатся. В огромном большинстве случаев правые выбраны лишь при исключительном давлении местных властей, при содействии преступлений и нарушений закона. Очень многие из представителей в Государственной Думе не имеют права в ней участвовать и вынуждены будут из нее удалиться. Едва ли они вернуться вновь, когда избиратели получают возможность более свободного, согласного с законом, исполнения своих обязанностей.

Эта проверка полномочий имеет в данный момент особое значение, ибо среди лиц, попавших в Государственную Думу незаконным образом, как раз находятся видные члены тех организаций, которые замешаны в убийствах

и погромах. Достоверные газетные известия и показания очевидцев рисуют поразительную картину выборов, которыми прошли в Думу г. Крушеван или г. Пуришкевич [1]. В том же роде и выборы других членов крайних правых партий. Можно поэтому надеяться, что после проверки полномочий среди народных представителей уже не будет, по крайней мере, наиболее ярких и беззастенчивых представителей организаций, содержащих банды наемных политических убийц, производящих погромы и привыкших к темноте беспринципной полицейской деятельности. Но в известном количестве крайние правые, вероятно, останутся, и роль их в Государственной Думе, которая неизбежно станет фокусом всех закулисных интриг и над которой будут производиться тяжелые политические эксперименты, будет чрезвычайно опасна. Так или иначе, правые будут представлять из себя в Думе друзей и пособников министерства, которое, как мы знаем по опыту, не останавливается ни перед какими соображениями нравственности и достоинства власти.

Борьба с правыми несомненно явится одной из важных задач оппозиции. Мы не боимся за ее исход – но ее последствия и ее характер будут зависеть не столько от состава правых групп Государственной Думы – едва ли сильных знаниями и талантами – сколько от всей внутренней организации оппозиции.

Оппозиция же крайне раздроблена. Самую сильную по числу ее группу представляет партия народной свободы. Ее роль в Думе нам представляется ясной, и мы вернемся к ее обсуждению в другой раз. Теперь только отметим, что, по нашему мнению, к.-д. партия должна держаться совершенно самостоятельно и не должна входить ни в какие блоки с другими группами оппозиции. Мы думаем, что число ее членов будет увеличиваться – но пока она является в меньшинстве не только в Думе, но и в оппозиции, хотя и представляет из себя самую многочисленную и наилучше организованную партию в нашем парламенте. Гораздо менее ясно положение других групп оппозиции.

Этих групп очень много, не менее 7: большевики, меньшевики, трудовики, социал-революционеры разных оттенков, народные социалисты, Крестьянский союз, просто левые и, наконец, крайние левые. Очень возможно, что число этих делений еще более увеличится, когда начнется деятельность в Государственной Думе.

Трудно себе представить, чтобы все эти группы объединились вместе в один «левый блок» [2]. При сложности нашей общественной жизни, он не может находиться в устойчивом состоянии и слишком много времени будет уходить для его членов на поддержание взаимной связи и спокойствия в его разнородном составе. «Блок» неизбежно и очень скоро будет разбит внутренними противоречиями своего состава, постоянно возбуждаемыми жизнью. Нам представляются утопичными мечты о его создании. Какую общую программу или тактику может он выставить на более или менее продолжительный период? Он может объединяться лишь на один какой-нибудь момент, иметь эфемерное существование.

Гораздо вероятнее выделение из него левых беспартийных, до известной степени диких, и затем образование трех более крупных групп оппозиции, кроме партии народной свободы – социал-демократов, социал-революционеров и «трудовиков» [3]. От количества их членов и талантливости их вождей зависит многое в ближайшее время. Как раз теперь идут переговоры, связан-

ные с такой организацией оппозиции. Мы уверены, что сознание ответственности переживаемого исторического момента окажется достаточно сильным, чтобы побороть даже митинговые и кружковые привычки большевиков. Мы надеемся, что в эти ближайшие дни наметится такая организация оппозиции, стоящей в стороне от партии народной свободы, которая сделает возможной парламентскую работу. Только тогда несколько выяснится положение и станет возможным обсуждение дальнейшей тактики [4]. Но уже и теперь ясно, что парламентская работа должна явиться продолжением и осуществлением работы первой Думы, т.е. должна отвечать реальному исполнению программы партии народной свободы. Другой парламентской работы в настоящее время нет.

«Новь», 14 февраля 1907 г., № 36.

ПРИМЕЧАНИЯ

Редакционная (без подписи) статья. Авторство установлено по автографу на экземпляре газеты из его личной библиотеки, хранящейся в Кабинете-музее В.И. Вернадского (ГЕОХИ РАН) в Москве (инв. № 971).

1. Крушеван Павел Александрович (1860–1909) – журналист, издатель и редактор газеты «Бессарабец» в Кишиневе, в которой публиковались открытые призывы к еврейским погромам. Организатор бессарабской черной сотни. В II Государственной Думе отличался резкостью суждений даже среди единомышленников.

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) – бессарабский помещик, с 1901 г. служил в Министерстве внутренних дел. Один из основателей черносотенного «Союза русского народа», после его раскола возглавил «Союз Михаила Архангела». Депутат II, III и IV Государственной Думы. Один из организаторов и участников убийства Г. Распутина.

2. Избирательная платформа кадетов, принятая на их партийной конференции 28–30 октября 1906 г., предусматривала сохранение полной самостоятельности в предвыборной кампании; в решениях указывалось, что избирательные соглашения с левыми партиями могут быть не «принципиального, а только технического характера». Предвыборная агитация кадетов была направлена против создания большевиками левого блока партий. См. примеч. 8 к статье «Роковая ошибка».

3. См. примеч. 5 к статье «О Государственном Совете».

4. В II Государственной Думе кадеты придерживались тактики «бережения Думы». Они хотели создать «сильный конституционный центр», присоединив к себе слева народнические фракции, а справа – октябристов, депутатов от Польши и мусульманскую группу.

МОСКВА, 16-го ФЕВРАЛЯ

Редакционная статья

До Думы осталось несколько дней, и все нервнее становится общественное настроение. Ибо Дума до сих пор великая загадка. Еще несколько дней, и рука времени сорвет покрывало с этого коллективного создания нашей страны – создания, добытого в эпоху военно-полевых судов, сенатских разъяснений, циничных нарушений закона.

Какой облик даст нам это олицетворение России, созданное в такой трагической обстановке, в борьбе – не всегда удачной – с бюрократическими фальсификаторами. Будет ли Дума сильной и энергичной выразительницей народных нужд или она явится безнадежным полем партийных раздоров?

Невольно мысль всех уже теперь направляется на решение этой загадки, ибо от того или иного ее решения зависит будущее страны на многие годы или месяцы. Победа демократии и свободы в России неизбежна и не может быть остановлена никакими казнями, гонениями, партийными раздорами. Но она может произойти раньше или позже, сопровождаться потоками крови или быть достигнута путем мирного и спокойного парламентского напора. Несколько месяцев тому назад страна подходила к мирному разрешению кризиса, когда на исторической сцене появилась фатальная фигура г. Столыпина... [1].

Теперь вновь мы вернулись к старому. Вновь всплыло и возродилось все, что волновало Россию летом прошлого года.

Положение стало много хуже, много труднее. Глубже в народную среду проникла волна негодования, усилилась вера реакции в грубую силу насилия. Чувствуется приближение царства великих случайностей. И все же положение еще не безнадежное. Надежда на мирный исход кризиса не потеряна.

В эту великую ответственную минуту на печати лежит огромная задача выяснения народного мнения. Ибо вся тактика Думы, характер ее деятельности и внутренней организации в значительной степени будет зависеть не от взглядов и идей ее депутатов, а от окружающего их общественного настроения. А оно складывается, в значительной мере, под влиянием печати.

Мы можем оставить в стороне всю правую печать, поборников реакции – ибо их влияние на общественное мнение незначительно и они лишь являются хористами в хоре г. Столыпина. Московские ее органы – вроде «Московских ведомостей» или «Голоса Москвы» [2] – явно рассчитаны не на роль самостоятельных будителей общественной мысли. К сожалению, социалистическая печать не имеет теперь выразителей – она скошена в борьбе с бюрократией. На сцену выступила печать без определенного направления – сегодня левая, завтра правая.

Она не чувствует за собой ответственности, удачно лавирует среди опасных камней цензуры, прислушивается и подлаживается к общественному настроению, льстит толпе и с опаской озирается направо. В ее тоне и отзывах постоянно слышится диссонанс. Блестящие звуки боевого призыва и шипящие трели отбоя сливаются в общих нестройных аккордах: иногда преобладают одни, иногда сильнее слышатся другие. Целый ряд газет и листков ежедневно в десятках тысяч экземпляров разносят эту путающую и вносящую сумбур «беспартийную», «левую» по настроению – но не по мысли – пищу в народную среду. Они являются силой, но эта сила бьет друзей и врагов, не знает куда повернется, за что и за кого будет стоять через некоторое время.

В последнее время вся эта печать занималась травлей партии народной свободы – отчасти в трогательном единении с «Россией» и с «Новым временем» [3], отчасти являясь отражением настроения «левого блока». В самые последние дни «Русское слово» выдвинуло в этом своем походе аргументы особого рода. Мы не знаем и не совсем понимаем те цели, которые преследует газета или лица, ее инспирирующие – но мы ясно видим, что для единства и силы оппозиции в Думе распространение подобных слухов и ложных фактов опасно, раз оно совершается не на страницах заведомо правительственного органа. «Русское слово», со слов неизвестного корреспондента, сообщает о подготовляющемся союзе кадетов с октябристами, оно указывает, что

даже для этого устраивается съезд в Москве, что партия народной свободы готова отказаться от идеи парламентаризма, от принудительного отчуждения частновладельческих земель (!), что она – другими словами – собирается изменить оппозиции. Газета считает этого корреспондента настолько заслуживающим доверия, что посвящает его измышлениям передовую статью. Отказ партии народной свободы от ее программы – разве это мыслимо! Мы должны самым решительным и энергичным образом опровергнуть все эти ложные изветы, нелепость которых ясна с первого взгляда. Партия народной свободы действительно не войдет в блок с «левыми», пойдет в Думе самостоятельно – но это не значит, чтобы она шла «направо», склонялась к октябристам, отходила от оппозиции. Наоборот, мы убеждены, что несмотря на то, что, по видимому, в Думе она будет менее численна, чем раньше, и что значительная часть самых видных ее деятелей была насильственно изъята из избирательной кампании [4] – партия народной свободы в среде оппозиции во второй Государственной Думе будет играть важную роль, будет энергично бороться за свободу России, за социальную справедливость. Ее место – в оппозиции, и место видное.

«Русское слово» ожидало опровержения от «Нови» – мы его здесь дали, хотя все эти измышления были явно невероятны. Требование «опровержения» должно было придавать оттенок правдоподобия в глазах читателя. Для выяснения дела и мы, в свою очередь, позволим себе спросить газету – откуда она черпает свои сведения? Кто этот неизвестный корреспондент московской газеты из Лондона, сообщающий ей о предполагаемом съезде кадетов и октябристов в Москве? Каким образом и для чего газета помещает в своей передовой статье (№ 35) это известие так, что читатель неизбежно должен понять его как указание, сделанное П.Н. Милюковым корреспонденту «Тribуне». Ведь эти приемы стоят за пределами даже того, что до сих пор позволяла себе «беспартийная» печать относительно партии народной свободы.

«Новь», 16 февраля 1907 г., № 38.

ПРИМЕЧАНИЯ

Редакционная (без подписи) статья. Авторство установлено по автографу В.И. Вернадского на экземпляре газеты из его личной библиотеки, хранящейся в Кабинете-музее В.И. Вернадского (ГЕОХИ РАН) в Москве (инв. № 972).

1. См. примеч. 1 к статье «Роковая ошибка».

2. «Московские ведомости» – консервативная газета, возглавлявшаяся в это время В.А. Грингмутом (см. примеч. 5 к статье «Москва, 11-го апреля»).

«Голос Москвы» – газета партии октябристов, издатель и редактор – А.И. Гучков (см. примеч. 3 к статье «Москва, 4-го января»).

3. «Россия» – правительственная газета, с 1906 г. – орган Министерства внутренних дел. «Новое время» – влиятельная, широко информированная газета, орган консервативных сил (выходила с 1868 г.). В демократических кругах российского общества еще со времен М.Е. Салтыкова-Щедрина получила название «Чего изволите?». Принадлежала с 1876 г. крупному издателю А.С. Суворину.

4. См. примеч. 4 к статье «[О выборах в II Государственную Думу]».

Редакционная статья

Телеграф только что принес известие об избрании Ф.А. Головина председателем второй Государственной думы [1].

Вторично на московского избранника выпадает великая честь в эту трудную и критическую эпоху русской истории олицетворять собою Государственную Думу, к которой обращены сердца и мысли всей России. И мы уверены, что Ф.А. Головин сумеет так же достойно выполнить возложенное на него дело, как провел его перед глазами всего мира председатель первой Думы – С.А. Муромцев [2].

Мы горячо приветствуем Государственную Думу с этим выбором. Выбрав председателя в первый же день, большим и дружным большинством 3/4 голосов, Государственная Дума разбила надежды рептильной прессы и сторонников столыпинского министерства на раскол среди оппозиции. Оппозиция перед лицом врага – русской бюрократии – оказалась единой и сплоченной. Она сумела забыть все различия во взглядах и стремлениях, оценить серьезность и опасность положения. И она выразила это быстрым выбором независимого и стойкого председателя, единодушным, сплоченным действием всей оппозиции на первых же шагах своей деятельности.

Выборы своего председателя имеют для Думы огромное значение. Член Государственного Совета Голубев [3] являлся в Государственной Думе посторонним лицом, ничем не был связан ни с Думой, ни с ее депутатами. Ф.А. Головин же принадлежит к партии – партии народной свободы – вся судьба которой тесно и неразрывно связана с Государственной Думой. Отныне у Думы есть независимый председатель – хозяин отведенного ей помещения. Помимо него никто не может распоряжаться на территории Государственной Думы.

Личные качества Ф.А. Головина и его принадлежность к партии народной свободы имеют огромное значение еще в другом отношении. Председатель Думы есть то лицо, через которое и только через которое Государственная Дума имеет доступ к Государю. Через него же идут и все сношения министров с народным представительством.

С этой точки зрения, именно теперь в России имеет большое значение принадлежность председателя Думы к большой политической партии. Конечно, председатель Думы на время председательства никакого активного участия в партийной жизни не принимает, но принадлежность его к партии совершенно определяет его образ действий при сношениях Думы с Государем Императором и, что особенно важно – с министерством и администрацией. Ответственность председателя ложится и на всю его партию.

С этой точки зрения, имеет большое значение выбор председателя из членов партии народной свободы. Конституционно-демократическая партия была господствующей партией в первой «кадетской» Думе, с ней главным образом велась борьба министерством во время избирательной кампании, цвет ее сил был насильственно удален из числа избирателей [4]; органы министерства охотнее мирились с избранием «крайних левых», чем с избранием кадетов. Со стороны левых во время избирательной кампании велась ожесточенная борьба с кадетами, и министерство рассчитывало, что партий-

ные страсти затуманят головы и в Думе. Тем более знаменателен выбор всей оппозицией – кадетами и левыми – в председатели Думы – члена этой гонимой партии, носительницы идеалов первой Думы. Этот выбор указывает на глубокий и знаменательный рост политического самосознания русского общества в эти кровавые месяцы столыпинского режима.

В лице своего председателя партия народной свободы занимает то место в Государственной Думе, на которое она имеет право по своей прошлой истории. В этом выборе мы видим и яркое выяснение ее роли и в новой Государственной Думе. Недавние толки о разгроме партии во второй Думе должны умолкнуть перед фактами жизни.

Мы считаем, что единственным выходом из трудного положения должно быть единство политики оппозиции. Мы уверены в том, что единство действий будет достигнуто, и первый шаг Думы еще более укрепляет эту нашу уверенность. Дума должна быть сильна, а она может быть сильна только внутренним единством и народной поддержкой. Ф.А. Головин, который в тяжелые времена Плеве [5], в качестве председателя бюро земских и городских съездов, сумел твердо и непреклонно исполнить свой тяжелый долг, и в настоящую минуту найдет нужные силы ума и воли на еще более ответственном и более тяжелом посту.

С нами вместе, мы уверены, его приветствует и вся Москва, в которой на глазах всех протекла его безукоризненная многолетняя общественная деятельность.

«Новь», 21 февраля 1907 г., № 42.

ПРИМЕЧАНИЯ

Редакционная (без подписи) статья. Авторство установлено по автографу В.И. Вернадского на экземпляре газеты из его личной библиотеки, хранящейся в Кабинете-музее В.И. Вернадского (ГЕОХИ РАН) в Москве (инв. № 973).

1. См. примеч. 3 к статье «Москва, 7-го февраля».

2. См. примеч. 2 к статье [«О выборах в II Государственную Думу»].

3. Голубев Иван Яковлевич (1841–1918) – сенатор, член Государственного Совета с 1895 г., в 1906–1916 гг. – вице-председатель Государственного Совета. Открывал заседания II, III, IV Государственной Думы.

4. См. примеч. 4 к статье «Москва, 16-го февраля».

5. См. примеч. 2 к статье «По поводу разгрома».

КОГДА ЖЕ КОНЕЦ?

Вчера днем, в центре Москвы, на людной улице ограблен Московский университет, причем убит ни в чем не повинный полицейский чин [1]. Несколькими днями тому назад на окраине Москвы ограблен казначей сельскохозяйственного института. Эти два факта наглядно иллюстрируют условия жизни в нашей столице. Грабежи и насилия совершаются на каждом шагу – военно-полевые суды и казни никого не останавливают, но в крови казнимых лишь окончательно разрушаются сила и престиж власти.

Кто совершил этот новый грабеж? Взволнованное общество готово верить самым противоречивым слухам. Оно готово одинаково подозревать про-

фессиональных грабителей, политических экспроприаторов, представителей тех темных слоев, из которых выходят агенты сыска и дружинники союза русского народа. Одна возможность этих сомнений и сопоставлений ярко рисует глубину одичания, которая охватила русское общество. Ибо эти сомнения показывают, что в общественном сознании разрушаются и исчезают элементарные рамки этики и чести, все, что было добыто вековой работой лучших умов человечества, всей его многострадальной историей.

«Новь», 23 февраля 1907 г., № 44.

ПРИМЕЧАНИЯ

Редакционная (без подписи) статья. Авторство установлено по автографу В.И. Вернадского на экземпляре газеты, хранящейся в Кабинете-музее В.И. Вернадского (ГЕОХИ РАН) в Москве (инв. № 974).

1. 22 февраля 1907 г. было совершенно вооруженное нападение на казначейство Московского университета. В ходе ограбления был убит околоточный надзиратель П.П. Кропин и похищено около 20 000 рублей, предназначенных для выдачи профессорам и другим служащим университета, не получившим жалование 20-го числа.

МОСКВА, 28-го ФЕВРАЛЯ

Редакционная статья

Давно страна не переживала такого тяжелого времени. Впереди грозные тучи, и они медленно, но неуклонно надвигаются.

Собралась Государственная Дума [1], связанная со страной тысячью неразрывных нитей, но ближайшее будущее не сделалось от этого яснее, – наоборот, все ждут катастрофы. Слишком резки и глубоки противоречия между желаниями и стремлениями народа и укладом бюрократического режима.

Всюду говорят о возможном роспуске второй Государственной Думы. Кругом завывают шакалы русской общественной жизни – деятели продажной официозной прессы – они стремятся и вызывают к государственному перевороту; союзы погромщиков почти открыто организуют свое темное дело.

Разгон второй Государственной Думы! Понимают ли ясно – те, которые к этому стремятся, что это значит? Ведь это начало открытой междоусобной войны, ведь вслед за этим прольются потоки крови, и в конце концов весь государственный механизм России зашатается...

В безумии и забвении прошлого они указывают, что разгон первой Государственной Думы прошел спокойно; он не вызвал того, чего опасались – страна не встала на защиту Думы, «организованный народ», которым пугали идеологи левых партий, не выступил на историческую сцену. С полицейской точки зрения – и только с нее – разгон Думы прошел относительно спокойно.

Отдельные мятежи были быстро подавлены, подати поступали почти без промедления, набор прошел спокойно. Войска остались верны [2]. И министерство стало спокойно смотреть на роспуск Думы. Но это все *внешние* признаки – горе власти, которая думает строить государственный порядок на одной только внешней силе.

Посмотрите внутрь жизни нашей страны и взгляните, что пережито после разгона первой Думы. Тысячи казней, десятки тысяч арестованных и сосланных, миллионные экспроприации и убийства; вся страна наводнена революционной литературой; озлобление и негодование охватило не отдельные кружки, оно перешло в народные массы. Рознь между партиями усилилась, взаимное озлобление разрушило рамки закона. Исчез последний престиж власти – вместо успокоения вся страна находится в непрерывном сотрясении. Мы стоим накануне финансового краха, и государственная деятельность приостановлена. Закон нарушается на каждом шагу теми, кто его должен охранять; преступления оцениваются и караются различно, в зависимости от политических убеждений.

Пропасть между правительственной властью и народом становится зияющей; она с каждым днем и часом увеличивается. Время идет, и быстро приближается тот момент, когда она ничем не может быть заполнена. Положение теперь, по сравнению с тем, которое переживала страна год назад, резко ухудшилось. И в этом ухудшении больше всего виноваты те, которые создали разгон первой Государственной Думы. Разгон первой Думы вызвал глубокое потрясение в жизни всей страны; он подорвал основы государственного порядка, окончательно сдвинул с места старые исторические устои народной жизни. Совершена пагубная политическая ошибка, последствия которой живы до сих пор и с трудом могут быть исправлены.

Возможно ли повторение прежнего – новый роспуск Государственной Думы? Мы можем смело сказать – *невозможно*.

Возможно другое – возможен государственный переворот, т.е. разгон Думы, связанный с изменением избирательного закона и с беспощадным усилением репрессий [3]. Разогнать Думу – это значит усилить в стране смуту, разбросать всюду семена ненависти и мести, увеличить казни, высылки и обыски – бросить страну в анархию и революцию. Ибо в ответ на это снизу поднимутся и еще более вырастут бесчисленные новые всходы террора. При этих условиях только ценою национального позора и экономического порабощения России может быть поддержано финансовое равновесие государства.

И как долго можно держать страну в таком состоянии? Какие останутся надежды на восстановление порядка, на успокоение? Какие слои и группы населения будут поддерживать бюрократию, войдя в новую Государственную Думу? Могут ли они быть достаточно сильны, чтобы противостоять народным массам, которые потеряют свои избирательные права при новом избирательном законе? Долго ли хватит сил для того, чтобы держать Россию – негодующую и мятущуюся – в рамках невольного подчинения посредством войска и полиции? Что будет представлять в мировой жизни такое завоеванное бюрократией государство? Что будет, если эти расчеты не оправдаются? Ведь министерство ставит на карту все, когда разгоняет вторую Думу! Это игра *va-banque*!

Мы думали – когда была создана первая Государственная Дума, – что революционное движение в России теряет свои разрушительные тенденции и что страна вступила на путь эволюции, – но мы ошиблись. Ужасы революции только начались, они еще впереди. Разгон второй Государственной Думы, неизбежно связанный с государственным переворотом, будет спичкой, брошенной в пороховой погреб. Мы стоим перед началом таких государственных

потрясеный, каких никогда не переживала Россия, и это обязаны понимать те, которые теперь легкомысленно провоцируют Думу.

«Новь», 28 февраля 1907 г., № 48.

ПРИМЕЧАНИЯ

Редакционная (без подписи) статья. Авторство установлено по автографу В.И. Вернадского на экземпляре газеты из его личной библиотеки, хранящейся в Кабинете-музее В.И. Вернадского (ГЕОХИ РАН) в Москве (инв. № 976).

1. II Государственная Дума начала свою работу 20 февраля 1907 г.

2. Среди перечисленных признаков «спокойствия» упомянуты сбор податей и набор в армию. В Выборгском воззвании (см. примеч. 2 к статье «[О выборах в II Государственную Думу]») кадеты призывали в качестве пассивного сопротивления действиям правительства к отказу от уплаты налогов и призыва в армию.

3. Именно это и произошло спустя три месяца. 3 июня был опубликован царский манифест о роспуске II Государственной Думы и об изменении Положения о выборах. Это событие вошло в историю под названием третьеиюньского государственного переворота.

СТРАННЫЕ ЗАБОТЫ О ВОССТАНОВЛЕНИИ ПОРЯДКА

Последние дни в жизни высшей школы приносят нам одно известие тревожнее другого. Министерство, вместо того чтобы избегать ненужных осложнений в нашей и без того тяжелой общественной жизни, действует вызывающе и искусственно создает один инцидент за другим. Едва ли когда-либо в другой стране наблюдалась такая странная государственная деятельность исполнительной власти. Трудно сказать, что это – результат неумения и неспособности, или узкопартийное политиканство, в котором интересы страны приносятся в жертву интересам захватившей власть в свои руки узкословной группы бюрократии?

Высшая школа едва оправляется от ударов, которые нанесены ей крайними левыми группами, относящимися пренебрежительно к интересам «буржуазной» науки. Программа, – опубликованная в 1905 г. в «Искре», указывавшая на необходимость использовать высшую школу в революционных целях [1] – уже вызвала раз остановку по всей стране высшего преподавания. Но жизнь взяла свое. Внутри академической среды началась, более или менее успешно, борьба с этими крайними представлениями о задачах академической жизни; в общем, оппозиция им стала расти. Многочему за это время научились и представители крайних левых групп – их отношение стало менее непримиримым. Теперь к этой, все еще не прекращающейся внутренней академической борьбе представителей разных пониманий академической жизни присоединились агрессивные выступления крайних правых. Эти еще ничему не научились.

Министр Философов [2] изгоняет, без всякого предварительного расследования и переговоров, из политехнического института, всеми уважаемого кн[язя] Гагарина, не дожидаясь результатов суда над ним. И это происходит при наличии сомнений в правильности полицейского дознания о результатах обыска в политехническом институте [3]. Факт этот станет особенно ярким, если вспомнить, что Гурко до сих пор остается товарищем минист-

ра внутренних] дел [4]. Инцидент в Политехническом институте вызывает глубокое брожение во всех других высших учебных заведениях; в них идет теперь глухая борьба между сторонниками «активного» выступления и защитниками хладнокровного и спокойного отношения к неумелой и вызывающей политике министерства. То, что происходит в Госуд[арственной] Думе, происходит теперь и в автономных школах.

В Москве университетские занятия шли спокойно. Но в последнее время жизнь университета стала тревожной. Неизвестно кем совершенная экспроприация университетского казначейства дает повод «Моск[овским] вед[омостям]» (в свое время «экспроприировавшим» Московский университет на несколько сот тысяч рублей) поднять травлю против студентов университета, об участии которых в этом грабеже газета говорит, как о доказанном факте. В то же время представитель местной администрации в опубликованном крайне резком и вызывающем письме ректору университета слагает с себя ответственность за происшедшее, возлагая ее на администрацию университета. Тон этого письма едва ли имел себе прецедент в административной практике. К сожалению, ответ ректора не был опубликован, но совет университета не счел благоразумным обращать внимание на странный тон официального заявления. Через несколько дней происходит дикая история на Красной площади, связанная с убийством городского. Четверо юношей (в том числе два студента университета) преданы военно-полевому «суду» и утром были уже казнены [5]. Вместе с тем, вчера днем, через несколько часов после их смерти, депутаты Тесленко [6] и Булгаков [7] любезно принимаются членами министерства, которые обещают снестись с Москвою, жалуются на неполучение ответа, не отказывают в содействии... Случайность это или нет, но эти приговоры принимают трагический характер. Аналогичный случай, менее кровавый, был пережит Казанским университетом несколькими неделями раньше. Депутация университета жаловалась председателю Совета Министров на незаконный обыск в университете; она была очень любезно принята и ей было обещано содействие. Пока она ехала назад в Казань, по дороге она узнала, что в университете произведен новый обыск при тех же обстоятельствах...

В Московском университете, под влиянием всех этих событий, брожение усиливается. Как нарочно, возникают новые тревожные слухи. Говорят, местная администрация обратилась в министерство, требуя себе новых полномочий, так как, по ее мнению, автономный Московский университет является в Москве очагом революции. Она требует фактической отмены его автономии.

То, что происходит в Москве и Петербурге – не случайность. Во всей стране поднимается та же волна. Высшая школа, в которой только что начались занятия, находится на краю новой остановки, разрушения. В дружном усилии революционные партии, крайняя правая и крайняя левая, не останавливаясь ни перед чем, ведут свою разрушительную работу. Трагизм положения заключается в том, что министерство в этом вопросе действует в духе крайних правых и, вместо государственной работы, совершает работу деструктивную.

«Речь», 3 (16) марта 1907 г., № 52.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Речь идет о статье Ф. Дана «К началу академического года», опубликованной 29 июля 1905 г. в № 107 газеты «Искра», в которой студенчество призывалось перейти к новой тактике: от пассивного сопротивления, каким являлась общероссийская студенческая забастовка, начавшаяся в феврале 1905 г., к активным действиям. Студенчество должно было вернуться в университеты и другие высшие учебные заведения, но не «затем, чтобы мирно вкушать плоды подцензурной науки», а для того, чтобы открыть аудитории для народных собраний и митингов. «Превращение университетов и академий в достояние революционного народа, – так можно кратко формулировать задачу студенчества», – подчеркивалось в статье.

2. См. примеч. 3 к статье «Вотум недоверия».

3. 18 февраля 1907 г. в общежитиях Политехнического института был произведен обыск. В нем участвовало, по сообщениям газет, около 2000 полицейских. При обыске были найдены бомбы, пироксилиновые шашки и другие взрывчатые вещества, ружья и нелегальная литература. Было арестовано 30 человек посторонних, находившихся в студенческих общежитиях. Директор института князь А.Г. Гагарин был отрешен от должности по высочайшему повелению.

4. Гурко Владимир Иосифович (1863–1931), в 1906 г. – товарищ министра внутренних дел в кабинете П.А. Столыпина. Замешан в крупном скандале, связанном со срывом поставок хлеба в губернии, пострадавшие от голода. См. также примеч. 6 к статье «Патриотизм и черная сотня».

5. Разбор дела о вооруженном нападении студентов на городского был закончен Московским военно-полевым судом в ночь на первое марта 1907 г., суд вынес смертный приговор, который был приведен в исполнении уже утром 1 марта.

6. См. примеч. 3 к статье «Москва, 7-го февраля».

7. Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) – философ, богослов. Депутат II Государственной Думы, выступал с осуждением террора, как революционного, так и правительственного.

МОСКВА, 7-го МАРТА

Редакционная статья

Вчера в Московском университете, в знак траура по казненным 1 марта студентам [1] не состоялись занятия. Киевский университет не функционирует уже в течение нескольких дней, волнения идут в университетах в Одессе, Казани и Харькове. В Новой Александрии, на почве экзаменов (sic!), тоже уже давно прервалось чтение лекций. Наконец, забастовка началась в Политехническом институте в Петербурге.

Невольно возникают опасения, что мы стоим перед началом нового периода университетских забастовок, столь тяжело отразившихся на жизни нашей высшей школы. До сих пор, она не может оправиться от забастовки, вызванной левыми партиями, и пройдет еще много времени, пока совершенно исчезнут следы пережитого кризиса.

На этот раз опасность для высшей школы грозит не слева, а справа. Справа поднимаются громкие толки об отмене автономии, производятся обыски в университетах, рассчитанные на возбуждение умов и по существу ненужные, ибо они ничего не открывают (Харьков и Казань), черносотенная печать ведет усиленную агитацию против современной организации автономной высшей школы и требует против нее решительных мер. Каждый мелкий факт раздувается и подчеркивается – достаточно взглянуть на страницы анархически-реакционных в последнее время «Московских ведомостей». Чувствуется

определенный план кампании. Происходит возбуждение извне, рассчитанное на неосторожное «выступление» горячей молодежи. Этого «выступления» жадно ждут вдохновители «Московских ведомостей» и К° [2]. Оно им развяжет руки.

История с Политехническим институтом в Петербурге ярко иллюстрирует тяжелое положение дел. Кн[язь] Гагарин – всеми уважаемый директор института – был внезапно и без всякого предупреждения исключен со службы и вместе с тем отдан под суд за нахождение бомб в студенческом общежитии [3]. И это в то время, когда сам факт этого нахождения вызывает большие сомнения с точки зрения обстановки, в которой происходил обыск. Министр Философов [4] не счел возможным ожидать окончания суда и принял меры против Гагарина совершенно необычные. А между тем, отданный под суд Гурко [5] до сих пор остается товарищем П.А. Столыпина и, как справедливо замечает в «Речи» деп[утат] А.А. Стахович [6], даже не подымается вопроса о предании суду главного начальника Таврического дворца – министра двора [7], – хотя провал дворца является национальным позором для русского правительства, фактом более крупным, чем результат обыска в Политехническом институте. Мерки закона здесь разные. Отставка Гагарина является сильным средством агитации в высших школах. Она вызвана влияниями справа, и это должно быть ясно для каждого спокойного наблюдателя. Для реакции университетские беспорядки теперь *выгодны*. Это должны понять и студенты, и советы высших школ. Они должны относиться с выдержкой, хладнокровно и спокойно к происходящим на каждом шагу вызовам. Они должны поступать также, как поступает Государственная Дума. Надо пережить момент, когда почти открыто готовится почва для государственного переворота.

Те, кто теперь возбуждает волнения в высших школах, работает в руку и *(в)* помощь реакции.

«Новь», 7 марта 1907 г., № 54.

ПРИМЕЧАНИЯ

Вторая часть редакционной (без подписи) статьи. Авторство установлено по автографу В.И. Вернадского на экземпляре газеты из его личной библиотеки, хранящейся в Кабинете-музее В.И. Вернадского (ГЕОХИ РАН) в Москве (инв. № 958).

1. Речь идет о студентах Московского университета М.Н. Чеботаревском и Э.Н. Новицком и студенте Технического училища Б.Н. Безродецком, казненных 1 марта 1907 г. по приговору московского военно-полевого суда по обвинению в убийстве городского. См. также примеч. 5 к статье «Странные заботы о восстановлении порядка».

2. См. примеч. 2 к статье «16-го февраля».

3. См. примеч. 3 к статье «Странные заботы о восстановлении порядка».

4. См. примеч. 3 к статье «Вотум недоверия».

5. См. примеч. 4 к статье «Странные заботы о восстановлении порядка».

6. Стахович Александр Александрович (1857–1915) – земский деятель, один из основателей Союза освобождения, депутат II Государственной Думы, член кадетской фракции, входил в состав думских комиссий по народному образованию, бюджетной и других.

7. 6 марта 1907 г. П.А. Столыпин выступил в II Государственной Думе с правительственной декларацией. За четыре дня до этого 2 марта 1907 г. произошел обвал потолка в зале заседаний Государственной Думы в Таврическом дворце. Потолок рухнул рано утром, за четыре часа до начала заседания. По определению следствия одной из причин обвала стала установка вентиляционных машин, тяжести которых потолок не выдержал.

ОБЗОР ПЕЧАТИ

«Московские ведомости» [1] продолжают свою разрушительную миссию. Они настаивают на разгоне Государственной Думы. Они говорят: «Пагубные последствия созыва революционной Думы ложатся с особой тяжестью на Москву. За трамвайною забастовкой последовала уже забастовка газовая, готовится забастовка водяная, а за ними и другие» [2].

Раздувая политическое значение забастовки, газета так рисует положение дня: «Лишь слепые не видят, что мы имеем дело с забастовкой не экономической, а политической, *революционной*, находящейся в теснейшей связи с *революционной же* Государственной Думой.

Вот почему Дума эта немедленно должна быть распущена – во избежание дальнейших пагубных последствий ее созыва.

Неужели правительство опять будет церемониться с крамолы? Что же, ему опять нужно «вооруженное восстание», чтобы воспрянуть и покончить с негодяями, подвергающими целые города неисчислимым бедствиям?

У семи нянек дитя без глазу.

Нам нужен *один военный диктатор*, который одним ударом сломил бы адскую силу крамолы.

И он нужен *теперь же*; иначе будет поздно».

«Московские ведомости» верны себе – их все мысли направлены не на созидание и не на заботу о благе России, а на разрушение. Газета начинает мечтать подобно Калигуле [3], хочет сломить «*одним ударом* адскую силу крамолы». Всех казнить? Проповедь практического анархизма ведется с двух сторон – «безначалием» и К^о и «Московскими ведомостями» – последними на казенные средства!

* * *

Газета А.И. Гучкова «Голос Москвы» [4] точно так же стремится муссировать происходящую в Москве забастовку, считая, что «победа забастовщиков обозначала бы победу идеи социальной революции, и “капитуляция” городской управы перед слесарями трамвайных мастерских была бы капитуляцией общественного порядка перед силами революции и анархии».

«Голос Москвы» не договаривается до кликушеских призывов «Московских ведомостей». Он только желает оправдать хозяйственные способности г. Н.И. Гучкова [5]. Странно, отчего, если дело идет о «революции и анархии», городская управа в конце концов сочла возможным изменить свою ирридентскую [6], раздражительную тактику; она вступила – хотя и не смело – в переговоры; это надо было сделать с самого начала и не проявлять начальнические способности на счет и на спине московского обывателя. Несколько строками ниже «Голос Москвы» указывает уже на благоприятные перспективы, вызванные началом переговоров управы «с революцией и анархией».

* * *

Газеты переполнены фактами, указывающими на вопиющие злоупотребления, открывшиеся при провале потолка Таврического дворца [7]. «Русь» [8] прибавляет новый камешек к величественному зданию хищений: «Оштукатурка здания – весьма несложная! – была сдана на следующих условиях:

Материалы для работы казенные.

Казна сама ставит необходимые леса (наиболее дорогая часть работы).

Казна оплачивает подрядчику за штукатурку по обмеру площади без вычета проемов (т.е. все окна, двери – а в Таврическом дворце они громадны! – считаются как бы сплошь оштукатуренными).

При этих условиях, казна платила подрядчику за одну квадратную сажень штукатурки по пятьдесят пять рублей.

Обычно за такую работу платится от пяти до десяти рублей».

Сходство этого дела с Гурко-Лидвалевским [9] огромное – и там, и здесь министерство оказывается неспособным найти честных исполнителей и безжалостно дает расхищать государственное достояние. Оно не может исполнить своего дела даже в мелочах.

Но в этих делах есть и разница. До сих пор неизвестно, *кто же именно* виновен в этом новом хищении? Один г. Бруни? Кто принимал здание и кто ответственен за растроченные средства, чуть-чуть не приведшие к кровавой катастрофе? Кто исполнял в таврическом крахе функции г. Гурко?

В «Echo de Paris» [10] 5-го марта напечатана беседа председателя Государственной Думы с петербургским корреспондентом этой газеты. В беседе Головин [11] будто бы заявил, что он мало доверяет Столыпину, который ждет ошибок крайних левых, чтобы распустить Думу. Ф. А. Головин по этому поводу просит С[анкт]-Петербургское телеграфное агентство заявить, что никаких бесед с сотрудником «Echo de Paris» он не имел, а потому не мог и высказать изложенных в газете предположений о роспуске Думы. Наоборот, Головин считает нужным заявить, что у него нет решительно никаких данных для приписываемых ему газетою «Echo de Paris» суждений о председателе совета министров.

«Новь», 7 марта 1907 г., № 54.

ПРИМЕЧАНИЯ

Редакционная (без подписи) статья. Авторство установлено по автографу В.И. Вернадского на экземпляре газеты из его личной библиотеки, хранящейся в Кабинете–музее В.И. Вернадского (ГЕОХИ РАН) в Москве (инв. № 977).

1. См. примеч. 2 к статье «Москва, 16-го февраля».

2. Забастовка трамвайщиков началась 22 февраля в Миусском трамвайном парке, 24 февраля прекратилось движение трамваев и конок по всей Москве. К трамвайщикам присоединились рабочие газового завода.

3. Калигула – римский император (12–41 гг. н.э.) из династии Юлиев–Клавдиев. Стремился к неограниченной власти, установил террористический режим. Отличался болезненной подозрительностью и жестокостью. Расходы государственных средств на устройство триумфов и зрелищ компенсировал повышением налогов и конфискацией имущества сенаторов.

4. Гучков Александр Иванович (1862–1936) – государственный деятель. Окончил историко-филологический факультет Московского Университета, с 1893 г. – член Московской городской управы, в 1899–1903 гг. в качестве добровольца участвовал на стороне буров в англо-бурской войне, затем в балканской войне против турок в Македонии. В 1904–1905 гг. – уполномоченный Российского Красного Креста в Японии. Участник съездов земских деятелей. Один из основателей партии «Союз 17 октября» (См. примеч. 3 к статье «4-го января»). В мае

1907 г. был избран в Государственный Совет, в октябре отказался от членства, затем – депутат III Государственной Думы, в 1910–1911 гг. – ее председатель.

5. Гучков Николай Иванович (1860–1935) – крупный предприниматель, брат Александра Гучкова (см. примеч. 4), окончил юридический факультет Московского университета. Один из наиболее влиятельных деятелей московского самоуправления: в 1893–1916 гг. – гласный Московской Городской Думы, городской голова Москвы (1905–1913). Был членом «Союза земцев-конституционалистов», один из основателей и член ЦК партии октябристов (см. примеч. 3 к статье «4-го января»).

6. От итальянского *Italia irredenta* (неосвобожденная Италия). Экстремистская политическая партия в Италии в 70-х – 80-х гг. XIX в. В своей деятельности, направленной на объединение Италии по этнографическому принципу, придерживалась методов террора и обструкции. Ирредентизм – символ нетерпимости. Вероятно, имеется в виду непримиримая тональность газеты «Голос Москвы», совпадающая с методами практической деятельности Московской Городской Управы.

7. Здание Таврического дворца принимала строительная комиссия (по приспособлению дворца для Государственной Думы) во главе с помощником статс-секретаря Н.Ф. Дерюжинским. На заседании одной из трех комиссий Государственной Думы, созданных по поводу обвала потолка в зале заседаний, были заслушаны разъяснения Н.Ф. Дерюжинского и архитектора А.А. Бруни.

8. «Русь» – либеральная газета кадетского толка, издавалась в Петербурге с декабря 1903 по 1905 г. Издателем-редактором ее в эти годы был А.А. Суворин. Затем в 1906–1908 гг. выходила с перерывами под редакцией М.М. Крамалея и С.А. Изнара.

9. См. примеч. 6 к статье «Патриотизм и черная сотня».

10. «Echo de Paris» – крайне реакционная французская газета; издавалась в Париже в 1884–1938 гг.

11. См. примеч. 3 к статье «Москва, 7-го февраля».

МОСКВА, 10-го МАРТА

Редакционная статья

Только что Государственная Дума устроилась, – как вопрос о голоде и обнищании населения сразу стал перед ней в яркой и резкой форме. Он захватил ее внимание, застав врасплох все политические партии. Прения по этому вопросу сразу приняли страстный характер: голод давит на Государственную Думу. С большим трудом Государственная Дума ищет выход из затруднительного положения, в которое неизбежно бывает поставлено всякое большое собрание, еще не окончательно сформировавшееся, когда перед ним возникает вопрос, не захваченный рамками внутренней его организации. Депутатам партии народной свободы – Родичеву и Кизеветтеру, в конце концов, удалось поставить вопрос в парламентские рамки.

Перед Государственной Думой выставлены два проекта организации производственной комиссии: 1) предложение соц[иал]-демократической фракции и 2) предложение, внесенное парламентской фракцией партии народной свободы [1].

Мы не хотим, однако, здесь обсуждать эти два предложения. Мы хотим указать на другое – на огромное симптоматическое значение поднятия вопроса о голоде в одно из самых первых заседаний Государственной Думы. Вопрос поднят из земли и, раз поднятый, он не может быть оставлен без рассмотрения и того или иного решения. Это является следствием огромной связи Государственной Думы с русской землей, с той землей, которая отгорожена непроходимыми стенами от русской бюрократии.

В далеком Петербурге, среди текущих дел высшей политики, среди ворохов бумаг, крупных и мелких интриг можно закрыть глаза и забыть о голоде и его последствиях. Голод здесь выступает на сцену лишь временами. Он захватил все внимание лишь во время скандальной эпопеи Гурко-Лидваля [2]. Потом он отступил куда-то далеко, исчез с петербургского горизонта. Бюрократия о нем забыла. В декларации министерства о нем говорится мало, разве немного более чем говорится в ней о военно-полевых «судах».

Но не забыла о голоде страна. В Государственной Думе народ приобрел новое могучее орудие давать правильную перспективу государственной жизни, ставить всякую вещь на свое место.

И в этом смысле огромное значение имеют прения о голоде в заседании Государственной Думы. Они указывают на серьезность положения, на остроту нужды, на государственную опасность, создаваемую обнищанием и голоданием миллионов населения. Об этом значении прений о голоде не должны забывать те, которые критикуют их несистематичность и хаотичность.

Голод не может теперь уйти от внимания правительства, как исчез он уже раз в междудумский период. И в этом ярко проявляется все государственное значение конституционного государственного строя, как бы несовершенен он ни был.

Народные представители, явившись в Петербург, сразу выдвинули свои самые подлинные, самые наболевшие нужды. Они подняли вопрос об организации борьбы с голодом и вопрос о коренной аграрной реформе [3].

На эти вопросы министерство Столыпина сумело лишь ответить деятельностью Гурки и скороспелыми реформами по 87 ст. [4].

Задачей Государственной Думы должно явиться более правильное направление работы министерства. И Дума не может отойти от этих вопросов, так как она тесно связана с русской землей, а земля теперь ими болеет. На этих вопросах Дума неизбежно и необходимым образом будет вести свою линию, так как она сильна только связью своей с народной средой.

«Новь», 10 марта 1907 г., № 57.

ПРИМЕЧАНИЯ

Редакционная (без подписи) статья. Авторство установлено по автографу В.И. Вернадского на экземпляре газеты, хранящейся в Кабинете-музее В.И. Вернадского (ГЕОХИ РАН) в Москве (инв. № 979).

1. На заседаниях II Государственной Думы 7 и 9 марта 1907 г. обсуждался вопрос об избрании комиссии для оказания помощи голодающим. В первый день в обсуждении приняло участие около 40 депутатов, а 9 марта выступили 27 человек. От к.-д. фракции Ф.И. Родичев внес предложение выбрать комиссию «для рассмотрения, согласно закона, отчета Министерства внутренних дел о продовольственной операции и для исследования хода продовольственного дела в кампаниях 1906 и 1907 гг.» Он заявил: «Путь, который мы имеем, путь, который нам указан законом, ясен и прост, это путь отчета и контроля». А.А. Кизеветтер присоединился к предложению Родичева. (См.: Государственная Дума. Стенограф. отчеты; 2-й созыв; сессия 2-я. СПб., 1907. С. 219–222, 227–230). Социал-демократическая фракция также настаивала на тщательном изучении думской комиссией – действий правительства по оказанию помощи голодающим, но не только путем проверки денежной отчетности, но и главным образом при исследовании действий администрации на местах. Кадеты возражали против посылки депутатов в голодающие губернии, усматривая в этом «неконституционный шаг». В результате Дума приняла предложение кадетов при поддержке октябристов и правых. (См. также примеч. 2

к статье «Выступление по аграрному вопросу 27–29 апреля 1905 г.» и примеч. 3 к статье «Москва, 7-го февраля»).

2. См. примеч. 6 к статье «Патриотизм и черная сотня».

3. Речь идет о I Государственной Думе: аграрный вопрос являлся основным в ее работе; вопрос о продовольственной помощи голодающим обсуждался 6 и 23 июня 1906 г.

4. Статья 87 «Основных законов» давала правительству право принимать законодательные меры в перерыве между сессиями Государственной Думы и Государственного Совета. С открытием сессии Государственной Думы принятые таким образом указы должны были представляться на ее утверждение не позднее месячного срока. В период между роспуском I и созывом II Государственной Думы правительство издало несколько указов, касающихся крестьянского землевладения: в августе–сентябре 1906 г. для продажи крестьянам были переданы некоторые казенные и кабинетские земли. 9 ноября 1906 г. был опубликован Указ о выходе крестьян из общины и закреплении в личную собственность наделной земли, ставшей основой столыпинской аграрной политики.

НОВАЯ УГРОЗА ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Высшая школа в России никак не может выйти из фокуса политической борьбы. Еще недавно она перенесла политическую забастовку, прервавшую занятия в ней на полтора года – под влиянием выступления крайних левых партий [1].

Теперь она стоит перед новой грозной опасностью, выдвигаемой крайними правыми. Они выступили 10 марта 1907 г. в Государственном Совете и только большинством 4 голосов их план не получил дальнейшего движения [2]. Он не получил, по крайней мере, движения явного, для всех видного. Мы не знаем, что делается за кулисами.

Правые настаивали на принятии энергичных, решительных мер против современной постановки высшей школы, по двум основаниям: 1) потому, что высшая школа является центром революционного движения – в ней принимаются беспрепятственно страшные политические и социальные резолюции, собираются деньги на политическую борьбу, происходят сговоры революционных деятелей и 2) потому, что в ней не идут занятия и прекратилась ученая и учебная работа.

Для борьбы с этими явлениями правые не останавливаются ни перед чем. Они призывают к вмешательству власти, полиции, внешней силы; они находят нужным изменить автономное управление высших школ, принять репрессивные меры против студентов и против профессоров. Все заржавленные пушки старого режима вновь выдвинуты перед университетами, еще не оправившимися от долгого царства тех самых мер, к которым вновь желают обратиться.

Эти меры уже раз привели к разрушению высшей школы, ибо советы приняли в свое управление осенью 1905 г. высшую школу дезорганизованной и разрушенной [3]. Теперь, когда школа еще не оправилась от старого режима, эти меры приведут только к окончательному ее разгрому.

И такие опасные по своим результатам меры решаются предлагать на основании совершенно случайных и очень подозрительных данных. Я не говорю о тех неверных данных, какие высказал в защиту запроса в своей речи один из главных ораторов правых в Государственном Совете (Ф.Д. Самарин [4]) и которые были также опровергнуты А.А. Мануйловым [5]. Я говорю об общей картине положения нашей высшей школы, нарисованной правыми. Она явно преувеличена и искажена.

Несомненно, положение высшей школы у нас тяжелое и ненормальное. Оно и не может быть иным в стране, находящейся в критическом состоянии, стране полной революционного брожения, с дезорганизованной государственной властью. В высшей школе кое-когда (не часто) происходят и митинги, принимаются от времени до времени страшные резолюции, могут быть замечены и другие проявления революционного брожения. Но эти проявления отнюдь не имеют в жизни высшей школы того серьезного и доминирующего значения, какое им придают правые. Они получают это значение лишь на страницах полицейских отчетов, в донесениях агентов, в газетных корреспонденциях. В жизни высшей школы их место не столь значительное. Если мы возьмем ближе мне известную жизнь Московского университета за этот академический год, уменьшение значения всех этих проявлений революционного движения студенчества резко бросается в глаза всякому. Это и понятно, потому что формы политической борьбы в стране совершенно изменились за последний год; на сцену выступили новые группы населения, перед которыми отошло на второй план политическое значение студенчества. Правые основывались в своих данных на полицейских донесениях и газетных отчетах. Каждый из нас знает, до какой степени ненадежны эти источники.

Еще менее правильно утверждение, что в высшей школе не идут занятия. Академический год подходит к концу и я думаю, что всякий преподаватель подтвердит мои слова, что год этот прошел при энергичной и очень продуктивной работе молодежи. Студенчество – в общей своей массе – старалось так или иначе нагнать упущенное за время студенческих беспорядков и академической забастовки – оно занято лекциями и экзаменами. Вся характеристика положения высшей школы, даваемая правыми, совершенно не отвечает современному моменту: она относится к прошлому и, будем надеяться, не к будущему.

Исходя из этих преувеличенных и искаженных данных правые начали свой поход против современной русской высшей школы, поход, который в конце концов может привести только к одному результату, к тому, что высшая школа, действительно, придет в то ужасное положение, в каком ее теперь рисуют перед обществом правые. Другого ничего они достигнуть не могут, ибо нельзя создавать академическую жизнь полицейскими мерами. Будем надеяться, что правые не будут иметь успеха в своих начинаниях. Помешать этому может только одно общественное мнение: оно должно оценить по достоинству и понять насколько далеки от истины те картины положения дел, которые рисуются правыми. Авторитетный голос профессорских коллегий и общества должен раздаться громко в стране и не дать возможности влиять на общественное настроение искаженным и тенденциозным освещением положения дел в высшей школе, вроде тех, которые содержатся в записке 35 членов Государственного Совета.

«Речь», 13(26) марта 1907 г., № 60.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Речь идет об общероссийской студенческой забастовке, начатой в феврале 1905 г. по инициативе студентов Петербургского университета и продолжавшейся до 1 сентября 1905 г. В течение 1905/06 учебного года учебный процесс также неоднократно прерывался. После издания 27 августа 1905 г. «Временных правил об управлении высшими учебными заведениями

ведомствами Министерства народного просвещения», студенчество под влиянием социал-демократов, воспользовавшись правом сходок, превратило учебные аудитории в место многочисленных революционных митингов и сходок.

2. На заседании Государственного Совета 10 марта 1907 г. обсуждалось предложение 35 членов Совета о предъявлении запроса министру народного просвещения о студенческих волнениях в Петербургском и Московском университетах. Первым выступил один из авторов запроса Ф.Д. Самарин. В обсуждении приняло участие 17 человек. Член Совета А.А. Сабуров высказал мнение, что «запрос не целесообразен, несвоевременен и принесет больше вреда, чем пользы» и предложил формулу перехода к очередным делам, отказавшись от дальнейшего обсуждения. За переход к очередным делам, т.е. против предложенного запроса проголосовали 79 членов Совета, за запрос – 75.

3. Речь идет о «дезорганизации и разрушении» высшей школы в результате действия реакционного университетского устава 1884 г. (см. также примеч. 3 к статье «О профессорском съезде»).

4. Ф.Д. Самарин (о нем см. примеч. 2 к «Выступлению на заседании Государственного Совета 4 мая 1906 г.») в своем выступлении ссылался на деятельность университетской инспекции. Эти данные Вернадский называет неверными, поскольку сами инспекции были отменены указом от 27 августа 1905 г.

5. См. примеч. 3 к статье «Выступление на совещании по аграрному вопросу 27–29 апреля 1905 г.».

УНИВЕРСИТЕТ И «ПРАВЫЕ»

10 февраля в Государственном Совете происходил суд над университетами – и над Московским университетом в частности [1]. Ряд ораторов выходил на кафедру; произносились громовые речи о распущенности молодежи, о неисполнении своего дела профессорами, о необходимости мер обуздания и усмирения. С кафедры Государственного Совета седые и почтенные старцы произносили заученные на память юношески-наивные, самые «революционные» постановления митингов, пугаясь и ужасаясь от всех страшных слов революционного пафоса – этих размалеванных китайских драконов нашего времени.

Стремление отдать вновь университеты под старый режим полицейского надзора сквозило сквозь красивые фразы о благе родины, о науке, об интересах учащейся и не могущей учиться молодежи. Среди этих мягких, вкрадчивых фраз, как неожиданный диссонанс и грозная угроза, звучали слова о первой обязанности восстановить порядки во что бы то ни стало, об отдаче под суд профессоров, о призвании на помощь внешней полиции.

Мрачными, черными красками рисовалась действительность, и громко звучали голоса о необходимости экстренных, немедленных мер – пока не поздно! Ораторы хотели, чтобы их слышала вся страна и искренно были уверены, что они выражают самую болезненную, самую вопиющую нужду нашего тяжелого времени. Они считали, что в университетах коренится корень зла, что они являются не отражением того, что происходит кругом в стране, но что *они* служат центром, откуда исходит революция.

Старые песни, старые звуки! От них пахло холодом, тяжелым удушливым воспоминанием недавнего прошлого. Невольно вспоминались ужасные годы университетской жизни последних лет, тех лет, когда в университетах, лишенных автономии, шла неумолчная*, молчаливая*, часто трагическая

* Так у автора. – *Ред.*

борьба против вхождения в них полицейской политики устава 1884 года [2]. Эта борьба шла 20 лет – калечились целые поколения, медленно, но неуклонно разрушались самые основы академической жизни. В 1905 г. оковы университетов рухнули – но потрясенными и раздавленными вышли из них русские университеты [3]! Тяжелое прошлое они пережили, не даром прошло для них время Толстых, Катковых, Деляновых. Не скоро они от него оправятся.

И теперь вновь раздались старые звуки, вновь послышались старые голоса, зовущие восстановить то, что уже искалечило и разрушило русскую школу. Эти голоса призывают к борьбе, они ничему не научились, они ни перед чем не останавливаются.

Старый студент Московского университета Ф.Д. Самарин [4] произнес целую филиппику против своей *alma mater* и, в увлечении политической борьбой, не остановился перед тем, чтобы проверить факты, на которых он основывался. Невольная искренняя ошибка, публичное проявление незнания Ф.Д. Самариным положения дел в университетах, является лучшей характеристикой того запроса, главным и первым оратором-защитником которого явился Ф.Д. Самарин. Говоря о положении дел в университете, Самарин был вполне уверен, что в них существует и действует инспекция... Положение университетов во многом тяжелое и ненормальное. Но может ли оно быть нормально в наше время, в эпоху глубокого государственного кризиса? Может ли идти «нормальная» университетская работа, когда страна находится почти в явной стадии анархии?

Как вошли университеты в эту эпоху? Вынесли ли они долгие традиции тихой, спокойной академической жизни? Пережили ли они поколения интенсивной научной работы? Научные ли интересы и вопросы волновали толпы юношей, которые стекались в их стенах в долгие годы старого режима? Созданы ли были для этого тогда необходимые условия?

Мы знаем, что этого не было. Это были годы проникновения полицейского надзора и полицейского произвола в университетскую жизнь. В них сосредоточивалась борьба со старым режимом – ибо там на каждом шагу молодая мысль видела резкое противоречие между идеальным миром науки и знания и мрачной действительностью. Русская школа не вошла в эпоху государственного кризиса, крепкая вековой научной традицией. Она вошла в нее, вся пропитанная вековой борьбой за свободу и политическое будущее родины.

И все же, несмотря на эти политические традиции, научная и учебная жизнь русской школы не замерла даже в эпоху политического кризиса. Она прошла через пагубный год забастовки 1905–6 года, перенесла и этот страшный искус без разрушения. В этом мы видели залог ее будущего. Текущий академический год подходит к концу и в общем, занятия шли правильно, интенсивно и плодотворно. Академическая жизнь начала налаживаться.

И как раз в это время поднялись старые голоса, и вновь на университетском горизонте появились старые тени. Они несут в университетскую среду уже испытанные негодные средства управления, раздувают бурю, сеют вражду.

Зачем им это понадобилось?

«Новь», 14 марта 1907 г., № 60.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. примеч. 2 к статье «Новая угроза высшей школе». В тексте допущена ошибка в дате заседания Государственного Совета: в действительности оно состоялось 10 марта (см. статью «Новая угроза высшей школе»).

2. См. примеч. 3 к статье «О профессорском съезде».

3. Имеется в виду издание 27 августа 1905 г. «Временных правил об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения», введших основы университетской автономии: советам университетов и факультетам предоставлялось право избрания ректора, его помощников, деканов факультетов (избранные должны были утверждаться министром народного просвещения, а ректор – царем). «На обязанность и ответственность совета» возлагались также заботы о «правильном ходе учебной жизни в университете». (Полное собрание законов. Собр. III. Т. 25. № 26692).

4. См. примеч. 2 к «Выступлению на заседании Государственного Совета 4 мая 1906 г.».

МОСКВА, 17-го МАРТА

Редакционная статья

Русское общество не может и не должно терять из виду все обстоятельства, сопровождавшие убийство Г.Б. Иоллоса [1]. Оно не должно этого делать уже потому, что это убийство раскрывает перед ним поразительную картину распада государственной власти, полной бессилия и тесно связанной невидными нитями с темными низами русской общественности.

Сегодня пал жертвой Г.Б. Иоллос – завтра это может случиться с каждым из нас. Кроткий и мягкий человек, вся жизнь которого прошла на почве идейного служения благу родины, Г.Б. Иоллос был безнаказанно убит среди белого дня в столице, находящейся на положении чрезвычайной охраны, своими политическими противниками. Эти противники находились и находятся под особым покровительством власти, они смещают высоких сановников церкви, делают указания министрам, обмениваются любезными телеграммами с председателем Совета Министров. Убийство, ими произведенное, не первое убийство – а между тем их организации поддерживаются на местах местными представителями власти, их литература издается на казенный счет! В этой литературе проповедуются убийства, насмеваются над погибшими жертвами, распространяются инсинуации и идет глумление над отдельными народностями России, над политическими партиями, над отдельными лицами. Литература эта полна грязи, лжи, сеет семена ненависти, и на эту литературу идут сотни тысяч народных денег!

Две теории выдвинуты идеологами этой гнилой тины русской реакции. Их мы встречаем на столбцах «Московских ведомостей», «Веча», «Русского знамени» [2] – их мы слышали недавно в Государственной Думе из уст г. Шульгина [3] и г. Пуришкевича [4].

С одной стороны, они указывают, что виною всего нестроения русской земли являются евреи. Они даже не решаются говорить «евреи», а говорят «жиды», и это слово с их легкой, почтенной руки получило право гражданства в высоких кругах администрации. Убийство еврея считается этими людьми дозволенным, и проповедь их истребления ведется на их собраниях и в их печати невозбранно. Г.Б. Иоллос погиб отчасти жертвой пропаганды этой теории, пропаганды, дозволенной носителями государственной власти...

Он погиб и жертвой другой теории. Ее открыто высказал недавно депутат Шульгин в Государственной Думе. По этой теории все, кто не стоит на стороне реакции, являются соучастниками политических убийств, совершаемых левыми группами. Утверждают, что они являются не только соучастниками, но подстрекателями и настоящими виновниками этих убийств. Не имея возможности справиться с левым террором путем казней или даже массовых политических убийств, как называли в Думе военно-полевые суды депутаты Гессен [5] и Кузьмин-Караваев [6] – они направляют свои удары на тех людей, которые с ужасом отвертываются от их кровавых обликов. Эти люди беззащитны и безоружны; вся вина их заключается в том, что они брезгливо сторонятся от общения с деятелями реакции и что они не хотят чем бы то ни было высказать какую бы то ни было солидарность с ними. В тот момент, когда каждое слово есть определенное действие, склоняющее весы истории на ту или другую сторону – эти люди молча переносят ужасы террора, помешать которому они не могут. Теперь деятели правого – белого – террора направили свои кровавые руки на них. Убит М.Я. Герценштейн [7], убит Г.Б. Иоллос. Суд в Финляндии и газетные достоверные расследования открыли имена и других политических деятелей, которым грозила или грозит та же самая участь [8]. За убийством Иоллоса может последовать ряд других убийств.

К чему же мы идем? И где мы остановимся? Ведь то, что проповедуется теоретиками белого террора – есть проповедь *разбоя*. И мы впервые стоим в русской истории перед легальным существованием открытых разбойничьих организаций. Неужели министерство Столыпина и теперь решится сохранить свою связь с этими организациями? Разве оно не видит, что этим самым оно губит не только самое себя, но и самую идею государственности? Неужели оно думает, что если оно терпит такие организации, то их может без разрушений выдержать и государственный организм? То, что оно делает есть не восстановление порядка, а насаждение государственной анархии.

Мы переживаем критический момент, и отношение министерства к этим политическим убийствам справа должно сделаться явным. Будет ли оно и впредь поддерживать разбойничьи организации? Будет ли оно сеять ветер?

Новь», 17 марта 1907 г., № 63.

ПРИМЕЧАНИЯ

Редакционная (без подписи) статья. Авторство установлено по автографу В.И. Вернадского на экземпляре газеты из его личной библиотеки, хранящейся в Кабинете-музее В.И. Вернадского (ГЕОХИ РАН) в Москве (инв. № 981).

1. Иоллос Григорий Борисович (1859–1907) – журналист, фактический редактор «Русских ведомостей», большую часть жизни провел в Германии, в Россию вернулся в 1905 г., в 1906 г. был избран в Государственную Думу от к.-д. партии, подписал Выборгское воззвание. Убит боевиком-черносотенцем.

2. «Московские ведомости», «Вече», «Русское знамя» – ультраконсервативные газеты, контролировавшиеся «Союзом русского народа» и родственными ему организациями. См. также примеч. 2 к статье «Патриотизм и черная сотня».

3. Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) – политический деятель, монархист, депутат II, III и IV Государственной Думы, один из лидеров правых, после Февральской революции – член Временного комитета Государственной Думы. 2 марта 1917 г. вместе с А.И. Гучковым принял отречение императора Николая II.

4. См. примеч. 1 к статье «Москва, 14-го февраля».

5. Гессен Владимир Матвеевич (1868–1920) – юрист, один из основателей журнала «Право», редактор «Вестника права», с 1904 г. – член «Союза освобождения», с 1905 г. – член ЦК кадетской партии. Депутат II Государственной Думы, возглавлял комиссии по реформе местного суда и об отмене военно-полевых судов.

6. См. примеч. 4 к «Отдельному мнению...»

7. См. примеч. 6 к «Выступлению на совещании по аграрному вопросу 27–29 апреля 1905 г.».

8. В печати появилось сообщение о задержании черносотенного боевика, имевшего задание убить П.Н. Милюкова, И.В. Гессена, адвокатов О.-И.И. Грузенберга и Г.Б. Слиозберга. (Подробнее см.: *Милюков П.Н.* Воспоминания. М.: Политиздат. 1991. С. 283).

МОСКВА, 20-го МАРТА

Редакционная статья

Вопрос о роспуске Государственной Думы глубоко волнует общественное мнение. Никто не думает о том – есть ли для этого поводы, в недоверии к власти все убеждены, что поводы найдутся – было бы желание. А в желании не сомневаются. Угрозы правых, отдельные речи и интервью министров, глухие слухи, невозможность соглашения между народом и правительством, говорящими на разных языках, – все это питает настроение роспуска. Настроение общества становится нервным и тяжелым, все ждут события, результаты которого могут быть роковыми и ужасными на многие годы и десятилетия. Настроение перед роспуском теперь и в июле резко иное...

Но что будет после роспуска Государственной Думы? На что рассчитывают те, которые его проповедают? [1].

Ответ на это может дать оценка сил, на которые они опираются. Они опираются на войско, на широкие круги служилого и поместного дворянства, на часть духовенства, купечества, на небольшую часть крестьянства. Весь народ в его многомиллионной массе, рабочие, горожане, интеллигенция, заметные слои среди духовенства, купечества и дворянства находятся в активной или пассивной оппозиции современной бюрократии, управляющей Россией. При таких условиях невозможно достигнуть правильного порядка государственной жизни. При таких условиях – при наличности военной силы и отрицании ради спасения «государства» (т.е. бюрократии) – начал права и законности (как об этом говорил в Думе Столыпин) – можно некоторое время управлять Россией, как завоеванной страной. Но и только. Это не будет нормальная жизнь государства, это будет временное затишье перед бурей. Развязка отложится на несколько лет, – а, может быть, месяцев – но затем процесс совершится с большей силой, дикостью, произойдет с потрясением, опасным для самого существования государства. Ни к чему другому не может привести роспуск Думы, совершаемый при теперешнем соотношении сил. Роспуск Думы не вызовет народного восстания – он лишь выроет никогда не заполнимую пропасть между народом и правительством; это сознают и сторонники роспуска. Они надеются на то, что *настроение* народа изменится, уйдет куда-то «кровавый угар», народ устанет от ужасов революции. Но эти надежды и расчеты – надежды детские. Великая революция длилась не месяцами и не днями, а продолжалась – в течение многих лет: к концу их подрастало то поколение, которое родилось в их начале. Так было во время

великой революции английского народа в XVII ст[олетии], французского в XVIII. Нам еще <далеко> до конца начавшегося великого кризиса русского государства. Точно также мало надежды и на то, чтобы оппозиционное настроение ослабло вследствие других причин – вследствие удовлетворения материальных интересов народных масс или перемещения центра борьбы в такую область, которая невольно расколола бы оппозицию. Если бы правительство смогло провести широкую и смелую аграрную реформу [2] – оно могло бы отвлечь от оппозиции широкие слои крестьянства, но оно этого сделать не в состоянии, т[ак] к[ак] растеряло бы при этом свою материальную силу, всех тех, кто служил ему верой и правдой на военном и гражданском поприщах. С другой стороны, надежды и предположения некоторых правых органов печати (напр[имер] «Петербургских ведомостей»), что от оппозиции отколются широкие слои населения, когда она станет на почву республики – ни на чем не основаны. На эту почву оппозиция не становится.

После роспуска Думы положение страны станет лишь более тяжелым и тягостным – мы лишь приблизимся к кровавому взрыву революции, переживем ужасы военной диктатуры. И все же не выйдем из кризиса.

Поэтому мы видим один выход из современного положения. Выходом является сохранение Государственной Думы. Если Дума продержится в течение года – то, какие бы столкновения при этом ни происходили, мы можем быть уверены, что мы значительно приблизимся к мирному выходу из государственного кризиса и подойдем, наконец, к эпохе реального проведения великих социальных реформ, столь необходимых для нашего народа.

«Новь», 20 марта 1907 г., № 65.

ПРИМЕЧАНИЯ

Редакционная (без подписи) статья. Авторство установлено по автографу В.И. Вернадского на экземпляре газеты из его личной библиотеки, хранящейся в Кабинете-музее В.И. Вернадского (ГЕОХИ РАН) в Москве (инв. № 982).

1. Существование государства, идея государства, т.е. идея права и закона, для В.И. Вернадского и его единомышленников по кадетской партии были неразрывно связаны с деятельностью Государственной Думы. Роспуск Думы мог, по его мнению, означать начало кровавого насилия, разорение страны, падение ее культуры и могущества (см. статью «Москва, 11-го апреля»).

2. Имеется в виду положение кадетской программы о принудительном отчуждении частновладельческих земель за выкуп. (См. также примеч. 3 к статье «Русская жизнь и «внепартийные»»).

МОСКВА, 28-го МАРТА

Редакционная статья

В Петербурге медленно и грозно разворачивается великая историческая загадка. Не прошло еще двух месяцев от созыва Государственной Думы, еще Государственная Дума не успела провести ни одного законопроекта, как толки о ее роспуске ширятся, растут и волнуют страну [1]. Правые революционные партии открыто этого требуют, готовят «выступления» к моменту его совершения. Они грозят вооруженным восстанием – в соучастии с высокими

и мелкими представителями бюрократии. Ибо едва ли можно иначе назвать их действия, как подготовкой к вооруженному восстанию, к междоусобной войне. Это «вооруженное восстание» попускается администрацией – не с целью воспользоваться им для оправдания последующих репрессий (как это, говорят, было в прошлом году во время левого вооруженного восстания) [2], а с целью воспользоваться его «результатами».

Люди, которые защищают военно-полевые «суды», организуют погромы, не останавливаются и перед убийствами другого рода – в Думе вносят запрос о выражении негодования политическим убийствам [3]. Ибо этот запрос внесен людьми, принадлежащими к партиям и к группам русского общества, руки которых в крови... Субсидируемые, издающиеся на казенные деньги, органы печати, вроде «Московских ведомостей» [4], систематически ежедневно призывают к насилию и мятежу.

С тревогой и сумрачно обращены взоры всех на Петербург. К чему приведут интриги, в центр которых попала Государственная Дума? Едва ли когда так открыто обнажалась перед всеми закулисная сторона бюрократического управления, вся система непрерывных подземных интриг, личных счетов, обдελывания своих делишек, которые довели уже Россию до революции, до гибели нашего флота, до бесполезной и бесславной войны. Те люди, которые привели Россию к Цусиме и Мукдену, теперь на глазах всех ведут борьбу с Государственной Думой [5]. Они поддерживаются хором продажной правой печати, темными организациями правых террористов. Будут ли их действия столь же успешны? Нанесут ли они новый удар России? Ибо то, к чему они стремятся – роспуск Государственной Думы в данный момент – есть такой же разгром русской государственности, какой был нанесен ей на полях Манчжурии, на волнах далекого Океана.

На самом деле, что последует после роспуска второй Государственной Думы?.. Неужели мы вернемся к тому управлению, которое оказалось никуда негодным во время кровавой пробы на Дальнем Востоке? Которое допускало в России постоянное повторение голодовок, давно исчезнувших из памяти цивилизованного человечества? Которое привело страну к анархии, разорению и к унижительной зависимости от иностранной биржи?

Неужели можно на это серьезно рассчитывать? Попытка вернуть старый режим стоила бы стране потоков крови, еще дальнейшего и глубокого разорения, но ни к чему другому, как к новому взрыву революции, она привести не в состоянии. Опираясь на военную и полицейскую силу, можно было бы продержаться, при постоянных потрясениях, несколько месяцев, может быть, несколько лет. А дальше? Новая Дума? При новой конъюнктуре, после новой борьбы, с новыми широкими правами.

Но к полному возвращению старого могут призывать лишь немногие фанатики или люди, для которых классовые и традиционные идеалы выше интересов России и русского народа – другие не хотят окончательно рвать с конституционным режимом.

Говорят о новом созыве Думы на основе нового избирательного закона, не о возвращении к старому, а об уменьшении добытого в эти года освободительным движением. Другими словами, дело идет об *уменьшении* политических прав широких слоев русских граждан. Но всякое уменьшение вызывает сопротивление. Этой мерой лишь усиливается брожение в стране, родится

негодование и недовольство. А при теперешних смутных и тяжелых обстоятельствах никогда нельзя сказать с уверенностью, к чему это может привести в окончательном расчете. Это – игра втемную. Несомненно, сперва оно приведет лишь к увеличению смуты; в конце же концов – при общем ухудшении положения страны – может привести к широкому расширению прав Думы, к кровавым осложнениям.

Нам кажется, если бы люди, спокойно говорящие о разгоне второй Думы, обладали достаточным воображением и государственным смыслом, они не решились бы вести страну в новый период революционного движения. Ибо у русской бюрократии нет широких слоев населения, на которые она могла бы опираться, ей приходится вести борьбу против большинства народа. На этом нельзя строить государственную политику, можно лишь играть на «авось».

«Новь», 28 марта 1907 г., № 72.

ПРИМЕЧАНИЯ

Редакционная (без подписи) статья. Авторство установлено по автографу В.И. Вернадского на экземпляре газеты из его личной библиотеки, хранящейся в Кабинете-музее В.И. Вернадского (ГЕОХИ РАН) в Москве (инв. № 983).

1. Слухи о роспуске II Государственной Думы начали циркулировать сразу же после начала ее работы. Сообщения о ее скором роспуске появились в конце февраля в печати: в газетах «Россия», «Новый луч», берлинской «Vossische Zeitung» по сообщению ее петербургского корреспондента (См. «Петербургские ведомости», 28 февраля 1907 г.). Слухи во многом провозгласились деятельностью черносотенцев. П.Н. Милоков записал в своих воспоминаниях: «28 февраля [т.е. уже через неделю после открытия Думы. – *Ред.*] депутат Пуришкевич (...) разослал по отделам Союза русского народа секретный циркуляр (...) В нем “предписывалось” отделам (...), как только появится знак креста в органе Союза [русского народа. – *Ред.*] “Русском знамени”, “тотчас же начать обращаться настойчивыми телеграммами к Государю императору и к председателю Совета Министров Столыпину и в телеграммах настойчиво просить и даже требовать а) немедленного роспуска Думы (...) и б) изменения во что бы то ни стало избирательного закона (...)”. В день роспуска приказывалось “устроить патриотическую манифестацию (...)”». (*Милоков П.Н.* Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. С. 280).

2. Речь идет о вооруженном восстании в декабре 1905 г.

3. 13 марта 1907 г. в Думу было внесено заявление правых о том, чтобы Дума выразила «свое негодование и порицание всем революционным убийствам и насилиям». (Государственная Дума. Стенограф. отчеты; 2-й созыв; сессия 2-я. СПб., 1907. Т. 1. С. 527). 15 мая кадетской фракции удалось добиться снятия из повестки дня Думы этого предложения 215 голосами против 146.

4. См. примеч. 2 к статье «Москва, 16-го февраля».

5. Имеются в виду дворянские и армейские круги, политика которых привела к русско-японской войне. См. примеч. 4 к статье «Патриотизм и черная сотня».

МОСКВА, 4-го АПРЕЛЯ

Редакционная статья

Через неделю, полторы, первые законопроекты начнут поступать на обсуждение Государственной Думы. Тогда делается для всех видной та огромная подготовительная работа, которая теперь ежедневно идет в ее многочисленных комиссиях. Она происходит и вокруг Думы в политических организациях, тесно с ней связанных.

Если обратить внимание на те условия, в какие была поставлена деятельность Государственной Думы в эти первые недели ее жизни, то этот результат нельзя не признать ясным показателем работоспособности Государственной Думы, ее огромного политического значения. В самом деле, все это время она находилась в нервном настроении под угрозой ежедневного роспуска. Этот роспуск был для Думы страшен не сам по себе; но депутаты – люди земли – ясно понимали и чувствовали то, что не всем видно в Петербурге и что безразлично для дворянско-реакционных кругов российской олигархии; они понимали, что роспуск Думы есть начало государственного переворота в России, что он может завести государство в крайние опасности, что конца и следствий его никто не может предвидеть. Вместе с Думой это чувствовала вся страна; она давила на депутатов всех партий, приводила их к одному лозунгу: берегите Думу! – лозунгу, впервые выдвинутому партией народной свободы.

В нервной обстановке, при ежедневном опасении несчастья, жила Дума долгие дни и недели. В это время происходили бестактные и провокаторские выходы правых, нервные, судорожные поступки министерства, легкомысленные выступления с[оциал]-д[емократической] партии [1]. Дума благополучно прошла через все эти первые подводные камни, все время не переставая производить внутреннюю организационную работу.

И в такой обстановке шла эта работа! В Думу искусственно не были допущены многочисленные силы ума, государственного опыта, научного знания – искусственно состав ее был обезличен. Депутаты были поставлены в изоляционную обстановку в самом здании Думы. На каждом шагу их раздражала и оскорбляла полицейская охрана. Бар[он] Остен-Сакен создавал себе всероссийскую известность... [2]. Всякие попытки разобраться в сложных явлениях государственного хозяйства и лучшей выработки законов встретили такие препятствия, о которых не приходилось и слышать законодательным учреждениям Запада. Столыпин попытался применить к Думе приемы, выработанные толстовскими педагогами при экзаменах на аттестат зрелости... Он не понял, что нельзя ставить власть свою в Думе в унижительно комическое положение [3].

Несмотря на все эти трения, спокойно и медленно Дума сумела подойти к настоящей работе. Она взяла в свои руки бюджет – не дала себя обмануть провокациям правых, миражным огням левых.

Теперь она держит в своих руках нерв жизни бюрократии. Мы уверены, что скоро выяснится все значение первой передачи государственного бюджета народным представителям. Этого не смогла сделать первая Дума, и этим своим шагом вторая Дума, несомненно, сделала дальнейший крупный шаг на пути упрочения конституционного строя в России [4].

Роспуск Думы до окончания обсуждения бюджета был бы явным безумием и нравственно был бы раздавлен тот, кто решился бы его посоветовать. Это начинают чувствовать даже правые, приуныли даже гг. «русские дворяне».

Теперь, как только положение Думы несколько выяснилось, Дума взяла в руки то оружие, которое всегда находится в руках народного представительства и является – при умелом пользовании – огромной силой для очищения страны от нарушений закона, произвола и преступлений органов власти.

Сегодня поднимаются запросы, и первым – внесенный фракцией партии народной свободы запрос о казнях, произведенных г. московским генерал-губернатором [5].

Запросы многих пугают. Первая Дума была ими завалена. Крупные и мелкие, верные и неверные сведения о злоупотреблениях и преступлениях подавляли первую Думу своим количеством – они мешали ее работе... Они оставили в широких слоях населения сомнения в их целесообразности. Мы не думали, чтобы Дума должна была отказаться от запросов. Они должны быть лишь регулированы. Опыт первой Думы не должен пройти даром. Из огромного количества мелочей должны быть выдвинуты случаи несомненно-го серьезного нарушения закона или преступления. Это так легко сделать в наше время! Ибо теперь по всей территории России вместо закона воцарился произвол и анархия мелких и крупных носителей власти. Остановить запросами этот произвол нарушения закона и преступления – сразу нельзя – но при умелом пользовании это есть единственное средство уменьшить их количество. Ни один запрос, серьезно обставленный, не проходит даром, и нельзя долго безнаказанно игнорировать общественное мнение. Запросами нельзя прекратить произвол администрации, но можно его сильно ослабить, а это уже есть крупное дело в наше время, когда человеческая жизнь совершенно не ценится. Всякое уменьшение произвола связано с уменьшением страданий населения. Он может быть окончательно прекращен лишь при переходе власти в руки ответственного перед народным представительством министерства. Но и тогда запросы явятся могущественным орудием контроля. Дума не должна бояться запросов.

«Новь», 4 апреля 1907 г., № 78.

ПРИМЕЧАНИЯ

Редакционная (без подписи) статья. Авторство установлено по автографу В.И. Вернадского на экземпляре газеты из его личной библиотеки, хранящейся в Кабинете-музее В.И. Вернадского (ГЕОХИ РАН) в Москве (инв. № 984).

1. Речь идет о выступлениях правых депутатов В.М. Пуришкевича и П.Н. Крупенского на заседаниях 29 марта и В.В. Шульгина 3 апреля. Пуришкевич и Шульгин были удалены из зала на время одного заседания: первый «в виду нарушения порядка», второй «в виду допущенных им оскорбительных выражений по адресу членов Государственной Думы» [эсеров. – *Ped.*]. Под «судорожными попытками министерства» вероятно имеется в виду выступление П.А. Столыпина с правительственной декларацией 6 марта 1907 г. Сам факт оглашения программного документа правительства вынудил руководство кадетской партии сменить думскую тактику и начать прения по общеполитическим вопросам. Как «легкомысленное», возможно, оценивается выступление социал-демократов с самостоятельной декларацией (И.Г. Церетели) в ответ на правительственную декларацию, а также предложение о направлении депутатов Думы в голодающие губернии для расследования положения дел на месте (см. примеч. 1 к статье «Москва, 10-го марта»). Кадетская фракция в Думе выступала против обоих этих шагов социал-демократов.

2. Например, «Русские ведомости» 28 февраля 1907 г. отметили: «Охране Таврического дворца придано такое значение, как будто в нем происходит заседание не депутатов, а арестантов». В здание не пропускали «посторонних сведущих людей», приглашаемых для работы думских комиссий. Был ограничен и вход журналистов, даже имевших специальные пропускные билеты. Упомянутый в статье Остен-Сакен, по-видимому, – лицо из охраны Таврического дворца.

3. Имеется в виду реформа 1871 г., инициатором которой был министр народного просвещения Д.А. Толстой, когда единственным типом гимназий стала классическая гимназия, где

был введен жесткий дисциплинарный режим «аракчеевского» характера. Вероятно В.И. Вернадский имел в виду, что П.А. Столыпин пытался обращаться с депутатами как с гимназистами «толстовской» гимназии.

4. В течение марта 1907 г. в Думе интенсивно обсуждался вопрос о государственной росписи доходов и расходов (бюджете) на 1907 г. Он стоял в повестке дня заседаний 20, 22, 23 и 27 марта.

5. Указанный запрос обсуждался в Государственной Думе 30 марта 1907 г. Московский генерал-губернатор С.К. Гершельман своей властью отменил решение московского военно-полевого суда о братьях Кабловых и братьях Тараканниковых, обвинявшихся в ранении городского. Суд приговорил их к бессрочным каторжным работам. С.К. Гершельман назначил новый состав суда, который пересмотрел приговор и присудил обвиняемых к смертной казни через повешение, немедленно приведенный в исполнение.

МОСКВА, 11-го АПРЕЛЯ

Редакционная статья

Опять поднялись толки о роспуске Государственной Думы – о государственном перевороте [1]. Едва ли можно назвать другим именем то, что собираются сделать придворные и дворянские круги.

Ибо роспуск Государственной Думы при начале ее законодательной работы без всякого серьезного повода, роспуск, связанный с новым избирательным законом, нарушающим права большинства русского народа, представляет государственный переворот и будет иметь следствием то, что обычно является следствием государственного переворота.

Государственный переворот есть акт насилия, а не права. Власть, решающаяся на него, теряет правовую поддержку. Она может опираться только на штыки, на казни, на истязания, на проскрипции. И она существует до первого несчастного случая; неудачная война, финансовый крах, случайные ошибки отдельных лиц ведут к ее гибели и крушению. Положение такой власти становится неустойчивым и вместе с ней становится неустойчивым и положение государства.

Будет или не будет сопровождаться акт роспуска Думы народными волнениями или террористическими покушениями – вопрос второстепенный. Ибо главная опасность государственного переворота заключается в том, что он вводит в страну скрытую или явную междоусобную войну, делает совершенно невозможным восстановление нормальной жизни. Деловая текущая жизнь останавливается, безработица увеличивается, капиталы хоронятся или уходят за границу. Страна делается жертвой жадных заграничных ростовщиков и банкиров, рука об руку с которыми идут доморощенные создатели переворотов. Они обделывают свои дела, спекулируют на несчастьи родной страны – ибо для них русское государство давно заволочлось классовыми или служилыми идеалами...

Поэтому слухи о роспуске Государственной Думы так волнуют, так болезненно отзываются в широких кругах русского народа. Роспуск Думы – это долгие годы кровавого насилия, это разорение страны, падение ее культуры, ее государственного могущества. Недаром известия о роспуске в народной молве и в биржевых слухах тесно связываются с финансовыми спекуляциями на Западе, с позорными и тяжелыми для России условиями иностран-

ного вмешательства – пока только финансового. В пылу партийной борьбы правые не останавливаются перед медленной распродажей государственного достояния [2]. Они забывают об интересах государства, защищая мелкие – по существу – интересы своего класса или сословия. Неужели перед нами стоит судьба Турции? [3]. Неужели нам предстоит перейти через глубокое унижение иностранного вмешательства? Лица, ищущие денег у иностранных банкиров для того, чтобы с помощью этих денег произвести в стране государственный переворот, способны на все – от них можно ожидать всего. В их руках судьба России находится в огромной опасности. И сознание этого ширится и идет глубоко в народную среду при всяком слухе о роспуске Думы. Это сознание представляет само по себе огромную опасность для устойчивого существования русского государства. Между правящими группами и народной средой проводится все более и более глубокая грань – и в конце концов неизбежен взрыв. Все ярче становится грозный призрак крушения старого порядка.

Он может прийти через несколько лет – и через несколько месяцев. Первым шагом к нему является роспуск Государственной Думы. И это должны понять те, которые на него решаются.

Это ясно видят те, которые хотят «беречь Думу». Они видят грядущую опасность – они хотят избежать для страны тяжелых годов страдания, унижения, кровавой борьбы. Они хотят перейти к новому строю, не проходя через полное крушение всех форм старого режима, – ибо во время этого крушения страна, как целое, переживает великие опасности для самостоятельного существования, культура ее рушится, она поколениями будет восстанавливать нарушенную жизнь.

А между тем, Россия – не Турция. Она не покорится Грингмутам, Пихно, Крушеванам [4] и прочим «истинно» русским деятелям правой революции.

Для России нет выбора. Новый режим для нее неизбежен, т[ак] к[ак] на его стороне народные массы и все умственные силы страны. И есть два выхода. Один – более спокойный переход к новому режиму – парламентской монархии – через Государственную Думу, путем постепенного расширения ее прав и уничтожения бюрократической анархии. Другой – бурный и долгий путь революции, который в конце концов приведет к новым устойчивым укладам жизни – неизвестно каким, но раньше может смести все, что еще дорого миллионам русского народа. Люди, стоящие за разгон Думы, легкомысленно шутят с огнем. Они ведут страну на путь революции.

«Новь», 11 апреля 1907 г., № 84.

ПРИМЕЧАНИЯ

Редакционная (без подписи) статья. Авторство установлено по автографу В.И. Вернадского на экземпляре газеты из его личной библиотеки, хранящейся в Кабинете-музее В.И. Вернадского (ГЕОХИ РАН) в Москве (инв. № 985).

1. Слухи о роспуске II Государственной Думы были вызваны сообщением в ультраконсервативной газете «Новое время» (см. примеч. 3 к статье «Москва, 16-го февраля») от 2 апреля 1907 г. о письме проф. Ф.Ф. Мартенса, опубликованном в лондонской «Times», в котором он писал, что Дума неработоспособна, что ее надо распустить, а затем изменить избирательный закон. Ф.Ф. Мартенс был в это время членом Совета Министерства иностранных дел, вице-президентом европейского Института международного права и представлял правительство России на различных дипломатических встречах, например, на мирных переговорах с Японией в 1905 г. Поэтому его мнение многими было истолковано, как выражение взгляда правящих

кругов, хотя «Новое время» и поместило разъяснение о том, что письмо Ф.Ф. Мартенса – всего лишь его личная точка зрения. Информация «Нового времени» оказалась в центре внимания общественности и была перепечатана газетами самых разных направлений («Речь», «Слово», «Русские ведомости», «Киевлянин» и др.).

2. Речь идет о создании в конце 1906 г. франко-русского финансового синдиката для содействия развитию в России коммерческих и промышленных предприятий с помощью французского капитала. В начале 1907 г. синдикат предпринял попытку разместить на парижской бирже гарантированные правительством облигации русских железнодорожных обществ. Однако в Думе был поставлен вопрос о легитимности этой внешней финансовой операции без санкции законодательной власти. (Подробнее см. *Ананьич Б.В.* Россия и международный капитал (1897–1914). Л., 1970).

3. См. примеч. 3 к статье «Патриотизм и черная сотня».

4. Грингмут Владимир Андреевич (1851–1907) – публицист, политический деятель. С 1896 г. – редактор «Московских ведомостей». Выступал против любых реформ, ведущих к ограничению самодержавия. Доказывал, что черная сотня – это «весь православный народ, остающийся верным присяге неограниченному самодержавному царю». В 1905 г. создал и возглавил Русскую монархическую партию.

Пихно Дмитрий Иванович (1853–1913) – профессор университета св. Владимира в Киеве по кафедре политической экономии и статистики. С 1879 г. – редактор газеты «Киевлянин» охранительно-националистической направленности. С 1907 г. – член Государственного Совета по назначению. В Государственном Совете объединял группу его членов, стремившихся к роспуску II Государственной Думы.

О П.А. Крушеване см. примеч. 1 к статье «Москва, 14-го февраля».

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

I

Зловеще открывается новый год перед высшей школой. Снова перед ней впереди виднеются годы бедствий.

Высшая школа в России долгие годы не знает спокойной, нормальной жизни. Она болезненно отражала на себе государственное неустройство России, она являлась орудием борьбы в руках революционных организаций, над ней проделывали дикие эксперименты деятели русской реакции, эти типичные правые революционеры. Удары на нее сыпались справа и слева. И самые страшные и серьезные наносились ей долгое время справа.

Высшая школа только что вышла из огромного испытания. Забастовки и стремление сделать из нее политическую арену, программа использования высшей школы в узких целях политической борьбы, провозглашенная «Искрой» в 1904 году [1] и проведенная во всех высших учебных заведениях, потрясли основы ее до самого корня. Болезненно и с трудом стала высшая школа оправляться от этого удара, нанесенного ей слева, от поразившего ее страшного бедствия. И в этот самый момент надвигается на нее грозная опасность справа.

Кругом раздаются завывания «черной сотни». В Москве проходят замкнутые митинги, посылающие телеграммы в Петербург, в которых требуют новых скорпионов против школы, изгнания профессоров, чистки студентов, введения полицейского режима... Крики против «буржуазной» науки сменились воплями «истиннорусских» людей об «истинной» науке. И в то время как раньше, в эпоху революционного подъема, преследователи «Искры» могли остановить работу школы, но не могли ее исказить или унич-

тожить, – в эпоху реакционного подъема деятели политической революции имеют власть нанести ей еще более тяжелые удары.

Конечно, ни революционный, ни реакционный подъемы не имеют никаких шансов на продолжительное существование. Революционеры справа скоро должны будут сойти с поля власти. Но чем сменится господство зубров? Диктатурой пролетариата или чем-нибудь иным? Что принесет высшей школе новая волна политического безвременья, переживаемого нашей родиной? Эта волна еще впереди. Легкомысленно было бы ее не предвидеть; но теперь школе грозит другая, гораздо более реальная опасность – опасность тех ударов, какие могут ей нанести теперешние минутные хозяева власти.

Главный центр их стараний явно направлен против университетской автономии, против правил 27 августа 1905 года [2]. В тумане надвигающейся тучи начинают обрисовываться мрачные древние образы врагов высшего образования нашей родины – Стурдзы, Рунича, Магницкого [3]. Выступают на свет Божий старые заржавленные проекты канцлеров-диктаторов, пережитых уже университетами почти сто лет назад в эпоху Магницкого. Они также древни и просты, как идеалы зубров и черной сотни. И точно так же ничего, кроме разрушения и подготовки анархии, принести не могут...

Но так или иначе – это «реформа». Есть еще более простой способ – способ разгромов. Достаточно прочесть листки черной прессы, послушать отзывы и мнения людей реакции, чтобы оценить по достоинству эту пропаганду организованного академического террора, имеющего целью устрашить и смять всякое сопротивление полицейскому режиму. Ни интересы науки и просвещения, ни указания закона не могут служить гарантией личной безопасности. Каждый «*civis academicus*» – студент или профессор – должен ежечасно и ежеминутно чувствовать над собой Дамоклов меч... Его личность должна быть стерта, он должен ломать себя из-за страха материальных ударов или оставить школу – дело своей жизни и своего будущего. Путем такой искусной «политики» думают, не разрушая форм, разрушить содержание академической жизни.

Академический террор давно вызывается реакционной прессой. Будет ли правительство достаточно сильно, чтобы ей не подчиниться или и в этом вопросе оно пойдет по указке крайних правых? То, что делается в Одессе – изгнание профессоров, не обращая внимания на их научные заслуги и невозможность заменить их другими равноценными силами, или в Киеве – где студенты, исключенные из данного университета, лишаются возможности поступить в другой и берутся в солдаты, – служит ярким указателем соотношения реальных сил в данную минуту...

Но академический террор, как всякий террор, может являться лишь средством разрушения. Он может восстановить «порядок» в школе; но это будет спокойствие могилы; от школы останутся жалкие остатки, и одна из важнейших государственных функций будет на долгое время придушена.

II

Ближайшее будущее темно и мрачно. А между тем истекший год вовсе не является мрачным в истории высшей русской школы. Напротив, это год энергической работы, год творчества и научного подъема.

Высшая школа имеет перед собой три совершенно различные задачи. Она должна учить подрастающее молодое поколение, сообщать ему то, что добыто человеческой мыслью, приучать его научно мыслить и научно работать. Она должна являться очагом научного искания, быть центром самостоятельной научной работы. И наконец, она должна быть носителем просвещения в обществе и народе, оживлять в зрелом возрасте узнанное и пережитое в молодости, распространять новые знания, новые приемы работы и мышления.

Все эти три цели исполнялись русской школой в минувшем году с исключительной силой и энергией. Едва ли будет несправедливым высказать, что высшая школа была почти единственным государственным учреждением, которое исполняло свои функции, расширяя и улучшая их в эпоху государственного расстройств и междоусобицы. В самом деле, где работа других государственных учреждений? В чем выразилась созидательная работа правительства за это время? Что могли сделать законодательные учреждения? Что сделано в армии и флоте в два года по окончании войны и какой войны? Что сделано администрацией при непрерывно продолжающемся голоде, в чем эта работа ее выразилась на единственном (продовольственном) законопроекте, три раза в два года вносимом в три Думы и в три сессии Государственного Совета? Удалось ли правительству уменьшить грабежи, убийства и насилия? Внести в страну прочное успокоение? Создать условия нормального существования без ежедневных виселиц, расстрелов, нарушения закона? Страна залита кровью, но все держится одной грубой силой и каждый миг все может сорваться... Спокойствия и уверенности в стране нет.

III

В это время высшая школа переполнена учащимися так, как она никогда не была ими переполнена. Тысячи молодых людей сдают экзамены, по очереди, с бою, без потери минуты заняты столы лабораторий и институтов, переполнены семинарии. Никогда не было такого «голодания» знанием. Всякий профессор, не оставивший высшей школы, каковы бы ни были его политические убеждения, чувствует эту живую жизнь школы. Молодежь изголодалась знанием, она истомилась безделием. Лекции посещались так, как давно этого не было. В общем, при огромной неурядице в стране, где элементарный внешний порядок едва сдерживается военными и чрезвычайными положениями, только в одном—двух случаях прервалась работа школы. Это было в Киеве, отчасти в Томске и Одессе. Но эти два или три случая являются небольшим процентом в жизни всей школы. Их значение нарочно преувеличивается в политической борьбе...

Конечно, в академической среде спокойствия нет. Все время происходят конфликты, идет брожение, могут вспыхнуть крупные беспорядки. Политика левых групп, произвол администрации, бесчинства правых всегда могут вызвать крупное движение. Но в этом году они этого не создали. Подымавшиеся волнения не разрастались, не находили почвы в студенчестве. В его среде совершается знаменательный перелом. Среда эта политически расслоилась, и этот процесс неудержимо идет все глубже и сильнее. Вместе с этим расслоением заканчивается та диктатура революционных комитетов, — с[оциалистов]-р[еволюционеров] и с[оциал]-д[емократов], — которая долгие

годы управляла русским студенчеством и временами давила академическую жизнь [4]. Несомненно, впереди не раз мы встретимся с этой характерной чертой старого университета – университета времен Делянова и Боголепова [5], но совершенно ясно, что эта диктатура революционных комитетов есть пережиток прошлого, почвы для будущего ей нет..., если не вернутся прежние условия.

Так или иначе, год прошел без резких нарушений хода занятий. И едва ли можно требовать большего от школы в то время, когда государственная жизнь полна анархии.

В этом году впервые автономные органы университетского самоуправления провели и выработали коренную реформу преподавания. Введена предметная система обучения. Эта реформа выработана и проведена самой школой – она потребовала большой работы и большого напряжения преподавательского персонала. Это коренное изменение университетской жизни не могло нигде войти в жизнь в целом виде, так как оно всюду сталкивается с чуждыми ему рамками неотмененного старого закона. Но так или иначе, дело сделано: возврат к старому едва ли возможен; – с каждым годом значение этой огромной реформы будет сказываться все сильнее и глубже. И в то же время ее проведение в жизнь – без больших напряжений – в эпоху междоусобицы – является яркой иллюстрацией жизненной силы русской школы.

Несомненно, академическая жизнь не является тихой и безмятежной в своем внутреннем строе. Идет всюду борьба между автономными советами – студенчеством и младшими преподавателями. Но эта борьба является неизбежным следствием сложного живого учреждения, находящегося в периоде реорганизации. Русская высшая школа – в виде университета или политехникума с тысячами учащихся и с сотнями преподавателей является новым сложным организмом, выросшим из рамок не только старого университетского устава, но и полицейского режима окружающей жизни. Ее уклад окончательно не сложился, жизнь лишь начинает давать ему ясные рамки, еще совершенно не охваченные законом. В частности, студенческая жизнь в форме обществ, кружков и собраний все яснее отходит от чисто политических сходов недавнего прошлого. На первое место все сильнее начинают выступать академические интересы студенчества, вопросы знания и академического строя. На этой почве начинают выясняться новые формы студенческой организации, различно решаемые в разных школах. В этом году эти формы не вышли еще из предварительной стадии. Общего решения здесь быть не может и нельзя дать форму вечно изменчивой и живой академической жизни из далека петербургских канцелярий. Это дело автономных советов, а не правительственных властей. К школе надо относиться бережно, а не с казарменной простотой. Это сложный организм, не допускающий простых и грубых приемов лечения.

IV

Одной из самых отрадных сторон русской жизни, глубоким признаком жизненной силы наций явилось то, что научная работа школы не прерывалась, несмотря ни на какие потрясения и забастовки. Ни лаборатории, ни институты в моменты забастовок и уличных движений, в эпоху, когда толпа захватила аудитории, не закрывались для научной работы. Революция ни на

миг не прервала и не ослабила научную работу русского общества. В великой культурной борьбе человечества за знание русские ученые как были, так и остались в первых рядах. Для того чтобы достигнуть равного уровня с Западом, им пришлось пройти дальний путь и достигли этого они при невероятно неблагоприятной обстановке старого университетского режима, в котором положение русского ученого было унижительное. И теперь, если мы взглянем на научную литературу и обратим внимание даже только на то, что пишется на русском языке (а значительная часть научной работы русских ученых проходит бесследно для родной литературы), то мы увидим, что за последние 10–12 лет особенно быстро растет научная литература на двух языках – английском и русском. Английская научная литература конкурирует с немецкой, стоящей на первом месте, русская с французской. Темп научной производительности не понизился в годы революции.

А эта научная производительность в огромной своей части сосредоточена в академической среде – в университетах и высших технических школах. Она является результатом их труда, их национальной работой.

Русские ученые выносят эту работу при таких тяжелых условиях, которые совершенно не понятны на Западе. Их нервы все время напряжены, время и силы идут на борьбу с ненужными препятствиями. В этом смысле значение автономии 1905 года огромное, оно повысило темп и значение научной работы, так как поставило более высоко русского профессора, раньше все время боровшегося с русской бюрократией за элементарное человеческое достоинство. Но не только отпали элементы этой унижительной зависимости, но, благодаря автономии, в этом году увеличились материальные средства научной работы. Благодаря притоку студентов и благодаря автономному управлению, большая часть денежных средств высшей школы стала тратиться на интересы науки и просвещения, тогда как раньше она шла на полицейский надзор, на «хозяйничанье»... и какое «хозяйничанье»!

V

Созидательная работа школы не заканчивается, однако, учением молодежи и научной работой – она и не заканчивается и работой по реформе существующей школы. Чрезвычайно характерной чертой этого года в истории русской школы является созидательная творческая работа русского общества в создании новых высших школ, школ нового типа. За этот год, с 1906 года, количество высших учебных заведений и число обучающихся лиц возросло с чрезвычайной быстротой. Никогда в России не было столько высших школ и столько студентов разных возрастов и наименований. Никогда в ней столько не учились. Преподавательский персонал специалистов завален работой почти до предела возможности – ибо школа режима Делянова–Боголепова не сумела подготовить достаточный контингент специалистов – их мало сравнительно с потребностями русского общества. Новые высшие учебные заведения выросли главным образом в эпоху революционного подъема и большинство из них сохранилось в эпоху реакции. Они пустили прочные корни и создали оригинальные типы высшего образования. С каждым семестром они все глубже проникают в жизнь, так как всякий, кто присматривается к русскому обществу и народу, чувствует, что оттуда подымается такая волна к

высшему знанию, такое сознание необходимости знания и просвещения, которая не может быть остановлена никакими усилиями невежественных зубров. Они могут исказить или затормозить отдельные начинания (напр[имер], свободный университет имени Шанявского [6] в Москве), но не в силах остановить движение. Оно сметет и раздавит их своей стихийностью.

Подводя итоги этому году – мы можем спокойно и бодро смотреть вперед. Реакционная волна может разбить много жизней, может уничтожить и исказить работу отдельных высших школ, но она не может остановить и направить в другое русло развитие русского просвещения. Для этого оно коренится слишком глубоко в народной среде, связано слишком глубоко со всей культурной жизнью русского народа. В его развитии спасение России, и это слишком ярко чувствуется сотнями тысяч образованных людей, стихийно сознается в народе для того, чтобы надолго (не) мог воцариться у нас академический террор и восстановиться старый отживший и потерявший нравственные устои академический порядок. Сама жизнь должна создать непреодолимые препятствия этим попыткам и навстречу им должна направиться сознательная воля мыслящих граждан.

«Речь», 1 (14) января 1908 г., № 1.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. примеч. 2 к статье «Москва, 6-го февраля».

2. Речь идет о «Временных правилах об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения» от 27 августа 1905 г. См. также примеч. 3 к статье «Университет и правые».

3. Упоминаются консервативные деятели высшей школы первой четверти XIX в.

Магницкий Михаил Леонтьевич (1778–1855) – ближайший помощник министра народного просвещения кн. А.Г. Голицына, известного своим мистицизмом, покровительством отечественным и иноземным фанатикам. «Прославился» ревизией Казанского университета (1819 г.), в результате которой по его представлению были уволены 11 профессоров университета по подозрению в «неблагонадежности». Сам Магницкий был назначен попечителем Казанского учебного округа. Автор инструкции, одобренной царем, которой надлежало руководствоваться деятелям высшего образования. В ней, в частности, говорилось: «Наблюдать (...), чтобы дух вольнодумства ни открыто, ни скрыто не мог ослаблять учения церкви в преподавании наук философских, исторических или литературы (...)». Это, впрочем, касалось и других предметов. Жизнь студентов подчинялась строжайшей дисциплине.

Рунич Дмитрий Павлович (1780–1860) – последователь и соратник М.Л. Магницкого. Попечитель Петербургского учебного округа. Отличился травлей проф. А.П. Куницына, в курсе которого усмотрел проповедь безбожия и революции. Организовал университетский суд над профессорами А.И. Галичем, Э.-Б.-С. Раупахом, К.Ф. Германом, К.И. Арсеньевым, закончившийся их увольнением из университета. Им было предъявлено обвинение в распространении «якобинизма и атеизма».

Стурдза Александр (1791–1854) – находился на дипломатической службе при Александре I. Учился в Германии, впоследствии считал, что германские университеты являются распространителями революционного духа и атеизма. Автор нескольких трудов по истории церкви и христианской философии.

4. Имеется в виду большое влияние социал-демократов и эсеров на студенчество во время революции 1905–1907 гг. (см. также примеч. 1 к статье «Странные заботы о восстановлении порядка» и примеч. 1 к статье «Новая угроза высшей школе»). Прекращение занятий в высшей школе во время всероссийской студенческой забастовки (февраль–сентябрь 1905 г.) и закрытие высших учебных заведений (по решению правительства от 20 декабря 1905 г. до 1 сентября 1906 г.) стало следствием работы «левых» активистов.

5. См. примеч. 2 и 5 к статье «О профессорском съезде».

6. Московский городской народный университет им. А.Л. Шанявского был учрежден на средства золотопромышленника, генерал-майора в отставке, либерального деятеля А.Л. Шанявского (1837–1905). Основными условиями организации университета А.Л. Шанявский ставил: «Широкую доступность университета для всех желающих учиться без различия пола, национальности и вероисповедания и без требования каких бы то ни было дипломов; свободу от формальных стеснений при приглашении лекторов; чтение лекций на любом языке; возможно умеренная плата за слушание лекций, с стремлением к полной бесплатности, как к идеалу». Занятия в университете начались 2 октября 1908 г. Университет имел два отделения: научно-популярное (с курсом средней школы) и академическое, дававшее высшее образование в объеме университета. Обучение на академическом отделении проводилось по естественно-историческому, общественно-юридическому и историко-философскому циклам (факультетам).

Университет находился в ведении Московской Городской Думы и не входил в систему учреждений Министерства народного просвещения. В комиссию по выработке устава университета вошли всероссийски известные ученые М.М. Ковалевский, К.А. Тимирязев, А.Н. Реформатский и др. После коллективной отставки более 130 профессоров и преподавателей Московского университета (см. статью «1911 год в истории умственной жизни в России») многие из них продолжили свою преподавательскую деятельность в университете им. Шанявского. Среди них был и В.И. Вернадский. В университете читали курсы П.Н. Лебедев, С.А. Чаплыгин, Н.Д. Зелинский, А.А. Мануйлов и многие другие известные деятели русской науки. Именно там в 1912 г. ученик В.И. Вернадского профессор А.Е. Ферсман прочел впервые в мире курс геохимии.

Университет просуществовал 10 лет: после Октябрьской революции, в 1918 г. его академическое отделение перевели в Московский университет, а научно-популярное объединили с рабфаком Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова, ставшего со временем кузницей кадров партийной номенклатуры. (Подробнее см. *Овсянников А.А.* Миусская пл., 6. М.: Моск. рабочий, 1987. 63 с.).

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

I

Грозно слагается для ближайшего будущего судьба русской высшей школы. Она не знала покоя уже более 25 лет. Разгром 1884 года [1] привел в конце концов к той длительной анархии, какую представляла из себя высшая русская школа к 1905 году. К этому времени все устои ее были разбиты, занятия были расшатаны, в течение нескольких лет учебная работа высшей школы была доведена до *minimum'a*. Школа находилась во власти полиции, – к целям полицейским, а не научным или учебным было приноровлено ее управление. Студенты укрощались самыми жестокими мерами, профессора находились в поднадзорном, унижительном положении. К этому времени стало ясным для всех, что такой режим долгие продолжаться не может. С 1898 года, – а может быть и раньше, – в течение 6–7 лет, школа находилась в брожении, анархия внедрялась в нее все глубже, и было ясно, что еще несколько лет такого режима, и будет разрушаться то, что поддержало высшую школу и позволило ей пережить полицейский режим, – ее научная работа.

Теперь это забыто! Вновь собираются повторить старый, неудавшийся опыт организации высшего образования. Он уже стоил стране страшно дорого – и, кроме жертв, страданий и несчастья, ничего он дать не может.

Автономия была введена с осени 1905 г. [2], за месяц до манифеста 17-го октября. Волнение, охватившее к этому времени всю Россию, бурно пронеслось в виде забастовок и митингов во всех высших учебных заведениях.

Учебная деятельность временно прекратилась. Но школа пережила грозные волнения 1905–1906 гг. В ней произошел коренной перелом, изменилась система управления, совершилась коренная реформа в системе преподавания. Количество учащихся достигло небывалой в России величины.

Полтора года без больших потрясений, интенсивно и успешно идет работа школы. Она развивается и расширяется несмотря на все усилия реакции, несмотря на анархию, все глубже проникающую в русскую жизнь.

И в это время реакция, – в порядке управления и законодательном, – готовит ряд мер против высшей школы. Она готовит национальное бедствие.

II

Спасение России заключается в поднятии и расширении образования и знания. Только этим путем возможно достижение правильного государственного управления, только поднятием культуры возможно сохранить сильно пошатнувшееся мировое значение нашей родины.

Каждый удар высшей школе, каждое стеснение ее автономии есть удар национальной силе, есть удар русской культуре. Ибо высшая школа совершает национальную работу первостепенной важности: в ней сосредоточивается работа и куется все будущее великого народа.

В ней слагается молодое поколение – будущее России; она распространяет знания в стране. Но в ней сверх того сосредоточивается работа нации в области научной мысли и научного искания.

То, что является наиболее характерным для современной культуры, что с каждым годом все сильнее и неудержимее проникает всю народную и государственную жизнь современного человечества и составляет оплот ее силы и основной элемент ее могущества, есть научная самостоятельная работа, есть научное искание. Страна, которая не работает самостоятельно в области научной мысли, которая только усваивает образование – чужую работу – есть страна мертвая. С каждым годом значение самостоятельной научной работы, как основного элемента культуры, становится более важным и неизбежным. Ибо постепенно и быстро весь земной шар становится ареной государственных интересов, ибо техника охватывается все более глубоко научной мыслью и результаты научной работы с каждым мгновением все сильнее проникают во все области человеческого сознания.

При этих условиях работа ученого является национальным служением в такой степени, в какой она никогда не была в другие периоды исторической жизни человечества. Ибо национальная сила и национальное могущество тесно связаны в государственной борьбе за существование с пониманием мировой жизни, со специальными знаниями.

III

На полях Маньчжурии, на водах Тихого океана, в происходящей теперь междоусобице, в голодании и вымирании коренного русского населения среди благодатной и богатой природы Россия жестоко расплатилась и расплачивается за архаичность своего управления, за то, что в XX веке власть находится в руках людей полуобразованных или необразованных, чуждых научной мысли и работы современного человечества. Эти люди, ничего не понимая, вели

великий русский народ к поражениям, унижениям и страданиям, они давили свободную научную мысль и свободную научную работу русского общества.

Вопреки им и для них неожиданно, при совершенно невероятной обстановке, в тиши высшей русской школы – в университетах и технических училищах – развилась самостоятельная научная мысль и все сильнее разгоралась научная работа. Она спасла идею академической жизни от полицейских тисков устава 1884 года, она дала возможность высшей школе явиться живым, жизненным учреждением в эпоху общей государственной дезорганизации. В невероятной обстановке русские ученые совершали свою национальную работу, лишь благодаря исключительной энергии они стали теперь в первых рядах научной работы человечества. Они добились этого, задыхаясь в гнилой атмосфере старого академического режима. Автономия еще больше нужна для правильной научной работы, чем она нужна для организации научного преподавания. Когда-нибудь будущий историк русского народа напишет полную тихого трагизма историю русской науки – он покажет, какими усилиями, какой ценой и с какой борьбой ее деятели провели свою национальную работу в тяжелую эпоху старого режима. Но и теперь, оглядываясь на прошлое, мы почерпаем в нем бодрость и силу духа.

Возможен ли поворот назад? Удастся ли черным группам русского общества изготовить стране новое унижение? Придется ли нам пережить новое – не будем закрывать глаз – национальное бедствие? Ибо угроза высшей школе есть угроза научной работе, угроза всей культуре русского народа.

Но историю нельзя повернуть назад. Народ, в невероятной обстановке развивший мировую литературу и мировое искусство, ставший в первых рядах в научном искании человечества, не может замереть в полицейских рамках плохого государственного управления. Он может терпеть поражения, – но в конечном итоге он останется победителем. То, что будет разрушено, будет вновь восстановлено. Но зачем и для чего проходить чрез такие испытания?

«Русские ведомости», 12 января 1908 г., № 10.

ПРИМЕЧАНИЯ

Статья вновь опубликована в: *Вернадский В.И.* Начало и вечность жизни. М.: Сов. Россия, 1989. С. 191–195.

1. Речь идет об университетском уставе 1884 г. (См. примеч. 3 к статье «О профессорском съезде»).

2. Имеются в виду «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения» 27 августа 1905 г. (См. примеч. 3 к статье «Университет и правые»).

К ВОПРОСУ ОБ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМЕНИ ШАНЯВСКОГО

Вчера в «Речи» появилось успокоительное известие о том, что Министерство народного просвещения *собирается* внести в Государственную Думу новый проект организации Университета имени Шанявского в Москве.

Одновременно с этим, как нам сообщают из Москвы, в Москве *приняты* тем же министерством меры, возбуждающие недоумение и большие толки.

Так запрещены всякие лекции (в том числе по физике, по кристаллографии и т.п.), которые попытался было устроить комитет Университета имени Шанявского для того, чтобы сохранить за Москвой пожертвованный капитал. Говорят даже, что попечитель Жданов [1] получил из Министерства народного просвещения замечание за то, что он не противодействовал предполагаемому открытию этих лекций.

Странная судьба миллионного пожертвования, сделанного городу Москве. В течение двух лет дело открытия новой высшей школы оттягивается. Когда после огромных хлопот и усилий проект устава Университета имени Шанявского был внесен в Государственную Думу [2], он был спешно взят назад новым министром народного просвещения [3], хотя уже был рассмотрен думской комиссией. Это была одна из первых мер нового министра народного просвещения.

По завещанию Шанявского, если осенью 1908 года университет его имени не будет функционировать, весь капитал со всеми процентами должен быть передан на другие дела польским благотворительным обществам [4].

Имеет ли в виду министерство это решение дела об Университете имени Шанявского? Для чего оно тормозит нужное и крупное просветительное предприятие?

Было бы своевременно, чтобы комитет Университета имени Шанявского познакомил русское общество с положением дела и выяснил причины, не позволяющие ему создать в Москве высшую школу, не требующую никаких затрат со стороны государства.

«Речь», 5 (18) марта 1908 г., № 55.

ПРИМЕЧАНИЯ

Статья подписана инициалом «В», однако ее принадлежность перу В.И. Вернадского была установлена еще в 1982 г. (См. *Мочалов И.И.* Владимир Иванович Вернадский. М.: Наука, 1982. С. 428).

1. Жданов Александр Маркелович (1858–?) – попечитель Московского учебного округа в 1907–1908 гг., доктор астрономии и геодезии, действительный статский советник.

2. Законопроект об открытии Университета им. А.Л. Шанявского был принят Государственной Думой 3 июня 1908 г. и Государственным Советом – 18 июня 1908 г. В защиту законопроекта в Государственном Совете выступал знаменитый юрист А.Ф. Кони. (См. также примеч. 6 к статье «Академическая жизнь»).

3. Речь идет об Александре Николаевиче Шварце (1848–1915). Он был профессором кафедры греческой филологии Московского университета в 1891–1900 гг. В 1900–1905 гг. являлся поочередно попечителем рижского, варшавского, московского учебных округов. Основным направлением его деятельности на посту министра народного просвещения было стремление ликвидировать любые попытки восстановления автономии высшей школы, которые предпринимались в период революционного подъема в 1905–1907 гг. Утверждал, что власть слишком «потакает грубым инстинктам толпы».

4. Современный исследователь (см. примеч. 6 к статье «Академическая жизнь») утверждает, что в завещании А.Л. Шанявского указывалось: в случае, если в течение трех лет после его кончины (7 ноября 1905 г.) занятия в университете не начнутся, то все средства должны быть переданы Женскому медицинскому институту, основанному А.Л. Шанявским в 1894 г. Кроме того, цитируется следующее высказывание вдовы А.Л. Шанявского: «(...) нигде, ни в (...) завещании, ни в дарственной записи Альфонс Леонович не выражал желания, чтобы Народному университету было присвоено его имя».

НАУКА И ПРОЕКТ УНИВЕРСИТЕТСКОГО УСТАВА А.Н. ШВАРЦА

I

Новый проект университетского устава министра Шварца [1] не является только простым развитием старых, давно осужденных жизнью и сознанием академической среды, принципов и положений. В некоторых отношениях ему нельзя отказать в творческой мысли. Но это творчество – разрушительного характера.

Одно из его нововведений заслуживает серьезного внимания русского общества без различия партий и направлений. Его не могут оставить без внимания все те, кому дороги сила и могущество русского государства, развитие и значение русской культуры.

Весь проект проникнут узкой партийностью, интересами минуты. Он отвечает настроению крайних правых, приноровлен к их культурному уровню, к их пониманию задач государства. Ради этих интересов дня он одним почерком пера *совершенно уничтожает* вековую работу и разрушает вековую традицию русских университетов. Он вычеркивает всю научную деятельность университетов.

По этому проекту университет должен быть *учебным*, но отнюдь не учебным учреждением.

Русские университеты пережили много горя в своей истории, но никогда – в самые тяжелые эпохи Магницкого [2] или Делянова [3] – они не забывали тех основных положений, которые были высказаны в докладе правительствующему сенату 19 июля 1754 г. И.И. Шуваловым [4], которые были приняты сенатом и утверждены Императрицей Елизаветой Петровной. Шувалов писал: «*Наукам* обязаны просвещенные народы тем, что они превознесены и прославлены над людьми, живущими во тьме неведения». «Через науки Петр Великий совершил те подвиги, которыми вновь возвеличено было наше отечество». В указе 12-го января 1755 года об основании Московского университета эти мысли выражены ясно: «*Всякое добро* происходит от просвещенного разума, а, напротив того, зло искореняется; что, следовательно, нужда необходимая о том стараться, чтобы способом пристойных наук возрастало в пространной нашей Империи всякое полезное знание»...

Прошло 150 лет; блестяще и широко русские университеты развили свою научную деятельность. На этот протекший путь можно оглядеться с гордостью. В настоящее время русские университеты являются крупными и самостоятельными очагами *научной* работы, стоят в этом отношении наряду с лучшими университетами Запада и Америки. Русские университеты, несмотря на все неблагоприятные условия, исполнили свою государственную миссию. Высоко подняли они русское имя в мировой научной работе и могли *ждать*, что они обеспечены ⟨защитой⟩ от вмешательства политики в эту область своей деятельности. От этого их должно было бы охранять чувство русской национальной гордости... Едва ли нашелся бы культурный немец или англичанин, привыкший руководиться здоровым национальным самосознанием, который позволил бы себе высказать по отношению к своим универ-

ситетам то, что красной нитью проводится в проекте русского министра по отношению к русским университетам.

Это полное нарушение вековых традиций неслучайное. Год назад основная мысль, лежащая в основе проекта Шварца, выражена была ученым комитетом министерства народного просвещения в фразе, достойной стать исторической. В замечаниях ученого комитета министерства народного просвещения на проект устава, выработанный в министерстве гр[афа] И.И. Толстого, говорится буквально следующее: *«Ученый комитет сомневается, чтобы университеты могли выполнять задачу разработки и развития науки, которая принадлежит Академии наук. Распространение научных знаний, по мнению ученого комитета, тоже не составляет цели университетов»*.

II

«Сомнения» ученого комитета были высказаны после 150-летней широкой научной работы русских университетов. Они перешли из области мнений и сомнений в область фактов. Они легли в основу проекта А.Н. Шварца.

Смело и беспощадно разрывая с прошлым, этот проект пытается превратить русские университеты, – это «ученое сословие» Российской империи (устав 1803 г.), – в *лицеи*, в учебные заведения, в которых нет ученой жизни, которые, как выражено в пункте 2-м проекта, имеют целью только «сообщить лицам, надлежаще к тому подготовленным, как общее, так и специальное высшее образование и способствовать приготовлению их к деятельности»... В этом отношении проект очень напоминает революционное законодательство Конвента и Директории во Франции, погубившее старинные университеты Франции, возродившиеся лишь через несколько поколений [5].

Но это было во Франции, где в салонах и в обществе шла более интенсивная научная работа, чем в старомодных и застывших университетах того времени. Но и там это насилие не прошло даром и бесследно для народа старой культуры.

А в России? Разве является возможность думать о том, чтобы вся ученая работа 150-миллионного народа была сосредоточена в одном учреждении, в Академии наук? Разве не увлечение политической страстью из-за полицейского порядка уничтожить живые ученые учреждения, созданные государственным строительством императорского периода нашей истории? Разве допустимо уменьшать и ослаблять ученую работу нации после неслыханного в истории России морского поражения, после того, как на полях Маньчжурии и Китая [6] выяснилась научная отсталость нашей государственной и военной организации?

Разве мыслимо ослаблять государственную деятельность в области научного искания и научного исследования в XX веке, когда на мировой арене с каждым годом все больше и больше значения приобретает научное знание, когда в этой борьбе государств и рас побеждает тот, кто является более образованным, более владеющим научной техникой и научной мыслью нашего времени?

На полях Китая мы жестоко заплатили за это пренебрежение к государственной работе в области научного знания. Огромные области государственной организации, требующие знания, у нас отсутствуют, – нет организации геогра-

фической карты, ничтожно развитие опытных земледельческих станций, метеорологических наблюдений, отсутствует правильная статистика, организация местных музеев. На научные работы тратятся ничтожные – сравнительно с государственным бюджетом и государственной необходимостью – средства. Академия наук *поставлена нищенски* – приходится сравнивать некоторые стороны ее деятельности, те средства, которые она может уделять на исследование родной страны с бюджетом, например, венгерской академии наук! Венгрия и Россия – казалось бы, такие несоразмеримые величины! *Научная работа университетов в значительной степени идет не на государственный счет*, – она ложится главным образом на специальные средства университета, т.е. давно устарелый бюджет университета не отвечает элементарным потребностям преподавания... Можно сказать без преувеличения, что главная научная работа России сделана без серьезной сознательной помощи русского правительства. Это дело *общества*, дело профессуры и руководимых ими институтов и семинарий, помимо и вопреки желаниям министерства народного просвещения. И теперь, когда все силы страны должны были бы быть направлены к восстановлению ее пошатнувшегося международного положения, на возрождение разложенной и раздавленной многолетним плохим управлением России, – министерство не находит ничего более достойного, как создавать проект университетов, вычеркивающий из круга их обязанностей научную деятельность!

III

Несомненно, его решение не было решением случайным и непродуманным. Оно вытекло из общих принципов реформы. В ее основу был положен государственный интерес *порядка*, узко ограниченный полицейским порядком. На втором месте в нем стоят интересы преподавания; совершенно выброшены интересы государственной научной работы.

С точки зрения интересов полицейского порядка, конечно, университеты, замененные лицами, являются более подходящим объектом для управления. Профессора-учителя должны явиться менее независимыми, легче заменимыми в случае нежелательного направления своих мыслей, чем профессора-ученые. Профессора-учителя должны легче войти в общую массу бюрократии и легче могут быть превращены в чиновников.

В самом деле, – после устава 1884 г. [7] прошло к 1905 году двадцать лет. К этому времени должны были в значительной мере сойти с деятельности ученые, воспитавшиеся в университетском автономном периоде 1863–1884 годов. К 1905 году должны были быть подготовлены новые кадры, более благоприятные по направлению своей политической и общественной деятельности для взглядов реакции.

Прошло 20 лет тяжелого полицейского режима. Сыск царил в университетах, совершался старательный отбор и подбор преподавательского персонала... Но результат получился самый неожиданный. В общем подавляющее большинство всего преподавательского персонала – младшего и старшего – оказалось сознательным и бесповоротным сторонником академической свободы, злейшим врагом полицейского режима, который пытается восстановить, иногда с печальным успехом, г. Шварц.

И это – не случайное явление, ибо в жизни *ученого* учреждения, – университета, академическая свобода является необходимой, как воздух. Стремление к ней является неизбежным элементом того чувства личного достоинства, которое неизбежно поднимается благодаря постоянному соприкосновению с источником вечного знания, научным исканием. Ученый – академический преподаватель не может не чувствовать на каждом шагу того унижительного положения, в которое его ставил устав 1884 и ставит проект 1908 года... И помимо, даже вопреки своим политическим убеждениям, он становится убежденным, прочувствовавшим на себе врагом полицейского и министерского управления университетом.

Для того, чтобы этого не было, надо заменить ученых – преподавателей учителями-чиновниками. К этому стремится проект А.Н. Шварца.

Но этот новый удар русским университетам явно осужден на полное крушение. Несомненно, этим путем можно внести много смуты, можно сильно понизить уровень преподавания, можно кое в чем затормозить научную работу университетов, сделать менее быстрым темп ее развития. Но достичь положения, при котором, как говорит ученый комитет народного просвещения, университеты не могли бы выполнять задачу разработки и развития наук и распространять научные знания, – утопия. Ибо русские университеты существуют не со вчерашнего дня, они имеют полуторавековую традицию, которая сведет на нет противоречащее ей законодательное творчество г. Шварца; русские университеты находятся в теснейшем научном общении с мировой научной работой таких учреждений, которые недостижимы для русского министерства народного просвещения и которые давно уже счастливо пережили аналогичные попытки революционных и реакционных предков русского проекта 1908 г.

«Русские ведомости», 6 ноября 1908 г., № 258.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. примеч. 2 к статье «К вопросу об университете имени Шанявского».
2. См. примеч. 3 к статье «Академическая жизнь».
3. См. примеч. 5 к статье «О профессорском съезде».
4. Шувалов Иван Иванович (1727–1797) – видный деятель при дворе имп. Елизаветы Петровны, генерал-адъютант и член конференции (тогдашнего Государственного Совета). Главная его заслуга – покровительство, которое он оказывал образованию: по плану, составленному совместно с М.В. Ломоносовым, был учрежден первый русский университет в Москве; устроена университетская типография; в 1757 г. по его инициативе возникла Академия художеств, в 1758 – казанская гимназия. Покровительствовал М.В. Ломоносову.
5. Декретом Конвента от 17 августа 1792 г. университеты, как самостоятельные привилегированные корпорации, были упразднены. В начале XIX в. при Наполеоне I университеты были восстановлены, но лишь в качестве разрозненных факультетов. Как центры науки и высшего образования они стали возрождаться с 70–80-х годов XIX в. В 1893–1895 гг. университеты были воссозданы как единые учреждения.
6. Речь идет о сражении русского флота с японским 14 мая 1905 г. в районе острова Цусима, в результате которого русский военный флот был практически уничтожен, и о военных действиях на суше в период русско-японской войны (1904–1905 гг.).
7. См. примеч. 3 к статье «О профессорском съезде».

ПЕРЕД СЪЕЗДОМ

28 декабря в Москве собирается XII съезд русских естествоиспытателей [1]. Долгие годы не мог он собраться. В эти годы не только русская история сделала бесповоротный шаг к новому, но и в мировом научном движении свершились события величайшей важности – происходит полная революция в представлении о веществе, начинается не менее глубокое изменение в науках о жизни. Явление радиоактивности, начатки воздухоплавания, опытный метод в биологических науках пустили за это время глубокие корни, и их ростки мы чувствуем всюду кругом: они все изменяют в сложившемся с XVII века научном мировоззрении. Мы переживаем теперь более глубокие изменения картины мира, чем те, которые были даны в течение всего XIX столетия со всем блеском его кипучей умственной деятельности. Перед нами открываются горизонты негаданные – даже в самых смелых и фантастических утопиях будущего.

Будет ли этот съезд удачным? Примут ли в нем участие широкие слои русских натуралистов? Поймут ли они эту историческую задачу, которая теперь стоит перед ними? Или мутные волны временной реакции, тина, поднятая начинающимся движением из вековых давно нетронутых замутин, охватит их, не позволит им сомкнуться в дружной, энергичной работе?

А между тем в истории русской науки наступил момент исторической важности. Она должна завершить двухвековую свою работу последним штрихом. Она должна быть *сознана* в своем *мировом значении* русским обществом и самими русскими учеными.

Естествознание в России имеет вековую историю. Уже в середине XVIII века из русской среды выступили ученые, сразу ставшие в первые ряды общечеловеческой культуры [2] – Ломоносов, Румовский [3], Крашенинников [4], Афонин [5], Севергин [6], Лепехин [7], Попов [8], Петров [9] – несколько случайных имен из деятелей XVIII века. Кругом шла энергичная работа русских натуралистов того времени, ныне забытая, но тем не менее, составляющая основание нашей культуры. Благородные уроженцы мелких немецких государств и кантонов Швейцарии – академики XVIII века – «немцы», отдавшие лучшие свои силы и всю свою энергию новой родине, многочисленные «немцы» – любители и наблюдатели природы среди врачей, аптекарей, штейгеров и т.д., проникшие в самые глухие захолустья тогдашней России – создали уже в XVIII веке нашу неразрывную связь с вековой культурой Запада. Они остались в новой родине, слились и сроднились с русским обществом и в семьях создали традиции и связи с прошлым Западной Европы. Имена Палласа [10], Георги [11], Ренованца [12], Гмелина [13], Бернулли [14], Эйлера [15] ближе нам, чем Европе тогдашнего времени. Петербургская академия и Московский университет уже в то время стояли в первых рядах мировых научных учреждений.

В царствование Александра I был расцвет естествознания в России: создавались новые высшие учебные учреждения, новые кафедры, научные общества, новые музеи и новые лаборатории. Волна великих путешествий по России екатерининского времени, созданная инициативой Ломоносова, по инициативе гр[афа] Румянцева [16] перелилась в кругосветные плавания. Вне круга специалистов существовали в помещичьих усадьбах и (среди) нарожда-

ющейся интеллигенции натуралисты-любители. Их работа видна в частных собраниях, составляющих основы современных государственных музеев, в натурфилософских кружках и течениях.

Этому расцвету был нанесен страшный удар реакцией Николая I, гибелью цвета русского общества в декабрьском восстании. История естествознания этого времени не написана и не признана русским обществом – но ростки его оказались достаточно сильными, чтобы не только выдержать николаевский режим, но и неуклонно продолжать в невозможных условиях безграмотности и государственного невежества свой рост и развитие.

Незаметная работа ярко проявилась в эпоху освободительного движения 1860-х годов. Только тогда сказалось, как глубоко естественно-историческое мировоззрение проникло в русское общество. Шестидесятые годы и расцвет естествознания неразрывно слились в нашем представлении как нечто единое. Но они были подготовлены не влиянием Запада, а незамеченным ростом внутренней работы в русском обществе в течение нескольких поколений.

Рост естествознания 1860-х годов никогда не прекращался. Научная работа естественно-исторических институтов спасла университеты от вандализма устава 1884 года [17]. Научная работа не прервалась даже в пароксизм 1905 года. Если мы взглянем на цифры работ русских ученых, на количество русских имен, мелькающих в мировой хронике естествознания, мы увидим, как это количество неизменно растет, как все больше и быстрее мелькают родные русские имена в культурной летописи человечества. Две расы в последние 25 лет сделали огромный скачок в мировом научном производстве – англосаксонская и русская. Но при каком несравненном различии условий! И при каких ужасных условиях приходится нам идти рука об руку с счастливыми учеными Запада и Востока. То, что было создано *русским* обществом в литературе, музыке и искусстве, давно уже оценено и понято. Но до сих пор не оценена и не понята огромная творческая работа русских ученых, непрерывно блестяще развивающаяся в течение последнего полувека. А между тем по величине и по культурному значению она может и должна быть поставлена наравне с другими, всем ясными созданиями нашего национального гения.

Рано ли, поздно ли это будет признано, так как исторический процесс, неуклонно идущий два столетия среди самых неблагоприятных условий, не может быть остановлен человеческой волей. Однако для современника небезразлично, чтобы он сознал *это* годом ранее или годом позже.

Съезд может ускорить проникновение этого сознания в русское общество. Русские ученые должны понять свою силу, русское общество и правительство обязаны сознать ту национальную ценность, какою является научная работа России, русская научная деятельность. Особенно важно понять это теперь, когда вновь подымается призрак только что пережитого толстовского чудища [18] – устава 1884 года.

В общественной жизни психология имеет огромное значение. Если бы реальное соотношение сил было признано, многого бы не было из того, что нам приходится переживать.

Поймут ли это русские ученые – покажет начинающийся съезд.

«Речь», 28 декабря 1909 г. (10 января 1910 г.), № 355.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. XII съезд русских естествоиспытателей и врачей работал в Москве с 25 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. В.И. Вернадский открыл работу секции геологии и минералогии докладом «Парагенезис химических элементов в земной коре». В докладе он по существу сформулировал главные идеи новых наук: геохимии и космохимии.

2. В.И. Вернадский еще в 1900 г. опубликовал статью «О значении трудов Ломоносова в минералогии и геологии» и глубоко разрабатывал проблемы истории естественных наук в России. Помимо ряда статей о Ломоносове (см., например, «Общественное значение Ломоносовского дня»), в 1912 г. В.И. Вернадский прочитал курс лекций по истории естествознания в России в XVIII столетии. (Подробнее см. *Вернадский В.И. Труды по истории науки в России*. М.: Наука, 1988. 467 с.).

3. Румовский Степан Яковлевич (1734–1812) – астроном и геодезист, академик, вице-президент Петербургской академии наук. После смерти М.В. Ломоносова в течение 30 лет руководил географическим департаментом. Ученик Леонарда Эйлера (см. примеч. 15).

4. Крашенинников Степан Петрович (1711–1755) – исследователь Камчатки и Сибири, профессор ботаники, автор первого в мировой литературе исследования Камчатки. В «Очерках по истории естествознания в России в XVIII столетии» Вернадский писал: «С появлением Крашенинникова и Ломоносова подготовительный период в истории научного творчества русского народа кончился». (Цит. соч. С. 191).

5. Афонин Матвей Иванович (1739–1810) – естествоиспытатель, профессор Московского университета. Читал курсы по зоологии, ботанике, минералогии и земледелию.

6. Севергин Василий Михайлович (1765–1826) – минералог, химик, технолог, академик Петербургской Академии наук с 1793 г., впервые составил сводное описание минералов России. Один из учредителей Минералогического общества в Петербурге, член Стокгольмской академии наук.

7. Лепехин Иван Иванович (1740–1802) – путешественник и натуралист, академик Петербургской академии наук с 1771 г., с 1783 г. – непреременный секретарь. Руководитель академических экспедиций по Поволжью, Уралу и Северу в 1768–1772 гг.

8. Вероятно, имеется в виду Попов Никита Иванович (1720–1782), астроном – с 1751 г. академик Петербургской академии наук.

9. Петров Василий Владимирович (1761–1834) – физик, электротехник, академик. Опыты Петрова привели к открытию электрической дуги.

10. Паллас Петр Симон (1741–1811) – естествоиспытатель, академик Петербургской академии наук. В Россию приехал в 1767 г. Возглавлял академические экспедиции в Поволжье, Забайкалье, Сибирь. Автор первого систематического описания флоры России.

11. Георги Иван Иванович (Иоганн Готлиб, 1729–1802) – этнограф, натуралист, член Петербургской академии наук. Участвовал в экспедициях по изучению России. Занимался химией, медициной, историей научных открытий.

12. Ренованц Иван Михайлович (Ганс Микаэль, 1744–1798) – специалист по горному делу.

13. Вероятно, имеется в виду Гмелин Иоганн Георг (1709–1755) – натуралист, с 1731 г. – академик Петербургской академии наук, работал в России в 1727–1747 гг. Автор фундаментального описания флоры России, основоположник ботанической географии. Современником И.Г. Гмелина был его племянник Самуил Готлиб (1745–1774) – ботаник, тоже академик. Гмелину-старшему В.И. Вернадский дает такую характеристику: «Гмелин был добросовестным ученым, стоявшим на уровне современного ему знания; но это не был талантливый человек, (он) не был широким и глубоким наблюдателем. Он был врачом, ботаником, химиком; много знал, но творчества у него не было». (Цит. соч. С. 186).

14. Бернулли Даниил (1700–1782) – швейцарский ученый, занимался математикой, механикой, медициной и физиологией, с 1725 г. – академик Петербургской академии наук. В России написал знаменитый труд «Гидродинамика», вывел носящее его имя уравнение стационарного движения идеальной жидкости.

15. Эйлер Леонард (1707–1783) – один из величайших математиков XVIII века. В 1727–1741 гг. работал в Петербургской академии наук, затем в Берлине, а с 1766 г. до конца своих дней – вновь в Петербурге. Член Петербургской, Берлинской, Парижской академий, Лондонского королевского общества, участник технических экспертиз инженерных проектов. Об Эйлере В.И. Вернадский писал: «Эйлер создал школу русских математиков и положил прочное

начало тому блестящему состоянию математического преподавания в России, которое сказало уже при его жизни, в екатерининское время, и которое вызвало непрерывный рост творчества в разных областях математических наук в России в послеэйлерово время. Но Эйлер вел здесь, в Петербурге, что еще более важно, огромную самостоятельную творческую работу, как в области анализа, так и всех тогдашних отделов математики. (...) Он вел самостоятельную работу в области математической физики, в том числе и гидродинамики, законы и обобщения в которой еще раньше него создавались здесь же в Петербурге, Бернулли; его работы по астрономии, как в отделах, близких к мореплаванию, так и в труднейших задачах небесной механики, например в теории Луны, достигали крайних пределов человеческого знания того времени. Эти творческие усилия, происходившие в Петербурге того времени, несомненно уже своим проявлением должны были создавать в нем ту высокую атмосферу духовной жизни, которая не улавливается в исторических документах, но между тем создает среду и основания, на которых строится традиция и в конце концов из которых идет и слагается вся умственная культура жизни страны». (Указ. соч. С. 221).

16. Румянцев Николай Петрович, граф (1754–1826) – государственный деятель, организатор науки, меценат. В 1807–1814 гг. – министр иностранных дел, одновременно, в 1802–1814 гг. – министр коммерции, в 1810–1812 гг. – председатель Государственного Совета. При поддержке Румянцева были организованы первые российские кругосветные экспедиции И.Ф. Крузенштерна (1803–1806 гг.) и О.Е. Коцебу (1815–1818 гг.). В 1817–1825 гг. Румянцев совместно с Российско-Американской компанией финансировал ряд морских и сухопутных экспедиций, организованных для исследования Арктики. Помимо этого Румянцев субсидировал и координировал археологические и этнографические экспедиции, создал Румянцевский музей с уникальными этнографическими и нумизматическими коллекциями и собранием книг.

17. См. примеч. 3 к статье «О профессорском съезде».

18. Толстой Дмитрий Андреевич, граф (1823–1889) – государственный деятель. Один из наиболее консервативных министров в правление Александра II, в 1865–1880 гг. – обер-прокурор и одновременно (с 1866 г.) – министр народного просвещения. С 1882 г. – министр внутренних дел и одновременно шеф корпуса жандармов, с того же года – президент Петербургской академии наук.

РАЗГРОМ

I

Наш век – XX век – есть век науки и знания. С каждым годом, каждым днем сила знания увеличивается во всех областях жизни, мысли, общественного, домашнего, государственного строительства. Она захватывает собой все стороны человеческого существования. И нет сомнения, что великий исторический процесс только начинается: едва ли можно в самой смелой фантазии представить себе, что даст научное знание к концу XX века, если темп его развития будет увеличиваться так же неуклонно, как он рос эти последние 100 лет. А все указывает, что мы присутствуем только при зарождении техники, только при первых шагах окрепшей вековым опытом человеческой творческой мысли...

В этот век, в наше время, государственное могущество и государственная сила могут быть прочными лишь в тесном единении с наукой и знанием. В беспощадной борьбе государств и обществ побеждают и выигрывают те, на стороне которых стоит наука и знание, которые умеют пользоваться их указаниями, умеют создавать кадры работников, владеющих последними успехами техники и точного мышления. Еще недавно на полях Маньчжурии и на водах Тихого океана мы жестоко заплатили за непонимание этой азбуки государственной жизни XX века.

II

Сейчас мы стоим перед новым национальным бедствием, тесно связанным с той же коренной ошибкой государственного понимания. Мы стоим перед разгромом Московского университета, Киевского политехникума – перед глубоким потрясением всего высшего образования нашей родины [1]. Высшая школа не есть *только* учебное заведение; больше того, – она может почитаться высшей школой только тогда, когда она выходит из рамок школы и становится научным учреждением, когда она является независимым центром научной мысли нации. История высшей школы XIX века, создание новых ее типов, увеличение ее значения, ее влияния на государственную и общественную жизнь тесно связано с этой новой ее функцией, случайной и неважной в прежние столетия. Университет XX века только по имени, по генетической связи может быть сравним с университетом XVII и XVIII столетий. Он в корне изменялся по мере роста научного знания, и конец XIX века увидел зарождение нового типа высших школ, еще теснее связанных со своеобразно развившейся научной мыслью. Каждый день нас приближает к еще большему увеличению государственного значения новой высшей школы.

Удар по высшей школе есть удар по центрам научной мысли и научного творчества нации. Каждая новая высшая школа увеличивает силу нации в научном творчестве, укрепляет национальную организацию в той области государственной жизни, значение которой часто не понимается, но которая составляет основной элемент будущей мощи и силы государства, неизбежное условие его защиты в наш суровый век беспощадной мировой борьбы за государственное существование. Гибель или упадок высшей школы есть национальное несчастье, так как им подрывается одна из основных ячеек существования нации.

III

Великое несчастье России заключается в том, что это часто не понимается. В пылу партийных страстей, мелких расчетов и интриг забывается значение для страны этих неполитических элементов ее жизни, необходимых для устойчивого мирового существования.

Никогда, кажется, глубокая трагедия болезненного и трудного приспособления нашего государственного организма к новым формам жизни человечества не поднималась с такой силой и болью, с какой она поднялась за эти последние месяцы.

Высшая школа получила первый удар уже в том, что она сделалась ареной политической борьбы в ее самой убийственной и недопустимой для школы форме. Все растущее недовольство условиями нашей общественной и государственной жизни вновь поднялось, найдя себе выражение в форме школьной забастовки [2], внесло огромное потрясение в жизнь национальных научных учреждений.

На эти удары изнутри вскоре последовали не менее губительные удары извне, отчасти вызванные борьбой с забастовками, отчасти имеющие более глубокие корни, тесно связанные с общими причинами государственного нестроения.

Кажется, впервые в русской истории громко были высказаны вызвавшие их основания. Раньше историк находил их в глубинах архивов. Дворянский съезд в Петербурге в своих речах и постановлениях развернул перед всем миром картину поразительной свободы от наук. В XX веке мы услышали живых персонажей Фонвизина. Одновременно с этим министр народного просвещения публично произнес холодную, оскорбительную оценку вековой работы русских университетов – оценку, по существу несправедливую и неверную (интервью в «Новом Времени») [3]. Едва ли когда в какой-либо стране было бы мыслимо такое отношение к национальному достоянию со стороны представителя власти.

Но высшей школе не только пришлось слышать слова – она одновременно подверглась и «делам».

IV

Над высшей школой проявлен эксперимент «твердой власти». Он привел к неизбежному уходу из нее сотни преподавателей.

Исполняя великое национальное дело, производя работу исключительной государственной важности, высшая школа должна обладать элементарными основаниями нормальной деятельности.

Она может расти и расцветать лишь при наличии автономии и свободы преподавания. И то и другое условие неизбежно вытекают из особого положения ее в государстве: *в своей области* она не может терпеть авторитета каких бы то ни было сторонних ей государственных учреждений. Выяснение этого принципа является достоянием тысячелетней истории высшей школы.

Но автономия и свобода преподавания тесно связаны с высоким понятием личного достоинства, полной личной независимости в академической области, высоким положением преподавателей высшей школы в среде родной их страны.

Они не могут переносить без определенного и достойного ответа оскорблений и унижений, каким подвергаются они сами или составляемая ими автономная коллегия. В известных случаях подчинение такому унижению, безропотное перенесение оскорблений ведет к полному разрушению основ существования школы, так как лишает ее возможности возродиться сильной, живой и свободной, когда наступят лучшие времена государственной жизни.

В Московском университете ясное сознание такой ответственности выразилось в уходе сотни преподавателей, не видевших возможности подчиниться унижению, оскорблению, участвовать в моральном разрушении величайшего национального учреждения.

К такому тяжелому шагу вынудило их убеждение в первенстве нравственных принципов во всех сторонах жизни. В данном случае он был сделан еще при особом условии – при ясной уверенности в неизбежном наступлении лучших времен.

Московский университет теснейшими узами связан со всей жизнью нашей страны, и живая вера в силу и мощь русского народа делает невероятной продолжительность переживаемого нами его разгрома.

Его возрождение будет великим праздником русской жизни. Оно теснейшим образом связано с ростом и прояснением национального самосознания. Этот день не за горами.

«Русские ведомости», 23 февраля 1911 г., № 43.

ПРИМЕЧАНИЯ

Повторные публикации статьи последовали в 1989 г.: Город и человек. М., 1989. Вып. 2. С. 408–411 и Начало и вечность жизни. М.: Сов. Россия, 1989. С. 220–225.

1. 11 января 1911 г. Совет Министров издал постановление о запрещении студенческих организаций и сходок. Администрации высших учебных заведений предписывалось исключать студентов, нарушающих это постановление, и установить строгий надзор за тем, чтобы в учебные заведения не имели доступа посторонние лица. В ответ на это постановление студенты Петербургского университета приняли решение о забастовке на весь весенний семестр. К ним присоединились студенты 11 вузов Петербурга, студенты Одесского, Киевского университетов, Киевского политехнического института, но особенно драматичными были события в Московском университете. Вопрос об участии в забастовке должна была решить сходка, назначенная в Московском университете на 27 января. В здание университета была введена полиция. Это еще более усилило возмущение студентов. Ректор А.А. Мануйлов заявил, что меры правительства, фактически уничтожившие автономию университетов, и открытое вмешательство полиции в дела университета создали «совершенно необычайное положение», при котором университетская администрация бессильна обеспечить нормальный ход занятий, и сообщил о своем намерении уйти в отставку. Аналогичные заявления сделали помощник ректора профессор М.А. Мензбир и проректор профессор П.А. Минаков. (Подробнее об этом см. в статье «1911 год в истории русской умственной культуры»). В знак протеста против действий министра народного просвещения Л.А. Кассо значительная часть профессоров, приват-доцентов, подали заявления об отставке. Всего из Московского университета было уволено 130 профессоров, приват-доцентов и преподавателей, что составляло более трети всех работников университета. Приказом Л.А. Кассо от 16 февраля 1911 г. из Московского университета было исключено 370 студентов; всего за период с 11 февраля по 4 марта 1911 г. было исключено более тысячи студентов.

Студенты Киевского политехнического института поддержали столичное студенчество: забастовка студентов здесь проходила с 29 января по 8 апреля 1911 г. Группа профессоров института заявила протест против постановления 11 января и реакционной политики в отношении высшей школы. 5 февраля 1911 г. приказом Министерства торговли и промышленности, в ведении которого находился Киевский политехнический институт, были уволены три декана отделений, профессора А.В. Нечаев, К.Г. Шиндлер и С.П. Тимошенко. Семнадцати профессорам, подписавшим протест, был объявлен выговор. В знак протеста против административного произвола подали в отставку 7 профессоров: Н.А. Артемьев, Ю.Н. Вагнер, С.А. Иванов, А.В. Ключарев, Л.В. Писаржевский, Д.П. Рузский, М.М. Тихвинский и ряд преподавателей и лаборантов.

2. «Школьной забастовкой» В.И. Вернадский называет забастовки в высших учебных заведениях после постановления 11 января 1911 г.

3. В интервью газете «Новое время» Л.А. Кассо отметил: «Наиболее печальным явлением я считаю научный упадок университета, понижение его научной производительности, недостатки высшего преподавания. Но тут не в состоянии помочь никакие уставы, никакие законы (...) Я предполагаю отправить за границу достаточное количество молодых людей для подготовки к профессуре... Таким образом, через 3–4 года мы будем иметь достаточное количество вполне подготовленных профессоров (...)» («Новое время», 2 февраля 1911 г.).

1911 ГОД В ИСТОРИИ РУССКОЙ УМСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

I

В истории русской умственной культуры 1911 год останется памятным.

Столкновения между требованиями достойного человеческого существования и навыками русской бюрократии приняло в этом году в области культурных организаций страны трагический характер.

Русская умственная культура в XIX и начале XX веков может считаться созданием *общественной самодеятельности*. Государственная организация большею частью являлась враждебным ей элементом; бывали года, когда даже пассивное отношение ее органов к исполнению логически принадлежащего им удела было уже исторической заслугой.

Наиболее резко эти антикультурные тенденции сказались в ведомстве, прямой государственной функцией которого должна была бы являться работа на пользу русской умственной культуры, – в ведомстве Министерства народного просвещения. Здесь немногие светлые годы, когда оно исполняло свою государственную обязанность, скрываются в тех временах, когда весь его строй принимал узкопартийный характер, доходил даже до полного извращения – до разрушения национальной культурной работы.

Но и для этого ведомства то, что случилось в 1911 году, является исключением. Едва ли когда узкополицейская разрушительная работа государственной организации бывала проводима так активно, с такой последовательностью и с такой свободой от государственных обязанностей, как в этом году. Аналогию надо искать в деятельности Магницкого и Рунича [1], в проектах бутурлинского комитета [2] или в тех, которые носились в узкопартийных, невежественных кругах высшей бюрократии начала 1880-х годов.

Это – больше чем аналогия, ибо действительное возвращение к идеалам этих годов стало задачей реальной политики. Для высшей школы это означало попытку проведения в жизнь устава 1884 г. [3], уничтожение всего того, что было долгой борьбой достигнуто за последние 10 лет. Министерство вновь вступило на опасную и безнадежную дорогу, которая уже привела раз к разгрому нашей высшей школы, к анархии 1898–1906 годов! Это слишком скоро забыли! То, что было анахронизмом и безумием 27 лет тому назад, подымается вновь. В обществе живых людей пытаются ввести наряженные, разлагающиеся трупы...

Ибо устав 1884 года уже давно является трупом. По своей грубой, элементарной концепции он не может войти в жизнь. Та смута, которая внесена в этом году в жизнь высшей школы и последствия которой придется нам учитывать еще долго, – вызвана им. Как образно выразился депутат проф. Капустин [4], министерство применило метлу дворника в неподобающем месте. Оно поставило себе неисполнимую задачу: провести в жизнь, в среду свободных людей XX столетия мрачное создание министерских канцелярий, корнями связанное с традициями Магницкого.

Устав 1884 года сведен на нет стихийно, силами внешними, своей внутренней конструкцией.

Он одновременно встретился с сопротивлением русского общества и с его ростом, с реальными потребностями русского государства, выступившего

в конце XIX века на традиционный путь мировой политики, с несовершенством организации Министерства народного просвещения, с академическими традициями, уже вошедшими в плоть и кровь русской школы, с великой научной организацией человечества.

Эти условия его гибели создали ту историческую атмосферу, в какой мы живем. Они живы, пока не отошел в область преданий устав 1884 г. Они живы, так как составляют часть исторических устоев существования нашей родины. Перед ними бессильны самые разрушительные стремления политиков. Смешно думать, что их может побороть русская бюрократия.

II

Устав 1884 г. был введен среди борьбы.

Как известно, он не мог пройти при Александре II и застрял в дебрях тогдашнего законодательства. Спешно, в благоприятную минуту был он вновь выдвинут в 1883 г. Долго шансы его стояли непрочно. Но, наконец, путем фальсификаций он был проведен в жизнь; граф Делянов [5] представил Государственному Совету для ускорения дела данные о состоянии высшего образования в 1880-х годах, в действительности относящиеся к периоду за 10–12 лет раньше. Правительство приняло эту законодательную меру первостепенной важности на основании данных, не отвечающих действительности. Сведения представить было нужно, а собирать их было опасно, так как можно было упустить удобную минуту. В темноте и скрываясь, прошла в жизнь одна из самых темных реформ русской истории. И этим она явила как бы прообраз всей своей конструкции, ибо и явно она шла под личиной свободы науки и свободы преподавания, в действительности уничтожая и эту свободу, и всякое проявление академической самодеятельности.

Удобным моментом для ее проведения явились студенческие беспорядки. Их прекращение было ее первой, основной задачей. Несомненно, вначале это было достигнуто; удар заставил примолкнуть проявления студенческого движения. Но вскоре, усилив недовольство, не давая никакого законного выхода естественным стремлениям молодежи к общению, к свободной человеческой жизни, «реформа» 1884 года привела к диаметрально противоположным результатам; она вызвала расцвет, раньше неслыханный, тайных студенческих организаций, постепенно перешедших на политическую почву. Борьба с ними на жизнь и на смерть привела, в конце концов, к полной дезорганизации академической жизни. *С 1898 года и до 1906 года правильного преподавания в высшей школе не было*; школа находилась в состоянии анархии, с которой энергично боролась русская профессура, так как начальство не имело никакого нравственного авторитета, опиралось только на силу, потеряло голову. Своими действиями оно разрушало школу не менее, чем самые сильные студенческие забастовки.

«Реформа» оказалась бессильной бороться со студенческими движениями. И это было признано всеми; не решились в это время, когда вопияли камнями, возражать и примолкнувшие ее носители.

В то же время ее пагубное влияние на силу и мощь нашей страны вызвало в среде самого правительства стремление парализовать ее значение. Одной из задач устава 1884 г. было *уменьшение количества студентов* и прекраще-

ние доступа к высшей школе бедным группам населения. С этой целью граф Делянов достиг в конце XIX века совершенно невероятного факта в истории просвещения нового времени: он задержал рост высшей и особенно средней школы. При быстром увеличении населения, его стремлениях к знанию, осложнении жизни, при все увеличивающейся мировой конкуренции, где, в конце концов, побеждает только умственная сила, – Делянову удалось абсолютно уменьшить количество учащихся в мужских средних школах России. Едва ли можно оценить, каких это требовало усилий и какой вред нанесен нашей родине этим государственным преступлением, – едва ли можно сейчас охарактеризовать его иначе, как этим словом.

В то же время новые высшие школы не учреждались. Когда министерство вынуждено было их открывать, – оно заменяло одно другим. Под именем «университетов» оно образовывало отдельные факультеты. Оно ввело в России форму школ, которая как раз в это время, в 1885 году, была признана государственно вредной и пагубной для культуры в единственной стране – во Франции, где был исторический опыт этого рода учреждений [6].

Когда было можно, высшие школы прямо разрушались, как было приостановлено и разрушено в это время высшее женское образование [7].

Но хода истории долго безнаказанно задерживать нельзя. Стихийно жизнь дает совершенно неожиданные выходы. Часть правительства, – тогда не «объединенного», – Министерство финансов, не имея возможности изменить политику Министерства народного просвещения, начало само исполнять его функции, ибо этого требовала государственная необходимость. Оно не только открыло стране новые средние школы, но и создало настоящие высшие школы – не отдельные факультеты, а политехнические университеты. Здесь, как и во многом другом, сказался государственный смысл графа С.Ю. Витте [8].

Деятельность Министерства народного просвещения была окончательно дискредитирована. Обществом мало-помалу, огромными усилиями, вновь было восстановлено высшее женское образование. В немногие годы относительной свободы оно сумело создать ряд высших учебных заведений. В настоящее время высшая русская школа, мало зависимая или независимая от Министерства народного просвещения, обеспечивает страну от Цусимы, от тех ударов русской культуре, какие были проведены в 1884 году и к которым ведет 1911 год.

III

Наряду с внешними силами, в том же направлении действовал ряд причин внутренних. Небезнаказанно прошло для создателей устава 1884 г. провозглашение принципов свободы науки и свободы учения. Они хотели обмануть общество громкими лозунгами и вызвали духов, с которыми не справились. Институт приват-доцентов создал коллегия младших преподавателей и оживил научное преподавание; он позволил поставить его в России на необычную высоту. Усилив значение в академической жизни коллегии младших преподавателей, устав 1884 г., не желая того, изменил характер автономии, складывавшейся после 1863 г. Он изменил его в сторону противоположную той, к какой стремилось министерство, ибо еще больше уменьшил его реальное влияние на ход дела.

Гонорар заставил самых «благонадежных» профессоров противиться уменьшению числа студентов. В то же самое время он поставил многих профессоров независимо от министерства, ибо не так легко было их распределять по благонадежности. Еще больше неприятностей пришлось вынести министерству от вызванного им духа свободы науки.

На каждом шагу жизнь выводила из устава 1884 г. следствия, противоположные желаниям законодателя. Не желая давать университетам самостоятельности, министерство не провело штатов, отвечающих требованиям жизни. Этим оно сделало возможным существование и рост университетов лишь при достаточных специальных средствах. Между тем, увеличение этих средств было связано с увеличением числа студентов. И об этом увеличении должно было неожиданно для министерства – заботиться самое «благонадежное», назначенное им правление, которому приходилось действовать в жизни, а не на бумаге, управлять растущим огромным научным учреждением со сложными и разнообразными потребностями.

Вместе с тем, совершался глубокий процесс морального характера. Академическая среда в целом стала нравственно выше ставленников министерства. Ибо в 1884 г. широко был открыт путь к карьере путем всяких искательств в министерской среде. Отбор совершился довольно быстро, ибо академические конфликты, которые ставила жизнь, постепенно заставляли значительную часть коллегии сторониться от этого пути унижений и исканий, сторониться начальства. Ряд неудачных назначений и уровень среды центральных органов министерства и его высших чинов в провинции еще более уединял от него профессорскую коллегию. Между академической коллегией и министерством была создана непроходимая пропасть. Эта пропасть не могла и не может быть никогда заполнена, ибо устав основан на *подчинении* русской бюрократии свободных людей, производящих великую национальную работу, создающих силу нации и кующих ее будущее.

Оторванный от академического управления, тесно связанный с великим научным движением человечества, учительский персонал высшей школы ушел больше в науку, чем когда бы то ни было раньше в России. Устав 1884 г., дав досуг профессорам от забот об университетском управлении, увеличил неожиданно их научную силу и тем подготовил себе гибель. Я помню, что в тяжелый период 1898–1905 годов, когда кругом разражалась анархия и студенчество стало лицом к лицу с полицией и университетским начальством и когда начались первые активные попытки профессорской коллегии внести какие-нибудь элементы примирения и компромисса в две борющиеся стороны, грозившие разрушением высшей школе, – для нас, профессоров, впервые сошедшихся вместе в общем деле, было совершенно неожиданным общее настроение нашей среды, ее тон и ее правильное академическое чувство.

Научная работа, лаборатории, семинарии, институты с их своеобразной жизнью и с их чистыми глубокими интересами позволили профессуре перенести тяжелые годы безвременья. Они не дали возможности министерству подготовить в это время послушных чиновников на место старых академических деятелей александровского времени. Молодежь, воспитанная под сенью устава 1884 г., явилась его первым врагом.

И это неизбежно, ибо научная работа развивает чувство личности и *личного достоинства*. Она вырабатывает свободного человека, стоящего в сред-

нем гораздо выше того уровня, который может от души подчиняться министерству.

В то же время, русская научная мысль находилась в теснейшем научном и личном общении с великой международной семьей ученых Европы и Америки. Мы встречались с ними, как равные с равными. В этом общении мы на каждом шагу чувствовали, какую величайшей национальной важности работу мы совершаем. Мы постоянно сравнивали, в какие условия поставлена эта работа у нас и там, что делают функции государственного управления у нас и там, какими людьми и традициями они представлены у нас и там. И можно смело сказать, что пока русские профессора будут стремиться к научной работе и будут научно работать, все стремления министерства сделать из них приниженных и униженных слуг будут напрасны. Ибо *мы* знаем, что мы, а не Министерство народного просвещения, делаем национальное и общечеловеческое дело. Мы знаем больше: русские ученые совершили свою научную работу *вопреки* государственной организации, при отсутствии самых элементарных условий общественной безопасности. Они стали при этом рядом, как равные по силе, со своими товарищами Запада и за океаном, которые совершали эту работу или *при помощи* государства, или при государственной организации, обеспечивающей им возможность спокойной научной работы.

В огромном своем большинстве академическая среда чужда политике. Только тяжелые условия нашей жизни принудили нас с ней считаться, долгим печальным опытом мы поняли, как много связано для нашего национального дела с политическими стремлениями родины. Академическое движение 1904–1906 годов не было движением политическим, тем менее оно было партийным, – оно хотело создать условия, необходимые для сильной и правильной организации академической и научной жизни России. И было постольку политическим, поскольку для этого требовалось признание элементарных прав человеческой личности.

IV

К 1905 году академическая жизнь была неузнаваема по сравнению с тем, что было в 1885 г. К этому времени от устава 1884 г. и его вожделений ничего не осталось. Высочайший указ 1905 г. [9], создав первые нормы автономии, должен был дать необходимый временный *modus vivendi*; за ним сейчас же должен был пройти новый университетский устав, обеспечивающий рост высшей школы на почве автономии. Seriously говорили о проведении его в первую сессию первой Государственной Думы – в 1906 г.. Состоялось даже Высочайшее повеление, до сих пор неисполненное, о замене устава 1884 г. другим на почве автономии.

События разворачивались быстро. Проекты устава сменялись новыми проектами, все более серыми. Жизнь шла, проекты чернели и приближались к черной хартии 1884 г.

Пока это шло, приходилось жить, надо было действовать в рамках устава 1884 г., подтачивающей его практики, сложившейся за 20 лет, и резко противоречащей ему указа 27 августа 1905 года.

Указ 27 августа 1905 г., изданный при определенной политической конъюнктуре под влиянием двух таких различных государственных деятелей, как князь С.Н. Трубецкой [10] и Д.Ф. Трепов [11], недолго мог устоять при изменившихся условиях.

Сразу начались стремления свести его на нет.

Согласно обычной политике, пошли не прямым путем. Достигли своего не отменой Высочайшего указа 27 августа 1905 г., а обезвреживанием его – кодификацией, разъяснениями, практикой, опирающейся на силу, хотя бы и противоречащей закону.

На это потребовалось шесть лет. Закончено это было в истекшем 1911 г. И этим год этот становится для нас исторической датой.

Пока шла эта мелочная и упорная борьба, жизнь текла своим путем и пока что совершалась огромная культурная созидательная работа. Количество высших школ почти удвоилось. Выработаны и введены в жизнь новые программы, количество студентов и студенток достигло почти сотни тысяч, введены новые, раньше не бывшие, предметы преподавания и созданы новые институты, улучшены лаборатории и научные пособия. Это было сделано как в казенных, так и в частных учреждениях. В казенных высших школах на это были направлены специальные средства, выросшие вследствие увеличения учащихся и улучшения хозяйства под влиянием автономии. Трудно представить себе, какие авгиевы конюшни были найдены в хозяйстве высшей школы, где хозяйничали люди 1884 года. В то же время значительные новые средства были привлечены к созидательной работе в этом направлении в частных и общественных высших школах. Вековые стремления студенчества к организации, к свободной общественной жизни получили реальное осуществление, хотя и были сильно сужены позже, к 1911 году, по сравнению с 1904 годом. Традиция академического самоуправления вошла в плоть и кровь и не может уже быть забыта или уничтожена. Одновременно свободным почином общества создан был новый тип высших школ – коммерческие институты, третий тип университетского характера. Образовались высшие народные и городские университеты, частные специальные высшие технические школы. Широко раскинулась высшая женская школа. Началась созидательная работа в образовании научных организаций, далеких от школьного учения.

V

1911 год начался, когда университетская автономия юридически перестала существовать. Указ 27 августа 1905 г. сперва кодификационным путем был включен, как примечание, к уставу 1884 г.! Затем, в споре Совета Московского университета с Министерством народного просвещения, он был разъяснен Сенатом в 1909 г. и этим разъяснением сведен на нет.

Создававшаяся на его почве академическая жизнь потеряла легальную почву, стала только терпимой и, очевидно, находилась в неустойчивом состоянии. Оставалось только ждать первого сильного толчка для приведения ее в новые условия, отвечавшие реальной жизни. Такой толчок не заставил себя долго ждать.

Но прежде чем перейти к нему – к трагедии 1911 года, надо отметить, что и с другой стороны положение было выяснено. В 1910 г. в Государственную

Думу был, наконец, внесен новый университетский устав. Это был самый черный из всех уставов, выработывавшихся в 1905–1909 гг., ибо он имел своей задачей провести status quo ante под видом исполнения Высочайшего указа о выработке, взамен устава 1884 г., нового на принципе автономии. Автономии в этом проекте А.Н. Шварца 1910 г. не было и помину. Новый министр Л.А. Кассо [12] взял этот проект в 1910 же году назад, но не стал заботиться о замене его новым.

Едва ли можно жалеть об этом решении. Что могут дать органы законодательства и управления в России при современных условиях?

Но если этот шаг является для университетов безразличным, то далеко не так надо смотреть на связанные с новым уставом новые штаты. Их изъятие составляет крупный удар развитию университетов, ибо штаты, по проекту А.Н. Шварца, значительно улучшали положение университетов. Несомненно, при широкой наличности в академической среде значительного числа преданных науке работников, они могли и должны были содействовать росту научной мысли и научной работы в России. Новые штаты, отвечающие современным условиям, – это то, что могут дать положительного министерство и законодательные палаты современного уровня. На это можно рассчитывать каждому реальному политику, и гибель этой, вполне осуществимой, надежды должна была подготавливать к мрачному прогнозу начинающегося года.

Трагедия разыгралась, как всегда, студенческими волнениями, начавшимися по частным, случайным поводам еще в предыдущем полугодии и успокоившимися перед рождественскими каникулами. Они были вызваны вновь в январе совершенно неожиданным, едва ли законным распоряжением Совета Министров от 11 января, запретившим всякие студенческие собрания в стенах высшей школы, и последующим циркуляром министра народного просвещения 17 января о выработке новых мер против студенческих беспорядков. Распоряжения эти имели характер вызова; и, действительно, они привели к новому взрыву беспорядков, которого университетские власти не ждали и не хотели студенческие массы. В общественной среде циркулировало даже мнение, не являлось ли целью кабинета П.А. Столыпина вызвать движение, как было, по словам адмирала Дубасова [13], сказанным одному из корреспондентов, сознательным актом допущение московского «восстания» 1905 г. Мне кажется, что такие подозрения, нашедшие себе выражение в одной из статей князя Г.Н. Трубецкого [14], слишком тяжелы даже для политики Столыпина; дело объясняется проще – плохой организацией Министерства народного просвещения, его отчужденностью от русской жизни; у него не было других, кроме полицейских, форм воздействия на академическую жизнь. Волнения начались в Петербурге, перешли в Москву и в провинцию. Очень скоро они вылились в бессмысленные и безумные формы забастовки.

Движение было очень неровное и мало единодушное, кроме некоторых высших женских школ. Оно было сильнее в тех учебных заведениях, где больше сохранилось остатков автономии, ибо там оно могло идти безопаснее, и студенты могли пытаться стоять на академической почве. Между полицейскими властями и студентами там стояла коллегия профессоров и гарантировала до некоторой степени от диких жестоких мер укрощения. Эти житейские соображения исчезают только в моменты стихийных серьезных движений, когда люди идут на все, как мы это не раз видали в 1898–1905 гг. Движение

1911 г. не было серьезным движением, не имело корней в студенческой среде и потому оно сразу приняло самую губительную форму – форму забастовки, освященную печальной практикой русской академической жизни.

Забастовка – самая дикая и самая ужасная форма студенческих беспорядков. Ее легче провести, так как она – форма *пассивная* и имеет ореол успеха. Несомненно, она имеет сочувствующих в кругах общества, не задумывавшихся над жизнью высшей школы. Трудно, однако, даже исчислить тот вред, какой приносила и приносит высшей школе эта форма борьбы. В ее истории она стоит наравне с университетским уставом 1884 г. Она не только разрушает всю учебную жизнь школы, но пагубно отражается на молодежи, приучая ее к безделью и внося в нее разврат, ибо после ее прекращения жизнь заставляет какими бы то ни было путями – обычно унижительными – уменьшать нанесенный ею отдельным лицам практический вред. Это резко сказалось и в этом году, когда явные участники забастовки шли на все, чтобы сохранить формально в действительности погибший год – сохранить переходные и очередные экзамены...

Моральная дезорганизация студенчества, как следствие забастовки, особенно ярко сказалась в этом году ввиду ее полной реальной неудачи. Ее впечатление на общество было ничтожно, об общественном значении ее едва ли можно серьезно говорить. Тысячи людей были выброшены из учебных заведений. Долгий путь унижений, лишений, нравственных компромиссов пришлось пережить широким кругам молодежи для того, чтобы получить возможность продолжать свое учение. Было бы большим счастьем, если бы этот жестокий урок не прошел бесследно.

Вместе с тем, эта забастовка явилась как раз той каплей, которая нарушила неустойчивое равновесие и привела к разгрому Московского университета.

Московский университет стоял неуклонно в первых рядах борьбы за автономию, начиная с 1899 г., когда была подана министру народного просвещения Н.П. Боголепову [15] и многим высокопоставленным лицам группой профессоров записка, написанная после совместного обсуждения В.И. Герье [16] и В.О. Ключевским [17].

В течение всего этого времени московская профессура неуклонно стояла, частью в действиях отдельных своих представителей, частью в лице своих коллегиальных органов, на том же самом пути академической автономии, которая была выставлена и в этой записке. Достаточно вспомнить ту роль, какую играл в истории русской культурной жизни в эти годы один из крупнейших ее представителей, проф. князь С.Н. Трубецкой. Князь Трубецкой не только своей жизнью и своей смертью, но и словами лучше всего выразил принципы поведения московской профессуры: университет для науки, но не для политики. Московская профессура открыто и определенно боролась за этот принцип, как против толпы, захватившей университет при попустительстве властей осенью 1905 г. и сразу создавшей невозможную академическую атмосферу, против студенческих организаций, выдвинувших принцип особой «небуржуазной» науки, в отличие от науки университетской, и находившихся в руководительстве комитетов левых партий, как мы знаем теперь, уже захваченных щупальцами политической полиции, с которыми они находились в неизвестном для самих комитетов единении [18]. Но точно так же, как боролась она против *левой* политики, она боролась против политики *пра-*

вой – против вмешательства сменяющихся настроений различных министров народного просвещения и их чиновников во внутреннюю жизнь университетов и против хозяйничанья в нем полицейских властей. Длинный ряд столкновений завершился, как я уже говорил, борьбой в Сенате за Высочайший указ 27 августа 1905 г., которая кончилась поражением Совета Московского университета.

Огромная солидарность профессорской коллегии Московского университета, несмотря на различие ее политических взглядов, позволила Московскому университету удержать принципы автономного управления дольше, чем многим другим университетам, фактически потерявшим автономию и перешедшим во власть попечителей и министерских канцелярий. Первым в новые условия на старый лад был поставлен университет Новороссийский в Одессе. Давно было ясно, что изменение условий жизни и в Московском университете есть дело времени и случая.

При начале студенческих волнений в январе 1911 г. Совет и выборная университетская администрация по-прежнему самым энергичным образом боролись против забастовки, которая шла в Московском университете вяло, и можно было надеяться, что она окончится без тяжелых последствий для университета. Забастовка встретила сопротивление не только в профессуре, но и в студентах. Совершенно неожиданно, однако, университетская администрация оказалась в этот момент в новом для нее положении. Во время волнений она впервые за все эти годы оказалась отстраненной от управления университетом; в университет произвольно являлась полиция и распоряжалась согласно своим данным и своим инструкциям. Положение университетского начальства стало унижительным, и роль, которую ему приходилось играть, не отвечала ни достоинству профессора вообще, ни тем нравам, которые установились в Московском университете и которые позволили ему достигнуть в эти последние шесть лет небывалого в его долголетней истории расцвета. Университетское начальство никогда не могло знать, чем кончится любой день и какие последствия вытекут из самой пустой студенческой истории, ибо хозяином университета в это время являлась полиция. Положение стало быстро сгущаться еще больше, ибо в первые же дни выяснилось, что дело идет не только о мерах против участников действительно происходивших сходов. Появились признаки о подготовлявшихся мероприятиях более общего характера: начались, например, запросы о поведении отдельных лиц преподавательского персонала, основанные на агентурных сведениях; полицейские власти стали не только прекращать волнение, но подбирать аудиторию читающему профессору и т.п. Выборная, на почве указа 27 августа 1905 г., администрация стала в положение, которое этим указом не предвиделось. Нельзя было предугадать, в какое еще более тяжелое и унижительное положение приведут ее быстро развертывавшиеся события.

Не видя выхода, ректор А.А. Мануйлов [19], помощник ректора М.А. Мензбир [20] и проректор П.А. Минаков [21] решили подать в отставку от административных должностей, о чем уведомили советскую комиссию. Последняя в полном своем составе признала мотивы отставки уважительными, и в этом смысле, с ее ведома, заявление президиума было внесено в Совет университета, который принял отставку всеми голосами против одного. Само собою разумеется, подавая в отставку от выборных должностей, президиум ни на

минуту не прекратил и не думал прекращать взятых им на себя обязанностей. Не ожидая репрессий, он вел управление университетом по-прежнему. Мотивы, выясняющие положение дел, были изложены в представлении Совета Московского университета от 2 февраля 1911 г. Пока все это происходило в Москве, в тот же день, как Совет принимал свое заключение, министр народного просвещения удалил из Московского университета без прошения и причислил к Министерству народного просвещения профессоров Мануйлова, Мензбира и Минакова. Этот акт был спешно опубликован в «Правительственном Вестнике», причем мера эта была предпринята против заслуженного профессора Мензбира с нарушением закона, так как министр не мог удалять его из числа профессоров Московского университета своею властью.

Эта мера поразила, как громом, Московский университет. Студенческие волнения отошли на задний план, и на первое место выступил вопрос об автономии университета и человеческом достоинстве управляющей университетом коллегии. Все управление университетом велось проф. Мануйловым и его помощниками все года, при постоянном контроле Совета и совещании с советской комиссией; все меры многократно утверждались Советом, самая отставка была Советом принята. Президиум Совета пострадал не за себя, а за исполнение поручений Совета.

При таких тяжелых обстоятельствах, не видя никакой возможности найти выход, удовлетворявший их представлениям о человеческом достоинстве и чести, 21 профессор Московского университета подали в отставку*. За ними последовал ряд приват-доцентов и других преподавателей**. Из Московского университета ушло более 100 преподавателей – случай, неслыханный в истории высших школ – почти треть наличного состава его учительских сил.

* Профессора А.С. Алексеев, В.М. Хвостов, Г.Ф. Шершеневич, кн. Е.Н. Трубецкой, Д.М. Петрушевский, Н.А. Умов, В.И. Вернадский, П.Н. Лебедев, А.А. Эйхенвальд, Н.Д. Зелинский, К.А. Тимирязев, А.Б. Фохт, В.Д. Шервинский, С.А. Чаплыгин, Б.К. Млодзеевский, В.К. Цераский, П.П. Алексинский, В.К. Рот, Ф.А. Рейн, В.П. Сербский, П.Г. Виноградов. Проф. А.П. Соколов, подавший в отставку, взял позже ее назад.

** Согласно официальному отчету университета, освобождены от звания приват-доцентов по историко-филологическому факультету: Соколов, С.Ф. Фортунатов, Виноградов, А.А. Кизеветтер, Кубицкий, Пичета, Романов, Сакулин, Егоров; по физико-математическому факультету: А.В. Власов, И.И. Жегалкин, Волков, Виноградов, Поляков, Фиников, П.П. Лазарев, Тимирязев, А.В. Цингер, А.Н. Шиллов, А.Н. Реформатский, Чичибабин, Стадников, Титов, Павлов, Ю.В. Вульф, В.В. Карандеев, Цебриков, Худяков, Самойлов, Лейбензон, Будинов-Будзинский, Строганов, Новиков, Кулагин, Сеницын, Н.В. Кольцов, Усов, Белоголовый, Крубер, Колмогоров, Григорьев; по юридическому факультету: Н.В. Давыдов, Булгаков, Ефимов, П.И. Новгородцев, Устинов, Гернет, Загряцков, Сыромятников, Шапошников, Полянский, Ф.Ф. Кокошкин, Вормс, Боровой, Горбунов, Кистяковский; по медицинскому факультету: Шатерников, Юдин, Тарасевич, Марциновский, Власов, Д.Д. Плетнев, Кабанов, Варнек, Ашмян (Ошман), Степанов, Свержевский, Левицкий, Россолимо, Кисель, Чернеховский, Ганнушкин, М. Молчанов, Ланговой, Предтеченский, Русков, Игнатъев, И. Александров, Полиевктов. Сверх того помощники прозектора при разных кафедрах и институтах: Заборовский, Дмитриев, Томашевич, Беляев и Наумов; лаборанты при институтах, кабинетах, медицинских кафедрах и при клиниках: Наметкин, Кравец, Мозер, Стадников, Лазарев, Романов, Гопиус, Тимирязев, Лисицын, Вильборг, Мейер, Лебеденко, Порт, Титов, Белоголовый, Усов, Строганов, Жарков, Россолимо, Шамшин; ассистенты при клиниках, кабинетах и кафедрах: Коротнев, Осипов, Аршинов, Карандеев, Чернов, Крубер, Беляев, Комаров, Иванов, Довбня, Кабатов, Есипов, Гагман, Бабасинов, Хорошко; ординаторы: Рудаев, Дерябин, Розенштейн, Каллиников, Вяхирев, Кожевников, Шморель, Петер и Шляк.

Все попытки Совета как-нибудь изменить положение дел были неудачны. Депутация его была в Петербурге министром не принята.

Старый Московский университет перестал существовать.

Семестр состоялся до конца для виду, лекции тянулись при почти пустых аудиториях. Весною состоялись экзамены, очень людные. Осенью начались лекции и были назначены профессора на большинство кафедр.

Началась расправа с ушедшими и удаленными. Была назначена «ревизия» Московского университета над деятельностью старого правления после того, как в ревизию 1910 г., произведенную попечителем Ждановым [22], ничего не было найдено. Проф. С.Ф. Платонов [23], которому было предложено производить эту «ревизию», вышел из членов Совета министра народного просвещения, и она была поручена бывшему одесскому профессору Деревницкому. Способ производства этой ревизии и ее характер являются новинкой даже в истории Министерства народного просвещения и составят любопытную картину будущей «Русской Старины». Пока вся ее деятельность покрыта тайной, и, должно быть, в 1912 г. придется с ней иметь дело.

VI

Московский университет вступил в новый период своего существования. Несомненно, пройдет время, раны залечатся. Московский университет переживет свой разгром так же, как пережил его университет Петербургский после Рунича, как пережил он разгром 1884 г. В нем и теперь сильна старая традиция, он, как Антей, не оторван от земли – от науки.

Но то, что совершилось в Московском университете, не явилось случайностью. Изгнание отдельных профессоров для терроризации оставшихся было поставлено целью практической политики П.А. Столыпина.

Почти одновременно с Московским университетом произошла история с Киевским политехническим институтом, подведомственным Министерству торговли и промышленности. Совет Московского университета не ответил на распоряжение Совета министров от 11 января 1911 г. о запрещении студенческих собраний: он передал его для предварительной разработки в комиссию. Совет киевского института принял другую тактику: он ответил особым представлением Министерству торговли. В ответ на это представление три декана – члены Совета – проф. А.В. Нечаев, К.Г. Шиндлер и С.П. Тимошенко – были уволены без прошения. Все попытки уладить и изменить это дело были неудачны, и несколько профессоров и преподавателей киевского института сочли невозможным для себя при этих обстоятельствах оставаться в институте. Ушли профессора Л.В. Писсаржевский, Н.А. Артемьев, С.А. Иванов, М.М. Тихвинский, Ю.Н. Вагнер, Д.П. Рузский, А.В. Ключарев, ассистенты Арнольд, Ракотян и Коневский. Вскоре летом из Томского института были удалены профессора Рыбалкин и Янишевский, на днях оттуда же – проф. В.А. Обручев. Из Томского университета удалены профессора Малиновский и Молин. Удаления эти были сделаны в связи с «ревизией», произведенной бывшим профессором Петербургского университета Ждановым. Результаты ревизии были покрыты тайной. Профессора не получили возможности защититься и узнать, за что именно они удалены. Из Донского института, при аналогичных условиях, удален проф. Грузов, из Высшего женского меди-

цинского института – выборный директор проф. С.С. Салазкин. Нескольким профессорам того же института было предложено подать в отставку, но Министерство народного просвещения вынуждено было взять это требование назад, так как неудачно его мотивировало. Из Петербургского университета проф. М.Я. Пергамент переведен в Юрьев и после его отказа перейти уволен; позже удален приват-доцент В.Н. Сперанский. Одновременно последовал целый ряд назначений новых профессоров, обладающих или достаточной «благонадежностью», или высокими связями. Выборы сведены на нет; выборные профессора не утверждаются (как проф. П.С. Усов в Москве, Н.И. Андрусов в Петербургском университете, проф. М.М. Тихвинский в Петербургском технологическом институте и т.д.); не утверждаются и избранники в выборных должностях. В Казанском университете вследствие этого никак не могут выбрать проректора, в Томском – утвержден только третий избранник и т.д. Всюду активно стремятся достигнуть «благонадежного» большинства коллегии; политика внедрена в школу всюю своею силою.

Так идет быстрое возвращение к нравам и обычаям устава 1884 г. Едва ли можно сомневаться, что и последствия этого возвращения будут те же, которые мы пережили после 1884 г.

Несомненно, сейчас в академическую жизнь внесен террор. Может быть, есть и напуганные, но несомненно, что *вся* профессура чувствует себя подавленной и неудовлетворенной созданными условиями жизни. Торжествующих немного. Негодование скрыто и ярко не проявляется; оно таится так же, как таилось в 1885 г., например, после введения нового устава и удаления из Московского университета М.М. Ковалевского, С.А. Муромцева, В.А. Гольцева. В профессуру внесена дезорганизация. В мутной среде быстро делается карьера. Опять происходит отбор. Многими переживаются тяжелые нравственные драмы, многие стоят перед дилеммами, решение которых нередко связано с мучениями. То, что пережито сейчас, не забывается. Пройдут года, и не своих сторонников встретит министерство в этих людях, которых оно поставило на грань, привело к нравственной борьбе. Так было после 1884 г., и не во власти людей изменить сложные движения совести.

Но что же дальше? Неужели можно искренно думать, что возможно долго жить в этой атмосфере?

Научные и академические традиции глубоко вошли в русскую школу, и не могут ученые – в целом – долго беспрекословно подчиняться канцеляриям. Те, кто замещает ушедших, далеко не в большинстве являются послушными чиновниками. Многие из них вступят на ту же академическую почву, на которой стояли ушедшие и изгнанные. Они станут на нее так же, как пришли на эту дорогу их предшественники, тяжелым опытом жизни, ибо и для них дорого то же – научное искание и учение молодежи. И то, и другое несовместимо с господством в высшей школе беспринципного или невежественного чиновничества.

Думать, что высшую школу можно держать в руках, заменив профессоров исключительно партийными людьми, искренними сторонниками черной сотни, – ибо сейчас в школе проводится политика Пуришкевича [24] – безумная мечта. Эти партийные фанатики составляют ничтожную кучку и в более широких кругах русского народа и общества, и тем меньше их будет в академической среде, которая в главной своей части чужда политике.

Дело разрушения делается – до созидания далеко. То движение, которое приводило к автономии русской школы в 1809, 1863, 1905 гг., приведет ее к ней опять при первых благоприятных обстоятельствах. Точно так же не войдет в министерские рамки и дезорганизованная жизнь студенчества, являющаяся всегда чутким отражением общественного настроения.

Как везде в русской жизни, и здесь нет ни сознания прочности положения, ни удовлетворения.

Мы опять стоим на перепутьи.

VII

Мы стоим здесь, однако, на другом перепутьи, чем стояли в 1884 г. В русской жизни совершился в 1905 году исторический сдвиг, и невозможен возврат к прошлому.

Наша жизнь состоит не только из партийной борьбы, завываний реакции, глухого недовольства и негодования, казней и репрессий, беззакония, гибели суда, голода, подавления общественных начинаний, травли национальностей, мести политическим противникам, подавления слабых, неспособной и невежественной бюрократии... Наряду с этим в русской жизни совершается огромная созидательная работа, и только она дает нам возможность безопасно существовать в тот великий мировой период истории человечества, какой мы переживаем.

Темп нашей созидательной работы много слабее, чем темп развития англосаксонских государств или народов германской расы, – но он все же достаточен, чтобы не привести нас к реальной опасности государственного распада.

И, может быть, лучше всего кончить обзор трагического 1911 года указанием на созидательную творческую работу этого года в тех областях, которые связаны с высшей школой и научной организацией нации.

На первом месте здесь надо отметить огромный рост научной работы страны. Тот расцвет научной мысли и научной культуры в России, который мы переживаем в последние 20 лет, даже не дрогнул от ударов, нанесенных ему деятельностью министерства Столыпина. Правда, отдельные живые научные институты в Москве, Киеве, Томске разрушены и перешли в руки людей, отставших или не интересующихся наукой, но вместо них выросли новые. В общем, научная работа высшей школы шла своим путем. Высшие женские курсы, коммерческие институты, Московский городской университет, Психоневрологический институт, Институт сельского хозяйства, археологические институты, многие из высших технических школ находились в непрерывном росте и развитии. Широко вырастает деятельность Академии наук и ее учреждений, задерживаемая только недостатком средств. Но в этом году в Государственную Думу внесены правительством новые штаты Академии, которые позволят вывести это национальное учреждение из того нищенского положения, в каком оно находится. В таком же положении находится деятельность Геологического комитета, новые штаты которого внесены в Думу. Со всех сторон – из Воронежа, Самары, Тифлиса, Ростова, Екатеринбург, Перми – идут средства и требования создания высших школ, и с этими требованиями вынуждено считаться правительство.

Ушедшие и изгнанные профессора в огромном большинстве нашли уже применение своим силам, – ибо нельзя выбросить из жизни народа тех, которые совершают его национальное дело. Среди них были и такие люди, имена которых перейдут в историю, как имена народные.

Потребности жизни берут свое. Повторяется старая история. Работу Министерства народного просвещения делают другие ведомства; так, сейчас крупная роль в истории русской культуры связана с деятельностью Главного управления земледелием и землеустройством не только в организации почвенных исследований, разнообразных сельскохозяйственных станций, но и в создании новых, небывалых в России кафедр, новых начинаний, тесно связанных с ростом научного мышления. В этом году получила начало новая сеть сейсмической организации нашей страны, поднят вопрос о геодезическом, почвенном комитетах, кавказском институте. Впервые в русской истории стал на почву реальных начинаний вопрос об исследовательских институтах: в Петербурге – Академией наук, в виде Ломоносовского института [25], в Москве – Обществом опытных наук имени Леденцова [26] и частным кружком лиц, связанным с ушедшими и изгнанными профессорами Московского университета [27]. Последний институт не получил пока разрешения. Он получил отказ в регистрации, но едва ли можно сомневаться, что этот отказ не может быть долго выдержан, так как нельзя правительству ставить себя в смешное положение, бороться с чисто научными учреждениями, на позор перед всей Европой. Московский научный институт, несомненно, будет учрежден, если только инициаторы его не оставят дела после первого отказа, который останется исторической датой нашего времени.

Широкой волной сейчас идет в нашей стране научная жизнь и стремление к ее организации. Это выражается и в росте научной литературы, ее популяризации, в съездах, новых научных предприятиях, во все увеличивающемся росте местных научных центров.

И этот рост, идущий в темп с мировым ростом человеческой культуры, заставляет нас спокойно смотреть в будущее. Пока научная творческая жизнь не ослабела, можно быть убежденным, что Россия и в той мировой новой жизни, какая на наших глазах сейчас развивается, в грозной обстановке мировой государственной конкуренции найдет себе место и сумеет изменить согласно новым требованиям времени и своей безопасности обветшалые и устаревшие формы своей жизни.

При всем трагизме пережитого 1911 год показывает, что китайские драконы и охраняющая их кулачная сила не имеют для себя прочного места ни в Китае, ни в других государствах в XX веке, веке электричества и радия.

Ежегодник газеты «Речь» на 1912 г., СПб., 1912. С. 323–341.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. примеч. 3 к статье «Академическая жизнь».

2. «Бутурлинский комитет» – принятое в литературе название «Комитета для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений» – высшего цензурного органа, осуществлявшего надзор над российской литературой и печатью. Образован в 1848 г. Назван по фамилии Д.П. Бутурлина (1790–1849) – генерал-майора, сенатора, члена Государственного Совета, директора Императорской публичной библиотеки, председателя названного комитета. Проводившаяся комитетом политика фактически парализовала книгоиздательскую деятельность и журналистику, закрыла доступ в Россию либеральным иностранным изданиям.

3. См. примеч. 3 к статье «О профессорском съезде».

4. Капустин Михаил Яковлевич (1847–?) – профессор Казанского университета, член III Государственной Думы, октябрист, член комиссии по народному образованию и рассмотрению законопроектов об уставе и штатах университетов.

5. См. примеч. 5 к статье «О профессорском съезде».

6. См. примеч. 5 к статье «Наука и проект университетского устава А.Н. Шварца».

7. См. примеч. 7 к статье «О профессорском съезде».

8. В 1898 г. министр финансов С.Ю. Витте, преодолев значительное сопротивление консерваторов, провел через Государственный Совет законопроекты об основании политехнических институтов в Варшаве, Киеве и Петербурге.

9. См. примеч. 3 к статье «Университет и правые».

10. Трубецкой Сергей Николаевич (1862–1905) – профессор философии Московского университета. Деятель земского либерального движения, сторонник конституционных реформ. Первый избранный ректор Московского университета (после опубликования 27 августа 1905 г. «Временных правил об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения», введших основы университетской автономии). Возглавлял депутацию к Николаю II, избранную третьим общеземским съездом (см. примеч. 2 к статье «Новое бедствие»). 27 сентября 1905 г. С.Н. Трубецкой умер от сердечного приступа во время приема у министра просвещения И.И. Толстого. Его похороны в Москве превратились в студенческую манифестацию. В 1908 г. В.И. Вернадский опубликовал статью «Черты мировоззрения С.Н. Трубецкого» («Русская мысль», № 4, С. 76–82).

11. Трепов Дмитрий Федорович (1855–1906) – генерал-майор свиты, в 1905 г. – петербургский генерал-губернатор, в апреле 1905 г. – товарищ министра внутренних дел, в 1905–1906 гг. – дворцовый комендант. Пользовался большим влиянием в придворных кругах, С.Ю. Витте иронически назвал его «вице-императором». Был сторонником принятия Указа 27 августа 1905 г. «О временных правилах об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения».

12. Кассо Лев Аристович (1865–1914) – юрист, автор работ по гражданскому праву. В 1910–1914 гг. – министр народного просвещения, проводил крайне реакционную политику, запрещал студенческие организации и собрания, жестоко расправлялся со студенческими волнениями. «Прославился» разгромом Московского университета в 1911 г., когда его вынуждены были покинуть свыше 130 профессоров и преподавателей. Именно это событие послужило материалом для выступления В.И. Вернадского со статьей, многозначительно озаглавленной «1911 год в истории русской умственной культуры».

13. Дубасов Федор Васильевич (1845–1912) – генерал-адмирал. В 1905–1906 гг. – московский генерал-губернатор. По его просьбе для подавления вооруженного восстания в Москве в декабре 1905 г. были посланы гвардейский Семеновский полк из Петербурга и Ладожский полк из Варшавского военного округа. В 1906 г. назначен членом Государственного Совета.

14. Речь идет о статье кн. Г.Н. Трубецкого «Московские декабрьские дни», опубликованной в журнале «Полярная звезда» (1905 г., № 2. С. 156–160).

15. См. примеч. 2 к статье «О профессорском съезде».

16. Герье Владимир Иванович (1837–1919) – историк, общественный деятель. С 1868 г. профессор Московского университета. Основатель и первый директор Высших женских курсов в Москве (1872–1888, 1900–1905). Сторонник конституционной монархии, член ЦК партии октябристов. С 1907 г. – член Государственного Совета по назначению.

17. Ключевский Василий Осипович (1861–1911) – историк, с 1882 г. – профессор Московского университета. Свой знаменитый курс русской истории читал до 1909 г., преподавал также в Духовной академии, на Высших женских курсах, в Училище живописи, ваяния и зодчества. В 1905 г. участвовал в Петергофских совещаниях по выработке Положения о Государственной Думе.

18. Вероятно имеются в виду широко распространившиеся сведения о внедрении прокататоров в революционные нелегальные и полуполигальные организации, в первую очередь, «дело Азефа» (1908 г.).

19. См. примеч. 3 к статье «Выступление на совещании по аграрному вопросу 27–29 апреля 1905 г.».

20. Мензбир Михаил Александрович (1855–1935) – известный орнитолог и зоолог, с 1886 г. – профессор Московского университета, автор классического труда «Птицы России». Убежденный сторонник университетской автономии. В 1906 г. был избран на должность помощника ректора.

21. Минаков Петр Андреевич (1865–1931) – антрополог, профессор, с 1901 г. – заведующий кафедрой судебной медицины, в 1909 г. избран проректором университета. После кризиса 1911 г. преподавал на Высших женских курсах и в университете им. А.Л. Шанявского.

22. См. примеч. 1 к статье «К вопросу об университете имени Шанявского».

23. Платонов Сергей Федорович (1860–1933) – историк, с 1899 г. – профессор Петербургского университета, член-корреспондент Академии наук с 1909 г.

24. См. примеч. 1 к статье «Москва, 14-го февраля».

25. В апреле 1909 г. юбилейная комиссия Академии наук по подготовке 200-летия со дня рождения М.В. Ломоносова (в 1911 г.) поставила вопрос о создании Ломоносовского института, в котором сосредоточились бы академические лаборатории и кабинеты по физике, химии и минералогии. В 1911 г. В.И. Вернадский публикует специальную статью «О Ломоносовском институте при Академии наук», вышедшую отдельной брошюрой. Инициатива Академии наук не увенчалась каким-либо решением. Летом 1917 г., уже при Временном правительстве, Вернадский пытался добиться передачи царского дворца в Гатчине под научный центр и разместить там и Ломоносовский институт. Гражданская война нарушила планы, но в 1927 г., при Советской власти, Вернадский добился организации такого института, который получил название «Институт геохимии, кристаллографии и минералогии им. М.В. Ломоносова», однако просуществовал как самостоятельная единица лишь с 1931 по 1937 г., а затем реорганизован с передачей его отделов другим институтам Академии наук СССР.

26. В 1909 г. при Московском университете было открыто Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений, действовавшее на средства, завещанные промышленником Х.С. Леденцовым. В его работе принимали участие такие видные ученые как В.И. Вернадский, П.Н. Лебедев, Н.Е. Жуковский, И.А. Каблуков и др. Общество оказывало материальную помощь отдельным ученым, субсидировало некоторые лаборатории в Московском университете, Высшем техническом училище, Киевском политехническом институте, имело свой печатный орган «Временник».

27. Речь идет об Обществе московского научного института, созданном по инициативе М.А. Мензбира, Н.А. Умова, П.Н. Лебедева. Почетными членами общества были избраны И.И. Мечников, И.П. Павлов, К.А. Тимирязев. На основе общества, благодаря поступлению пожертвований, в январе 1917 г. был создан институт. В советское время на его базе организован Физический институт им. П.Н. Лебедева Академии наук СССР.

ВОЙНА И ПРОГРЕСС НАУКИ

Время, переживаемое человечеством на грани XX столетия, едва ли имеет себе аналогию во всей предшествовавшей его истории. И едва ли когда приходилось так быстро испытывать столь великие изменения в течение немногих лет, какие суждено было пройти нашему поколению. Несомненно, величайшая война подготовлялась десятилетиями, если не столетиями, в некоторых своих частях: будущий и даже современный историк может и сейчас указать некоторые стороны такой ее связи с прошлым. Едва ли можно сомневаться и в том, что происшедшее кровавое столкновение явилось следствием того, что одновременно разнородные исторические процессы дошли до своего завершения, и эта война, так или иначе, дав выход силам прошлого, начнет новое будущее. Ясно для всех, что после пережитого человечеством величайшего в истории потрясения не могут продолжаться неизменными те злобы дня и те перспективы, какие, казалось нам, еще на днях могли бы идти без яркого изменения года и десятилетия.

После этой войны неизбежно в жизнь войдет так много нового, что нельзя будет безнаказанно и спокойно тянуть старое – как будто бы ничем не прерванное. То, что сейчас переживается человечеством, есть явление более широкое по своим последствиям, чем то, что внесено было в человеческую жизнь 1789 годом и его грозными отголосками [1].

Странным образом есть одна сторона человеческой жизни, где исторический перелом, носящий катастрофический характер, грандиозный по своим размахам и поразительный по своим перспективам, начался много раньше и едва ли достиг и сейчас своего апогея. Конец XIX и особенно начала XX века в истории естествознания является поразительной и небывалой эпохой катастрофического изменения, эпохой величайшей научной революции. Несомненно подготовленный прошлым, этот перелом все же охватил нас, как вихрь, и заставил исключительно быстро и спешно изменять наши взгляды и воззрения в самых, казалось, прочных и законченных областях мышления. Нет возможности, конечно, входить здесь в какие бы то ни было рассуждения о характере или содержании тех изменений, какие внесены в нашу научную мысль и в наше точное знание ходом математических и физических наук за немногие истекшие года XX столетия. Важно лишь остановиться на полученном в связи с этим изменением, любопытном психологическом результате, который во многом аналогичен тому, что сейчас переживается в мировой политической жизни. Мы научились за последние годы в науке ничему не удивляться, считать невозможное возможным, смело и спокойно научно подходить к таким вопросам, до которых еще недавно добегала – и то очень редко – лишь вышедшая из рамок научная фантазия или философская спекуляция. В психологии натуралиста произошло за эти года огромное изменение, влияние которого еще далеко не учтено и только начинает сказываться в научном творчестве и в задачах, которые дерзновенно начинают ставиться исследователями и их организациями. Несомненным отсюда становится для всякого знакомого с историей идей, что вслед за таким изменением психологии научной среды должно было последовать новое творческое течение в религиозной и философской областях человеческого мышления [2].

И в этот момент великая мировая война вносит в политическую среду и в широкие народные массы, творящие современную историю, элементы тех же самых настроений, какие переживаются уже годы в научной среде и через нее медленно проникают в растущую молодежь. Понятно поэтому то чувство глубокого внимания, какое вызывает происходящая война у всякого человека, привыкшего вдумываться в научную жизнь, помимо даже тех настроений и чувств, какие вызывает она в нем, как в гражданине своей страны.

Но, помимо этого, великая война 1914 г. отражается на научном мировом движении и другими своими сторонами. Прежде всего, в этой войне мы больше, чем когда-либо, видим применение научной тактики к решению задач военного характера. Бесстрастный характер точного знания сказывается в его помощи военному разрушению. Новое, что внесено в эту войну, заключается не только в особенностях организации, позволившей привести в движение миллионные, никогда раньше небывалые армии, но и в невиданном раньше применении научных знаний. Война в воздухе с аэропланами, цеппелинами, гидропланами, новые артиллерийские орудия неслыханной силы или точности, разнообразные применения электрических волн или электрического тока, новые взрывчатые вещества творят здесь впервые свою губительную работу. Несомненно – несмотря на кровавые, полные страданий последствия – все это возбуждает научное творчество, направляет силы и мысль исследователей в новые области научных

исканий. И вместе с тем нельзя отрицать, что, сравнивая полученные результаты с тем развитием военной разрушительной или защитительной деятельности, какие рисуются как возможные научному исследователю, мы находимся еще в самом начале достижимых научных приложений к военному искусству. Те природные силы, каких сейчас уже касается научная мысль, завоевание которых нами начато и несомненно не остановится, а будет идти дальше до конца, едва начинают проявляться в этой войне и сулят в будущем еще большие бедствия, если не будут ограничены силами человеческого духа и более совершенной общественной организацией. Едва ли, однако, можно сомневаться, что, как бы ни кончилась эта война, и победители, и побежденные вынуждены будут направить свою мысль на дальнейшее развитие научных применений к военному и морскому делу. И тех, и других будет к этому толкать и дух приподнятого патриотизма, и правильно или неправильно понятое сознание государственной необходимости. Едва ли можно сомневаться, что и сейчас все больше подымается в среде человечества индивидуальная творческая и изобретательская работа в этом направлении; все, что выясняется на войне, учитывается, как урок или задача ближайшего будущего. На арене борьбы столкнулись как раз те человеческие общества, в среде которых куется сейчас научная работа человечества, и какое бы из них ни было побеждено, в его среде невольно подымется приподнятая творческая работа в этом направлении и ей наперекор, из чувства самосохранения, должна будет идти и работа другой стороны.

Научное развитие не остановит войны, являющейся следствием разнообразных причин, недоступных влиянию научных работников. Нельзя делать иллюзий. Война, ныне поднятая, не явится последней: она возбудит человеческое творчество для дальнейшего усовершенствования в этом направлении. А так как это творчество совпадает с эпохой небывалого в истории человечества расцвета точного знания и все подымающегося высокого подъема научной дерзновенности, сознания силы, веры в достижимость почти невозможного, то надо думать, что область приложения точного знания к военному искусству будет расширяться в ближайшие после войны годы, и новая война встретится с такими орудиями и способами разрушения, которые оставят далеко за собою бедствия военной жизни 1914–1915 годов. Ибо сейчас, несмотря на исключительное значение научной техники в военном деле по сравнению с прошлым, мы видим здесь меньшее изменение, чем какое совершилось, напр[имер] за тот же период времени в научном мышлении или научных приборах.

Трудно, конечно, и невозможно сказать, будет ли в состоянии человечество избежать нового опыта такого кровавого применения научных завоеваний: это зависит в значительной мере от политических результатов войны, от доведения ее до конца, до значительного ослабления империалистических стремлений Германии и от силы того чувства этического протеста, какой вызывает в сознании человечества дикий способ ведения войны, свойственный эпохе переселения народов, перенесенный германской государственной организацией в XX век. Но есть одна сторона этой войны, которая носит более гуманный характер и также теснейшим образом связана с ростом научного знания и научных исканий. Научная техника применима к войне не только в ее раз-

рушительной части: она также необходима и столь же выдвигается на первый план и в ее части защитительной и в залечивающей ужасы войны. Несомненно, по мере дальнейшего роста разрушительной научной техники, охранительная и защитительная сила научного творчества должна быть выдвинута на первое место для того, чтобы не довести человечество до самоистребления. Трудно сказать, возможно ли довести силу и мощь такой охранительной работы научной мысли до таких пределов, которые превысили бы разрушительную силу военной научной техники или физической военной силы. Однако, нельзя отрицать, что надежда на такую возможность не более утопична, чем надежда на другие изыскиваемые человечеством средства прекращения войн. Человечество пыталось выдвигать для этого и религиозное или нравственное воспитание, и лучшую общественно-государственную организацию, и непосильность материальной стоимости военных начинаний или страх самоистребления. Все эти средства оказались далекими от жизни, исчезли, как дым, при решении – с какой-нибудь стороны – начать войну. Наряду с ними и одновременно с ними должна быть выдвинута и защитительная сила научной техники. Ведь, в принципе не является утопией противопоставить разрушительным созданиям человеческой воли и мысли такие технические средства защиты, которые были бы неуязвимы для орудий разрушения или которые делали бы ничтожными и малочувствительными результаты разрушительной военной техники. До сих пор внимание исследователей и изобретателей направлялось в сторону разрушения. Мечты создателей военных цеппелинов, новых пушек, сверхдредноутов несомненно будут только усилены после этой войны – им должно быть противопоставлено научное творчество, направленное на защиту от разрушения.

Несомненно, сейчас человечество сильнейшим образом затронуто в этой войне в самой глубине своей психики. Ужас войны между культурными народами, варварский способ ее ведения по отношению к мирному населению и культурной работе человечества, возведенный в систему германцами, перенос войны на весь земной шар – несомненно всколыхнули сердца и умы всех мыслящих людей во всех странах мира. Мечты об ограничении милитаризма, как государственной системы, приближаются к жизни, и так или иначе в ближайшем будущем будут сделаны попытки к его ослаблению и ограничению. Но наряду с мерами политического характера или попытками междугосударственных ассоциаций, наряду с работой мысли людей в этом направлении должна быть усилена деятельность научных организаций и отдельных ученых, направленная к защитительной технической работе, против разрушительных сил войны.

До сих пор творческая работа в этой области мало требовалась государственными организациями и не вызывалась идейными стремлениями. Она отстала от научной работы в области военного разрушения. Не всколыхнет ли сейчас ужас войны между культурными народами утопические стремления положить предел будущим войнам путем усиления сил защиты от разрушения, и не подвинет ли он на это научное творчество? Ибо ясно, что оно может на этом пути создать не менее действительные средства обороны, чем созданные им же средства разрушения. К тому же именно эта война выдвигает средства обороны на такое место, какое раньше едва ли они имели в военных действи-

ях, и вызывает к ним внимание государственных деятелей. Нельзя забывать, что здесь область научного творчества представляет почти непочатое поле.

Наряду с возбуждением научной мысли и научного творчества война 1914–1915 годов наложила свою тяжелую руку и на развитие науки. Она отвлекла средства, шедшие на мирную культурную научную работу, на долгие месяцы отбила от научной работы ее работников. Тысячи талантливых людей пали на полях битв и в лазаретах, среди них были и те, которые при обычном ходе жизни явились бы крупными учеными. Должно быть, есть среди них и такие, которые рождаются раз в поколение.

Но, вероятно, наиболее тяжелым ударом, наносимым войною науке, является перерыв научных сношений. Наука, подобно искусству и религии, и даже больше, чем искусство и большинство религиозных систем, является культурной организацией, малозависимой от государственных или племенных рамок. Наука едина. Ее цель – искание истины ради истины, а та истина, которая получается усилием вековой научной работы, далека от исторической обстановки момента, обща и едина всем без различия.

Поистине, в науке, как и в мировых религиях, нет эллина и нет иудея.

За последние десятилетия этот идеал научного единства начинал получать широкие рамки, став выливаться в подобие мировой организации. Начиная с XVI века – пожалуй и ранее – со времен единой науки западного средневековья, в научной среде существовало общение вне рамок государственных союзов. Перед интересами науки, казалось, умолкали мелкие распри политических интересов дня. В научной среде человек, казалось, хотя бы одной стороной своей культуры жил в идеальном будущем строе единого человечества. Со второй половины XIX века к этому вековому навыку научной среды и к привычке ее дружно идти в разных странах и среди разных племен и народов к одной, общей всему человечеству, цели, присоединилась международная организация научной работы, вылившаяся в разнообразные, все растущие формы. Трудно сейчас даже исчислить международные начинания, касавшиеся самых разнообразных вопросов и питавшие постепенно более тесное идейное, личное и рабочее сближение научных работников по всему миру.

Все это оборвалось сразу и внезапно с началом войны. Сейчас уже много месяцев научная жизнь идет почти независимо в различных научных центрах; мы ничего не знаем о том, что делается в Германии или Австрии. До нас не доходят ни научные издания, там выходящие, ни результаты работ единичных ученых или лабораторий. Наша связь с союзниками лучше, но все же далека от нормальности обычных сношений. Научная работа всюду идет сейчас сама по себе и, в общем, едва ли заметно дрогнула от войны. Как мы знаем, у нас научная работа идет прежним темпом, развиваясь и увеличиваясь сейчас, как развивалась раньше; мы знаем, что она не прерывалась и не уменьшалась и в годы других наших народных потрясений – ни в годы Японской войны, ни в годы революции.

Едва ли можно говорить о научной работе на территории Бельгии или в областях польской народности; сильно отразилась одно время война и на

французской научной работе, но там жизнь уже в значительной мере вошла в колею в этом отношении.

Несомненно, научная работа совершенно не изменила своего темпа в нейтральных государствах или в Англии. Для Германии и Австрии мы имеем очень неясные сведения, но, по-видимому, внешние рамки работы (научные журналы) остались пока, в общем, не затронутыми войной.

Но во всяком случае уже внешний перерыв международных сношений отразился на научной работе сильнее, чем на какой-либо другой стороне человеческой жизни, кроме, может быть, товарообмена. Еще более отразится он в дальнейшем, благодаря тем глубоким изменениям, какие произойдут в психике ученой среды. Научная работа сейчас при быстроте международных сношений все время шла при интенсивном обмене полученных результатов. В этом обмене немецкие ученые и немецкая научная литература играли огромную роль. С помощью ученых специальных журналов, организации обзоров и рефератов, кропотливого труда справочников и сводок немецкая научная литература являлась до последнего времени связующим международным цементом и с ней приходилось считаться в текущей работе больше, чем с какой-либо другой научной литературой. На континенте Европы ни одна страна не могла в этом отношении состязаться с немцами, которые создали традицию такой связи, и с середины XVIII века, по крайней мере, неуклонно работали в этом направлении. Несомненно, что, со времени достижения национального единства [3], за последние 40 лет эта форма научной деятельности немецких ученых – при огромном содействии чуждых им по языку ученых, пользовавшихся немецким языком, – достигла высокого развития и явилась важным элементом научного прогресса. Может быть, именно этой организационной работой немцы сделали для науки больше, чем какой-нибудь другой стороной своего научного творчества. Война разорвала эту вековую работу и едва ли ее удастся воссоединить вновь в прежних формах, ибо не скоро залечиваются внесенные войной ненависти. Еще теперь – после 40 лет – живы воспоминания 1870–1871 гг. во взаимных сношениях немецких и французских ученых, и мы их постоянно чувствовали на международных конгрессах и в международных предприятиях. То, что происходит сейчас, есть событие гораздо более крупное и гораздо глубже проникающее в жизнь, чем франко-прусская война, все еще столь живая. Бестактные выступления немецких ученых, их попытки оправдать и извинить ничем неоправдываемые варварства, их дерзкое, пренебрежительное отношение к научной работе других народов, грубо смешное преувеличение своего значения в общей мировой научной работе человечества, едва ли скоро могут быть забыты и заглажены. К сожалению, война внесла в ученую среду человечества тяжелые создания духов злобы и ненависти. Сейчас и в ближайшие годы, по крайней мере, едва ли немецкие ученые смогут восстановить утерянное, созданное дружной, упорной работой прежних своих поколений, свое высокое в науке положение.

К тому же ждать нельзя. Конец войны еще не виден. Общий обмен мировой научной работы должен быть создан в нейтральной среде, далекой и в будущем от прямых переживаний отголосков войны 1914–1915 годов.

Невольно взор обращается к той работе, которую за последние годы делают заморские англосаксы, главным образом, в Соединенных Штатах Север-

ной Америки. Здесь, особенно за последние 10 лет, наблюдается колоссальный рост научной работы, и вместе с тем американцы, при помощи ученых английского языка, за последнее время создали – для своих надобностей – аналогичные немецким, от них независимые журналы, справочники, сводки. Эти издания за последние годы начали бескровное состязание с аналогичной работой немецкого языка. И сейчас мы должны воспользоваться ими, тем более, что они полнее дают нам картину того, что делается в Новом Свете, где как раз теперь идет могучий рост организационной работы в области естествознания и математики. Несомненно, старая Европа теряет этим путем известную долю своего значения – мировой узел научной организации переносится в Новый Свет. Может быть, этого бы не было, если бы не было мировой войны, хотя и раньше рост научной литературы на английском языке был заметно более быстр, чем рост научной литературы на языке немецком. А в этом росте на первое место выдвигалась работа граждан «Соединенных» Штатов Америки.

Гораздо больший ущерб Европе будет принесен войной на поле экономической жизни. Сейчас трудно учесть величину этого ущерба, оцениваемого с мировой точки зрения.

Едва ли верны опасения и ожидания, связываемые с вероятным падением в результате войны 1914–1915 годов мировой гегемонии Европы и исключительным ростом значения Нового Света или древней Азии. Но во всяком случае несомненно, что война потребует от Европы для излечения нанесенных ею ран величайшего напряжения. Если даже не считать огромных трат на чисто военные действия, которые ложатся тяжелым бременем на будущие поколения, и не обращать внимания на временное сокращение производительного труда – одна гибель до конца капитала, живого и мертвого инвентаря, живой человеческой силы является не восстанавливаемым обычным путем ослаблением экономической мощи Европы и каждого из участников мировой трагедии в частности.

Для борьбы с этим бедствием единственным средством является увеличение производительности труда, усиление человеческой мощи в борьбе с природой. Это может быть достигнуто главным образом путем роста научной техники.

Несомненно, область приложений естествознания, точного знания вообще, далека по своей сути от вопросов этики. Как всякая техника, она может быть обращена на дурное и хорошее, на доброе и злое. Что такое доброе и злое и что такое дурное и хорошее, решается человеком вне ведения бесстрастной науки о природе. Однако странным образом ученый в своей деятельности ищущий истину, стремящийся к пониманию окружающего, в то же самое время является определенным фактором этического характера в жизни. Стремясь проникнуть в природу, он стремится овладеть ее силами и тем самым всегда подымает производительные силы человечества. В борьбе с бедствиями и несчастиями, болезнями и нуждой, трудностью удовлетворения потребностей, сила научного творчества с каждым поколением все более и более выдвигается на первый план.

И когда – после окончания войны 1914–1915 годов – перед старой Европой станет вопрос о поднятии ее ослабленного самоистреблением благосостояния, перед ней тем самым станет вопрос об увеличении ее производительных сил путем лучшего использования находящегося в ее распоряжении природного капитала и нахождения новых источников, поддерживающих жизнь, которые могут быть введены в пользование человеком. И в том, и другом случае явится необходимость усиления научной творческой работы, которая только и может дать ей желаемую помощь.

Едва ли можно сомневаться, что этот путь более открыт Европе, чем другим странам света, так как сейчас 7–8 десятых всей творческой научной работы человечества совершаются пока еще в европейских государствах и в их колониях, ее расами.

Все эти соображения касаются науки, как мировой культурной силы, вне всякого отношения к отдельной стране. Но, очевидно, все это можно целиком перенести и на нашу страну, в то общество, в каком идет наша научная работа.

Всякий из нас ясно сознает, что со всех указанных выше точек зрения рост научного знания, увеличение усилий на поддержание и расцвет научного творчества, увеличение для этого материальных средств является одной из важных задач, которая станет после войны в русской жизни.

Увеличение и расширение нашей научной организации, ее более интенсивная работа и ее большая материальная сила есть одно из самых действительных средств для борьбы с тяжелыми последствиями великой войны, выпавшей на долю нашей родины.

Но для России задачи такой работы могут быть поставлены и более конкретным образом. Для нас выяснилось многое во время войны и прежде всего стало ясно всем то, что раньше было ясно немногим – наша экономическая зависимость от Германии, носящая совершенно недопустимый характер при правильном государственном управлении. То, что это сделалось ясным для русского общества, очевидно, является фактом величайшей важности, ибо последствием такого сознания неизбежно будет изменение положения дел.

Одним из главнейших факторов такого освобождения является использование своими силами своего достояния. Но для этого необходимо решить чисто научную задачу, произвести учет производительных сил нашей страны. Мы должны знать, что имеется в недрах и на поверхности нашей страны, должны уметь их технически использовать. И то, и другое невозможно без самого широкого научного исследования и без большой, частью предварительной, исследовательской работы [4].

До сих пор Россия тратила исключительно мало для изучения своего богатства, для овладения силами своей природы. Другие большие государства действовали иначе. Сейчас перед нами живой пример другой страны, по размерам сравнимой с нами – Соединенных Штатов Северной Америки. Стыдно становится, когда мы сравним их знание и наше знание о богатствах и средствах использования своей страны. А между тем мы начали свою работу в этом направлении чуть не столетием раньше. Дело объясняется просто. У нас работа шла на гроши, в значительной мере добровольными усилиями частных обществ и лиц, делавших такие исследования в свободное время.

Все это было и в Америке, может быть больше, чем у нас. Но там было другое – колоссальная помощь такой работе как всего союза, так и отдельных государств-штатов – особенно за последние 40 лет. Средства, которые там были истрачены на эту работу государством, никогда не были в схожем размере в распоряжении русских натуралистов. Я оставляю в стороне даже те средства, которые давались богатыми частными лицами, несравнимые в Америке и у нас, а говорю только о средствах государственных.

И такая затрата была правильным употреблением государственных средств. Она давно окупилась, т[ак] к[ак] она привела производительные силы Америки, природой данные, в активное состояние. У нас эти производительные силы, вероятно большие, чем те, какие выпали в удел Штатам, лежат мертвым капиталом, в значительной мере неведомым самому их обладателю.

Этот пример поучителен, и он должен быть использован. И у нас должна быть сделана работа исследований производительных сил, как она была сделана Америкой после гражданской войны.

После войны 1914–1915 годов мы должны привести в известность и в учет естественные производительные силы нашей страны, т.е. первым делом должны найти средства для широкой организации научных исследований нашей природы и для создания сети хорошо обставленных исследовательских лабораторий, музеев и институтов, которые дадут опору росту нашей творческой силы в области технического использования данного нам природой богатства. Это не менее необходимо, чем улучшение условий нашей гражданской и политической жизни, столь ясно сознаваемое всей страной.

1915

Печатается по тексту: *Вернадский В.И.* «Очерки и речи». М.: НХТИ, 1922. Вып. 1. С. 129–140.

ПРИМЕЧАНИЯ

Статья впервые опубликована в книге «Чего ждет Россия от войны?». (Пг.: Прометей, 1915. С. 63–76), затем в подготовленном В.И. Вернадским сборнике «Очерки и речи», изданном в двух выпусках (М.: Науч.-хим.-тех. изд-во, 1922. Вып. 1. С. 129–140). Впоследствии вновь опубликована в: *Вернадский В.И.* Начало и вечность жизни. М.: Сов. Россия, 1989. С. 272–292.

1. Имеется в виду Великая Французская революция.

2. В.И. Вернадский неоднократно утверждал, что человеческое мышление имеет три взаимозависимые стороны: научная (философская) мысль, религия и искусство.

3. Подразумевается объединение Германии в 1871 г. при канцлере О. Бисмарке. После быстрой франко-прусской войны (июль 1870 – март 1871 г.) и военного разгрома Франции создались условия воссоединения Пруссии и княжеств Северной и Южной Германии в единую Германскую империю.

4. Вернадский пропагандирует здесь мысль о создании широкой сети научно-исследовательских институтов, в том числе и прикладных, при финансовой поддержке государства. Статья была написана в период подготовки к организации Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), возглавленной В.И. Вернадским (октябрь 1915 г.). См. примеч. 2 к статье «Задачи науки в связи с государственной политикой в России».

К ПЕРЕСМОТРУ АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Гаспра 30.IV.[1]916.

В записке Корнилова [1] в связи с экономич[еской] и финансовой программой Шингарева [2], наряду с ясными и верными положениями, заключаются некоторые выводы, которые приводят к неверному заключению.

Я считаю таким положение, что можно сейчас строить экономическую (и финансовую) программу, не касаясь и не вдумываясь по существу в нашу старую аграрную программу, не подвергая и ее пересмотру. Считаю я это по двум основаниям.

1) Потому, что экономическая программа, которую мы вырабатываем, не должна никоим образом быть связана с преходящими и изменяющимися условиями данного момента, в частности нашей политики во время войны, существования данного состава Г[осударственной] Думы и связанного с нею блока [3]. Программа должна дать ответ на вопрос, который придется решать во всяком случае после войны, м[ожет] б[ыть], немедленно после прекращения военных действий, когда, по всей вероятности, будет созвана новая Дума, будут новые выборы и когда данный блок, держащийся внешней опасностью, может и не существовать. Едва ли можно сомневаться, что новые выборы могут совершенно изменить внутреннюю структуру и силы партий в Г[осударственной] Думе (напр[имер], как указывает Ив[ан] Ил[ьич] [4], возможен, блок лев[ые] окт[ябристы] – прогрес[систы] – кад[еты]). Несомненно, некоторые части программы, особенно связанные с финансовой политикой, нам, м[ожет] б[ыть], придется проводить во время войны, т.е. при данном блоке. В таком случае необходимо внести в нашу независимо от этого выработанную эконом[ически]-финанс[овую] программу нужные поправки и сделать такие же компромиссы, какие мы делаем и в других частях программы. Но сама программа должна быть целиком продумана партийно, дабы в русском обществе соборно были выработаны те основы общественного мнения, которые могли бы послужить к его укреплению и проявлению в дальнейшей жизни. Она должна быть выработана так, как будто бы власть перешла или могла перейти в наши руки. Мы должны дать решение, которое мы вообще сейчас считаем правильным, за которое мы должны и можем бороться и к которому должны и можем стремиться. Очевидно, вырабатывая в 1916 году, после столь много пережитого с 1905 года, новую или во всяком случае впервые более полную экономическую программу, мы никоим образом не можем и не должны ослаблять силу нашей работы, оставляя неприкосновенными для мысли и критики некоторые столь важные ее части, какой является наша аграрная программа. Если, как думает А.А. [Корнилов], она останется и в 1916 году без всяких существенных изменений против 1905 [года] [5] (чего я не думаю), – тем лучше: но мы должны это знать, должны вновь продумать, вновь пересмотреть ее. Ибо мы переживаем момент небывалой важности, перед которым и 1905 год – маленькое событие. Он требует полного напряжения нашей мысли. К тому же в эти 11 лет после 1905 года, мы впервые жили настоящей политической государственной жизнью [6], резко отличной

от того, что мы переживали до 1905 [года]. Вся Россия за эти 11 лет перешла в другой период своей истории. Уже одно это не позволяет вводить без пересмотра в экономическую программу 1916 года какие бы то ни было части программы 1905 г[ода]. Еще менее это возможно для аграрной программы, ибо разве возможна для России экономическая программа без аграрной?

2) Но сверх того, пересмотр аграрной программы диктуется и существом дела. Наша аграрная программа вызывалась другими обстоятельствами, чем те, которые выдвигаются сейчас. Одно из них высказано в разговоре со мной Иваном Ильичем [Петрункевичем]: «Аграрная программа партии исходила из стремления обеспечить землей крестьянскую массу. Она не строилась из соображений государственных, как сейчас мы строим нашу экономическо-финансовую программу». Это – мысль верная. Ибо государственный элемент нашей аграрной программы заключается в достижении большего социального мира и в упрочении национального богатства, в достижении большей государственной устойчивости. Но ее конструкция исходила не из этих, побочно достигавшихся, хотя и очень важных целей.

Сейчас, в момент величайшей разрухи этой войны, в решении аграрного вопроса выдвигается совершенно другой момент, более как будто временный, но очень грозный. По моему мнению, сейчас государственной необходимостью является интенсификация сельского хозяйства; задачи улучшения сельскохозяйственной промышленности выдвигаются на такое место, на какое они (выдвинуться) и не мечтались в 1905 году. Вспоминая прения об аграрной программе, 1904–1907 годов, (припоминаю, что) я лично всегда относился с большой долей недоверия к ее многим выводам благодаря тому, что она представляла лишь одну сторону вопроса. Она не касалась и как бы сознательно игнорировала вопросы сельскохозяйственной промышленности и производительности (труда). Это – типичная программа распределения, но не производства. Несомненно, в то время, когда была надежда на возможность ее проведения в жизнь, нельзя было осложнять дело введением в область обсуждения новых сложных вопросов. К тому же было ясно, что эти вопросы станут во всей своей величине при первой же попытке разумно государственного проведения принципа выкупа земли от частных собственников. Однако при этом было упущено из вида, что недостаточно подчеркиваемые в сознании людей важные обстоятельства исчезают из обсуждения, и люди привыкают решать вопросы, как будто эти обстоятельства не существовали. Особенно это было легко в России, где в интеллигентной среде чрезвычайно мало распространены естественноисторические знания, столь необходимые для стройки аграрной программы этого рода, образованные люди иногда поразительно невежественны в этих вопросах, и где в помещичьей среде очень низок уровень понимания сельскохозяйственной техники. Не выставленный на должное место вопрос государственной важности о необходимости государственных мер для поднятия производительности сельского хозяйства, о невозможности решить аграрную программу одной только новой системой распределения собственности, созданием мелких собственников взамен крупных и средних, исчез из внимания к[онституционно-]д[емократической] партии и примыкающих к ней кругов. Он зато обратил (на себя) внимание других частей русского общества, был ими осознан во всей его важности, и несомненно, в связи со Столыпинскими новеллами аграрного харак-

тера [7], с этого времени и правительство, и земские круги много сделали для поднятия сельскохозяйственной промышленности. Исторически эти меры как бы явились противовесом аграрной программе конституционно-демократической партии.

В действительности, аграрная наша программа не была доведена до конца. Выброшенное из рассмотрения звено мер, связанных с развитием земледельческого производства, к сожалению, на ней не отразилось – но указание на необходимость принимать во внимание эту сторону вопроса мы находим даже в той форме решения аграрной проблемы, которая получила вид законодательного предложения. Несомненно в среде партии были всегда многие деятели, не соглашавшиеся с узкой постановкой аграрной программы; я помню свои разговоры того времени в этом смысле с Новгородцевым [8], Струве [9] и другими. Но эти течения в среде партии не оказали должного влияния на партийную мысль – и на проект закона, о котором пишет А.А. [Корнилов], их влияние отразилось в недостаточной мере.

Сейчас жизнь выдвигает эти вопросы на необычную в России высоту, и едва ли какое бы то ни было увлечение ими может превысить их реальное значение. А.А. [Корнилов] в своей записке указывает на необходимость развития производительных сил в смысле усиления энергии их эксплуатации – но, мне кажется, задача стоит гораздо шире и глубже. Несомненно, этот элемент существует, но не он один. Такое понимание не выясняет, но суживает вопрос.

Важно не только усиление разработки уже тронутых мыслью и трудом русского народа производительных сил – еще важнее введение в жизнь новых источников энергии, совсем не тронутых и часто даже неизвестных. Нужно и то, и другое. И подъем производительных сил страны означает быстрое и широкое введение в жизнь новых форм использования производительных сил – как естественных, так и духовных – и, одновременно, чрезвычайный подъем эксплуатации тех, кои были известны и ранее [10].

С этой точки зрения, мне кажется, Россия находится в совершенно исключительных условиях, которыми она настоящим образом не пользуется. Такая исключительная по своему значению почва, какой является чернозем Европейской России, ни в одной стране не занимает таких площадей земной поверхности, как у нас. Его небольшие острова в Венгрии, Галиции, Балканском полуострове ничтожны по сравнению с его покровом у нас, тянущимся от австрийской границы до Урала и заходящим и дальше до полупустынь Западной Сибири. Но затем мы имеем независимые острова чернозема Предкавказья, разных мест Западной и даже Восточной Сибири. Даже Соединенные Штаты в таких почвах, как канзасские, или Индия в своем регуре не имеют запасов плодородной силы, сколько-нибудь сравнимой с нашим черноземом.

Но как мы его используем?

С другой стороны, поверхность средней и северной России и, может быть, и Западной Сибири, находящаяся в озерной стадии своей истории, в разных ее проявлениях дает такие возможности накопления пищи во многих тысячах озер в виде рыбного производства, которые сейчас лежат совершенно не использованными и могут являться источником силы, о которой сейчас мы не имеем понятия. Я думаю, что на долю России выпали физико-

географические условия, очень редко повторяющиеся на земном шаре и еще реже принадлежащие к единому политическому целому. Мы здесь сидим, как собака на сене, и губим то, что нам дала природа и история. Я оставляю в стороне другие возможности, которые напр[имер], должны открываться нам при организации государственной или контролируемой государством системы орошения Среднеазиатских владений или связанным с правильной эксплуатацией таежных лесов превращением в культурные области огромных пространств северо-восточной России и огромных пространств Сибири. Но это всего лишь немногие из многих возможностей широких государственных мероприятий, нередко требующих многомиллионных затрат и нескольких лет для (получения) ясного результата. Но еще, м[ожет] б[ыть], важнее меры другого характера, проникающие в подъем сельскохоз[яйственной] техники и вызывающие новые отделы сельскохоз[яйственной] промышленности.

Наша аграрная программа должна быть согласована с этими новыми для нашей партии задачами, причем нигде мы в настоящий момент не можем и не должны приносить в жертву каким бы то ни было интересам потребности, связанные с интенсификацией и быстрым ростом сельскохозяйственной промышленности, усилением использования старых и введением использования новых источников национального богатства, связанного с биосферой. Это теперь такая же государственная необходимость, как достижение благоприятного для нас расчетного баланса или неизбежность напряжения платежных сил населения. Все это необходимо для выхода из тяжелого положения, связанного с войной 1914–1916 гг.

Я думаю, что в программе меры эти должны быть по возможности согласованы с принципом мелкого владения землей, т.е. нахождения ее в руках землевладельцев. Однако выяснить этот вопрос можно только при детальном изучении вопроса, и нельзя его теоретически предрешать, даже в той части, как скотоводство, где возможность соединения этих сторон программы кажется достижимой и более ясно вытекающей.

Мне кажется, что и в зерновом хозяйстве вполне может быть согласован принцип демократического землевладения или землепользования с интенсификацией хозяйства при широкой постановке государственных и общественных мероприятий в виде опытных хозяйств, опытных полей, исследовательских институтов, питомников, семенных станций и т.п. и широкого развития кооперативов разного рода. Нельзя забывать, что этот последний фактор совершенно не принимался (нами) во внимание в 1905 [году]; его значение не учитывалось. Ив[ан] Ил[ьич Петрунkevич] сейчас вспоминал, что Герценштейн [11], один из создателей аграрной программы к[а]д[етов], отрицал сколь-нибудь значительное значение кредитных кооперативов, не считая крестьянина кредитоспособным.

Но если возможно, надо думать, вполне соединить нашу аграрную программу с программой интенсификации хозяйства, несомненно одно, что нельзя будет проводить планомерно нашу аграрную программу, т[ак] к[ак] жизнь выдвинула более неотложный для данного момента вопрос об интенсификации, в широком смысле, сельского хозяйства во всех его проявлениях. Задачей является проведение этой интенсификации в таком направлении, чтобы она приводила к возможному сосредоточению земли в руках землевла-

дельцев и позволила без ломки в будущем провести аграрную реформу в том же направлении.

Но такая постановка ⟨впроса⟩ неотложно требует пересмотра аграрной программы к[а]д[етов].

Я думаю, что, конечно, такой пересмотр сейчас не является очень желательным т[ак] к[ак] он может создать затруднения в работе ⟨Прогрессивного⟩ блока. Но нельзя преувеличивать значение этого рассмотрения. Партии, вступившие в блок, прекрасно знают, что к[а]д[еты] не отказались от этого пункта программы – они только не выставляют его на первый план. То же положение будет и теперь. Неудобно рассматривать сейчас этот вопрос и вследствие ослабления сил партии в этом вопросе (Якушкин [12], Герценштейн умерли, Черненко [13] отошел), и потери вопросом того злободневного интереса, какой он имел в 1905–1907 гг. Но с этими неудобствами приходится мириться, т[ак] к[ак] неизбежность пересмотра аграрной программы при выработке ⟨общей⟩ экономической ⟨программы⟩ ясна из всего вышеизложенного. К тому же многие из этих вопросов встанут все равно реально на очередь в законодат[ельных] палатах [14]. Когда встанет перед страной вопрос о наделении землей безземельных солдат, возвращающихся с войны. Очень возможно, что этот вопрос даже заставит нас более широко и быстро пойти по пути аграрного законодательства, чем это позволяла бы правильная постановка развития сельской промышленности.

Текст воспроизводится по публикации И.И. Мочалова: *Вернадский В.И.* Я – неразрывная часть народа // *Вестн. АН СССР.* 1989. № 7. С. 103–108.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Корнилов Александр Александрович (1862–1925) – общественный деятель, историк. В 1886–1892 гг. – комиссар по крестьянским делам в Царстве Польском, в 1892–1899 гг. – чиновник по особым поручениям при иркутском генерал-губернаторе. Один из организаторов «Союза освобождения» и конституционно-демократической партии. Секретарь ЦК к.-д. партии в 1905–1908 гг. и 1915–1917 гг. С июля 1917 г. отошел от политической деятельности по состоянию здоровья. Автор «Курса истории России XIX века». Один из ближайших друзей В.И. Вернадского, член «Братства» (см. предисловие).

2. Шингарев Андрей Иванович (1869–1918) – общественный деятель. По окончании Московского университета работал сельским врачом, написал книгу «Вымирающая деревня» (1901). Член «Союза освобождения» и ЦК к.-д. партии, депутат II, III и IV Государственной Думы. Министр земледелия (март–апрель), затем – министр финансов (май–июль) во Временном правительстве. Был избран депутатом Учредительного Собрания и членом Предпарламента. Арестован в ноябре 1917 г., убит матросами-анархистами.

3. Имеется в виду Прогрессивный блок думских фракций, сложившийся в августе 1915 г. в IV Государственной Думе. В него вошли шесть фракций: октябристы, отдельная группа октябристов-земцев, кадеты, прогрессивные националисты, прогрессисты и группа центра. К блоку присоединились 236 членов Думы из 422. Лидер кадетов П.Н. Милюков составил проект программы блока и стал председателем комиссии по рассмотрению этого проекта. Сам он характеризовал события так: «Его [блока. – *Ред.*] политический смысл заключался в последней попытке найти мирный исход из положения [внутри страны. – *Ред.*], которое с каждым днем становилось все более грозным. Средство, для этого употребленное, состояло в образовании, в пределах законодательных учреждений, большинства народного представительства, которое взяло бы в свои руки руководство дальнейшими событиями.» (Цит. по: *Милюков П.Н.* Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. С. 404).

4. Петрункевич Иван Ильич (1843–1928) – общественный и политический деятель, по образованию юрист. Участник земского движения с 70-х годов XIX в., организатор и председатель «Союза освобождения» (1904), неоднократно подвергался репрессиям (ссылка) за «антиправи-

тельствующую деятельность». Один из основателей и член ЦК (1905–1917 гг.) конституционно-демократической партии, в 1909–1915 гг. – председатель, после 1915 г. – почетный председатель. Депутат I Государственной Думы, председатель к.-д. фракции в Думе и председатель бюджетной комиссии. После подписания Выборгского воззвания (см. примеч. 2 к статье [«О выборах в II Государственную Думу»]) был лишен права быть избранным в Думу. В 1908–1917 гг. – издатель газеты «Речь». В мае 1917 г. на VIII съезде к.-д. партии вышел из состава ЦК по возрасту и состоянию здоровья. С 1919 г. – в эмиграции. Близкий друг В.И. Вернадского с конца 80-х годов.

5. См. примеч. 3 к статье «Русская жизнь и “внепартийные”».

6. Имеется в виду существование и деятельность такой формы законодательной власти как Государственная Дума III (1907–1912) и IV созывов (с 1912 г.).

7. Вероятно в смысле «нововведения». Здесь видно, что в определенной мере В.И. Вернадский выражает симпатии столыпинской аграрной реформе, в той ее части, в какой она привела к увеличению сельскохозяйственного производства, благодаря поддержке крупных хозяйств, внедрявших передовые технологии.

8. Новгородцев Павел Иванович (1866–1924) – общественный деятель, философ, с 1903 г. – профессор Московского университета, специалист в области философии права. С 1904 г. входил в «Союз освобождения», один из учредителей кадетской партии, член ее ЦК с 1906 г., депутат I Государственной Думы, подписал Выборгское воззвание. Был сторонником конституционной монархии, противником социалистической идеи и марксизма в частности. В 1918–1919 гг. – один из руководителей нелегального антибольшевистского «Правого центра», затем «Национального центра». Вернадский часто встречался с Новгородцевым в конце 1919 г. во время переездов по югу России и обсуждал с ним пути выхода России из гражданской войны.

9. Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – общественный деятель, экономист, публицист. В молодые годы – марксист, автор «Манифеста РСДРП» (1898). В 1901–1905 гг. – эмигрант, издатель еженедельника «Освобождение», один из основателей и член ЦК к.-д. партии (с 1905 г.), депутат II Государственной Думы. В 1906–1917 гг. преподавал политическую экономию в Петербургском политехническом институте, с 1917 г. – академик (исключен в 1928 г.). Сторонник оборонческой политики в 1-й мировой войне, убежденный противник большевиков. В 1918 г. инициатор и соавтор публицистического сборника «Из глубины», со многими идеями которого позже солидаризировался Вернадский (подробнее см. примеч. к статье «Русская интеллигенция и новая Россия»). Активный участник Белого движения, член Особого совещания при генерале А.И. Деникине и правительства генерала Врангеля. Сыграл большую роль в организации помощи Франции при эвакуации врангелевской армии из Крыма. С 1920 г. – эмигрант.

10. Эти мысли В.И. Вернадского многократно излагались им в связи с созданием и деятельностью созданной им в октябре 1915 г. Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). Об этом ярко говорится в публицистических статьях, напечатанных в 1917 г. (см. статьи «Аграрная проблема и научно-исследовательская работа», «Задачи науки в связи с государственной политикой в России»).

11. См. примеч. 6 к статье «Выступление на совещании по аграрному вопросу 27–29 апреля 1905 г.».

12. Якушкин Вячеслав Евгеньевич (1856–1912) – историк, литературовед, внук декабриста И.Д. Якушкина. С 1906 г. – член-корреспондент Академии наук, один из редакторов первого академического издания сочинений А.С. Пушкина.

13. Черненков Николай Николаевич – экономист-аграрник. Член ЦК кадетской партии в 1905–1912 гг. В мае 1917 г. вновь избран в ЦК, в октябре 1917 г. – член Временного совета Российской республики (Предпарламент) от к.-д. партии.

14. Имеются в виду Государственная Дума и Государственный Совет.

УКРАИНСКИЙ ВОПРОС И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

Украинский вопрос есть вопрос старый – он ровесник появлению украинского этнографического элемента в составе Московского государства. В разное время вопрос этот принимал разные формы.

Сущность украинского вопроса заключается в том, что украинская (малорусская) народность выработалась в определенно очерченную этнографическую ин-

дивидуальность с национальным сознанием, благодаря которому старания близких и дальних родичей обратить ее в простой этнографический материал для усиления господствующей народности оставались и остаются безуспешными.

Национальное самосознание украинцев развивалось на почве этнографических отличий, особенностей психики, культурных тяготений и наслоений, связывающих Украину с Западной Европой, и исторически сложившегося уклада народной жизни, проникнутой духом демократизма.

Когда польско-украинская борьба закончилась добровольным присоединением Украинского государства к Московскому Царству, на основании договора 1654 г. [1], одновременно начался долгий, до сих пор не закончившийся, период трений между украинским населением и русской властью, обусловленных централистическими стремлениями последней.

В XVII и XVIII веках русско-украинские отношения сводились к постепенному поглощению и перевариванию Россией Украины как инородного политического тела, причем попутно ликвидировались основы местной культурной жизни (школа, свобода книгопечатания) и подвергались преследованию даже этнографические отличия. Последовательное развитие новых начал управления к концу XVIII века успело мало-помалу сгладить следы административной автономии на Украине, а сопутствовавшее новому укладу жизни разложение социальных отношений ослабило оппозицию украинцев великорусскому централизму. Как и в период польского владычества, высшие слои украинского общества в значительной части шли навстречу объединительным тенденциям правительства, а народные массы, по мере распространения на Украине новой социально-экономической структуры, обращались в живой инвентарь государственного хозяйства, теряя значение активной силы в национально-культурной жизни края.

Процесс разложения политического единства Украины проходил не без протестов со стороны сознательных элементов украинского населения и не без чрезвычайных мер со стороны государства, ускорявших водворение нового строя на развалинах старого. Были вспышки местных бунтов, попытки первых гетманов спасти политическую самостоятельность края при помощи иных держав, были открытые военные восстания, подавление которых вело за собою жестокие репрессии со стороны центрального правительства. Вместе с тем, последнее применяло разнообразные способы уничтожения военной силы Украины вплоть до специальных карательных экспедиций (разрушение Сечи) и выселения [2].

По мере ослабления национальной жизни Украины протест против русского централизма принимал иные формы, но не прекращался до конца XVIII в. Одна за другою в Петербурге появлялись депутации, ходатайствовавшие о сохранении и восстановлении народных прав. Созыв Екатериною II депутатов для обсуждения вопросов государственного характера вызвал на Украине целое движение протестов против обезличивания украинского народа и лишения его политических прав [3]. Наиболее пылкие украинские политики даже и в этот период считали себя вправе высказывать свои жалобы на действия русского правительства иностранным государям. В литературных произведениях этого времени не умолкает скорбь об утраченных правах и национальных вольностях [4].

В XIX в. Украина как политический организм с самостоятельную внутреннюю жизнью перестала существовать, будучи окончательно, по выражению Петра Великого, «прибрана к рукам» Россией. Все следы автономного строя исчезли, все особенности местного уклада, соответствовавшие народному характеру и составлявшие лучшее приобретение национальной культуры, – как организация народного просвещения, своеобразный строй церковно-религиозной жизни, – уступили свое место общерусскому порядку, державшемуся на трех китах: централизм, абсолютизм, бюрократизм. Борьба за политические интересы старой Украины закончилась за отсутствием объекта этой борьбы.

Но национальная жизнь на Украине не исчезла; она в это время начала возрождаться в новых формах, соответственно новым условиям. Благодаря обращению украинских писателей к живой народной речи получила значительное развитие обновленная литература, близкая к широким массам украинского населения и послужившая могучим фактором национального украинского движения.

Совпавшее с этим периодом возрождение западнославянских народностей дало новую почву и широкое научное и культурное обоснование украинскому национальному движению как одному из составных элементов стремления человечества приобщить народные массы к достижениям культуры и утвердить торжество демократических идей.

Первые идеологи этой стадии украинского движения исходили из идеи равноправия украинской народности с другими славянскими народами и ставили своим идеалом восстановление национально-политической самостоятельности Украины в составе России на началах федеративного устройства и широкого демократического строя в местном управлении. В дальнейшем развитии движения украинское общество отстаивало главным образом свои права на свободное культивирование народного языка в сфере школы и литературы, относя национально-политическую автономию края к постулатам более отдаленной очереди.

Возрождение украинского движения в новых формах вызвало на первых же порах суровые репрессии правительства и положило начало новому периоду борьбы официальной России с украинской народностью, – на этот раз уже главным образом с национально-культурною стороною ее жизни как с реальным обоснованием национального самосознания украинской интеллигенции. В официальной терминологии украинское движение этого периода получило название «украинского сепаратизма».

Меры правительства против украинского движения, не считая личного преследования украинских деятелей, выразились в исключительном цензурном режиме, ограничивавшем употребление украинского языка в печати самыми узкими рамками, – в стеснении украинской драматургии и сцены, в гонении на украинский язык в школе, в общем враждебном отношении ко всякому оказательству украинского национального самосознания или даже стихийного влечения к национальному украинскому элементу.

В частных проявлениях борьбы с «украинским сепаратизмом» администрация, особенно местная, доходила до преследования самых невинных и естественных проявлений национальной украинской стихии, как пение народных песен, выступления кобзарей и т.п.

В какой мере в этих случаях правительственная политика не считалась с интересами просвещения и культуры, видно из того, что с наибольшим ожес-

точением украинская национальная идея преследовалась в церковно-религиозной и школьной литературе. Именно там, где украинская интеллигенция видела лучшее орудие просвещения и наиболее прямой путь к моральному и культурному подъему народных масс, правительство видело лишь угрозу единству русского народа и прочности государства.

Период интенсивной борьбы с украинским движением продолжался, с некоторыми колебаниями и перерывами, более 50 лет, с 1847 по 1905 г. Наиболее острые моменты: 1847 (Кирилло-Мефодиевское братство [5]), 1863 (запрещение религиозной литературы [6]), 1876 (запрещение всех видов литературы, кроме беллетристики [7]), 1881 (подтверждение этого режима [8]). Мотивировалась эта борьба утверждениями об этнографическом, культурном и языковом единстве отдельных ветвей украинского народа, о равномерном участии этих видов в создании русского литературного языка, общегосударственной роли которого исключает-де необходимость в параллельном развитии иных языков и литератур русского корня; рядом с этим указывалась государственная опасность украинского «политического сепаратизма» и преобладания в украинском движении антигосударственных социалистических тенденций; наконец, высказывались подозрения и обвинения в инородном или иноземном происхождении украинского движения, внушаемого и поддерживаемого исконными врагами России, каковы поляки, немцы и т.п.

Правительственная политика этого периода стремилась к определенной цели – достичь полного слияния украинцев с господствующей народностью и уничтожить вредное для последней сознание своей национальной особенности в украинском населении. В своем существе эта политика великорусского национального централизма была, таким образом, не менее сепаратистской, нежели подозреваемое в сепаратизме украинское движение; только официальный сепаратизм был великорусский и клонился к претворению огромного, многоязычного и многокультурного государства в нивелированную по великорусскому образцу страну, великой России – в Великороссию.

Освободительное движение в короткий промежуток 1905–1907 гг. дало украинцам свободу от специальной цензуры, прессу, расширение рамок литературной работы, попытки организованной общественной деятельности в сфере народного просвещения. Правящие круги в поворотный момент русской истории (конец 1904 и начало 1905) пошли навстречу и украинской народности в ее наиболее настоятельных нуждах, результатом чего явилось возбуждение вопроса о снятии с украинской письменности цензурных ограничений и разрешение издать украинский перевод четвероевангелия [9]. Украинское национальное самосознание проявило себя в этот период национальным представительством в первой и второй государственных думах [10], от которого исходили веские и обоснованные заявления о ждущих своего разрешения нуждах украинского населения в области народной школы, о национализации среднего и высшего образования, а также местных правительственных установлениях, наконец, о реформах местного управления, экономических и социальных отношений. Эти голоса, однако, уже не были услышаны и вместе с кризисом народного представительства умолкли. Наступил новый период гонений на украинское движение.

Период этот совпал с усилением националистических тенденций в русском обществе, на которые оперся в своей внутренней политике Столыпин.

Борьба с стремлениями инородцев к национальному самоопределению сделалась одним из лозунгов столыпинского управления [11], – и в число этих инородцев правительством определенно и сознательно включаются украинцы. Сенатский указ о закрытии польской Oświaty, как организации, содействующей культурному обособлению поляков от России, служит исходною точкою для действий администрации по отношению к украинским «Просвітам» [12] и другим общественным организациям. В ряде циркуляров по ведомству М[инистерства] в[нутренних] д[ел] Столыпин объявляет борьбу с украинством государственною задачею, лежащею на России с XVII столетия. Наконец, в качестве кодекса официальных воззрений на украинское движение является исследование Щеголева [13].

Осложняющим моментом в украинском вопросе являлось развитие украинского движения за пределами России – в Галиции. Там движение началось в середине XIX в. и носило, как и в России, исключительно культурно-национальный характер с тенденциею к усовершенствованию форм внутреннего управления своей страны. Более широкие рамки политической жизни способствовали успехам украинской культуры в Галиции. Литературные и общественные силы российской Украины в периоды усиленных репрессий отливали в Галицию и также участвовали в местной культурной работе. В итоге украинцы усвоили взгляд на Галицию как на Пьемонт [14] украинского национального возрождения, тогда как русские официальные сферы привыкли смотреть на нее как на очаг украинского сепаратизма, поддерживаемый чужеродными влияниями. Реакционные москвофильские течения [15] Галиции служили опорой такому взгляду.

Отношение широких кругов русского общества к украинскому движению прошло значительную эволюцию. Спокойно-равнодушное вначале, с некоторым интересом к нарождающейся литературе и с идейным сочувствием к национальному возрождению украинцев со стороны отдельных представителей славянофильской мысли, в дальнейшем оно дифференцировалось. Националистические течения относились к украинству подозрительно-враждебно, примыкая к официальной политике. Культурное значение пренебрегалось, социальная сторона вызывала опасения, национальная – отвергалась. Прогрессивные круги отвлеченно сочувствовали, но практически держались пассивно, не вникая в положительные стороны движения и не останавливаясь на принципиальной недопустимости стеснения в области культуры. Широкое развитие украинской изящной литературы, успехи украинской науки в Галиции, культурный и экономический подъем украинского населения в этом крае как наглядное доказательство плодотворности национального начала в народном просвещении – все это прошло мимо внимания русских общественных кругов. На этом фоне общественного равнодушия лишь временами выделялись единичные случаи глубокого понимания вопроса и активно сочувственного отношения, мотивируемого широко толкуемыми интересами национального единства и целостности России. Выражением такого положительного отношения к украинскому вопросу явилась записка Академии Наук 1905 г. [16] об отмене стеснений малорусского печатного слова, которая имела огромное значение как противовес успешному образованию отчуждению между украинской интеллигенцией и русским обществом.

В последнее десятилетие с усилением в обществе националистических настроений выяснилось отрицательное отношение к украинскому движению

даже в известной части прогрессивных элементов общества, в глазах которых главная опасность движения заключается именно в его культурной роли, угрожающей России национальным и культурным расколом. Эти элементы сознательно поддерживают противукраинскую политику правительства, их не шокируют административные способы оценки и разрешения вопросов педагогики, филологии, культуры. Из этой среды появляются затем провозвестники великорусского империализма, признающие право творить культуру только за большими нациями и на этом основании обрекающие культуру 30-миллионного украинского народа на растворение в великорусском море.

Вражда официальной и националистической России к украинскому движению вызвала к себе интерес и внимание в идеологах и руководителях воинствующего германизма, для которого она представлялась благоприятным фактором в случае возможной борьбы против России.

Это внимание германских политиков к украинскому вопросу не только не побудило русское правительство и общество изменить свое к нему отношение и разрешить его согласно принципам общечеловеческой справедливости, настоятельным нуждам украинской народности и пользам государства, но окончательно ожесточило враждебные украинству элементы, объединив их в ненависти к новому «мазепианству» [17].

Война 1914 г. в известной мере явилась результатом этого рода настроений, ибо отношения между Россией и Австрией определялись по преимуществу славянофильско-националистической идеологиею, в которой одно из главных мест занимало враждебное отношение к росту украинской культуры в Галиции и стремление к «воссоединению подъяремной Руси» с Россией на началах этнографического единства.

Успехи России на австрийском фронте в первые месяцы войны дали возможность правительству при содействии националистов предпринять уничтожение ненавистного «очага мазепианства». Осуществлялся этот план с чисто германскою последовательностью и жестокостью – путем полного разрушения украинской общественности и культуры в Галиции и насильственного изгнания из нее интеллигентных сил.

Период неудач, повлекший за собой отступление из Львова, отрезвил увлекшихся националистов и побудил правительство смягчить свою нетерпимость к украинской национальности в оккупированных частях Галиции. Но общее отношение к украинскому движению не изменилось, о чем свидетельствует тяжелое положение высланных галичан и продолжающиеся цензурные притеснения украинской прессы и литературы в России, которые в последнее время, по-видимому, имеют тенденцию восстановить для украинского слова действие доконституционного режима [18].

Вместе с тем силою вещей «освобождение подъяремной Руси» принимает дальнейшие своеобразные формы. В договорах союзных держав с Румынией видное место занимает передача ей Буковины [19], а в переговорах с поляками относительно государственного устройства будущей Польши упоминается предстоящая уже теперь замена русского управления польским в «завоеванных частях польской территории»; предположение это, очевидно, касается оккупированной русскими войсками части восточной Галиции, как известно, составляющей не польскую, а исконно украинскую территорию. «Освобождение» свелось, таким образом, сперва к разрушению украинской

культуры во имя русского единства, а затем – к отдаче украинского населения Буковины и Галиции в жертву румынизации и полонизации.

Нового в этом для украинской народности, впрочем, мало. И в прошлом ее интересы жертвовались государством в пользу более сильных или более нужных в данный момент соседей – чаще всего в пользу поляков, несмотря на извечную русско-польскую вражду. В XVII веке Андрусовский договор [20] разделил украинскую территорию между Россией и Польшей. В XVIII веке Екатерина II помогла полякам подавить восстание украинского крестьянства против польской власти в то самое время, как восставшие считали, что они действуют в интересах России [21]. В XIX веке правительство становится на сторону польских аграриев против украинского демократизма, а слепая борьба с унией содействует полонизации Холмщины [22]. В XX веке произведенное русскими руками обескровление восточной Галиции восстановило в ней прежнее влияние польской культуры, подорванное было развитием культуры украинской. В подобных случаях интересы русского дела, русской идеи, русского единства руководителями русской политики в расчет не принимались.

По мнению украинского общества, русские прогрессисты пассивным отношением к украинскому вопросу совершают огромную историческую и политическую ошибку. Они усиливают этим позицию правительства и националистов, вместо того, чтобы своею критикою, построенною на тех же исходных точках, какими пользуется официальная теория, разоблачать ее вред и опасность. Голос украинской интеллигенции, при укоренившихся предубеждениях против украинского движения, не может быть убедителен для правительства и широких, мало знакомых с сущностью вопроса общественных кругов. Тогда как авторитеты русской науки и признанные представители русской общественности своим влиянием могли бы, если не окончательно разрешить украинский вопрос, то все же сдвинуть его с мертвой точки и приблизить разрешение этого векового, тяжелого государственного недоразумения.

Опасность для России не в украинском движении как таковом, а в предвзятой трактовке его в качестве вредного и притом наносного явления в государственном и национальном организме. При таком взгляде движение, по существу естественное, органическое и имеющее равное право на существование со всеми аналогичными движениями, отодвигается в ряды бесправных, а потому враждебных данному государственному укладу явлений, легко воспринимающих оттенки чуждых влияний и тяготений. При отказе от традиционной политики самое широкое развитие украинской культуры вполне совместимо с государственным единством России, даже при соответствующих стремлениям украинцев реформах внутреннего строя. Продолжение же противукраинской политики сохраняет в государственном организме язву бесправия и произвола, парализующую всякий успех прогрессивных начал не в меньшей мере, чем сохранение пресловутой черты оседлости.

Страх перед племенным и культурным «расколом» ради отвлеченной и проблематической опасности укореняет опасность реальную – примирение с насилием и произволом. Украинцы в этом раздвоении культуры видят, наоборот, расцвет заложенных в русское племя данных и боятся нынешнего фактического раскола в русском обществе, обусловливаемого диаметральной противоположностью точек зрения сторонников и противников украинской

идеи. Антагонисты украинства не желают допустить свободы украинского движения из страха политического и культурного ущерба для России – украинцы видят ущерб именно в отсутствии этой свободы и в возможности сомнений и колебаний по такому ясному и простому вопросу. Лучшие из сомневающих не уверены, что следует допустить украинское движение, украинцы же считают преступлением против общечеловеческого права противодействие просветительской и культурной работе в каких бы то ни было живых национальных формах. Отсюда растущая пропасть взаимного недоверия, переходящего во вражду.

Украинская интеллигенция ждет от России полного признания за украинскую народность прав на национально-культурное самоопределение, т.е. прав на свободную национальную работу в сфере школы, науки, литературы, общественной жизни; украинцы полагают, что в интересах не только местной украинской, но и общерусской культуры не ставить препятствий их стремлениям к украинизации местной общественной и церковно-религиозной жизни, а также местного самоуправления. В общем, украинцы считают, что свобода украинской культуре требуется именно интересами русского дела и что сохранить украинцев как русских Россия может лишь приняв их со всем национально-культурным обликом как украинцев. Так как украинское движение органично и питается корнями народной жизни, то оно никогда не угаснет, а, следовательно, положительное разрешение украинского вопроса для государства, не отказывающегося от основных начал правового строя, неизбежно, и всякие отсрочки и проволочки в этом разрешении только углубляют внутренний разлад в государстве, обществе и народе.

Вопрос идет об охране интересов самой подлинной культуры, при этом способной проникнуть в народные массы гораздо глубже и шире, чем та общерусская культура, именем которой оперируют враги украинского движения.

Вопрос идет об отказе от тех самых приемов государственного насилия в национальных отношениях, которые теперь так часто ставятся в упрек германизму.

Вопрос идет о сохранении за Россией культурного и политического воздействия на украинское движение, ибо при нынешней политике всегда будут поддерживаться условия, способствующие тяготению к внешним центрам, как у поляков было к Кракову, у литовцев – к Кенигсбергу, у украинцев – ко Львову и Черновцам.

Вопрос идет, наконец, о сохранении и развитии русского племени из его исконных корней, об усилении его сопротивляемости чуждым влияниям, об устранении условий, ослабляющих и разлагающих украинскую народность и искусственно отклоняющих ее интересы в сторону нерусских тяготений.

Представители сочувственно относящихся к украинскому движению кругов русского общества должны взять этот вопрос в свои руки. Необходимо признать, что ни преследования со стороны правительства, ни отсутствие общественной поддержки не приостановят работы, которую несет на себе, в интересах своего народа, украинская интеллигенция. Но общественное равнодушие перед фактом национального бесправия может поселить в украинцах убеждение в полной безнадежности нормального эволюционного пути для достижения условий, благоприятствующих их национальной работе.

А отсюда, как естественное последствие, могут развиваться, с одной стороны, пораженческие настроения, а с другой – тенденции к уклонению от общегосударственной работы и к сосредоточению всех сил на интересах своей народности, которое во всяком случае обещает больше практических успехов. Убедительным примером в этом смысле являются поляки и их тактика полного безразличия к вопросам текущей русской государственной и общественной жизни, поскольку они не связаны с чисто польскими интересами.

Одним из средств, с помощью которых можно было бы видоизменить в благоприятном смысле отношение русского общества к украинскому вопросу, могут быть публичные выступления, наподобие предпринятого группой ученых издания брошюр по чехословацкому и южнославянскому национальным вопросам. Возможны и иные формы воздействия на малоосведомленные или предубежденные против украинского движения круги общества и влиятельные сферы.

В области публицистики программа практических начинаний на первое время могла бы быть следующая:

а) Установление правильного взгляда на украинское движение в специальных изданиях от имени группы русских ученых и общественных деятелей.

б) В частности, содействие скорейшему разрешению школьного вопроса путем освещения роли родного языка в народной школе и мер освобождения украинского языка от лежащих на нем в этом отношении ограничений.

в) Содействие введению специальных дисциплин по украиноведению в высшей школе и соответствующих предметов в средней.

г) Содействие отмене всяких ограничений в области литературы, прессы и культурной работы, установленных для украинцев.

д) Быть может, было бы также не неуместно возвысить голос, в общерусских и украинских интересах, против предположенной отдачи украинского населения Буковины и Галиции под власть Румынии и Польши.

Этот вопрос примыкает к более общему вопросу – о судьбе украинской культуры в Галиции и Буковине, полное разрешение которого теперь, конечно, преждевременно, но принципиальное освещение желательно, а некоторые практические шаги, как, например, реабилитация эвакуированных из Галиции украинцев, – и безусловно необходимы [23].

[1916 г.]

Печатается по тексту публикации в: Дружба народов. 1990. № 3. С. 247–254. Оригинал – в ГА РФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 134.

ПРИМЕЧАНИЯ

Жизнь и деятельность В.И. Вернадского была тесно связана с Украиной. Родители Владимира Ивановича вели свое происхождение от польской шляхты и запорожских казаков. Отец Вернадского, Иван Васильевич, – воспитанник Киевского университета, был знаком с Т.Г. Шевченко, дружил с М.А. Максимовичем – первым ректором Киевского университета; дядя матери В.И. Вернадского, Н.И. Гулак, был одним из организаторов Кирилло-Мефодиевского братства (см. примеч. 5). Родители В.И. Вернадского прекрасно знали украинский язык и культуру Украины, сам Владимир Иванович также свободно говорил и читал по-украински. Работая в Москве и Петербурге, Вернадский ежегодно, в течение почти 30 лет, хотя бы несколько дней проводил с семьей на Украине, где жили родители его жены Натальи Егоровны

Старицкой. Первые опыты научного исследования Вернадского-гимназиста связаны с изучением истории славянства. В Архиве РАН содержатся его подготовительные материалы к работе по истории Угорской (Закарпатской) Руси, так и оставшиеся неопубликованными, несмотря на то, что к этой теме Владимир Иванович неоднократно возвращался на протяжении нескольких десятилетий. Оригинал рукописи под заголовком «Украинский вопрос и русское общество» (без датировки) хранится в ГА РФ (Ф. 523. Оп. 3. Д. 34), а копия – в Архиве РАН (Ф. 518. Оп. 1. Д. 220Б).

Впервые статья была опубликована в переводе на украинский (Українське питання і російська громадськість // Вітчизна. 1988. № 6. С. 172–177) и белорусский языки (Українське питання і російська грамадскасць // Польша. 1988. № 12. С. 150–156). На языке оригинала (русском) опубликована одновременно И.И. Мочаловым в журнале «Родина» (1990. № 1. С. 92–95) и В. Брюховецким в журнале «Дружба народов» (1990. № 3. С. 247–254). В настоящем издании мы воспроизводим текст по публикации В. Брюховецкого.

Судя по содержанию статьи, она была написана не ранее лета 1915 г., поскольку есть упоминание о сдаче русской армией Львова. Возможно она была задумана раньше, в связи с анкетой, распространенной журналом «Украинская жизнь» в 1912 г. Анкета, по замыслу ее авторов, должна была способствовать поддержанию внимания и интереса русского либерального общества к украинскому национальному движению. Особенно остро украинский вопрос встал во время Первой мировой войны в связи с событиями в Галиции и позицией правительства и русских националистов в отношении западных украинцев (см. примеч. 23). В 1914–1917 гг. ЦК кадетской партии сформировал несколько комиссий по национальному вопросу. В.И. Вернадский активно участвовал в работе двух из них: по украинскому и литовскому вопросам. Кадеты не соглашались принять требования украинских либералов (Союз автономистов-федералистов) относительно национально-территориальной автономии Украины и поддерживали лишь культурно-национальную автономию. В практической работе к.-д. фракция голосовала лишь за более чем умеренный думский законопроект о разрешении преподавания на родном языке в украинской начальной школе, обсуждавшийся в 1908 и 1910 гг.

С началом Первой мировой войны кадеты заняли твердую проправительственную позицию по отношению к сепаратистским движениям на российских национальных окраинах. Так, в ноябре 1916 г. на заседании кадетского ЦК были приняты решения в поддержку имперской политики по отношению к Польше (самоуправление в рамках Российской империи).

Очевидно, что Вернадский в основном солидарен с точкой зрения о недопустимости образования независимого от России украинского национального государства, однако стремится поддержать движение украинской интеллигенции против дискриминации своей культуры, т.е. целенаправленной имперской политики ассимиляции украинского народа.

1. Речь идет о решении Переяславской рады, созванной гетманом Богданом Хмельницким 8 января 1654 г., о воссоединении Украины с Россией. Условия, на которых Украина была принята в состав Российского государства, были изложены в «Статьях», подписанных в Москве в марте 1654 г. На Украине сохранялись военно-административные органы управления во главе с выборным гетманом, в «Статьях» были определены также права казацкой старшины и верхушки духовенства.

2. Измена гетмана И.С. Мазепы, перешедшего на сторону шведского короля Карла XII, вызвала ответные меры со стороны царского правительства. 14 мая 1709 г. Запорожская Сечь была разгромлена. Бежавшие на территорию Крымского ханства запорожцы образовали там так называемую Алешковскую Сечь, просуществовавшую до 1734 г. (до возвращения казаков в Россию).

После подавления крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева, в которой участвовали и украинские казаки, в июне 1775 г. Сечь была ликвидирована. Часть казаков бежала в Турцию (Добруджу) и основала там Сечь Задунайскую.

В 1787 г. из части бывших запорожцев, поселенных в пограничных районах на Южном Буге было образовано Черноморское казачье войско. В 1792–1793 гг. оно было переселено на Кубань.

3. Речь идет о работе Комиссии по созданию проекта нового Уложения (Кодекса законов) (1767–1774 гг.), образованной Екатериной II. В Комиссии были представлены депутаты от 14 родов Левобережной и Слободской Украины и Запорожской Сечи.

4. Это прежде всего произведения украинских просветителей Г.С. Сковороды, Я.П. Козельского, В.В. Капниста.

5. Кирилло-Мефодиевское братство – тайная политическая организация, имевшая своей целью создание славянской демократической федерации во главе с Украиной. Возникло в Киеве в декабре 1845 – январе 1846 г. и просуществовало до марта 1847 г. Учредителями общества являлись: историк Н.И. Костомаров, педагог В.М. Белозерский, Н.И. Гулак (дядя матери В.И. Вернадского), в общество входили Т.Г. Шевченко, П.А. Кулиш и др. Численность его составляла несколько десятков человек. В марте 1847 г. члены общества были арестованы и приговорены к различным мерам наказания.

6. 20 июня 1863 г. появился циркуляр министра внутренних дел П.А. Валуева о запрещении печатания религиозных и учебных книг на украинском языке, применение украинского языка разрешалось лишь для «изящной словесности». Циркуляр, одобренный царем, не был, однако, облечен в форму закона и действовал как административное распоряжение. В 1876 г. это распоряжение было возобновлено в еще более жесткой форме.

7. 18(30) мая 1876 г. Александр II, находившийся в это время на лечении в немецком курортном городе Эмсе, подписал распоряжение (вошедшее в литературу под названием Эмский акт), запрещающее ввоз украинских книг из-за границы, печатание в империи произведений на украинском языке и украинских переводов с русского и иностранных языков. Разрешалось только издание исторических документов и памятников с соблюдением правописания подлинников и произведений изящной словесности, но без всяких отступлений от общепринятого русского правописания. Запрещались также театральные представления и печатание текстов к нотам на украинском языке.

8. 8 октября 1881 г. было утверждено постановление, несколько облегчавшее положение украинского языка: оно разрешало издание украинских словарей, печатание украинских текстов к нотам. Это постановление, как и два предыдущих, не было обнародовано, а лишь доведено до сведения соответствующих органов управления.

9. В конце 1904 г. Комитет Министров обратился к Академии наук, Киевскому и Харьковскому университетам с предложением рассмотреть вопрос об отмене стеснений украинского печатного слова. Уже в марте 1905 г. в Комитет Министров поступили записки от запрошенных учреждений, в частности записка «Об отмене стеснений малорусского печатного слова» от комиссии, созданной для рассмотрения этого вопроса Академией наук.

Четвероевангелие – или Евангелие – часть Библии – Новый Завет. В Новый Завет входят четыре Евангелия: от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна.

10. Речь идет об Украинской думской громаде – фракции в I и II Государственных Думах. В I Государственной Думе она насчитывала 40 человек. Идейным вдохновителем фракции был историк М.С. Грушевский. Основными требованиями Украинской думской громады были: предоставление политической автономии Украине в этнографических границах, введение украинского языка в школах, судах и местных административных органах. В II Государственной думе в состав Украинской Думской громады входило 47 человек. Она имела свой журнал «Украинский вестник», ее органом была также газета «Рідна справа».

11. После революции 1905–1907 гг. в консервативных кругах значительное распространение получили идеи национализма. Наиболее ярко это проявилось в отношении финляндского, польского и еврейского вопросов. Угрозу сохранения «единой и неделимой» России консерваторы видели прежде всего в автономии Финляндии и ее конституции. П.А. Столыпин требовал покончить с финляндским сепаратизмом. 17 марта 1910 г. он внес в III Государственную Думу проект «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общеимперского значения», ущемлявший права финляндского сейма. Закон был принят 17 июня 1910 г.

В том же духе был составлен законопроект Столыпина о введении земства в шести западных губерниях (Минской, Витебской, Могилевской, Киевской, Вольнской и Подольской), где среди помещиков преобладали этнические поляки. Столыпин заявил, что новое земство должно быть «национально-русским» (украинцы и белорусы официально были причислены к русским). Этот законопроект был принят Думой, но отвергнут Государственным Советом, опасавшимся возникновения крестьянского большинства в земских собраниях, хотя в законопроекте имелись пункты, ограничивавшие представительство крестьян.

Значительного размаха достиг антисемитизм. Вопреки циркуляру Министерства внутренних дел от 22 мая 1907 г. о приостановлении выселения евреев, незаконно поселившихся вне черты оседлости, возобновились массовые выселения евреев из Киева, Смоленска, Чернигова, Гомеля, Полтавы и других городов. Кульминацией антисемитского разгула стало известное «дело Бейлиса». В марте 1911 г. в Киеве шайкой уголовников был убит 12-летний Андрей

Юшинский. Черносотенные организации заявили, что убийство совершено евреями с ритуальной целью. В убийстве был обвинен Мендель Бейлис – служащий кирпичного завода, вблизи которого нашли труп мальчика. Суд присяжных оправдал Бейлиса. Особый циркуляр Столыпина от 20 января 1910 г. запретил открытие каких-либо «инородческих» обществ и союзов «в том числе украинских и еврейских, независимо от преследуемых ими целей».

12. «Oswiata», «Просвіта» – культурно-просветительские организации в Польше и Украине, существовавшие со второй половины XIX в. «Просвіта» была основана в 1868 г. во Львове с целью распространения просвещения в народе; издавала книги украинских авторов, школьные учебники, популярные брошюры, журналы и газеты на украинском языке. Во время революции 1905–1907 гг. либеральная интеллигенция основала организации «Просвіта» в Одессе, Екатеринославе, Житомире, Николаеве, Мелитополе, Козельске, Нежине.

13. Речь идет о книге киевского цензора С.Н. Щеголева «Украинское движение, как современный этап южнорусского сепаратизма», изданной в Киеве в 1912 г. С.Н. Щеголев был известен своими шовинистическими взглядами.

14. Пьемонт – область на северо-западе Италии, играл значительную роль в итальянском национально-освободительном движении XIX в. Вокруг Сардинского королевства, основной частью которого являлся Пьемонт, в 1859–1860 гг. произошло объединение Италии.

15. Москвофилы – общественно-политическое течение в Галиции, на Буковине и в Закарпатской Украине во второй половине XIX – начале XX в., объединявшее консервативную интеллигенцию, часть духовенства и сельской буржуазии. Москвофилы пропагандировали «единую неделимую русскую народность», к которой относили и украинцев. Считали, что они должны стремиться не к развитию собственной национальной культуры, а к усвоению культуры великорусской.

16. Записка «Об отмене стеснений малорусского печатного слова» была составлена комиссией, в которую вошли академики: Ф.Е. Корш (председатель), В.В. Заленский, А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Ольденбург, А.С. Фаминцын, Ф.Ф. Фортунатов и А.А. Шахматов. Комиссия пришла к выводу: «знакомство с прошлым поднятого в настоящего время вопроса побуждает нас высказаться за необходимость отмены Высочайше одобренного распоряжения 1863 года и Высочайших повелений 1876 и 1881 года» (см. также примеч. 6, 7, 8).

17. Термин «мазепианство» происходит от имени гетмана И.С. Мазепы. Его имя стало синонимом предательства.

18. В 1907 г., например, из 18 периодических украинских изданий осталось 9, в течение следующих лет их количество продолжало уменьшаться. В мае 1908 г. правительство отклонило внесенный в Думу законопроект о разрешении преподавать на родном языке «в начальных школах местностей с малороссийским населением». Циркуляром министра внутренних дел от 20 января 1910 г. (см. также примеч. 11, 12) были закрыты организации «Просвіта» в Киеве, Одессе, Чернигове, Полтаве, Нежине.

19. После побед русских войск в Галиции в кампании 1914 г., определяя основные условия будущего мира, царская дипломатия предполагала присоединение к России нижнего течения Немана и Восточной Галиции. Верховное командование русской армии, желая втянуть в войну на стороне Антанты Румынию, предлагало ей занять Южную Буковину и Трансильванию. Румынское правительство, однако, выжидало, заключив 1 октября 1914 г. соглашение лишь о «доброжелательном нейтралитете» по отношению к России. Взамен Россия гарантировала ей территориальную неприкосновенность и признала право присоединить «населенные румынами области Австро-Венгерской монархии».

20. По Андрусовскому перемирию 1667 г., завершившему русско-польскую войну 1654–1667 гг., Речь Посполитая признала воссоединение Левобережной Украины с Россией; Киев с небольшим округом передавался России на два года; Запорожская Сечь объявлялась под совместным управлением России и Речи Посполитой.

21. Речь идет о «Колиивщине» – крупном крестьянско-казацком восстании 1768 г. на Правобережной Украине против феодального, национального и религиозного гнета шляхетской Польши. Восставшие надеялись на помощь царского правительства. Но размах движения, опасение, что оно может перекинуться на Левобережную и Южную Украину заставили правительство направить войска против повстанцев. Восстание было подавлено, сотни человек были казнены, тысячи отправлены на каторгу.

22. Холмщина (Холмская Русь, Забужье, Забужская Русь) по решению Венского конгресса 1815 г. вошла в состав Царства Польского, входившего в свою очередь в состав России. На-

селение Холмщины, преимущественное украинское, принадлежало к греко-униатской церкви (униатская церковь соединяла православие и католичество на основе Брестской унии 1596 г.) и постоянно испытывало давление католицизма со стороны Польши и православия со стороны России. В 1875 г. униатская церковь была воссоединена с православной, униатское население обращалось в православие. После издания указа 17 октября 1905 г. о веротерпимости наступила реакция на эти действия: в течение двух лет около 200 тыс. человек в Холмщине перешли в католичество. В 1912 г. из восточных частей Люблинской и Седлецкой губерний была создана Холмская губерния с выделением ее из состава Царства Польского.

23. Речь идет об административном выселении из занятой русскими войсками Восточной Галиции «неблагонадежных» лиц. Это были прежде всего священники, профессора, учителя, врачи, адвокаты, инженеры, студенты, а также крестьяне и рабочие. Они отправлялись по этапу главным образом в Киев, где содержались в тюрьмах и полицейских участках, а затем высылались в отдаленные губернии и Сибирь. Был, в частности, арестован и выслан в Курск митрополит униатской церкви граф Андрей Шептицкий, его обвиняли в «руссофобской агитации». В Томскую губернию был сослан униатский епископ Стефан Юрек – доктор философии и профессор церковного права Львовского университета. В Киеве был арестован и сослан в Симбирск известный деятель украинского движения, историк М.С. Грушевский. В Галиции было запрещено издание газет на украинском языке.

МИР БЕЗ АННЕКСИЙ

Начинается, наконец, и у нас царство свободы печати. Зарождение этой свободы дается нам трудно, встречая неожиданные препятствия, как мы это видим в недавно напечатанном приказе Совета рабочих и солдатских депутатов о запрещении, приостановлении и разрешении выпуска газет [1]. Едва ли можно сомневаться, что эти новые отголоски старого строя столь же мало остановят свободу печати, как не могли ее остановить их ближайшие родичи – цензурные комитеты и полицейские распоряжения старой власти.

Свобода печати вызвала на свет, на свободное обсуждение те течения мысли русского общества, которые до сих пор скрывались в частных беседах, в невысказанных мотивах общественного настроения. Таковы течения, связанные с мыслью о возможности мира без победы над грозным врагом, занявшим значительные части нашей земли, державшим в своем порабощении миллионы свободных русских граждан. Появление этих настроений на свет Божий можно только приветствовать, их свободное и полное обсуждение только желательно, ибо лишь этим путем выявится их истинный смысл и их реальное содержание.

Эти настроения выражаются в пропаганде идеи немедленного заключения «мира без аннексий» [2]. Это формула, которая выдвинута в Германии частью немецкой социал-демократии и примыкающих к ней интеллигентских кругов. Можно думать, что она отвечает там и бесформенным чаяниям уставших и страдающих народных масс. Там она имеет ясное и определенное содержание, связанное с восстановлением государственных границ, бывших в Европе до войны – и, следовательно, с сохранением прежнего положения и для тех народностей, которые входят в состав Германии, Австро-Венгрии, Балканских государств.

Но что значит «мир без аннексий» для России? Значит ли это, что русская демократия входит в пределы прежних границ русского государства и остается безучастной к судьбе народов, находящихся за этими пределами? И каким образом она может войти в прежние пределы Российского государства без

дальнейшей и упорной борьбы? В Германии формула «мира без аннексий» понятна, потому что ни пяди германской земли сейчас не занято неприятелем и Германия сейчас захватила Люксембург, значительные части России, Бельгии и Франции. Но для России «мир без аннексий» недостаточен, эта формула для нее двусмысленна, если к ней не будет прибавлено: «мир с возвращением всей земли русского государства, занятой неприятелем» [3]. Но разве возможно этого достигнуть без дальнейшей, самой тяжелой и упорной борьбы? Разве можно получить у временного победителя даром им завоеванное?

Но формула «мир без аннексий» двусмысленная для русской жизни и по другим соображениям. Война ведется великими демократиями, в число которых вступила, наконец, и наша родина не с завоевательными целями. Эта война самозащиты против того империализма Средней Европы, против которого борется часть германской социал-демократии и интеллигенции в лозунге «мир без аннексий». Это война нового демократического строя Европы против старого строя, и интересы каждого из участвующих в ней государств далеко выходят за пределы его географических границ. Для нас не безразлична судьба польского народа и будущая Польша не может быть осуществлена только в пределах территории, занятой польским народом в Российском государстве [4]. Точно так же не безучастно мы вынуждены относиться и к судьбе народов, входящих в состав Австро-Венгрии и Балканского полуострова, часть которых входит и в состав государства Российского [5]. Судьба их теснейшим образом связана с великой войной, нами переживаемой и не может быть сейчас, к несчастью, решена иначе, как ее победным окончанием. Конечно, можно было бы говорить, что эти народы решат свою судьбу сами, но для этого необходимо было бы, чтобы султан Турции, императоры Австрии и Германии, король Болгарии и многочисленные немецкие принцы германских государств раньше разделили судьбу нашей династии. Тогда можно было бы говорить и нам с свободными демократиями этих стран о «мире без аннексий», о справедливом решении судьбы населяющих их и наши государства. Но сейчас как можно об этом говорить с странами старого режима Средней Европы и Балканского полуострова? Где та сила, кроме победы над ними европейских демократий, которая может дать нам эту возможность? Нельзя забывать и того, что по крайней мере для двух из этих государств – Турции и Австро-Венгрии – все их существование основано на порабощении других народностей, ибо они управляются национальностями, составляющими в них меньшинство [6]. Необходима предварительная ломка их строя, еще более глубокая, чем та, которую переживает наша родина. Наконец, помимо великого принципа свободы самоопределения национальностей, широкого и полного развития скрытых в них сил, который явился жидкительным лозунгом демократий, борющихся с коалицией Средней Европы и Балканских государств, для России выступают с железной силой вопросы экономического характера, настоятельно требующие решения вопроса о проливах [7], которые не могут находиться в руках чужого нам сильного государства. Как решается этот вопрос в формуле «мир без аннексий»? И что же реально значит для России, а не для Германии «мир без аннексий»?

«Речь», 14(27) марта 1917 г., № 62.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Исполнительный комитет Петроградского совета рабочих депутатов на своем заседании 27 февраля 1917 г., в первый же день Революции, издал распоряжение о запрете «черносотенных и контрреволюционных газет». Однако через несколько дней появился очередной номер реакционной газеты «Новое время» без разрешения издательско-типографской комиссии Петросовета (Ю.М. Стеклов, В.А. Александрович, Н.Н. Суханов). Это вызвало обсуждение вопроса о печати в Исполнительном комитете, который принял решение о приостановке «Нового времени» и подтвердил необходимость получения разрешений на издание газет от Петросовета. Решение было поддержано большинством членов Исполкома и его председателем Н.С. Чхеидзе. Тем не менее влияние либеральных настроений было столь велико, что постановление, опубликованное 8 марта 1917 г. (вероятно, именно его и имеет в виду В.И. Вернадский), уже через три дня было официально отменено. Фактически ультраправая печать в Петрограде прекратила свое существование лишь после Октябрьской революции. Например, последний номер «Нового времени» вышел в свет 25 октября 1917 г.

2. Требование «мира без аннексий и контрибуций» фактически было довоенным лозунгом II Интернационала, от которого большинство входивших в него партий на деле отказалось с началом войны. Германские социал-демократы предлагали возродить этот лозунг и потребовать от воюющих правительств возвращения к довоенным европейским границам. К этой же формуле склонялось большинство российских социалистов, однако для большевиков лозунг «мир без аннексий» предполагал борьбу за свержение империалистических правительств, т.е. «войну войне» с целью заключения «справедливого демократического мира» самими народами. Российские буржуазные (кадеты) и правосоциалистические партии (эсеры, меньшевики) требовали доведения войны «до победного конца», намеренно подчеркивали немецкое происхождение лозунга «мир без аннексий» в борьбе против отечественных «пораженцев».

3. К 1917 году значительная часть территории Российской империи (Царство Польское, Литва, часть Латвии) была оккупирована германскими войсками.

4. 16 марта 1917 г. появилось воззвание Временного правительства «К полякам», в котором было обещано в будущем из трех частей (германской, австро-венгерской и русской) создать единую независимую Польшу, которая будет связана однако «свободным военным союзом с Россией».

5. В результате победы в войне Антанты рассчитывала обеспечить «свободу малых народов Европы», т.е. осуществить расчленение Австро-Венгрии – империи Габсбургов. Россия активно поддерживала этот план, намереваясь в ходе его реализации присоединить территории, входившие в состав Австро-Венгрии и населенные украинцами (Галиция, Буковина).

6. Немцы в Австро-Венгрии и турки в Османской империи составляли менее половины населения – столько же, сколько этнические русские в Российской империи. Правда, официально в России «русскими» считались все православные, в частности большинство украинцев и белорусов.

7. Вопрос о судьбе черноморских (средиземноморских) проливов Босфор и Дарданеллы обсуждался союзниками по Антанте еще до начала Первой мировой войны. Россия настаивала на обладании проливами, т.е. на отторжении их от Турции. Союзники постепенно склонялись к тому, что эти притязания придется удовлетворить. Конституционно-демократическая партия поддерживала политику расширения сферы влияния России на юге, а министр иностранных дел Временного правительства (с 2 марта по 5 мая 1917 г.), лидер партии П.Н. Милюков получил от журналистов прозвище «Дарданелльского». Как видно из текста, позиция Вернадского в этом вопросе совпадает с официальной точкой зрения к.-д. партии.

ОБЯЗАННОСТЬ КАЖДОГО

Сейчас Россия переживает момент величайшей гражданской ответственности [1]. Страна находится в грозной опасности и может быть из нее выведена только единодушными порывами, твердой волей и сознательной работой всех граждан. Чем меньше будет среди нас уклоняющихся от исполнения гражданских обязанностей, тем скорее и вернее мы найдем выход из положения.

Опасность ясна всем. Нельзя управлять страной без ответственной власти, – а наше Временное Правительство власти не имеет [2]. Нельзя управлять

страной без приведения ее в анархию, когда рядом с ответственным правительством создается власть безответственная, власть, которая вмешивается в управление, когда ей это покажется нужным. А сейчас у нас как раз создалось такое положение благодаря неудачной деятельности Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Плоды его работы, связанные с развалом армии, признаны им самим; они вызвали, наконец, и с его стороны то воззвание, которое опубликовано вчера, но которое должно было быть издано много недель раньше [3]. Сейчас оно запоздало – будем надеяться не окончательно.

Две речи – А.Ф. Керенского [4] и А.И. Гучкова [5] – ярко и сильно поставили перед русским обществом, перед отдельными его членами, вопрос о гражданской ответственности каждого в переживаемый момент величайшего, выпавшего на нашу долю испытания.

Сейчас подвержено сомнению все: целостность России, ее независимость, ее будущее благосостояние, сохранение свободы и всех завоеваний революции. Все висит в воздухе.

Что должен делать отдельный русский гражданин, каждый обыватель для того, чтобы с своей стороны бороться за Россию, за будущее, за ее свободу?

Он не должен и не смеет оставаться безучастным зрителем. Он не должен и не смеет быть тем взбунтовавшимся рабом, о котором говорил Керенский.

Отдельные усилия слабы, – но в соединении они представляют грозную, всесокрушающую силу. Это всесокрушающая сила объединенных отдельных усилий должна быть сейчас создана, и на ее создание должна немедленно быть направлена вся воля и весь разум каждого отдельного русского гражданина.

Она должна удержать Россию на краю гибели. Ибо это могут сделать только организовавшиеся свободные русские граждане.

В свободном государстве, особенно в государстве демократическом, есть только *одна* форма такого единения, такой организации – это единение в *политические партии*. Бывают грозные эпохи в жизни страны, когда ни один человек нравственно не должен смочь оставаться вне политических партий, так как только этим путем он сможет стать свободным гражданином, будет закономерно проявлять свою волю и свою мысль в политической жизни, работать над превращением аморфной и мятущейся толпы в стройное организованное целое, обладающее возможностью влияния и воздействия на политическую жизнь страны.

Демократия не может существовать в сложных условиях XX века без такой организованности народа. Ее политические партии должны быть массовыми, их члены должны исчисляться сотнями тысяч, миллионами.

Несомненно, в спокойные моменты жизни демократии, партия как организация может ослабевать и даже бездействовать. Она даже действует в такие эпохи только во время выборов. Но в эпохи грозных опасностей и государственных кризисов жизнь политических партий, масс, организованных в политические партии, должна иметь первенствующее значение.

Сейчас у нас демократия без политической организованности общества. Народ распылен, и его политическая воля не имеет выражения. Создание этой организованности является первой, главной задачей каждого русского гражданина.

Он должен вступать в политические партии, принимать участие в их работе, создавать этим путем ту могучую силу, которая одна может удержать страну от гибели и анархии. Сейчас это его главная обязанность.

В миллионном населении России только небольшая горсточка людей организована в политические партии, и она выдерживает на своих плечах тяжесть исторической ответственности [6]. Ибо беспартийные и внепартийные [7] люди *политической* работы не делают. А сейчас самые главные и самые ответственные задачи, перед нами стоящие, – только задачи политические.

Русский обыватель не вступает в политические партии по разным причинам. Отчасти действует то, что он вообще не привык к свободной политической жизни, для него это дело новое, необычайное, неприятное, беспокойное. Но, с другой стороны, нередко он не может найти политических партий, отвечающих его мировоззрению, не обладая для этого решимостью. Нередко вступление в политическую партию грозит неудобствами в его повседневной работе или в его личных отношениях.

В грозный момент опасности все эти мелкие и крупные соображения должны отойти на задний план. Надо поступиться удобствами жизни, заставить себя принять решение. Надо единичными усилиями достигнуть коллективного решения, превратить толпу взбунтовавшихся и испуганных рабов в организованное общество свободных граждан. Для этого – первый и единственный путь – вступление всех русских граждан в политические партии, создание этим путем политически организованного народа.

Никто не может отговариваться слабостью и незначительностью отдельного решения. В жизни все достигается и строится только из этих единичных усилий, в своем единении создающих великую и большую силу.

«Речь» 3(18*) мая 1917 г., № 102.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Статья была опубликована за два дня до разрешения первого министерского кризиса Временного правительства. Кризис был вызван нотой министра иностранных дел П.Н. Миллюкова, обнародованной 20 апреля 1917 г. В ноте выражалась уверенность в «победоносном окончании настоящей войны в полном согласии с союзниками», указывалось на «всенародное стремление довести мировую войну до решительного конца». В течение 20–21 апреля в Петрограде прошли вооруженные антивоенные солдатские и рабочие демонстрации, поддержанные левыми силами, с лозунгами «Долой войну!», «Долой Временное правительство!», «Миллюкова в отставку!». Возникшая перестрелка привела к жертвам, однако Исполнительный комитет Петросовета сумел предотвратить начало Гражданской войны. Манифестации были запрещены, главнокомандующий Петроградского военного округа генерал Л.Г. Корнилов был смещен с должности после попытки выдвинуть верные ему части в защиту Временного правительства, а по тексту ноты Миллюкова даны успокоительные «разъяснения». С 21 апреля по 4 мая проходили переговоры между Временным правительством и Петросоветом. В результате создано первое коалиционное правительство с шестью министрами социалистической ориентации (А.Ф. Керенский, В.М. Чернов, И.Г. Церетели, М.И. Скобелев, А.В. Пешехонов, П.Н. Переверзев), а П.Н. Миллюков и военный министр А.И. Гучков отправлены в отставку. Кадеты из правительственной партии превратились в правую оппозицию. П.Н. Миллюков впоследствии писал: «Коалиция, таким образом, с самого начала была основана не на полном соглашении, а на гнилом компромиссе, который вводил борьбу [Петро]совета с правительством в самую среду нового кабинета». (*Миллюков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. С. 500*). Левые

* Ошибка в дате, так напечатано в оригинале газеты. – *Ред.*

тоже были недовольны. Л.Д. Троцкий назвал коалицию «буржуазным пленением Петросовета», а В.И. Ленин писал: «Коалиционное министерство означает такой “опыт”, который всему народу поможет с особенной быстротой изжить иллюзии мелкобуржуазного соглашательства с капиталистами. (...) Только власть пролетариата, поддержанного полупролетариями, способна дать стране действительно твердую и действительно революционную власть». («Правда», 6 мая 1917 г.).

2. Официально было принято, что Временное правительство находится под контролем Петроградского совета рабочих (затем рабочих и солдатских) депутатов, который поддерживает правительство постольку, поскольку оно проводит в жизнь приемлемый для Совета политический курс (Декларация «От Временного правительства», опубликованная 2 марта 1917 г.).

3. Имеется в виду «Воззвание к армии», принятое Петросоветом 30 апреля 1917 г. В его тексте говорилось, что «сбросив с трона царя, русский народ первой задачей поставил скорейшее прекращение войны», что необходимо созвать Международный съезд социалистов для призыва к всеобщему восстанию рабочих и крестьян Европы против войны. Однако главная цель воззвания, в сущности, совпадала с программными установками правосоциалистических и либерально-буржуазных кругов и целями Временного правительства. В воззвании были такие призывы: «Помните, товарищи, на фронте вы стоите на страже русской свободы. Вы защищаете грудью не царя, (...) не богачей-помещиков и капиталистов. Вы защищаете своих братьев рабочих и крестьян. (...) Нельзя защищать фронт, решившись во что бы то ни стало сидеть неподвижно в окопах. Бывает, что только наступлением можно отразить или предупредить врага. (...) Путь к миру вам укажет Совет [рабочих и солдатских депутатов], поддержите его. Отметайте все, что вносит в армию разложение и упадок духа». (Цит. по: *Суханов Н.Н. Записки о революции*. М.: Политиздат. 1991. Т. 2. С. 133). Вполне понятно, что деятели к.-д. партии в том числе и В.И. Вернадский, с одобрением отнеслись к атому документу, принятому Петросоветом.

4. Керенский Александр Федорович (1881–1970), юрист, политический деятель, депутат IV Государственной думы, лидер фракции трудовиков, с марта 1917 г. – эсер. Во время Февральской революции – член Временного комитета Государственной думы, зам. председателя Петросовета. Министр юстиции Временного правительства (2 марта – 5 мая), впоследствии министр-председатель (с 8 июля). Вероятно, В.И. Вернадский имеет в виду речь перед делегатами с фронта 30 апреля, в которой А.Ф. Керенский говорил, что многие из тех, кто участвовал в революции, оказались недостойны завоеванной свободы, а своим поведением напоминают не граждан свободной страны, а взбунтовавшихся рабов.

5. Гучков Александр Иванович (1862–1936), политический деятель, лидер партии октябристов, депутат Государственной думы II и III созывов, с 1915 г. – член Государственного совета, председатель Центрального военно-промышленного комитета. С 2 марта по 30 апреля 1917 г. – военный и морской министр Временного правительства. Вероятно, имеется в виду его речь 20 апреля на совместном заседании Временного правительства, Исполнительных комитетов Государственной думы и Петросовета. В речи говорилось о том, что «отечество в опасности» из-за «потока пацифистских идей», проповедуемых социалистами. Гучков требовал от Петросовета содействия в наведении порядка в армии и стране. В официальном письме об отставке 30 апреля он заявил, что не может «разделить ответственность за тот тяжкий грех, который творится в отношении Родины».

6. Очевидно, В.И. Вернадский подразумевает свою, к.-д. партию, в рядах которой весной 1917 г. по современным оценкам состояло 60–80 тыс. человек. В России весной 1917 г. политические партии европейского типа, о которых мечтал В.И. Вернадский, вряд ли могли возникнуть: слишком короток оказался одиннадцатилетний опыт русского парламентаризма. Единственная, фактически внепарламентская, массовая партия эсеров (до 700 тыс. членов), имевшая сильное влияние в советах, показала свою несостоятельность в кризисной ситуации двоевластия-безвластия весной и летом 1917 г. На арену истории стремительно выходил политический экстремизм. Националистические организации Союз русского народа и Союз Михаила Архангела (около 400 тыс. человек) после Февральской революции и падения самодержавия в считанные недели потеряли все рычаги политического влияния и сошли с исторической сцены. Однако другая сила – партия большевиков, влияние которой на ход событий еще не казалось существенным, через полгода после статьи «Обязанность каждого» стала единственной правящей партией в России.

7. См. статью «Русская жизнь и “внепартийные”».

АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА И НАУЧНАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА

В Петрограде сейчас тысячи людей обсуждают, спорят, обдумывают, решают земельный вопрос, несомненно, один из самых коренных вопросов России, который глубочайшим образом волнует народ, проникает в его гущу. Съезд крестьянских [1], офицерских депутатов, партии народной свободы, кооперативный, продовольственный в разных залах в Петрограде обсуждают с разных сторон один и тот же земельный вопрос. Партия народной свободы пересматривает свою, составленную одиннадцать лет тому назад [2], аграрную программу, приводит ее в согласование с жизнью и с возможностью быстрого ее осуществления. Государственный земельный комитет, реорганизация Министерства земледелия в целях проведения коренной земельной реформы готовят ее проведение в жизнь.

Несомненно, в общем программы всех демократических партий все более сближаются и вырисовывается одно общенародное решение. Мне кажется, это решение быстро приближается к тому, которое в 1905 году было впервые выдвинуто в Москве земскими съездами, Союзом освобождения, партией народной свободы [3]. В результате земельной реформы земля переходит в руки трудящегося земледельческого населения, среднее и крупное хозяйства исчезнут и исконные народные чаяния будут исполнены. Завершится вековой исторический процесс, который только недолгие десятилетия существовал во время колонизации на окраинах расселения русских племен, или местами в немногие десятилетия народных движений Украины XVI–XVIII веков [4]. Сейчас он впервые будет закреплен государственным строем всей России. Едва ли можно сомневаться, что при его завершении сделается всем ясным то, что сейчас еще создается немногими: Аграрная реформа, самая полная и решительная, не разрешит того вопроса, который стоит сейчас на очереди перед современным поколением. При современной трудовой норме земельной площади удобной для хозяйства земли не хватит для всего населения. Ее еще менее хватит через недолгие годы при том приросте населения, какой еще держится в России. Вскроется ясно, что – с государственной точки зрения, – аграрный вопрос *в равной мере* состоит из трех равноценных частей: 1) распределения удобной для земледельческого использования земли; 2) поднятия ее производительности и 3) превращение не годных для земледелия земельных площадей в площади годные. Главное внимание политических партий и всецело все внимание народа обращала на себя только первая сторона вопроса – вопросы распределения земли. Когда это будет достигнуто, ярко и перед всеми выяснится, что достигнуто не то, чего ожидали, и что вопрос гораздо сложнее, чем это обычно мыслится. Острота земельного вопроса всецело сохранится по существу, хотя, несомненно, она потеряет свою остроту с социальной точки зрения.

Забывать это мы не должны и должны принимать это во внимание при коренном решении вопроса о распределении удобной для земледелия земли, при переходе ее в руки трудящихся, ибо мы должны сохранить в руках государства достаточные площади земли во всех естественных районах страны, которые бы позволили вести энергичную государственную, общественную и дачную работу в области повышения производительности земли и ее улучше-

ния. Производя коренной переворот в землепользовании, государство должно учитывать ближайшее будущее и одновременно принять ряд планомерных решений в новой обстановке аграрного вопроса.

В отличие от программы 1905–1907 годов эти вопросы включены в программу партии народной свободы и ясно сознаются некоторыми из работников более левых политических групп [5]. Вопросы мелиорации, агрономических мероприятий, кредита и т.п. поставлены более или менее ясно в своем значении в общественном мнении.

Но, мне кажется, при этом обычно, упускается из виду еще одна сторона земельной реформы, которая не учитывается и не сознается в своем значении. Нельзя забывать, что в практическом разрешении земельной реформы в областях увеличения производительности земли, ее возможного использования, улучшения мы на каждом шагу наталкиваемся на вопросы, которые не могут быть разрешены без научного знания, а между тем, научно не изучены и не разрешены, требуют прежде всего широкого научного исследования. Мы имеем здесь дело с новым и иногда едва затронутым полем научной работы и мы никогда правильно не разрешим стоящих перед нами практически для нас чрезвычайно важных задач, если мы прежде всего не организуем научное изучение.

Мы имеем здесь яркий пример того, с чем сталкивается государственная мысль и государственная практика и в целом ряде других областей, например, в авиации, военной и подводной технике, химической промышленности и т.д. Там сейчас государственная организация научной исследовательской работы является необходимейшим элементом практической правительственной или государственной деятельности. С каждым годом эта сторона государственной работы будет приобретать все большее и большее значение и едва ли можно сомневаться, что XX век увидит в этом деле небывалый расцвет государственной работы – подобно тому как XIX век показал нам ее в области народного образования или почтово-телеграфного обмена.

Необходима не только сеть опытных сельскохозяйственных станций, но и широко развитая система опытных показательных хозяйств, селекционных институтов, создание государственного почвенного комитета, исследовательских почвенных лабораторий (не аналитических только), широкой постановки исследования скотоводства во всех его проявлениях, зоотехнических лабораторий, организованного изучения вопросов, связанных с удобрением, опытного изучения утомления почвы (почвенные яды), изучения вопросов, связанных с механической обработкой почвы и сельскохозяйственным машиностроением и т.п. У нас нет для всего этого ни нужной организации, ни нужных подготовленных работников, ни нужных средств. Все это требует средств и больших, и должно быть исполнено немедленно, одновременно с коренным изменением аграрных отношений, ибо все это работа длительная и такая, которая очевидно изменит в некоторых случаях конкретные решения аграрной реформы.

В общественное сознание должно проникнуть убеждение, что в этой области государство подошло к решению таких вопросов, по отношению к которым у него нет ни накопленного векового опыта, ни научного знания. Поэтому оно должно быстро и прочно организовать получение этого знания.

«Речь», 12(25) мая 1917 г., № 110.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.1. Всероссийский съезд крестьянских депутатов проходил в Петрограде 4–28 мая 1917 г. при преобладающем влиянии идей эсеров. Принципиальное решение о переходе всех земель к крестьянам с санкции и в порядке, устанавливаемом Всероссийским Учредительным собранием, созыв которого ожидался осенью 1917 г., воспринималась многими делегатами как возможность немедленного перераспределения земли в пользу крестьян с помощью повсеместно организуемых ими земельных комитетов. Данный съезд имел наибольшее значение для создания убеждения крестьянских масс о том, что «землю надо брать», благодаря выступлению на нем В.И. Ленина, настаивавшего на «развитии творческой инициативы масс» в решении всех политических проблем. В дальнейшем не только пропаганда большевиков, но и действия эсеров на местах, не говоря уже о стихийном крестьянском самоуправстве, полностью блокировали реформистские кадетские предложения о проведении земельной реформы. Фактически низовые крестьянские комитеты распоряжались значительной частью помещичьих земель уже начиная с весны–лета 1917 г.

2. Аграрная программа конституционно-демократической партии (партия народной свободы) была разработана на волне революционных событий 1905 г. Наиболее радикальным ее принципом было «принудительное отчуждение» помещичьих земель сверх устанавливаемой нормы в пользу крестьянских общин. Сохранялись только «образцовые» частновладельческие хозяйства. От столыпинской аграрной политики кадетскую программу отличало, с одной стороны, требование нарушения права собственности применительно к помещикам, не способным к рациональному хозяйствованию, с другой – осторожное отношение к веками складывавшемуся институту крестьянской общины.

3. Статья В.И. Вернадского опубликована в последний день работы VIII съезда к.-д. партии. На нем особое внимание было уделено интересам общинного землевладения, защите его от насильственного разрушения, подробно регламентировались нормы принудительного отчуждения частновладельческих земель. На съезде была принята общедемократическая преамбула: «Земля сельскохозяйственного пользования должна принадлежать трудовому земледельческому населению». В программе упоминалось о безотлагательности проведения аграрной реформы. В программе 1905–1906 гг. первая формулировка отсутствовала вовсе, о факторе «неотложности» реформы также не упоминалось. Стоит отметить, что в унисон со статьей Вернадского в программе VIII съезда указывалось: «Необходима широкая постановка землеустроительного дела (...). Система мер к подъему производительности трудового землевладения, как-то: мелиорация, сельскохозяйственный кредит, мероприятия агрономического характера, (...) широкое содействие сельскохозяйственному образованию (...). Эксплуатация лесов должна определяться общим планом, обеспечивающим как правильную постановку лесного хозяйства, так и удовлетворение нужд страны, охрану лесов защитного назначения (...). Государству должно быть предоставлено верховное право регулировать пользование внутренними водами, как источниками движущей силы, а также для целей орошения (...).» (Цит. по: Русский архив. М.: Терра. 1993. Т. 21. С. 466).

4. Имеется в виду отсутствие помещичьего землевладения в Сибири в эпоху ее освоения русскими поселенцами.

5. Из левых политических партий наиболее близки к кадетам были народные социалисты и трудовики (крестьянская фракция Государственной думы).

НЕОТЛОЖНОЕ ДЕЛО

С тревогой, смущением и негодованием по всей России относятся сейчас к событиям, развертывающимся в Кронштадте. Здесь открыто создается центр междоусобной войны, организуется борьба против Временного правительства. Эмиссары кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов рассылаются с призывом к этой борьбе по всей России (см. «Известия Кронштадтского Совета р[абочих] и с[олдатских] депутатов») [1].

Неужели нам предстоит перейти и через это испытание? Неужели людьми, устроившими позорное для России «братание», перемирие с немцами, будет начата внутренняя кровавая распря, междоусобная война! Братаясь с немцами, будут убивать своих! В борьбе за интересы одного класса большевики потеряли не только государственное сознание, они оторвались от России. В их среду, наряду с фанатиками классовых интересов, вошли широкой волной темные силы, связанные и с внешним врагом нашей родины, и с старой дореволюционной Россией, и с уголовными преступниками [2]. В Кронштадте продолжается дело Мясоедовых [3]; сознательно или бессознательно – решит история. Для нас, современников, виден лишь страшный результат забвения интересов целого, России – замены родины интересами одной ее части, одного ее класса.

Но здесь совершается сейчас и другое, столь же тяжелое преступление уже против общечеловеческих идеалов. В вечернем номере «Биржевых Ведомостей» проф. В.Д. Кузьмин-Караваев [4] поместил открытое письмо, которое не может пройти без отклика и без внимания со стороны русского народа. Он указывает, что в Кронштадте с арестованными офицерами обращаются уже в течение долгих месяцев самым бесчеловечным образом. Здесь по его указаниям восстановили режим, близкий к режиму тюрем инквизиции, худший, чем тот, который царил в худшие эпохи деятельности старого режима, аналогичный тому, который иногда, не часто существовал там, как *злоупотребление властью местных ее носителей*. И тогда он вызывал к себе глухой, а нередко и открытый протест всех русских людей, не чувствовавших себя рабами. Эти злоупотребления – их возможность – вызывали в наших сердцах стремление покончить со всем старым режимом, явились величайшим, никогда не смываемым позорным пятном на всем старом режиме в глазах всего человечества. Нам, русским, приходилось за это краснеть, сталкиваясь с свободными людьми Запада или Америки.

И теперь то же самое совершается в новой свободной России, совершается людьми, которые говорят, что они стоят за свободу, за равенство и братство! Неужели это может так продолжаться?

Когда произошли страшные по жестокости – судя по рассказам – убийства офицеров в Кронштадте, печать их замолчала, было обещано разъяснение, которое опубликовано однако не было. Тогда можно было думать, что это несчастье произошло в первом пылу столкновения, революционного взрыва. Но с тех пор прошли долгие дни, уже месяцы, и в эти долгие дни, уже в более спокойное время, не в минуты революционного аффекта – продолжается издевательство над арестованными в тюрьмах Кронштадта людьми. Отдельные люди не выдерживают и гибнут. Как бы забыли мы все, что там изо дня в день беззащитные люди подвергаются недопустимому ни в какой стране утонченному мучительству. Факты, сообщаемые проф. В.Д. Кузьминым-Караваевым, отвечают и народной молве. Они сейчас находят отголоски и в той нелегальной (!) литературе, которая сейчас начинает распространяться. Неужели все это может проходить безнаказанно? Неужели возможно общение с людьми, совершающими эти величайшие преступления, позорящими самые дорогие для нас идеалы, во имя которых пал старый режим самодержавия, без того чтобы им не был сразу же поставлен вопрос об их ответственности и о немедленном прекращении совершаемого ими преступления. Одним из условий

«улажения» кронштадтского инцидента должен быть перевод арестованных в Кронштадте людей в Петроград, в условия, где им был бы обеспечен суд, а не та форма пытки, о которой пишет проф. В.Д. Кузьмин-Караваев.

Этого можно достигнуть сейчас только одним путем создания единодушного общественного мнения, громкого протеста всех, присоединения всех к начатому В.Д. Кузьминым-Караваевым выражению негодования. Ни на одно мгновение мы не должны забывать судьбы беззащитных людей, подвергаемых мучениям в Кронштадте, должны неуклонно требовать прекращения подобного издевательства, не должны дать возможности сойти этому темному делу с общественного внимания. Перед светом общенародной, неизменно проявляемой, совести должны будут уступить и обезумевшие люди Кронштадта [5].

Не забывайте мучимых в Кронштадте людей!

«Речь», 24 мая (6 июня) 1917 г., № 119.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 13 мая 1917 г. Исполнительный комитет Кронштадтского совета постановил, что единственной властью в городе является Совет рабочих и солдатских депутатов, непосредственно входящий в контакт с Петроградским советом. Было постановлено, что административная власть в Кронштадте осуществляется членами Исполнительного комитета Кронштадтского совета, а не эмиссарами Временного правительства. 17 мая Кронштадтский совет провозгласил «независимую республику». После этого в Кронштадт прибыла делегация Петросовета и в результате переговоров была принята резолюция о признании власти Временного правительства, в которой в частности говорилось: «Мы решительно протестуем против попыток приписать нам намерение отделиться от остальной России смысле организации какой-нибудь суверенной или автономной государственной власти (...) в противовес нынешнему Временному правительству». 22 мая кронштадтский вопрос обсуждался на заседании Петросовета. Постановили, что «захват власти местными советами идет вразрез с политической революционной демократии, стремящейся к созданию сильной центральной власти». После митингов и демонстраций в Кронштадте, организованных большевиками (91 делегат из 300 в Кронштадтском совете), 26 мая местный совет вновь подтверждает свое решение от 13 мая. В тот же день Петросовет вновь ставит кронштадтский вопрос. Принимается жесткая резолюция о беспрекословном подчинении всем предписаниям Временного правительства с упоминанием о «позорящих революцию актах мести и расправы». Это решение было поддержано закрывшимся 28 мая I Всероссийским крестьянским съездом, а на практике была организована эвакуация, «неблагонадежных» матросов на учебных судах из Кронштадта на летние занятия в финских шхерах. На этом «кронштадтский инцидент» был исчерпан.

2. Имеются в виду официальные обвинения Временным правительством В.И. Ленина, Г.Е. Зиновьева и других большевиков в шпионаже в пользу Германии, а также известная причастность РСДРП(б) к организации «экспроприационных актов», т.е. вооруженных ограблений банков в целях пополнения партийной кассы.

3. Здесь – в нарицательном смысле. Подразумевается шпионаж и действия в пользу Германии. «Дело» подполковника С.Н. Мясоедова (1866–1915) дважды гремело на всю Россию. Сначала весной 1912 г. после публикации в прессе беседы с А.И. Гучковым (тогда – лидер октябристов в III Государственной думе), где утверждалось, что после пятимесячной службы в военном министерстве жандармского офицера Мясоедова «одна из соседних держав стала значительно осведомленнее в наших военных делах». Скандал завершился дуэлью Мясоедова с Гучковым, официальными опровержениями, в том числе заявлением военного министерства о бездоказательности обвинений Мясоедова. Вторично общественное мнение было потрясено весной 1915 г., в разгар Первой мировой войны, когда после разгрома немцами крупного российского воинского соединения на Северо-Западном фронте, по указанию Верховного главнокомандующего в.кн. Николая Николаевича С.Н. Мясоедов был арестован по обвинению в шпионаже и мародерстве. В течение 24 часов был проведен военно-полевой суд, вынесен

смертный приговор, который был немедленно приведен в исполнение. (18 марта 1915 г.). В это время, в период морального кризиса самодержавия и «распутинщины», шпиономания стала общественным явлением. «Дело Мясоедова» привело к отставке, а затем и аресту военного министра В.А. Сухомлинова, осужденного уже при Временном правительстве. Современные историки склонны считать «дело Мясоедова» полностью фальсифицированным, а его самого жертвой придворных политических интриг (борьба в.кн. Николая Николаевича с военным министром В.А. Сухомлиновым, пользовавшимся доверием императрицы Александры Федоровны и ее окружения). Дело Мясоедова, а затем и его покровителя Сухомлинова, уволенного вскоре в отставку и отданного под суд в 1916 г., в сущности совпало с общественной потребностью поиска виновников поражений на российско-германском фронте. (Подробнее см.: *Шаццло К.Ф.* Дело Мясоедова // *Вопр. истории.* 1967. № 4. С. 103–116; *Б.Б.[учинский]* Суд над Мясоедовым: Воспоминания очевидца // *Русский архив.* М.: Терра, 1993. Т. 14. С. 132–150.)

4. Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич (1859–1927) – генерал-майор, профессор-правовед Военно-юридической академии (до 1905 г. один из неофициальных советников С.Ю. Витте в период его премьерства), земский деятель, депутат I и II Государственной думы, товарищ председателя Петроградской городской Думы.

5. «Кронштадтский инцидент» в связи с положением арестованных стал предметом журналистского расследования многих газет. При этом выяснилось, что сведения о пытках из статьи В.Д. Кузьмина-Караваева не соответствовали действительности. Условия содержания арестованных определялось «бытом» кронштадтских казематов и в самом деле были страшными. Летом 1917 г. в Кронштадте работала специальная следственная комиссия Временного правительства, действия которой привели к освобождению многих заключенных офицеров.

УВЕЛИЧЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА [1]

Сейчас в России происходит странный процесс, который можно объяснить только невежеством народных масс и их руководителей и особой формой психоза, связанного с переживаемым историческим переворотом. Огромная масса людей действует в жизни, забыв об условиях действительности – забыв о войне, об опасностях внешнего порабощения, надвигающегося голода, анархии. Она не заботится ни об общих интересах государства, ни о его будущем, ни о его безопасности и целостности. В жизни она видит только свои личные интересы, свое благополучие, в лучшем случае – интересы и благо своего класса. Под личиной великих демократических идей и гуманитарных стремлений социализма пышно расцветают вождельства и настроения самых ярких представителей худших сторон буржуазии, образно выдвинутых народнической литературой 1860–1870 годов в типах Разуваевых и Колупаевых [2]. Сейчас они перекрасились в большевиков и ленинцев, анархистов, социалистов разных оттенков, но под этими новыми одеждами резко и грубо выступают старые, давно известные типы. Иногда даже кажется, что в новом строю сейчас они лучше всего себя чувствуют...

Несомненно, это – проходящее, временное течение. За этими кричащими и сильными бесшабашностью своих вождельств людьми в народной среде идет глубокий огромный силы процесс осознания жизни. Исконный государственный инстинкт русского племени сумеет отбросить эту накипь, сейчас выдвинутую наружу. Но, может быть, не удастся этого добиться без тяжелой, болезненной катастрофы, связанной с финансовым и промышленным кризисом...

К катастрофе ведут безудержные требования увеличения своего содержания рабочими массами [3], слившимися в этом стремлении с теми пред-

принимателями и героями тыла, которые пышно расцвели в эпоху войны, разрастающаяся анархия в государственном управлении и социальном укладе и, наконец, уменьшение производительности труда. Мы можем избежать катастрофы или уменьшить ее тяжесть и длительность, если мы заранее ясно сумеем уяснить себе значение этих тяжелых проявлений государственного разложения.

Я хочу остановиться здесь только на одном – на уменьшении производительности труда.

Из того тяжелого положения, в какое попала наша страна в переживаемую великую эпоху, есть только один выход – быстрое и широкое использование всех производительных сил нашей страны. Только этим путем мы сможем расплатиться с небывалым в истории России государственным долгом, вызванным войной, восстановить огромные разрушения, ею вызванные, воссоздать нарушенный строй жизни, поднять культурную жизнь нашей страны на нужную в новом строе высоту, провести широкие демократические экономические реформы, связанные с интересами обездоленных народных масс.

Производительные силы страны слагаются из двух источников: из естественных производительных сил и из духовных сил человека, к производительности его труда. Мне уже несколько лет приходится вдумываться в учет естественных производительных сил нашей родины, благодаря той работе, которая сосредоточена в комиссии по изучению этих сил [4], и я могу смело утверждать, что мы имеем сейчас в своем распоряжении такие запасы сосредоточенной в них энергии, какие редко доставались в таком размере человечеству. В то же самое время эти силы нами используются в чрезвычайно недостаточной степени, тратятся невежественно, без толку, без всякой заботы о будущих поколениях. Но все же возможности, даваемые Россией ее естественными богатствами, огромны, и если мы сумеем ими разумно и энергично воспользоваться, мы выйдем из нашего положения более легко, чем это сейчас думают многие сомневающиеся. Учет и сводка наших знаний об этих силах сейчас производится, и первый выпуск этого коллективного труда, издаваемого Академией наук, на днях выйдет в свет [5].

Но естественные производительные силы мертвы без оживляющего их человеческого труда и человеческой мысли. Они дадут свой благой результат только при полном расцвете обеих сторон производительных сил государства – даров природы и человеческого духа. Этому учит и история, тот единственный, мне кажется, исторический пример, которым мы можем пользоваться в не очень надежном, но столь нам обычном пути исторических параллелей. Этот пример – рост жизни Северо-Американских Соединенных Штатов после колоссального потрясения, вызванного их великой гражданской войной середины XIX столетия. С этого времени началась новая Америка, расцвет ее жизни. Он был достигнут гармоничным использованием естественных и духовных производительных сил страны.

Положение с духовными производительными силами страны у нас сейчас очень грозно, небывало грозно по сравнению с Америкой. Труд русского рабочего в высшей степени мало производителен. Русский рабочий по производительности своего труда стоит между рабочим желтой расы и западноевропейцем. Рабочие европейского Запада, в свою очередь, уступают рабочему Северной Америки. Причин этому много: у нас остатки крепостного строя с

его пьянством и невежеством, бедность и политическое неравноправие, не дававшее выхода энергичным честным силам народа, несомненно, вполне объясняет этот факт. Но факт остается тяжелым и грозным фактом, как бы мы его ни объясняли.

Этот, недостаточный с точки зрения мировой, труд русского рабочего сейчас еще понижается, благодаря явочному введению 8-часового рабочего дня, притом в такой форме, когда он фактически сводится к 6–7-часовому [6]. Сейчас производительность русского рабочего еще пала по сравнению с недавним прошлым, это в такое время, когда страна должна напрячь все свои силы для того, чтобы спасти свое положение.

Несомненно, долго длиться без катастрофы такое положение не может. Новый строй, давая простор народной энергии и инициативе и контролю в конце концов над жизнью настоящей трудовой демократии (крестьянства), несомненно, усилит производительность русского рабочего, как он усиливает его во всякой свободной стране.

Но он усилит это, если к этому будет направлено волевое желание, организованная воля народа. А для того, чтобы она выявилась, необходимо понимание значения такого усиления производительности труда, знание о его последствиях. Поэтому, мне кажется, одной из насущнейших задач настоящего момента является пропаганда значения усиления производительности народного труда и, прежде всего, учет того: 1) какова производительность труда рабочего в России, сравнительно с Западом и Америкой; 2) какие быстрые меры могут быть приняты государством и обществом для ее усиления (например, полное уничтожение празднике сверх воскресений с созданием 2–4-недельного отдыха в течение года; распределение работы так, чтобы 8-часовой рабочий день был восьмью часами работы, а не пребывания на фабрике и т.д.); 3) как может быть правильно использован труд русского человека в связи с демобилизацией промышленности и широким использованием естественных производительных сил нашей страны. Этот учет и это расследование должны быть организованы в широко и гласно поставленной работе особой государственной комиссии об увеличении производительности труда. Такая комиссия должна быть теперь же создана [7].

«Речь», 25 мая (7 июня) 1917 г., № 120.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Деятельность В.И. Вернадского как председателя Комиссии по изучению естественных производительных сил России (с 1915 г.), члена экономической комиссии Государственного Совета (с 1916 г.) и правительственного Сельскохозяйственного ученого комитета (с июня 1917 г.) находилась в полном соответствии с его мировоззрением. Поэтому он не мог принять социалистических и, тем более, большевистских идей о классовых интересах пролетариата в ситуации, когда они вели к падению производства, ослаблению экономического потенциала России.

2. Имеются в виду персонажи сатирических повестей М.Е. Салтыкова-Щедрина «Убежище Монрепо» (1878–1879) и «За рубежом» (1880), олицетворявших алчность и паразитизм купцов и банкиров – представителей нарождающегося в России капитализма. Эти нарицательные имена использовались публицистами преимущественно народнического толка.

3. Май 1917 г. ознаменовался широким забастовочным движением, охватившим обе столицы и провинциальные районы, в частности Донбасс. Бастовали промышленные рабочие, шахтеры, даже трактирщики и прачки. Основное требование – повышение заработной платы.

Предприниматели в расчете на поддержку новой власти шли на массовые увольнения (локауты). Министерство труда (меньшевик М.И. Скобелев) пыталось искать компромиссные решения, а при Исполкоме Петросовета была создана особая комиссия под руководством Г.В. Плеханова для переговоров с железнодорожниками. На 23 мая намечалась всеобщая забастовка в Петрограде, а 27 мая намеревались бастовать железнодорожники Петроградского и Московского железнодорожных узлов. Усилиями Советов, где большинство принадлежало умеренным социалистам, забастовки удалось предотвратить.

Временное правительство, либеральная и социал-демократическая печать призывала рабочих к «самоограничению». Статья Вернадского – один из многочисленных примеров на эту тему. Коллега В.И. Вернадского по партии Ф.И. Родичев еще 30 марта 1917 г. в газете «Речь» писал: «Уметь ограничивать себя во имя права – вот первый долг пролетариата республики».

Большевики, в соответствии со своими стратегическими установками на взятие власти, старались возглавить забастовочное движение и завоевать большинство в фабрично-заводских и стачечных комитетах. 30 мая в Петрограде открылась конференция фабрично-заводских комитетов, подготовленная Г.Е. Зиновьевым и В.И. Лениным. В резолюции, принятой подавляющим большинством делегатов, выдвигалось требование о «рабочем контроле» над производством и распределением продуктов, а фактически провозглашался курс на создание рабочих коммун на отдельных предприятиях, налаживающих взаимный обмен продукцией и самоснабжение. Для реализации этой вполне утопической и анархической идеи выдвигался достаточно прагматический лозунг перехода всей полноты власти к Советам рабочих и солдатских депутатов. Был создан общегородской центр фабзавкомов Петрограда, где твердое большинство имела партия Ленина.

«Конференция фабрично-заводских комитетов означала ни больше ни меньше как то, что петербургский пролетариат, гегемон революции, ныне идет за большевиками (...) и дальнейший ход революции можно было считать вполне predeterminedным», – писал современник и участник событий. (*Суханов Н.Н.* Записки о революции. М.: Политиздат, 1991. Т. 2. С. 238).

4. Первая мировая война показала отсталость России в исследовании ее богатейших природных ресурсов, что болезненно отразилось на снабжении промышленности стратегическим сырьем. 21 января 1915 г. В.И. Вернадский от своего имени и от имени академиков А.П. Карпинского, Б.Б. Голицына, Н.С. Курнакова и Н.И. Андрусова внес предложение в Физико-математическое отделение Академии наук о создании постоянно действующей Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). 11 октября 1915 г., после избрания В.И. Вернадского председателем Совета, КЕПС официально начала свою деятельность, продолжавшуюся и при Советской власти вплоть до 1929 г. В 1915–1917 гг. КЕПС провела огромную работу по учету и систематизации природных ресурсов страны, проводила специальные исследования по заказу оборонных и промышленных министерств, Центрального военного-промышленного комитета и других правительственных инстанций. Это позволило резко расширить возможности использования минерально-сырьевых и иных природных ресурсов для военных нужд. (См. примеч. 2 к статье «Задачи науки в связи с государственной политикой в России»). 18 декабря 1916 г. Вернадский выступил на общем собрании КЕПС с программой создания на государственные средства единой сети научно-исследовательских учреждений в России. [Подробнее см.: *Линденер Б.А.* Работы Российской академии наук в области исследования природных богатств России. Пг.: Изд-во РАН. 1922. 90 с.; *Личков Б.А.* Материалы к характеристике прикладной научной работы Академии наук СССР. Л.: Изд-во АН СССР. >1929. 75 с.]

5. «Материалы по естественным производительным силам России» выходили отдельными выпусками, начиная с 1916 г. Вероятно, здесь имеется в виду начало публикации много-томной серии под заголовком «Естественные производительные силы России». В реальности первый том, посвященный ветру как двигательной силе, вышел из печати только в 1919 г., а в 1917 г. был опубликован отдельный выпуск по месторождениям плавленого шпата из IV тома («Полезные ископаемые») задуманной серии.

6. Митинги в цехах, ставшие обыденным явлением, приводили к уменьшению продолжительности рабочего дня и, естественно, не способствовали повышению производительности труда.

7. 22 июня 1917 г. постановлением Временного правительства был учрежден Экономический совет и предложен проект об организации его исполнительного органа – Главного экономического комитета с целью осуществления рациональной экономической политики.

Министр труда М.И. Скобелев в конце июня выступил с декларацией к рабочим, в которой, в частности, говорилось: «Вопреки всем возможностям, не считаясь с состоянием предприятия, в котором вы работаете, и во вред классовому движению пролетариата, вы иногда добиваетесь такого увеличения заработной платы, которое дезорганизует промышленность и истощает казну... Помните не только о желаниях, но и возможности их удовлетворения, не только о своем благе, но и о жертвах». (Цит. по: *Суханов Н.Н.* Записки о революции. М.: Политиздат, 1991. Т. 2. С. 238).

Аналогичные мысли высказывались на последовавшем в конце июля IX съезде конституционно-демократической партии. Один из кадетских лидеров В.А. Степанов предложил в очередной правительственной декларации обратиться к рабочим со следующим текстом: «Прежде всего правительство призывает все классы общества к исключительному напряжению трудовой энергии и забвению на время личных, групповых и классовых интересов» (Цит. по: Красный Архив, 1925. Т. 10. С. 9).

В обстановке неумолимо разрастающегося общеполитического кризиса, завершившегося Октябрьским переворотом, эти попытки Временного правительства и либерального общественного мнения выправить экономическую ситуацию в России остались всего лишь благими намерениями.

ОБ АВТОНОМИИ

Среди множества новых понятий и новых слов, входящих в жизнь, получило значительное распространение в последнее время и слово «автономия», в частности автономия отдельных частей нашего государства [1].

Важно и необходимо, чтобы понимание автономии, стремление к местной автономии проникло возможно глубоко в сознание русского народа. Это необходимо в России, где живут рядом сотни народов и племен и где так различны в разных местах условия жизни – в холодных пустынных областях нашего севера на берегах Ледовитого океана, в горах Кавказа, в степях чернозема, на берегах теплого Черного моря или на границах Монголии и Маньчжурии, во многом чуждом русскому европейцу Приамурье.

Различны условия жизни в этих местах и нельзя всю эту жизнь всегда направлять издалека, из столицы, Петрограда или Москвы. Нельзя даже тогда, когда в этой далекой столице будут заседать выборные люди этой местности вместе с выборными всей Русской Земли. Они хорошо это сделать не смогут, ибо правильно понять все нужды своей местности, правильно решать все вопросы, которые в ней ставятся жизнью, могут только одни местные люди. В их руках должна быть сосредоточена власть решать местные дела, или должна быть дана широкая свобода управлять местной жизнью. Подобно тому, как их выборные люди совместно с выборными всей России в Петрограде, в *парламенте* (Госуд[арственной] думе) [2], могут издавать законы для всей России, выборные одной какой-нибудь области, напр[имер] одной губернии, собравшись на *сейм* в губернском городе, должны получить право издавать для своей местности, напр[имер] губернии, *местные законы*. Конечно, эти законы не могут касаться всех областей жизни; пределы, в которых местные сеймы могут издавать законы, гораздо уже, чем пределы законодательства парламента, но они однако же так же должны быть нерушимы, как пределы законодательства парламента. Парламент, напр[имер], Государственная дума, не может издавать законы в тех частях, какие предоставлены местным сеймам. Сейм не может издавать законы в областях жизни, которыми ведает Дума. Пределы законодательства должны быть определены основным зако-

ном – Учредительным Собранием и могут меняться лишь законодательным путем Государственной думой при согласии местного населения.

Право издания местных законов является основным признаком местной автономии; оно отличает ее от местного самоуправления, широкое развитие которого мы видим в нашем земстве. Земская губерния не обладала местной автономией и введение местной автономии коренным и очень глубоким образом меняет местную жизнь. Если местная автономия будет усиливаться, пределы местного законодательства будут расширяться и влияние сейма на управление автономной областью будет расти – автономная область может почти незаметно перейти в *штат*, а государство с широкой местной автономией своих областей превратится в *федерацию* [3].

В России необходимость предоставления отдельным ее частям широкой местной автономии не только связана с различием условий жизни ее населения в разных ее частях. Помимо различия природы нашей страны и ее население очень различно. При правильном развитии автономии отдельные народы, не разрывая своей связи с целым, со всей Россией, получают такую свободу национальной жизни, которую они никак не могут получить в централизованном государстве. Поэтому желательно, чтобы области провинциальной автономии совпадали с областями сплошного по возможности населения одной национальности. Однако это достижимо только для небольших национальностей. Для крупных национальностей, напр[имер] для великоруссов или украинцев, неизбежно будут существовать много украинских или великорусских автономных провинций, ибо трудно и едва ли возможно построить прочное и сильное государство из равных по своим правам автономных областей, резко отличающихся по своим размерам.

Сейчас в России нет автономии областей. Старый царский режим сдавливал местную и национальную жизнь и не давал ей развиваться. Но новая Россия, и особенно республиканская Россия, едва ли может найти формы жизни, совместимые с свободой ее граждан без широкого развития местной автономии отдельных областей Российской республики.

Эти основы провинциальной автономии были на последнем девятом съезде партии Народной Свободы включены в ее программу и должны теперь проповедоваться ее работниками [4].

«Свободный народ», 4 июня 1917 года, № 4.

ПРИМЕЧАНИЯ

Статья, напечатанная за подписью «Володарь», вероятно представляет собой первое выступление ученого в печати под псевдонимом. Можно с осторожностью допустить, что в связи с определенными разногласиями в к.-д. партии по национальному вопросу, Вернадский не хотел выносить на страницы прессы нюансы партийной жизни, хотя ежедневная газета «Свободный народ» (главный редактор В.А. Оболенский) и являлась официальным органом кадетской партии. Принадлежность статьи перу В.И. Вернадского установлена по надписи: «-В. Вернадский» (карандаш), поставленной на экземпляре газеты после слова «Володарь» (Кабинет-музей В.И. Вернадского, инв. № 1124).

1. Вопросы автономного и федеративного устройства Российской империи, особенно ее окраин, таких как Польша, Финляндия и Украина, были поставлены самой жизнью, поскольку самодержавная форма правления находилась в вопиющем противоречии с национальными и социальными интересами этих территорий. Все политические партии России в своих программах предлагали те или иные пути решения национального вопроса.

Конституционно-демократическая партия на своем учредительном съезде в октябре 1905 г. включила в программу по национальному вопросу только право народов на культурно-национальное самоопределение, для Польши допускалась автономия при условии сохранения государственного единства России. Октябристы отстаивали «сохранение за государственным строением России исторически сложившегося унитарного характера». Партии левого крыла провозглашали «право наций на самоопределение» (социал-демократы) или «широкое применение федеративных отношений между отдельными рациональностями» (эсеры).

2. В лексиконе российских либеральных политиков, считавших республики Запада, в первую очередь Северо-Американские Соединенные Штаты, образцом государственного устройства, слово «парламент» было достаточно принятым и произносилось, в частности, с думской трибуны. Летом 1917 г. при подготовке выборов в Учредительное Собрание, которое должно было принять основы государственного устройства республиканской России, еще шло обсуждение терминологии, хотя наименование «Государственная Дума» уже имело одиннадцатилетнюю историю.

3. Можно предположить, что Вернадский в осторожной форме (под псевдонимом) пытается здесь развивать компромиссный подход к проблеме автономии и федерации с учетом разногласий, существовавших по этому вопросу в либеральной мысли России.

Официальная программа кадетов по национальному вопросу, сформулированная еще в 1905 г., была основана на принципах безусловного сохранения государственного единства России. Предусматривалось, что имперский закон регламентирует пределы автономии и разграничивает функции общероссийского и местного законодательного собрания. Местные законы получают юридическую силу только после утверждения их центральной властью. Исключения предусматривались лишь для Польши, однако и ее «автономия» подразумевала изъятие внешней политики, формирования бюджета, управления транспортом и связью из компетенции местного сейма. Думская деятельность кадетской фракции полностью следовала этой линии, как в польских, так и в украинских делах. На Украине либеральные деятели во главе с проф. М.С. Грушевским предложили программу национально-территориальной автономии в этнографических границах как компонент федеративного устройства Российского государства, что начиная с 1909 г. обсуждалось на конференциях и заседаниях ЦК к.-д. партии. Однако лидеры кадетов, в первую очередь П.Н. Миллюков и П.Б. Струве, категорически отвергли принцип федерализма, а в Думе принцип культурной автономии был поддержан кадетской фракцией лишь в крайне урезанном виде (свобода обручения на украинском языке в начальной и средней школе и т.п.).

Осенью 1916 г. заседание Московского отдела ЦК к.-д. партии приняло решение по польскому вопросу, практически совпадавшее с манифестом в.кн. Николая Николаевича от 14 августа 1914 г., в котором предусматривалось самоуправление на территории Царства Польского при верховенстве общеимперских законов (см. примеч. 3 к статье «Письма о Западе. IV.»). В.И. Вернадский в 1914–1917 гг. активно участвовал в разработке партийных решений по национальному вопросу, входил в состав комиссий ЦК по украинской и литовской проблеме. В обеих комиссиях он поддерживал осуществление требований культурной автономии и выступал против образования самостоятельных государств вне рамок России (см. статью «Украинский вопрос и русское общество»).

4. Очевидная опечатка: IX съезд конституционно-демократической партии работал 23–28 июля 1917 г., по-видимому, имеется в виду VIII съезд (9–12 мая 1917 г.), на котором обсуждался национальный вопрос. Поправки к соответствующим пунктам программы включали право распространения местного самоуправления на всю территорию России. Местные законы, действовавшие исключительно в сфере хозяйственной и культурно-национальной политики, должны были утверждаться общероссийскими государственными органами. Съезд решил, что отношения с Польшей и Финляндией должны быть установлены Учредительным Собранием. Было подчеркнуто, что разделение страны по национально-территориальному признаку, на чем настаивали делегаты с окраин, привело бы к разрушению государственного единства и фактическому образованию конфедерации, т.е. союза государств, а не союзного государства. (Подробнее см.: *Шелохаев В.В.* Национальный вопрос в России: либеральный вариант решения // Кентавр. 1993. № 2. С. 45–59; № 3. С. 100–114).

ОБ ОСНОВАНИЯХ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

1917 г. Петроград

Государственная политика в аграрном вопросе должна определяться:

1. Идеей социальной справедливости, поскольку она претворилась в народное сознание или создана вековой народной идеологией; земля находится в свободном распоряжении трудящегося населения. Земля – земледельцу.

2. Идеей государственной устойчивости: государство прочно, а) когда форма его организации отвечает вековой идеологии народных масс, то есть когда колеблющаяся масса из противников – хотя бы бессознательных – строится его защитницей и б) когда уменьшается и по возможности уничтожается голодающий или необеспеченный в своем существовании пролетариат.

3. Идеей государственной справедливости, обеспечивающей всем гражданам, исполняющим государственные обязанности и государственные повинности, равную и одинаковую охрану их жизни, их имущества и их деятельности. В частности, государство обязано вознаградить за убытки от его мероприятий, принятых для общей государственной пользы, тех частных лиц, которые от этого страдают.

4. Идеей государственной экономии: необходимо, чтобы охранялось и не растрчивалось без нужды и без учета и сознательного решения накопленное прежней работой национальное богатство и чтобы без соблюдения этих условий не переходило созданное более интенсивное и правильное использование естественных производительных сил в менее интенсивное и менее правильное. Аграрная реформа должна быть произведена с наименьшей возможной (и учтенной) потерей достигнутых прошлым трудом и мыслью форм земледельческой техники.

5. Идеей разумного и максимального использования естественных производительных сил государства: силы страны, создающие национальное богатство, всегда ограничены и пока недостаточно использованы и охвачены человечеством для того, чтобы были достигнуты отвечающие осознанным потребностям и желаниям людей условия жизни. Помимо всяких форм социального устройства, как реально существующих, так и выработанных в программах политических партий или идеологиях социальных реформатов, эта недостаточная использованность, в связи с необдуманной и бессознательной расточительностью текущей энергии естественных производительных сил, является основным препятствием к водворению на Земле для всех людей человеческих условий существования. Государство в своей аграрной политике должно стремиться к тому, чтобы: 1) получился максимальный продукт при земледельческом труде, 2) чтобы этот продукт получался не хищнически, то есть достигался без ослабления запасов энергии, заключенной в естественных производительных силах страны, и 3) чтобы при его получении по возможности использовалась наибольшая часть той энергии, какая лежит в основе земледелия, и чтобы бесполезно рассеивалась наименьшая возможная ее часть.

6. Идеей связи государственного хозяйства с мировым и равнения этого хозяйства по уровню данного времени. Очевидно, при глубоком и широком мировом торговом обмене и общем использовании всего производимого человечеством на всем земном шаре, государственная политика в области зем-

леделия в России не может вестись так, как будто бы она ведется на необитаемом острове. Необходимо не только использовать имеющиеся у нас ресурсы страны, но надо их использовать так, как это в данный момент наиболее выгодно – по мировой конъюнктуре – с точки зрения национального богатства и интересов человечества. Эта сторона дела особенно должна проявляться в такой великой стране, какой является Россия, охватывающая 1/6 часть земной суши.

7. Идеей удовлетворения государственных обязательств, расчета за войну и финансовыми требованиями государства в данный момент. Едва ли требуется останавливаться на этом вопросе, так как и интересы экспорта (торгового баланса), и необходимость стороннего капитала, и необходимость устойчивости финансовой системы будут доминировать в ближайшие годы в связи с огромным нарушением государственно-хозяйственной жизни и задолженности, небывалой в России, какие явились следствием огромной войны.

Текст воспроизводится по публикации И.И. Мочалова: *Вернадский В.И.* Я – неразрывная часть народа // Вест. АН СССР. 1989. № 7. С. 108–109.

ПРИМЕЧАНИЯ

10(23) июня 1917 г. В.И. Вернадский был единогласно избран председателем Сельскохозяйственного комитета – правительственной структуры, в задачу которой входила разработка научной политики в области сельского хозяйства в связи с провозглашенной аграрной реформой. В комитет вошли такие известные специалисты в области естественных наук, как Д.Н. Прянишников, К.А. Тимирязев, П.Н. Чирвинский, Н.М. Тулайков. В должности председателя Временное правительство утвердило Вернадского 19 июля (1 августа) 1917 г. Текст этой записки был впервые опубликован И.И. Мочаловым в 1989 г., оригинал хранится в Архиве РАН (Ф. 518, Оп. 1, Д. 217, Л. 1–2).

В записке в концентрированном виде и в унисон с кадетской программой можно найти многие положения, изложенные Вернадским в статьях «Аграрная проблема и научная исследовательская работа», «Задачи науки в связи с государственной политикой в России» и записке [«К пересмотру аграрной программы конституционно-демократической партии»].

ЗАДАЧИ НАУКИ В СВЯЗИ С ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКОЙ В РОССИИ*

I

Глубоко переживая великое мировое столкновение, невольно останавливаясь мыслью перед его последствием. Мысль и внимание миллионов людей направлены сейчас на будущее. Едва ли когда, в какую-нибудь другую историческую эпоху, стремление проникнуть в неизвестное грядущее охватывало такое количество мыслящих людей, как сейчас. Оно наблюдается везде и всюду, в Старом и Новом Свете, везде, где только бьется свободная человеческая мысль. Чувствуется всюду, что человечество переживает небывалый сдвиг в грядущее. Война не только создала в короткий срок неисчислимые из-

* «Из «Русских ведомостей», 1917, № 140–141. Предполагавшаяся к прочтению речь в «Научном институте» в Москве 19 февраля 1917 г., не прочитанная по «независящим обстоятельствам». См. «Русск[ие] ведом[ости]», 1917, № 140.

менения материальной обстановки, вызвала едва мыслимые потрясения в области хозяйственных и государственных явлений, внесла ужасающую сумму страданий, перед которыми померкли все ранее бывшие бичи человечества, – голод, мор, нашествие варваров. Она не в меньшей степени проникла в духовную жизнь, глубочайшим образом повлияла на психику личностей, на понимание исторических процессов и духовных основ существующего порядка.

Каждый из нас, сознательно переживающий войну, во многом не тот, каким он был до войны. Война явилась оселком, на котором разбились многие старые верования, старые понимания, выковались новые, иногда неожиданные заключения. Каждый из нас видит и знает, как резко и как быстро изменилась и меняется вокруг духовная атмосфера жизни. Все мы чувствуем, до какой нестерпимой степени не отвечает новому духовному облику всех окружающих нас порядок жизни, до какой степени он лишился поддерживающей его духовной основы, – былого мировоззрения людей довоенного времени. Это сознание так сильно – вокруг и так ясно стоит перед всеми, что невольно выливается в ожидание величайших государственных потрясений после войны. Эти ожидания только ярче, чем все другое, подтверждают существование в духовной обстановке жизни не меньших изменений, принесенных войной, чем те, которые так глубоко и резко бросаются в глаза каждому в материальной и бытовой ее области.

Наибольшие изменения духовной обстановки жизни произошли прежде всего в изменении наших представлений о ценностях и о значении идейных факторов жизни, если можно так выразиться, в изменении оценки значения категорий идеальных построений человечества. Вместе с тем они коснулись не в меньшей, если не в большей степени, другой, может быть, еще более важной стороны жизни, – коснулись волевой стороны человечества. Мы все привыкли за эти годы к большей активности, мы реально почувствовали, как сильно – даже в стихийном процессе величайшего несчастья, принесенного к тому же волей немногих, – может влиять на ход событий твердая и ясная воля человека, как из единичных волевых проявлений слагается воля нации. Это проявилось всюду, и среди наших союзников, и среди наших врагов. Оно является характерной чертой в изменении настроений и русского общества, и русского народа, и я думаю, что я наиболее точно и правильно выражу это изменение краткой формулой: мы все сейчас желаем быть хозяевами своей земли, своей жизни...

Я хочу здесь остановиться сегодня на одном, мне кажется, чрезвычайно важном изменении в мировой психологии, на изменении отношения общества к науке, причем ограничусь только нашей страной, значением этого исторического явления в жизни России в ближайшее время. При этом, согласно общей атмосфере момента, идейный мотив теснейшим образом оказывается связанным с волевым.

II

Характерной чертой момента, удивительным образом неожиданной для всех государственных организаций, явилась переоценка значения науки, как элемента государственной жизни, как объекта государственной политики. Казалось, в жизни человечества, кроме чисто государственных интересов,

очень сложных по своему происхождению, могущественно и по сущности своей независимо от государства действуют лишь две категории идейных построений жизни, влияющих на ход государственной политики. Во-первых, религиозные искания и построения человечества и, во-вторых, гуманитарные ее явления. Первые вылились в мировые религии – буддизм, христианство, магометанство. Вторые – в социалистические требования и понимания государственной политики.

История последних десятилетий, со второй половины XIX века, выяснила значение научной техники в государственной жизни, но странным образом в государственной политике привыкли считаться с научной техникой как внешним, привходящим фактором, не зависящим в своем раскрытии от государственной деятельности. К тому же еще до сих пор для очень многих неясна неразрывная по самой сущности явлений, все более и более углубляющаяся связь научной техники с наукой и, особенно, с научными исканиями. Точно так же одной из крупнейших задач государственной политики уже давно, а в последнее десятилетие все сильнее и сильнее, является забота о народном образовании во всех его формах. Однако забота о народном образовании отнюдь и далеко не совпадает с заботой о развитии научного творчества и государственной организации научной работы. Правда, элементы научной мысли и приемы научной работы все более проникают в организацию народного образования и господствуют в современной высшей школе, но, очевидно, народное образование никогда не будет слагаться только из одних данных науки, но должно включать в себя создания и всех других проявлений духовной жизни человечества.

Поэтому понятно, что несмотря на значение последствий научной техники в государственной политике и на государственную заботу о народном образовании, отношение государственных людей к науке определялось их личным вкусом, а огромное большинство населения не считало заботу о научном искании и о научной работе вообще делом государственным, а полагало ее делом частным и личным. Помощь научному исканию и научной работе в тех случаях, когда они не были связаны с высшим образованием или с необходимостями технических задач государственной деятельности, рассматривалась как известная роскошь, как некоторый исторически сложившийся обычай государственной жизни, как проявление личных вкусов и желаний влиятельных политиков. Может быть, только в Германии существовало более глубокое понимание значения государственной организации научной работы, но и здесь наука играла исключительно служебную роль в решении прикладных задач чисто государственного характера, подобно тому, как она использовалась государством в вопросах народного образования или технической деятельности.

Война резко изменила в этом отношении общее понимание. Сила науки почувствовалась так, как она никогда не чувствовалась в человечестве. Она почувствовалась не только в создании орудий истребления, но она проявилась в организации защиты, в общем направлении государственной деятельности, в так называемой организации тыла. Может быть даже еще больше, чем реальные ее приложения, уже вошедшие в жизнь ее достижения являются сейчас решающими и направляющими в деятельности людей изменения в понимании значения науки. Мысль людей направлена на будущее, на уст-

ройство жизни, в котором они были бы обеспечены от катастроф, подобных переживаемым, на возможно быстрый и менее мучительный выход из последствий войны, на восстановление нарушенного войной государственного и частного хозяйства. При таком настроении человечества приобретают огромное значение те возможности, которые открываются во всех этих направлениях при широком развитии научного мышления, научного исследования, научной творческой работы. Едва ли кто может сомневаться, что возможные достижения научной деятельности и научного творчества человечества превышают в несравнимой степени то, что сейчас достигнуто, если только организация научной работы выйдет из рамок личного, частного дела и станет объектом могущественных организаций человечества, делом государственным. И в то же время едва ли кто может сомневаться, что такая организация научной деятельности и научного творчества явится крупнейшим фактором организации человечества и воссоздания разрушенных национальных и частных богатств. Мы впервые после этой войны и в связи с ней подходим, как к реальному объекту, могущему занимать внимание государственного и общественного деятеля, к задачам возможно быстрого, возможно широкого и глубокого развития научного творчества. Те картины будущего человечества, будущего царства науки, которые рисуются романистами и фантазерами, начиная чуть ни с XVI столетия, из области утопии, романов, начинают, преобразаясь, конечно, подходить к задачам дня, к реальной обстановке политической деятельности, подобно тому как во второй половине XIX века выступали из той же области фантазии на государственную почву гуманитарные, социалистические настроения.

Уже сейчас эти новые чаяния человечества начинают чувствоваться в окружающей жизни. В Великобритании, Франции, Германии, Соединенных Штатах поднимаются и обсуждаются вопросы, связанные с новой организацией научного творчества и научной работы, включения этих вопросов в область государственной политики и государственного бюджета. Нет никакого сомнения, что те же вопросы поставлены жизнью и для России и благодаря нашей отсталости стоят перед нами еще неотложнее.

III

Прежде чем перейти к обсуждению основных черт государственной политики нашей страны по отношению к задачам научной работы, я хочу еще сказать несколько слов об одном привходящем условии, которое часто забывается и недостаточно оценивается; русским обществом. Наука едина и нераздельна. Нельзя заботиться о развитии одних научных дисциплин и оставлять другие без внимания. Нельзя обращать внимание только на те, приложение к жизни которых сделалось ясным, и оставлять без внимания те, значение которых не создано и не понимается человечеством. Я не могу останавливаться на доказательствах этих положений, ибо на это у меня сейчас нет времени. Я беру их за исходные. Но необходимость этого положения ясна уже из того, что задачей государственной поддержки должна являться не прикладная научная техника, но свободное научное творчество, проникновение человечества в новые области неизвестного. Только при этих условиях мы будем находиться на уровне научных знаний и сможем подходить к созданию

нового. Прикладные применения науки получатся просто и легко, когда в государстве будут созданы люди науки и научные организации, находящиеся во всеоружии знания в максимальной доступной для человечества в настоящий исторический момент степени. Однако наука не только едина и нераздельна, но и безбрежна. Поэтому, очевидно, из бесконечного количества ее задач государство может и должно выдвигать на первую очередь поддержку некоторых определенных. Очередь разрешения научных задач государством, конечно при существовании в стране независимой от государства свободной личной научной творческой работы, – является самым основным вопросом, интересующим государственного и общественного деятеля.

Итак; какие же области научного искания и научной работы могут и должны быть поставлены сейчас на первую очередь с точки зрения государственных интересов России?

Мне кажется, сейчас могут и должны быть выдвинуты три различные области научной работы, связанные с особенностями текущего момента и основными задачами государственного строительства России.

Эти три области определяются: 1) необходимостью срочного, глубокого и полного изучения естественных производительных сил нашей страны и прилегающих к ней стран, 2) особенностями мирового положения России, в частности ее положения в Азии, и 3) чрезвычайным разнообразием как естественно-исторического, так и этнического состава русского государства.

IV

Первая область государственной организации научной исследовательской работы принципиально ясна, и ее необходимость не возбуждает теперь серьезных возражений. Война до очевидности для всех выяснила крайнюю неизученность России. Мы не знаем ресурсов нашей страны и до сих пор не сознавали, до какой степени это необходимо для правильно поставленной государственной политики, для государственной безопасности. Нельзя сказать, чтобы работа научного обследования производительных сил России не делалась. Она непрерывно шла с начала XVIII столетия, когда толчок ей дал гений и творческая воля Великого Петра. За это время сделана огромная работа, которую мы должны особенно ценить, если учесть, в какой невероятной обстановке она исполнена. Однако в течение этих долгих десятилетий планомерная государственная деятельность в этом направлении большей частью отсутствовала. И когда наступили столь не забываемые нами лето и осень 1915 г. [1], русское общество и здесь, как в других областях, увидело неизбежную необходимость спешного исследования одновременно с необходимостью спешного использования; приходилось изучать и действовать. За неполных два года как представителями русского общества, так и подвинутыми ростом общественного понимания государственными организациями сделано очень много. Еще никогда не тратилось столько средств на познание России, как в эти последние месяцы. Правда, приходится работать в обстановке ненормальной, не так, как следовало бы работать в мирное время, но все же достигнутые результаты огромны. Я не могу приводить здесь доказательства, но мне представляется несомненным, что полученные результаты, даже при современных тратах, во много раз их окупали. Не говоря уже о

блестящей работе русских химиков, достаточно вспомнить, что за это время в России открыты новые неожиданные отложения каменного угля в Предкавказье и Западной Сибири, на Урале найдены большие скопления никелевых руд, в Забайкалье впервые открыты руды висмута в количестве, позволяющем его добычу, найдены россыпи монацита, первые находения селена, боксита, серьезные руды цинка, руды ванадия. Еще более сделано в выяснении и учете того, что было известно и раньше, но недостаточно исследовано, и не меньше показалось вдали проспектов для будущего, ясных путей и манящих своей достоверностью указаний на огромные возможности раскрытия нам принадлежащих, но нами не узнанных богатств. Мы находимся сейчас в положении человека, начинающего понимать, что ему дано природой и чем он не пользовался.

Совершенно ясно, что работа исследования только что начата. Государство должно отпустить нужные средства, увеличить бюджет тех научных, общественных и государственных организаций, которые занимаются изучением естественных производительных сил; оно должно организовать планомерное, систематическое исследование естественных производительных сил в ближайшие годы.

Несомненно, эта организация не так проста. Надо организовать не только выяснение имеющихся в наличности в нашей стране производительных сил. Надо уметь их использовать. И здесь помимо личной инициативы, помимо капитала и труда необходимо научное исследование. Государственная работа неизбежно должна быть направлена в двух направлениях: с одной стороны, на научный учет производительных сил нашей страны, с другой – на изучение их свойств и особенностей. Для этой последней цели наиболее правильным и наиболее могучим средством должно явиться создание государственной сети исследовательских институтов. Мне пришлось недавно касаться этого вопроса в другом месте, – в заседании Комиссии по изучению естественных производительных сил при Академии наук, – и я не буду поэтому повторять того, что тогда было сказано, ибо издания Комиссии всем доступны [2].

Конечно, осуществление этих задач потребует больших, миллионных средств, к которым для этих целей мы не привыкли. Но нам надо к этому привыкнуть, ибо не мы одни подошли к этим новым государственным задачам, – к ним подошли и другие народы, в том числе и те, которые лучше знают силы своей страны, чем это знаем мы. Получить эти суммы должно русское общество, и я не сомневаюсь, что оно сумеет найти их, заставить государственную власть сделать эту трату, раз только оно сознает их необходимость и неизбежность, их пользу для безопасности и блага России.

V

Совершенно другая область научных исследований выдвигается сейчас на первую очередь, благодаря особенностям мирового положения России. Россия по своей истории, по своему этническому составу и по своей природе – страна не только европейская, но и азиатская. Мы являемся как бы представителями двух континентов, корни действующих в нашей стране духовных сил уходят не только в глубь европейского, но и в глубь азиатского былого; силы природы, которыми мы пользуемся, более связаны с Азией, чем с Ев-

ропой, и мне кажется, что название Восточной Европы, которая почти совпадает с понятием Европейской России, далеко не охватывает всего того различия, какое представляет сейчас наше государство в общем сонме европейских стран. Для нас Сибирь, Кавказ, Туркестан – не бесправные колонии. На таком представлении не может быть построена база русского государства [3].

Она может быть основана лишь на равноправии всех русских граждан. Мы должны чувствовать себя не только европейцами, но и азиатами, и одной из важнейших задач русской государственности должно являться сознательное участие в том возрождении Азии – колыбели многих глубочайших и важнейших созданий человеческого духа, которое сейчас нам приходится переживать. И едва ли можно сомневаться, что это возрождение, темп которого все увеличивается, является крупнейшим среди крупных мировых событий, свидетелями которых нам приходится быть. Для нас, в отличие от западных европейцев, возрождение Азии, т.е. возобновление ее интенсивного участия в мировой жизни человечества, не есть чуждый, сторонний процесс, – это есть наше возрождение. И, несомненно, в этом всемирно-историческом процессе европеизация московской Руси в XVIII веке сыграла крупную роль [4].

С этой точки зрения необходимо более точное знакомство и более тесное общение России с жизнью Азии. И в этом направлении должна сознательно идти наша государственная деятельность, этими стремлениями должна определяться государственная политика. Одной из первых и главнейших ее задач должно являться участие России и русских в культурном и духовном подъеме Азии, культурное наше сближение с азиатами. Одним из самых могучих средств для этого должно быть широкое наше участие в научном изучении Азии, совместная с азиатами работа русской молодежи в высшей школе, широкая работа азиатов в наших ученых учреждениях. Для создания этой духовной связи нет ничего сильнее научной творческой работы, ибо среди разнообразия других проявлений духовной жизни человечества, бесконечно-го разнообразия искусства, литературного творчества, религии и даже философии, единственным единящим и неизменным в человечестве является наука, в основах своих независимая от всяких человеческих отличий. Для этого необходимо не только предоставление широкой возможности молодежи Азии (русской и зарубежной) участия в высших школах и научных институтах Европейской России, но мощное развитие соответствующих государственных учреждений в России азиатской, понимая под этим и Закавказье. В этом отношении наша государственная политика была удивительно близорука, я бы сказал антинациональна, шла вразрез с интересами России. Лучшей иллюстрацией этому является долгая борьба кавказского общества, всех живущих в нем национальностей, в том числе и русской, с русским правительством за высшую школу на Кавказе [5]. Борьба эта длилась десятилетия.

Сейчас научные центры работы в виде ли высших школ, научных станций, обсерваторий, лабораторий только что начинают охватывать азиатский материк. Россия в этом отношении играет печальную роль. Далек впереди стоит Япония, хотя и в ней в этом отношении господствует узко-утилитарный взгляд на науку и научную работу; начинает в последнее время играть роль Английская Индия. У нас только за последние годы начинает проясняться государственное творчество в этом отношении, но оно идет слабо, неуверенно, неполно. Мне кажется, что русская Азия должна быть возможно быстро

покрыта государственной сетью высших школ и научных учреждений и что это явится самым могучим и прочным средством выявления скрытой силы нашей государственной организации, и уже с одной этой точки зрения должно сильно отразиться на нашем мировом положении. В основе наших азиатских научных учреждений должно лежать всестороннее изучение прошлого и настоящего Азии в самых разнообразных их проявлениях, – в области языкознания и истории, археологии, быта, фольклора, литературы, религии, искусства, музыки, экономических и материальных ресурсов.

Нельзя забывать одного. Естественные производительные силы Азии в едва ли сравнимой степени превышают естественные производительные силы Европы; в частности, в нашей стране азиатская Россия не только по величине превышает Россию европейскую. Она превышает ее и по потенциальной энергии. По мере того, как начинается правильное использование наших естественных производительных сил, центр жизни нашей страны будет все более и более передвигаться, как это уже давно правильно отметил Д.И. Менделеев, на восток, – должно быть, в южную часть Западной Сибири. Россия во все большей и большей степени будет расти и развиваться за счет своей Азиатской части, таящей в себе едва затронутые зияющие силы. Это должна всегда помнить здравая государственная политика, которая должна смотреть всегда вперед, в будущее.

IV

Если мы от этих вопросов, связанных с внешним положением России, перейдем к ее внутренней структуре, мы получим третью группу научных задач, изучение которых является срочным элементом государственной политики.

Во внутренней структуре России, при огромной ее величине, – почти одной шестой всей суши нашей планеты, – бросаются в глаза два, с этой точки зрения, основных обстоятельства. Это, во-первых, то, что наша территория представляет один целый кусок. У нас нет сейчас ни заморских владений – Америку и далекие Тихоокеанские острова мы безвозвратно потеряли – ни территорий, с нашей страной не смежных [6]. При этом наша территория до чрезвычайности разнообразна по физико-географическим условиям; правильная ее утилизация требует в разных местах правильной специализации: русский из Приамурья нелегко войдет в хозяйственную и бытовую жизнь южно-русской степи или Туркестанской лёссовой области. С другой стороны, эта территория этнически чрезвычайно разнообразна; среди ее населения, правда, численно преобладает великорусское племя, однако, не в такой степени, чтобы оно могло погасить своим ростом и численностью другие национальные проявления.

Мы недостаточно оцениваем значение огромной непрерывности нашей территории. Подобно Северо-Американским Соединенным Штатам мы являемся государством–континентом. В отличие от Штатов мы страдаем от того, что в действительности является первоисточником нашей силы. Но и у нас придет время, когда мы, подобно Штатам, будем им пользоваться для трудно-исчислимых удобств жизни. Это время придет тогда, когда наша политика будет определяться волей нас всех, т.е. волей народа. То новое, что дает в быту

живущих в нем людей большое по размерам государство, приближается по своему укладу к тому будущему, к которому мы все стремимся, – к мирному мировому сожителству народов. Огромная сплошная территория, добытая кровью и страданиями нашей истории, должна нами охраняться, как общечеловеческое достижение, делающее более доступным, более исполнимым наступление единой мировой организации человечества.

Но благодаря разноплеменности нашей страны и разнообразию ее физико-географических условий в ней сильны и могущественны центробежные силы, грозящие единому, связанному бытию этой сплошной территории. Тем более, что ее участки связаны друг с другом недавно, были добыты суровыми, нередко кровавыми событиями истории.

Задача сохранения единства Российского государства – уменьшение центробежных сил в его организации – является одной из наиболее важных задач государственной политики. До сих пор эта задача разрешалась попытками подавлять центробежные стремления грубой силой и насильственной руссификацией. Едва ли можно сомневаться, что дальнейшее движение по этому пути невозможно: оно противоречит и мировому положению России среди окружающих ее, возрождающихся к сознательной жизни наций и тем требованиям, какие ставит для правильной жизни современное человечество. Эти требования, с каждым поколением все более и более непреодолимые и сильные, связаны с равноправным существованием всех народов и всех граждан. Мы видим к тому же, к какому усилению, а не смягчению центробежных сил вела насильственная политика национальных вопросов, насколько она опасна и неудачна.

В значительной мере она поддерживалась недостаточным знанием и недостаточной осведомленностью русского общества и правительства о местной жизни, местных особенностях и национальной жизни составляющих Россию народностей. Именно здесь лучшим спаивающим средством и лучшим источником единения является возможно широкое и возможно полное знание и связанное с ним понимание. В целях государственного единства наши стремления должны идти по другому направлению, чем они идут сейчас. Мы должны смело и решительно стремиться к государственной организации взаимного ознакомления составляющих Россию народностей, к государственной организации их изучения, к государственному содействию их стремлениям в этом направлении. Должна оказываться широкая государственная помощь изучению истории, языка, этнографии, литературы населяющих Россию народностей, изучению родинovedения отдельных областей нашей страны. Все эти стремления должны из области центробежных сил, какими они теперь являются, перейти тем самым в область сил, сливающих государственное единство.

Надо перестать стремиться к этому внешнему средству, поддерживаемому только насилем, надо перейти к политике, на почву которой после долгой внутренней борьбы стала в последнее время Британская Империя, – политике национальной свободы, государственной поддержки национальных учреждений народностей, при сохранении государственного единства. Испытание этого года вполне, мне кажется, доказало государственную мудрость этой политики: французский по языку и культуре Квебек, голландская Южная Африка, кельтский Валлис оказались едины и нераздельны с Англией [7], и вождь

национального валлийского движения Ллойд-Джордж [8], стал во главе всей Британской империи и получил в свои руки такую власть, какой никогда еще не имел ни один английский государственный деятель.

Уже одно научное знание, на этом пути достигаемое, является могучим спаивающим средством; но государственная поддержка научной работы является спайкой еще и потому, что при этом отдельные народности, населяющие огромное по территории и ресурсам государство, получают такие средства для удовлетворения своих культурных потребностей, всегда неразрывно связанных с научным изучением, которые недоступны им при отдельном существовании... Их национальный рост тесно свяжется с единством большого целого.

Я не могу не остановиться еще на одной стороне такой государственной помощи научной работе. Усиление научной работы, связанной с местной или национальной жизнью, позволяет использовать духовные силы народа так сильно, как никогда не удастся их организовать в унитарной централистической организации. Местный центр использует и вызывает к жизни духовные силы, иначе не доступные к возбуждению. Этим путем достигается максимальная интенсификация научной работы. А она неизбежно связана с усилением изучения, а следовательно, и использованием естественных производительных сил данной местности, а следовательно, и всего государственного целого.

Для нас сейчас, в великую разруху, связанную с переживаемой войной, более интенсивное и, следовательно, более быстрое и полное познание естественных производительных сил является достижением первостепенного значения, и мы должны внимательно относиться к каждой возможности его усиления.

VII

Таковы все три области научных заданий, которые, кажется мне, сейчас должны направлять к себе внимание русского политического и общественного деятеля, сознающего то изменение, какое произведено в нашей жизни великим историческим сдвигом, нами переживаемым. Все они требуют создания широких новых научных организаций, мощной поддержки и переустройства старых.

Государство должно дать средства, вызвать к жизни научные организации, поставить перед нами задачи. Но мы должны всегда помнить и знать, что дальше этого его вмешательство в научную творческую работу идти не может. Наука, подобно религии, философии или искусству, представляет собою духовную область человеческого творчества, по своей основе более могучую и более глубокую, более вечную, чем всякие социальные формы человеческой жизни. Она довлеет сама себе. Она свободна и никаких рамок не терпит.

Этого нельзя забывать. И если русское общество сумеет направить государственные средства для широкой научной работы в этих областях научных исканий, – организация научной работы должна быть предоставлена свободному научному творчеству русских ученых, которое не может и не должно регулироваться государством. Бюрократическим рамкам оно не поддается.

Задачей является не государственная организация науки, а государственная помощь научному творчеству нации.

Добиться этого удастся тогда, когда удастся вызвать к жизни волевое сознательное к этому стремление русского общества.

Печатается по тексту: Очерки и речи. Пг.: НХТИ, 1922. Вып. 1. С. 145–158.

ПРИМЕЧАНИЯ

Статья была включена В.И. Вернадским в сборник: «Очерки и речи», М.: НХТИ, 1922. Вып. 1. С. 145–158. Вторично опубликована в: *Вернадский В.И.* Начало и вечность жизни. М.: Сов. Россия, 1989. С. 306–329.

1. Летом 1915 г. русская армия потерпела ряд поражений на германском фронте в Галиции (Западная Украина). 19 апреля (2 мая) 1915 г. началось наступление германских и австрийских войск, приведшее к июню к потере всей территории Галиция. В июле противник предпринял попытку окружения главной группировки русских армий в Польше. Окружение не удалось, но отступление привело к отходу до линии Рига – Двинск – Барановичи – Ровно – Черновицы, где фронт и стабилизировался к октябрю 1915 г.

2. Имеется в виду совместное заседание Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), основанной В.И. Вернадским в 1915 г. и Военно-химического комитета при отделении химии Русского физико-химического общества, проведенное 10 января 1917 г. в Академии наук в Петрограде. По докладу Вернадского «О государственной сети исследовательских институтов» было принято решение о создании ряда новых институтов, в том числе Нефтяного, Физико-химического анализа, Платинового и др. В одной из записок о ближайших задачах КЕПС Вернадский писал: «В общее сознание должно войти, что создание таких научно-исследовательских научных учреждений должно явиться объектом государственной работы и государственной деятельности не в меньшей степени, чем работа над созданием школ разного типа, постройкой железных дорог, организацией почт или телеграфов и т.д.» (Цит. по: *Мочалов И.И.* Владимир Иванович Вернадский. М.: Наука, 1982. С. 412).

3. Мысли В.И. Вернадского о нерасторжимой связи русской истории и культуры с азиатской невольно вызывают ассоциации с идеями «славянофилов» и «евразийской» историко-философской школы. Последняя, правда, оформилась уже в 20-х годах и одним из ее активных сторонников был сын Вернадского Георгий Владимирович (1887–1973). «Евразийцы» действительно принимали идею направления государственной политики России в сторону Азии, как об этом пишет Вернадский в 1917 г. Так, в основном манифесте «евразийцев» (Евразийство. Опыт систематического изложения, 1926) почти буквально повторены слова В.И. Вернадского из комментируемой статьи: «⟨...⟩ для будущего ⟨евразийской культуры⟩ необходимо восполнить и закончить дело, начатое Петром, т.е. вслед за тактически необходимым поворотом к Европе, совершить органический поворот к Азии». (Цит. по: Пути Евразии. М.: Рус. книга, 1992. С. 379). Однако, в отличие от Вернадского, мысль о сочетании европейского и азиатского начала в государственной политике и духовной культуре у «евразийцев» дополнена, а нередко и вытеснена идеей противостояния Востока и Запада и абсолютным верховенством «евразийско-русской» культуры как высшим проявлением духовного опыта человеческой цивилизации.

4. Очевидно, имеются в виду реформы Петра Первого.

5. Единственным высшим учебным заведением на Кавказе были Высшие женские курсы в Тифлисе, открытые в 1908 г. Первый на Кавказе университет был открыт в Тифлисе уже после крушения Российской империи, в 1918 г. В Баку университет был основан в 1919 г., а в Ереване – в 1920.

6. Как известно, в конце XVIII – начале XIX в. Аляска, Алеутские острова, Калифорнийское побережье активно осваивались Российской империей, однако в 1839 г. она вынуждена была пойти на экономические уступки (аренда территории) американской Компании Гудзонова залива, поддерживаемой Англией. После поражения в Крымской войне (1853–1856) Россия не могла с прежним успехом поддерживать сферу своих интересов в отдаленном Тихоокеанском регионе. В связи с этим Александр II принял решение уступить Аляску и Алеутские острова Северо-Американским Соединенным Штатам за 7,2 млн долларов по договору 1867 г.

В 1913 г., находясь в США, Вернадский писал своему ученику минералогу А.Е. Ферсману: «Я не могу здесь забыть и о той ошибке (или преступлении?!), которую сделали правительства Николая I и Александра II, отдав Русскую Америку, добытую народным старанием». (Цит. по: Письма В.И. Вернадского А.Е. Ферсману. М.: Наука, 1985. С. 61). Под «далекими тихоокеанскими островами» Вернадский, очевидно имеет в виду Курилы. Еще во время Крымской войны Николай I вынужден был уступить Японии южную часть Курильской гряды, а о-в Сахалин был провозглашен неразделенным между Россией и Японией по Договору 1855 г. о торговле и границах. В 1875 г. в Петербурге был подписан договор об обмене территориями: Сахалин закреплялся за Россией, а все Курилы – за Японией.

7. Квебек – провинция Канады. Канада первая среди территорий Британской империи (в 1867 г.) получила статус доминиона (самоуправляющихся территорий). Голландская Южная Африка после окончания англо-бурских войн в 1910 г. также стала доминионом. Оба доминиона участвовали в войне на стороне Антанты и предоставили свои контингенты для европейского театра военных действий.

8. Ллойд-Джордж Дэвид (1863–1945) – британский политический деятель, член либеральной партии, уроженец Уэльса (в начале XX века в России была принята транскрипция Валлис), член палаты общин от одного из графств Уэльса с 1890 г. В течение 10–12 лет Ллойд-Джордж завоевал славу борца за самоуправление Уэльса, одновременно выдвигал радикальные лозунги земельной реформы, отделения церкви от государства. Он заявлял, что прежде всего он – валлийский националист, а уж потом член партии либералов. В 1905–1915 гг. входил в правительство (министр торговли, затем – финансов), перед вхождением в кабинет министров ставил условием одобрение законопроекта о расширении самоуправления Уэльса. В 1916–1922 гг. – премьер-министр. Был сторонником ведения войны до полного разгрома Германии и ее союзников. Очевидно, Вернадский предлагает пример Британской империи с ее переходом к принципам своеобразной конфедерации (впоследствии Британское Содружество Наций) в качестве реальной альтернативы переустройства «единой и неделимой» России, в которой даже культурная автономия отдельных субъектов являлась предметом дискуссии в либеральных кругах. (См. статью «Украинский вопрос и русское общество»).

К СОЗДАНИЮ УКРАИНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В КИЕВЕ

I

Приступая к созданию Украинской Академии наук в Киеве [1], необходимо прежде всего выяснить основы ее деятельности, ее существования. Академия наук, создаваемая в XX веке, не может строиться по уставам и типам старых академий, которые пережили в своей многовековой истории многочисленные изменения и превращения. Несомненно к тому же, что писанные уставы академий далеко не отвечают тому, что они в действительности представляют: жизнь давным давно их переделала и сделала важным такие их функции, которые лишь вскользь упоминаются в уставах и наоборот, совершенно исключила такие, которые в уставах выдвигаются на первый план. Достаточно с этой точки зрения посмотреть на устав и действительность двух старых мощных Академий наук: Российской и Лондонского Королевского Общества [2].

При создании новой академии приходится, таким образом, обращать внимание не на уставы, а на тенденции деятельности и вызванную ими работу академий наук. Очевидно, наибольшее значение имеют те стороны деятельности академий наук, которые находятся в последнее время в росте и указывают этим путем будущие направления их жизни.

Старая академия наук была только ученым обществом, иногда, по современным понятиям, кружком ученых. Обмен мнений по научным вопросам, научные доклады, материальная взаимная поддержка, оплата жизни меценатом или государем для спокойной научной работы – лежали в основе ее структуры. Нередко академики совместно предпринимали научные работы, делали опыты, задавали друг другу вопросы, ставили задачи для разрешения, обсуждали и проверяли новые научные факты и новые научные мысли. Вместе с тем, находясь во взаимных сношениях, эти общества составляли очень живую и важную международную среду научных работников, составляя свой собственный мир, независимый от государственных форм. Такие общества особенно развились в XVI столетии.

Нельзя не вспомнить, что самым восточным примером подобного общества, похожего, по мнению некоторых ученых, на тогдашние академии, можно считать кружок ученых, который группировался в пределах Украины в Остроге на Волыни, вокруг князя Константина Острожского, в конце XVI века [3].

Из подобных обществ ученых развились в XVII столетии современные академии наук.

Вторая половина XIX столетия в связи с развитием естествознания и его применения к жизни вызвала резкие изменения в структуре академий наук. Стремления новых академий пошли, с одной стороны, в направлении организации научной работы, с другой – в направлении создания при академии научных исследовательских институтов – сосредоточий исследовательской научной работы. В этой организационной и исследовательской работе академии пошли по пути создания мировой научной организации человечества – все еще задачи будущего, – в то же время всячески охраняя свободу научного творчества.

Во второй половине XIX ст[олетия] возник Международный союз академий наук [4], в который вошли все академии наук всех стран и всех народов. Этот союз признан как таковой правительствами всех стран. Только та академия наук будет академией, которая будет признана этим союзом: она может быть принята в состав этого союза только на основании особого для всех обязательного устава этой мировой организации. Несомненно, мировая война тяжело отразилась на мирной общечеловеческой работе, но нельзя сомневаться, что деятельность союза вновь возродится еще более интенсивно, как только жизнь человечества станет более нормальной. Центр союза в настоящее время находится в Амстердаме. Помимо этого союза, предпринимающего многочисленные общие научные работы и имеющего уже свои неписанные традиции, существуют независимо от него меньшие союзы, состав и задачи которых иные, как напр[имер] союзы немецких или славянских академий.

С точки зрения национальной, совершенно необходимо, чтобы Украинская академия наук была признана Международным союзом академией. Этим достигается мировое признание украинской культуры в одной из важнейших отраслей человеческой деятельности. К тому же только это даст киевской академии возможность участвовать в мировой организации и в общей работе человечества. Для этого прежде всего, она должна удовлетворять, как в своем составе, так и в своей организации, тем условиям научной силы, какие ставятся уставом мировой академической организации.

«Русский голос», 14 августа 1918 г., № 62.

К СОЗДАНИЮ УКРАИНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В КИЕВЕ

II

При создании Украинской академии наук необходимо считаться с тем, что работа стоящей на таком уровне Украинской академии наук помимо своего мирового значения должна удовлетворять важным: 1) национальным, 2) государственным и 3) местным жизненным требованиям.

Национальное значение новой академии совершенно понятно и я не буду долго на нем останавливаться. Оно заключается в том, что новая академия должна способствовать росту украинского национального самосознания и украинской культуры, путем широкого и глубокого проникновенного, научного изучения прошлого и настоящего украинского народа и его соседей, природы занятой ими страны во всех ее бесконечных проявлениях. Центра такой работы – достаточно мощного – на Украине нет. Чем шире, свободнее, глубже будет в академии наук поставлено это изучение, тем больше будет ее национальное значение. К тому же, национальное значение она будет иметь и потому, что будет представителем украин[ской] нации в Международном союзе академий и что, благодаря своей свободной и широкой организации она будет поднимать и развивать свободную организованную научную работу на Украине во всех ее проявлениях, будет находиться в тесной связи с учеными Украины, будет всеми мерами поддерживать, защищать и развивать научную работу и научных работников Украины.

Государственное значение академии создается ее влиянием на поднятие производительных сил страны и человека в Украине. Украинская Академия наук должна в этом отношении пойти по тому пути, по которому в данный момент пошли другие академии, особенно Российская академия наук [5], Королевское Общество в Лондоне, Академия Соединенных Штатов, Парижская. Особенно ярко сказалось все государственное значение работы академий в течение переживаемого нами мирового кризиса. Все академии – одни больше, другие меньше – изменились и приспособились к новым условиям жизни.

Изменение даже коснулось такой старой академии, как Парижская. Это и понятно. Перед нами стоит огромная и трудная задача, требующая напряжения всех наших духовных и физических сил, – надо найти выход из величайших затруднений жизни, созданных войной. Для этого необходимо изыскать новые пути, создать новые ценности; другими словами – надо поднять производительные силы страны – как естественные силы природы, так и силы населения; найти новые силы природы, использовать правильным и полным образом старые. Путем широкой исследовательской работы необходимо быстро поднять значение для Украины неиспользованных ее населением, скрытых природных богатств и, вместе с тем, путем экономически-статистического изучения надо найти меры, необходимые для поднятия производительности ее населения. Это необходимо сейчас всюду, во всем мире, но особенно в пределах Украины и в других частях разбитого Российского государства.

На Украине естественные силы страны изучены плохо, а используются и того хуже, производительность же труда, украинского народа стоит на недопустимо низком для современного государства уровне.

Необходима здесь работа самая интенсивная и самая безотлагательная. А для этого одним из первых и нужнейших условий является создание мощной государственной организации научной исследовательской работы. Значение создания такого центра огромно и затраты на него быстро целиком возместятся. На первом месте в связи с этим должно быть поставлено основание в Киеве Украинской академии наук.

Наконец, значение академии наук определяется ее связью с местной жизнью, ее проникновением в обыденный быт населения. Необходимо, чтобы будущая академия была соединена теснейшим образом с обычными вопросами практической жизни, ее потребностями в самом широком смысле этого слова, чтобы значение ее было ясно всему населению, всей Украине. Я придаю этой стороне жизни академии огромное значение. Она должна в своей деятельности отзываться на все нужды и потребности населения, требующие научного освещения. Пульс ее жизни должен биться совместно с духовными и материальными запросами населения, поскольку этим запросам может помочь научное знание и научная мысль.

Таким образом ясно, что Украинская академия наук, ввиду сказанного выше, не может, по своему устройству, походить на обычное общество ученых. Она не может быть построена по типу академий, сохранивших старинное устройство ученых обществ, наприм[ер], Прусской, Парижской или Баварской. Она должна состоять из группы ученых, оплачиваемых государством и занимающихся наукой и исследовательской работой, как делом своей жизни, признаваемым государством государственно-важным. С ней должны быть связаны многочисленные государственные научные учреждения исследовательского характера.

«Русский Голос», 15 августа 1918 г., № 63.

К СОЗДАНИЮ УКРАИНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В КИЕВЕ

III

В кратких первоначальных чертах структура Киевской академии наук рисуется мне в следующем виде. В Украинской академии наук должно быть четыре секции:

- 1) историко-филологическая (с украинским отделением),
- 2) физико-математическая,
- 3) экономическо-юридическая,
- 4) прикладного естествознания.

Последняя секция является совершенно новой, но она необходима в настоящее время в той или иной форме. Только при ее наличии в данный момент необычайного в истории человечества потрясения народного хозяйства и психики, академия наук может вызвать из окружающей ее жизни вечно бесконечные ресурсы, может помочь восстановить огромные погибшие или безумно непроизводительно затраченные ценности, какие были утрачены в переживаемую мировую разруху [6].

Коллегия из академиков всех секций составляет академию наук. Она свободно и независимо ведет все свои дела. Для этого академия наук не только должна пользоваться полной автономией, но и быть поставлена вне влияния на ее внутреннюю жизнь сменяющихся органов государственного управления. В строении академии наук должны получить выражение связанные с ней научные учреждения – орудия исследовательской работы. Необходимо при этом сделать в этом отношении Украинскую академию наук мощной научной организацией, дабы она стала сразу одним из могучих орудий общечеловеческой мысли и в то же время могла исполнять и решать на Украине указанные ранее национальные, государственные и бытовые задачи.

Поэтому при академии должны быть, по моему мнению, по крайней мере следующие научные учреждения. Конечно, они должны создаваться постепенно, по мере возможности, но создаваться все-таки быстро. План их должен быть выработан в общих чертах немедленно. Это следующие организации.

1. Национальная библиотека.
2. Физический институт.
3. Опытный биологический институт (с прикладным отделением).
4. Химическая лаборатория (с прикладным отделением).
5. Минералогический институт (с прикладным отделением).

6. Национальный музей, состоящий по крайней мере из 8 отделений: геологического, минералогического, доисторической археологии, этнографии, ботаники, зоологии, антропологии, палеонтологии.

7. Исторический Украинский музей (по типу Германского исторического музея – в Нюрнберге или Баварского в Мюнхене).

8. Астрономическая обсерватория (мы имеем на Украине лишь осколок Пулковской обсерватории в Николаеве).

9. Комиссия по изданию словаря украинского языка.

Необходимо принять во внимание и другие возможные учреждения, например, Археографическую комиссию, Археологический исследовательский институт и т.д.

Кроме того, при академии надо образовать немедленно различные большие постоянные комиссии, которые связывали бы в одно целое с академией все научные силы Украины, привлекающие к ее работе сотни ученых. Таковыми комиссиями могли бы быть, напр[имер], в первую очередь – 1) Комиссия по изучению естественных производительных сил Украины; 2) Комиссия по изучению экономически-статистической жизни и ресурсов Украины; 3) Комиссия по изданию памятников украинской словесности и языка.

Этот список учреждений далеко не полный. Необходимо принять такой устав академии наук, чтобы она могла иметь возможность создавать новые исследовательские учреждения, привлекать в свое ведение созданные без ее участия, влиять на находящиеся от нее в стороне проявления государственной исследовательской работы.

Устав ее должен дать широкие возможности для свободной научной работы и быть достаточно гибким, чтобы она могла следовать за велениями жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

В основу текстов, воспроизводимых по статьям в газете «Русский голос» (Киев), положена речь В.И. Вернадского, произнесенная 9 июля 1918 г. при открытии заседания Комиссии по созданию Украинской академии наук (УАН), на котором обсуждался устав академии. Речь была опубликована на украинском языке в Сборнике трудов Комиссии по созданию УАН: Збірник праць Комісії для вироблення законопроекту про заснування Української Академії наук у Києві. Київ, 1919. С. 5–9.

1. После Октябрьского переворота В.И. Вернадскому – члену Временного правительства и Государственного Совета, видному деятелю кадетской партии под угрозой немедленного ареста пришлось срочно уехать из столицы.

Зиму 1917/18 гг. и весну 1918 г. он провел в Полтаве (формально это была командировка для научной работы от Петроградской академии наук), которая 30 марта 1918 г. по Брестскому миру была занята германскими войсками. 29 апреля 1918 г. на Украине, провозгласившей свою независимость еще в ноябре 1917 г., к власти пришло прогерманское правительство гетмана П.П. Скоропадского. Министром просвещения был назначен давний друг Вернадского историк, профессор Н.П. Василенко, который, считая, что несмотря на хаос гражданской войны, можно попытаться создать национальный центр научной работы на Украине, пригласил в Киев Вернадского. 19 мая Вернадский переехал в Киев при условии, что он будет «принимать участие в культурной работе на Украине в качестве академика Российской академии наук – в качестве делового эксперта» (Кабинет-музей В.И. Вернадского в Москве, Д. 1454, Л. 18) без оформления украинского гражданства.

Вернадский возглавил три комиссии: по созданию Украинской академии наук (УАН), по организации библиотеки при академии и по высшим учебным заведениям и научным учреждениям Украины. Вернадский был одним из авторов устава академии, в котором он воплотил свои принципы организации науки в государственном масштабе. Комиссия работала в течение трех месяцев, затем 14 ноября Вернадский был избран академиком УАН, а 27 ноября 1918 г. на Общем собрании – первым ее президентом.

Деятельность академии продолжалась и при власти Директории украинских националистов зимой 1918/19 г. (см. примеч. 2 к статье [Письмо в редакцию газеты «Приазовский край»]), затем при большевиках (до августа 1919 г.) и правительстве Деникина (см. примеч. 1 к той же статье и примеч. 5 к статье «Одна из задач дня»). Важно указать, что в Киеве, в разгар гражданской войны, В.И. Вернадский не только создал научное ядро существующей до настоящего времени Украинской академии, но и осуществил первые экспериментальные работы по биогеохимии (см. *V.I. Vernadsky. Nickel and cobalt in the biosphere // Nature. 1922. Vol. 110. № 2763. P. 43*). Подробнее об организации Украинской академии наук см.: *Сытник К.М., Апанович Е.М., Стойко С.М.* В.И. Вернадский – жизнь и деятельность на Украине. Киев: Наукова Думка, 1988. С. 37–92.

2. См. примеч. 2 к статье «Академия наук в 1906 г.».

3. Имеется в виду Острожская школа, часто называемая в литературе академией, существовавшая в XV–XVII вв. в Острожском княжестве, входившем в состав Королевства Польши и Литвы («Речь Посполитая»). Школа основана кн. Константином Константиновичем Острожским (1526–1608) для поддержки западно-русской церкви в ее борьбе с католицизмом, особенно обострившейся после политического объединения Польши и Литвы (Люблинская уния 1569 г.). Примерно в 1577–1580 гг. в г. Остроге на Волыни было создано православное училище с двумя типографиями, где в 1580 г. была напечатана Библия. По программе и системе преподавания школа вероятно была наиболее совершенной среди всех православных училищ того времени. Помимо славянских языков изучались греческий, латинский и «свободные науки». Наставниками были греческие священнослужители, специально присланные константинопольским патриархом, а светское образование давали протестантские учителя. Корпорация наставников составляла и печатала сочинения богословского и исторического характера. После кончины кн. Константина его сын Януш (1554–1620) принял католичество, в связи с чем школа пришла в упадок и около 1640 г. прекратила свою деятельность.

4. См. примеч. 5 к статье «Академия наук в 1906 г.».

5. Очевидно, прежде всего имеется в виду создание и работа Комиссии по изучению естественных производительных сил России, организованной В.И. Вернадским в 1915 г. (см. примеч. 2 к статье «Задачи науки в связи с государственной политикой в России»).

6. Вернадский во всей своей научной деятельности стремился к поддержке взаимопроникающих связей между фундаментальными и прикладными исследованиями. Эта его концепция развита и в статьях по истории науки, и в практической деятельности по созданию сети государственных научных институтов, как при царизме, так и в советское время.

ОДНА ИЗ ЗАДАЧ ДНЯ [1]

«Единая неделимая Россия» не есть старый лозунг – это лозунг новый. Это не реставрация, как думают некоторые, это, как видно из программных заявлений и адм[ирала] Колчака, и ген[ерала] Деникина, есть воссоздание России – России новой, великой, свободной и демократической с прочно владеющим землею крестьянством [2]. Такой России еще не было.

Одним из величайших, нами недостаточно оцениваемых благ, даваемых государством, является принадлежность наша к большому единому целому, к большому государству. Большое государство есть всегда явление в истории человечества прогрессивное – а свободное большое государство дает такие возможности роста и влияния человеческой личности и такие удобства жизни, какие недоступны мелким формам государственности. По мере роста мировой культуры значение граждан великих государств будет все увеличиваться, и их духовная жизнь достигнет максимального возможного размаха и широты проявления.

В сложном и свободном организме Британской империи и в федерации Северо-Американских Соединенных Штатов, мы можем проследить все увеличивающееся значение колоссальных размеров этих государственных образований, как для жизни отдельного лица, так и для духовного роста личности. Свободная новая Россия должна в мировой жизни стать наряду с этими созданиями человеческой истории.

Лозунг обязывает. Единая, неделимая Россия создается не только победами над большевиками, но и строительством внутренней жизни. При ее создании должно охраняться и развиваться все, что не противоречит ее идее. Только этим путем идея упрочивается в жизни. В трудную эпоху перехода к новому строю после революционной разрухи и большевистского самодержавия, в вихре быстрых решений, могут не перейти в жизнь или получить нежелательное с точки зрения государственной идеи направление, такие культурные начинания, которые создались в переходные эпохи, когда еще неясно было, что даст жизнь в окончательном итоге.

Несомненно, широкая культурная национальная работа, культура украинская или как она называется в официальных приказах культура малорусская [3] вполне и целиком соединена с идеей единой и неделимой России и может найти в ее великих рамках полную возможность своего самого широкого проявления. Ибо по существу с формами национальной культурной жизни отнюдь не связаны неразрывно формы политического выявления народа и идея самостийности есть новое создание в истории украинского национального возрождения, отнюдь не вытекающая из его существа и истории [4].

Борьба государственной власти с самостийностью, очевидно, не означает борьбы с культурной работой населения, которая должна невозбранно идти в рамках новой России.

Сейчас в чрезвычайно бедном культурными центрами Юге России имеется ряд живых учреждений, которые создались в этот переходный период и теперь должны перейти в рамки новой жизни. Неужели они окажутся не отвечающими жизни в новой России? В чем можно найти противоречие между их работой и воссозданием единой, неделимой России (?).

Мы имеем ряд таких живых центров в Киеве – Украинская академия наук, Всенародная (Национальная) библиотека при ней находящаяся, Украинский геологический комитет, Державный Украинский университет в Киеве и такой же университет в Каменец-Подольске и т.д. Во всех них идет сейчас интенсивная научная работа, собран огромный материал для будущего, собраны сотни тысяч книг – созданы такие культурные ценности, по отношению к которым всякая государственная власть во всякой стране должна принять меры к их сохранению, т.к. эти учреждения совершают работу не только для данной местности, но для всего государства [5].

Для быстрого подъема страны необходим подъем всех ее духовных и материальных сил, использование всех ее природных богатств. Знание и научная исследовательская работа являются величайшими орудиями для достижения этой задачи. Нельзя забывать уроки недавнего прошлого, тот подъем научной работы в России при поддержке государства, который наступил после поражения 1915 г., шел в 1915–1917 гг. и привел к крупнейшим научным и практическим достижениям [6]. Мы еще воспользуемся плодами этой работы при нашем воссоздании великого целого.

Государство должно воспользоваться этими готовыми научными центрами, должно дать им разгореться, а не загаснуть. То, что они связаны с украинским национальным возрождением должно считаться благоприятным условием с государственной точки зрения. Оно послужит только к единению и сближению, к росту и выгоде и русской, и украинской культуры. В них на почве единой работы, идущей одновременно для культуры украинской и для воссоздания великой единой России, только крепче свяжется с Россией украинская национальная жизнь.

Я знаю, что эти мысли во многом идут в противоречии с теми настроениями и лозунгами, которые часто слышишь кругом – но я верю, что будущее принадлежит не им, – будущее не в русско-украинской распре, а в русско-украинском единении [7]. И это явление есть залог воссоздания единой великой, неделимой России.

С этой целью государство должно не только терпеть эти учреждения, оно должно их поддерживать, не давать им отходить от тесной связи с государственным строем в строй общественный. Внеся – согласно новым условиям жизни – в их строй необходимые изменения – оно должно широко ими воспользоваться в предстоящей великой страдной работе для воссоздания жизни, для которой каждый новый научный центр является великим приобретением.

«Объединение», (Киев). 8(21) сентября 1919 г., № 11.

ПРИМЕЧАНИЯ

Газета «Объединение» выходила в Киеве в сентябре–декабре 1919 г. при власти Деникина как «ежедневная политическая и литературно-общественная газета», в издании которой принимали участие члены киевской организации к.-д. и беспартийная интеллигенция, в том чис-

ле профессора Н.П. Вакар, П.П. Кудрявцев, А.В. Оссовский, также близкий друг Вернадского молодой геолог Б.Л. Личков (ученый секретарь Комиссии по высшим учебным заведениям, возглавлявшейся Вернадским). Всего в газете «Объединение» В.И. Вернадский опубликовал по-видимому 6 статей. Статья «Памяти П.Я. Армашевского» с купюрами была вновь опубликована в журнале «Век XX и мир», 1990, № 1. С. 27, а полностью воспроизводится в одном из последних томов «Библиотеки трудов академика В.И. Вернадского». Первая статья из серии статей «Письма о Западе» пока не найдена (см. примечания к статье «Письма о Западе. [II]. Англия»).

1. Редакция газеты «Объединение» сопроводила публикацию статьи В.И. Вернадского комментарием, в котором, в частности, говорится: «⟨...⟩ что же касается соотношения между национальной украинской культурой и государственной «самостийностью», ⟨...⟩ мы все-таки считаем необходимым одновременно с бережным отношением к культурным учреждениям края весьма категорически и решительно выступить против политической самостийности во имя единой России. Думаем, что это не квадратура круга, и что «Объединение» далеко не одиноко в своей «утопии» сочетания единства России с возможностью развития и сохранения самобытной культуры, частей ее. Отсылаем по этому вопросу ⟨...⟩ к помещаемой ниже статье президента Украинской академии наук проф. В.И. Вернадского».

2. Лидеры белого движения считали, что судьбу России окончательно может решить только Национальное Собрание, которое следует созвать после военного разгрома большевиков. Однако его созыв по тому же сценарию, что и разогнанное большевиками 5 января 1918 г. Учредительное Собрание, их не устраивал. В области внутренней политики провозглашался принцип «непредрешенчества», что отражало в определенной мере отсутствие четкой идейной программы. В аграрном вопросе делались явно недостаточные шаги в сторону наделения крестьян землей. А.И. Деникин не смог должным образом наладить взаимодействие ни с окружавшими его либеральными политиками, среди которых были коллеги Вернадского по к.-д. партии (Н.И. Астров, С.В. Панина, В.А. Степанов, М.М. Федоров и др.), ни с органами местного самоуправления. Программные заявления Колчака и Деникина имели мало общего с реальной действительностью и оставались в основном декларацией.

3. Термин «малорусский» широко использовался в литературе того времени и приносил оттенок отрицания самостоятельного характера украинской культуры.

4. См. статью «Украинский вопрос и русское общество».

5. После краха гетманщины и Директории и перехода Киева под власть Деникина 17(30) августа 1919 г. над основанной Вернадским Украинской академией наук нависла угроза закрытия с прямыми обвинениями в потворстве украинскому национализму. В.И. Вернадский вскоре после опубликования статьи «Одна из задач дня» встречался с А.И. Деникиным [17(30) сентября] и добился определенного взаимопонимания. 25 сентября (8 октября) газета «Объединение» опубликовала следующий текст беседы с В.И. Вернадским:

«Когда я прибыл в Ростов, выяснилось, что Украинская академия наук закрыта на основании общего решения, предусматривающего закрытие всех учреждений, созданных при прежних украинских правительствах. Я был принят в прошлый вторник (17 сентября 1919 г. – *Ред.*) Главнокомандующим юга России генералом Деникиным, которому представил подробный доклад о положении Академии наук в Киеве. Вопрос этот был внесен генералом Деникиным на рассмотрение Особого совещания (совещательный орган при Деникине, обладавший рядом законодательных функций. – *Ред.*). Решено сохранить имущество Академии и не прерывать ее работу впредь до учреждения в Киеве русской академии наук, причем Управлением народного просвещения будет выработан Устав Киевской академии наук. Проектируемая Киевская академия наук будет преследовать те же задания, что и Украинская академия – изучение Малороссии и малорусского народа и вопросов прикладного естествознания и экономики. По вопросу о проектируемой организации Киевской академии наук будут запрошены пять южных университетов – Университет св. Владимира (в Киеве. – *Ред.*), Новороссийский (в Одессе. – *Ред.*), Харьковский, Донской (в Ростове-на-Дону. – *Ред.*) и Таврический (в Симферополе. – *Ред.*). Окончательный устав академии будет выработан после того, как будет установлена связь с Петроградом. До тех пор академия будет существовать на основании временного устава».

Для окончательного решения вопроса Вернадский должен был вновь выехать в Ростов-на-Дону к Деникину, о чем газета «Объединение» сообщила 22 октября (4 ноября). Однако положение на фронтах гражданской войны придало всей проблеме с Украинской академией наук достаточно умозрительный характер. По всей видимости 10(23) ноября 1919 г., В.И. Вернад-

ский наконец выехал из Киева, но эта поездка (вместе с большой группой киевской профессуры) уже носит характер бегства: части Красной Армии начали разворачивать наступление на Киев, который был взят 3(16) декабря 1919 г.

26 ноября (9 декабря) В.И. Вернадский и его коллеги приехали в Ростов. Местная газета «Приазовский край» в № 269 от 28 ноября (11 декабря) невозмутимо сообщала о планах созыва совещания представителей науки и промышленности с целью «наметить практические шаги по организации научных сил и учреждений на территории Добровольческой армии». Кроме того, делегация во главе с В.И. Вернадским «намерена просить у правительства средства для продолжения научных работ бывшей Украинской академии наук».

Последнее найденное нами сообщение прессы о миссии Вернадского в связи с Украинской академией наук датировано 1(14) декабря 1919 г. («Приазовский край», № 272). Приведем его полностью.

«29 ноября в очередном заседании правления Национального центра (антибольшевистская организация, ядро которой составляли члены к.-д. партии; пыталось координировать борьбу разных ветвей Белого движения. – *Ред.*) сделали интересные сообщения о киевских делах и украинском вопросе академик В.И. Вернадский, директор Киевского политехникума проф. Г.Г. Де-Метц, проф. С.П. Тимошенко и журналист Б.А. Гуревич». Вопрос о «Киевской академии» как научном центре «на территории Добровольческой армии» был закрыт самим ходом гражданской войны. Ровно через месяц после выступления В.И. Вернадского на правлении Национального центра в Ростов вошли части Красной Армии. В это время В.И. Вернадский был уже в Крыму, где в сентябре 1920 г. был избран ректором Таврического университета (см. примечания к «Лекциям на кооперативных курсах в Симферополе»). Воссоздание Украинской академии наук в 1920–21 гг. после утверждения Советской власти на Украине проходило уже без участия В.И. Вернадского.

6. Вероятно имеется в виду деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), основанной Вернадским в 1915 г. (См. примеч. 2 к статье «Задачи науки в связи с государственной политикой в России»). Комиссия выступала в качестве координатора экономической политики развития минерально-сырьевой базы и иных сырьевых ресурсов в условиях войны. Деятельность КЕПС в 1915–1917 гг. материализовалась в организации нескольких десятков комплексных экспедиций, проведении статистических работ, регулярном выпуске серии отчетов по прикладным исследованиям, организации сети государственных научных институтов. (Подробнее см.: *Бастракова М.С.* Становление советской системы организации науки. М.: Наука, 1973).

7. В это время на юге России бытовали либо узконационалистические, либо великодержавные взгляды на проблемы взаимоотношений России и Украины. Вернадский не разделял ни те, ни другие крайности, хотя его воззрения скорее вызывали симпатии у сторонников возрождения российской государственности в довоенных границах.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ»

М[илостивый] г[осударь], г. редактор!

В № 213 «Приазовского края» помещена заметка об Украинской академии наук в Киеве, в которой сообщаются некоторые сведения о ней, не вполне отвечающие действительности [1].

В уставе Украинской академии наук было поставлено обязанностью печатать все на украинском языке, но в то же самое время всякий автор мог требовать печатать одновременно его работы на любом другом языке, в том числе, конечно, и на русском.

Когда в Киев пришла власть Директории [2], она неожиданно для Академии наук изменила несколько параграфов ее устава и ограничила право академии печатать на русском языке. Она не решилась запретить печатать на русском языке, но потребовала прохождения этих работ через общее собрание

академии и уменьшила количество экземпляров на русском (и других языках, кроме пяти оговоренных в декрете Директории). Академия наук вынуждена была подчиниться этому декрету, но ряд академиков протестовал против этого постановления и занес протест в протокол – но обсудить окончательно этого вопроса не успела, т.к. власть Директории была свергнута большевиками. Ни о каких изменениях устава при большевиках, конечно, не могло быть и речи [3].

Пункт этот остался в уставе, но практического значения не имел, т.к. ряд изданий академии печатался и сдан в печать на русском языке в том же самом количестве экземпляров, как и текст, печатаемый по-украински.

Проявление недопустимого шовинизма здесь было со стороны Директории, но не со стороны Академии наук, которая, наоборот, считалась Директорией слишком русской.

«Приазовский край», 24 сентября (7 октября) 1919 г., № 216.

ПРИМЕЧАНИЯ

Газета «Приазовский край» выходила в Ростове-на-Дону в 1899–1919 гг., основана и финансировалась С.Х. Арутюновым. Прекратилось издание в декабре 1919 г. после изгнания Добровольческой армии из Ростова войсками Красной Армии. В 1918–1919 гг. отражала позицию правительства Деникина (Особого Совещания). В.И. Вернадский, имевший официальные контакты лично с А.И. Деникиным и его правительственными структурами в связи со статусом Украинской академии наук (см. примеч. 5 к статье «Одна из задач дня»), естественно, боролся за судьбу академии и на страницах печати. В газете «Приазовский край» он намеревался опубликовать статью «Научные задачи момента», которую в конце концов напечатала «Донская речь», а также статью «Судьба Угорской Руси» (См. *Вернадский В.И.* Дневники 1917–1921 гг. Киев: Наукова Думка, 1994. С. 191). К сожалению, статью об Угорской Руси в доступных нам комплектах газет «Приазовский край» и «Донская речь», хранящихся в библиотечных фондах Москвы, найти не удалось.

1. Приводим полностью текст официального сообщения из рубрики «В Особом Совещании» под заголовком «Украинская академия наук в Киеве».

«В Особом Совещании под председательством Главнокомандующего генерал-лейтенанта А.И. Деникина обсуждался вопрос о судьбе Украинской академии. Юридически академия не существует, т.к. отменены все законы украинских правительств, а следовательно упразднены и учреждения, созданные этими законами. Нужно решить вопрос о том, навсегда упразднена бывшая Украинская академия, или возможно ее восстановление? Само собой понятно, что восстановление академии в прежнем виде невозможно: созданная в эпоху «самостийного» фанатизма, академия носила шовинистический характер. Достаточно указать, что статус академии разрешал академикам печатать свои научные труды на «украинской мове» или на другом языке, но в числе этих других языков нет русского языка. В Киеве, в матери городов русских, насильственно изгнан русский язык! «Украинская» академия с таким характером упразднена. Но не представляется ли целесообразным учредить на юге России академию наук, преследующую чисто научные цели без примеси политики? Особое Совещание постановило: предложить советам университетов России дать свои заключения по этому вопросу. Согласно с этими заключениями Управление народного просвещения составит и внесет в Особое Совещание доклад об учреждении Академии наук на юге России. Сверх того постановлено поручить управлению народного просвещения принять меры к охране имущества бывшей Украинской академии и к поддержанию научных учреждений в ее составе впредь до решения вопроса о ее дальнейшей судьбе».

Как видно из текста, твердые возражения В.И. Вернадского вызвала сентенция о «шовинистическом характере» академии, что конечно было весьма далеко от истины, а также прямые искажения ситуации о печатании научных трудов на русском языке.

Полемика об Украинской академии в связи с письмом В.И. Вернадского продолжалась на страницах «Приазовского края» и далее. В № 218 от 26 сентября (9 октября) 1919 г. был

перепечатан (с сочувственным редакционным комментарием) клеветнический материал из газеты «Великая Россия», где утверждалось, что якобы ограничения на публикацию трудов на русском языке исходили от «самих господ русских академиков», более того, академик Багалея будто бы шантажировал вдову расстрелянного чекистами профессора Флоринского, требуя немедленно продать его библиотеку Украинской академии, да к тому же в письме, написанном на украинском языке. Отметим, что 11(24) октября был помещен ответ академика Д.И. Багалея, полностью опровергавший эти домыслы.

2. В ноябре 1918 г. после военного поражения Германии и последовавшей вслед за этим революцией, начался спешный отвод германских оккупантов с Украины. 18 ноября на Украине вспыхнуло восстание, возглавленное свергнутыми весной националистами. Лишенный военной поддержки германской армии, режим гетмана Скоропадского быстро рухнул, 14 декабря 1918 г. гетман бежал в Германию, в Киев вступили воинские части Директории. Директория под председательством В.К. Винниченко провозгласила воссоздание Украинской народной республики, немедленно разорвала федерацию с Россией, а 16 января 1919 г. объявила войну Советской России. Активно декларировался принцип социализации земли, в реальности вновь возобновился анархический передел земельных угодий с разгромом помещичьих усадеб. Резко возобладала русофобия и антисемитизм, в частях украинской армии процветала партизанщина и мародерство. Очень быстро главенствующую роль в Директории стал играть националистический лидер С.В. Петлюра, командовавший армией: уже 10 февраля он возглавил Директорию. По его фамилии установившийся режим в советской историографии был назван «петлюровщиной». Власть Директории в Киеве оказалась эфемерной: 15 декабря 1918 г. войска галицийского корпуса армии Петлюры вступили в город, а 5 февраля после нескольких дней полного безвластия Киев заняли большевистские полки Н. Щорса.

О режиме Директории в Киеве Вернадский вспоминал более двадцати лет спустя: «Появилась новая украинская власть – директория Винниченко, опирающаяся на армию Петлюры, которую в Киеве, однако, мы не видели. (...) Директория изменила состав комиссии по высшей школе и по научным учреждениям. Я остался членом, но не председателем. (...) Директория внесла несколько изменений в устав Украинской академии наук, между прочим – пункт, против которого мы протестовали, что Академия может печатать на всех языках, кроме русского. Печатание на русском языке не было прямо запрещено, но требовало особой мотивировки. Очень скоро после этого правительство Директории уехало в Каменец-Подольск и предложило нам всем поехать вместе с ними. Очень много украинцев уехало. Мы же остались и решили собраться после отъезда «правительства». (...) Въезд в Киев большевистских войск был торжественный. В положении академии больших изменений не произошло. Вместо председателя (не помню, кто был раньше) в комиссии по высшей школе был назначен председателем молодой химик Затонский – партийный (нарком просвещения в правительстве Украины, левый эсер. *Ред.*) (Цит. по: В.И. Вернадский. Первый год Украинской Академии наук. Воспоминания. Рукопись. Кабинет-музей В.И. Вернадского, инв. № 1454, л. 29–30. Частично опубликована в кн.: *Сытник К.М., Апанович Е.М., Стойко С.М.* В.И. Вернадский. Жизнь и деятельность на Украине. Киев: Наукова Думка, 1988. С. 277–287).

3. Действительно, формально вопрос об изменениях устава академии за семь месяцев правления большевиков (февраль–август 1919 г.) не ставился. Тем не менее, академия продолжала свою работу. Вплоть до июля 1919 г., Вернадский успешно поддерживал конструктивное сотрудничество с большевистской властью. Правительство Х.Г. Раковского положительно отнеслось к деятельности недавно созданной академии. Так, 12 февраля состоялось Общее собрание академии, на котором сообщалось о благожелательном отношении новой власти к академии. Затем последовало выделение помещения, денежных средств. 3 марта была учреждена Комиссия по изучению природных богатств Украины под председательством Вернадского. (Подробнее см.: *Сытник К.М., Апанович Е.М., Стойко С.М.* В.И. Вернадский. Жизнь и деятельность на Украине. Киев: Наукова Думка, 1988. С. 56–81).

В июле после подстрекательской анонимной статьи в киевской газете, где говорилось о том, что академию возглавляет член кадетской партии и крупный землевладелец (!), Вернадский под предлогом руководства экспедиционными работами скрывается на биологической станции в Староселье к северу от Киева и возвращается в столицу Украины после того, как Добровольческая армия Деникина 30 августа 1919 г. заняла Киев.

В августе 1919 г. создалась угроза военного поражения большевиков на Украине и обстановка резко изменилась. По свидетельству ректора Киевского университета проф. Спектор-

ского в последние дни пребывания большевиков в Киеве прошла волна грабежей и погромов лабораторий и клиник, многие профессора были арестованы, автономия университета аннулирована. Е.В. Спекторский заявил журналистам, что «Цель большевиков была – пролетаризация науки и превращение университета в подготовительную школу для коммунистов, по образцу школы пропаганды на о. Капри, учрежденной М. Горьким. В высшую школу принимались люди, не имеющие никакого образовательного ценза, поэтому число студентов резко возросло». См. «Объединение», 27 августа (9 сентября) 1919 г., № 1.

ПИСЬМА О ЗАПАДЕ [III]. АНГЛИЯ*

Мы в прошлом письме говорили о большевистской агитации на Западе. В стране, сейчас наиболее выигравшей в Европе от мировой войны, в Британской империи, имеет особенно большое значение пропаганда большевиков, в разной форме очень сильно влияющая на уклад английского общественного мнения. В то же самое время она болезненно отражается, все усиливаясь в своем значении, в разных местах мировой британской государственной организации. В связи с этим в английском общественном мнении борются два течения [1], одно – стоящее за восстановление единой России, другое, опирающееся на национальные стремления отдельных народностей и воздерживающееся от реальной помощи для создания государственного единства России. Английская политика сейчас не имеет вполне установившегося характера. При сложности интересов мировой британской повинности, это совершенно понятно, так как общее положение не вполне выяснилось. Реальные английские политики ищут действительной силы: где она – в возрождающейся ли русской государственности или же в разлагающихся стремлениях государственной национальной обособленности входящих в состав русского государства народностей? Окончательно этот вопрос английским общественным мнением не вырешен и этим объясняются колебания английской политики. В то самое время, как с одной стороны, английское правительство, наиболее активно из всех правительств Антанты, – оказывает реальную огромную помощь Добровольческой армии [2], помогает движению русских войск на севере [3], в целом ряде случаев сглаживает и поддерживает интересы России (например, в румынском конфликте [4]) оно же, с другой стороны, ведет и другую политику. В Прибалтике оно поддерживает самостийные стремления Латвии и Эстонии. Насколько можно разобраться отсюда, речь идет об уединении в Балтийском море Германии и создании союза во главе с Финляндией или скандинавскими государствами из частей Остзейского края [5]. В этом отношении, как известно, Англия оказывала давление и на слабое правительство Северной России – правительство Лианозова [6], из которого в связи с этим вышел проф[ессор] Карташев [7]. В то же самое время Англия же поддерживает самостийные стремления слагающихся кавказских государств, враждебных единству России, – Грузии и Азербайджана [8], и дружественно связанной с Россией Армении [9]. До сих пор не решается вопрос о передаче Добровольческой армии Батума [10], передача которого связана, очевидно, с ее успехами. В Персии вопрос о ее судьбе решен Англией без принятия во внимание интересов России [11].

* См. «Объединение», № от 1 октября.

Эти колебания английской политики, очевидно, должны окончательно отпасть тогда, когда станет для английского общественного мнения вполне явной созидающая русское государство сила Добровольческой армии и других, борющихся за единую Россию русских военных сил. Как только ясно будет, что в этих военных организациях восстановлена былая боевая мощь России – Англия должна будет оставить в стороне свою нерешительную политику и ее интересы потребуют поддержки создания единого великого государства Российского. Это вызывается как опасностью для Англии большевистского движения вообще и иностранной политики русской советской власти в частности [12], так и все более выясняющимся, не погибшим внешним могуществом и силой государственного духа Германии [13].

«Объединение», Киев. 8(21) октября 1919 г., № 32.

ПРИМЕЧАНИЯ

После избрания президентом Украинской академии наук 27 ноября 1918 г. (см. примеч. 1 к статье «К созданию Украинской академии наук в Киеве») В.И. Вернадский официально объявил о своем выходе из конституционно-демократической партии, опираясь именно на это обстоятельство. Много лет спустя, при подготовке воспоминаний в мае 1941 г. данное событие было описано им следующим образом: «Немедленно по избрании президентом У[краинской] а[кадемии] н[аук] я опубликовал в киевских газетах мотивированное письмо о выходе из к[онституционно]-д[емократической] партии и ЦК, оно было напр[авлено] в Киевской ком[итет] к.-д. (...) Когда в 1922 (г.) уехал в Прагу – там я доложил об этом кн[язю] П.Д. Долгорукову и помню раз рядом в комнату заседаний ЦК К[онституционных] Д[емократов] я отозвался прийти. Этот выход не был только следствием этой формальной причины. У меня уже когда я был во Врем[енном] пр[авительств]е я глубоко был не согласен с пр[авительств]вом кн[язя] Львова, не говоря о Керенском. Считал ошибочной всю тактику деятельности к.-д. во время междоусобной войны, у Деникина окончательно меня оттолкнула (его политика) и в земельном, и в национальном вопросе» (Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 45. Л. 6).

Такую тональность воспоминаний можно объяснить либо «внутренней цензурой» текста, предназначавшегося в будущем для публикации, либо определенной аберрацией памяти под влиянием груза прожитых лет. Документальные свидетельства говорят о том, что В.И. Вернадский, хотя формально и вышел из партии кадетов, в действительности сохранял с ней идейную связь. Он неоднократно присутствовал осенью 1919 г. на заседаниях ее ЦК в Ростове-на-Дону, о чем есть записи в дневнике. Это отмечала и местная печать. Так, газета «Приазовский край» от 1(14) декабря 1919 г. (№ 272) сообщала, что «На-днях состоялось многолюдное заседание краевого комитета партии народной свободы вместе с членами ЦК. Присутствовало много членов провинциальных комитетов разных городов (Харькова, Екатеринослава, Полтавы и др.). Председательствовал член ЦК академик В.И. Вернадский. Проф. А.А. Мануйлов сделал доклад на тему о проекте аграрной реформы».

Судя по содержанию газетных статей осени 1919 г., несмотря на разногласия по ряду вопросов, Вернадский внутренне продолжал считать себя членом партии, одним из основателей которой он был. Необходимо иметь в виду, что в конце 1919 г. партии как единого организационного целого фактически уже не было, однако отдельные легальные региональные организации в Киеве, Харькове, Ростове (там длительное время размещался ЦК) играли довольно видную политическую роль.

Так или иначе, серия статей В.И. Вернадского под псевдонимом «Володарь» о международной политике, была им предложена газете «Объединение» в конце сентября 1919 г. В дневнике за 1(14) октября 1919 г. есть запись: «(...) В “Объединении” сегодня начало моих политических статей. Ганфман (один из редакторов газеты. – *Ред.*) придал другое заглавие «Письма о Западе» (вместо «О мировой обстановке русской политики») и помимо моего псевдонима («Володарь») подписал «Ростов»» (*Вернадский В.И. Дневники 1917–1921.* Киев: Наукова Думка. 1994. С. 171).

Эта первая статья пока нами не найдена. Дело в том, что в течение пяти дней, с 1 по 5 октября (ст. ст.) на окраинах Киева шли бои Добровольческой армии Деникина с прорвавшимися частями Красной Армии, которые в итоге отступили. Все эти дни газета «Объединение» не выходила: № 29 датирован 29 сентября (12 октября), а № 30 – только 6(19) октября. Таким образом, имеющиеся в оригинале II, III и IV статей подстрочные сноски на начало серии в газете «Объединение» от 1 октября с.г. не соответствуют действительности, поскольку 1 октября газета не вышла. Вероятно, это обстоятельство не было учтено редактором и остался текст заранее подготовленного набора. Таким образом, остается единственно возможный вариант: статья I могла увидеть свет в № 31 от 7(20) октября 1919 г. К сожалению, этот номер нам не удалось найти в комплектах газет «Объединение», сохранившихся со значительными лакунами в библиотечных и архивных фондах Москвы.

1. К концу 1919 г. общественное мнение Англии в широком смысле все более склонялось к политике невмешательства во внутренние дела России. Так, в июне 1919 г. конференция лейбористской партии (63 места в парламенте из 707) единогласно осудила военное вмешательство английских вооруженных сил в гражданскую войну в России. В стране огромный размах приобретало забастовочное движение и рейтинг лейбористов стремительно возрастал. В самой английской армии росло недовольство участием в военных действиях в России. В результате премьер Д. Ллойд-Джордж в парламентской речи 16 апреля заявил о политике невмешательства и в августе 1919 г. начался вывод интервенционистских сил из Закавказья и Туркестана, а к концу октября английские солдаты покинули и Северо-Западный край (Архангельск и Мурманск). Посетивший Лондон весной 1919 г. лидер кадетов П.Н. Милюков весьма проницательно отметил: «Несомненно, что вопрос о помощи России является сейчас функцией внутренней политической борьбы, как раз в этом вопросе идет водораздел между правительством и большинством палаты, с одной стороны, и настроением рабочих – с другой. Правительство (...) в лице Винстона Черчилля говорит одно, а делает, по счастью для нас, совершенно другое. «Возьмем войска из России», а для этого пошлем новые подкрепления: вот ходячий образчик здешего политического лицемерия». (Цит. по: *Трухановский В.Т.* Уинстон Черчилль. М.: Мысль, 1989. С. 174).

Правительство Англии в целом поддерживало все правительства «белого» движения, однако, если Д. Ллойд-Джордж постоянно маневрировал, чередуя декларации о невмешательстве с конкретными действиями в пользу Добровольческой армии, то военный министр Уинстон Черчилль делал все возможное для максимальной военной и материальной поддержки Деникина. Он организовал срыв мирной конференции, планировавшейся на Принцевых островах (в Мраморном море) с участием всех воюющих в России сторон (весна 1919 г.), готовил на территории Англии русский офицерский корпус, наконец, планировал осенью 1919 г. посетить Москву, которую готовилась взять Добровольческая армия, «чтобы помочь Деникину сформулировать новую русскую конституцию» (!). Очевидно У. Черчилль олицетворял линию английской внешней политики, направленную на поддержку «единой и неделимой России», о которой пишет Вернадский.

Уже через полтора месяца после публикации статей Вернадского, когда стало ясно, что стратегическая инициатива на фронтах гражданской войны окончательно перешла к Красной Армии, линия Черчилля была решительно отброшена Д. Ллойд-Джорджем. На заседании кабинета министров он заявил: «Не может быть и речи о том, чтобы вести активную войну с большевиками, так как мы не имеем войск, денег и кредита, а общественное мнение полностью против такого курса. (Цит. по: *Виноградов К.Б.* Дэвид Ллойд-Джордж. М.: Мысль, 1970. С. 317). Наконец, в феврале 1920 г. «премьер-министр учинил Уинстону головомойку относительно России. Уинстон жаловался, что у нас нет политики. Премьер-министр ответил: наша политика состоит в том, чтобы попытаться избежать последствий пагубной политики, которую Уинстон в свое время убедил кабинет принять» (Цит. по: *Трухановский В.Г.* Уинстон Черчилль. М.: Мысль, 1989. С. 176).

2. Государства Антанты на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. многократно обсуждали ситуацию в России и принимали ряд решений о поддержке антибольшевистских сил. Так, например, в марте 1919 г. было решено организовать экономическую блокаду Советской России. Правительство Великобритании с весны 1919 г. начало поставлять Добровольческой армии военную технику, стрелковое оружие и снаряжение. При штабе Деникина постоянно находилась британская военная миссия.

3. Имеется в виду непосредственное участие английского экспедиционного корпуса в гражданской войне на Кольском полуострове, в Карелии и Архангельском крае (июль 1918 – февраль 1919 г.). К осени 1919 г. военная инициатива на Севере начала переходить к Красной Армии, что привело к постепенной эвакуации иностранных контингентов. Под «русскими войсками», очевидно, подразумевается армия Временного правительства Северной области (председатель – народный социалист Н.В. Чайковский) под командованием генерала Е.К. Миллера. 10(23) сентября 1919 г. это правительство было упразднено А.В. Колчаком («Верховным правителем России»), а генерал Миллер провозглашен главным начальником Северного края.

4. Румыния после оккупации Бессарабии (январь 1918 г.) и ее аннексии (Указ короля Фердинанда от 22 ноября (5 декабря) 1918 г.); см. также примеч. 3 к статье «Письма о Западе. IV. Франция») имела весьма сдержанные отношения с правительством генерала Деникина. Официальный (но не признанный де-юре) посол Российского правительства С.Д. Сазонов тем не менее был приглашен принять участие в совещании послов по бессарабскому вопросу на Парижской мирной конференции. Он настаивал на проведении плебисцита в Бессарабии по поводу ее присоединения к Румынии. Однако представители Антанты провели другое решение: плебисцит был отложен, а затем и необходимость в нем отпала, поскольку местное представительное собрание, действовавшее под давлением Бухареста приняло свое постановление о присоединении Бессарабии к Румынии. Окончательно международное признание этого акта было оформлено позже (Бессарабский протокол от 28 октября 1920 г.), т.е. когда неминуемый крах Врангеля стал очевидным.

Английская военная миссия в Румынии, по свидетельству генерала Деникина, оказывала определенное давление на правительство Румынии, однако ответ его был твердый: пока нет гарантий в отношении Бессарабии, оно вынуждено вести «политику, противоречащую союзнической». (См. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 5. Берлин, 1926).

Упомянутый выше дипломат С.Д. Сазонов в позднейших воспоминаниях с горькой иронией подвел итоги «румынскому конфликту»: «(...) уступкой всей Бессарабии наши бывшие союзники пожелали, очевидно, покарать русский народ, по их мнению недостаточно наказанный крушением своей государственности за большевистскую измену.» (Цит. по: *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Париж, 1927. С. 125).

5. К осени в Балтии (Вернадский называет ее Остзейским краем) борьба за влияние между Англией и Германией в сущности завершилась в пользу Англии. В ходе первой мировой войны вся Балтия была оккупирована германскими войсками. В ноябре–декабре 1917 г. в Эстонии и Латвии была провозглашена Советская власть, вскоре ликвидированная при участии немецкой армии. После марта 1918 г. (Брестский мир) немецкое влияние материализовалось в форме создания Балтийского герцогства (12 апреля 1918 г.) во главе с Генрихом Гогенцоллерном, причем официально было заявлено об отделении от России и унии с Пруссией. Обстановка изменилась после поражения Германии в войне и ноябрьской революции 1918 г. В ноябре в Эстонии и Латвии были созданы правительства английской ориентации и провозглашены республики. В декабре английский флот вошел в порты Балтии (Либава, Рига, Ревель), однако по соглашению с Антантой немецкие войска остались на оккупированной ими территории.

Весной и летом 1919 г. Прибалтика была охвачена «войной всех против всех»: «красные» латышские и эстонские войска воевали с «белолатышскими» и «белозэстонскими». Последние при поддержке английского флота развратили военные действия против немецких оккупантов. Немцы, в свою очередь, свергли проанглийское правительство Латвии (К. Улманиса) и заменили прогерманским. Некоторое время шли боевые действия даже между латвийскими и эстонскими национальными частями, спровоцированные латышскими германофилами. В сентябре–октябре 1919 г. германские войска совместно с русским корпусом генерала П.Р. Бермондт-Авалова, сформированного в основном из русских военнопленных в Германии, предприняли попытку захватить Ригу, но были разбиты при участии британского флота и эвакуированы как раз ко времени публикации статьи Вернадского. В результате немецкое влияние в Балтии было нейтрализовано вплоть до начала 30-х гг., а Латвия, Эстония и в меньшей степени Литва, остались в сфере британских геополитических интересов.

6. Имеется в виду правительство Русской Северо-Западной области, созданное в Ревеле под покровительством члена военной миссии Антанты английского генерала Марша. Правительство осуществляло исполнительную власть на территории Эстонии, где располагалась Северо-Западная армия под командованием генерала Н.Н. Юденича. Правительство немедленно признало независимость Эстонии (см. примеч. 5), пользовалось финансовой и военной под-

держкой Великобритании. Прекратило свое существование в декабре 1919 г. после военного поражения армии Юденича на подступах к Петрограду.

Лианозов Степан Георгиевич (1872–1951) – предприниматель, политический деятель. К началу 1917 г. был директором-распорядителем и членом правлений более 20 нефтепромышленных компаний. В правительстве Русской Северо-Западной области одновременно занимал посты председателя Совета Министров, министра иностранных дел и финансов. В дальнейшем эмигрировал.

7. Карташев Антон Владимирович (1875–1960) – философ-богослов, историк, политический деятель, член к.-д. партии. В 1906–1919 гг. – профессор Высших женских курсов, занимал кафедру истории религии и церкви. Был обер-прокурором Святейшего Синода, министром вероисповеданий Временного правительства. Один из организаторов I Всероссийского поместного собора в Москве (ноябрь 1917 – февраль 1918 гг.). С января 1919 г. – в Финляндии, возглавлял Русский комитет, на основе которого было создано Политическое совещание, провозгласившее лидером «белого дела» на Северо-Западе генерала Юденича, но признавшего А.В. Колчака как «Верховного правителя России», в мае–августе в Политическом совещании занимал посты заместителя председателя и министра иностранных дел. Отказался войти в правительство Русской Северо-Западной области. Причиной отказа, вероятно, служил ультимативный характер заявления представителя британской военной миссии по программе правительства, приобретавшим в связи с этим откровенно марионеточный характер. В частности, выдвигалось требование признания независимости Эстонии без выполнения условия немедленного участия эстонской армии в наступлении Юденича на Петроград, на чем настаивал Карташев (Подробнее см. Образование Северо-Западного правительства // Русский архив. М.: Терра, 1991. Т. 1. С. 295–308). Позднее, в октябре–ноябре 1919 г. А.В. Карташев вошел в подпольное Петроградское правительство. Оно было создано членами Национального центра (нелегальная антибольшевистская организация, в которой ведущую роль играли кадеты) с целью подготовки восстания в Петрограде в разгар наступления армии Юденича. Умер в эмиграции.

8. После Октябрьского переворота в Петрограде началось стремительное самоопределение окраин бывшей Российской империи. Уже 15(28) ноября 1917 г. в Тифлисе был образован Закавказский комиссариат в качестве временного органа власти, затем 10(23) февраля 1918 г. создан Закавказский сейм, составленный из депутатов разогнанного большевиками Учредительного собрания под председательством бывшего главы ВЦИК социал-демократа Н.С. Чхеидзе. 9(23) апреля сейм официально декларировал отделение Закавказья от России и провозгласил Закавказскую демократическую федеративную республику. Через полтора месяца федерация распалась и оформились Грузинская демократическая республика (26 мая), Азербайджанская республика (27 мая) и Республика Армения (28 мая). Во всех трех странах правительства возглавили националистические партии социал-демократического толка.

После распада русско-турецкого фронта и заключения Брестского мира между Германией и Советской Россией Западная Армения и почти весь Азербайджан (в Баку до августа 1918 г. еще удерживалась Бакинская коммуна большевиков) были оккупированы Турцией, а с мая 1918 г. на территорию Грузии введены немецкие войска. В мае–июне правительства Армении и Грузии подписали неравноправные мирные договоры с Турцией (включая территориальные потери) и Германией в обмен на официальное признание их независимости. Аналогичные договоры заключил осенью 1918 г. и Азербайджан.

Обстановка резко изменилась после поражения Германии на фронтах мировой войны: в ноябре–декабре 1918 г. турецкие и немецкие оккупационные войска были эвакуированы, а вместо них было введено около 30 тыс. английских солдат, взявших под контроль важнейшие города Грузии и Азербайджана.

Постоянные рецидивы гражданской войны в регионе, очевидная нестабильность национальных правительств, усиление пацифистских настроений в Европе, революционного брожения в экспедиционных корпусах стран Антанты вынудили последнюю принять решение об эвакуации британских военных сил из Закавказья, невзирая на официальную просьбу о продлении их присутствия, направленную закавказскими правительствами в Верховный совет Парижской мирной конференции 26 августа 1919 г. К сентябрю 1919 г. английские войска оставались только в Батумском районе. Отметим, что правительства всех закавказских стран были признаны Антантой лишь в январе 1920 г. Деникин последовал этому примеру в феврале, за 2 месяца до полного разгрома Добровольческой армии.

9. Противопоставление Вернадским политики Армении («дружественная связь с Россией») «враждебному единству России» Грузии и Азербайджану отражает скорее общественное настроение, нежели реальные политические шаги. Националистическая партия «Дашнакцутюн», пребывавшая у власти в Ереване до ликвидации Армянской республики большевиками в декабре 1920 г., во всей своей деятельности придерживалась стратегии создания независимого от России государства с ориентацией на Антанту. Генерал Лукомский, ближайший соратник Деникина в воспоминаниях отмечал: «Несмотря на оккупацию Армении турками, она неизменно стремилась сохранить верность России и имела своего представителя при Добровольческой армии». (*Лукомский А.С. Из воспоминаний // Русский архив. М.: Терра, 1991. Т. 6. С. 114.*)

Приведем характерное мнение современника: «Грузия и Азербайджан (Армения стояла на противоположной точке зрения) заняли определенно враждебную позицию против русского освободительного движения, руководимого Корниловым, Алексеевым и Деникиным. (...) англичанам не стоило бы большого труда не только заставить народности Закавказья договориться с русскими антибольшевиками и, в том числе с А.И. Деникиным, а просто показать, что им такой сговор желателен». (*Байков Б. Воспоминания о революции в Закавказье // Русский архив. М.: Терра, 1991. Т. 9. С. 94.*)

10. После поражения Германии и ее союзников в первой мировой войне Батумская область (Аджария) была занята английскими войсками 16(29) декабря 1918 г. В январе 1919 г. под опекой английского генерал-губернатора там действовал Совет по управлению областью (во главе с членом к.-д. партии П. Масловым), стремившийся к установлению прочных контактов с Добровольческой армией. Однако 28 апреля 1919 г. Совет был распущен, а к осени оккупанты на фоне роста стремлений населения к воссоединению с Грузией вынуждены были примириться с организацией местной прогрузинской власти. Тем не менее, в Аджарии военное присутствие англичан было продлено до июля 1920 г., после чего Батум перешел под юрисдикцию правительства независимой Грузии.

Генерал А.С. Лукомский в своих воспоминаниях дает в принципе ту же оценку политике Великобритании на Кавказе, что и Вернадский: «Права Вооруженных сил юга России на Батумскую область англичанами совершенно не признавались, и ясно было, что они, оккупировав область, впредь до выяснения в будущем вопроса о ее судьбе Державами Согласия, считают только себя хозяевами в ней. Получалось отчетливое впечатление, что англичане собираются в Закавказье вести особую политику, поддерживая отделение от России образовавшихся там республик, а Батум, как вывозной порт для нефти, насколько возможно сохранить в своих руках». (*Лукомский А.С. Там же. С. 120–121.*)

11. Персия (Иран) была разделена на сферы влияния между Великобританией и Россией по Англо-русскому соглашению 1907 г. Русские войска в 1908–1911 гг. принимали участие в подавлении национального движения в Персии, а в 1915–1917 гг. там действовал экспедиционный корпус, противостоявший турецким войскам. В марте 1917 г. этот корпус, дезорганизованный после революции в России, был выведен. Оставшиеся в Северной Персии казачьи части под командованием полковника Л.Ф. Бичерахова были умело использованы англичанами в гражданской войне в Закавказье против турецких войск и большевиков летом и осенью 1918 г. В начале 1919 г. этот корпус был расформирован, сам командующий, получив чин генерала британской армии, эмигрировал.

В августе 1919 г. был заключен договор между Персией и Великобританией, согласно которому теряло силу Англо-русское соглашение 1907 г. как «направленное против интересов одной из сторон». Влиянию России в Персии пришел конец.

12. В отношениях между странами Антанты и Советской Россией в 1919 г. в центре внимания находилась «миссия Буллита». Уильям Буллит, член делегации США на Парижской мирной конференции, вел в Москве конфиденциальные переговоры с Советским правительством по инициативе президента США Вудро Вильсона. В результате был согласован текст документа, открывавший путь к мирному урегулированию проблем между всеми правительствами, существовавшими в то время на территории бывшей Российской империи. Однако мартовское наступление Колчака на Восточном фронте породило иллюзии об исходе гражданской войны в пользу белого движения. Большую тревогу у руководителей Антанты вызвало возникновение эфемерных советских республик в Венгрии (21 марта–1 августа 1919 г.) и Баварии (4 апреля–5 мая). В итоге Антанта решила переговоров с Россией не начинать, более того, британский премьер Д. Ллойд-Джордж сделал 16 апреля демонстративное заявление о том, что он не принимал никакого участия в организации «миссии Буллита».

Британские геополитические интересы, очевидно, ущемлялись и дипломатической деятельностью Советского правительства в странах Балтии. Так, 11–13 октября 1919 г. правительство РСФСР направило ноты правительствам Финляндии, Латвии, Литвы и Эстонии с предложением начать мирные переговоры. 16 октября в Псков направилась делегация НКВД РСФСР во главе с М.М. Литвиновым, однако этот раунд не увенчался успехом: Эстония потребовала одновременного участия в переговорах остальных стран Балтии и Финляндии. В конечном итоге Советское правительство своей цели достигло. На протяжении 1920 г. были заключены отдельные мирные договоры с Эстонией (февраль), Литвой (июль), Латвией (август) и Финляндией (октябрь).

13. Возможно под проявлением «государственного духа Германии» имеется в виду возрождение германской государственности после ее разгрома в Первой мировой войне. 11 августа 1919 г. (н.ст.) вступила в силу разработанная Веймарским учредительным собранием новая конституция страны. На смену монархии пришла парламентская республика, сохранившая федеративную структуру (15 земель с широкой автономией).

Интересные размышления на тему возрождения Германии в начале 1920 г. принадлежат видному политическому деятелю А.И. Гучкову (о нем см. примеч. 4 к статье «[Обзор печати]»): А.И. Гучков приводил объективные данные, свидетельствовавшие о близком возрождении Германии. Когда Милюков попытался опровергнуть его выводы указанием на девальвацию и положение германских финансов в связи с долгами союзников, Гучков усмехнулся, говоря, (...) что субсидии тяжелой промышленности не дадут ей потерять равновесие. Затем он отметил и то, что германская территория не была затронута войной, фабрики и орудия производства сохранились в целости, а это колоссальный плюс перед Францией, с ее одиннадцатью разоренными департаментами.» (См. *Михайловский Г.Н.* Записки Из истории российского внешнеполитического ведомства 1914–1920 гг. М.: Междунар. отношения. 1993. Кн. 2. С. 451).

ПИСЬМА О ЗАПАДЕ.

III. БОЛЬШЕВИКИ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ*

Великобритания сталкивается с большевистской политикой на всем пространстве своей огромной империи. Большевизм не является чисто русским движением, это мировое движение, получившее опору в России, выросшее на ее почве, овладевшее ее государственными средствами. Влияние его сказывается всюду: оно отражается, нередко могущественно, в Европе, Азии, Африке, С[еверной] и Ю[жной] Америке.

Под влиянием разрушения таких, казалось, могущественных государственных организаций, какими являлись в глазах всего мира Германия и Россия, разрушения, происшедшего с молниеносной, едва ли бывалой в истории быстротой, произошел огромный психологический сдвиг в человечестве. Окрепили и усилились чаяния и надежды всех борющихся против современного государственного порядка людей и организаций. То, что еще недавно казалось маловероятным и даже невозможным, стало казаться возможным. Отдаленный идеал стал реальной возможностью. Это очень ярко сказалось, напр[имер] в Азии, среди всех угнетенных или раздавленных народностей или государственных образований. Белая раса и идущая сейчас с нею Япония всюду встречаются с резко изменившейся психологией народов других рас, ими подавленных.

Особенно ярко и глубоко это чувствует Великобритания. Она переживает сейчас на всем протяжении своей империи напор всех враждебных течений, нередко поддерживаемых средствами и пропагандой большевиков, идущих здесь по путям, проторенным Германией.

* См. «Объединение» от 1 и 8 окт. 1919 г.

В Египте произошло вооруженное восстание против английского владычества, подавленное силою, но сейчас сдерживаемое тоже только силою [1]. Оно поддерживается и тем, что вблизи Египта образовалось независимое арабское мусульманское королевство Геджаское [2] и что сила и значение давно идущего арабского национального движения – так же как и мусульманского – растет и усиливается в эту эпоху мирового кризиса.

В Индии, в Пенджабе, вооруженное восстание против англичан [3] имело еще большее значение; здесь, по-видимому, было и непосредственное влияние большевистских денег и пропаганды. Значение этого движения усиливается еще тем, что здесь объединились вместе с мусульманами и индийские националисты. Движение подавлено силою, но напряженное состояние сохраняется. Лица, бывшие в Индии уже после подавления восстания, указывают, что в Индии перестали приниматься населением фунты стерлингов и тревога за будущее не ослабела.

В Афганистане произошла настоящая война. В конце концов Англия победила, Афганистан лишился еще некоторых своих прав, усилились английские гарнизоны [4]. Но положение продолжает оставаться тревожным, тем более, что здесь связь с большевистской пропагандой несомненна. А в распоряжении большевиков находятся денежные средства великодержавного масштаба, бесконтрольно ими распределяемые.

Если к этому прибавить события в Ирландии, Китае, настроения черных негритянских рас, всюду связанные нитями с большевизмом, ясно станет, что для Англии вопрос о быстром уничтожении большевизма в России перестает быть внешним вопросом, а является вопросом внутренней государственной политики. В Ирландии в последних выборах в парламент победили син-фейнеры, не поехавшие в Лондон, а тайно собиравшиеся в Дублине [5]. Положение там чрезвычайно обострилось. В Китае поднялись и усилились все старые течения. Большевизм в своей фактической обстановке много имеет общего со старыми китайскими «боксерскими» движениями [6]. Особенно ярко эти движения отразились в Японии, заставивши ее – ввиду поднявшихся против нее вооруженных движений – стать на путь необходимости восстановления силы России в Азии [7]. Но то же и по тем же соображениям важно для Англии. Наконец, большевистская пропаганда сильна и имела успех в черных войсках. Не знаю, имела ли их Англия – но в Америке и Франции эта пропаганда отразилась на настроениях народных негритянских масс, и это небезразлично для африканцев представителей белой расы в английских государственных образованиях Южной Африки.

Все это властно заставляет Англию всеми силами стремиться к быстрому уничтожению большевистского центра в Москве [8], т.е. к восстановлению мощного Российского государства.

«Объединение» (Киев), 13 (26) октября 1919 г., № 36.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В течение первой мировой войны Египет (составная часть Оттоманской империи) находился под протекторатом Великобритании, на его территории было введено военное положение, а наиболее влиятельная национальная партия Вафд находилась под запретом. После окончания войны вафдисты потребовали равноправного участия в Парижской мирной конференции и реализации англо-французской декларации о самоопределении наций, находившихся

ся под турецким владычеством. 8 марта 1919 г. лидеры вафдистов были арестованы, а в Каире и других городах начались волнения и вооруженные демонстрации, переросшие в столкновения с британскими воинскими частями. Это принудило Великобританию искать политических путей ликвидации конфликта. В результате в 1921 г. Египту удалось провозгласить государственную независимость.

2. Королевство Геджас (в современной транскрипции Хиджаз), расположенное в юго-западной части Аравийского полуострова, с XVI века входило в состав Османской империи. В 1916 г. арабы восстали против османского господства, а эмир Мекки Хусейналь-Хашими заручился поддержкой Англией его амбициозных планов создания мусульманского королевства в обмен на участие его войска в войне с Турцией. В 1919 г. после поражения Германии и ее союзников в первой мировой войне Хиджаз со статусом независимого королевства был признан Парижской мирной конференцией в качестве полноправного члена Лиги Наций. В 1926 г. Хиджаз после династических войн арабских эмиров вошел в состав королевства Саудовской Аравии.

3. Вооруженное восстание в Пенджабе началось в апреле 1919 г. после ареста руководителя индийского национального движения Махатмы Ганди, протестовавшего против наделения английским генерал-губернатором чрезвычайными полномочиями в противодействии национально-освободительному движению (закон Роуллетта). 13 апреля в пенджабском городе Амритсаре произошли кровавые столкновения между местным населением и английскими колониальными войсками (более 1000 жертв). Это вызвало волнения по всей Индии. Ганди провозгласил кампанию гражданского неповиновения, которая с декабря 1919 г. охватила всю страну. Вернадский упоминает об одном из проявлений этой кампании («не принимают фунты стерлингов»). В это время влияние коммунистических идей действительно достигает Индии, 1920 годом датируют образование первых коммунистических кружков. Официальное создание Коммунистической партии Индии относится лишь к 1925 г.

4. После прихода к власти в Афганистане Амануиллы-хана 28 февраля 1919 г. была провозглашена независимость этого государства, однако в мае – августе между британскими войсками, дислоцированными в Индии, и афганцами начались военные действия. 8 августа 1919 г. был подписан договор, по которому Великобритания отказалась от контроля над внешней политикой Афганистана, а в 1921 г. признала полную независимость этой страны. Советская Россия была первым государством, которое признало суверенитет Афганистана.

5. Партия Син Фейн (в современной транскрипции Шинн Фейн: «Мы сами»), основанная в 1900 г., требовала полной независимости Ирландии, защищала идею экономической независимости, ограждаемой системой тарифов, ратовала за возрождение ирландского языка, против «англиканизации». Боевики Син Фейн подняли восстание весной 1916 г. в Дублине, которое через неделю было подавлено с помощью английских войск. На парламентских выборах 1918 г. партия Син Фейн завоевала 73 места из 106. Эти депутаты нелегально собрались в Дублине, провозгласили себя Национальной ассамблеей и распространили Декларацию о независимости Ирландии. Последовала трехлетняя полоса террора боевиков против ирландских полицейских и британских военнослужащих и адекватных карательных акций со стороны зависимого от Англии ирландского «правительства меньшинства». В конце концов правительство Д. Ллойд-Джорджа взяло курс на политические методы урегулирования и в 1921 г. был заключен англо-ирландский договор, по которому 26 графств Ирландии (кроме Ольстера) получили статус доминиона.

6. Так называемые боксерские восстания прокатились по Китаю в 1899–1901 гг. Само название произошло от вольного перевода имени религиозного сообщества, к которому принадлежали их участники: Ихэцзянь, т.е. «Кулак во имя справедливости и согласия». В идеологии «боксеров» можно найти некоторые черты наивного коммунизма, поскольку наряду с основным лозунгом «уничтожая чужеземца, защищай Родину», там присутствовали такие заповеди, как «не быть жадными, не развратничать, жить по справедливости». У «боксеров» были организованы тренировочные занятия по единоборствам, бытовала вера в бессмертие как награда в борьбе за справедливость. Все это, возможно, вызывало у Вернадского ассоциации с большевистскими боевыми дружинами периода декабрьского восстания в Москве в 1905 г. «Боксерские» восстания сопровождались многочисленными жертвами среди миссионеров, убийствами иностранцев, в частности посла Германии. «Боксерам» удалось завладеть Пекином и удерживать его 56 дней. Войска восьми держав (в том числе и России), вставшие «на защиту жизни и имущества своих подданных» в конце концов восстание подавили.

В 1901 г. был подписан «Заключительный протокол», согласно которому китайское правительство обязывалось наказать виновных в убийствах иностранцев, платило компенсацию, на два года запрещался импорт оружия, охрана коммуникаций между Пекином и портами передавалась иностранным контингентам.

7. Возможно имеются в виду «рисовые бунты», охватившие почти всю Японию в августе–сентябре 1918 г. В них участвовали городские низы и крестьяне (более 10 млн человек). Это был стихийный протест против резкого повышения цен на рис. В ходе бунтов были сожжены дома торговцев, не соглашавшихся продавать рис по старым ценам, разгромлены полицейские участки и т.п. Бунты подавили после арестов многих тысяч участников и уступок правительства, вынужденного пойти на дотирование цен на рис. Под непосредственным влиянием гражданской войны в России произошло также восстание в Корее в марте 1919 г., в котором участвовало около 2 млн человек. Восстание было жестоко подавлено японскими оккупационными войсками. Слова Вернадского о «необходимости восстановления силы России в Азии» скорее всего следует понимать, как участие Японии в интервенционистских силах Антанты, действовавших на Дальнем Востоке и в Сибири в 1918–1922 гг. Эти силы активно поддерживали как армию адмирала Колчака, так и региональные белогвардейские формирования (атаманов Г.М. Семенова, И.М. Гамова и др.).

8. 2–6 марта 1919 г. в Москве проходил 1-й (Учредительный) Конгресс Коммунистического Интернационала. В заключительной речи В.И. Ленин говорил: «(...) в странах-победительницах, – как, например, в Англии, – все дальше и дальше распространяется движение в пользу Советов, и это движение есть не что иное, как движение с целью создания новой, пролетарской, демократии, – оно самый значительный шаг вперед к диктатуре пролетариата, к полной победе коммунизма (...) Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена. Грядет основание международной Советской республики». (*Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 37. С. 511*).

ПИСЬМА О ЗАПАДЕ. IV. ФРАНЦИЯ*

В то самое время, как настроение у нас идет в одном направлении с реальными интересами и политикой Великобритании, как растет сближение между будущей Россией и Англией – совершенно обратный процесс наблюдается по отношению к Франции.

Политика и стремления Франции по отношению к русской проблеме двойственные, так же как и в Англии, но Франция гораздо дальше и гораздо решительнее выдвинула антирусскую политику, чем Англия. В результате ее произошло заметное охлаждение к Франции в широких кругах русского общества и русской армии, которое может иметь серьезное последствие для будущего.

Франция гораздо больше пострадала от войны, чем Англия. Ее богатейшие провинции выдержали всю тяжесть войны. Лица, посетившие сейчас Францию, указывают, что еще по сей час здесь едва начинает восстанавливаться жизнь. На огромном протяжении страна представляет только ужас и разрушение. Цвет французских сил погиб, это особенно резко чувствуется в такой стране, как Франция, где почти нет прироста населения, где преобладают бедные детьми семьи. По-видимому, правы те ученые, которые указывают, что Франция до сих пор не может оправиться от последствий войны, великой революции, Наполеона и его эпигона Наполеона III. А сейчас народ перенес новый, ужасный удар. Война велась на ее территории, чего не испытала Англия. Зависимость Франции от Англии и Америки, как материальная – в связи

* См. «Объединение» от 1, 8 и 13 окт. 1919 г.

с огромными долгами, так и политическая – в связи с необходимой защитой от Германии, чрезвычайно усилилась и отражается на настроении широких кругов французского общества. Одна Франция не в состоянии защититься от сильной духом, в ближайшее время снова могущественной Германии. Она не в состоянии охранить и свои земельные приобретения, исключительно важные для нее благодаря возвращению к ней самых больших в Средней Европе железных руд Лотарингии и обладанию Саарским каменноугольным бассейном [1].

В поисках оплота против Германии, независимого от Англии, при крушении России, которое было учтено многими французскими политиками, как очень прочное – Франция в лице Клемансо [2] остановилась на создании на востоке Германии прочного сильного себе союзника. Старые идеи союза государств латинских рас, уже раз игравшие роль во французской политике, и традиционная поддержка Польши выдвинули идею о создании на границе с Германией сильных государств – Польши и Румынии [3]. Странным образом к этой идее присоединилась мысль о создании Украины, несмотря на тесную связь украинских самостийников с Германией. Франция поддерживала великодержавные стремления Польши и ее чаяния увеличить свою территорию за счет России путем захвата этнически непольских земель, культурно и когда-то политически связанных с Польшей – Белоруссии, Литвы, части украинской территории [4].

Несомненно, и это мы не должны забывать, эта политика Клемансо встречала серьезное сопротивление во Франции. Ряд французских политиков (в том числе Пишон [5]) были дальновиднее. Они считали эти идеи Клемансо утопией и полагали упрочение Франции в возрастании на востоке от Германии сильной России, которая должна была поддержать в трудной борьбе с германизмом неизбежно слабую Польшу.

Мы видим сейчас, что эта другая политика начинает брать верх. Крупные успехи Добровольческой [6] и Кавказской армий [7], приближающееся падение Петрограда [8], возобновление силы адм[ирала] Колчака [9] несомненно изменяют всю политику Франции. По мере роста русской государственности политика Клемансо обречена на крушение и мы видим уже начавшийся резкий ее перелом в заявленном Францией решении энергично помогать снабжением Добровольческой армии. С этим связано изменение ее политики по отношению к Польше, Румынии и Украине [10]. Полное крушение самостийного украинского движения [11] и без того лишило цельности структуру опорных государств на востоке Германии, о которой мечтали французские политики. Ясно, что никогда ни одно русское правительство не отдаст Бессарабию Румынии и искони русских земель восстановленной Польше. Для Франции в данный момент надо сделать выбор, чрезвычайно важный для ее будущего – выбор между продолжением старой традиции французских политиков конца XIX – начала XX века о союзе с сильной Россией и новой политикой авантюры, основанной на враждебной себе Германии и России в ближайшем будущем. Едва ли можно сомневаться в выборе Франции. Поворот уже начался и он должен чрезвычайно резко сказаться на русскопольских отношениях [12].

«Объединение» (Киев), 20 октября (2 ноября) 1919 г., № 42.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 28 июня 1919 г. в Версале был подписан мирный договор с Германией, согласно которому Франция приобретала Эльзас и Лотарингию. Саарская область была передана под управление Лиги Наций на 15 лет, после чего территориальная принадлежность области решалась по итогам плебисцита.

2. Клемансо Жорж (1841–1929) – французский политический и государственный деятель. В ноябре 1917 – январе 1920 гг. – председатель Совета Министров и военный министр. Председатель Парижской мирной конференции. Выступал против любых контактов с Советской Россией, провозгласил идею «санитарного кордона» в Восточной Европе, т.е. создание сильных в экономическом и военном отношении государств, которые могли бы воспрепятствовать проникновению большевизма на Запад.

3. Процесс воссоздания польского независимого государства был инициирован еще в «14 пунктах» президента США Вудро Вильсона (январь 1918 г.), где декларировались основы межгосударственных отношений в послевоенном мире. В частности, указывалось на необходимость создания польского государства на территории с преимущественно польским населением, с выходом к морю и международными гарантиями независимости и целостности. (Образование Польского государства как автономной части Российской империи декларировалось еще 14 августа 1914 г. в манифесте Главнокомандующего русской армией в. кн. Николая Николаевича, изданном после захвата территории Царства Польского войсками Германии и Австро-Венгрии). После февральской революции Временное правительство в акте от 15(28) марта 1917 г. заявило о возможности признания польской государственности на следующих условиях: 1) этнические границы Польши определяются Учредительными собраниями Польши и России по взаимному соглашению, 2) Польша должна состоять в военном союзе с Россией.

В декабре 1917 г. на мирных переговорах с Германией в Брест-Литовске советская делегация стояла на позициях признания государственности Польши. Однако в реальности возникновение нового польского государства проходило под эгидой Антанты без участия большевиков. К моменту публикации статьи Вернадского воссоздание Польши было практически закончено. 14 ноября 1918 г. Регентский Совет в Варшаве (орган германской оккупационной власти) в ситуации полного военного краха кайзеровской Германии вынужден был передать власть Главнокомандующему только что созданной польской армии Юзефу Пилсудскому. В феврале–июле 1919 г. Польша создала свою администрацию в Западной Украине и Западной Белоруссии и стремилась играть роль «санитарного кордона» между Советской Россией и странами Европы (см. примеч. 2). 20 июля решением Верховного Совета Парижской мирной конференции Галиция (Западная Украина) признавалась территорией Польши. Вплоть до осени 1919 г. на территории Галиции шли боевые действия между армией Пилсудского и частями Директории под командованием С. Петлюры.

Румыния как самостоятельное государство существовала с 1877 г., с августа 1916 г., воевала на стороне Антанты. После фактического прекращения военных действий на румынском фронте в декабре 1917 г. и выхода России из войны, в январе–марте 1918 г. аннексировала Бессарабию, принадлежавшую Российской империи с XVIII века. В апреле–сентябре 1919 г. румынская армия вела боевые действия против Красной Армии вдоль всей бессарабско-украинской границы.

4. Имеется в виду решение Парижской мирной конференции (28 июня 1919 г.), согласно которому вопрос о восточных границах Польши передавался на усмотрение стран Антанты. Необходимо подчеркнуть, что Россия не была допущена на мирную конференцию, в то время как Польша не только подписала Версальский мирный договор, но и была незамедлительно принята в члены Лиги Наций. Польская армия под командованием Ю. Пилсудского начиная с декабря 1917 г. осуществляла контроль на ряде территорий, где не было преобладания польского населения. Весной и летом 1919 г. польская администрация была насаждена в Полесье, на Волыни, была оккупирована Виленская область, развернулась война с Украиной (см. примеч. 3). В попытке погасить этот конфликт 8 декабря 1919 г. страны Антанты предложили установить восточную границу Польши по линии Керзона (министр иностранных дел Великобритании), в основном соответствующей этнографическому принципу. В реальности после неудачной попытки разжечь пролетарскую революцию в Европе (поход на Варшаву в июле–августе 1920 г.) Советская Россия была вынуждена заключить невыгодный Рижский договор с Польшей (1921 г.). По этому договору восточная граница Польши прошла значительно вос-

точнее линии Керзона. «Справедливость» была восстановлена гораздо позже – после оккупации Польши осенью 1939 г. и подписания акта «Молотов – Риббентроп». Вскоре и Виленская область была передана Литве по советско-литовскому договору от 10 октября 1939 г. (до «добровольного» вхождения этой страны в состав СССР).

В дневнике Вернадского за 3 октября 1939 г. есть весьма характерная для его «государственного мышления» запись: «Захват (западных областей) Украины и Белоруссии всеми одобряется. Удивителен стихийный ход истории! Безумные Поляки. И Чехи, несравнимо более мягкие в этом – пострадали из-за этого. Но политика Сталина–Молотова–реальная, и мне кажется правильной государственно русской». (Цит. по: *Вернадский В.И.* Дневник 1939 года // Дружба народов. 1992. № 11–12. С. 25). Далее, 19 октября, еще одна мысль: «⟨...⟩ факт объединения и освобождения народных масс – налицо, и как-то никто не сомневается, что это “прочное” и “вовремя”. Я думаю, что результаты будут и идейные. Едва ли бежала вся украинская интеллигенция с поляками?» (Там же. С. 31). Интересную запись в дневнике сделал В.И. Вернадский в последние месяцы своей жизни, 21 ноября 1944 г., когда Красная Армия освобождала от гитлеровцев Львов и другие города Галиции: «⟨...⟩ Этот поход Красной Армии является живым доказательством реальности славянофильства и панславизма. И не забудется. А я ⟨рзб⟩ ожидал с детства». (Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 24. Л. 14).

5. Пишон Стефан Жан-Марк (1857–1933) – французский политический деятель, министр иностранных дел в 1917–1920 гг.

6. Оценки военного положения на фронтах Гражданской войны к моменту публикации заключительной статьи из серии «Письма о Западе» оказались устаревшими. Казавшееся успешным наступление Добровольческой армии на юге (7(20) сентября был взят Воронеж, а 30 сентября (13 октября) – Орел) к концу октября захлебнулось. Красная Армия начала мощное контрнаступление, 11 (24) октября вновь был отбит Воронеж, а как раз в день публикации статьи В.И. Вернадского развернулись кровопролитные бои под Касторной, завершившиеся 5 (18) ноября разгромом корпусов генералов Шкуро и Мамонтова. С этого времени стратегическая инициатива на Южном фронте окончательно перешла к Красной Армии.

7. Кавказская армия белых была создана в мае 1919 г. из кубанских казачьих отрядов и входила в состав вооруженных сил Юга России под общим командованием генерала Деникина. В октябре 1919 г. вела успешные боевые действия против красных к югу от Царицына, но в целом эти бои не оказали существенного воздействия на военную обстановку на Южном фронте.

8. Под Петроградом в это время шли ожесточенные бои Красной Армии с войсками генерала Юденича и эстонской армией, которых поддерживала английская морская эскадра со стороны Финского залива. К 15 (28) октября 1919 г. белые армии захватили Лугу, Павловск, Царское Село, Гатчину и вышли на ближние подступы к Петрограду. 19 октября (1 ноября) В.И. Ленин обратился с воззванием защищать красный Петроград до последней капли крови. Срочно формировалось рабочее ополчение, подтягивались дополнительные части Красной Армии, а в газетах белого юга России уже появились сообщения о взятии Петрограда. На следующий день после публикации статьи В.И. Вернадского, 21 октября (3 ноября) началось контрнаступление красных. Через месяц остатки разгромленных дивизий Юденича ушли на территорию Эстонии и были разоружены по решению ее правительства.

9. Последняя попытка Колчака после крупных поражений под Челябинском в боях с Красной Армией (июль–август 1919 г.) перехватить военную инициативу относится к августу–сентябрю. 2(15) сентября в районе г. Петропавловска (ныне областной центр Казахстана) войска Колчака перешли в наступление с целью оказать содействие Добровольческой армии, наступавшей от Курска и Орла на Москву (см. примеч. 6). Однако 14(27) октября Красная Армия после тяжелых боев перешла в контрнаступление, в результате чего 18(31) октября был взят г.Тобольск, а 22 октября (4 ноября) – г. Ишим. Эта военная операция окончательно лишила Колчака шансов на возвращение стратегической инициативы. Таким образом, «возобновление силы адмирала Колчака», о чем упоминает Вернадский, также оказалось лишь иллюзией.

10. После эвакуации французских интервентов из Одессы (5(18) апреля 1919 г.) отношения между Францией и режимом Деникина приобрели довольно напряженный характер. Созвучные Вернадскому соображения сообщал из Франции Деникину бывший глава российского правительства граф В.Н. Коковцов: «⟨...⟩ французов страшит будущая беззащитность перед призраком возможного возрождения Германии. ⟨...⟩ Отсюда больше, чем от серьезной веры в близкую германскую опасность, с каждым днем крепнет страх перед изолированностью Фран-

ции и необходимость подготовить в будущем восстановление союза с Россией, вернуть к себе наши симпатии и сделать все возможное, чтобы не допустить Россию или броситься в объятия Германии, или же считать единственным своим другом Англию и подпасть целиком под ее политическое и экономическое влияние». (Цит. по: *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Берлин, 1926. Т. 5. С. 168).

В сентябре 1919 г. в Таганрог, в ставку Деникина, прибыла миссия французского генерала Манжена, однако она имела лишь осведомительный и консульский характер. Франция, в отличие от Англии, не оказала Добровольческой армии безвозмездной экономической помощи, а настаивала на торговле или товарообмене.

Надежды Деникина на изменение французской политики в сторону решительной военно-дипломатической поддержки Белого движения не оправдались. Уже в эмиграции он вспоминал: «(...) Франция делила свое внимание между Вооруженными силами Юга, Украиной, Финляндией и Польшей, оказывая более серьезную поддержку одной лишь Польше (...) Это обстоятельство придавало всей политике Франции в русском вопросе характер нерешительности, неустойчивости, беспочвенного гадания и отсутствия той доли риска, которая законна и неизбежна во всяком большом политическом предприятии. В итоге мы не получили от нее реальной помощи: ни твердой дипломатической поддержки, особенно важной в отношении Польши, ни кредитом, ни снабжением.» (Там же. С. 169).

11. К ноябрю 1919 г. независимая Украина практически уже не существовала: военные части Директории были разгромлены Красной Армией к апрелю 1919 г. (см. примеч. 2 к статье [Письмо в редакцию газеты «Приазовский край»]. Командование Добровольческой армии, следуя лозунгу «единой и неделимой России», принципиально не вступало в контакты с «самостийниками» и вело против них боевые действия. В октябре 1919 г. главная ударная сила Директории – галицийский корпус – перешел на сторону Деникина. Украинское правительство формально продолжало существовать и в апреле 1920 г. получило признание со стороны Польши, заключив с Ю. Пилсудским военно-политический союз. После окончания советско-польской войны (октябрь 1920 г.) «правительство» Украины стало обычной эмигрантской организацией.

12. Русско-польские отношения, т.е. отношения между независимой Польшей и правительством Деникина отличались большой сложностью. Дипломатическая служба Деникина исходила из того, что Польша должна находиться в орбите политики будущей «единой и неделимой России» и в сущности следовала положениям Акта Временного правительства от 15(28) марта 1917 г. (см. примеч. 3). Польша фактически с конца 1918 г. находилась в состоянии войны с Советской Россией, однако военный союз с Деникиным не стоял в повестке дня из-за бескомпромиссной позиции обеих сторон. Ситуация усугублялась многочисленными фактами дискриминационной политики Пилсудского по отношению к некоренному населению бывшего Царства Польского и Русской православной церкви.

Август и сентябрь 1919 г. ознаменовались переговорами Польши с Румынией о заключении военно-политического союза; 17 августа (1 сентября) 1919 г. был подписан военный договор с Директорией, наконец, начиная с марта и в течение всего 1919 г. Польша вела переговоры с Советской Россией, особенно интенсивные в октябре–ноябре. Эти переговоры не привели к официальному заключению перемирия, но фактически более трех месяцев военные действия на всей линии противостояния польской и Красной Армий от Двинска до Ковеля не велись. Все это отнюдь не способствовало улучшению отношений между Деникиным и Пилсудским.

Надежды на воздействие на правительство Польши со стороны стран Антанты, в частности Франции, оказались неоправданными. Официальная польская военная и экономическая миссия находилась в ставке Деникина, начиная с 13(26) сентября, однако никаких реальных результатов на этих переговорах достигнуто не было. 13(26) ноября 1919 г. Деникин направил Пилсудскому резкое письмо, в котором требовал отказаться от пассивного противостояния Красной Армии и одновременно предлагал договориться о личной встрече для решения всех спорных вопросов. Лишь в январе 1920 г. Пилсудский ответил согласием на такую встречу, однако было уже поздно: к этому времени под натиском Красной Армии Добровольческая армия отступила за Дон и началась агония белого движения.

Вследствии дипломат Г.Н. Михайловский, находившийся на службе в дипломатическом ведомстве Деникина, утверждал: «Инициатива военного союза всегда принадлежала полякам, а Деникин и Врангель, оба по-своему отвергли протянутую им руку. Именно в поль-

ских делах дипломатия Добровольческой армии потерпела катастрофу. Деникин так до конца и не определил свое отношение к Польше, а Врангель определил как идею «параллельных военных действий без каких-либо соглашений с Польшей» (*Михайловский Г.Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг. Кн. 2. М.: Междунар. отношения. 1993. Кн. 2. С. 218).

Иной точки зрения придерживался сам А.И. Деникин. В мемуарах он писал: «Польское правительство и руководящие круги общества придерживались принципа: Нужно, чтобы большевики били Деникина, а Деникин бил большевиков.» (*Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Берлин: 1926. Т. 5. С. 178). Более того, Деникин не сомневался, что между Польшей и Советской Россией на переговорах в сентябре 1919 г. был заключен тайный договор о перемирии.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ [1]

1

В тяжелых условиях воссоздания России мы должны черпать нашу силу внутри себя. Мы должны ясно сознать и понять, что только мы сами сможем выйти из тяжелого состояния развала и что внешняя помощь – без которой в конце концов мы не обойдемся [1] – будет оказываться нам тем больше, чем энергичнее и решительнее мы сами будем работать для освобождения и для возрождения нашей родины.

Необходимо быстро отойти от состояния апатии и маразма, в котором находится русское общество и которое так ярко проявляется в его работе над организацией тыла.

Что сделано для этого за последние месяцы? Не будет преувеличением утверждать, что мы переживаем все большую и большую дезорганизацию [2]. В общем переживается то же самое, что мы долгие месяцы видели при большевиках. Государственная машина работает впустую. Ведомства переполнены служащими, но результата их работы страна не видит, как не видела она его при большевиках, где работали еще более многочисленные кадры бюрократии. Там, при большевистском строе, они «кормились» и это имело свое оправдание, так как иначе, при социалистическом строе, уничтожившем торговлю, промышленность, свободные профессии, непартийную прессу – людям интеллигентского труда пришлось бы умирать с голоду. Но навыки, полученные в том строе – к нашему ужасу – перешли и в новый, вновь создающийся. Машина работает и теперь почти впустую. Улучшения не видно. И нет ясного определенного плана необходимых для этого мер.

На выход из этого положения, на создание реальных форм обществен[ной] работы в тылу междоусобной войны должно быть сейчас направлено внимание и сосредоточена воля русского общества. Сейчас оно относится к этим вопросам с недопустимым безразличием.

Мне кажется, три вопроса в этой области выдвигаются на первый план: 1) организация местной власти, 2) организация центральной власти и 3) борьба с взяточничеством, хищениями и кормлением, которые так разрушительно подрывают всякую форму организации.

В каком виде должна быть организована в данный момент местная власть? Ее приходится воссоздавать совершенно вновь, ибо все старое уничтожено начисто.

Возможно ли сейчас ограничиться восстановлением старой администрации русской провинции, несостоятельность которой для жизни в XX веке и еще недавно всем ясная устарелость во многом содействовали переживаемому нами теперь развалу? Или для новой жизни нам необходимы новые принципы и новые формы организации управления?

Наблюдая на месте – на Украине – происходящее восстановление местной власти, мы видим восстановление старого. И если иногда это старое является в новых формах, эти формы выросли из старых принципов. На местах воссоздается организация, чуждая данной местности, создаваемая из центрального – к тому же очень слабого ведомства, им направляемая и лишь формально связанная с местным самоуправлением. Участие местного элемента в организации местной власти ничтожно или совершенно отсутствует. Местная власть строится по прежнему принципу, как власть, оторванная от местной жизни и местных людей, как власть, не стоящая ни в какой зависимости от направляющих элементов и организаций местной жизни. И результатом этого является то, что она до сих пор не может охватить местную жизнь, является слабой и бессильной. Местные люди не несут за нее ответственность, они могут лишь бесплодно и бессильно ее критиковать.

Едва ли можно называть организацией местной власти те назначения чиновников на местах, которые сейчас происходят.

Восстановить уничтоженную старую местную русскую власть и невозможно и невыгодно. И это надо твердо понять.

Не может восстановиться та власть, которая совершенно распалась во время вихря революции и не смогла удержать местную жизнь от анархии. Как всегда бывает после окончания таких кризисов, должно быть создано нечто новое, отвечающее новым условиям жизни, а не восстановлено не оказавшееся прочным старое. Так в результате французской революции мы видим создание местной власти, сохранившейся в своих основах при всех сменах режимов, которые пережила после того Франция. И в России организация местной власти, которая должна быть теперь создана, не зависит от тех форм, какие примет будущая новая Россия.

Мне кажется, что жизнь сейчас указывает пути новой организации местной власти, и эти указания должны быть приняты во внимание при ее воссоздании.

2

В основу наших заключений о воссоздании местной власти, мы должны принять во внимание следующие факты: 1) старая местная власть, начиная с сельской ячейки, уничтожена нацело и нигде не смогла приноровиться к условиям жизни революционного времени. В этом отношении она резко отличается, напр[имер], от формы и органов центральной власти, сохранившихся во многих важных чертах нерушимыми, 2) разврат и деморализация населения, его отвычка от подчинения, привычка к произволу и к насилию сильного требуют создания на местах более сильной и действенной власти, чем это было раньше. Принуждение неизбежно должно быть во время перехода от анархии к организованной жизни сильнее, чем в нормальное время. Другими словами, сейчас нельзя воссоздать ту форму организации власти, кото-

рая будет действовать позже; должен быть пережит период сильной власти, нетерпимый в нормальных условиях жизни, 3) вместо прежней организации тесной власти на местах – вне областей, все время находившихся под большевистским режимом – начали создаваться новые формы организации местной власти. Эти формы везде приобретают характер государственности в связи с гибелью центральной русской государственной власти. Мне кажется несомненным, что при таких созданиях были вызваны к жизни и выявлены в сознании населения многие здоровые черты общественного устройства, опирающиеся на реальные потребности страны, которые отнюдь не могут быть уничтожены почерком пера, раз только мы хотим создать что-нибудь прочное, долговечное, приводящее к спокойному развитию жизни. Убеждение в этом широко проникло в русское общество в признании необходимости местной автономии, ни характер которой, ни задачи, к сожалению, не вырешены общественным мнением. Однако, несомненно, сейчас невозможно построить местную власть вне этого принципа, раз только мы хотим спаять распавшиеся части России. Если мы этого не сделаем – мы усилим явно глубокие и не поверхностные стремления местной государственной самостоятельности, которые при переживаемом кризисе далеко не всегда приведут к федерации. Конечно, может быть такая потребность в местной широкой автономии не везде сказывается ярко. Однако, на территории, занятой Добровольческой армией на Дону, Кубани, Тереке, Украине, она является важным и действенным фактором местной жизни, который должен учитывать политический деятель и мыслитель, если он желает создания единой и неделимой России [3].

Исходя из этих наблюдений, мы должны создать такую местную власть, которая была бы более сильной, чем старая русская местная власть. Для этого полномочия этой власти должны быть расширены. Расширение это может и должно идти в двух направлениях, которые оба связаны с уменьшением влияния на местах центральной власти, с *децентрализацией власти*.

С одной стороны, местная власть должна увеличить свои исполнительные функции, иметь возможность принимать решения – в пределах законов, – не ожидая утверждения их центральной властью. В некоторых случаях эти решения должны быть бесповоротными и окончательными.

С другой стороны, местная власть должна расширить свою компетенцию за счет центральной власти. Для этого часть законодательных функций центральной власти должна быть – в важных для местностей и возможных без вреда для целого запросах жизни – передана на места. Этим путем сильная местная власть должна в то же самое время быть связана с автономией провинций, в рамках и формах, указанных центральной властью.

Прежде, чем делать отсюда практические выводы, необходимо остановиться на некоторых особенностях переживаемого момента, сказывающихся на характере центральной власти и неизбежно, думается мне, требующих указанных выше форм организации местной власти.

Сейчас нам приходится, с одной стороны, вести вооруженную борьбу за единую Россию, с другой стороны, необходимо восстанавливать разрушенную жизнь. Вооруженная борьба приняла характер настоящей и страшной междоусобной войны. При этих условиях, даже при военной диктатуре, та часть работы центральной власти, которая направляется на воссоздание жиз-

ни, всегда и неизбежно будет второстепенной по сравнению с чисто военными задачами. Другими словами, центральная власть будет в этой области более слабой, чем обычная центральная власть государства в спокойных и нормальных условиях жизни.

Во время войны военная диктатура физически не в состоянии заняться воссозданием жизни. Это должна делать сильная местная власть, освобожденная от забот ведения войны, но по существу своему вполне не связывающая военную диктатуру в ее деятельности. Мы имеем в настоящий момент, нами переживаемый, задачу чрезвычайно своеобразную и трудную. Приходится создавать местную власть и воссоздавать жизнь во время междоусобной войны. Для воссоздания жизни местная власть должна быть сильной и прочной и, в то же время при необходимой в нашей разрухе военной диктатуре, при ее главнейших задачах – воссоздания армии и ведения тяжелой работы невозможно (...) тяжелой внутренней войны – создать сильную центральную власть для нормальной государственной работы невозможно. Надо создавать сильную местную власть при неизбежно слабой центральной гражданской власти. Это обычно не принимают во внимание. Диктатура во время вооруженной войны и воссоздания армий неизбежно будет военной диктатурой, т.е. слабой государственной организацией в других вопросах и задачах государственной жизни. Если она будет сильной и мощной организацией для воссоздания жизни – она не исполнит своей основной задачи и слагающееся государство окажется на краю гибели. В то же время по существу власти военная диктатура не может терпеть рядом с собой сильную центральную государственную власть, имеющую свои задачи, часто с ней несовместимые.

При этих условиях воссоздание жизни не может – в данный момент – опираться на сильную центральную государственную власть. А между тем, это воссоздание жизни – организация тыла – необходимо даже с точки зрения прямых задач военной диктатуры: без этого немислимо ведение такой гражданской войны, которая связана с восстановлением военной силы, единственного спасения России от расхищения ее соседями и от распада.

Таким образом, воссоздание замершей и расстроившейся жизни должно быть по преимуществу задачей местной власти и не может в настоящий момент исходить из центра, где нет условий для создания сильной государственной центральной гражданской власти, для этого необходимой.

Особенностью переживаемого момента является, таким образом, то, что нам приходится создавать сильную местную власть при неизбежной слабости центральной власти в тех ее функциях, которые связаны с областью действий местной власти. Это должно резко отразиться на ее конструкции.

«Донская речь» (Ростов-на-Дону), 1(14) декабря 1919 г., № 17.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ [III]

Исходя из оснований, развитых в первой статье*, мне кажется неизбежным установить при воссоздании местной власти следующие положения:

1. Наряду с гражданской местной властью не может и не должна существовать никакая военная местная власть, вмешивающаяся в ее распоряжения. Сейчас мы видим обратное. Огромный процент офицерства, больший, чем это обычно бывает, превращается в военных чиновников при том недостатке людей на фронте, который так тяжело сейчас чувствуется. Этим путем местная гражданская власть дезорганизуется. Все потребности армии в тылу должны обслуживаться местной гражданской властью, исполняющей запросы военной власти и ответственной за своевременность и полноту их исполнения. Офицерство должно быть направлено на фронт.

2. Местное население должно быть теснейшим образом связано с местной властью и ответственно за ее действия. Отсюда вытекает следствие, которое мне представляется практически чрезвычайно важным и способным в значительной мере изменить весь характер власти. Это следствие заключается в том, что выбор и подбор носителей местной власти должен находиться в руках местного населения, и центральная власть должна иметь как нормальное условие лишь право утверждения или выбора их кандидатов, но не право прямого назначения. Фактически это будет значить, что подбор лиц для пополнения кадров местной власти не должен делаться в гостиных и канцеляриях Ростова или высшего начальства на местах, а должен так или иначе проходить через совет местных людей, который должен иметь право удаления неудачных чиновников или же представления об их удалении. Сейчас везде мы видим чрезвычайное недовольство широких кругов населения агентами местной власти и в то же время полную невозможность для них так или иначе повлиять на необходимое – иногда до трагичности необходимое – изменение их состава. На местах развивается разлагающая всякую власть – особенно в такой момент – беспощадная и безответственная критика, и в конце концов местное население и власть привыкают смотреть друг на друга, как люди двух разных лагерей. Особенно это резко сказывается в тех – к сожалению нередких – случаях, когда местная власть на местах проводит политику, противоположную по принципам и идеям политике центральной власти. Можно представить эту конструкцию местной власти так, что высший носитель – *наместник* назначается центральной властью, со стороны и обладает большими правами – но все дальнейшие назначения на должности, кем бы они ни утверждались – наместником или центральной властью – должны совершаться из кандидатов, выставленных местными людьми.

3. Органом местных людей для этой цели должен быть *совет при наместнике*. Состав совета будет всегда смешанный; в него должны входить выборные люди местных обществен[ных] организаций и высшие представители администрации и магистратуры местности, независимые в своем положении от наместника. Количество представителей местного населения должно преобладать над представителями администрации и магистратуры.

* См. «Донская Речь» № 17 от 1 декабря [1919 г.].

Несомненно немедленно ввести выборность представителей местных организаций во всем объеме невозможно, т[ак] к[ак] разрушены и некоторые местные организации, напр[имер] земство. Поэтому первый состав значительной части и этих членов совета должен быть назначен из центра – но он должен быть несменяемым впредь до организации выборов представляемого ими учреждения. Это назначение из центра и несменяемость (иначе как по суду) впредь до организации выборов и точное определение состава тех лиц, из которых центральная власть их назначает – делают положение этих лиц на местах достаточно авторитетным и позволяют обойтись в целом ряде случаев без выборов, которые сейчас невозможны.

К организации власти должны быть привлечены новые группы населения, раньше в ней не участвовавшие. В совете должны быть представлены не только органы местного самоуправления, но и главнейшие в местности профессиональные (и рабочие) организации, кооперативы, организации финансовые, промышленные, торговые и т.п. Совет не должен быть очень многочисленным (30–50 человек), но во всяком случае он должен иметь право выбирать из своей среды комитеты или комиссии, которые могут иметь и исполнительные функции. Его ведению должны подлежать все важнейшие дела, касающиеся данной местности и в частности в настоящее время все вопросы, возникающие на месте и связанные с организацией тыла и помощи сражающейся и борющейся русской армии.

4. В распоряжении наместника и совета должны находиться средства, независимые от центра и органы, эти средства извлекающие. Для этого наместник и совет должны обладать правом устанавливать и взимать местные налоги, как прямые, так и косвенные. Несомненно право это должно быть точно определено и контролируемо центральной властью. В пределах той области или губернии, в которых действуют наместник или совет, организация управления ее более мелких частей должна всецело находиться в их ведении.

Трудно сейчас установить пределы наместничества – будут ли это губернии или области, заключающие несколько губерний. Это вопрос, связанный частью с практическими, частью с политическими соображениями. Губернская организация во многом является исторически сложившейся и в общем не исчезнувшей в вихре событий. С другой стороны, необходимо считаться с попытками местной государственности, со случайностью границ губерний, иногда необходимостью большей силы местной власти, чем это возможно в пределах губернии, заставляя организовывать области, аналогичные старым генерал-губернаторствам. Эти вопросы должны решаться в отдельных случаях различно.

Представляя здесь эти соображения, я еще раз считаю необходимым подчеркнуть лежащие в их основе положения: 1. Неизбежная слабость центральной гражданской власти при военной диктатуре. 2. Необходимость для военной диктатуры опираться на сильную местную власть, тесно связанную с населением (необходимость «Организации тыла»). 3. Необходимость привлечения местного населения к власти и к ответственности за то, что делается, прекращения безответственной и разлагающей его критики. Участие местного населения во власти должно быть не только правом, но и повинностью и ему должны быть переданы на местах не контроль над властью, но ее реальное осуществление.

«Донская речь», 4(17) декабря 1919 г., № 19.

ПРИМЕЧАНИЯ

В.И. Вернадский опубликовал две статьи «Об организации местной власти», посвященные проблемам государственного строительства не под псевдонимом «Володарь», а под своей фамилией. Несмотря на официальный выход из к.-д. партии, он продолжал участвовать в заседаниях ее ЦК, а также Национального центра (см. примеч. 5 к статье «Одна из задач дня»). Очевидно Владимир Иванович продолжал считать своим гражданским долгом открыто выступить в печати и внести свою лепту в обсуждение проблем возрожденной России, которая, как ему тогда казалось, будет создана после скорой военной победы «Белого» движения.

Интересно, что на экземпляре газеты «Донская речь» (№ 17) из фондов библиотеки Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН) красным карандашом сделана надпись: «Собственность академика В.И. Вернадского». Вероятно для того, чтобы уберечь личную библиотеку В.И. Вернадского от неприятностей, кто-то изъял «контрреволюционные» газеты и каким-то образом передал их в научную библиотеку (естественно, в спецхран!). К сожалению, никто из нынешних сотрудников библиотеки ИНИОН не имеет возможности установить время поступления этих газет и, тем более, имя дарителя. Скорее всего, все номера «Донской речи» из ИНИОН принадлежали Вернадскому, поскольку в каждой из них (№№ 17, 19, 22 и 24) были опубликованы либо статьи Вернадского, либо отклики на них.

Статьи Вернадского вызвали отклики и дискуссию. Та же «Донская речь» от 11(24) декабря 1919 г. (№ 24) опубликовала статью проф. Н.И. Палиенко «К вопросу об организации власти». Он полемизирует с Вернадским в основном исходя из двух положений. Во-первых, признается, что военная диктатура, т.е. режим генерала Деникина, может быть сильным и в сфере гражданского управления. Для этого необходим «государственный представительный орган хотя бы с совещательными функциями, включающий представителей различных «общественных организаций и слоев (ученые, рабочие, крестьяне), представителей автономных областей». Во-вторых, Палиенко очень оптимистично оценил деятельность администрации Деникина по восстановлению земского самоуправления, судов и даже внедрению элементов земельной реформы. Заканчивает свою статью Палиенко тоже на оптимистической ноте: «Дефектов, конечно, много, но мы утверждаем, что и при необходимой ныне военной диктатуре центральная власть все же может быть сильной и в сфере гражданского управления, так как без этого любая реформа, в том числе и реформа местной власти, не принесет пользы».

В том же номере газеты редакция «Донской речи» дает жесткую отповедь критике Вернадского в экстремистской газете «Свободная речь». Последняя иронически отмечала, что «г. Вернадский живет построениями 1917 г.» и предлагала «основные вопросы государственного бытия разрешать не разговорами, а железом и кровью». В свою очередь, «Донская речь» отметила: «Но на опыте прошлого можно было убедиться, что старая система разрешения вопросов железом и кровью могла дать результаты только отрицательные. “Свободная речь” этого просто не понимает, и быть может, этим объясняется самоуверенный тон, которым газета прикрывает убожество мысли».

1. Военная помощь режиму генерала Деникина со стороны Антанты оценена советскими историками следующим образом. К осени 1919 г. было доставлено 515 артиллерийских орудий, 200 самолетов, 42 танка, 2 тыс. пулеметов, 450 тыс. винтовок, большое количество боеприпасов и различной военной амуниции. Великобритания предоставила кредит в размере 15 млн фунтов стерлингов. При штабе Деникина постоянно находились советники из Великобритании, Франции и США (См. также примеч. 2 к статье «Письмо о Западе. II»).

2. В марте 1919 г. А.И. Деникин утвердил «Временные положения о гражданском управлении», где предусматривалась организация военно-административного управления Харьковской, Киевской и Новороссийской областей и Терско-Дагестанского края, возглавляемых «Главначальствующими». На Дону и Кубани в 1918–1920 гг. существовала автономная казачья администрация. Главначальствующим областей подчинялись губернаторы, начальники уездов и волостей. По распоряжению Деникина, на освобожденной от большевиков территории восстанавливалась деятельность органов городского и земского самоуправления.

Начальники областей и уездов назначались начальником Управления внутренних дел при Главнокомандующем вооруженными силами Юга России (А.И. Деникине). Особое совещание декларировало признание всеобщего избирательного права с возрастным цензом (не моложе 25 лет) и цензом оседлости (проживание в данном месте не менее двух лет). Генерал А.С. Лукомский, возглавлявший Особое совещание на последнем этапе его деятельности (сентябрь–декабрь 1919 г.), в своих воспоминаниях писал: «Надо признать, что среди назначенных

начальниками губерний, а особенно начальниками уездов, оказалось много совершенно не подходящих и не соответствующих лиц. Плохой подбор служащих и ничтожное жалование (...) привело скоро к тому, что среди младших служащих стали процветать взятки и поборы с населения. А это, естественно, способствовало развалу тыла и возбуждало против администрации населения.» [*Лукомский А.С. Воспоминания // Русский архив: Терра, 1991. Т. 6. С. 152*].

3. Официальная позиция Особого совещания в отношении Украины и казачьих областей (Дон, Кубань, Терек) сводилась к признанию в будущем их широкой автономии. Полная их самостоятельность принципиально отвергалась. Отношения правительств Дона и Кубани и режима Деникина на протяжении всего периода Гражданской войны отличались нестабильностью и напряженностью.

НАУЧНАЯ ЗАДАЧА МОМЕНТА

Сейчас в Ростове под влиянием ужасов междоусобной войны собрались большие группы русских ученых. Из Киева и Харькова, из Москвы и Петрограда сюда направились и профессора высших школ, и ученые специалисты, работавшие в общественных или правительственных учреждениях [1]. По тем или иным причинам они не смогли выдержать большевистского режима, принесшего нам ужасы рабства и инквизиции. Выбитые из обычной колеи, нередко раньше далекие от треволнений политической жизни, – они и в новых условиях могут и должны делать свою главную работу – работать для единой для всего человечества науки, создавая в ней русское течение, – это могучее, не признаваемое пока русским обществом в его значении и силе мировое проявление русской культуры.

На них, здесь собравшихся, лежит великий долг перед русским народом: охранить эти вечные ценности – научную исследовательскую работу и ее русскую организацию, – перенести их неразрушенными и усиленными среди ужасов междоусобной войны.

Никогда, ни на один миг не должна прерываться эта работа, ни при каких условиях нельзя жертвовать для чего бы то ни было разрушением русской научной организации. Никакие интересы дня и никакие явления политической или военной случайности не могут и не должны ее останавливать. Глубже вдумываясь в происходящее, отыскивая его скрытые основы, легко убедиться, что настоящее спасение России, залог всего ее будущего, ее единства, ее значения в мировой жизни – наиболее ярко и наиболее жизненно сосредоточивается в духовной творческой работе народа, – в науке, искусстве, технике, творчестве, общественной и политической жизни.

Мысленно обращаясь к прошлому, мы можем видеть и в нем указания этой истины. В XVIII веке при гибели политической организации Польши началось в ней духовное возрождение [2]. В эту эпоху разрухи и дезорганизации положительные силы польского народа направились на творческую культурную работу; великим усилием из упадка и разложения, столь ярких для духовной жизни польского общества XVII и XVIII веков, возросла большая общечеловеческая ценность: современная польская культура. Носители духовной творческой работы польского народа на своих плечах пронесли – поколениями – судьбу его, и сейчас на наших глазах началось политическое возрождение Польши, неизбежное следствие мировой ценности польской культуры [3]. На грани XVIII и XIX веков, после ужасов и разложения тер-

рора, Франция нашла свою силу в духовной мощи носителей ее культурной работы. Следствием восстановления французского государства к новой жизни явился небывалый – даже для великого французского народа – подъем его научной работы и в результате наполеоновского режима созданы были новые формы организации научного исследования, оказавшие мировое влияние [4]. Держатели и создатели политической организации Франции с редкой в истории проницательностью поняли значение охраны и роста научного творчества для подъема и силы государственного строительства.

Эти уроки прошлого приобретают в наш век особое значение. Мы не даром пережили XIX столетие. Наука и научное творчество сейчас получили значение, небывалое в истории человечества, и пред взорами людей, желающих проникнуть в будущее, которое им не суждено переживать, видится облик нового человечества, в жизни которого научная творческая организация и духовное творчество в целом будут являться основным элементом жизни.

Разруха и крушение русской государственности произошли не в эпоху упадка духовной работы русского общества – и в частности научной его деятельности, – как это было в Польше в конце XVIII столетия, – а в эпоху их расцвета, как это было во Франции. И это является одним из самых ярких и прочных признаков неперемennого и быстрого нашего возрождения. Созданные историей и волей нации мировые духовные ценности не могут исчезать и пропадать бесследно в общей сумме мировой жизни, ибо в явлениях, охватываемых научной логикой – в том числе и в явлениях судьбы человечества, нет проявлений слепого случая и всякое явление имеет неизбежную цепь рано или поздно проявляющихся следствий.

Этих следствий в научном творчестве мы достигаем работой, усилием, волей.

И в этот грозный час народной жизни мы должны направить всю нашу волю и все наши усилия на охрану и развитие научной организации.

Нам, собравшимся здесь, в Ростове, с разных концов земли русской, русским ученым необходимо объединиться для общей и планомерной работы для духовного возрождения России, для русской культуры, основного оплота ее единства, для охраны и развития научных организаций. Сейчас здесь, в Ростове, звучат опасные речи: нередко считают менее ценным, чем другие, проявления государственного возрождения, охрану научной творческой работы, и есть опасность, что под влиянием этих речей, происходящих без отпора, некоторые из центров научного творчества могут погибнуть в вихре событий [5]. В возрождающейся здесь России слагаются старые речи русской правительственной организации, с которой нам всем приходилось вести такую упорную борьбу в течение поколений – за каждый рубль, отпускавшийся из огромного государственного бюджета на помощь научной работе. Возрождаются скверные навыки старой русской власти, в первую очередь при всяких финансовых затруднениях, жертвовать расходами на культурные русские ценности. Мы знаем губительные последствия этого в прошлом. Но в будущем они могут быть еще более пагубны. Ибо сейчас главнейшей силой, спаивающей новое русское государство, которое никогда, что бы ни думали мечтатели и политические дон-Кихоты, не может возродиться в старых формах, будет являться великая мировая ценность – русская культура во всех ее проявлениях. На ее подъем и на охрану центров ее проявления должны быть

направлены теперь же все усилия носителей власти. Нельзя откладывать эту работу на лучшие времена, после окончания разрухи, – ибо в этот промежуток времени могут безнадежно погибнуть создавшиеся ее центры. Должен быть основной целью реальной политики перенос в новую создаваемую Россию всех центров научной творческой работы, которые, как проявление живых сил русской жизни, – возникли – при всяких режимах – всюду на территории Российского государства. Ни один из них, реально существующий, не должен погибнуть в переходную эпоху.

Их можно сохранить и развить лишь при усилении в этом направлении и при сознательной их охране. Для этого, для воздействия на общественное мнение и на власть, необходимо создание организации научных деятелей в той или иной форме.

Для этого надо собраться всем нам, временно или постоянно находящимся в Ростове, ибо центр такой организации должен быть там, где находится центр правительственной власти.

Недавно здесь было небольшое совещание натуралистов и техников, которое думало поднять на общее обсуждение вопрос о том, что может сделать организованная работа в области прикладного естествознания для текущего момента и для воссоздания жизни. Мне кажется, этого мало. Надо поставить и обсудить сверх того в более широкой среде – общий вопрос об охране и росте русской научной организации, как одном из основных моментов русской культуры. Мы должны воспользоваться присутствием стольких научных сил в Ростове, собраться вместе, обсудить этот вопрос и создать здесь, в Ростове, союз научных организаций или научных деятелей, который должен стать на страже научной организации русской культуры [6].

«Донская речь», 13(26) декабря 1919 г., № 26.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 26 ноября (9 декабря) 1919 г. в Ростов-на-Дону приехал В.И. Вернадский со своими коллегами из Киева проф. С.П. Тимошенко и проф. Н.П. Василенко. Помимо проблем, связанных с дальнейшей судьбой Украинской академии наук (см. примеч. 5 к статье «Одна из задач дня»), предполагалась организация Совещания представителей науки и научной промышленности и создание Комиссии по изучению природных богатств юга России с акцентом на изучение месторождений каменного угля (см. «Приазовский край», 28 ноября (11 декабря) 1919 г.). На 15(28) декабря было назначено Совещание профессоров, на которое приглашались все профессора российских университетов и вузов, оказавшиеся в Ростове и Новочеркасске. Оргкомитет по созыву этого совещания возглавил проф. Донского университета И.А. Малиновский (осенью 1919 г. он исполнял обязанности начальника Управления народного просвещения (министра) при Главнокомандующем Вооруженными силами юга России Деникине). Лакуны в подборках ростовских газет за декабрь 1919 г. пока не позволили установить, состоялось ли это совещание, однако Вернадский на нем присутствовать уже не мог, о чем свидетельствует запись в дневнике от 18(31) декабря 1919 г.: «Наконец с величайшим трудом выехал из Ростова. При всякой протекции, очень сильной (через [С.П.] Тимош[енко]), вместо четверга 12.XII, на который у меня билет и плацкарта (поезд был отменен), выехал только сегодня утром, правда, в купе I кл[асса] с плацкартой для лежания. (...) В вагон сел в 4 часа у[тра] и пролежал часть времени на полу в пустых служебных комнатах, куда по протекции свел какой-то прикосновенный к станции служащий, исполняющий обязанности носильщика – тип очень порядочного и добросовестного человека, во всех своих услугах переживающий происходящее как Божье наказание. (...) Масса военных и уезжающей публики. Чувствуется, что из Ростова бегут.» [Вернадский В.И. Дневники 1917–1921 гг. Киев: Наукова Думка. 1994. С. 199].

2. После раздела Польши в 1795 г. между Австрией, Пруссией и Россией, эта страна утратила свою государственность более чем на столетний период. Однако подавленное стремление нации к свободе внешней парадоксальным образом проявилось в мощном расцвете культуры внутренней, духовной. Первая половина XIX века ознаменовалась необычайным подъемом польской литературы, изобразительного искусства, музыки. Достаточно упомянуть такие имена общеевропейского масштаба как Ф. Шопен (1810–1849) и А. Мицкевич (1799–1855). Именно в этот период издается первый в истории польской культуры Словарь польского языка С. Линде, подготовленный Варшавским обществом друзей науки. На начало XIX века приходится открытие новых учебных заведений, в частности Варшавского университета (1800), Агрономического института (1816), Горного института (1816).

3. См. примеч. 3 к статье «Письма о Западе. IV. Франция».

4. В конце 1795 г. Директория учредила Национальный (с 1806 г. – Французский) институт наук и искусств с задачей «собрать открытия и совершенствовать науки и искусства». Институт объединял 144 ученых, принадлежавших к 24 секциям. Указом Наполеона в 1803 г. Институт подразделен на 4 отделения: физических и математических наук; французского языка и словесности; французской истории и литературы; художеств. Каждое из отделений проводило еженедельные заседания, издавало труды, управлялось выборной административной комиссией из членов института, имело иностранных корреспондентов и т.п. Деятельность института находилась под опекой государства. «Филиалы» института открывались во многих городах Франции. Эта система организации научных учреждений стимулировала развитие естественных наук и вскоре дала мировой науке такие блестящие имена, как Карно, Ампер, Гей-Люссак, Кювье.

5. Конкретных высказываний в печати в том духе, о котором пишет Вернадский, нам найти не удалось. Косвенным примером достаточно скептического отношения к проблеме сохранения научного потенциала дореволюционной России в разгар гражданской войны может, вероятно, служить замечание одного из наиболее влиятельных членов Особого совещания В.А. Степанова по поводу столь важной для Вернадского проблемы сохранения Украинской академии наук: «Если Украинская академия наук создала культурные ценности, то они, конечно, должны быть сохранены. Но это уже вопрос и политики, и науки.» [«Объединение», 29 сентября (12 октября) 1919 г., № 29].

6. Перед самым отъездом из Ростова в Екатеринодар Владимир Иванович записал в дневнике: «Вышла «Д[онская] р[ечь]» с моей статьей «Научн[ые] задачи момента», жизнь уже прошла вперед от тех задач, которые она ставит. Но мне кажется, как возбуждение внимания к этим явлениям она не потеряла интереса минуты.» [Вернадский В.И. Дневники 1917–1921 гг. Киев: Наукова Думка. 1994. С. 197].

НЕИЗБЕЖНОСТЬ РОСТА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Лекция на кооперативных курсах в Симферополе
18(31) октября 1920 г.

Моя лекция является первой из целой серии лекций, посвященных изучению естественных производительных сил Крыма [1]. Специалисты разных областей изложат Вам те данные, которые могут быть научно связаны с разными сторонами той части России, в которой мы живем.

Моя задача иная – мне предстоит объяснить Вам то значение, какое имеет работа этого рода в переживаемый нами момент времени, выделить то общее, которое связано с этим частным случаем.

Я должен буду касаться – в значительной мере – не тех конкретных данных точного знания, среди которых движется моя мысль, но общих положений, тесно связанных не только с научным, но и с общественным, и с моральным мировоззрением человека. Ибо я считаю поднятые в этой серии лекций вопросы имеющими глубокий смысл. Привыкши идти путем точной

индукции, переходить от частного к общему, я и здесь останусь верным этому исконному пути натуралиста, тому пути, который приводит человечество к тем великим научным завоеваниям, которые по моему убеждению, в действительности заставляют его проделывать работу, выходящую в своем значении за пределы нашей планеты. Я буду искать общего, исходя из частного случая. Переживаемый нами сейчас разгром всей сложившейся веками государственности, огромные опасности, угрожающие росту и развитию нашей умственной культуры нередко в последнее время вызывают сомнения и в ценности научного знания вообще, и в прочности тесно связанной с наукой технической оболочки культуры XX столетия. Кажется, точно все рушится, и этот наблюдаемый нами и нами тяжело переживаемый социальный процесс идет так глубоко, что может привести к повторению в истории человечества того падения культуры, которое мы переживали для средиземноморской культуры в первые века средневековья или дальневосточной культуры к более поздним временам того же периода западноевропейского человечества.

Мне представляются эти опасения противоречащими тому значению и тому положению, которое занимает наука нашего времени.

Никогда еще в истории человечества не было такого периода, когда наука так глубоко охватывала бы жизнь, как сейчас. Вся наша культура, охватившая всю поверхность земной коры, является созданием научной мысли и научного творчества. Такого положения еще не было в истории человечества, и из него еще не сделаны выводы социального характера [2].

Вдумываясь в происходящий процесс роста научного развития, можно убедиться, что этот рост не является случайным явлением, он имеет характер стихийного, т.е. естественного, процесса, идущего на земной поверхности и связанного с изменениями, происходящими в биосфере.

Я не имею возможности в этой лекции касаться этого вопроса во всей его совокупности, для этого потребовалось бы столько времени, сколько нет в моем распоряжении. Но я все же попытаюсь в немногих словах дать здесь понять и почувствовать что я имею в виду.

Человечество, взятое в целом, не безразлично в стихийных, естественных процессах, идущих на земной поверхности. Оно здесь теснейшим образом связано с другими организмами и совершает с ними вместе огромную определенного рода геологическую работу. Если бы эта работа прекратилась или изменилась, это сказалось бы очень резко на ходе естественных геологических процессов. Составляя часть остальных организмов – живого вещества, – человек чрезвычайно меняет всю работу живого вещества. Он вместо прежней природы создает новую культурную природу, резко меняет облик земной коры. Если мы сравним этот облик – и оценим эту работу – в связи с тем обликом девственной природы, которая существовала тысяч 20 лет тому назад в даунский период четвертичной эпохи [3], мы можем убедиться, какая огромная геологическая работа производится человечеством и какую геологическую силу представляет человеческая культура.

Чрезвычайно характерно, что вся эта работа всегда шла в одном и том же направлении. Остановки культуры, которые мы наблюдаем, были всегда связаны с расширением – географическим – ее области. Мы ни разу не видели понижения культуры, которое не было связано с захватом в культурный обмен новых областей, новых народов и с повышением для них культурного

уровня. В общем, неизменно все время шло расширение области, захваченной культурой. Эту общую картину не меняют отдельные случаи частичных временных заминок и колебаний.

Мы имеем здесь типичную картину стихийного геологического, естественного процесса. Мне пришлось его изучать в одном его проявлении – в химических процессах земной коры, в геохимических проявлениях. В этих явлениях роль живого вещества – организмов – колоссальна; без них вся химия земной коры пошла бы иначе. В этих процессах среди живого вещества – особенно на суше – чрезвычайно роль человечества, и его геохимическое значение увеличивается с каждым столетием. Всякое повышение культуры связано с увеличением его геохимического значения. Все тенденции, которые мы наблюдаем в окружающей нас истории, которые повышают культурную силу человечества, увеличивают его геохимическое значение.

Чрезвычайно характерно, что геохимическая роль культурного человечества совершенно соответствует геохимической роли живого вещества. Она идентична по своему характеру и различна лишь по своей интенсивности. Человек и микроорганизмы – самая могучая форма геохимического воздействия живого вещества – производят работу одного и того же рода, (что) одинаково отражается на ходе геохимических процессов.

Значение культурного человечества увеличилось со времени окончательного создания новой науки, точного знания, охватившего и наше мышление, и нашу обыденную жизнь. Мы видим постепенное, все увеличивающееся значение этого процесса с конца XV столетия; кривая воздействия человечества (на природу) быстро поднимается, и никакого намека на поворотный пункт или на замедление этого подъема не наблюдается.

Мысленно и возможно – в философской области – гадать о возможности такого поворота, – но ученый должен основываться не на мыслимости данного процесса, но на его реальном проявлении. Реального проявления уменьшения геохимического значения человечества мы не наблюдаем. А следовательно, не наблюдаем и признаков упадка культуры. В то же самое время сейчас культурное человечество захватило весь земной шар, дальше ему распространяться нельзя. Понижение культуры вроде того, которое наблюдалось раньше, когда культурные рамки захватывали новые племена и области варваров, сейчас невозможно – ему не может быть места в реальной обстановке действительности.

Единственное возможное понижение высоты культуры возможно благодаря поднятию уровня социальных низов, представляющих некоторую аналогию варварским состояниям народов средневековья. Но эти падения уровня культуры, очевидно, не могут быть сравниваемы, напр[имер], с тем что пережило человечество при падении Западной Римской империи.

Такое состояние культурного человечества тесно связано с его культурным ростом, и на первом месте – с ростом основанной не на бессознательном массовом творчестве, как это было раньше, техники, но на технике, тесно связанной с наукой.

Наука представляет ту силу, которая спасает человечество, не дает ему опуститься, является той силой, которая совершает человеческую работу, в частном случае – геохимическую, им совершаемую.

Силой, делающей эту работу, является сознание и воля человека, выраженные в форме науки.

Рост науки увеличивает силу человечества, увеличивает его геохимическую работу; (он) необходим и неизбежен в том стихийном процессе, в котором мы бессознательно участвуем.

Можно находить в этом успокоение и удовлетворение, если потребность этого чувствуется в переживаемый тяжелый момент анархии, развала жизни и расстройств государственной и общественной жизни.

Мне кажется, что в ходе исторических событий вообще не может быть безразличной такая связь жизни человечества с стихийным геологическим процессом, но здесь я этого не буду касаться. Мне важно лишь заметить, что падение культуры и рост научного знания тесно связан[ы] с гораздо более мощным естественным процессом, независимым от воли и сознания человечества, и что, если мы видим признаки в жизни человечества обратного характера, они не могут быть длительными. Структура человеческой жизни должна – и неизбежно будет – изменена в том направлении, которое соответствует тому естественному стихийному процессу, в который как неизбежное звено входит культурная работа человечества.

Как будет изменена картина исторической жизни, как приспособится человечество к стихийному естественному процессу, мы не знаем, но мы можем действовать в сознании того направления, которое этому содействует, и можем быть уверены, что понимая так историческую обстановку, мы имеем большие шансы на успех в наших начинаниях.

Очевидно, легче и проще всего нам действовать в направлении, меняющем в нужной мере научную работу, ибо наука является той силой, которая подымает и создает в значительной мере геологическое значение культурного человечества.

К рассмотрению нужной для этого организации науки нам и предстоит сейчас перейти. Но прежде я хочу сказать несколько слов о той основной мысли неизбежности развития и роста техники и науки, о которой я сейчас говорил, и независимости его от воли человека.

[На этом рукопись обрывается]

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 45. Л. 196–199.

ПРИМЕЧАНИЯ

Печатается по тексту рукописи, хранящейся в Архиве РАН (Ф. 518. Оп. 2, Д. 45. Л. 196–199). Текст лекции впервые был опубликован в 1988 г. со значительными сокращениями в журнале «Техника – молодежи» (№ 3. С. 10–11), а полностью воспроизведен в книге «Владимир Вернадский» (М.: Современник, 1993. С. 533–538) под заголовком «Наука как геологическая сила».

1. После эвакуации из Новороссийска в Ялту в январе 1920 г. В.И. Вернадский, оправившись от тяжелой болезни, в марте переезжает в Симферополь и активно включается в научную работу. Он избирается профессором по кафедре геологии Таврического университета, а 28 сентября после скорострительной кончины его ректора – проф. Р.И. Гельвига ректором.

По этому поводу газета «Таврический голос» от 30 сентября (13 октября) 1920 г., № 337 писала: «Избрание на пост ректора В.И. Вернадского вызвало чувство удовлетворения как среди студенчества, так и среди всех тех общественных кругов, которым дорога судьба молодого университета. Имя В.И. Вернадского, хорошо известное не только в России, но и всей

научной Европе, высоко подымает моральный авторитет единственного избежавшего большевистской разрухи рассадника науки.

С апреля 1920 г. В.И. Вернадский возглавляет Комиссию по изучению естественных производительных сил Крыма при Крымском обществе естествоиспытателей. В рамках работы этой комиссии Вернадский читает лекции. Достоверно известно о двух таких лекциях: 18(31) октября и 25 октября (7 ноября) 1920 г.

2. Эта мысль, вероятно, может быть отнесена к идейным исканиям Вернадского, увенчавшимся введением понятия «ноосфера» как этапа эволюции биосферы. В 1938 г. в одном из писем В.И. Вернадский утверждал: «Лично я считаю, что несмотря на большие социальные изменения – основное связано с ростом точного знания. (...) Я думаю, что история научного знания есть природный процесс – процесс создания новой геологической силы, превращающей биосферу в ноосферу». (Цит. по: *Мочалов И.И.* Владимир Иванович Вернадский. М.: Наука, 1982. С. 318).

3. Даунский период (правильнее – век) – устаревший термин, применявшийся в начале XX века австрийскими геологами для обозначения интервала времени, соответствовавшего отступанию последнего оледенения в Альпах.

ОРГАНИЗАЦИЯ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В НОВОЙ РОССИИ

Лекция на кооперативных курсах в Симферополе 25 октября (7 ноября) 1920 г.

Я приступаю со страхом и смущением к изложению, т[ак] к[ак] тема огромна и т.д.

Не давал это потому, что 1) важнейшая работа сейчас для русск[ого] общ[ества] передумать основы будущей России. Придет момент – придется действовать, будет поздно думать, 2) необходимо самое ⟨нрзб⟩ до конца ⟨нрзб⟩ всех ⟨нрзб⟩.

Старая Россия не вернется. Реставрация старого государст[венного] строя после пережитого так же невероятна, как реставрация старого русск[ого] обществ[енного] строя и старой интеллигенции.

Новая Россия может быть охарактеризована в немногих чертах:

1. Сохранение единства России в составе великого государства. Русское общество не понимало и не ценило великого блага – большого государства [1].

2. Неосуществимость старого централизма власти – того централизма, который характеризовал старую Россию и до известной степени теперешнюю советскую.

Россия может быть только федералистической или состоящей из широко автономных провинций [2]. Для организации н[ародного] о[бразования] это имеет огромное значение.

3. Какая бы власть в России ни была – монархическая или республиканская – безразлично, неизбежно то давление на внутреннюю жизнь общества, какое производилось или производится, напр[имер], монархической самодержавной властью старой России или же диктатурой ком[мунистов] при республиканской организации власти.

4. Немыслима организация государства при бесправном – de jure или de facto – положении творческих производительных сил страны, из них глав-

нейшие – крестьянство и интеллигенция. В той или иной форме это наблюдалось в самодерж[авной] России и наблюдается в советской.

Наряду с такими госуд[арственными] осн[овами] будущей новой России необходимо считаться и с резким изменением общества, т.е. интеллигенции, той активной умственной силы страны, значение которой теоретически правильно учитывается в тех умств[енных] течениях, которые лежат в основе идейной стороны большевизма; труднее, чем госуд[арственную] орг[анизацию] определить – но т[ак] к[ак] для организации школы это необходимо сделать – я попытаюсь <нрзб>.

Очевидно русск[ая] интеллигенция после переж[итого] будет не та, как была раньше. Этот перелом совершается и составляет огромную силу будущего. Реставраторы полит[ического] строя старой России и идеологи старых задач интеллигенции, ничему не научившиеся и не вздрогнувшие в своих основах от происходящего, явно не имеют будущего [3].

Я попытаюсь указать те черты своего «я», которые интеллигенция русская должна неизбежно потерять. Приобрести же она должна следующее [4].

1) Интеллигенция русская наконец почувствует то значение и ту силу, которую она должна иметь для блага и роста государства. Она творец культуры и она <же> является эксплуатир[уемой].

2) Русская интеллигенция все время носила восточные черты безразличия к свободе. Идейно не было на европейском континенте другой интеллигенции, которая так мало бы ценила свободу личности.

3) Русская интеллигенция чрезвычайно мало была связана с производительным трудом.

4) Русская интеллигенция была безразлична к одному из величайших проявлений духовной жизни человечества – религиозной жизни.

5) Русская интеллигенция не была связана с государством и не ценила государство.

6) В связи с этим, с чертами героев старого крепостничества, Обломова и героев Чехова [5] русская интеллигенция не проявила в достаточной мере активности и не защищала свои интересы, т.е. интересы духовной силы русской интеллигенции.

Едва ли есть сейчас вопрос более ответственный, более глубокий и более требующий от нас вдумчивости и творчества, чем широко и глубоко поставленный вопрос о народном образовании.

Он велик даже в наше время, когда перед каждым вдумывающимся в окружающее человеком стали мучительно и властно все коренные вопросы бытия.

Ибо наше время – время крушения государства, полного развала жизни, ее обнаженного цинизма, проявления величайших преступлений жестокости, время, когда пытка получила свое этическое обоснование, а величайшие преступления, вроде Варфоломеевской ночи, выставлялись как идеал [6], время обнищания, голодания, продажности, варварства и спекуляции – есть вместе с тем и время самого искреннего, полного и коренного подъема духа. Это время, когда все величайшие задачи бытия встают перед людьми как противовес окружающим их страданиям и кровавым призракам. Сейчас каждый из нас должен искать устоев новых для жизни, проверить богов, которым он поклонялся, совершить в своей душе переоценку духовных ценностей.

Хочет или не хочет человек – он должен это сделать, так как он не может жить в рамках старого, покойной и тихой жизни нет, и уйти в квиетизм [7] он не может – если только он не уйдет из своей страны и из среды своего народа.

Но те вопросы, которые сейчас в реальных формах стали перед человечеством, выходят за пределы одного народа – это вопросы вечные.

Я считаю неизбежно идущую кругом эту великую духовную работу величайшим делом и более сильной и важной чертой момента, чем все те события, которые нам, современникам, кажутся важными и первоочередными.

Будущее делается ими, и от того и другого духовного облика, выносимого нами из переживаемого, зависит окончательный результат мировой трагедии.

Не только реальны материальные разрушения и перемещения богатств – но еще более реальны духовные переживания. Страдания и разочарования, новые лозунги жизни, оживленные старые, старое, понятое наново, и новое, влившееся в старые рамки, – духовное переживание и освещение событий, их понимание и духовное восприятие их человеком более важно, чем становление материальных сил и элементарных страстей человека.

Меня не смущает, что сейчас те лица, в глуби духовной силы которых совершается сейчас огромная, невидная пока работа, как будто не участвуют в жизни. На виду б[ольшей] ч[астью] не они, а другие люди, действия которых не обузданы духовной работой. Но все это исчезнет, когда вскрыется тот невидимый во внешних проявлениях процесс, который является духовным результатом мирового человеческого сознания. Он зреет; время его придет, и последнее властное слово скажет он: а темные силы, всплывшие сейчас на поверхность, опять упадут на дно...

Я хочу сейчас остановить Ваше внимание на вопросе, который, кажется мне, не обращает на себя достаточно внимание русского общества. Об нем не думают и об нем не говорят. Его трудно решать и трудно вводить в жизнь.

Нет сейчас вопроса более срочного и более важного, чем вопрос о народном образовании.

Нет вопроса, о котором мы должны были бы больше думать и больше рассуждать, даже если бы в данный момент мы могли бы по нем мало сделать.

Ибо придет время, когда не будет времени об нем думать, а надо будет решать и трудно будет решать русскому обществу, которое об нем не успело достаточно подумать и пережить его.

Ибо сейчас нельзя жить по старым рецептам, особенно таким, какие были у нас в этом отношении за последние десятилетия.

Я думаю, что в значительной мере все переживаемое находится в теснейшей связи с той легкомысленной небрежностью, с каким русское общество поколениями относилось к вопросам народного образования [8].

Мы должны пересмотреть все основы нашей жизни – пересмотреть смело, до конца, тронуть самое дорогое – ибо в том, что произошло, мы все виноваты и мы все обязаны понять урок жизни и найти выход из этого положения, в каком мы сейчас находимся – из междоусобной войны, из царства нищеты, голода, морального издевательства, диктатуры, не оставившей человеку ни одной свободной стороны жизни.

В народном образовании заинтересовано государство, семья, человеческая личность, общественные организации.

С ним связаны теснейшим образом такие великие творения духовной жизни человечества, как наука, философская мысль, религия, художественное творчество.

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст печатается по автографу рукописи, хранящейся в Архиве РАН (Ф. 518, Оп. 2, Д. 45, Л. 193 об. – 195 об.). Частично опубликован в журнале «Век XX и мир» (1989. № 6. С. 42–43; 1990. № 1. С. 28–29) и в книге «Владимир Вернадский» (М.: Современник, 1993. С. 254–257). Датировка лекции (пометка в автографе) вызывает некоторое сомнение: в тот же день, 25 октября (7 ноября) 1920 г., Вернадский на утреннем заседании VII съезда Таврической научной ассоциации выступил с докладом, краткое содержание которого опубликовано в газете «Таврический голос» (см. статью «Русская интеллигенция и новая Россия»). В данном издании мы не приводим тезисные наброски по проблеме организации народного образования в России в ее историческом аспекте, заключающие подготовительные материалы к лекции (Л. 195 об.).

1. См. примеч. 3 к статье «Задачи науки в связи с государственной политикой в России».

2. См. статью «Об автономии». Летом 1920 г. правительство Юга России выступило с декларацией по национальному вопросу, в которой провозглашалось право народностей определить форму правления путем свободного волеизъявления. Кроме того, говорилось о стремлении «к объединению различных частей России в широкую федерацию, основанную на свободном соглашении и на общности интересов». Это, несомненно, сыграло свою роль в создании крайне приподнятого оптимистического настроения Вернадского перед выступлением на Таврической научной ассоциации.

3. Довольно парадоксальное объединение двух течений политической мысли. По всей вероятности под «реставраторами политического строя старой России» имеются в виду такие достаточно влиятельные организации, как Совет государственного объединения России, созданный в Киеве в октябре 1918 г. при режиме гетмана Скоропадского под председательством В.В. Меллер-Закомельского, ставивший своей целью реставрацию монархии. Товарищами председателя Совета были старый соратник В.И. Вернадского по к.-д. партии П.Н. Милюков, а также А.В. Кривошеин, возглавивший с апреля 1920 г. правительство юга России при генерале Врангеле в Крыму. В то же время неясно, какие «старые задачи» интеллигенции имеет в виду Вернадский в этом контексте. Если принять во внимание его моральную солидарность с идеями «веховцев» (см. примеч. 1, 2, 4 к статье «Русская интеллигенция и новая Россия»), то возможно речь идет об известных деятелях науки и культуры, разделявших идеологию эсеров или социал-демократов разного толка, например, А.В. Луначарский, М.Н. Покровский, Н.А. Семашко, а также А.А. Блок, В.Я. Брюсов и многие другие.

4. Здесь в краткой форме суммированы основные положения публицистических сборников «Вехи» (1909 г.) и «Из глубины» (1918 г.).

5. См. примеч. 6 к статье «Русская интеллигенция и новая Россия».

6. Вероятно имеется в виду красный террор, о последствиях которого в Киеве В.И. Вернадский узнал после возвращения со Старосельской биологической станции в сентябре 1919 г.

7. Квиетизм – (лат. *quies* – покой) – религиозное течение, известное с XVII века, требовало полного покоя души, в котором она отдается божественному действию. Здесь: добродушная мечтательность, созерцательность, полное неверие в свои силы.

8. Вероятно, имеется в виду культурная отсталость России, ставшая, по мнению Вернадского, одной из причин катастрофических последствий трех революций и продолжающейся Гражданской войны. В формулировке «легкомысленная небрежность к вопросам народного образования» звучат те же ноты «веховского» покаяния, что и при весьма придирчивых требованиях к достижениям русской инженерной мысли. (См. примеч. 3 к статье «Русская интеллигенция и новая Россия»).

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И НОВАЯ РОССИЯ*

Доклад на съезде Таврической научной ассоциации

Прежде всего, старая государственная форма России умерла и никогда не вернется. Мечтать о реставрации могут только люди, абсолютно лишенные чувства реальной действительности. Но не вернется и старая форма русской интеллигенции. Она погибла в обломках революции, и это хорошо, ибо вина за многое, что совершилось и совершается лежит на ней, старой русской интеллигенции [1].

Никогда в истории не было примера, чтобы мозг страны – интеллигенция не понимала, подобно русской, всего блага, всей огромной важности государственности [2].

Не ценя государственности, интеллигенция, несмотря на длительную борьбу за политическую свободу, не знала и не ценила чувства свободы личности. Живя в огромном государстве, со столь же огромными естественными богатствами, интеллигенция совершенно не была связана с производительными силами страны, ничего не делая для развития этих сил [3].

И еще – русская интеллигенция была даже не атеистична, она была арелигиозна; она пыталась прожить, не замечая религиозных вопросов, замалчивая их [4].

Так было.

Но так не будет.

В огне и буре великой небывалой разрухи идет процесс не только борьбы материальных сил, но и процесс огромного внутреннего перерождения. Создается новая интеллигенция.

Только глухие и незрячие этого не замечают.

Новая интеллигенция – для новой России.

Новая Россия, будет ли она меньше в своих границах, чем раньше, как думают многие, или больше, как думаю я, – но она будет единой. Может быть, федеративной, может быть, с широкой областной автономией, но единой.

И новая русская интеллигенция будет понимать и ценить это единство. Новая интеллигенция отдаст свои силы, свои знания великой работе по развитию производительных сил государства.

Черты этой интеллигенции вырисовываются. Замечающийся сейчас интерес к религиозным вопросам, попытки возрождения реального православия являются фактом громадной важности [5]. Напрасно многие боятся этого как симптома реакции и застоя. Нет. История говорит нам, что человеческая мысль в области научного знания может постигать новое, а не топтаться на одном месте, только если рядом с научным творчеством идет широкое творчество религиозное. И теперешнее религиозное движение в России таит в себе залог будущего расцвета русской науки.

– Итак, создается новая интеллигенция, и грядет новая Россия. В ней не будет места Обломовым и героям Чехова [6]. И соответственно новым задачам должна быть построена новая школа.

«Таврический голос» (Симферополь), 27 октября (9 ноября) 1920 г., № 358.

* За недостатком места мы печатаем содержание доклада [на съезде Таврической научной ассоциации] не полностью, опуская часть доклада, трактующую о формах постановки народного образования в новой России.

ПРИМЕЧАНИЯ

Статья в газете «Таврический голос» представляет собой вступительную часть обстоятельного доклада, о содержании которого вероятно можно составить представление из текста лекции на кооперативных курсах, оставшегося в рукописи и впервые опубликованного в 1990 г.

Статья была перепечатана в 1990 г. в журнале «Век XX и мир» (№ 1. С. 27–28), за исключением последнего абзаца, который воспроизводится по газетному оригиналу.

Этот эмоциональный памфлет был последним выступлением ученого в жанре политической публицистики в периодической печати.

Крымский период жизни Вернадского (январь 1920 г. – февраль 1921 г.) был наполнен активной научной и научно-организационной работой: в мае 1920 г. он возглавляет Комиссию по изучению производительных сил Крыма, а 28 сентября избирается ректором Таврического университета в Симферополе; в этой должности он остается на некоторое время и после изгнания армии Врангеля из Крыма Красной Армией в ноябре 1920 г.

Седьмой съезд Таврической научной ассоциации проходил в Симферополе с 22-го по 28 октября (4–10 ноября) 1920 г. в весьма сложной военно-политической обстановке. Армия Врангеля после неудачного контраступления в Северном Причерноморье перешла к обороне и оказалась полностью изолированной на Крымском полуострове. Газета «Таврический голос» (29 октября (11 ноября), № 360) писала: «Переход Русской Армии на положение обороны вызвал со стороны интеллигенции и общественности драгоценные голоса. Интеллигенция, в частности ученый мир – наиболее обездоленный слой общества в нашем безотрадном, полном лишений тылу. Тем более дорог был патриотический призыв председателя съезда представителей Таврической научной ассоциации, ректора университета академика В.И. Вернадского, обращенный к членам съезда. Он звал людей науки не складывать рук и ревностно продолжать научную работу, несмотря на приближение фронта и связанные с этим новые лишения, которые придется перенести. Он звал на этот подвиг во имя культуры, в сохранении которой видели спасение России. С таким же призывом к сплочению в работе во имя духовной мощи он обратился затем ко всей интеллигенции в печати.» В работе съезда принимали участие десятки ученых, собравшихся на последней территории России, еще находившейся под контролем белых.

1. Отношение к интеллигенции у Вернадского претерпело сложную эволюцию в ходе всех испытаний гражданской войны. 30 августа (13 сентября) 1920 г. в дневнике Вернадский пишет: «Я не могу себе представить и не могу примириться с падением России, с превращением русской культуры в турецкую или мексиканскую. Мне кажется это невозможным, так как я вижу огромные возможности и тот рост, какой шел в XX столетии. Но с другой стороны, отвратительные черты ленивого, невежественного животного, каким является русский народ – русская интеллигенция не менее его рабья, хищническая и продажная, то историческое «варварство», которое так ярко сказывается кругом, заставляет иногда отчаиваться в будущем России и русского народа. Нет честности, нет привычки к труду, нет широких умственных интересов, нет характера и энергии, нет любви и свободы. Русское «освободительное» движение было по существу рабье движение. (...) Сейчас по отношению к своему народу чувствуется не ненависть, а презрение. Хочется искать других точек опоры. Для меня исчезает основа демократии. (...) Уж лучше царство образованной кучки над полуголодным рабочим скотом, какой была жизнь русского народа раньше. Стоит ли тратить какое-нибудь время для того, чтобы такому народу жилось лучше? А с другой стороны, – старые планы не исчезают и я не чувствую в себе достаточно интернационализма, чтобы забыть те мечты о будущей роли в умственной жизни человечества – России и славянства, – к которой, казалось, шел ход истории. (...)». [Цит. по: Владимир Вернадский. М: Современник, 1993. С. 211–212]. Этот отрывок весьма характерен для психологического состояния Вернадского в крымский период его жизни – мучительный поиск верного решения своей судьбы: он неоднократно склонялся к отъезду в Сербию, Чехословакию, перебирал варианты работы на Украине (при польской оккупации?) и вновь их отвергал...

2. Эта мысль Вернадского полностью соответствует идеологии знаменитых сборников статей русских публицистов и философов «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918). Для сравнения приведем цитату из П.Б. Струве: «(...) интеллигенция натравливала низы на государство и историческую монархию, несмотря на все ее ошибки, пороки и преступления все-таки выра-

жавшую и поддерживавшую единство и крепость государства.» [Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. М.: Новости, 1991. С. 287].

3. Россия в конце XIX – начале XX века дала немало примеров блестящего развития инженерной мысли, воплощенной в изобретениях радиосвязи (А.С. Попов), электрических ламп накаливания (П.Н. Яблочков), уникальных инженерных сооружений (В.Г. Шухов), развитии военной авиационной техники (И.И. Сикорский). В этой связи можно говорить и о том, сколько усилий приложил сам В.И. Вернадский в организации Комиссии по естественным производительным силам России (см. примечания к статье «Задачи науки в связи с государственной политикой в России»), для интенсификации геологической съемки и разведок полезных ископаемых. Можно понять глубокую неудовлетворенность В.И. Вернадского темпами научно-технического прогресса в России, но трудно согласиться со всеохватывающей отрицательной оценкой технической интеллигенции.

4. Явная реминисценция на темы «Вех». Одним из мотивов сборника было обличение атеистического характера русской интеллигенции. С.Н. Булгаков писал: «(...) нет интеллигенции более атеистичной, чем русская. (...)» И так повелось изначала, еще с духовного отца русской интеллигенции Белинского. (...) Традиционный атеизм русской интеллигенции сделался как бы самой собою разумеющейся ее особенностью, о которой даже не говорят, признаком хорошего тона». [Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. М.: Мол. гвардия, 1991. С. 49].

5. Довольно загадочное утверждение. Известно, что в Петрограде в 1919–1921 гг. существовали приходские православные братства, которые организовывали при своих приходах богослужения, пытались вести миссионерскую и просветительскую деятельность, создавали кружки милосердия и христианские детские союзы. Современные исследователи оценивают число членов братств в 1200–1500 человек и отмечают ничтожное участие в них молодежи. Братства были разгромлены в начале 1922 г., когда под предлогом «сопротивления изъятию церковных ценностей» начались массовые репрессии против духовенства. Подробнее см.: [Антонов В.В. Приходские православные братства в Петрограде (1920-е годы) // Минувшее. 1994. Т. 15. С. 424–445]. В то же время в Русской Православной Церкви уже набирало силу течение «обновленцев», ориентированное на прямое сотрудничество с большевистской властью.

Крайне маловероятно, что до Крыма доходили сведения о деятельности этих приходских братств. Скорее всего, иллюзии о возникновении нового религиозного движения были навеяны многочисленными беседами с С.Н. Булгаковым, – знаменитым философом и богословом, который в это время находился в Симферополе. Кроме того, сын Вернадского Георгий, близкий друг Владимира Ивановича проф. П.И. Новгородцев, кое-кто из молодежи составили местный богословский кружок христиан. Приведем дневниковую запись от 27 апреля (10 мая) 1920 г.: «(...) был у Булгакова. С ним разговор о богосл[овском] (и) правосл[авном] факультетах, о его планах создания религиозно-философ[ской] академии, независимой от унив[ерситета]. (...) Огромная ошибка в конституции русских унив[ерситетов]: отсутствие правосл[авных], богосл[овских] факультетов (...) Наука не может развиваться прочно в стране, где нет живой религиозной мысли.» (Вернадский В.И. Дневники 1917–1921. Киев: Наукова Думка, 1995. В печати).

6. Вернадский вероятно имеет в виду типические черты этих литературных персонажей (безволие, необязательность, пристрастие к беспочвенным мечтаниям и т.п.).

ОБЩИЙ ВРАГ БУДЕТ ПОВЕРЖЕН [1]

Будучи тесно связан общей работой с английскими учеными, я приветствую новый тесный союз, заключенный между моей страной и Великобританией [2]. В моих исследованиях радиоактивности я был связан с великим ученым – сэром Эрнестом Резерфордом [3], с основателем радиогеологии Дж. Джоли [4], с Л. Спенсером [5], С. Меллером [6] и другими исследователями, а в последнее время с Ф. Панетом [7], который из-за преследований гитлеровских фашистов нашел убежище в Англии.

При работе в области биогеохимии мои идеи всегда находили отклик у такого крупного почвоведца как Д. Рассел.

Как один из старейших членов Британской Ассоциации развития науки, куда я был избран в 1889 году и регулярно печатался в ее Трудах [8], я на каждом шагу ощущал силу британской мысли и дерзновенность ее полета. Ныне, в дни жестокой битвы с фашистскими варварами, я шлю привет моим английским коллегам, будучи глубоко убежден в том, что наш общий враг скоро будет повержен и справедливость восторжествует во всем мире.

Соединенными усилиями покончим с гитлеризмом. М.: Изд. ВОКС, 1941. (на англ. яз.). С. 77.

ПРИМЕЧАНИЯ

Начало Великой Отечественной войны застало В.И. Вернадского в подмосковном санатории «Узкое» – традиционном месте его отдыха. 22 или 23 июня 1941 г. он подписывает вместе с отдыхавшими там академиками С.А. Чаплыгиным, В.Г. Хлопиным, Я.А. Манандяном, В.Н. Образцовым, П.П. Масловым, Ф.А. Ротштейном и членом-корреспондентом Х.С. Коштыяном письмо «Плечом к плечу с советским народом», опубликованное на следующий день в газете «Правда». 29 июня 1941 г. та же газета печатает воззвание «К ученым всех стран», подписанное, в частности и В.И. Вернадским. Текст этого обращения был перепечатан дважды: 3 июля 1941 г. газетой «Moscow news» на английском языке и журналом «Вестник АН СССР» (1941, № 5–6).

Наконец, по предложению Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) Вернадский записал на Московском радио обращение к английским ученым, которое было опубликовано в «Moscow news» 16 июля 1941 г. и с незначительными редакционными изменениями – в сборнике «By joint efforts we shall end hitlerism», содержавшем аналогичные по смыслу письма и манифесты советских деятелей науки и культуры. В настоящем издании мы печатаем обращение по тексту упомянутого сборника в обратном переводе с английского, выполненном составителем.

1. После фамилии В.И. Вернадского редакция сборника «By joint efforts we shall end hitlerism» приводит пояснительную справку: «академик, основатель школы геохимии и биогеохимии в СССР. Директор Радиевого института и Биогеохимической лаборатории».

2. 12 июля 1941 г. между СССР и Великобританией было заключено Соглашение о совместных действиях в войне против Германии, положившее начало созданию антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне.

3. См. примеч. 5 к обращению «К ученым-естествоиспытателям Великобритании».

4. Джולי Джон (1857–1933) – английский геолог и геофизик, один из основоположников радиогеологии, иностранный член-корреспондент АН СССР (1932). Оказал большое влияние на В.И. Вернадского. Знакомство между ними состоялось в 1908 г. во время поездки Вернадского в Великобританию. «Мне Джולי тогда открыл глаза, и в 1910 г. я выступил в заседании Академии наук с речью “Задачи дня в области радия” – (...), где выдвинул необходимость систематического изучения, с геологической и геохимической точек зрения, проявлений радиоактивности в окружающей нас природе, фактически в биосфере», писал впоследствии В.И. Вернадский. (Цит. по: *Вернадский В.И.* Избранные сочинения: В 5 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1. С. 679).

5. Спенсер Л. – английский минералог, контакты с которым В.И. Вернадский установил еще в начале века. Автор каталогов минералогических коллекций Англии.

6. Возможно имеется в виду английский химик и минералог Дж. Меллор (J.W. Mellor) автор опубликованной в 1913 и 1923 гг. сводки по количественному неорганическому анализу.

7. Панет Фридрих Адольф (1887–1958) – немецкий химик и геохимик, известный исследователь метеоритов. В.И. Вернадский познакомился с ним в 1932 г. в Германии на I Международном съезде по изучению радиоактивности. После прихода фашистов к власти эмигрировал в Англию.

8. В.И. Вернадский еще в 25-летнем возрасте принял активное участие в конференции Британской ассоциации наук в Бате близ г. Бристоля, проходившей в дни работы очередной сессии Международного геологического конгресса в августе–сентябре 1888 г. Через год, в 1889 г., он был избран членом-корреспондентом этой ассоциации.

ПАМЯТИ ЕГОРА ПАВЛОВИЧА СТАРИЦКОГО

31 мая 1899 года скончался в Полтаве после долгой мучительной болезни член Государственного Совета Егор Павлович Старицкий [1]. Он удалился окончательно в Полтаву, в семью, несколько лет тому назад, в 1891 году, когда постепенно надвигавшаяся потеря зрения заставила его прекратить почти всякую работу и удалиться от дел. В самые последние годы он медленно угасал, совсем лишившись зрения, и уже не мог двигаться без посторонней помощи. Безупречно честный, имевший убеждения, которые не менял в угоду времени, Е[гор] П[авлович] должен был прекратить свою деятельность в то время, когда особенно нужна была работа всех искренних друзей мирного развития России. Он был один из немногих, которые до конца жизни оставались верными охранителями основных начал преобразовательной эпохи. Потеря зрения была для него особенно тяжела, когда нужны все силы в горячей борьбе, которую пришлось вести при проведении важных мероприятий по внутреннему управлению. Еще не доступны у нас для истории эти близкие события и мало известна борьба, которой сопровождалось проведение этих мер в Государственном Совете. Деятельность лиц, на обязанности которых лежит обсуждение важнейших государственных мер, у нас скрыта и проходит бесследно вне узкого круга, с которым им приходится сталкиваться. Среди них настоящей живой нравственной силой учреждения являются те деятели, которые глубоко проникнуты сознанием долга и которые не стремятся ни к каким личным целям. Утрата таких лиц в важные моменты государственной жизни особенно тяжела и чувствительна. Они имеют авторитет помимо обычных партийных делений и являются выразителями идеи государственного служения, – и одним из таких лиц в Государственном Совете 80-х годов был покойный Е[гор] П[авлович]. Его инициативе принадлежит в это время несколько различных мероприятий, и, между прочим, он сильно содействовал возобновлению сенаторских ревизий – известной сенаторской ревизии (М.Е.) Ковалевского и др. в 80-х годах [2]. Он был до конца жизни горячим сторонником дальнейшего расширения и развития этого важного элемента нашего государственного строя. Широко и разнообразно образованный в области приложений юридических наук, он работал, пока у него были силы, весь проникнутый чувством долга. И эта работа его шла не раз при ясном сознании невозможности достигнуть желаемого. Его деятельность до перехода в Государственный Совет проходила главным образом на Кавказе, где благодаря ему был введен еще в 60-х годах новый суд почти в целом его объеме [3]. До конца жизни Е[гор] П[авлович] остался верен идеалам своей молодости и прожил свою жизнь, сделав, что мог, для родной страны.

Тот, кому приходилось близко с ним сталкиваться, сохранит до конца жизни его образ – образ человека, не искавшего в жизни личных выгод, постоянно чувствовавшего гражданский долг, сознательно вглядывавшегося в государственную жизнь страны, мягко и сердечно относившегося к людям.

«Русские ведомости», 6 июня 1899 г., № 154.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Старицкий Егор Павлович (1825–1899) – государственный деятель, председатель Коммерческого суда в Тифлисе (с 1853 г.), председатель Межевой палаты (с 1862 г.), член Государственного Совета (с 1879 г.), присутствующий в департаменте гражданских и духовных дел и департаменте законов, председатель департаamenta законов. Был противником введения института земских начальников, в руках которых сосредоточивалась вся судебноадминистративная власть в русской деревне. «Положение о земских участковых начальниках» 1889 г. являлось одной из консервативных мер правительства Александра III, направленной на усиление роли поместного дворянства в деревне. В 1887 г. Е.П. Старицкий сумел предотвратить отставку своего зятя В.И. Вернадского из Петербургского университета (в котором он только что занял должность хранителя Минералогического кабинета) из-за «политической неблагонадежности». В первую очередь, имелось в виду довольно близкое знакомство Владимира Ивановича с А.И. Ульяновым и его однодельцами по покушению на Александра III 1 марта 1887 г., поскольку все они участвовали в работе студенческого научно-литературного кружка.

2. Сенаторские ревизии 1880–1881 гг. проводились по инициативе министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова. Они представляли собой обследование местных учреждений и органов самоуправления в ряде губерний, а также экономического и социального положения крестьян. Инструкция, данная сенаторам, проводившим ревизии, рекомендовала также обращать внимание на «настроение умов», влияние революционных учений на общественную жизнь. Материалы ревизий предполагалось использовать для реформы местного управления, податной системы и др. Сенатор М.Е. Ковалевский – известный судебный деятель – проводил ревизии в Казанской, Уфимской и Оренбургской губерниях.

3. Имеется в виду судебная реформа 1864 г., вводившая бессловный, гласный, состязательный суд, независимый от администрации. На Кавказе судебная реформа была осуществлена позднее, в 1868–1871 г. Е.П. Старицкий активно участвовал в этой работе и занимал должность председателя тифлисской судебной палаты.

ОТ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА*

В дни тягчайшей смуты и разрушения Государства Российского Временное правительство считает долгом своим обратиться ко всем гражданам Российской Республики.

Временное правительство последнего состава, преемственно получившее верховную власть от правительства, созданного февральским переворотом, не в полном составе своем обращается к народу. Часть членов его арестована и заключена в Петропавловскую крепость. Другая часть в лице министра-председателя А.Ф. Керенского, министра морского Д.Н. Вердеревского и министра военного А.И. Верховского сложила свои полномочия. Но и в этом неполном составе своем в настоящее время Временное правительство является единственной в стране законной верховной властью.

До Октябрьского мятежа Временное правительство всех составов было занято сложной работой укрепления республиканского строя, создания административного аппарата и городских, земских и волостных самоуправлений, как самых прочных основ Российской Республики. Эту работу воссоздания государства на новых началах правительству приходилось делать наряду с работой неизмеримо более трудной: с необходимостью оборонять страну и укреплять армию в интересах достижения скорейшего в согласии с союзниками и достойного России мира и готовить население к выборам в Учре-

* Текст воспроизводится по: *Мочалов И.И.* Из истории современности // Огонек. 1991. № 21. С. 11–12. – *Ред.*

дительное собрание, которому Временное правительство обязано передать свои полномочия и право суда над своими действиями.

Октябрьский мятеж всю эту работу Временного правительства оборвал. За несколько дней до всенародных и свободных выборов в Учредительное собрание, основанных на законе, выработанном Временным правительством, вспыхнул мятеж [1].

Измученные трехлетней войной, солдатские и рабочие массы, соблазненные заманчивыми лозунгами «немедленного мира, хлеба и земли», справедливыми по существу, но неосуществимыми немедленно и путем гражданской войны, взяли в руки оружие, арестовали Временное правительство, стали захватывать важнейшие государственные учреждения, уничтожать гражданские свободы и угрожать жизни и безопасности мирных граждан, беззащитных перед лицом начавшейся анархии.

Освобожденные из крепости министры-социалисты [2] и оставшиеся на свободе товарищи министров лишены были возможности оградить права народа и порядок государства.

Образовавшиеся с начала мятежа комитеты спасения родины и революции, комитеты безопасности не оказали поддержки законной верховной власти, а поставили своей задачей создание однородного социалистического министерства [3]. Временное правительство всех созывов твердо стояло на принципах всенародности власти. Основываясь на этом, Временное правительство не могло признать власти мятежников и не принимало участия в попытках создания новой власти за несколько дней до Учредительного собрания. Для Временного правительства оставался один путь ограждения интересов народа и государства: не покидать до последней возможности своих постов и охранять от захвата и разрушения те отрасли народного хозяйства, которые особенно важны для армии и страны.

Финансы, транспорт, топливо, продовольствие и снабжение деревни необходимыми ей предметами и до мятежа требовали особых усилий, умения и забот правительства. Мятеж поставил эти отрасли хозяйства в катастрофическое положение. И потому в течение трех недель правительство упорно вело работу обслуживания основных нужд населения и армии, не допуская мятежников овладеть соответствующими государственными органами.

Незаменимую услугу в этом деле ограждения государственных учреждений от посягательств на них безответственных и никем не уполномоченных насильников оказал персонал служащих, работающих в учреждениях. Не боясь ни угроз, ни насилий, ни личных жертв, в полном сознании своего права и своего долга перед родиной чиновники и служащие неуклонно продолжали свою работу, стойко, мужественно и решительно протестовали против мятежного захвата учреждений и мешали лицам, называющим себя народными комиссарами, овладеть народным достоянием [4].

С каждым днем, однако, оставалось все меньше и меньше возможностей штыку и насилию протопоставить право и закон.

В разрушительной работе своей мятежники не остановились даже перед тем, чтобы посягнуть на честь Российской Республики и на ее положение в международной борьбе. Крепко связанная с союзниками и поддерживаемая ими, Россия в самые тяжкие минуты войны никогда не склонялась перед силой наступающего врага, никогда не переставала стремиться к укреплению

мощи своей армии для обороны страны. Политика в пользу демократического мира могла лишь в том случае иметь успех, если обороняющая страну армия была бы способна поддержать справедливые условия мира силою оружия. Революционные организации, неоднократно вынося свои резолюции о скорейшем мире и о решительной политике в пользу мира, всегда сопровождали их требованием усиленной обороны.

Начатые мятежниками переговоры о перемирии от имени Государства Российского могут повести лишь к позорному и губительному для России сепаратному миру. Эти безумные действия, если они не встретят властного отпора со стороны армии и народа, ведут Россию к политическому и экономическому рабству, к разрыву с державами Согласия, вычеркивают Россию из списка великих держав и обрекают ее на роль побежденного, сдающегося на милость победителя. Эти беспримерные, по дерзости своей действия мятежников обязывают Временное правительство Российской Республики заявить, что действия эти ни в каком случае не могут быть признаны актами правительственной власти и выражением воли народа [5].

Результаты мятежа уже дают себя знать и в других областях. Несмотря на напряженную работу всех правительственных и общественных организаций, крайнее разрушение железнодорожных сообщений уже повело к резкому ослаблению перевозок продовольствия и топлива. Голод грозит армии и населению, замерзание городам, гибель – промышленным предприятиям, безработица и связанные с ней бедствия – рабочему классу.

Отсутствие объединенной верховной власти повело к расчленению России на ряд вооружающихся и самостоятельных областей [6]. Расстройство финансов создало ряд ужасающих денежных затруднений, разрушающих всю экономическую жизнь страны.

Перед лицом смертельной опасности для страны и ее целостности остается только одна надежда: приближается срок, назначенный правительством для открытия Учредительного собрания, единственного хозяина Земли Русской [7].

В уверенности, что усилиями народа будет положен конец господству насильников в самом близком будущем, Временное правительство призывает всех граждан в эти дни великих испытаний сплотиться вокруг Учредительного собрания для осуществления своей воли.

В спокойном ожидании справедливой оценки действий своих и работы своей в интересах свободы и революции со стороны Учредительного собрания Временное правительство с презрением откидывает все лживые обвинения в неисполнении каких-либо своих обещаний. Народу и революции изменяют те, кто распыляет народные силы, действуя насилием и по всей земле русской зажигая пожар злобы, ненависти и гражданской войны.

Исполняющий обязанности министра-председателя, министр продовольствия *С. Прокопович*. Министр юстиции *П. Малянтович*. Министр внутренних дел, почт и телеграфов *А. Никитин*. Министр труда *К. Гвоздев*. Министр путей сообщения *А. Ливеровский*. Министр земледелия *С. Маслов*. За министра народного просвещения, товарищ министра *В. Вернадский*. За министра иностранных дел, товарищ министра *А. Нератов*. За министра финансов, товарищ министра *М. Фридман*. Управляющий Министерством торговли и промышленности *Н. Саввин*. За министра государствен-

ного призрения, товарищ министра *К. Голубков*. За государственного контролера, и.о. члена совета государственного контроля *Г. Краснов*.

Петроград,
16 ноября 1917 г.

«Наша речь», 17(30) ноября 1917 г., № 2.

ПРИМЕЧАНИЯ

С 26 октября 1917 г. Временное правительство, арестованное большевиками (исключая бежавших А.Ф. Керенского и С.Н. Прокоповича), перешло на «подпольное» существование. Товарищи (заместители) министров остались на свободе и собирались на частных квартирах: вначале у А.С. Демьянова, возглавлявшего так называемый Малый Совет Министров административный орган при А.Ф. Керенском, а затем у графини С.В. Паниной (она вместе с В.И. Вернадским и украинским профессором Н.П. Василенко была товарищем министра народного просвещения). В условиях хаоса первых недель после Октябрьского переворота такие собрания проходили без вреда для их участников. Из реальных дел «подпольное» правительство сумело организовать довольно чувствительно задевшую интересы новой власти забастовку государственных служащих. Однако ни подпольщики, ни полуполициальный Комитет спасения родины и революции, возглавленный правыми эсерами, ни такие легальные организации как Всероссийская комиссия по выборам в Учредительное Собрание, уже не могли противостоять событиям, разворачивавшимся в пользу большевиков. Последним актом Временного правительства в подполье была публикация двух обращений к гражданам России, одно из которых, подписанное В.И. Вернадским, увидело свет 17(30) ноября 1917 г. на страницах полутора десятков небольшевистских газет, в частности в кадетском органе «Наша речь», сменившей название в попытке избежать запрета большевистской цензуры (вышло всего два номера).

В день публикации «Обращения» Петроградский Военно-революционный комитет принял решение об аресте всех бывших членов Временного правительства, подписавших этот документ. Через день было приостановлено издание всех газет, опубликовавших «Обращение».

Владимир Иванович Вернадский и в эти дни продолжал дневниковые записи. 19 ноября он писал: «Сегодня не ночевал дома. Решил уезжать. Кажется все находят, что поздно. Вчера заседание Вр[еменного] прав[ительства] не состоялось. (...) Начал подготавливать свой отъезд в Полтаву – м[ожет] б[ыть] удастся. По-видимому, все подписавшие уехали. Вчера был ряд довольно непонятных обысков. (...) Закрыты все газеты, напечатавшие воззвание Вр[еменного] правительства, кроме “Вольности”. “Дело Народное” напечатало это воззвание в виде статьи “Завещание” и осталось целым. (...) Из провинции есть сведения, о том, что оно производит впечатление. Здесь – особенно в связи с закрытием газет – то же самое. Я считаю этот шаг правильным. Но это maximum, что могло дать родине Вр[еменное] прав[ительство]». [*Вернадский В.И.* Дневниковые записи. Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 4, ЛЛ. 247 об. – 248].

Вернадскому удалось взять билет и уехать из Петрограда московским поездом в ночь с 19 на 20 ноября 1917 г. Дальше его путь лежал на Украину (Полтава – Киев), а затем по югу России: (Ростов – Екатеринодар – Новороссийск – Ялта – Симферополь...). Вновь в город на Неве он возвратился почти через четыре года, в мае 1921 г. уже после гражданской войны.

Ноябрьской ночью семнадцатого года в вагоне его попутчиком оказался русский юрист, бывший управляющий делами бывшего Временного правительства Владимир Дмитриевич Набоков (отец выдающегося писателя). Результатом ночной беседы явилась следующая запись в дневнике Вернадского, которую уместно привести полностью и без каких бы то ни было комментариев.

«Я думаю, что возможны два выхода: 1) мир за наш счет, или 2) продолжение войны, причем мы будем в длительном разложении, и м[ожет] б[ыть], перестройке. Но здесь мы не учитываем те силы, которые идут сейчас в других народах как в Азии, так и в Европе. Что там творится? К сожалению, одновременно с торжеством социальных низов и демоса идет моральное разложение основ его идеологии. Стоило ли бороться для достижения того низменного результата, который показала миру русская демократия?»

У всех искание высшего; его нет в этой, как сказал Набоков, языческой революции. Мало дает и христианский, или вообще религиозный идеал в его внешнем проявлении. Его сила в

внутренних глубоких переживаниях. М[ожет] б[ыть] такие переживания есть и в идейных единицах низов, мечтающих о достижении вековых своих идеалов. Но эти переживания не могут удовлетворить, и кажутся несостоятельными усилия, ничтожными и ужасными их вождям и идейным интеллигентным творцам, их поколениям, сделавшим революцию, подвинувшим массу. Неизбежно отсюда идейное и моральное крушение социализма. Что поставить на его место? Идеал единой космической организации человечества через государство? Космической цели овладения природой путем развития организации научной работы, научной мысли? Достижение идеала красоты в жизни? Углубление религиозного искания для познания божества и достижения настоящего братства? Усиление духовных стремлений человеческой личности в ущерб тем материальным, какие, выставлялись социализмом?» [Отдел рукописей Центральной научной библиотеки Украины. Ф. 260. Д. 758, ЛЛ. 1–4].

Что же касается оценки современниками деятельности Временного правительства в подполье, то она достаточно негативна и скептически. Вот свидетельство В.Д. Набокова, участвовавшего в одном из заседаний: «(...) Это было собрание людей совершенно растерявшихся. (...) Было обычное нестерпимое многословие, бесконечные речи, которых никто не слушает. Настроение в общем было отвратительное, а у иных (...) просто какое-то паническое. В качестве конкретных мер борьбы обсуждалась, кажется, только одна: чиновничья забастовка, и надо сказать, что эта забастовка и героически-безумное выступление юнкеров, были единственными, реально проявленными формами сопротивления большевикам. В дальнейшем я не принимал участия в этих собраниях (...), личное же мое отношение было вполне отрицательное». [Набоков В.Д. Временное Правительство // Русский Архив. М.: Терра. Т. 1. 1991. С. 91].

Набокову вторит председательствовавший на первых заседаниях А.С. Демьянов: «Для меня было ясно, что все лица из состава подпольного Временного правительства были люди честные, одушевленные самыми лучшими намерениями, хорошо настроенные, и посвоему умные, т.е. такие, которые все свои действия, все свои стремления основывали на том или ином понимании общего блага. (...) Действенных между ними не оказалось. Они, если так можно выразиться, не обладали надлежащим духом сопротивляемости, были людьми не волевыми, и как следствие всего того, были очень скоро побеждены, ибо борьба была неравная». [Демьянов А.С. Записки о подпольном Временном Правительстве // Там же. С. 34].

1. 9(22) августа 1917 г. Временное правительство назначило выборы в Учредительное Собрание на 12(25) ноября, а созыв его на 28 ноября (11 декабря) 1917 г. Большевицкий Совнарком подтвердил дату выборов в своем постановлении от 27 октября (9 ноября), однако председатель Всероссийской комиссии по выборам Н.Н. Авинов (к.-д.) отказался представить соответствующий отчет о ходе голосования, не признавая власть большевиков легитимной. Более того, 14(27) ноября этот отчет был заслушан на заседании «подпольного» Временного правительства, результатом чего стала публикация воспроизводимого в нашем издании трудов В.И. Вернадского обращения к гражданам России. Реакция власти была быстрой и жесткой: при приказе СНК РСФСР 23 ноября (6 декабря) члены Всероссийской комиссии по выборам, принадлежавшие к партиям кадетов и правых эсеров, были подвергнуты задержанию на несколько дней. Дальнейший ход событий, связанных с созывом Учредительного Собрания шел уже по сценарию большевиков и закончился его насильственным разгоном 5(18) января 1918 г.

2. Министры Временного правительства К.А. Гвоздев, А.В. Ливеровский, П.Н. Малянтович, С.Л. Маслов и А.М. Никитин, арестованные в ночь Октябрьского переворота, были освобождены в связи с их принадлежностью к социалистическим партиям.

3. В Петрограде «Комитет спасения родины и революции» был создан в ночь на 26 октября (8 ноября) 1917 г. под председательством эсера Н.Д. Авксентьева и включал представителей от различных легальных организаций (Предпарламент, ВЦИК Советов и др.), преимущественно эсеро-меньшевистской ориентации. Комитет общественной безопасности возглавил городской голова Г.И. Шрейдер. Оба комитета прекратили свое существование после провала попытки вооруженного контрпереворота юнкеров 29 октября (11 ноября) в Петрограде.

4. Имеется в виду забастовка служащих государственных учреждений, инспирированная «подпольным» Временным правительством.

5. 9(22) ноября Совнарком РСФСР обратился к армейским комитетам с предложением выбирать уполномоченных для вступления в переговоры о перемирии с Германией и заключения с противостоящими воинскими частями «солдатского мира». Переговоры, с Германией на правительственном уровне начались 20 ноября (3 декабря).

6. 7(20) ноября 1917 г. в Киеве была провозглашена Украинская народная республика (до января 1918 г. в составе России); 23 ноября (6 декабря) 1917 г. сейм Финляндии провозгласил государственную независимость; 15(28) ноября в Тифлисе было создано сепаратистское правительство Закавказья; 11(24) ноября в Екатеринодаре Кубанской краевой войсковой радой было избрано краевое правительство, объявившее себя верховной областной властью.

7. См. примеч. 1.

К УЧЕНЫМ-ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЯМ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Обращение Московского общества испытателей природы

Президент Московского общества испытателей природы [1] академик Н.Д. Зелинский [2] и вице-президент этого общества академик В.И. Вернадский обратились через Королевское общество [3] и Линнеевское общество [4] в Лондоне к ученым-естествоиспытателям Великобритании с письмом, в котором пишут:

«Старейшее в СССР Московское общество испытателей природы, среди членов которого числились славные имена Дарвина, Ляйеля, Фарадея, Листера, Роберта Броуна, Мурчисона, Кельвина, Резерфорда [5] и многих других, горячо приветствует в вашем лице великий свободолюбивый английский народ, осуществляющий рука об руку с народами СССР грандиозную миссию освобождения и защиты человечества и всемирной науки от гитлеровской коричневой чумы и варварства. Все светлое, все яркое во всем мире – с нами, все мрачное, все темное – против нас.

Мы выражаем уверенность, что союз науки и культуры двух величайших стран мира будет всемерно способствовать скорейшему уничтожению гитлеризма, тяжелого кошмара всего человечества, и создаст условия для счастливого расцвета науки и культуры во всем мире».

«Вестник АН СССР». 1941 № 7–8. С. 73–74.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Московское общество испытателей природы (МОИП) – старейшее в России естественно-научное общество, основанное в 1805 г. при Московском университете с задачами содействия изучению природных богатств и развития отечественного естествознания. Академик Н.Д. Зелинский был президентом МОИП в 1935–1953 гг., а В.И. Вернадский вице-президентом с 25 декабря 1935 г. до конца жизни (6 января 1945 г.).

2. Зелинский Николай Дмитриевич (1861–1953) – химик-органик, один из основоположников органического катализа и нефтехимии, академик АН СССР (1929).

3. Королевское общество в Лондоне – неправительственная организация ученых, созданная в 1660 г., действует как совещательный орган при решении вопросов правительственной научной политики, прежде всего фундаментальных исследований. Выступает в качестве национальной Академии наук в международных научных ассоциациях. В той же публикации журнала «Вестник АН СССР» приведен официальный ответ президента Королевского общества на письмо Н.Д. Зелинского и В.И. Вернадского, выдержанный в традиционном для обмена посланиями такого рода протокольном стиле.

4. Линнеевское общество – основано в Лондоне в 1788 г. на основе библиотеки и коллекций знаменитого натуралиста Карла Линнея. Является крупным научным центром в области естественных наук.

5. Дарвин Чарлз Роберт (1809–1882) – английский естествоиспытатель, биолог, основоположник эволюционного учения о происхождении видов путем естественного отбора; иностранный член-корреспондент Петербургской Академии наук (АН) (1867).

Ляйель (Лайель) Чарлз (1797–1875) – английский естествоиспытатель, один из основоположников современной геологии, сторонник эволюционного принципа развития природных процессов; иностранный почетный член Петербургской АН (1871).

Фарадей Майкл (1791–1867) – английский физик, создатель учения об электромагнитном поле; иностранный член Петербургской АН (1830).

Листер Джозеф (1827–1912) – английский хирург, микробиолог, ввел в практику медицины антисептические средства.

Броун Роберт (1773–1858) – английский ботаник и географ, основоположник эмбриологии растений; иностранный почетный член Петербургской АН (1827).

Мурчисон Родерик (1792–1871) – английский геолог, иностранный почетный член Петербургской АН (1845); в 1840–1841 гг. вел геологические исследования в России.

Лорд Кельвин (Уильям Томсон) (1824–1907) – английский физик, труды в области термодинамики, теории электричества и магнетизма, изобретатель электроизмерительных приборов; иностранный член-корреспондент, почетный член Петербургской АН (1877, 1896).

Резерфорд Эрнест (1871–1937) – английский физик, один из создателей учения о радиоактивности и строении атома; иностранный член-корреспондент и почетный член АН СССР (1922, 1925).

ИЗ ИСТОРИИ ИДЕЙ

1

Наше время – век прошлый и век нынешний – может и должно быть охарактеризовано как эпоха расцвета наук о природе и математики. Мы видим на каждом шагу проникновение их в окружающую жизнь; они влияют самым могущественным образом на ход религиозного сознания в человечестве, изменяют философские построения, глубоко проникают в искусство, обуславливают всю технику и с ее помощью совершенно изменяют бытовой уклад и государственную жизнь нашего времени.

Мы встречаемся здесь с новым фактором всемирной истории, новым явлением, которого напрасно стали бы искать в прошлом.

Когда этот фактор появился? Когда вылились в современные формы точное знание и математика, когда они достигли такого значения, что с ними пришлось считаться в жизни и в государственных начинаниях?

Мы напрасно стали бы искать ответа на этот вопрос в обычных и распространенных представлениях о ходе истории человечества. Мы говорим об эпохе возрождения наук и искусств, но наук, далеких от точного естествознания и математики. Эпоха Возрождения не есть эпоха создания современного естествознания и математики. Мы говорим об «эпохе открытий», но эта эпоха несколькими поколениями отделена от расцвета точного знания. И Возрождение, и эпоха открытий явились эпохами подготовительными, создали почву, на которой выросло идейное течение, по своему значению более мощное и более глубокое, чем эти два великих перелома в истории человеческой культуры.

Мы говорим об эпохе церковной реформы – реформации. Однако реформация не только не связана генетически с расцветом точного знания и математики, но во многом она явилась средой, им враждебной, в лучшем случае безразличной их росту и значению.

В.И. Вернадский.
1911 г.

Позже, для XVII в., мы говорим о создании новой философии, для XVIII в. об эпохе просвещения и об их влиянии на весь уклад человеческой жизни. Здесь мы встречаемся уже с новой наукой и с новой математикой как готовыми созданиями, видим их влияние на человеческую жизнь, однако оцениваем в ней не их, но их отражения в философских идеях и построениях.

В общем ходе истории человеческой культуры, в обычных о ней представлениях нет места истории того перелома, который совершился в человечестве вхождением точного знания в его жизнь и привел впервые в многотысячелетнем его существовании к новым, неслыханным раньше формам и укладам быта и общественного строя.

Перелом этот совершился в XVII столетии. В это столетие впервые наука о природе и математика вдвинулись в жизнь, получили значение как

изменяющие условия человеческого существования исторические силы.

Никогда раньше этого не было, и напрасно стали бы мы искать аналогий эпохи XVII–XX столетий в прошлом человечества. Недаром это и сознается сейчас, когда на наших глазах все ярче и сильнее выступает мировая история, охватившая как единое целое весь земной шар, совершенно покончившая с уединенными, мало зависимыми друг от друга культурными историческими областями прошлого.

Несомненно, корни научного знания теряются в бесконечной дали веков былого. Мы сталкиваемся с ними в первых проблесках религиозного сознания, коллективного художественного творчества или в начатках техники, а их следы мы находим в самых древних остатках человечества, в самых первобытных и диких укладах человеческого общежития.

Но эти первые проблески религиозного вдохновения, технических навыков или народной мудрости не составляют *науки*, как первые проявления счета или измерения не составляют еще математики. Они дали лишь почву, на которой могли развиваться эти создания человеческой личности. И для этого мысль человека должна была выбиться из рамок, созданных вековой, бессознательной коллективной работой поколений, – работой безличной, приноровленной к среднему уровню и пониманию. Зарождение научной мысли было формой протеста против обычной народной мудрости или учений религии. По-видимому, это совершилось за шесть столетий до н.э. в культурных городских общинах Малой Азии.

Но эти первые шаги научного творчества были слабы и ничтожны. Едва ли они могли быть заметны в окружающей жизни, шедшей своим бессозна-

тельным укладом, не дававшим места новому созданию человеческой личности. Реальной исторической силой, меняющей жизнь данного времени, они не были.

Прошло много столетий, прежде чем эти первые зачатки научного мышления могли в свою очередь явиться силой в жизни человечества, более мощной или равной другим творящим его историю факторам. Еще в XVI столетии мог быть спор, нужны или нет в жизни те естественнонаучные и математические знания, которые в это время были в распоряжении человечества; еще в эту эпоху практика мастерских, рудников, военного, даже морского дела безнаказанно обходилась без тех данных, которые даются наукой. В это время во многом долголетняя выучка практического деятеля давала ему больше знания, чем то, что мог ему дать накопленный в книгах или в преподавании научный опыт, научное обобщение. Все это изменилось в XVII столетии; здесь мы видим ясный перелом, когда научное знание стало опережать технику, когда полученные с его помощью приложения к жизни стали оставлять позади себя коллективные создания технических традиций и навыков. В эту эпоху научное представление об окружающем мире стало в резкое противоречие с вековыми созданиями религиозных, философских или обыденных представлений о мире, и вместе с тем оно смогло доказать на деле значение своих положений, ибо оно дало несовместимые со старыми представлениями, неожиданные для него применения в мореходном и военном деле, технике, медицине. В то же время новая математика впервые открыла перед человечеством новые горизонты познаваемого и приемы исчисления, несравнимые и оставившие далеко позади за собой те начатки геометрии, которые преподавались в школах или передавались в мастерских, те формы арифметики, которые перешли школьным путем от прежних времен или создавались в торговых и банкирских конторах. Эти создания тысячелетий были детским лепетом перед тем, что в XVII в. в форме новой математики стало открываться перед человечеством.

XVII век явился началом нового времени, вхождения в историю человечества новой меняющей ее силы – наук о природе и тесно с ними связанной математики. То, что явно зародилось в этом веке, в последующих получило лишь дальнейшее развитие. Конечно, разница между началом XVII и началом XX в. в этом отношении огромная, но не будет ли еще большей разница между XX и началом XXIII в.?

2

Странным образом этот великий перелом в истории человечества не получил в себе ясного выражения в обычных представлениях образованного общества о своем прошлом.

Причиной этого является, с одной стороны, слабое развитие истории научного знания, а с другой – малое проникновение ее в школьное преподавание и в популярную научную литературу.

Нельзя сказать, чтобы история науки и научного творчества не привлекала к себе внимания исследователей. Неизбежно ими должны были являться обычно далекие от истории натуралисты и математики. История математики давно уже считается одним из очень обработанных отделов истории культуры.

Значительно меньше обращала на себя внимание история естествознания и история техники. Но и здесь для истории опытных наук – химии, физики, механики, для истории географии, астрономии или анатомии мы имеем огромную, все растущую литературу. В общем здесь сейчас издано много документов, произведена большая работа исторической критики, выяснены многочисленные факты. Значительно хуже обстоит дело с историей описательного естествознания зоологии, ботаники, минералогии или таких наук, как геология, почти всех отделов техники. Здесь область научного изыскания едва затронута приемами современной исторической науки. Однако и здесь сейчас заметно оживление. Создаются научные общества для изучения истории естествознания и техники в широком смысле этого слова, зарождаются специальные, посвященные им научные журналы. Но всего этого недостаточно по сравнению с областью неизученного.

В общем история науки все еще является областью, где возможны неожиданные – такие открытия, какие немислимы в истории философии, религии, литературы и даже искусства. Достаточно вспомнить новые работы Дюгема, открывшие нам для истории механики и геологии в Западной Европе не только новые произведения, но и негаданные средневековые научные течения, державшиеся столетия; новые, забытые имена великих ученых, как Альберт из Саксонии или Иордан Неморарий, о жизни которых мы почти ничего не знаем и о влиянии которых на последующую, а следовательно, и на нашу мысль, не догадывались.

В истории науки область, охваченная исторической критикой, ничтожна по сравнению с тем, что осталось ею не тронутым. В этом смысле работа, здесь сделанная, не может даже сравниться с тем, что достигнуто за тот же период времени в других отделах истории культуры – в истории религии, философии, литературы или искусства.

Самый характер истории науки по существу отличает ее от истории других течений культуры. Ибо в истории науки ход ее современного развития заставляет искать и видеть в ее прошлом то, о чем и не догадывались прежние исследователи. Во второй половине XIX в. победа эволюционного принципа в биологических науках заставила искать в прошлом науки его проявление, заставила переоценить историческую роль научных вождей прошлого – Кювье, Линнея, Бюффона. Из темных забытых научных рядов она выдвинула Ламарка. История зоологии или ботаники в XVII или XVIII вв., написанная до дарвинизма и после него, по существу суть создания, резко различные. Сейчас на наших глазах мы переживаем то же самое в истории физики. Иной представляется нам роль Ньютона в учении об истечении, и по существу иной является оценка нами спора сторонников теории волнообразного колебания эфира со сторонниками теории истечения, чем это было лет 10–15 назад...

История науки и ее прошлого должна критически составляться каждым научным поколением и не только потому, что меняются запасы наших знаний о прошлом, открываются новые документы или находятся новые приемы восстановления былого. Нет! Необходимо вновь научно перерабатывать историю науки, вновь исторически уходить в прошлое, потому что благодаря развитию современного знания в прошлом получает значение одно и теряет другое. Каждое поколение научных исследователей ищет и находит в истории

науки отражение научных течений своего времени. Двигаясь вперед, наука не только создает новое, но и неизбежно переоценивает старое, пережитое.

Уже поэтому история науки не может являться безразличной для всякого исследователя. Натуралист и математик всегда должен знать прошлое своей науки, чтобы понимать ее настоящее. Только этим путем возможна правильная и полная оценка того, что добывается современной наукой, что выставляется ею, как важное, истинное или нужное.

В сущности, мы имеем два критерия оценки научной истины, отличия преходящего от вечного. Один путь – путь философской критики, связанный с теорией познания, другой путь – путь исторической критики, связанный с историей науки.

При всем несовершенстве и неполноте этого второго пути математик и особенно натуралист в большинстве случаев останавливается на нем, так как он дает ему прочную почву для суждения и не выводит его из рамок работы, к которым он привык в научной области. Мне кажется, что, даже избрав первый путь – путь теории познания, он должен для того, чтобы разобраться в противоречивых и неизбежно по существу несогласимых построениях теории познания, или, вернее, различных философских теорий познания, обратиться к истории науки. Только после этого он может применить безнаказанно теорию познания к оценке научных построений или текущей научной работы.

3

Если таким образом, для каждого мыслящего натуралиста представляют интерес и значение исторические исследования прошлого науки, то они приобретают особую важность, когда касаются эпохи, в которой научная мысль стала впервые исторической силой, – эпохи зарождения нового знания XVII столетия.

Этой эпохи касаются две новые интересные работы Е. Спекторского и Н. Алексева. Оба они подошли к одной и той же теме: к влиянию расцвета естествознания и математики в XVII в. на общественные науки того времени. Они пытаются проследить влияние вызванных им идей в этих областях знания и в последующие столетия, доходят до течений нашего времени. В работе Алексева тема исследования более широкая; он касается многих течений нашего времени, XIX столетия, генетическая связь которых с идеями XVII в. очень отдаленная, может быть, существует только в построениях исследователя. Этим течениям, в том числе... критике исторического материализма, посвящена большая часть его книги. Но все же и из его книги ясно выступает перед читателем значение естественнонаучного движения XVII в. в истории наук об обществе.

Философский интерес и философская подготовка обоих исследователей заставляет их обращать исключительное внимание на влияние естествознания и математики главным образом на философские основы общественных наук, оставляя в стороне конкретное содержание научных течений, на них построенных. В то же самое время, особенно в работе Алексева, благодаря характеру поставленной автором задачи мы имеем дело с искусственным перемещением материала вне его исторической обстановки: автор оставляет в стороне, откладывая до будущего тома, влияние естественных наук, био-

логических и «органических» (?), ибо «исторически биологические аналогии выступают зачастую наряду с механическими, но *логически* (они) не имеют с последними ничего общего»¹. Едва ли можно согласиться с этим мнением автора, но, как бы то ни было, в его работе благодаря этому оставлено пока без рассмотрения влияние на науки общественные широких и крайне своеобразных течений естествознания. В действительности и в работе Е. Спекторского огромная область влияния естествознания осталась без рассмотрения. Увлечшись развернувшейся перед ним темой, автор не закончил намеченной работы, напечатал ее обрывок.

Оба исследователя подходят к своей исторической теме не как историки, но как философы. Несомненно, мы найдем в их работах ряд новых исторических данных (например, глава о Вейгеле, учителе Пуффендорфа и Лейбница, в книге Спекторского), еще больше указаний на возможные или действительно существовавшие зависимости в истории мысли. Но оба автора подходят к предмету с готовыми философскими построениями, они выбирают в имеющемся материале то, что является им нужным в их исканиях. Путем истории научных идей они пытаются подойти к решению философских вопросов, к исканию возможных путей познания.

С этой точки зрения любопытны диаметрально противоположные оценки одного и того же явления. То, что является для г. Спекторского выражением истины, упадок чего представляется для него несчастным событием в истории мысли, то его философскому антагонисту, г. Алексееву, рисуется как раз наоборот. Спекторский стремится, например, на фоне исторических построений чрезвычайно принизить философское значение Канта, к которому в конце концов восходят философские построения Алексеева. В тонком, местами глубоком и интересном анализе различных течений научного позитивизма, позитивного рационализма и т.п. Алексеев разрушает то, к чему, по-видимому, стремится философская мысль Спекторского. Оба автора, основываясь на аналогичных или даже на одних и тех же явлениях, приходя к взаимно исключаящим выводам, уверены в истинности своей оценки хода мысли человечества или, по крайней мере, в верности пути, ими выбранного для этой оценки. И возможно, что доля справедливого есть у каждого из них; вероятнее, впрочем, что в целом оба неправы.

Однако я далек от мысли вмешиваться в чуждый мне философский спор. На тот же вопрос можно посмотреть с другой, не с философской, а с исторической точки зрения. Оценка совершавшегося при этом отходит на далекий план, на первое место выступает восстановление происходившего процесса. С такой исторической точки зрения можно подойти к оценке выбранного ими пути решения философских вопросов.

Мне кажется, что, увлекшись философской работой, оба автора едва ли верно представили ход совершавшегося в XVII в. идейного течения и, в частности, дали едва ли отвечающее фактам изображение взаимоотношения естественнонаучно-математической мысли и философии в XVII столетии.

Великий перелом естествознания и математики в начале XVII столетия могущественно отражался на философском мышлении, привел во второй его

¹ *Алексеев Н.* Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов. М., 1912. С. 270.

половине к созданию новой философии. Творцы новой философии того времени – Бэкон, Декарт, Гассенди, Галилей, Спиноза, Гоббс, Паскаль, Мальбранш, Локк, Беркли, Лейбниц – были широкообразованными учеными, находившимися на уровне естествознания и математики своего времени; некоторые из них, как Декарт, Паскаль, Галилей или Лейбниц, и в этих областях человеческой мысли стояли в первых рядах, являлись творцами нового. Их философия теснейшим образом связана с развитием естественнонаучной и математической мысли их времени, вся целиком на ней основана. Всем известно могущественное влияние их философской работы на все стороны умственной, художественной, религиозной жизни человечества. Она отразилась и на росте общественно-юридических наук, глубочайшим образом повлияла и на работу естествознания и математики.

Через новую философию в область юридических и общественных наук неизбежно проникло влияние нового естествознания и математики, на которых она строилась. Влияние этого сказывалось двояким образом: с одной стороны, оно было влиянием формального характера, являлось попыткой перенести в область социологии ту форму научных построений, которую, казалось, так удачно удалось приложить к математике, механике, астрономии и которая в это время господствовала в физике. Это выразилось в приложении к науке об обществе привычного для новой философии дедуктивного метода, в попытках геометрического и механического способа рассмотрения наблюдавшихся в этой области явлений. Здесь должна была произойти та же самая переработка построений средневековых юристов и трактатов великих схоластиков, какая в это время произошла для последних в области механики или физики. К сожалению, в работе Спекторского, вопреки поставленной им задаче, мы напрасно стали бы искать выяснения этого процесса, существование которого ясно из его собственных отдельных указаний (например, для Гуго Гроция). В конце концов приложение механических или геометрических способов исследования привело к чисто формальным внешним научным построениям, в виде пансофических систем или всеобщей математики. Оно вылилось в пустую форму, лишенную содержания. Как мы бы ни объяснили это явление, несомненно, что здесь полученный результат не отвечал затраченным на него усилиям. Считать ли это неизбежным следствием особого характера наук об обществе, о явлениях, связанных с человеческой личностью, как это делает Алексеев, или видеть в нем результат несоответствия между состоянием науки того времени и приложенным к ней правильным и неизбежным приемом исследования, как думает Спекторский, или объяснять его как-нибудь иначе, – факт остается ясным и бесспорным: результат приложения к данным отраслям знания дедуктивного метода в XVII в. потерпел крушение и привел к ничтожным выводам в области наук об обществе. Напрасно, однако, было бы думать, как это допускают оба исследователя, что эти философские приемы научных исканий привели к лучшим результатам и в области наук о природе. И здесь в действительности их значение было ничтожно. И здесь они смогли свести в систему добытые истины, но не помогли ни в чем дальнейшим открытиям. Замена физики великих схоластиков формальной физикой картезианцев не являлась научным прогрессом и исторически оказала очень слабое влияние на построение теоретической физики или механики нашего времени, некоторые боковые корни которой одинаково

идут и в глубь логических силлогизмов великих схоластиков и в основанные на новой механике дедуктивные построения новой философии. Несомненно, что главное свое содержание теоретическая физика нашего времени отнюдь не получила из тех научных течений XVII столетия, которые созданы философскими построениями пансофического, пангеометрического или иного характера. Для этого природное явление, являющееся ее объектом, было слишком сложным. Анализ современной теоретической физики и механики оставит в ней ничтожную долю на влияние философской дедукции, идущей от XVII столетия. В области точного естествознания дедуктивный метод философов потерпел то же крушение, как и в области социологии. Это есть *исторический факт*, и с ним мы должны считаться. Часто говорят о ничтожном – исторически – значении индуктивного метода Бэкона в приложении к достижению естественнонаучных истин. То же самое, однако, целиком приложимо и к дедуктивному методу его противников. Картезианская физика оказалась столь же далекой от исторически добытой человеком физики, так же мало вела к ней, так же была груба по сравнению с природным явлением, как мало способствовали его познанию грубые физические аналогии Бэкона. Формальные приемы философских построений вскоре – уже к концу XVII и окончательно в начале XVIII в. – потеряли свое значение даже в математике, как только высший анализ стал получать в ней силу и влиять на ход работы в этой области чистого умозрения...

В области социологии потерпело крушение не то течение, которое привело к созданию великого здания современного точного знания и математики, как думают об этом оба автора, а то самое течение, которое и в этих областях человеческой мысли оказалось пустым и бесплодным.

Но наряду с таким логически формальным влиянием естествознание и математика оказали и другого рода, более глубокое влияние на ход общественно-политической мысли... Расцвет точного знания и математики, с одной стороны, вызвал попытки применения в области общественных наук тех новых *представлений*, какие были введены наукой и выросшей на ней философией XVII столетия при объяснении явлений природы, и, с другой стороны, – он вызвал попытки изучения новых *явлений*, которые не могли быть замечены раньше и стали доступны лишь в атмосфере нового научного мышления... Именно в XVII столетии под влиянием естествознания и математики видим мы первые попытки проникнуть в новые научные области. В это время выясняется существование особых явлений социальной жизни, кладется основание статистике, антропологии, этнографии, первых научных изложений явлений народного богатства и финансов. Здесь, в конкретной работе собирания фактов и выявления явлений, начали созидаться те новые научные дисциплины, которые наряду с ростом исторических наук привели в конце концов к великим обобщениям XVIII и XIX столетий в области наук о человеке.

Оставляя в стороне эту область вновь открывшихся перед научной мыслью явлений и переходя к новым представлениям, введенным в социологию XVIII в. под влиянием естествознания и математики, мы встречаемся с такими теориями, которые обычно считаются созданиями науки XIX столетия, но которые мы находим в полном объеме у забытых ученых XVII в. Таковы – представления о социальной физике и социальной механике, учение об

обществе как естественном явлении. В работах полузабытых ученых XVII столетия мы встречаем, например, попытки научных построений и обобщений, которые в одно время считались созданиями Огюста Конта, потом были перенесены в XVIII в. к Тюрго или к французским физиократам и которые сейчас надо продвинуть еще на столетие в глубь прошлого... В этих забытых учениях видим мы попытки подойти к теории общественных явлений, не потерявшие сами по себе значения; сверх того они теснейшим образом генетически связаны с живыми учениями нашего времени, с которыми мы сталкиваемся до сих пор – с построениями позитивной социологии, исторического материализма... Любопытна сама по себе формальная аналогия некоторых из этих учений с атомистическими теориями, где место атома занимает неделимое общественного организма – теоретический человек, свойства и проявления жизни которого могут быть сведены к формальным выражениям, очень напоминающим построения теоретической физики, – в ее элементарных проявлениях.

В нашем языке и в нашем мышлении на каждом шагу мы чувствуем отголоски этих былых механических и физических представлений о человеческом обществе. Мы говорим о равновесии сил, центробежных и центростремительных силах общества, условиях устойчивости и неустойчивости в общественных отношениях, железных законах производства или распределения богатств... Все эти отражения в языке когда-то жившего течения мысли – отголоски XVII столетия.

4

Несомненно, перенос в область социологии научных идей и конструкций, выросших на почве естествознания и математики, не принес тех результатов, какие от них ожидалось. Нет у нас ни социальной физики, ни социальной механики; далеки, в общем, методы исследования и особенно формы представлений общественных наук от методов и схем естествознания. Отчего это произошло? Являются ли эти попытки по существу невозможными вследствие коренного различия явлений общественных и явлений, охваченных научными методами естествознания? Или эти попытки были преждевременны, время для них не пришло, а в новой научной обстановке, с новым, накопленным двухсотлетней работой опытом результаты усилий будут иные? Или, может быть, были иные причины, которые указывают, что явление, которое перед нами раскрывается, было гораздо более сложным, чем это вытекает из схем, данных авторами?

Нам кажется, что именно так обстоит дело. Мы уже видели, что попытки приложить к исканию научных истин, полученных дедуктивным философским путем логических построений кончались неудачей не только в социологии и общественных науках, но и в естествознании. Очевидно, следовательно, причина неудачи, по крайней мере отчасти, коренится в недостаточности философского метода работы в применении к научной области явлений.

Мне кажется, что изучение фактов – истории естествознания и математики – позволяет считать, что неудача целиком может лежать в этой области в несоответствии философских приемов работы, хотя бы основанных на естествознании и математике, с объектом работы – с подчиненными научной

работе явлениями. Этого несоответствия достаточно для объяснения хода исторического процесса, и нет надобности искать причин неудачи в коренном различии двух проявлений человеческой мысли – наук естественных и наук исторических – или в неполноте научного материала.

Это несоответствие вызвано было в значительной мере тем, что область научных построений, охваченных философией, была узка и ограничена по сравнению с тем, что в действительности вошло в это время в научно познанный. В область наук социальных через философию были внесены научные представления, не отвечавшие тем, которые в это время в действительности являлись движущей, живой, созидательной силой в науках о природе.

Для того, чтобы выяснить это, попробуем возможно кратко всмотреться в наблюдаемое явление – в историю естествознания и математики в XVII столетии в связи с их отношением к философии.

Прежде всего бросается в глаза то, что в XVII в. в области естествознания видно очень резкое разделение на два различных лагеря. Только часть научного естествознания оказалась связанной с новой философией и явно порвала со старыми учениями философской мысли. Проще всего это можно проследить по отношению к Аристотелю. В то самое время, как сторонники старой схоластической науки и философии ополчились против новых течений науки и философии, боролись с Галилеями, пытались остановить поток новых открытий в области физики, механики, астрономии, разрушавший вековые навыки мысли, – в их среде были многие из тех натуралистов, которые своей научной работой положили основы современной зоологии, ботаники, минералогии. Не прервалась в первые десятилетия этой борьбы старого с новым и традиционная связь химии с боковыми течениями старой схоластической философии. И точные экспериментаторы – химики – были в это время в лагере защитников философски старого, а не сторонников новой философии.

Новый Аристотель, которого дали нам гуманисты, оказал огромное влияние на развитие описательного естествознания; в то самое время, как физика и новые философы – боролись с ним и с его ролью в физике и философии, одновременно изучение его творений в их новой, более точной форме оказало огромное влияние на рост описательного естествознания. Оно воспользовалось первыми успехами филологической критики не в меньшей степени, чем воспользовалась ими история. Изучение древних и в области естествознания, и в области истории сказалось одинаковым образом: от них, от старых изложений Фукидида и Тацита восходили к изучению новых исторических явлений – к истории событий, неведомых древним и неизвестных им форм исторической жизни. От Птолемея и традиционных древних карт – через портуланы, накопленные работой толпы, переходили к современной картографии. Феофраст, Аристотель, Диоскорид в новых изданиях явились наряду с наблюдением природы исходными путями научного возрождения в XVII столетии, к ним приноравливались новые научные систематики, изложение новых растительных и животных форм. Это все происходило одновременно с тем, что великие ученые физики и математики резко разрывали со старыми традициями. В то самое время, как в той среде возможно было презрительное отношение к гуманистическим и филологическим изысканиям, здесь первые наблюдатели-натуралисты были гуманистами.

В то же самое время вековая работа алхимиков все более пополнялась техническими навыками рудного дела, созданиями художественных мастерских; она вносила в научную область вековые или коллективные навыки, одинаково далекие и от старой схоластики, интересов гуманизма или созданий новой философии. В эту область долго не могла проникнуть математика; здесь не было места механике. В общем чужда оставалась ей и философская мысль XVII столетия.

Плоды этих течений исторически сказались одновременно. Как раз в XVII столетии были положены начала не только новой математике, астрономии, физике и механике, но и новой химии, описательному естествознанию. Все вместе создало расцвет новой науки.

Но лишь часть ее оказала влияние на создание новой философии. Она изошла от наук дедуктивных – новой механики, геометрии, теоретической астрономии, и лишь случайно и временами оказывало на нее влияние какое-нибудь далекое от этих областей мысли явление, как, например, открытие мира микроскопически мелких существ Левенгуком... В общем новая философия XVII в. была чужда или даже враждебна описательному естествознанию или далекому от математики научному опыту.

Когда философия вносила свои новые определения и задания в науки общественные, она опиралась не на все естествознание своего времени, а на его часть, и под именем научного изучения природы ею понималась лишь малая область этих явлений, уже наукой захваченных.

А между тем в дальнейшей области, оставленные в стороне новой философией и генетически действительно с ней не связанные или мало связанные, получали все большее и большее значение. XVIII век есть в значительной мере их век. В это время создались целые науки и бесконечные области точного знания, где так же мало могло быть приложено математическое или механическое освещение явлений, как мало оно могло быть приложено к области наук исторических. База философского мышления оказывалась слишком узкой по сравнению с базой науки, на которой она пыталась создать себе вечное здание. В то самое время, как она пыталась приложить к области наук социальных извлеченные ею из области математики и естествознания принципы и положения, математика и естествознание коренным образом изменили свой характер. В XVIII столетии картина знания была по существу иная, чем в XVII в.: мелкое наблюдение восторжествовало по своим результатам над отвлеченной дедукцией, вместо сухих и отвлеченных геометрических построений или движений точек, или вихрей перед человечеством развернулась поразительная по силе красок, беспорядочности и изменчивости живая природа, вполне доступная научному исканию.

Научные задания, которые ставились в это время в действительности, и те, которые были поставлены творцами философии XVII в., оказались несоместимыми не только в социологии, но и в новых науках – геологии, ботанике, зоологии, минералогии, химии, экспериментальной физике.

В то же время эти области знания – новое естествознание – нашли себе опору вне философских течений и вне математики – в области исторического знания. Естественная история стояла по методам работы в это время наряду с историей политической или государственной. В XVIII в. Бюффон давал характеристики или биографии животных, сравнимые с характеристиками,

даваемыми человеческим индивидуумам или психологическим типам историками и моралистами.

Это новое естествознание могущественно влияло на социальные науки. Но оно шло вразрез со стремлениями ввести в них механические или физические представления, разрушало рационалистическую работу новой философии в этом направлении. Ибо в это время все новые и новые области знания укладывались в научные рамки, которые сами, казалось, ничего не имели общего с математикой или механикой. Если временами и здесь высказывалась в XVIII в. вера в возможность свести в конце концов всю природу, во всем ее бесконечном разнообразии, в рамки механического или физического понимания, перевести ее на язык математических формул или механических моделей, этой вере немногих лиц резко противоречила практика многих поколений натуралистов.

Едва ли когда вековой антагонизм – отражение разных корней их исторического генезиса – между математиками и натуралистами достигал таких размеров, как в эту эпоху расцвета описательного естествознания.

XIX век многое сгладил. Не столько мир математических формул, сколько мир механических моделей достиг поразительных результатов в объяснении явлений природы. Казалось, после него могла быть вновь поставлена задача перенесения их в область социологии – задача, столь ярко разбитая ходом времени после XVII столетия.

Но в научном движении XIX в. мы, наряду с развитием математики и естествознания, видим колоссальное развитие наук *исторических*. Их существование, столь далекое от математических умозрений или механических моделей, делает попытки внести эти модели или обобщения в область социологии столь же мало вероятными, как делало их в XVIII столетии развитие нового естествознания. К тому же сейчас и в пределах естествознания область, стоящая за границами математики и механических моделей, не уменьшается вековым ходом научного знания, но, скорее, увеличивается. В общем и сейчас математические формулы и механические модели играют роль не большую, чем прежде, если только мы обратим внимание не на отдельные области знания, а на всю науку в целом. Идет работа Сизифа: природа оказывается более сложной, чем разнообразие – бесконечное – символов и моделей, созданных нашим сознанием...

1912

ИЗ ЗАПИСОК ПО ПОЛЬСКОМУ ВОПРОСУ

История научной мысли меня интересовала уже давно; я к ней подошел, когда пытался ориентироваться в понимании научных основ своего мировоззрения. В 1890-х годах, когда я углубился в самостоятельную работу над кристаллографией и минералогией и стал проверять основные принципы этих наук, я убедился в чрезвычайной сомнительности многих господствующих воззрений и необходимости исторической проверки принятого на веру. След этой работы остался в моих «Основах кристаллографии», отдельных статьях и в том изменении, какое я пытался придать минералогической работе.

При этой работе неизбежно пришлось углубляться все дальше и дальше в новую область и, несомненно, пришлось войти в изучение вопросов гораздо шире и глубже, чем это было нужно для исходного повода.

При этом изучении я столкнулся с несомненной ложностью того представления об историческом ходе научной мысли, как в ее целом, так и в отдельных ее областях, который господствовал в это время в науке, а отчасти господствует и до сих пор, хотя многое изменено за последние 20–25 лет. Для меня стало ясным, что исторический процесс развития науки представляется нам в ложном виде в значительной мере вследствие узкого национализма историков и, если можно так сказать, невежества многих из них, так как в своих исследованиях они шли все время в шорах, забывая о существовании источников познания прошлого, необычных, забытых и непривычных для них и для поколений ученых-исследователей, работавших на этом же поприще до них, на плечах которых они стояли. В частности, для меня было ясно, что совершенно не выяснена культурная роль славянских народов в истории мировой научной мысли.

Это мое указание не означает отнюдь, чтобы именно в этом пренебрежении славянства я видел главные дефекты нашего понимания прошлого в истории идей. Они были еще большими в истории забытых течений и крупных людей и других народов. Стоит вспомнить позднейшую работу Дюгема. Кое-что мне при этой моей работе удалось проследить до него самостоятельно и выразить, например, в моих «Очерках» по научному мировоззрению, раньше его то, что доказано им после. Жизнь идет, и нет уже времени и сил для окончания и обработки этих задач, которые так много дали и дают мне, и едва ли когда буду я иметь возможность вернуться к ним в нужной мере. Но неуклонно к ним постоянно возвращаются моя мысль и идейная работа, и всегда я нахожу в этой работе новые данные для понимания современного состояния научного знания.

Я выдвигаю здесь забытую славянскую стихию во всемирной истории научной мысли только потому, что она привлекла вновь мое внимание к польскому вопросу.

Среди славянских племен в истории научной мысли выдвигаются на первое место сербо-хорваты, чехи, поляки, русские. Первые три племени тесно связаны в своей духовной культуре с единой мировой западно-европейской научной работой, начатой в средневековье; русская научная мысль вступила в мировую работу с XVIII в. Много любопытнейших исторических и культурных вопросов возникает при изучении научной работы этих славянских народов и много нового, несомненно, вскроет здесь будущий историк – нового, неожиданного и сейчас почти неизвестного нам, привыкшим к ложным историческим схемам западных, главным образом немецких, историков мысли.

Под влиянием этих идей я, наряду с изучением культурной истории сербов и чехов, вновь вернулся к ознакомлению со старой польской культурой и, в частности, к изучению эпохи и среды Коперника и старых польских культурных центров или немецких центров на польской земле, биографий и произведений европейских ученых, сталкивавшихся с польской культурой, в частности, шотландца XVII в. Дависсона, забытого алхимика, одного из

первых кристаллографов, временами надолго оседавшего в Польше. Мне пришлось многое перечитать из старой литературы и новейших обработок.

С той же целью я задумал ближе всмотреться в эпоху Коперника и посетить места его деятельности.

При этом впервые в Торуне, куда я ездил с этой целью, я встретился с познанскими поляками. В Торуне я не только почувствовал полупокрытую забвением обстановку жизни своеобразной и глубокой, до сих пор так мало осознанной человечеством личности великого каноника, ученого и общественного деятеля, о национальности которого идет далеко не решенный спор, я встретился там с новыми явлениями, созданиями чуждого ему времени – с гакариатами, Alldeutsche Verein, борьбой не на жизнь, а на смерть, систематически вытраиваемой из родной земли, из самой настоящей старой Польши, еще земли Пястов и сказочного Леха польской расы. Вся сила экономической систематической государственной прусской машины, безжалостной и развращающей, была поколениями направлена на эту цель, потрачены сотни миллионов марок, внесен подкуп и разврат в народную жизнь... Поляки проявили здесь – не польское дворянство, а польский народ – поразительную силу сопротивления. Их не удалось и не удастся вытравить из родной земли... Особенно мы теперь должны это помнить после того как мы встретились с организованной силой немецкого государственного достижения в кровавом столкновении, когда мы на себе испытали, *что* представляет из себя этот противник. И должны и обязаны мы считаться во всех будущих наших расчетах с проявленной здесь польским народом несокрушимой силой.

1916

МЫСЛИ О СОВРЕМЕННОМ ЗНАЧЕНИИ ИСТОРИИ ЗНАНИЙ

I

Переживаемое нами время является удивительным временем в истории человечества. Сходного с ним приходится искать в далеких столетиях прошлого. Это время интенсивной перестройки нашего научного мирозерцания, глубокого изменения картины мира.

Представление об окружающем, с которым человечество Запада вступило в XX век, несмотря на все успехи естествознания, математики, исторических наук, техники, которыми так ярко может характеризоваться XIX столетие, по существу являлось результатом постепенного и неуклонного развития принципов и построений новой эпохи, подготовлявшейся в XVI и ясно вылившейся в XVII столетии, когда окончательно сказались в научной работе еще более ранние достижения Коперника и путь, проложенный Колумбом, новая математика, новая философия, коренная ломка идей о строении и положении в мире человека.

XX век вносит со все увеличивающейся интенсивностью уже коренные изменения в миропонимание нового времени. Это изменения иного масштаба, чем те, которые создавались в прошлом веке. Они аналогичны тем, какие

внесли в мирозерцание средних веков философия, наука и техника начала XVII столетия.

Возможно, что мы переживаем изменение еще большее. Может быть, переживаемый поворот научного мышления более подобен древнему кризису духовной жизни, тому, который имел место две с половиной тысячи лет назад, в VI и ближайших столетиях до н.э., когда создавалась великая эллинская наука, расцвела техника и впервые приняла знакомые и близкие нам формы в средиземноморском культурном центре философская мысль, а в религиозных исканиях, в мистериях, творилась глубочайшая интуиция, искание смысла бытия.

Расцвет, внезапный и яркий, эллинского гения представлялся не раз в XIX и в более ранних веках великим чудом, пока не было выявлено движение мысли предшествовавшего времени.

В дали веков перед нами открываются другие такие же резкие перестройки духовного сознания человека, расширения его кругозора и охвата окружающего его мыслью. Во все растущей глубине веков с большой вероятностью должны мы допускать многократное повторение таких же созидательных творческих подъемов, поворотов в биении разума, в росте понимания нас самих и нас окружающего.

Перед длительностью жизни человечества ничтожны те две с половиной тысячи лет – восемьдесят – девяносто поколений, – в которых сейчас мы можем проследить три резких подъема научного сознания. Уже сейчас мы можем научно изучать несколько – не менее семи-восьми – тысяч поколений и знаем о существовании мыслящего человека на протяжении сотен тысяч лет.

В этой дали времен шел тот же процесс роста человеческого разума. Он шел по тем же законам, по каким идет и ныне, так как мы видим всюду, что настоящее есть закономерное проявление прошлого, как бы далеко оно от нас ни отстояло. Мы прошлое познаем по настоящему.

Существование в прошлом тех же великих поворотов мышления, какой сейчас разворачивается перед нами, несомненно. Достаточно представить себе последствия таких великих открытий человеческого гения, как открытие огня, земледелия или металлов, как орудий жизни.

Мы присутствуем сейчас при разворачивающемся явлении, лишь изредка наблюдаемом в истории человечества, единожды встречающемся в сотни лет, но не единственном, а одном из многих, раньше бывших.

Для историка знания современный момент представляет тот же интерес и имеет то же значение, какое для астронома имеет небесное явление, раз в сотни лет повторяющееся; он имеет даже большее значение, так как в краткой в космическом масштабе – жизни человечества, человек не может наблюдать эволюцию космоса; он может лишь воссоздавать ее с большим или меньшим успехом в своих космогониях. Человечество живет в одной из стадий меняющегося космоса; оно наблюдает повторение астрономических явлений только в пределах этой одной стадии: ему доступна лишь одна небольшая часть цикла меняющихся явлений. Наоборот, в эволюции научной мысли человечества можно наблюдать смену самих стадий, охватывать эмпирически всю область изменяющихся явлений целиком.

II

Для натуралиста, когда он охватывает любое явление природы, оно неизбежно облекается в формы законностей. Научно мыслить – значит вводить сложное природное явление в эти формы. Повторение явлений во времени есть одно из наиболее ярких проявлений закономерности.

В тех случаях, когда, как в науках исторических, это повторение независимо от человеческой воли, наблюдение вновь выступающего на историческую сцену цикла явлений приобретает особое, совершенно исключительное значение.

Едва ли я ошибусь, если приму как неизбежное и не требующее никаких доказательств для натуралиста-эмпирика положение, как неразрывно связанное со всем его мировоззрением и с его способом работы убеждение, что все в окружающем нас мире, к чему только он может подойти с научным анализом или с научным синтезом, все *одинаково* укладывается в рамки закономерности. Натуралист-эмпирик не может делать различия между любым явлением природы, наблюдателем которого он является, будет ли оно происходить на земле или в небесном пространстве, в материальной среде или в проявлениях энергии, т.е. в области передачи состояний, в ничтожных объемах молекулы, атома, электрона или протона, в огромном пространстве туманности, чуждой нашему миру, или внутри самого человека, в созданиях его духовных проявлений, мыслимых вне пространства. Подход его ко всем этим явлениям будет по существу одинаковым.

Для него все они неизбежно будут *явлениями природы*.

Если в явлениях духовной жизни человечества есть коренные отличия от других природных явлений, он этого различия не увидит постольку, поскольку они подчинятся его эмпирическим обобщениям. Они выявятся, если останется не подчиняющийся законностям эмпирического знания остаток. Другого научного подхода к изучению природных процессов для натуралиста нет.

Не решая, таким образом, вопроса о тождественности или о различии по существу духовных проявлений человеческой жизни и других явлений природы, охваченных точным научным знанием, ученый – исследователь хода научной мысли – все же может утверждать, что значительная часть духовной работы человечества укладывается в те же незыблемые «законы природы», которые он ищет и находит в своей научной работе; она может быть сведена к обычным для него правильностям.

Это выявляется огромным влиянием развития научной человеческой мысли на явления живой или мертвой природы, от человека независимые. Научная человеческая мысль могущественным образом меняет природу. Нигде, кажется, это не проявляется так резко, как в истории химических элементов в земной коре, как в структуре биосферы. Созданная в течение всего геологического времени, установившаяся в своих равновесиях биосфера начинает все сильнее и глубже меняться под влиянием научной мысли человечества. Вновь создавшийся геологический фактор – научная мысль – меняет явления жизни, геологические процессы, энергетику планеты. Очевидно, эта *сторона* хода научной мысли человека является *природным явлением*. Как таковая, она не может представляться натуралисту-эмпирику случайностью, она не-

избежно является его умственному взору неразрывной частью того целого, которое, как он непреклонно знает, все подлежит числу и мере, охватывается его эмпирическими обобщениями. В этой картине природы, научно построенной, должна иметь свое проявление и работа научной мысли, в той же форме и тем же путем, каким входят в нее все другие природные явления, мелкие и грандиозные. Но научная мысль входит в природные явления не только этим своим отраженным проявлением.

В ней самой есть черты, только природным явлениям свойственные.

Прежде всего это видно в том, что ходу научной мысли свойственна определенная *скорость движения*, что она закономерно меняется во времени, причем наблюдается смена периодов ее замирания и периодов ее усиления.

III

Такой именно период усиления научного творчества мы и наблюдаем в наше время, в третий раз за последние три тысячелетия.

Во все такие периоды есть общие или характерные черты, связанные с чрезвычайной *быстротой* научного творчества, открывающего не тронутые раньше научною мыслью поля исследования. Научная работа этих эпох имеет яркий *созидательный*, а не *разрушительный характер*. Строится и создается новое; оно для своего создания часто использует, перерабатывая до конца, старое. Обычно выясняется неожиданно для современников, что в старом давно уже таились и подготовлялись элементы нового. Часто сразу и внезапно это старое появляется в новом облике, старое сразу *освещается*. Это – обычное образное выражение нашего впечатления от происходящего. Оно очень характерно. Это есть образ созидания, но не разрушения, образ невидного нам раньше, но явно закономерно шедшего процесса, ожидавшего для своего выявления своего завершения.

Такой ход научного сознания наблюдается всегда, на всем протяжении истории мысли. Он лишь более интенсивен и охватывает большую область в периоды переломов. Всегда для него характерно созидание нового и сохранение ранее достигнутого.

Мы совсем на днях на частном примере пережили это, когда в картину нашего мира проникли бурным потоком идеи о разложении атома и уничтожении в процессах природы материи.

И все же ничто из старого не оказалось разрушенным: все осветилось новым пониманием.

И сейчас, когда область новых явлений, новых достижений научного творчества охватила нашу научную работу еще в большем масштабе, мы не ощущаем хаоса и разрушения, хотя бы временного. Мы живем в периоде напряженного, непрерывного созидания, темп которого все усиливается.

Основным и решающим в этом созидании является открытие новых полей явлений, новых областей наблюдения и опыта, сопровождающееся огромным потоком новых эмпирических фактов, раньше неведомого облика. Бурный рост нового в новых областях гасит в нашем умственном взоре значение старого.

Этот бурный поток нового, ускорение хода научных достижений, когда в немногие десятилетия достигается то, что обычно создается в столетия или

в тысячелетия, очевидно, является проявлением какой-то силы, связанной с духовной творческой энергией человека. Если нужна для нашего ума какая-нибудь аналогия этого природного процесса, мимо которого миллионы людей обычно проходят, его не замечая, этой аналогией может быть *взрыв*.

Можно говорить о *взрыве научного творчества*, идущего в прочных и стойких, не разрушающихся рамках, заранее созданных.

Для того, чтобы удобнее изучать такие взрывы научного творчества в рамках обычных для натуралиста природных процессов, надо выразить их иначе, свести их на присущие им, обычные явления материальной среды или энергии. Духовная творческая энергия человека сюда не входит. Научная мысль сама по себе не существует, она создается человеческой живой личностью, есть ее проявление. В мире реально существуют только личности, создающие и высказывающие научную мысль, проявляющие научное творчество – духовную энергию. Ими созданные невесомые ценности – научная мысль и научное открытие – в дальнейшем меняют указанным раньше образом ход процессов биосферы, окружающей нас природы.

Взрывы научного творчества, повторяющиеся через столетия, указывают, следовательно, на то, что через столетия повторяются периоды, когда скопляются в одном или немногих поколениях, в одной или многих странах богато одаренные личности, те, умы которых создают силу, меняющую биосферу. Их *народнение* есть реальный факт, теснейшим образом связанный со структурой человека, выраженной в аспекте природного явления. Социальные и политические условия, позволяющие проявление их духовного содержания, получают значение только при его *наличии*.

Эти условия не могут вызвать появления самих таких личностей. Ибо мы знаем, что такие личности в общей массе человечества всегда редкое явление, не всегда имеющее место. Надо ждать иногда века, чтобы после ухода из жизни одних вновь появились люди, способные уловить нить, оставленную ушедшими.

Очень возможно, что для выявления самих периодов научного творчества необходимо совпадение обоих явлений: и народнения богато одаренных людей, их сосредоточения в близких поколениях, и благоприятных их проявлению социально-политических и бытовых условий.

Однако основным является народнение талантливых людей и поколений. По существу этот факт вызывает возможность взрыва научного творчества; без него ничего не может быть. Если даже такие сосредоточения талантов в немногих поколениях бывали и в промежуточные периоды, но не выливались во взрывы научного творчества из-за неблагоприятных условий, наличие таких пульсаций талантливости в смене поколений все же должна быть прежде всего для того, чтобы были взрывы творчества.

Я не могу здесь останавливаться на сколько-нибудь полном анализе этих явлений. Я хочу только отметить все известные факты. Всюду и всегда в истории всех наук мы видим, как на протяжении одного, двух, трех поколений одновременно появляются талантливые люди, поднимают на огромную высоту данную область духовной жизни человечества и затем не имеют себе заместителей. Иногда надо долго ждать, чтобы вновь появились равные им умы или равные им таланты; иногда они не появляются. Мы видим это, например, в древней Греции в истории искусства, литературы, философии, где

на пространстве немногих десятков лет были сосредоточены величайшие гении всей исторической эллинской жизни; видим такие пустые промежутки, например, в XVIII в. во французской изящной литературе после расцветов XVI–XVII и XIX столетий; видим скопление великих французских математиков в конце XVIII и в начале XIX столетия и перерыв поколения раньше и позже. Мы пережили создание великой русской литературы одновременным появлением первоклассных писателей.

Такое временное сосредоточение талантливых личностей в немногих поколениях и их отсутствие в долгие промежуточные времена – иногда века – есть общее характерное явление хода духовных проявлений человечества. Оно резко и ярко выражено в истории научной мысли.

Мы не знаем пока, почему, как и отчего происходит такое нарожение талантливых людей, орудий научной мысли, и их скопление в близких поколениях, отсутствие их в других. Мы должны принимать их за свойство нашей расы, проявление ее природы.

Это такой же природный процесс, подлежащий научному исследованию натуралиста, каким является воздействие научной мысли на окружающую живую и мертвую природу, изменение ею энергетики биосферы.

В обоих случаях научная творческая мысль как в вызывающем ее механизме – рождении талантливых ее создателей, так и в ее проявлении – изменении ею энергетики планеты, входит в неразрывную связь, всецело, в комплекс процессов биосферы, подлежащих изучению наук о природе, в область их методов исследования.

Для натуралиста-эмпирика является аксиомой, неразрывно связанной со всей его мыслью и с формой его научной работы, что такие проявления не могут быть случайными, а столь же подчинены весу и мере, как движение небесных светил или ход химических реакций.

В своей работе он не может не искать механизма, связывающего их с окружающим.

IV

В сущности, это задача как раз той научной дисциплины, которая является объектом нашей работы. Это задача истории знаний, исследования хода во времени научного мышления и научного искания.

Значение этой дисциплины становится чрезвычайным, когда перед нами развертывается захватывающее в себя и нас, входящее в область ее ведения грандиозное природное явление.

Мне кажется, что именно такое явление суждено нам сейчас переживать, что мы живем в особую эпоху, находимся на гребне взрывной волны научного творчества. Всматриваясь в него и его изучая, мы не можем не выйти мыслью в будущее, не можем не думать о дальнейшем выявлении в жизни человечества наблюдаемого нами явления. Мы видим, что мы вступили в особый период научного творчества.

Он отличается тем, что *одновременно* почти по всей линии науки в корне меняются все основные черты картины космоса, научно строяемого.

Особенностью нашего момента является не то, что происходят такие изменения, – историк науки может найти их единичные проявления, заглушен-

ные обычно дальнейшим ходом научной мысли, многократно в дали прошлых десятилетий, – важно то, что они все появляются *разом, одновременно*. Этим вызывается тот необычайный эффект, который они начинают производить и в нашем мышлении, и в отражении его в окружающем нас мире.

В сущности, сейчас это, по своим неизбежным дальнейшим последствиям для людской жизни, вероятно, самое крупное явление, имеющее место на нашей планете, – то, которое должно было бы обращать на себя наше особое внимание и должно было бы направлять на расчищение его хода всю нашу волю.

Меняются в корне наши представления о материи, об энергии, о времени, о пространстве; создаются совершенно новые понятия того же основного значения – понятия, всецело отсутствовавшие во всех предшествовавших научных мирозерцаниях.

Этим новым понятиям часто мы не находим прямых аналогий в прошлом. Таковы электроны, отличные от атомов, строящие материю, но не являющиеся атомами энергии; таковы кванты. История проникновения квантов в наши научные построения является любопытнейшим явлением в истории мысли, ибо ни сам творец этого представления М. Планк, ни все увеличивающиеся в числе принимающие квант ученые не могли и не могут дать ему ясное выражение в образах нашего понимания мира. Создание символа квантов без возможности выразить его в ясном, логически непререкаемом геометрическом образе и особенно его победоносное шествие в современном научном творчестве есть одно из интереснейших событий в истории научной мысли, изучение которого, может быть, позволит приблизиться к выявлению законов так называемой научной интуиции.

Сейчас, по-видимому, мы подходим к новым дерзаниям, может быть, не менее коренным образом меняющим наше мышление. Мы подходим к построению мира без материи. Да и так наша материя, являющаяся для нас совокупностью атомов, совершенно и по существу отлична от той, какую мыслили, например, Галилей, Декарт, Ньютон. Ибо атомы материи наших представлений, почти не заключающие материальных частиц, «пустые» пространства, в которых плавают ничтожные центры влияний, отличные от пустоты – причем о «пустоте» атома мы ничего не знаем, – в корне отличны от тех атомов, о которых имели понятие великие умы, создавшие миропонимание нашего времени. Логический анализ новых понятий приводит к несводимым в единое целое противоречиям. Они станут еще бóльшими, если окажется невозможным выразить языком и представлениями классической механики и даже вообще в образе движущихся частиц строение атомов; если действительно путь, вначале с таким успехом проложенный Д. Томсоном, Э. Резерфордом, Н. Бором (аналогия атома, правда, явно внешняя, с планетной системой), явится окончательно недостаточным для объяснения явлений, вскрытых нашим опытом и нашим наблюдением. Замена *геометрического образа* атома новым *символом*, наподобие кванта, положит еще более резкую грань нового миропонимания будущего от идей о мире времен молодости людей моего поколения.

Такое представление будет иметь тем большее значение, что наша мысль неудержимо и неизменно будет пользоваться атомами, как прообразами,

несводимыми на движение, для выявления всех других мельчайших моделей, какие будут нужны нам для построения картины физико-химических явлений.

Одновременно в наше научное мировоззрение, в самую его суть, уже вошло другое *несводимое на движение* представление – учение о симметрии. Оно находится в нем как стороннее включение, не связанное с другими созданными физиками и математиками моделями мира и материи. А между тем эмпирическая основа учения о симметрии является одним из самых прочных достижений науки. Его глубокое значение провиделось Л. Пастером и П. Кюри, на нем строится учение о твердом состоянии материи – кристаллография, оно неудержимо захватывает химию и минералогию, но оно стоит сейчас не только вне области нашей картины мира, оно не затронуто философской мыслью, и не выявлены те следствия и те приложения, которые из него следуют и которые неизбежно приведут к чуждой прошлым векам научной картине Вселенной.

Гораздо большее внимание возбуждает учение об относительности, которое приводит к совершенно новой картине мира, резко меняет царящее до сих пор ньютоновское ее построение. Коренное изменение научного понятия о времени и исчезновение из картины мира всемирного тяготения как особой силы или формы энергии – если они окончательно войдут в общее сознание, а они входят – положат такую же непереходимую грань между нашим пониманием строения космоса и идеями XIX столетия, какую положило в свое время это самое обобщение И. Ньютона между научными новым и древним или средневековым миропониманиями. Очень часто приходится слышать, что победа теории относительности не внесет больших изменений в научную работу, чем вносили в нее другие крупные научные достижения XIX в., такие, например, как учение об энергии.

Едва ли можно с этим согласиться. Те открытия не нарушали рамок наших основных физических представлений, но теория относительности, в корне меняя ньютоновские модели мира, вводит нас в новый мир идей; всех последствий этого шага мы не можем себе сейчас даже и представить. Мы знаем, что ньютоновские идеи о силе, действующей «мгновенно» на расстоянии, нарушали все миропонимание ученых XVII и XVIII вв. Потребовалось несколько, около трех, поколений для того, чтобы они наконец вошли в общее сознание, причем огромную роль в этой победе ньютоновских идей сыграла не их логическая сила, а элемент общественного характера – их внедрение в школу, воспитание с детства в духе этих непонятных для эмпирического знания представлений. Выросло поколение, привыкшее с детства считаться как с фактом с тем, что людям, мысль которых была более независимой, казалось абсурдом. Сейчас, через четверть тысячелетия, мы к ним так привыкли, что нам трудно от них отойти в мир идей А. Эйнштейна. Я думаю, однако, что идеи Эйнштейна легче могли бы быть жизненно поняты противниками И. Ньютона; по сути они менее далеки от них, чем от нас. Отказ от ньютоновских идей является не менее крутым поворотом в ходе научного мышления, чем было их принятие. Он кладет грань между двумя мировоззрениями, как положила такую грань для мировоззрения новых веков и средневековья победа И. Ньютона.

В известной мере это – возвращение к нитям искания истины, оставленным при этом повороте в XVII столетии.

На фоне этих глубочайших изменений идей идет не менее коренное изменение основ химии, связанное с отождествлением атома и химического элемента и с введением в наш научный кругозор представлений о зависимости существования химического элемента от времени и о нахождении в его среде изотопов. И здесь мы захватываем нити древних исканий, оставленные в XVII–XVIII вв. и принадлежащие чуждому XVII–XIX вв. научному мировоззрению средневековья. Ярко в этих частностях сказывается огромная творческая работа этой отдаленной от нас столетиями полосы жизни человечества, значение которой только сейчас стало нам ясным благодаря достижениям истории искусства и истории философии.

Меняется не только химия, но благодаря новым представлениям о химическом элементе наблюдаемая картина звездного неба начинает вскрывать нам негаданные раньше явления. Достаточно сейчас вспомнить только о существовании в мире газообразных масс, плотность которых в десятки тысяч раз больше плотности воды, тогда как земная материя в самых тяжелых ее представителях, в платине или в иридии, всего в 20–22 раза тяжелее воды. Астрономия переживает брожение идей, которое в ее многотысячелетней истории напоминает, и по масштабу только с ним может сравниться, то изменение, которое было произведено в ее содержании, когда Галилей направил в начале XVII в. в Падуе и во Флоренции первый телескоп в область солнечной системы. Но сейчас область изменения представлений, не менее глубоких, охватывает весь доступный нашему умственному взору Космос, а не одну систему Солнца и Земли.

V

Перелом научного мировоззрения, сейчас указанный, охватил область физико-химических наук. В отличие от того, что наблюдалось в XVII и XVIII столетиях, науки математические и биологические, при огромном их росте в XIX в., не вносят в наше научное мировоззрение изменений, вызывающих коренной перелом по сравнению с миропониманием прошлого века.

Но в другой области знания – в *понимании положения человека* в научно создаваемом строе мира – сейчас наблюдается огромный скачок научного творчества, одновременно идущий с ростом физико-химических наук.

Напрасно стал бы человек пытаться научно строить мир, отказавшись от себя и стараясь найти какое-нибудь независимое от его природы понимание мира. Эта задача ему не по силам; она является и по существу иллюзией и может быть сравнена с классическими примерами таких иллюзий, как искания *regretuum mobile*, философского камня, квадратуры круга. Наука не существует помимо человека и есть его создание, как его созданием является слово, без которого не может быть науки. Находя правильности и законности в окружающем его мире, человек неизбежно сводит их к себе, к своему слову и к своему разуму. В научно выраженной истине всегда есть отражение – может быть, чрезвычайно большое – духовной личности человека, его разума.

Натуралист-эмпирик всегда должен с этим считаться; для него, с его методами искания истины, другой мир, не связанный с отражением человеческого разума, если даже он существует, недоступен. В философии в связи с этим натуралист неизбежно является реалистом, для него его научная картина мира есть нечто реально существующее.

Он может допускать возможность того, что такое отражение человеческого разума, а следовательно, и человеческой личности, в научно строяемом мире вообще не является случайностью; и уже неизбежно не является случайностью большая доступность для его научного творчества более близких к источнику разума природных явлений, каковыми являются все явления, связанные с жизнью человека. Всегда науки о человеке ближе к нему придвинуты; человеческая личность может в них проникать глубже, чем в научные дисциплины, изучающие Космос.

Изменение, происходящее в этой части картины мира, поэтому еще глубже и сильнее отражается на человеческой жизни.

Два больших новых явления научной мысли наблюдаются в XX в., в этой области знаний.

Во-первых, впервые входит в сознание человека *чрезвычайная древность человеческой культуры*, в частности, древность проявления на нашей планете научной мысли.

Возраст земли, по условиям своего климата не отличной от современной, измеряется миллиардом или миллиардами лет; в последних десяти тысячных долях этого планетного времени, несомненно, уже существовала научная человеческая мысль.

Во-вторых, впервые сливаются *в единое целое* все до сих пор шедшие в малой зависимости друг от друга, а иногда и вполне независимо течения духовного творчества человека.

Перелом научного понимания Космоса, указанный раньше, совпадает, таким образом, с одновременно идущим глубочайшим изменением наук о человеке. С одной стороны, эти науки смыкаются с науками о природе, с другой, – их объект совершенно меняется.

С каждым днем вскрывается все большая древность материальных остатков прошлого человечества, рисующих его духовную жизнь в такие эпохи, о которых не помышляли исследователи прошлого века; в то время и в сохранившихся и в дошедших до нас проявлениях духовного творчества – в языке, в древних преданиях, в частности – открываются реальности, которые казались невероятными исторической критике недавнего прошлого.

Совершается неожиданное для рационалиста-ученого гуманитарных наук, опиравшегося на разум, как на нечто совершенно самодовлеющее, но обычное для натуралиста-эмпирика явление. Логически вероятное заключение часто оказывается нереальным, и, наоборот, явление, шедшее в действительности, оказывается более сложным, чем это представлялось разуму. Рассыпаются идеальные построения разума, и невероятное логически становится эмпирическим фактом.

Одно из самых могущественных орудий роста исторических знаний, создание XVII–XIX вв. – историческая критика и достоверность ее заключений, – требует поправок, опирающихся на эмпирический материал, предви-

деть который разум не может; природный процесс может, как оказывается, в корне менять достижение исторической критики.

Одновременно история смыкается с биологическими науками. На каждом шагу начинает выявляться биологическая основа исторического процесса, не подозреваемое раньше и до сих пор, по-видимому, недостаточно учитываемое влияние дочеловеческого прошлого человечества; в языке и в мысли, во всем его строе и в его быту выступают перед нами теснейшие нити, связывающие его с его отдаленнейшими предками.

Все ярче выдвигается общность законностей для разных проявлений знания – исторических и биологических наук. Она, например, ярко чувствуется и ищется в том факте, с которым мы сейчас имеем дело – в одной из исторических наук, в истории знания и научной мысли. Появление пачками и сосредоточение в определенных поколениях умов, могущих создавать переворот в научных исканиях человечества, а следовательно, и в энергетике биосферы, не является случайностью и, вероятно, связано с глубочайшими биологическими особенностями *Homo sapiens*.

Проявлением той же неожиданно древней и сложной истории в современном проявлении человека может считаться в новой форме сложившаяся в XX в. единая история человечества, всемирная история в небывалом охвате, синтезирующая в единое целое работу всех цивилизаций человечества. Раньше концепции и представления о прошлом человечества сосредоточивались в истории европейской, тесно связанной со средиземноморским центром культуры. Эта европейская история казалась всемирной. Уже в течение всего XIX столетия шла неуклонная работа к перестройке этих не отвечающих реальному явлению представлений. Сейчас можно считать, что это ограниченное изучение прошлого кончилось. Исторический процесс сознается как единый для всего *Homo sapiens*, и в связи с этим, с одной стороны, укореняется связь исторических знаний с знаниями биологическими, а с другой – в строе исторических знаний идет перелом, небывалый по силе и по последствиям в их прошлом бытии.

Так, в науках физико-химических и в науках о человеке, исторических, одновременно идет исключительный по силе и размаху перелом творчества. Он находится в самом начале.

Он представляется натуралисту-эмпирику процессом стихийным, естественноисторическим, не случайным и не могущим быть остановленным какой-нибудь катастрофой. Корни его скрыты глубоко, в непонятном нашему разуму строе природы, в ее неизменном порядке.

Мы не видим нигде в этом строе, насколько мы изучаем эволюцию живого в течение геологического времени, поворотов и возвращений к старому, не видим остановок. Не случайно связано с предшествовавшими ему существами появился человек, и не случайную он производит работу в химических процессах биосферы.

Поворот в истории мысли, сейчас идущий, независим от воли человека и не может быть изменен ни его желаниями, ни какими бы то ни было проявлениями его жизни, общественными и социальными. Он, несомненно, коренится в его прошлом.

Новая полоса взрыва научного творчества неизбежно должна дойти до своего естественного предела, так же неизбежно, как движется к нему комета.

Эти величайшие движения научной мысли неизбежно отражаются уже сейчас на всей духовной структуре человечества. Они отражаются и на его жизни, на его идеалах, на его быте. С ним неизбежно связан новый рост философской мысли, который некоторыми уже указывается как начавшийся и новый подъем религиозного творчества.

С глубочайшим вниманием должен историк мысли, историк науки приглядываться в такие эпохи к происходящему. Он может учиться этим путем понимать прошлое и, может быть, провидеть будущее.

Но этим не кончается его деятельность.

В такие моменты взрывов научного творчества научное изучение прошлого научной мысли приобретает иное, более злободневное значение.

Мы замечаем сейчас огромное оживление в истории знания, рост работы в этой области. Он выявляется в быстром увеличении научной литературы по истории науки, в создании особых центров ее изучения – особых институтов, научных обществ и журналов, ей посвященных. В обычной научной работе историческая точка зрения проявляется, может быть, чаще, чем раньше.

Отчасти это связано с тем значением, которое имеет для историка научной мысли переживаемый момент, неволью возбуждающий в указанном направлении мысль каждого ученого.

Но этот рост объясняется и другим: тем, что при крутом переломе понятий и пониманий происходящего, при массовом создании новых представлений и исканий неизбежно стремление связать их с прошлым. Часто это историческое изучение является единственной возможностью их быстрого проникновения в научную мысль и единственной формой критической оценки, позволяющей отличить ценное и постоянное в огромном материале этого рода, создаваемом человеческой мыслью. Значительная часть этого материала имеет преходящее значение и быстро исчезнет. Чем скорее можно это понять, тем быстрее будет движение нашей мысли, рост нового научного миропонимания. Такой отбор научного и важного точнее и быстрее всего может быть произведен при историческом его изучении.

Научная организация еще не применилась к новым стадиям науки. Но мы уже видим ростки ее будущего в науках физико-химических. Они слабы еще, но это начало. В симпозиумах американских ученых, в международных обсуждениях Фарадеевского общества в Лондоне, в обзорах научных журналов все ярче выступает исторический аспект при обсуждении самых животрепещущих, *les derniers cris* научных вопросов.

История науки является в такие моменты орудием достижения нового.

Это ее значение, впрочем, всегда ей свойственно. Научное изучение прошлого, в том числе и научной мысли, всегда приводит к введению в человеческое сознание нового. Но в моменты перелома научного сознания человечества так, и только так открываемое новое может являться огромной духовной ценностью в жизни человека.

Этот злободневный интерес истории науки, помимо ее значения как искания истины, мы не можем и не должны забывать и в нашей Комиссии, единственном центре этой научной дисциплины в нашей стране.

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧЕНЫХ

1922 г.

Мы подходим к великому перевороту в жизни человечества, с которым не могут сравняться все им раньше пережитые. Недалеко время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который даст ему возможность строить свою жизнь, как он захочет. Это может случиться в ближайшие годы, может случиться через столетие. Но ясно, что это должно быть.

Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не на самоуничтожение?

Дорос ли он до умения использовать ту силу, которую неизбежно должна дать ему наука?

Ученые не должны закрывать глаза на возможные последствия их научной работы, научного прогресса. Они должны себя чувствовать ответственными за все последствия их открытий. Они должны связать свою работу с лучшей организацией всего человечества.

В.И. Вернадский. Очерки и речи. Петроград: 1922, Вып. 1, с. II.

ИЗ ДНЕВНИКА

21 мая 1884 г.

Завтра у меня соберутся для обсуждения вопроса о *народных библиотеках*. Необходимо подумать и обсудить, какие книги должны предлагаться народу. Можно теперь [изложить] только самые абстрактные представления (мое мнение):

1. Необходимо, чтобы были книги по всем вопросам, волнующим народ: книги о землевладении, описание мест и путей в России (для переселенцев), объяснение народных прав, изложение разных вероучений, [о] народной школе, царя.

2. Книги о природе – в популярном народном виде должны быть изложены все возможные научные сведения: о небе и земле, звездах, солнце, погоде, почве, растениях, животных, людях. Народные медицина и гигиена.

3. Рассказы из истории страны.

Чем глубже в массу будут распространяться сведения, приобретенные наукой, тем лучше.

Общей идеей нашей должно быть то, что народ должен понимать свои силы и права, должно быть то, чтобы приводить народ к сознанию, что надо ему самому управлять собой. Стараться доставить народу ряд практически необходимых и важных сведений, пытаться направить его мысль и убедить его в его силах.

- а. Государство и правительство существуют для народа, а не народ для государства и правительства.

- б. Только тогда, когда большинство массы поймет и свое положение и свои силы, только тогда возможно более разумное ниспровержение нынешнего паразитного правительства. Для этого необходимо распространение знания, а для этого – народная литература...

До сих пор народ не тронут научными знаниями. Старые идеи и старое мировоззрение, много веков тому назад отброшенное наукой, владеет им. Едва-едва, с большим трудом входят в массу научные знания; причина – отчасти исторически сложившиеся обстоятельства, сделавшие из масс одно орудие при-вольной жизни стоящих у кормила правления, отчасти малая работа в этом на-правлении лиц, сознающих подобное печальное и опасное положение вещей. Чтó же дóлжно поставить нашей идеей, нас всех связующей? Стараться рас-пространить в народе научное мировоззрение; дать ему верное представление о том, в каком положении он находится в государстве и чем он должен быть; доставить ему сведения, необходимые как в обыденных делах, так и в жизни.

Природа, 1967, № 10, стр. 103–104.

О РОЛИ НАРОДНЫХ МАСС

Письмо В.В. Водовозову*

Мюнхен

[18]88.X.22

Дорогой Вася,

Твое письмо застало меня в Англии, где я пробыл около месяца, про-был несколько дней в Лондоне и затем побывал в окрестностях Бристоля и в северном Уэльсе. Мне не хочется теперь возражать тебе на твоё мнение о Германии, но я не вижу ни малейшей надобности смягчать своё. Мне не хочется много возражать на него, п[отому] ч[то] недавно писал о Германии, а т[ак] к[ак] хвалить её я не могу, то боюсь очень, чтобы не вышло из меня нечто вроде немцофоба – а быть «фобом» какой бы то ни было *народности* я отнюдь не желаю. Мне хочется заметить по поводу одного явления, кото-рое я очень считаю важным. Мне кажется, не совсем правильно оценивается *культурность*, образованность известной нации и на основании этого дела-ется целый ряд выводов; мне хочется изложить тебе этот вопрос возможно ясно и глубоко [пребывание мое в Германии, кажется, выразилось в том, что я стал изъясняться ещё туманнее, и – к моему крайнему недоумению – иног-да говорил с Сергеем** и К^о в Л[ондоне] так, что они не могли меня понять]*,

* Василий Васильевич Водовозов (1864–1933) учился вместе с В.И. Вернадским в Петербург-ском университете. Здесь состоялось их знакомство, вскоре переросшее в тесную дружбу.

В.В. Водовозов принимал довольно активное участие в оппозиционном движении сту-денчества Петербургского университета, сочувствовал народничеству и распространял рево-люционную литературу. Впоследствии сотрудничал в демократической печати, являлся вид-ным деятелем партии трудовиков. Не будучи марксистом, Водовозов занимал правильную позицию по некоторым политическим вопросам на различных этапах революционной борьбы в России. Так, он выступил с разоблачениями соглашательской тактики кадетов в первой рус-ской революции, резко критиковал в 1917 г. Временное правительство за отказ опубликовать заключенные царизмом тайные договоры с империалистическими державами.

В начале 1887 г. В. В. Водовозов был арестован и находился под следствием, а затем по приговору суда был сослан на несколько лет в Архангельскую губернию. Возможно, по этой причине письмо В. И. Вернадского адресату отправлено не было.

** Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) – выдающийся советский востоковед и обще-ственный деятель, с 1904 по 1929 гг. Непременный секретарь Академии наук. Друг В.И. Вер-надского со времени совместной учебы в Петербургском университете.

и, с другой стороны, разъяснить одно твое относительно меня замечание, п[отому] ч[то] я думаю, что ты меня не так понял, как я того хотел.

Я думаю, что народная, массовая жизнь представляет из себя нечто особенное, сильное, могучее. Масса народная обладает известной возможностью вырабатывать известные знания, понимать явления – она, как целое и живое, обладает своей сильной и чудной поэзией, своими законами, обычаями и своими знаниями; я думаю, что она обладает и еще одним качеством, – что она дает счастье отдельным лицам, которые живут с ней неразрывно. Я не могу точно определить и даже хорошо объяснить себе, почему достигается этим счастье, почему несомненно является и чувство связи и какое-то сознание цели у людей, которые более или менее вполне проникаются народной, массовой жизнью. Я вовсе не поклонник ни идиллических теорий первобытного счастья, золотой жизни диких народов, и я вовсе не вижу надобности во всем и всюду идеализировать крестьянина и не считаю, что вся «правда» б[олее] или менее известна крестьянской массе; но я сознаю, что возможна цельная, глубокая жизнь в крестьянстве, я сознаю, что в народных массах бессознательно идет работа, благодаря которой вырабатывается что-то новое, что-то такое, для чего и стоит жить и что приведет к неведомым, неизвестным результатам. Самое важное и самое глубокое, что есть в этой выработке новых *идеалов народными массами* – это то, что идеал вырабатывается *жизнью*. Как долго идет и шла такая работа – я не знаю; я еще не понимаю и, каким образом она происходит, но для меня несомненно, что она происходит совокупной работой отдельных единиц. И вот этой работой вырабатываются формы поэзии, такой несравнимой, чудной; вот этой работой достигается известное общественное *знание*, выражающееся в иных законах, в иных обычаях, в иных идеалах; вырабатывается понятие красоты и многие другие, которые и нами принимаются...

И в самом деле, на чем основано наше убеждение, что есть только *один* путь познания? Отчего мы можем *узнавать* только путем тех логических попыток, которые делаются отдельными людьми и которые поправляются другими людьми? Если мы вдумаемся в это, то увидим, что у нас нет никаких данных для этого или все эти данные вроде *circulus vitiosus*'a [порочного круга].

То, что выработано *народною* жизнью, несомненно, является сильным, прекрасным, могучим и в то же время является таким властным, что я не чувствую себя в силах освободиться от этого, и даже является таким сросшимся со всем существом моим, что я не чувствую желания сбросить эти оковы – мне даже кажется иногда, что это массовое познанное является основой всего моего ума и что я могу только добиваться чего-нибудь, когда исхожу и опираюсь на это массами познанное. Я вижу, с другой стороны, что счастье может даваться живущим в массовой мысли. Я не вижу нигде опоры, на которую можно было бы опереться – я не вижу ни в чем преграды сомнению и вследствие этого же сомнения – сомнения и в самом способе познания и сомнения – принужден ухватиться за этот способ познания, сила которого представляется мне великой. Велика она и тем, что вся *жизнь* является при этом средством познания...

Я вижу, как из работы отдельных лиц, опирающихся и исходящих постоянно из познанного массами, выработалось огромное, подавляющее здание

науки; я вижу, как неутолимо идет работа в нем – работа ошупью, работа почти всегда наугад и как из нестройных, беспорядочных попыток отдельных лиц мало по малу, годами и столетиями вырабатывается нечто более стройное и более упорядоченное. Но в этой работе научной является форма той же массовой работы, только более односторонней и потому менее сильной, менее результативной.

Задача вся состоит в том, чтобы и эта работа вошла в общую массовую жизнь, чтобы масса поднялась до этой работы и влила сама в нее то, чего недостает в ней. И как явилась прекрасной ее поэзия, как явилась чудной ее музыка и как явились высоко гармоничными те или иные мысли, идеалы, стремления из массовой *жизни* – так, я думаю, должна явиться могучим и новым и наука, знание, вошедшее в массы и их до себя поднявшее.

Те или иные формы, которые мы придаем нашим стремлениям, — стремления ли братства, как в нашем кружке*, или замечаемое теперь во всех, кажется, странах усиление значения, придаваемого семье, общей собственности земли или деревенской жизни, реформе религии, – это частные стремления к одному и тому же, это слабые, неуклюжие проявления той же идеи. То, что в бессознательной форме зажглось в нас, зажглось в то же время и в массе людей – оно выразилось в разных формах, оно проявилось с различной силой – но оно явилось, оно живет и оно даст результаты. Неважно, если в одном, другом месте оно погибнет, не страшно, если перед тяжестью жизни не привьется и низложится идея, исстрадаются люди. Сила идеи именно в том, что даже когда те, которые первые принялись за нее, разметутся или падут в своей слабости, она зарождается без их ведома в других людях и несетя дальше, и поднимает массы, и сама растет, изменяется. А идея всегда прекрасна и отчего, почему она так красива и так бесформенна?

Мне иногда кажется, что эта массовая жизнь есть какой-то отголосок космических сил, которые – мы видим – всюду действуют и что, если бы мы смогли применить сюда обычные нам логические методы, мы могли бы разбить эту жизнь на известные рамки, на известные частички, которые оказались бы связанными с более широкими и более общими явлениями, мы [с] могли бы найти «законы» этой жизни и «формулы» ее развития...

Но ясно одно – если у тебя Сомнение касается всего и ни перед чем не оттанавливается – оно заставит тебя сомневаться и в обычных путях познания, оно не оставит ничего доказанным и заставит тебя *желать* узнать. А узнать ты можешь не одним способом; узнать ты можешь не только одним путем «научного» анализа и т.п. методов, «узнать» – ты так не можешь, если бы ты [даже] трудился дни и ночи, и если бы твой ум и фантазия обладали самой великой силой и мощью. Ты должен «узнавать» всеми средствами – и вот тебе способ познания, где вся *жизнь* твоя, весь ее уклад является средством того же по-

* Автор имеет в виду созданный в студенческие годы на почве дружеских связей молодых людей узкий кружок, получивший название «Братства». Из числа его членов вышли впоследствии видные ученые и общественные деятели; кроме В.И. Вернадского – С.Ф. Ольденбург, А.Н. Краснов, Н.Г. Ушинский, П.А. Землячченский, И.М. Гревс, Д.И. Шаховской и др. «Братство» продолжало некоторое время существовать и после окончания его участниками Петербургского университета. Дружеские связи между ними сохранились на всю жизнь. На собраниях кружка в непринужденной обстановке обсуждались волновавшие молодежь того времени научные философские, социальные, этические проблемы.

знания, где достигается какая-то особая, какая-то новая гармоничность, правильность – и этой гармоничностью, несомненно, тоже достигается «знание».

Ты видишь, следовательно, мой милый друг, что я вовсе не являюсь человеком, не сознающим значение масс в общей жизни человечества. И если я все-таки говорю, что в истории достигается более отдельными «личностями» – если я ставлю очень высоко значение «личности» в исторических событиях, то это вовсе не потому, чтобы я преуменьшал значение масс в «делании истории».

Я думаю, что это тоже вопрос о свободе воли, только на другой подкладке. И как, чтобы нам понимать друг друга хорошенько – надо быть одного понимания «свободы воли», так точно и здесь. Очевидно, говоря о значении личности – я не говорю, чтобы личность могла действовать вне зависимости [от] места, времени, людей – я не могу говорить о «свободном» действии личности. Но я не вижу и не понимаю, почему работа массовой жизни не может и не должна выражаться особенно ярко и сознательно в отдельных личностях? Почему в отдельных личностях не могут развиваться особенно сильно и другие стремления, которые являются результатом сложного процесса того же познания (т.е. жизни) массы, но в то же время – так односторонне сильно развитые – [не могут] являться противником самых ясных логических следствий массовой работы? И отчего непременно явится «массовое», непосредственное делание отдельных исторических событий, когда «исторические события» являются столь же мелкими углублениями в массовой жизни, как и отдельные личности? Обо всем этом, однако, напишу в другой раз – а теперь и так написал очень много.

О культуры также не докончил и даже не начал – а все неуменье справляться с мыслями и упорядочивать их.

Всего, всего тебе лучшего, мой милый друг. Все думаю, что в первый же год моего приезда в Россию приеду к тебе и тогда мы поговорим. А пока – пиши побольше, а то очень и очень коротки твои письма.

Работа моя идет очень порядочно.

Всего, всего тебе лучшего.

Твой Владимир

Архив АН СССР, ф. 518, оп. 3, д. 1949. Автограф.

О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

Из записок

Авг⟨уст⟩ ⟨18⟩ 92 ⟨г.⟩

Вдумываясь в окружающую, будничную жизнь, мы можем наблюдать в ней проявление основных идей и верований текущего и прошлого поколения, можем видеть постоянное стремление человеческой мысли покорить и поработить себе факты совершенно стихийного на вид характера. На этой будничной жизни строится и растет главным образом основная сторона человеческой мысли. Быстро исчезает человеческая личность, недолго относи-

тельно хранится любовь окружающих, несколько дольше сохраняется память о ней, но часто чрезвычайно долго в круговороте текущей, будничной жизни сказывается ее мысль и влияние [ее] труда. Невольно и часто бессознательно она работает над жизнью, потому что для нее эта работа является необходимым и неизбежным элементом существования. Коллективной работой массы людей жизнь человеческих общин и самого человечества получает стройный характер – постоянно на этой жизни мы можем наблюдать проявление сознания, причем сами явления жизни получают характер непреложных *законов*, слагающихся как под влиянием сознания отдельной личности, так и *сознательной* однообразной работы массы мелких человек[еских] единиц. Такой законообразный характер сознательной работы народи[ой] жизни приводил многих к отрицанию влияния личности в истории, хотя в сущности мы видим во всей истории постоянную борьбу сознательных (т.е. «не естественных») укладов жизни против бессознательного строя мертвых законов природы, и в этом напряжении сознания вся красота исторических явлений, их оригинальное положение среди остальных природных процессов. Этим напряжением сознания может оцениваться историческая эпоха.

Влияние идеи и мысли на текущую, будничную жизнь широко и постоянно; оно несколько веков становится сильнее и могущественнее. Этот процесс обещает много впереди; сама его продолжительность зависит от неуклонного к нему стремления отдельных сознательных личностей. В явлениях текущей жизни каждая личность тем более имеет влияние на жизнь, тем более ведет к победе мысли (т.е. гармонии и красоты), чем сознательнее постоянно и серьезно она ищет проявления основных идей в окружающей текущей жизни, чем непреклоннее и яснее оценивает каждое явление со стороны общих, дорогих ей принципов и чем более выясняет себе, что именно с точки зрения Мысли и Идеи значит каждое событие текущей, будничной жизни, что надо делать, чтобы оно шло по пути идеи и мысли. Тогда каждая личность в своей жизни является отдельным борцом проникновения сознания в мировые процессы, она своей волей становится одним из создателей и строителей общего *закона*, общего изменения, изменения сознательного, тех или иных процессов, и этим путем участвует в глубоком процессе – переработки мировых явлений в целях, выработанных Сознанием. Силы личности и влияние ее, понимание ею жизни (а тут работа над пониманием – есть сама по себе общественное дело великой важности для всякой личности, не живущей на необитаемом острове) увеличиваются по мере вдумывания в процессы будничной жизни.

Вдумывание в эти процессы имеет еще другое значение, т(ак) к(ак) в них сказывается мысль и других сознательных личностей и на них познается, пробуется всякий принцип, всякая идея другими личностями. Понятно поэтому, что многое новое и отсутствующее в остальных естест(венных) явлениях должно раскрываться и уясняться для всякого человека при вдумывании в совершающуюся вокруг него мелкую, глухую жизнь.

Так ли глуха эта жизнь, как она кажется? Так ли она бесформенна и случайно-бесцельна, как представляется? Так ли бессильна личность противиться уродливым проявлениям жизни, и не есть ли отсутствие ясного понимания и оглашения этой уродливости отдельн(ыми) личностями самая основная причина и главная сила всех уродливых течений жизни?

Общество тем сильнее, чем оно более сознательно, чем более в нем места сознательной работе по сравнению с другим обществом. Всякий его поступок тем более правилен, т.е. находится в гармонии с «общим благом», с «maximum'ом доступного нашей эпохе напряжения сознания в мировой жизни», чем ярче он является результатом работы числа людей, могущих мыслить. Когда есть ряд человеческих обществ, и в этих обществах, государствах, в одних широко дана возможность мыслящим единицам высказывать, обсуждать и слагать свое мнение – в других такая возможность доведена до minimum'a – то первые общества гораздо сильнее и счастливее вторых обществ. Если же в первых, сверх того, необходимые коллективные поступки делаются на основании правильно составленного мнения лучших людей, а во вторых [обществах] на основании мнения случайного характера людей случайных – то сила первых обществ еще более увеличивается. В таком случае неизбежным образом для вторых обществ ставится на карту вопрос их существования и жизнь в [этих вторых обществах] них становится труднее и безобразнее. Между тем, совершенствование первых обществ возможно лишь при охвате ими всех людей, живущих в условиях необходимости внешних сношений, и возможно лишь при необходимом усложнении всех сторон будничной жизни. Вследствие этого, правильность коллективных поступков общин 2-го типа становится меньше, а, следовательно, условия жизни входящих в их состав единиц с каждым годом все менее благоприятны. Жизнь человечества все более усложняется, сношения между людскими общинами увеличиваются, коллективные поступки других общин становятся все правильнее – а потому ошибочность в поступках общин 2-го типа увеличивается и ненормальность их устройства становится яснее и серьезнее. [Это естественные враги.]

В таком случае является необходимость найти исход из [такого]* ненормального положения. Мыслимы три случая. Или такая община, или такое государство достаточно физически сильно и может направить данную силу дурно, т.е. противно людскому благу и интересам прогресса; или оно не может победить прочих государств и должно медленно или быстро разрушаться, или в нем достаточно людей с сильной волей и ясным сознанием, и эти люди могут изменить ненормальные условия жизни.

Существование таких людей необходимо во всех случаях. Их количество и качество решают судьбу государства. Между тем, все условия жизни в таких обществах препятствуют, вообще говоря, их образованию – а потому те, которые почему бы то ни было могли образоваться в таком государстве, должны особенно напрягать свои силы и жить особенно интенсивно и вдумчиво.

В типичном подобном положении находится Россия, и перед нами как раз теперь стоят все эти вопросы, перед каждым из нас лежит обязанность уметь дать ответ в тех трудных обстоятельствах, какие ставятся нам жизнью.

Нет кругом талантов или могучих публицистов, которые могли бы являться передовыми вождями—борцами и вести всех мыслящих, всех сомневающихся к одной великой, беспощадной борьбе с злом, мраком и несчастьем, охватившими нашу родную землю. Нет людей, которые могли бы растолковать и объяснить пагубное течение русской жизни. Является поэтому обязанностью и делом простых русских граждан пытаться *публично* разбираться

самостоятельно самим в сложных явлениях жизни и растолковывать их, обсуждать сообща, пропагандировать их среди русского общества. Рядом таких случайных писателей заменяется недостаток – очень печальный – в нашей жизни сильных и талантливых публицистов и критиков.

С этой целью попытаюсь и я, простой наблюдатель, изложить в этих отрывках мысли и желания, которые являются у меня под влиянием размышления над нашей характерной русской жизнью.

Мы поставлены в тяжелое положение, у нас завязан рот, заткнуты уши, мы не имеем почти возможности влиять на поступки того государства, гражданами которого являемся, не можем исповедовать веры, какая нам дорога, и проч., и проч.; но есть и хорошая сторона в нашей жизни – это то, что для нас особенно дорог, что нам особенно близок и красив тот идеал *свободы*, который для наших западных соседей является не предметом желания, а предметом обладания. В нашей русской жизни особенно ясна его красота, гармония и сила.

Архив АН СССР, ф. 518. оп. 1, д. 215, лл. 1–8.

ОБ ОБЩЕМ ХОДЕ РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФИИ

[Вероятно, конец XIX – начало XX в.]

1

В общем ходе развития философских идей заметна периодичность. Мы находимся теперь во втором незаконченном философском периоде. На почве религиозного, довольно грубого, формального, но ясного мирозерцания в VI в. до Р. Х. зарождаются системы ионийской натурфилософии. В них определенно ставятся космологические проблемы, впервые выясняется понятие о мире как целом, правильно появляются многие научные вопросы из области мертвой природы. Первоначальные понятия неясны, спутаны, смешаны. Многочисленные, вдохновенные мистические и религиозные интуиции проникают целиком эти первые философские системы. В них слита философия с точным знанием. Развитие математики и математического сознания тесно связано с философской работой. Оно исходит из той же умственной среды, иногда ведется теми же лицами. Постепенно путем выработки более ясного и точного языка, различения и определения понятий, отделяются от философии области, способные к точному изучению, и совершенно меняются задачи философских изысканий. Сперва на первый план выдвигаются вопросы жизни; в них самой жизнью выработаны нормы, усвоены и разделены понятия, сознательно проведена точность языка. Это вопросы политические, этические и психологические. Более глубокие и основные вопросы логики и теории познания привлекают умы позже. Работа выделения и отделения новых областей знания идет непрерывно; создаются символы и объекты изучения, иногда имеющие реальное значение, иногда получающие его благодаря общему состоянию знаний и привычек мышления (бог и божества, идеи, природа, материя, чувство и т.д.). Но все же остается огромная область наблюдаемого, мыслимого или чувствуемого, которая не поддается никакой символизации. К ней постоянно

обращается мысль и чувство философских интересов, и этот неразгаданный остаток оказывает все большее и большее влияние на направление человеческого ума. Философские системы превращаются в системы мистические, вопросы религиозные, вопросы тайн начинают все более и более завлекать исследователя. В этом безнадежном конце философского периода только тонкое и ясное орудие мышления сохраняется и обостряется в схоластических умозрениях.

Новый период начинается в XV в. На почве религиозного брожения, выраженного в школах мистиков, в развитии магических увлечений, в тесной связи с теологическими задачами схоластики, вырастает натурфилософия, гл(авным) обр(азом), итальянская. Развитие идет очень быстро, т(ак) к(ак)могущественно было влияние уцелевших остатков поздних стадий первого периода философского мышления (гл(авным) обр(азом), неоплатоников и т.п.). Здесь область точного знания и философии нераздельна. Одновременно начинается могучее развитие математики и математического понимания явлений природы. Одни и те же люди работают иногда в обеих областях искания. Но орудие философской работы – мышление – было перенесено более совершенным из первого периода и было развито работой схоластиков. Весь процесс пошел быстрее, и благодетельное влияние лучшего орудия мышления сказалось прежде всего в области математики и точного знания. Они раньше всего воспользовались точным и строгим, выработанным схоластикой, юриспруденцией и теологией, аппаратом мышления. Все новые и новые области захватываются точным знанием, исчезают и дробятся старинные философские символы. Глубже становится философский язык, утончается орудие разума – логика и теория познания открывают совершенно неожиданные и необозримые горизонты. Но малотронутой остается огромная область, и раньше давившая на человеческий ум. Как вечный, неприступный сфинкс выглядывает она отовсюду, на каждом шагу, в области философских и научных размышлений. Иссякает созидательная работа разума. Вновь выдвигаются мистические, религиозные – и магические – стремления и интересы. Они проникают не только философию, но и математику, и точное знание... Начинается конец периода?.. Перенесется в новый период только опытное знание – которое сыграет роль схоластики?

2

Часто приходится слышать о мировом значении реформации, как крутом прогрессе человеческого сознания. В общем мировоззрении образованного русского общества это почти сделалось общим местом; оно входит в плоть и кровь с школьного обучения.

Такое мнение представляется мне непродуманным отражением исторических традиций, влиянием старых протестантских религиозных воззрений на понимание хода истории.

[Мировое значение каких-нибудь исторических событий или основывается на существенно новом, что они вносят в жизнь человечества, или выясняется на]. Каждое крупное историческое явление или вносит в жизнь человечества что-нибудь существенно новое или вызывает многообразные новые черты строя, жизни или мысли, которые придают иной смысл и значение самому явлению. С этих точек зрения надо оценивать и реформацию, причем, очевидно, только оценка по существу может быть сделана ясно и

точно. Только она несомненна, поскольку несомненны посылки, принятые за меру оценки. Оценка по последствиям всегда построена на гипотетических данных, т(ак) к(ак) в сложном жизненном процессе мы не можем выделить влияние одиноких факторов. Мы имеем здесь аналогию строки Фурье.

Что же она внесла нового? Говорят, она освободила человеческую личность от авторитета Церкви и внесла бóльшую свободу и глубину в понимание религии; поставила на первом плане веру (а не догму или форму = преданию), предоставила внутренней совести больше места в руководстве нравственной и религиозной жизнью человека. Но все эти обобщения получают иной вид, если ближе присмотреться к фактам. Свобода человеческой личности от авторитета церкви исчезла с созданием различных реформационных церквей. Но существу, она не могла быть полной и не представляла шага вперед по сравнению с католической церковью, т(ак) к(ак) реформация признала первородный грех, искупление верой в божество И(исуса) Х(риста) и т.п. догматы. Благодаря ей усилилась теология Августина. Оставаясь в узких рамках христианства, реформационная мысль ничего не внесла нового по существу в человечество. Разные протестантские (реформационные) секты лучше католической ц(еркви) м(огут) б(ыть) только тем, что их много и потому легче уйти от их кары и давления. Но это явление, не зависимое от их содержания. Протестантские секты и церкви не являются более разумными, чем католичество; внесение некоторого неполного рационализма не делает их более совершенными. Разум получает права только во внешних сторонах, в житейских явлениях – а по существу он так же здесь заперт, как и в католичестве или в православии; оно (внесение некоторого неполного рационализма) является компромиссом, который позволяет уживаться людям, боящимся мысли до конца, но, по существу, ослабляет единство здания и протестантские...

Архив АН СССР, ф. 518, оп. 1, д. 161, лл. 53–55. Автограф.

СОЦИАЛИЗМ И НАУЧНАЯ МЫСЛЬ*

Среди сутолоки жизни и преходящих интересов дня не обращают на себя внимание вечные философские вопросы, волнующие человечество, отвлеченные, абстрактные искания человеческой мысли. А между тем, именно они в действительности управляют современным движением, они руководят действиями отдельных лиц, двигают народные массы, дают тон всему содержанию русской жизни; в них кроется смысл движения, и оно может быть понято и оценено только при свете этих вечно юных, далеких от мелочей жизни идей и стремлений. Будущий историк, обращаясь к великой русской революции, увидит в ней проявление и провозглашение этих абстрактных идей, он извлечет их в конкретной форме отдельных событий, и в таком виде они явятся живительными и самостоятельными агентами будущего развития человечества, как являются теперь для нас и являлись в течение всего XIX столетия абстрагированные и опозитизированные события Великой французской революции конца XVIII века.

*Фрагмент незавершенной статьи «Исторический смысл событий в России». Судя по содержанию относится к 1905–1906 гг. – *Ред.*

В настроениях минуты и в событиях дня можно отметить три таких течения, которые смотрят вперед, которые не стремятся восстановить прошлое, которые кладут камни будущему строю человеческого общества. В их борьбе – на конкретной почве русской действительности – вырисовывается для нас смысл переживаемых нами событий, заключается глубочайший философский интерес преходящего дня. [Всякий мыслящий человек, внимательно и страстно всматриваясь в эту борьбу, стремится на ней познать].

Одно из них тесно связано с великим социалистическим движением XIX столетия. Оно является результатом социалистического мировоззрения, социалистического понимания хода и задач общественной жизни. [Основываясь на социалистическом идеале будущего строя общества, можно – даже в мелочах – вывести картину будущего, схему – идеальное построение нового государства трудящ]. Социализм явился прямым и необходимым результатом роста научного мировоззрения; он представляет из себя, может быть, самую глубокую и могучую форму влияния научной мысли на ход общественной жизни, какая только наблюдалась до сих пор в истории человечества, если исключить влияние техники, ибо это последнее совершается вне воли и сознания его творцов. Социализм же есть явление сознательное, и вся сила и весь смысл его заключаются в проявлении сознательности в народных массах, в их сознательном участии в окружающей жизни. Социализм вырос из науки и связан с ней тысячью нитей; бесспорно, он является ее детищем, и история его генезиса – в конце XVIII, в первой половине XIX столетия – полна с этой точки зрения глубочайшего интереса. Он явился одним из следствий неизбежного демократического характера науки и научного мышления, ибо наука – по самой сути вещей – не может признавать возможными какие-либо грани и различия между теми, кто способен овладеть научным мышлением и выступить на научную дорогу. Там все равны, и правильное развитие науки предполагает демократическое общественное устройство, ибо вся конструкция науки к нему приспособлена, предполагает его существующим, во всяком случае в научной области.

Глубокая критика хозяйственной жизни раскрыла перед нами причины экономического неравенства и связанных с ними несчастий и страданий с такой силой, какая была раньше неизвестна. Эта научная критика, общие положения которой разделяют судьбу всех научных...

Архив АН СССР, ф. 518, оп. 1, д. 276, лл. 477–479. Автограф.

О ВАЖНОСТИ ОХВАТА ЯВЛЕНИЙ В ИХ ЦЕЛОСТНОСТИ

20 августа 1920 г.

Меня уже давно удивляет отсутствие стремления охватить Природу как целое в области эмпирического знания, где мы, однако, можем это сделать. Мы нередко даем простое собрание фактов и наблюдений там, где мы можем дать целое. Таково, например, изложение динамической геологии, минералогии, биологических дисциплин, связанных с географией, и т. п.

Как будто какая-то леность ума. Чувствуется, что некоторым усилием можно подняться до охвата всего явления в целом, но этого усилия не делаешь и видишь по литературе, что оно не делается и другими.

Изучая распространение H_2S , я мог бы охватить явление в целом его значения в земной коре, осмотреть его а' vol d'oiseau [с высоты птичьего полета] и получить новую картину, и не сделал. Сейчас то же самое для половых, возрастных разностей живого вещества и их значения в биосфере и т.п.

То же самое для значения человеческой жизни, главным образом культурной, в общей экономии природы.

Забыто чувство и сознание экономии природы и потеряна привычка вдумываться в природу этим путем.

А между тем кругом масса накоплена данных, которые только ждут такого охвата.

Архив АН СССР, ф. 518, оп. 1, д. 162.

АКАДЕМИЯ НАУК

АКАДЕМИЯ НАУК В ПЕРВОЕ СТОЛЕТИЕ СВОЕЙ ИСТОРИИ

В.Н. Татишев, один из образованных и крупных русских людей XVIII в., передает в одной из своих статей разговор, который он вел с Петром Великим в 1724 г., в эпоху создания Академии наук. Татишев пишет: «1724 г., как я отправился во Швецию, случилось мне быть у Его Величества в летнем доме; тогда лейб-медикус Блюментрост, яко президент Академии наук, говорит мне, чтоб в Швеции искать ученых людей и призывать во учреждающуюся Академию в профессеры. На что я, рассмеявся, ему сказал: ты хочешь сделать Архимедову машину очень сильную, да подымать нечего и где поставить места нет. Его Величество изволил спросить, что я сказал; и я донес, что ищет учителей, а учить некого: ибо без нижних школ, Академия оная, с великим расходом, будет бесполезна. На сие Его Величество изволил сказать: “Я имею жать скирды великия, токмо мельницы нет, да и построить водяную и воды довольно в близости нет, а есть воды довольно во отдалении, токмо канал делать мне уже не успеть, для того что долготы жизни наша ненадежна; и для того зачал перво мельницу строить, а канал велел только зачать, которое наследников моих лучше понудит к построенной мельнице воду привести; зачало же того я довольно учинил, что многие школы математические устроены. А для языков велел по епархиям и губерниям школы учинить, и надеялся, хотя плода я не увижу, но оные в том моем отечестве полезным намерении не ослабуют”»¹.

В красивой образной форме Петр в этом разговоре высказал глубокое прозрение в будущее, основанное на крепкой вере в тот народ, в истории которого он играл такую исключительно выдающуюся роль. Он понял происходивший исторический процесс гораздо глубже своего маловерного современника В.Н. Татишева. Ибо, передавая через 12 лет, в 1736 г., этот разговор с Петром, Татишев думал, что жизнь подтвердила его опасение и что вера Петра оказалась основанной на недоразумении.

С тех пор, с 1724 г., прошло 190 лет, и мы видим, насколько был прав Петр в своем, как ясно видно из этого разговора и других данных, сознательном решении создать Академию наук по типу Парижской академии наук и Лондонского королевского общества. Эта идея зародилась у Петра много раньше 1724 г., и сейчас нам известны исторические свидетельства, указывающие, что она занимала Петра и оставила след в государственных бумагах уже более 200 лет тому назад².

В долгий период, с 1724 по 1914 г., Академия наук пережила многое. И хотя до сих пор история ее не написана³, мы все же знаем урывками об огромном ее участии в истории русской культуры и ее значении в истории

человеческой мысли и научного знания. История Академии наук не только не написана – она не осознана русским обществом. Русское общество и в других областях не знает своего участия в мировой культуре за последние два столетия, не сознает значения своей в этом направлении работы. Еще недавно так же скрыта была от его сознания и его вековая творческая работа в области зодчества, живописи, музыки. Уже на нашей памяти вдруг начинает открываться перед изумленными современниками наше культурное прошлое в этой области; постепенно входит в сознание то, что бессознательно всегда лежало в основе нашей культуры, составляло ее силу. Едва ли может быть сомнение, что то же самое в скором времени должно произойти и в той области культуры, которую составляет научное творчество и научная работа. И здесь за последние 225–250 лет происходила в России огромная творческая работа, которая оставила глубокий след не только в истории русского общества, но и в истории человеческой мысли. И в этой работе была велика роль Академии наук.

В течение долгих 190 лет, т.е. в течение семи–восьми поколений, Академия наук в общем неуклонно держалась одних и тех же традиций, которые не менялись, несмотря ни на какие внешние и внутренние обстоятельства, даже в те периоды, когда Академия находилась в тяжелом состоянии. В истории Академии было даже два периода, когда она, казалось, стояла накануне гибели. Среди современников в эти годы шли толки о ее закрытии. Казалось, что от мелких событий дня зависело ее существование. Такой период был в первые десятилетия ее бытия, почти 170 лет тому назад, при воцарении императрицы Елизаветы Петровны⁴. Другое, не менее тяжелое время было пережито Академией 100 лет тому назад, в эпоху наполеоновских войн и изменения центральных учреждений России⁵. Она тогда едва подавала признаки жизни. Несомненно, и тот и другой периоды не наступали внезапно и быстро, а подготовлялись исподволь, и около этих времен, годами, жизнь в Академии шла тяжело, неправильно; учреждения Академии медленно замирали, ее начинания более или менее полно сходили на нет, число ее членов резко уменьшалось... Однако и в эти периоды упадка никогда не исчезала из ее жизни старая традиция, и она ярко сказывалась при ее возрождении. Эта неизменно непрерывавшаяся традиция высоких идеалов жизни и деятельности позволяла ей выходить невредимой из испытаний, и эта традиция представится нам как проявление исторического процесса, когда мы подойдем к научному изучению истории Академии наук.

Традиция эта тесно связана с теми различными точками зрения на задачи Академии, какие сказались в разговоре Петра и Татищева в 1724 г. Несомненно, то, что говорил Татищев, разделялось огромной частью тогдашнего русского общества и правящих его кругов. Академики, приехавшие в Петербург, встретили здесь среду если не враждебную, то недоумевающую. Лица, ясно сознававшие значение и задачи Академии, были единицами, не всегда достаточно влиятельными. Все время – в течение столетия – многим казались траты на Академию ненужной роскошью или прихотью. Академия все время нуждалась в средствах, временами дело доходило до денежных кризисов. Для оправдания ее существования и затрат на нее в среде общества и правительственных кругов существовала тенденция переделать внедренное в русскую жизнь новое дело не то в учебное заведение, не то в ученую админист-

ративную коллегию, не то в техническое казенное учреждение – собрание мастерских и ученых техников, не то в собрание придворных ученых, вроде придворного оркестра или театра.

В противовес этим стремлениям уже первые академики выставили главной задачей Академии самостоятельную научную творческую работу, свободное научное искание. Из XVIII в. эта задача перешла в века XIX и XX и определенно выражена в действующем уставе Академии (1836), перенесенная в него из старого регламента: “Она [Академия наук] старается расширять пределы всякого рода полезных человечеству знаний, совершенствуя и обогащая оныя новыми открытиями”⁶.

Академики приспособлялись к жизни, занимались всем тем, чего от них требовали окружающее общество и правительственные круги, но они никогда не забывали этой основной задачи, твердо создавали из нее традицию в академической среде, передавали ее из поколения в поколение. То, что в академической среде была все время одна единая цель, а окружающая среда ставила Академии цели различные, нередко взаимно противоположные, позволяло Академии в общем невредимо выходить из трудных обстоятельств, в которые ее ставила историческая жизнь. Несомненно, Академия в той или иной мере исполняла и все те задачи, которые ей извне ставились, несколько менялась во внешних формах и проявлениях своей жизни, но по существу она оставалась неизменной, оставалась ученым обществом, ставившим на первое место исследование истины, точное знание, исследовательскую работу, стремление к чистому знанию. В течение 190 лет она неуклонно публично выставляла эти задачи в отчетах и речах своих членов, вела в русском обществе проповедь важности, значения, первенства научной работы для чистого знания перед всякой или наравне со всякой другой целью жизни, правильности и необходимости такой задачи, как функции государственной жизни. Едва ли можно найти в истории Академии наук период, когда это сознание в ее среде замирало и не имело того или иного публичного выражения.

Не менее важно и то понимание научной работы, которое сразу прочно вросло в среду Академии наук и которое ею было внесено в русское общество. Ибо под наукой и ее задачами можно понимать разные вещи. В этом отношении в истории Академии наук мы видим несомненную историческую преемственность.

С первых же шагов своей деятельности она в области научной работы твердо и определенно стала на совершенно ясную и резко выраженную точку зрения как на задачи научного знания, так и на формы и методы его достижения. С нее она не сходила. Петербургская академия наук должна быть поставлена в этом отношении наряду с Лондонским королевским обществом и с Парижской академией наук. Ибо, подобно им, она всегда ставила на первое место *конкретную* научную работу, правильную *постановку* опыта и наблюдения, высокое значение *математики* в приложении к научным исканиям, точное *изучение фактов* и их *коллективное* по определенной программе *собрание*. Высокое значение, какое придавала Академия наук точному изучению научных фактов, как бы малы и ничтожны они ни казались лицам, стоявшим от нее в стороне, проходит через всю ее историю, и, несомненно, именно оно позволяло ей пережить без всякого ущерба такие периоды в истории научного мышления, когда науки проникали философские стремления, теологические

и моральные построения или гуманитарно-эстетические искания, нередко выходявшие за пределы своего законного воздействия и заглушавшие научную конкретную работу. В истории Петербургской Академии наук не было таких периодов, какие были – под этими влияниями – в истории академии берлинской в XVIII в. или которые заглушали, нередко десятилетиями, жизнь некоторых итальянских или французских академий.

Влияние этих традиций прежде всего сказалось на внутренней организации Академии, в ее изменении во время хода исторического процесса. Под их влиянием складывалось отношение Академии к тем требованиям и к тем изменениям ее строя, которые вносились ей извне. Эти внешние влияния удерживались и развивались, если находились в созвучии с этими традициями, изменялись и разрушались, если им противоречили.

Вначале в Академии наук соединялись очень разнообразные культурные задачи, которые для своего развития и правильного использования требовали гораздо больших сил и средств, чем те, какими она располагала. Так, уже по первому уставу Академия должна была являться не только ученым собранием; при ней должны были быть организованы учебные заведения – среднее и высшее. При ней существовала гимназия, был университет; она издавала учебники; академиками велись разнообразные экзамены. До начала XIX столетия все эти стороны жизни имели свое место в Академии, но они всегда являлись для нее чуждыми, извне навязанными, не смогли соединиться с ее основной задачей. Они исполнялись Академией наук в общем, по-видимому, лучше, чем это представляется некоторым исследователям, например гр. Д.А. Толстому⁷, так как мы видим всюду в биографиях целого ряда выдающихся лиц следы их обучения при Академии. Здесь учились, например, все русские академики XVIII в., за немногими исключениями. Однако Академия никогда не считала эти свои обязанности основными, не могла для них жертвовать своей научной работой. Она не стремилась к их развитию. Реформы, приведшие к созданию самостоятельных высших и низших школ, совершенно независимых от Академии, и к освобождению Академии наук от педагогических или школьно-административных обязанностей, были проведены в России при деятельнейшем участии академиков, игравших крупнейшую роль в ее жизни и самых влиятельных в ее управлении. Сами академики сознательно умаляли права Академии в этих областях жизни и в конце концов привели к совершенному исключению из жизни Академии этой стороны культурной деятельности. Такое стремление получило окончательное выражение в новом регламенте Академии 1803 г., который был выработан при деятельном участии академиков, главным образом Н.И. Фусса, и который окончательно закрепил освобождение Академии наук от преподавания⁸. После 1803 г. продолжали существовать только “воспитанники” Академии наук – институт, очень близкий к старым “студентам Академии” XVIII в. и к лицам, оставленным при университетах нашего времени. Но и этот институт “воспитанников”, который отнюдь не противоречил основной тенденции не иметь много общего со средним или даже высшим образованием и мог бы получить широкое развитие при изменении Академии, исчез в XIX в., в 1836 г., может быть, в тесной связи с тем, что долгие годы Академия наук не могла поставить его на должную высоту и правительство предпочло организовать это дело командировкой молодых людей за границу. Может быть, эта сторона старой

деятельности Академии, тесно связанная с научной работой, заслуживает вновь возникновения в изменившейся обстановке XX в.

Отказываясь от включения школьного обучения внутри академических организаций, академики, однако, отнюдь не отбрасывали от себя преподавательскую работу в русском обществе. Они с самого начала принимали деятельнейшее участие в преподавании помимо Академии и всюду стремились создать новые, независимые от Академии центры высшего образования. Это течение ярко сказалось в деятельности Ломоносова при создании Московского университета, при его организации другим академиком – Ададуровым, в роли Фусса, Палласа, Румовского, Эпинуса, Севергина и других; при школьных реформах Екатерины II или Александра I. Академики оказались связанными с задачами высшей школы не рамками уставов, а фактически, своей свободной самодеятельностью. Ломоносов вырабатывал русский научный язык. Эйлер, его семья (Эйлер-сын, Фусс), его ученики вырабатывали не только научных работников по математике, но и организовывали преподавание математики в России. Академики в отдельности деятельно работали в создании высшего образования в Петербурге, в издании учебников для средних школ в XVIII в. Когда они могли, как Озерецковский, они стремились обеспечить высшей школе в России автономию (университетский устав 1804 г.), подобно тому как стремились к автономии в среде Академии, в своей среде⁹. Но это были усилия академиков как отдельных лиц. В пределах же Академии они смотрели на преподавание как на чуждую целям Академии задачу и в конце концов не дали развиваться в ней тому, что было в ней заложено формальными требованиями закона. Исторический процесс заключался здесь в исключении этой деятельности из среды Академии наук.

Совершенно тот же ход исторического развития видим мы для другой задачи, поставленной Академии еще первым ее регламентом, отвечавшей ожиданиям и желаниям довольно многих сознательно мысливших русских людей того времени: в работе Академии по популяризации и распространению знаний в России. Вначале она занимала довольно важное место в ее жизни. Академии было передано издание календарей и первых газет (на русском и немецком языках), которые имели огромное значение с точки зрения популяризации знаний. В календарях и газетах давались популярные научные статьи, положившие начало популярной научной русской литературе. Историк духовного сознания русского общества XVIII в. постоянно наталкивается на значение этой издательской деятельности Академии. В то же время в торжественных заседаниях, в популярных речах своих членов, в популярных научных курсах и лекциях преследовалась Академией та же самая цель. Несомненно, популяризация знаний не противоречит задачам Академии и сохранилась до сих пор, но понимание форм ее исполнения претерпело глубокие изменения в течение хода времени. Помимо календарей и газеты, Академия наук издавала в течение десятилетий во второй половине XVIII и в начале XIX столетия популярные журналы и, временами, отдельные популярные научные сочинения. Задача популяризации знаний была даже поставлена регламентом 1803 г. наравне с ее научной деятельностью¹⁰. Однако они не могли идти рядом без нанесения ущерба друг другу, так как силы и средства Академии были ограничены. Приходилось выбирать между двумя направлениями работы. Внутренним процессом развития популяризаторская деятельность отходила

на задний план; в эпоху нового подъема Академии, в 1818 г., начинается рост научной издательской деятельности Академии в ущерб научно-популярной. В 1826 г. последняя уже почти совсем прекратилась. Остались только издания календарей и газет, которые являлись, однако, для Академии только источником дохода, не отвлекали ее средств и мало использовали ее научные силы. В следующее столетие ее жизни и эти последние остатки работы Академии наук отошли от нее, совершенно не поддержанные ее деятелями. В XIX в. работа по распространению знаний Академией наук приняла ту форму, которую она имеет и до сих пор: в заседаниях с речами, доступными для понимания образованного общества; широким развитием научной издательской деятельности на русском языке, изданием научных работ, необходимых не только для науки, но и для русского общества.

Совершенно аналогично шло изменение конструкции Академии и в других направлениях. Сошла постепенно на нет ее деятельность в области техники и художеств. Задачи способствовать развитию техники и искусства стали перед Академией наук в самом начале ее существования. Ее роль в насаждении в России практической механики, искусства, ремесел, требующих знаний, – слесарного и других – огромна и едва ли до сих пор правильно оценена. Однако при недостатке средств такая деятельность не могла быть совместима с научной работой в одном и том же учреждении. Поэтому такая работа встретила сопротивление в академической среде и в середине XVIII в. привела к сознательной борьбе против течения превратить Академию наук в Академию художеств и прикладных знаний. Академики, такие, как Миллер, Ломоносов, Делиль, враги между собой в других делах, дружно боролись на этой почве с Шумахером и Нартовым (тоже врагами между собою), которые тратили средства Академии наук на задачи технические, художественные, ремесленные – цели, далекие от науки, но сами по себе очень почтенные и нужные. Одно время, в 1747 г., Академия наук была даже превращена в Академию наук и художеств. Однако такое соединение было мертворожденным; оно встретило глухое сопротивление в академической среде, противоборствующие ему традиции были слишком сильны, и борьба с ними не очень убежденных влиятельных кругов оказалась невозможной. В 1764 г. была образована отдельная императорская Академия художеств, а Академия наук понемногу свела окончательно на нет исполнение чуждых ей задач. Но еще долгое время – до 1805 г. – сохранялась при ней «Гравировальная палата»¹¹, были учителя и ученики граверы. Эта отрасль искусства, несомненно, была более с ней связана благодаря ее значению для картографических работ и для иллюстрации естественноисторических и географических мемуаров. Из всех прикладных учреждений, начинания которых мы видим в жизни Академии, сохранились в конце концов к началу второго ее столетия только такие, которые имели значение для научной работы: это была типография Академии с находящейся при ней словолитней, необходимая уже по разнообразию шрифтов и знаков, какие были нужны для научных работ, и физическая мастерская, связанная с изготовлением научных приборов. Роль и той и другой в истории техники в России велика и не будет оставлена без упоминания, когда наконец будет нам дана история технической работы в России.

Наконец, как проявление того же самого исторического процесса, уже в первое столетие сошла на нет и та сторона деятельности Академии наук,

которая была связана с ней, как близкого двору собрания ученых. Вначале одной из важных задач Академии наук было сочинение похвальных од или речей на разные события жизни России или двора, устройство «потешных» празднеств, требовавших некоторых научных знаний, – например, огромных фейерверков, которые являлись излюбленной формой зрелищ, главным образом в первой половине XVIII в., стоили таких усилий и средств, о которых мы не имеем сейчас и понятия, тяжело сказывались на государственном бюджете. Постепенно к концу XVIII и к началу XIX столетия эта деятельность исчезла и Академия, имевшая временами в своей среде академиков, занимавшихся только такими вопросами, связанными с «элоквицией», изящной придворной словесностью, превратилась окончательно в собрание ученых. Надо иметь в виду, что такая деятельность Академии с самого начала встречала в академической среде глухое противодействие и ее прекращение отнюдь не было делом случайного изменения окружающей Академию среды¹².

В царствование Екатерины II закончилась связь Академии наук с придворным миром; к этому времени относятся последние посещения Академии двором и иностранными высокими гостями, имевшие характер придворных торжеств¹³. В следующее столетие, в царствование Николая I, эта связь с монархом получила иной характер и иную окраску.

В некоторой связи с Академией как придворным учреждением стояла другая работа, которая долгое время не находила себе устойчивых форм в жизни Академии наук, хотя и началась с первых годов ее существования и в конце концов чрезвычайно сильно и благотельно отразилась в ее жизни. Это работа над развитием русской литературы и русского языка. Долгое время не замечалось, что в нее входили задачи разного характера: с одной стороны, изучение русской литературы и русского языка как объектов науки, как явлений жизни, подлежащих научному исследованию; с другой – творчество в области русской изящной литературы, выработка литературного языка. Несомненно, Академия наук сыграла в этом отношении огромную роль в истории русской культуры, особенно в XVIII в. Русский научный язык и в заметной мере язык литературный вышли из среды Академии наук. Известна всем роль в этом деле М.В. Ломоносова. Но Ломоносов не был одинок: при Академии и под ее огромным влиянием находился целый штат переводчиков. Издания Академии наук или издания, печатавшиеся под надзором ее корректоров в ее типографии, в течение всего XVIII в. составляли чрезвычайно видную часть всей русской литературы того времени. Переводчиками Академии, русскими академиками (особенно надо вспомнить Адаурова и Тредиаковского) и академиками-иностранцами, знающими русский язык, была сделана в короткий срок огромная работа, приведшая к тому, что лет через 20 после создания Академии русский научный язык уже был гибким и живым орудием мысли и работы. Достаточно сравнить по языку издания петровского времени или первые выпуски изданий Академии, чтобы оценить эту работу. Несомненно, она частью обусловлена была и общим изменением официального языка в 1726–1762 гг., но нельзя преуменьшать и коллективную творческую работу лиц, группировавшихся около Академии. Влияние их сказалось далеко за пределы научного языка. Прав был Пекарский, когда он указывал, что «большая часть правил ныне принимаемого русского правописания придуманы и утвердились в Академии наук, когда в продолжение нескольких десятков лет

в прошлом столетии (т.е. XVIII) для всей России имелась только одна ее типография, в которой и печатались книги гражданским шрифтом¹⁴. Прочной и устойчивой организации эти лица не имели. С 1735 по 1738 г. существовало при Академии основанное по инициативе ее президента барона И.А. Корфа «Российское собрание»¹⁵, где видную роль играли Ададуров и ТрEDIAковский, позже – «Переводческий департамент», существовавший не очень долго в виде [особого подразделения], но, несомненно, академики, переводчики и корректоры работали все время, какие бы формы общения они ни имели.

Несколько позже, с 1768 по 1783 г., временно существовала более правильная организация переводов, обладавшая достаточными по тогдашнему времени денежными средствами, так называемое «Собрание старающееся о переводе иностранных книг»¹⁶. Оно не было прямо связано с Академией наук, но в него перешел целиком весь опыт и навыки корректоров и переводчиков Академии, Академической типографии и продолжалась та же работа по созданию русского научного языка. Во главе дела одно время стоял адъютант Академии Г.В. Козицкий (ум. 1775), а редактором изданий все время был академик И.И. Лепехин. Издания печатались в типографии Академии наук, а позже, после ликвидации Собрания, все его дела были переданы в Российскую Академию¹⁷.

Но и помимо такого коллективного творчества в выработке русского литературного языка, деятельность Академии наук в области изящной литературы не только сказывалась в торжественных одах и стихотворениях, которые читались академиками, – она выражалась и в издаваемых ею журналах и календарях, где, помимо научно-популярных статей, помещались литературные произведения или критические статьи. Наконец, то же самое имели в виду и серии изданий Академии, посвященные переводам беллетристических произведений.

Развивать эту деятельность Академия наук не могла при ограниченности ее средств и ее личного состава. Очень скоро пришлось столкнуться с тем, что развитие одной стороны не могло идти без ущерба для другой. В то же время состав Академии наук, в которой преобладали иностранцы, очевидно, предрешил то решение, к которому могла склониться Академия. В ее среде решение склонилось в пользу научной работы Академии – ее основной задачи, предрешенной к тому же традицией. Ясно было, что Академия наук – при наличном составе и средствах – не является благоприятной средой для [развертывания] работы над развитием русской литературы и русского языка. В связи с этим в 1783 г. была создана отдельная Российская Академия, вначале находившаяся в тесной связи с Академией наук и всегда ей более близкая, чем другие научные учреждения России в XVIII столетии.

Нельзя не отметить теперь же, что такое решение вопроса не явилось окончательным. Изъятие из ведения русской Академии наук вопросов, связанных с изучением глубочайших проявлений народной культуры – русского языка и русской литературы, не могло тяжело не отразиться как на положении Академии в стране, так, с другой стороны, и на высоте постановки этого изучения в другой Академии. Правильное решение было найдено лишь в следующем столетии, когда оно привело к глубокой – в общем плодотворной и жизненной – реформе Академии наук.

Уже в первом столетии – в конце XVIII в. – в том же историческом процессе окончательно отпали от Академии наук и обязанности, связанные с государственными практическими интересами. Эти обязанности никогда не принимали в ней ясных и определенных рамок. Надо иметь в виду, что и вся система государственных и правительственных учреждений в России в течение XVIII в. не была установившейся, медленно, с потрясениями, складывалась в устойчивые рамки. Вначале в Академию наук относили всякие вопросы, встречающиеся в практической государственной жизни, которые требовали научного знания, превышавшего средний уровень образованности того времени. Однако только в одной области эти требования извне отразились на структуре Академии, вызвали создание в ней специального органа, имеющего характер ведомственного учреждения. Это был созданный в 1741 г. Географический департамент при Академии наук, ведавший все вопросы, связанные с картой Российской империи. Он существовал до конца XVIII в. и, несомненно, имел большое значение в истории картографии России; однако по характеру лежавших на нем обязанностей его можно было бы соединить с основной задачей Академии наук без ущерба для нее лишь при таком расширении ее денежных средств, которое было недостижимо в России XVIII в. Развиваться же и даже правильно действовать за счет тех средств, какие могла уделять ему Академия наук, он не мог. Поэтому мы видим, что в среде Академии наук все время существовало несколько враждебное отношение к учреждению, грозившему своим развитием нарушить исполнение основных ее функций. Оно вызывалось заботой о денежных средствах. В конце концов Географический департамент был упразднен, и забота о географической карте была передана в другие учреждения – сперва опять в Правительствующий Сенат. Изъятие департамента из Академии наук произошло при сочувствии главных ее деятелей. Нельзя не отметить, что и с передачей этого дела в другое ведомство тесная связь Академии с работой по картографии России не была прекращена: учреждения Академии, как, например, Астрономическая обсерватория или Конференция, находились все время в тесной связи с гидрографическими и географическими учреждениями ведомств. Специалисты-академики по соответственным отделам всегда принимали в них участие, и часть работы делалась сообща¹⁸.

Таким образом, уже к концу XVIII в. Академия наук постепенно сознательно освобождалась от тех функций, которые стояли в противоречии с ее основными тенденциями, т.е. со стремлением к чистому научному знанию и со связанной с ним работой – научным творчеством. От нее отпали и важная забота о ремеслах и мастерских, связанных с некоторой технической выучкой, и деятельность для прикладного искусства, и забота о развитии русского литературного и научного языка и русской изящной литературы, и ведомственная деятельность, связанная с картой России. За этим изъятием область ее ведения, все более очищаясь от внешнего и наносного, казалось, должна была бы приближаться к осуществлению ее основной идеи.

Однако в таком изменении функций Академии наук заключалась и большая опасность для ее дальнейшего правильного развития и даже, может быть, для ее существования. Отодвигая от себя задачи русской практической жизни, Академия теряла живое и разнообразное участие в общей жизни русского общества; чрезвычайно уменьшалось ее соприкосновение с разнообразными

кругами русского общества, она отходила в сторону, как бы уединялась в своих научных, частью во вненациональных, задачах. Такое уединение Академии было особенно опасно вследствие своеобразного состава ее членов.

В первое столетие своего существования русские по происхождению академики почти сплошь происходили из крестьян¹⁹ – следовательно, не имели связей и поддержки во влиятельных кругах русского общества. Благодаря своеобразным отношениям, сложившимся на почве Табели о рангах, академики как таковые не входили и в состав того разсословного чиновничества, которое составляло в это время огромную реальную силу в России. Они давно – весь XVIII век – стояли вне бюрократических рангов, и только отдельные из них лично получали те чины, которые делали более прочным их положение в обществе. К тому же русские академики являлись в Академии в то время меньшинством. Большинство ее составляли иностранцы; часть их была чужда русской жизни, а другие сближались с более родственными им группами русского общества, ведшими свою замкнутую от коренного русского общества культурную жизнь, – главным образом с многочисленными в русском обществе Петербурга иноземными элементами. Академия наук, постепенно теряя связь с русским обществом, все более уединялась, ослабевала как в своих средствах, так и в своем значении для коренного русского общества. По мере того как в России росло значение иноземных элементов государства и крепла их культурная сила и сознание, сближение Академии с этими слоями общества все усиливалось, и она входила в те господствующие слои русских влиятельных сфер, в которых играли такую крупную роль немцы. Ее связь с правительственными кругами становилась более тесной; ее значение в иноземной среде Русского государства увеличивалось. Но этим не создавалось ее живое участие в жизни русского общества. Несомненно, к тому же и сам характер научной работы, менее связанный с жизнью, отражал на себе такое отчуждение, особенно тогда, когда, как это всегда неизбежно, в академическую среду проникали ученые, не стоявшие в первых рядах научной армии.

К этому присоединялось и то, что в стремлении к чистоте научного идеала совершались ошибки основного характера, из которых Академия выходила с большими потрясениями и с большим трудом. Так, выставив идеал точного знания, Академия наук очень скоро столкнулась с вопросом о том, все ли области знания должны подлежать ее ведению или нет. Внутри Академии в этом отношении не было единства; в ней очень скоро проявилось сильное течение пойти по тому пути, по которому шло Королевское общество в Лондоне, которое, как известно, очень быстро ограничило свою область ведения кругом математики и наук о природе, опытных и описательных. При том значении, какое имели математики в истории нашей Академии в первое ее столетие, и [учитывая ту] крупную научную силу, какую они представляли, не может возбуждать никакого удивления то, что временами это стремление побеждало и в среде нашей Академии. Так, в уставе 1747 г., исчезли из академической среды представители юридических, философских и исторических наук, которые, однако, имели в ней в первые 24 года ее существования таких крупных представителей, как Бюльфингер, Байер, Коль или Миллер.

Несомненно, такое ограничение в областях знания, которые развивались в это время в русском обществе гораздо быстрее естествознания и математи-

ки, и потребность в авторитетных представителях [которых] чувствовались в жизни и сознании русского общества, да и правительства, чрезвычайно сильно, не позволили долго выдерживать такое ограничение деятельности Академии. Представители истории непрерывно существовали в среде Академии, а уставом 1803 г. были восстановлены и некоторые кафедры близких к ней наук. Однако и этим вопрос не был настоящим образом решен, так как изучение русской литературы и русского языка, как мы видели, долгое время находилось вне ведения Академии наук. Лишь в следующем столетии созданием отделений Академии окончательно была решена эта глубочайшая сторона строя Академии наук, причем, как мы увидим, это решение определило всю ее дальнейшую историю.

Среди указанных выше борьбы и смены настроений, изменения состава и характера Академии наук научная деятельность ее продолжала развиваться все время энергично и неизменно, хотя и неодинаково в разных ее областях.

На первом месте среди коллективных ее предприятий в первое столетие должна быть поставлена организация естественноисторических и этнографо-археологических, географических путешествий по России и сопредельным странам. Деятельность эта началась уже с самых первых шагов работы Академии наук, когда она получила огромный и драгоценный научный материал, привезенный в Петербург из долголетнего (1720–1727) исследования Сибири посланным туда императором Петром талантливым натуралистом-неудачником Мессершмидтом²⁰. Вскоре, по основании Академии, исследования Сибири, продолжавшие те же планы Петра и даже начатые по его инициативе, получили еще более важное развитие, в котором Академия наук играла видную роль. Они начались одновременно с созданием Академии в 1725 г. первой экспедицией Беринга, а затем вылились в одно из величайших мировых научных предприятий XVIII в. – в Великую Сибирскую экспедицию (1733–1743). В ней крупную роль и огромную работу несли академики Миллер, Гмелин, адъютант Стеллер²¹ и молодые тогда ученые, позже вошедшие в ее состав, Красильников и Крашенинников. В екатерининское время мы имеем ряд еще более важных научных путешествий всеобъемлющего характера, организованных Академией наук по всем областям Европейской и Азиатской России, результаты которых до сих пор лежат в основе наших знаний о России, какого бы вопроса мы ни коснулись. Экспедиции эти были вызваны прохождением Венеры через диск Солнца. Но программа их, выработанная в 1767 г. особой комиссией Академии наук, вывела их на более широкую почву общего исследования России. Летом 1768 г. из Петербурга выехало 5 первых академических экспедиций, деятельность некоторых из коих длилась несколько лет. Экспедиции Академии закончились в 1790-х годах. Имена их участников и руководителей – академиков Палласа, Гильденштедта, Георги, Гмелина, Лепехина должны остаться навсегда памятными для русского общества. Но помимо них, в экспедициях принимали участие и другие лица – профессор академического университета Фальк, его студенты, будущие академики В. Зуев и Н. Соколов, Н.П. Рычков, сын ее (Академии. – *Ред.*) первого члена-корреспондента и др. Экспедиции могли удасться только потому, что они подобрали и свели весь тот материал иногда почти бессознательной научной работы, коллективного наблюдения и опыта, который накопился в русском обществе за два-три поколения его вхождения в культурную жизнь европейских наро-

дов. В этом смысле большое значение имела выработанная Академией наук программа исследования, явившаяся прямым продолжением тех вопросников и программ, какие рассылались Академией наук в 1720–1760-х годах; весь опыт Великой Сибирской экспедиции был здесь использован.

Значение этих екатерининских экспедиций огромно. Оно сознается не только нами, смотрящими на них по исторически проявленным их последствиям, но и их ближайшими современниками. Во [время] тяжелого кризиса, переживавшегося Академией наук в начале XIX столетия, деятели ее выдвигали на первый план эту заслугу Академии, как ясную всем. На нее указывал в характерных выражениях император Александр I в рескрипте, сопровождающем академический регламент 1803 г. Академия наук, говорит он, «неоднократно доказала, особенно ж в славное царствование императрицы Екатерины II, ту пользу, какую подобные заведения, благоразумно распоряжаемые и сильно подкрепляемые правительством, могут принести государству; что свидетельствуют многие подвиги, ею предпринятые, наипаче ж славные и с успехом оконченные путешествия для исследования и описания естественных произведений России и экспедиции для астрономических наблюдений»²².

Еще резче сказалось это в самом регламенте: «Как усовершенствование географии и физического познания Империи должно быть одним из главнейших предметов внимания Академии, то она по временам должна отправлять астрономов и натуралистов для путешествия по тем губерниям, коих географическое положение и естественные произведения недовольно еще известны или описаны. Мы обещаем всегда вспомоществовать ей в таких полезных предприятиях и содействовать исполнению оных теми мерами, кои не зависят от самой Академии»²³. И в самой академической среде было живое сознание значения этих экспедиций. Немедленно в 1818 г., в эпоху начавшегося возрождения Академии, со вступлением С.С. Уварова в президентство, явилось стремление вновь возродить эту замершую было работу Академии, которая по идее не должна была никогда прекращаться, участники которой [находились] еще в это время в ее среде. С этой целью были переизданы описания путешествий екатерининского времени и начались новые экспедиции. Однако за 30–40 протекших с того времени лет произошли глубокие изменения как в науке и ее требованиях, так и в познании России, и восстановить прежние, екатерининские экспедиции в их прежней форме и их значении оказалось делом не столь простым. Для этого требовались коренные изменения.

Вместе с тем жизнь ставила и по существу новые требования. Уже к концу царствования Екатерины II явилось стремление расширить область исследования – в экспедициях кругосветных. Эти стремления получили свое осуществление в тех больших кругосветных путешествиях, которые были осуществлены в эпоху Александра I на средства правительства и графа Румянцева и в работе над которыми Академия смогла принять деятельное участие только после своего возрождения – в полной мере лишь в экспедиции Крузенштерна. Развить кругосветные путешествия в необходимой и отвечающей положению России высоте, однако, не удалось, как не удалось направить внимание на изучение тропической природы и далеких континентов. Внимание Академии было главным образом направлено на изучение России и сопредельных стран. Здесь пришлось применить сообразно новым требованиям времени старую программу академических путешествий. Конец сто-

летия связан с их возобновлением после 20-летнего перерыва, но полное их развитие относится к следующему столетию ее жизни, ибо вновь начавшееся в начале XIX в. движение в этом направлении уже не прерывалось.

Другую сторону деятельности Академии представляла работа ее постоянных научных учреждений, непрерывно шедшая все столетие. В первое столетие ее истории развитие их шло медленно и неправильно. Некоторые из учреждений Академии даже погибли в это время совершенно, частью вследствие внутренних причин – [из-за] отношения к ним внутренней академической среды, будучи ею не поддержаны из-за взглядов влиятельных академиков на задачи Академии, частью вследствие неблагоприятно сложившихся внешних обстоятельств. Среди таких погибших научных учреждений должны быть отмечены те, которые все же сыграли известную роль в истории научного и культурного развития России и гибель которых не отвечала настоящим и живым потребностям нашей страны. Это были: Ботанический сад²⁴, Анатомический театр²⁵ и Химическая лаборатория.

Все эти учреждения возникли в первые десятилетия существования Академии наук. Первые два, несомненно, корнями своими идут значительно дальше, в XVII в., к эпохе создания Кунсткамеры и работы Аптекарского приказа и медицинских учреждений еще Московской Руси²⁶. Ботанический сад Академии, наравне с существовавшим Аптекарским, сыграл известную роль в распространении новых растений; в нем в связи с экспедициями долинные-евской эпохи, когда на первое место выступало не собирание гербария, а собирание семян и выращивание живых растений, находили себе место новые растения, привезенные академиками и ими описываемые, некоторые из коих затем уже распространялись по всей России. Ботанический сад Академии, в разных местах Петербурга, существовал около 80 лет (1734–1815). Он погиб в эпоху глубокого кризиса в Академии, в 1815 г., незадолго до ее начавшегося возрождения, когда был продан после смерти заведовавшего им академика Т. Смеловского вследствие материальной невозможности его поддерживать из-за недостатка средств. Попытки его восстановить в той или иной форме, сделанные позже, пока не увенчались успехом.

Не менее печальна была судьба и другого крупного учреждения Академии – Анатомического театра, так как он не оставил по себе настоящего заместителя, если не считать нового Анатомического театра в Медицинской академии, а между тем Анатомический театр старой Академии был настоящим ученым исследовательским учреждением и из него вышел ряд важных работ по анатомии в трудах Дювернуа или Вейтбрехта. Анатомический театр медленно замирал, по-видимому, в связи с пожаром 1747 г., когда он сгорел нацело. К концу столетия он существовал только в виде Анатомического кабинета, лишённого средств для экспериментальной работы. Таким замершим учреждением он перешел и в новое столетие жизни Академии.

Созданная было при академиках Ломоносове и Лемане Химическая лаборатория к концу столетия сошла на нет, однако в следующем столетии она вновь возродилась и стала на ноги.

В первое столетие не могли правильно и широко развиваться, но все же существовали, и другие научные учреждения Академии наук; их росту препятствовали частью общие условия существования Академии, те огромные коренные изменения в ее устройстве, на которые мною указывалось раньше

и которые, очевидно, не способствовали ее нормальной жизни, частью ее печальное материальное положение и обычное отношение среды к некоторым из таких музеев в самоуправляющихся научных обществах, не обеспеченных достаточными материальными средствами и не состоящих сплошь из лиц, связанных в своей научной деятельности с жизнью музеев, институтов или лабораторий. Как известно, два прообраза Академии наук – Королевское общество в Лондоне и Академия в Париже – долгое время, в течение всего первого столетия работы Петербургской Академии, не имели в своем распоряжении никаких ученых исследовательских учреждений или музеев, кроме библиотек. Их пример мог действовать на жизнь наших музеев только отрицательно. В Петербургской академии создание при ней музеев – передача в нее Кунсткамеры – и образование специальных лабораторий – Физического кабинета, Химической лаборатории, Анатомического театра, Астрономической обсерватории – было новшеством и давало ей совершенно своеобразный оттенок, не имевший в это время прямой аналогии в Европе. В этом отношении наша Академия наук с самого своего основания была поставлена в положение совершенно исключительное. Она в XVIII в. получила учреждения, которые явились как неизбежные для академий лишь в будущие столетия. Понятно поэтому, что необходимость такой организации далеко не сознавалась всеми членами коллегии: музеи и институты, требовавшие средств на свое содержание, не встречали в ней единодушного признания и защиты своих интересов. Многим академикам и лицам, к Академии близким, они казались внешним и ненужным придатком к Академии. За них надо было вести борьбу в своей среде. Понятно поэтому, что их развитие шло медленно.

К концу первого столетия [истории] Академии, к 1824 г., ни одно из этих учреждений не находилось в положении, которое отвечало бы уровню знаний того времени: у них не было средств, не было людей и не было соответственного помещения. Тем не менее все они совершали большую культурную работу и сохраняли для будущего все новый и новый ценнейший материал. В 1824 г. при Академии наук находилось не менее девяти учреждений.

Среди них на первое место должна быть поставлена Астрономическая обсерватория²⁷, которая с самого начала была организована хорошо. В ней никогда не прерывалась научная работа со времен первого ее директора – академика Делиля²⁸. Любопытно, что в Академической обсерватории первое место по плодотворности работ занимали уже в этом XVIII в. ученые, русские родом, среди которых нельзя не упомянуть для XVIII в. С.К. Котельникова, А.Д. Красильникова, П.Б. Иноходцева²⁹. К концу столетия во главе ее стоял выдающийся научный работник В.К. Вишневский, поляк по происхождению, в молодых годах навсегда переехавший в Россию, проведенный в ней всю жизнь и положивший своими точными и огромными работами основы современной географической карты России³⁰. В течение десяти лет, с 1806 по 1815 г., Вишневский совершил чрезвычайно трудное при тогдашних путях сообщения, колоссальное путешествие по России, произведя точнейшие астрономические наблюдения для астрономического определения географических пунктов; он в своей работе достиг исключительной точности, причем применил для этого новые, остроумные методы работы. Точности работы, необычной в то время, он добился исключительной выдержкой характера: для сохранения хронометров при постоянной температуре он носил их всегда на

себе и в течение всех 10 лет спал сидя в особо устроенном кресле³¹. Всю обработку материала он тоже произвел один в течение 15–20 лет после окончания своих поездок и достиг действительно исключительных результатов. До Вишневого было определено 67 точек в Европейской России – он один точно определил и вычислил их 223! Среди поразительных, настойчивых трудов астрономов первой половины XIX в. работа Вишневого занимает видное место, и традиция Петербургской астрономической обсерватории перешла не прерываясь в Пулково в следующем столетии жизни Академии. Вишевский был последним астрономом Астрономической обсерватории Академии в Петербурге: после его смерти в 1855 г. вся работа окончательно перешла в Пулково, тесно связанное с Академией.

Точно так же жизнь была непрерывной и в Физическом кабинете, где работали такие экспериментаторы, как Ф.У. Эпинус³² и В.В. Петров (в Академии с 1807 г.)³³. Уроженец Ростова, Эпинус попал в Россию уже сложившимся ученым, перейдя в Петербургскую Академию из Берлинской, где в это время условия научной жизни были очень тяжелы и даже недопустимо тягостны³⁴. Эпинус провел в России 46 лет своей жизни, принимая деятельнейшее участие в организации народного образования в России в царствования Екатерины II и Александра I. В научной области Эпинус впервые выяснил явления пирозлектричества кристаллов – турмалинов (работы, опубликованные в Петербурге) и впервые констатировал существование полярных свойств в кристаллической среде. Открытие явлений пирозлектричества у турмалина³⁵, по-видимому, было случайно сделано другим академиком в Петербурге же – И.Г. Леманом, оригинальным геологом, минералогом и химиком, погибшим во время экспериментальной работы в нашей академической лаборатории, но Эпинус выяснил электрическую природу явлений. И в других областях электрических явлений Эпинус в своих расследованиях занимает видное место, главным образом в области статического электричества, где ему принадлежит честь первого наблюдения – частью здесь, в Петербурге, – ряда явлений, которые вместе с опытами Вильке положили основание нашим точным знаниям по электричеству. Но в общей истории человеческой мысли за Эпинусом – и за Физической лабораторией Академии – останется честь точного доказательства полярных свойств твердой материи, проявления, одного из самых глубоких и основных, ее строения. Несомненно, в своих интересах и работах, к сожалению вскоре им оставленных под влиянием педагогической деятельности, Эпинус продолжал экспериментальную традицию работ Петербургской Академии, заложенную с самого начала, еще при Анне Иоанновне и Елизавете, Крафтом, Ломоносовым, Рихманом, Брауном. Еще более крупным экспериментатором был его заместитель – В.В. Петров, один из оригинальных физиков начала XIX столетия. Значительная часть его работы прошла в Медико-хирургической академии, до выбора его в Академию [наук] (1807–1834); здесь в 1802 г. Петров опубликовал, между прочим, первое описание так называемой вольтовой дуги – за 20 лет до ее настоящего, признанного открытия. Его экспериментальная работа ждет еще оценки. Еще до сих пор справедливы его указания, которыми он определял свою деятельность, когда писал: «Я природный россиянин, не имевший случая пользоваться известным учением иностранных профессоров физики и доселе остающийся в совершенной неизвестности между современными нам любителями

сей науки»³⁶. Но для нас уже более ясно, чем для «современных любителей», что его экспериментальная мысль была самостоятельной творческой работой, оригинальной по замыслу и исполнению, и что существование в среде русского общества такой работы было крупным культурным фактом, несомненно оказавшим влияние на его рост и общий уклад его культурной жизни, хотя бы мы и не смогли это проследить по «историческим документам», этим случайным обрывкам прошлого.

Другие учреждения Академии – Библиотека, Кунсткамера, выделенный из нее Минеральный кабинет, Мюнц-кабинет, Азиатский музей, Археологический музей, Египетский музей – едва ли могли считаться живыми учреждениями: развитие их шло случайно, научная работа мало развивалась, и их значение было лишь в том, что они являлись удобными складами, сохраняли многое из того, что поступало в Академию, привозилось ее коллекторами или являлось результатом научной деятельности ее членов. Из них наиболее важными были Библиотека и собрания Кунсткамеры, положившие начало Зоологическому, Этнографическому и Геологическо-минералогическому музеям Академии наук.

Однако ни путешествия, ни жизнь научных учреждений не являлась в первое столетие Академии главной струей в жизни Академии наук. Главная работа, наиболее определявшая ее облик и ее значение, сосредоточивалась в личной научной работе отдельных академиков, зависела от их научной силы и значения в мировой научной жизни. Она зависела от их талантности и работоспособности. В большинстве академики первого века были иностранцами из разных стран: среди них были немцы разных государств тогдашней Германии и Австрии, швейцарцы, французы и эльзасцы, шведы. Очень многие из них так и оставались иностранцами, уезжали за границу, но другие остались навсегда в России, вошли в русскую жизнь и отдали России лучшие свои годы, свою работу и свою мысль. Для них Россия была отечеством. Наряду с иностранцами уже в этот первый период жизни Академии наук выступило и несколько [ученых] русских по происхождению или русских уроженцев, связь которых с жизнью нашей страны была органической.

В научной работе исследовательского характера можно различить два весьма отличных направления, два разных уклада. С одной стороны, может идти работа, связанная с оригинальной творческой мыслью – с новой идеей, накладывающей свою печать на дальнейшее развитие науки, с открытием нового, неожиданного для научной мысли факта, с созданием нового, необычного опыта или новой обстановки наблюдения. В крупном или мелком такой творческий элемент всегда существует в живой научной среде. Эта среда тем ярче, чем такой элемент сильнее. Но наряду с ним должно существовать и другое направление научной исследовательской работы, связанное с накоплением научно наблюденных или полученных точным опытом фактов, входящих в мировую сокровищницу знания. Здесь элемент личного творчества касается частных фактов, а работа исследователя сводится к приведению фактов в рамки, позволяющие сводить их в единое целое с аналогичной работой предыдущих поколений или работой, идущей в других научных центрах. Новые обобщения, отсюда вытекающие, обычно делаются не тем научным работником, который поставил для этого факты. Рядовой научный работник ограничивает свою роль точным выяснением научного факта; его творческая сила

безымянно растворяется в коллективной выработке приемов и требований, для того чтобы факт мог явиться научно установленным. Чем больше таких фактов собирается в какой-нибудь среде, тем сильнее и авторитетнее она является в мировом научном сообществе.

Оба эти направления исследовательской работы шли в течение 190 лет непрерывно в среде Петербургской Академии наук; одновременное непрерывно яркое их проявление составляет основной фон ее исторической жизни.

Останавливаясь мыслью на наиболее крупных фигурах Петербургской Академии первого столетия ее существования, нельзя не выделить первым делом знаменитого математика Леонарда Эйлера, швейцарца по происхождению, вошедшего в русскую жизнь и оказавшего огромное влияние на всю историю Академии. Он и Ломоносов были, вероятно, наиболее крупными по своему историческому значению личностями в академической среде с 1725 по 1825 г.

Л. Эйлер отдал России лучшие годы своей жизни: он был академиком в течение 27 лет (1731–1741, 1766–1783), и в Петербурге были написаны многие из главных его работ. Еще десятилетиями после его смерти в изданиях Академии продолжали печататься его труды, и ими заполнялись эти издания во время тяжелого кризиса, переживавшегося Академией в эпоху наполеоновских войн и начала реакции в царствование Александра I³⁷. Эйлер создал школу русских математиков и положил прочное начало тому блестящему состоянию математического преподавания и образования в России, которое сказалось уже при его жизни, в екатерининское время, и которое вызвало непрерывный рост творчества в разных областях математических наук в России в послеэйлерово время. Но Эйлер вел здесь, в Петербурге, что еще более важно, огромную самостоятельную творческую работу, как в области анализа, так и всех тогдашних отделов математики. Он соединял в себе оба направления исследовательской работы в науках математических. Он вел самостоятельную исследовательскую работу – в математическом анализе проникал в неизвестное, создавая новые математические дисциплины, и в то же время своей эрудицией охватывал все математические знания того времени, сводил воедино кропотливую и мелкую работу других, никогда не чуждаясь сам входить как простой научный работник в исследование научных фактов или научных заданий математической мысли, как бы мелки они ни казались. Но он не был простым отвлеченным математиком-теоретиком. Ему была близка область всех ее приложений. Он вел самостоятельную работу в области математической физики, в том числе и гидродинамики, законы и обобщения в которой еще раньше него создавались здесь же, в Петербурге, Бернулли; его работы по астрономии, как в отделах, близких к мореплаванию, так и в труднейших задачах небесной механики, например в теории Луны³⁸, достигали крайних пределов человеческого знания того времени. Эти творческие усилия, происходившие в Петербурге того времени, несомненно, уже своим проявлением должны были создавать в нем ту высокую атмосферу духовной жизни, которая не улавливается в исторических документах, но между тем создает среду и основания, на которых строится традиция и в конце концов из которых идет и слагается вся умственная культура жизни страны. Вместе с тем Эйлер был живым, отзывчивым человеком. Знакомясь с летописями академической жизни его времени, поражаешься разнообразию его интересов и

исполнявшихся им поручений, а вчитываясь в его замечательные «Lettres à une princesse d'Allemagne»³⁹, четыре раза изданные в XVIII в. по-русски, останавливаешься в восхищении перед широтой интересов и продуманностью в единое, которая бьет ключом из этого произведения его досугов – не менее характерного для XVIII в., чем какие-нибудь создания тогдашнего искусства или музыки⁴⁰.

В истории Академии Эйлер должен быть упомянут еще и в другом отношении. В течение почти столетия семья Эйлера стояла во главе Академии и сама собою составляла и передавала ту научную традицию ее жизни, о которой указывалось раньше. С 1769 по 1855 г. непрерывно, в течение 86 лет, неизменными секретарями Академии наук, т.е. главными руководителями ее жизни, были его сын (И.А. Эйлер, 1769–1800)⁴¹, муж его внучки (Н.И. Фусс, 1800–1825)⁴² и его правнук (П.Н. Фусс, 1825–1855)⁴³. Едва ли можно достаточно оценить значение такой искренней единообразной работы для жизни Академии наук, передававшейся от поколения в поколение преданности ее интересам. Мы знаем сейчас, что в этой семье держались традиционно не только культ Эйлера, но и культ науки и тихой, безустанной работы для науки, просвещения, Академии наук. Биографии лиц этой семьи дают нам яркую картину стойких швейцарцев, полных сознания религиозного чувства, общественного долга, семейной формы жизни, любви к Академии наук.

Другая фигура, которая подымается во весь рост в истории нашей Академии в первое ее столетие, – личность М.В. Ломоносова – гораздо более известна России, чем имя Л. Эйлера. Подобно почти всем русским академикам XVIII в., М.В. Ломоносов вышел из крестьян. Этот стойкий помор всем обязан только себе, своему уму, своей силе воли, своей работе. Окружающему русскому обществу не связанный с ним русский ученый был столько же нов и необычен, как и то учреждение – Академия наук, членом которого он был 23 года, с 1742 по 1765 г., и которому он отдал всю свою жизнь. А между тем мы сейчас видим, что творческая работа его в области физики, геофизики, химии, минералогии, геологии, гуманитарных наук – истории и языка, его созидательное творчество в выработке русского литературного языка, норм стиха, его деятельность, культурно-общественная и художественная, проникают всю духовную историю России его времени. История Академии с 1742 по 1765 г. теснейшим образом связана с жизнью Ломоносова, который в этот период (как раз во время отсутствия Эйлера) играл в ней центральную, не раз первую роль. Ломоносов стоял впереди своего времени. Его идеи современникам не были понятны. Молодые ученики следующего поколения, вроде будущего академика Румовского, смеялись над странностями старомодного ученого, шедшего своим путем, считавшего себя выше крупных светил их времени и признававшего истинными свои воззрения, которые казались им чуть ли не невежественными фантазиями. После смерти Ломоносова прошло 150 лет, и мы видим в нем предшественника современной химии, одного из немногих лиц, в руках которого были в то время точные приемы геологической мысли, первоклассного физика, ученого, стоявшего в действительности в первых рядах ученых первой половины XVIII столетия и своей личностью проникавшего далеко в глубь научной мысли последующих поколений. Он, однако, стоял впереди своего времени не только своей научной мыслью и научной работой: он стоял впереди и своей научной организаторской де-

тельностью. В этом смысле среди ученых XVIII в. Ломоносов является прообразом будущих веков: он является организатором больших научных государственных предприятий, географической карты, морских путешествий; пытался организовать коллективное изучение минералогии России, научные в ней исследования – путешествия – по определенному плану. И здесь он был столь же оригинален, столь же глубок и ярок, как и в своей научной работе. Наряду с этим он был одним из самых крупных организаторов высшей и средней школы в России, как в академическом университете, так и в выработке плана университета Московского. Можем ли мы утверждать, что при этих условиях и чисто научная, страстная и настойчивая, творческая, боевая и отзывчивая на все окружающее работа его ума прошла бесследно в культурной жизни Петербурга и России того времени, не оставила по себе следа, была безразлична для нас? Правда, Ломоносов не оставил научной школы, не дал ярких учеников, но его научная сила и значение сознавались современниками и ближайшим временем. До конца XVIII в. имя Ломоносова переходило в потомство не только как имя поэта или историка, но и как имя ученого – естествоведа, стоявшего в первых рядах современников. Таким он чувствовался в среде, в которой он находился, пока жил. Его имя и его мысли были забыты через поколение, уже в XIX в., но и тогда же в первой половине века Спаский и Перевошиков начали выяснять его историческое значение в развитии научной мысли, а через 150 лет, к 1913 г., оно ярко и навсегда раскрылось в научном сознании человечества. Едва ли была с тех пор среди деятелей науки в России более крупная по своим способностям, силам и интенсивности творчества и труда личность, чем личность М.В. Ломоносова. А для истории Академии наук, для всего ее будущего было явлением первостепенного значения то, что Ломоносов вошел в ее рамки и что его гордый и самостоятельный дух в ней провел свой жизненный путь. Счастливый случай бросил его в Академию наук, но этот случай отвечал здесь историческому ходу народной жизни, так как открыл путь величайшему ученому страны в то учреждение, которое в ту эпоху наиболее могло дать простор его силам.

Наряду с Эйлером и Ломоносовым из исторического далека выделяются и другие люди, создавшие в то время духовную силу Академии наук. Среди них нельзя здесь не вспомнить неутомимого работника, видевшего зарождение Академии наук, первого ее историка. Это был российский историограф Г. Миллер⁴⁴, враг Ломоносова в академической жизни и, как мы теперь видим, в действительности его соратник в жизненных достижениях, немец из Ганновера, отдавший России и Академии всю свою жизнь – он был академиком 58 лет, с 1725 г. по 1783-й. Почти все эти годы он не выезжал из России, а семья его осталась в России, породнившись с русскими. Заслуги Миллера, как по собиранию и сохранению материала для русской истории и географии, так и для критической их разработки, огромны. Ему же принадлежит заслуга научной организации исторических архивов и блестящее решение для своего времени задачи создания первых научных и научно-популярных журналов, приучения к ним русского общества. До сих пор труды Миллера, особенно для истории Сибири, не потеряли своего значения, они являются исходными для живой научной работы, к ним до сих пор обращается историк как к научно неустаревшему материалу. Миллер не был творцом нового в теоретической научной мысли, подобно Эйлеру или Ломоносову, но, подобно им, он

был проникнут глубоким пониманием научного метода, владел им мастерски, обладая колоссальной работоспособностью. Этим обусловлено нестареющее значение его работ, где, если нет широких идей, есть точно установленные, критически проверенные факты и их сцепления.

Равен Миллеру по своему значению в другой области научного ведения, в области естествознания, другой природный немец, родом пруссак, тоже отдавший всю жизнь России и только случайно перед смертью уехавший в Берлин, ему уже чуждый, – П.С. Паллас, бывший членом нашей Академии 44 года, с 1767 по 1811 г.⁴⁵ Паллас отличался от Миллера широтой своих научных интересов, попытками научного, глубокого творчества в области искания обобщений в наблюдательных науках, но был сходен с ним колоссальной работоспособностью и точным владением вечными элементами научного метода. Если можно говорить, что старомодные по форме труды Миллера живы до сих пор для нас своим точным содержанием, то еще более смело можно это утверждать для работ Палласа. Они лежат до сих пор в основании наших знаний о природе и людях России. К ним неизбежно, как к живому источнику, обращается географ и этнограф, зоолог и ботаник, геолог и минералог, статистик, археолог и языковед – раз только он столкнется с вопросами, связанными с природой и народами России. Его путешествия, совершенные по поручению Академии наук, являются в своих изложениях неисчерпаемым источником разнообразнейших крупных и мелких, но всегда научно точных данных. Но Паллас в отличие от Миллера был и творцом в областях теоретических обобщений – его значение как теоретика геолога, физико-географа и биолога даже более высоко и глубоко, чем обычно рисуется в столь мало изученной области знания, какой является история науки в новое время. Паллас до сих пор еще не занял в нашем сознании того исторического места, которое отвечает его реальному значению. Может быть, для истории русской культуры особенно важным представляется то, что Паллас делал свои крупные обобщения на основании изучения русской природы, быта и остатков племен, населяющих нашу страну. Строение наших гор дало ему данные для первых научных ортогенетических представлений, перенесенных на весь земной шар; изучение русской фауны привело его к зоогеографическим обобщениям, положившим начало целому отделу зоологии, и к тем данным в области анатомии беспозвоночных, которые явились для его времени совершенно неожиданным новым завоеванием. В области археологии и этнографии, физической географии мы всюду наталкиваемся на ту же черту – самостоятельную обобщающую работу над природой и народами нашей страны. Паллас явился в первом столетии работы Академии самым крупным из натуралистов-академиков, традиции работ которых не прерываются у нас два столетия.

Эти четыре фигуры – Эйлер, Ломоносов, Миллер и Паллас – по своей силе и по своему значению могут быть взяты как творцы академической традиции и как яркие представители тех идеалов, какими она неизменно проникнута. Творческая работа в неизведанных, новых областях науки, их создание вновь, если это возможно, проникновение в неизвестное [самостоятельно], а не в тылу мировой научной армии, движение по новым путям, а не по проторенным дорожкам, с одной стороны, точное констатирование фактов, их неустанное собирание и критическая переработка, охват в единое координированное целое всех фактов, доступных человечеству, – с другой, характеризуют

их работу в мировом научном творчестве. Вместе с тем все время в течение этой работы не забывались и интересы России, поскольку они сталкивались с интересами науки; на первое место выдвигалось и исследование на мировом фоне природы России и тех стран, по направлению к которым шло ее историческое движение, и изучение народов, ее населявших, их прошлого и их быта, их языка, их литературы. Но и при таком изучении России, в широком размахе и на широком основании, оно подчинялось основным принципам – сводилось в связь с нашим знанием о Вселенной, а не изучалось от нее отдельно, и строилось на основании точно констатированных и научно проверенных фактов. Эта традиция строгой научности такого изучения, отсутствие предвзятости и обработки добываемых данных с точки зрения каких бы то ни было соображений временного политического характера, непрерывно идет с самого основания Академии наук и заметно никогда не нарушалась.

В тех случаях, когда внешние политические и общественные обстоятельства не позволяли беспрепятственно научно обсуждать добываемые данные, они оставались в стороне или откладывались до лучшего будущего. Несомненно, в условиях русской государственности и общественности XVIII и XIX столетий свободная научная обработка очень многих вопросов, главным образом в области наук исторических, юридических, философских, была чрезвычайно затруднена в течение всего первого столетия существования Академии. Эти затруднения встречались в яркой форме даже для историков того времени, обращавших внимание почти исключительно на политическую, военную и юридическую историю или историю быта, семей государей, биографии деятелей. По самому развитию науки того времени истории народных масс, общественных движений, умственных течений, изменение государственного строя мало обращали на себя внимания. И все же в той более узкой форме, в какой в это время двигалась научная мысль, с решением исторических вопросов связаны были живые интересы дня, касаться которых было опасно. Нечего было и думать об издании документов или исторической обработке явлений, связанных с историей носителей власти или историей церкви. На каждом шагу приходилось наталкиваться на интересы могущественных лиц, на предрассудки народной гордости, на навыки приказной тайны. Нельзя было касаться исторических вопросов, которые были связаны с происходившей, хотя бы и не сознававшейся обществом и властью, борьбой за новые формы общественной жизни, за политическую или общественную свободу. На этих путях приходилось сталкиваться с затруднениями даже при изучении древней русской истории, как это пришлось на деле пережить не раз Миллеру, в конце собравшему огромный неизданный материал и шедшему всю жизнь по путям безопасного воскрешения прошлого. Не одной случайностью участия его в Великой Сибирской экспедиции является выдвижение им безопасной истории тогдашнего захолустья – Сибири.

Едва ли можно сомневаться, что трудность такой работы в области русской истории и смежных наук обуславливала многолетнюю непрочность положения этих наук в конструкции Академии 1724–1824 гг., приведшую одно время к совершенному исключению наук юридических, философских и областей, связанных ближайшим образом с изучением русской истории и русской литературы, из круга ведения Академии наук. В то же время оно поддерживало могущественным образом, как увидим и дальше, то преобладание и значение

иноземных или культурно отличных от чисто русского общества ученых в среде Академии, которым было гораздо легче обходить все подводные камни этого рода, выдвигаемые русской жизнью. Академия наук, несомненно, этим путем обеспечивала себе значительную – максимальную для данной исторической эпохи – свободу научного исследования, но вместе с тем, конечно, ослабляла свою связь с русским обществом, которое строило свою работу в этом направлении помимо Академии. Неизбежная отчужденность от русской жизни, от живых вопросов дня отражалась в дальнейшем и на составе ее членов, подбиравшихся свободным выбором коллегии, и грозила дальнейшему национальному существованию и значению Академии наук. Вместе с тем в среде русского общества при росте образованности и научного творчества это неизбежно изменяло его отношение к Академии и должно было приводить к критике ее деятельности, к стремлению дать ей иные основания устройства. Мы увидим, что в следующем столетии жизни Академии этот становившийся все более нетерпимым разлад между потребностями культурной русской жизни и деятельностью Академии наук привел к изменению ее строя, и только путем такого изменения, медленно развивавшегося в течение 40–50 лет, произошло слияние ее с русской жизнью и Академия стала по самой своей сути национальным русским учреждением.

Принцип автономного самопополнения Академии неуклонно проводился в ней все время, и хотя в течение XVIII и в начале XIX столетия в ней было несколько единичных случаев нарушения этого принципа, но они всегда встречались и чувствовались в жизни Академии как злоупотребления властью и нарушения ее прав и не могли привиться и войти в жизнь. Этот принцип самопополнения при существовании в Академии указанной выше традиции неизменного высокого идеала вызвал то, что в среде Академии мы в течение всего столетия неизменно видим непрерывный ряд выдающихся деятелей по всем самым разнообразным отраслям науки. Такие находились в ней даже в годы ее тяжелого упадка.

Нет возможности перечислять здесь все имена, но надо все же вспомнить некоторых. Уже раньше были названы Эйлер, Ломоносов, Миллер, Паллас, Эпинус, Петров, Вишневский. Но это немногие из многих. В Петербурге того времени вел свою творческую работу в области гидродинамики Д. Бернулли (1725–1733); здесь некоторое время в разгаре своей творческой жизни жил И. Кельрейтер (1755–1761), один из тех, которые выяснили половой характер высших растений; еще раньше те же вопросы занимали Гмелина (1727–1747); здесь жил – правда недолго – А. Шлёцер (1762–1769), один из создателей точной исторической критики, столь много своим «Нестором» давший и для науки в России; провел всю свою жизнь К. Вольф (1767–1794)⁴⁶, один из глубочайших биологов, создателей эмбриологии и, может быть, гистологии, непризнанный на родине, в Пруссии, во многом загадочная натура, получившая признание и понимание потомства десятки лет спустя после своей смерти. Немедленно по приезде в Петербург он издал в 1767–1768 гг. работу, которая лежит, по словам другого русского академика, не менее крупного, чем Вольф, эмбриолога К.Э. фон Бэра, в основе эмбриологии⁴⁷. Это была его «*De formatione intestinorum*», напечатанная в «*Nova Acta*» Академии. Через несколько лет, в 1774 г., он дал новое, переработанное издание своей «*Theoria generationis*», в которой заложены начала учения об эпигенезисе, лежащие в

основе нашей современной эмбриологии. Здесь он, один из немногих в то время, до проникновения в науку учения о клетке наблюдал и описывал клетки. Упорно и неуклонно, посвящая свою жизнь только науке, ради которой сознательно оставил свое отечество, не дававшее ему возможности работать, Вольф работал в излюбленной им области до конца жизни в Петербурге, в течение 27 лет, как в лаборатории, так и теоретически; ряд его трудов остался в рукописях. Влияние Вольфа не отвечало ни его труду, ни глубине его мысли. Отчасти причиной этого было трудное и тяжелое, излишне подробное изложение наблюдений, делавшее чтение его работ очень нелегким. Вольф в своих виталистических воззрениях примыкал к XVIII в., к Шталю, влияние которого, как мы знаем, было сильно до конца XVIII столетия в разных областях научного знания. Вольфа стали ценить много лет спустя после его смерти, уже в конце XVIII – начале XIX в., когда Гёте извлек его из забвения, а Меккель издал (1810) немецкий перевод его «De formatione intestinorum»⁴⁸ и вновь ввел в научную мысль забытую работу петербургского академика. Эта самостоятельная, самобытная работа, шедшая в области крупнейших философских вопросов биологии все время на почве точного и нового изучения фактов, не могла быть бесследной для истории нашего общества. К сожалению, история биологии в России даже не набросана. Но в конце XVIII и начале XIX в. мы имеем в Петербурге ряд самостоятельно мыслящих врачей-биологов, частью пришедших немцев, вроде Шамиссо, частью русских, вроде Шиманского или Кильтица, связь которых с теми духовными интересами, какими жили Вольф и Академия его времени, может быть прослежена. Сохранился любопытный силуэт Вольфа – изящная фигура XVIII в., отражающая, может быть, твердую волю человека, шедшего в жизни своим, им свободно выбранным путем⁴⁹.

Среди химиков первого периода не может быть забыт Т.Е. Ловиц (1790–1804)⁵⁰, замкнутый самостоятельный исследователь, отец которого, тоже академик (астроном), был убит пугачевцами почти на глазах сына, никогда не избавившегося от этих впечатлений. Здесь, в Петербурге, Ловиц впервые вел ряд любопытнейших опытов, среди которых останавливают внимание совершенно новые наблюдения над кристаллизацией и над новыми свойствами растворов (открыл пересыщенное состояние). Таким же новатором был К. Кирхгоф (1809–1818)⁵¹, оставшийся до смерти (1883) в Петербурге, после выхода из Академии, стоя во главе Аптеки, и сделавший здесь ряд интереснейших наблюдений, которые обратили на себя внимание только много лет спустя после его смерти. Кирхгоф открыл глюкозу, инверсию сахара, и его экспериментальные работы были во многом использованы только в конце XIX в., – и то использованы уже после того, как появились другие работы, более точно изучившие те же явления. Часть своих работ Кирхгоф печатал только по-русски, хотя был немец. Но и русские и немецкие его работы прошли мимо современников.

В работах Ломоносова, Ловица, Кирхгофа видим мы экспериментальную область *физической химии*, которая тогда не вошла еще в общее сознание и творческая работа в которой и позже была близка нашей Академии наук, а в ближайшее время нашла себе место в бессмертных работах Гесса над термодинамикой.

Ряд отдельных открытий был сделан и в области биологических наук, и, между прочим, в Анатомическом театре Академии Дювернуа (1725–1741)

впервые выяснил анатомическое различие слона и мамонта; еще более важна была работа Вейтбрехта (1725–1747), давшего ряд мелких открытий в области домикроскопической анатомии человека. Здесь, в Петербурге, доделывалась та работа, которая началась в эпоху Возрождения, вылилась в такую яркую форму в [трудах] Везалия – недаром [идеи] Везалия еще были живы в русской жизни в эпоху создания Академии наук.

Впервые в Петербурге было покончено с таинственными свойствами ртути, жидкого незамерзающего металла, на свойствах которого в течение веков строилась теория алхимиков и химиков. В 1759 г. академику И.А. Брауну (1748–1768) при деятельном содействии Ломоносова удалось заморозить ртуть, хотя и раньше замерзание ртути наблюдалось в Сибири участниками академической Великой Сибирской экспедиции, но возбуждало сомнения и недоумения. Этот экспериментальный успех возбудил в то время не менее внимания и произвел большее впечатление, чем в наше время превращение газов воздуха в твердое и жидкое состояние. Академия устроила торжественное собрание, на котором выступали Ломоносов и Браун.

Целый ряд астрономов неуклонно готовили почву В.К. Вишневному – среди них нельзя не вспомнить А.Д. Красильникова, П.Б. Иноходцева (1768–1806), А.И. Лекселя (1769–1784), Ф.И. Шуберта (1786–1825). Оригинальная геологическая работа М.В. Ломоносова и И.Г. Лемана (1761–1767) продолжалась в работах И.Я. Фербера (1783–1790), П. Палласа, И.Ф. Германа (1790–1815), Х.Г. Пандера (1820–1865), являвшихся не простыми наблюдателями русской природы и собирателями фактов, но и пытавшихся вводить в науку новое. Ломоносов внес новое во все отделы общей геологии в своем замечательном трактате «О слоях земных»; Леман и особенно Паллас внесли первые лучи теоретической мысли в вопросы о строении гор и их образования; Фербер пытался выяснить характер эрратических валунов, а Пандер наряду с творческой работой в области эмбриологии и биологии явился одним из создателей научной палеозоологии. Пандер представлял любопытный пример натурфилософа, соединенного с точным натуралистом – наблюдателем. Его деятельность принадлежит уже к следующему периоду академической истории, когда в ней играл видную роль близкий ему К. фон Бэр. Между 1804 и 1838 гг. в Академии работал К.Ф. Герман⁵², столь много сделавший для статистики в России, а с 1817 по 1851 г. – Х.Д. Френ⁵³, [который] положил основание Азиатскому музею Академии, дал прочную переработку накопленному вековому материалу по мусульманской нумизматике и по изучению Востока в связи с историей России и мусульманских народов, вошедших в ее состав. Благодаря энергии Френа Петербург не только обогатился богатейшим собранием мусульманских рукописей, добытых частью во время войн с Персией и сношениями с Востоком, но здесь образовались и русские специалисты, так как Френ, сроднившийся с Россией в течение 44 лет своей жизни, горячо старался о создании специалистов на местах. До конца своей жизни Френ работал для науки, занятый только ею одной. Впервые Академия наук столкнулась с ориенталистикой еще в начале своего быта, в XVIII в., в лице одного из первых своих членов – академика Байера и И.П. Коля, работавшего в связи с Академией. Но традиция этих первых – крупных для того времени – ориенталистов уже в 1737 г. прервалась. Френ в 1817 г. начал но-

вую плеяду крупных ориенталистов в Академии наук, которая с тех пор идет не прерываясь целое столетие.

Эти имена – немногие из многих. Наряду с ними работали и другие академики или лица, так или иначе связанные с Академией, накапливая данные по изучению природы России, ее истории или археологии, быту населяющих ее племен и народов. Эта работа изучения России имела не только значение для русской культуры; она вела к познанию ее производительных сил, к их использованию государством. И эта задача была сознательной. Очень ярко она была выдвинута в замечательной речи академика И.А. Гильденштедта в 50-летний юбилей Академии, произнесенной на французском языке и позже, в 1780 г., переведенной по-русски в «Академических известиях». Для Гильденштедта этот перевод был «лебединой песней». Он умер в 1781 г. от тифа, заразившись при лечении обитателей своего дома в Петербурге. Ему не было еще 36 лет, и вся его недолгая жизнь была отдана научной и культурной работе. Он не был иностранцем; уроженец Остзейского края, он по правде мог говорить о России как о своей родине. Его посмертные труды – результаты семилетнего путешествия (1768–1775) – были частью изданы по поручению Академии Палласом, но часть их осталась в рукописи и в 1834 г. издана Клапротом. Гильденштедт дал первые точные и яркие наблюдения для Кавказа и для юга России, пополняя работы Палласа. Его речь 1776 г. полна сейчас для нас исторического интереса, и он говорил ее не только от своего имени: «Многие открытия, академиками учиненные, суть умственные и предопределены для одних ученых, но они не бесполезны будут и для наших потомков. Другие, напротив того, имеют непосредственное влияние в гражданское благосостояние современников наших, и количество сих последних открытий есть также весьма велико. Златой век России, в благословенное царствование всеавгустейшей Екатерины II, был поднесъ наиобильнейший весьма полезными для нынешних жителей Империи физическими открытиями, учиненными внутри и на пределах России академиками, по высочайшему повелению ее императорского величества, путешественниками»⁵⁴.

В своей речи Гильденштедт давал «показание таковых наблюдений физических и экономических, могущих быть непосредственно Отечеству полезными и учененных сотоварищами моими и мною»⁵⁵. И мы находим в ней, несомненно, любопытные и яркие предвидения будущего. Впервые в ней указано было на значение донецкого каменного угля, только что открытого, на каспийскую сельдь, на бахмутскую соль. На каждом шагу мы видим здесь указания на находки и наведения, сделанные во время академических путешествий или мыслью академиков, которые сейчас вошли в жизнь, как на могучие силы нашей страны, источник происхождения которых давно забыт далекими потомками. Уже одно это впечатление от чтения речи Гильденштедта указывает, что в его настроении и в оценке работы Академии не было преувеличения.

Действительно, великие путешествия, организованные Академией, дали целый ряд важнейших указаний чисто практического характера в разведении полезных растений, использовании рыбных богатств, в нахождении новых руд и полезных минералов. И эти указания не остались бесплодными. Они вошли в жизнь, и не напрасно и с этой стороны вспоминать старую Академию наук. Здесь, помимо Гильденштедта, Палласа и других участников великих

путешествий екатерининского времени, нельзя забыть и работы академиков, шедших в это время независимо от академических экспедиций. Такова, например, деятельность И. Германа, столь много сделавшего для горного дела в России, для его постановки и развития на Урале, на Алтае, в Забайкалье.

Но эта коллективная работа познания России не только была нужна для нашей родины, преследовала не только научно-прикладные задания. Трудно сейчас даже представить себе то огромное значение, какое имело для мировой науки этого времени исследование России, во главе которого в течение всего столетия, 1724–1824 гг., стояла Академия наук. Ее работа не только отразилась на научном материале – она дала определенные новые [данные] для представления о мироздании и Евразийском континенте среднего образованного человека Европы. Так, например, границы между Евразией и Америкой определены Великой Сибирской экспедицией (1733–1743), та же экспедиция окончательно установила обычное для нас теперь представление, что, двигаясь к северу, мы наблюдаем все более холодные страны, а не можем встретить более жаркие. В ученой литературе XVIII в., после достижения этого результата, Академию наук обвиняли в скрывании истины из-за политических интересов, не желая признать этого факта! Думали, что Великая Сибирская экспедиция 1733–1743 гг. за пределами тундр и холодных стран севера Азии достигла и открыла пути к тем жарким и богатым областям, которые должны были там находиться, по мнению многих. Академик Вишневский в 1815 г., определив высоту Эльбруса, дал наивысшую точку Европы и т.д. Но и помимо этого, чисто научный материал, внесенный Академией в общее сознание изучением России, Сибири и сопредельных с ней стран, и в естественноисторическом и отчасти этнографическом отношении был огромен. Всякий, кто сталкивается с литературой описательного естествознания этих лет, чувствует эту работу на каждом шагу, она имела в это столетие большее значение, чем более интенсивная работа нашего учреждения в последующий век, так как природа России была менее известна и меньше было мировых центров научного искания.

В собирании этого материала, кроме Палласа, Вишневского, Миллера, нельзя не отметить работы таких натуралистов, как Г. Гмелин, Г. Стеллер (1737–1746), С. Крашенинников (1745–1755), С. Гмелин (1767–1774), И. Лепехин (1768–1802), И. Гильденштедт (1769–1781), И. Георги (1776–1802), В. Зуев (1779–1794), В. Севергин (1789–1826), И. Герман, П. Загорский (1805–1846), А. Шерер (1805–1824), Х. Пандер, К. Триниус (1823–1844); экономистов и историков, как А. Шторх (1804–1835), К. Герман, Ф. Круг (1805–1844), А. Лерберг (1807–1813).

Пересматривая биографии этих людей, многие из имен которых уже смотрят на нас полуистертые временем, в историческом далеке, мы, несмотря на все их различие и на принадлежность их к разному времени, видим в их научной работе нечто общее и неизменное. Это общее и неизменное является историческим проявлением научной традиции Петербургской Академии наук. У всех у них мы видим соединение труда с уважением ко всякому научному факту, как бы мелок он ни был, стремление к знанию, стоящее на первом месте, полную научную добросовестность и искание связи наблюдаемых фактов с мировой научной работой...

Эта традиция сохранялась неизменной, как бы ни менялась та историческая обстановка, которая окружала работу Академии. А обстановка 1724 г. и ближайших лет резко отличалась от 1824 г. и его времени. Изменение сказало-сь как в положении нашей Академии наук в мировой научной организации, так и в том значении и тех задачах, какие ей ставила в эти грани ее зарождения и ее первого столетия русская жизнь. И только благодаря неизменному сохранению вечных основ научного искания как академической традиции Академия наук смогла сохранить в новой исторической обстановке свое прежнее высокое положение.

В 1724 г., при основании Петербургской Академии, в Европе мало было больших центров научной работы. Большинство университетов, в том числе почти все университеты германских государств, находились в упадке или только начинали превращаться в очаги научного искания; особенно ярко это сказало-сь в области естественных и математических наук. Уже в ближайшие годы благодаря составу своих членов Петербургская Академия наук заняла одно из первых мест в ряду мировых научных учреждений. Это место она пыталась сохранить и впредь, несмотря на то что за столетие коренным образом изменилась количественно мировая научная организация. Вместо единиц ее очагов в 1724 г. их появились в 1824-м многие десятки. Несомненно, Академия не раз теряла свое мировое значение, иногда державшееся только на прежней славе, так как состав ее далеко не все время отвечал первоначальному блестящему ядру ее членов, но память о раз достигнутом высоком положении сохранялась неизменно живой в ее среде. С потерей его она не мирилась. После упадка в 1740-х, 1780-х годах, в начале XIX столетия она к 1824 г. вновь достигла прежнего высокого положения и с тех пор его уже не теряла. Нельзя, однако, здесь же не отметить, что такое высокое положение в мировой науке молодого учреждения страны, не имевшей за собой вековой научной работы, могло быть достигнуто только тем, что данное учреждение не имело национального характера, а привлекало к себе выдающихся ученых разных национальностей. Его национальное государственное значение сказывалось в том, что эти выдающиеся люди, созданные из разных стран и пополненные русскими учеными, работали, как [представители] русского государственного учреждения, на пользу своей новой – иногда временной – родины. Такое высокое мировое положение Академии наук было связано и с тем стремлением к внешнему государственному блеску, которое считалось в то время необходимой государственной задачей культурного государства – подобно тому, как то же самое достигалось и в области искусства – привлечением в Петербург великих музыкантов, художников, ваятелей, изобретателей.

Раз достигнутое высокое положение, отвечающее чести и достоинству великой культурной страны, какой с самого начала хотела быть и считаться Россия, очевидно, не могло быть потеряно при дальнейшем развитии Академии наук, без ущерба для мирового положения России. Это, несомненно, создавалось при всех попытках ее дальнейшего изменения, и в том числе в течение процесса ее «национализации», который характерен для ее истории в следующем ее столетии. Процесс «национализации» Академии мог [совершаться] и совершался медленно, так как задачей его было не только превращение Академии наук в русское учреждение по своему составу, что было бы сделать нетрудно, но и в такое русское учреждение, которое не потеряло бы

ранее достигнутого Академией наук высокого положения в мировой научной среде.

Еще большее изменение пережила Академия наук в это первое столетие в положении, какое она занимала внутри страны, в России.

В начале XVIII в. Академия наук была единственным в стране центром научной работы. Люди, интересующиеся научными вопросами, не принадлежавшие к составу Академии, в первые годы ее существования могли группироваться в России только около нее. И несомненно, для них Академия и небольшой круг ученых, в нее входящих, явились опорой в не приспособленных для научной работы условиях русской жизни. Близки были к Академии и представители научных верхов, которым не были чужды интересы науки, – граф Брюс, Кирилов, В.Н. Татищев или кн. А.Д. Кантемир⁵⁶. Около нее группировались и рядовые научные работники – геодезисты, офицеры, учителя... Кроме нее, до середины XVIII в. научные силы могли находить себе место только в немногих правительственных учреждениях, требовавших специальных знаний, но там их научные интересы являлись практически ненужным придатком служебной деятельности, всегда были чуждыми и иногда малопонятными. Такие люди все время были среди служащих, подведомственных Медицинской коллегии, Адмиралтейств-коллегии, может быть, Берг-коллегии. Положение стало меняться только со второй половины XVIII в., когда в России возник ряд высших учебных заведений, неизбежно явившихся и новыми центрами научной работы. В Москве в 1755 г. создан был университет, в 1773 г. в Петербурге образован Горный институт, в 1783 г. там же – Российская Академия, наконец, в самом конце века, в 1798 г., в Петербурге и Москве высшие медицинские школы, превратившись в академии, явились прочными и сильными рассадниками научной работы.

В этих учреждениях в Петербурге академики невольно принимали деятельное участие, частью потому, что они были специалистами, которые были необходимы и других не было, частью потому, что среди них были выдающиеся люди в своей области, необходимые для правильного ведения дела, частью потому, что ученые деятели этих учреждений избирались в члены Академии. Личная связь между Академией наук и новой высшей школой все время здесь была прочной и непрерывной. Она явилась опорой новым научным учреждениям.

Но несомненно, это создание высших школ, точно так же как создание независимых от них и от Академии наук научных обществ (впервые в 1765 г. – императорского Вольного экономического, связанного с Академией наук), резко меняло положение Академии наук в нашей стране, так как создавало новые, независимые от нее центры научной работы. Эти центры в то же самое время неизбежно должны были явиться более национальными, так как теснее были связаны с русской жизнью по самому характеру своей деятельности; они явились и центрами общественного движения, стояли вдалеке от связи с научными учреждениями Запада.

Если в научной жизни этих новых центров в Петербурге Академия наук по своему составу все же, особенно первое время, пока ученая среда была невелика, должна была играть и играла крупную роль, то ее роль в [жизни] научных центров других городов России должна была быть сразу значительно меньшей. К тому же в первое столетие ее существования не были еще най-

дены формы жизни, которые делали бы ей нужную связь с научной средой русской провинции и старой столицы – Москвы. Такие формы только сейчас намечаются историческим ходом явлений.

Создание центров научной работы в Москве и вхождение Москвы в мировую научную работу явилось самым важным фактом, который в корне изменил положение Академии наук в русской жизни к 1824 г. по сравнению с 1724 г. Ибо в Москве создались научные учреждения, которые еще более тесно связались с русской общественной жизнью, чем петербургские организации. Здесь были созданы формы, в жизни которых могло проявиться участие русского общества, а не государственной власти, в мировой организации научной работы.

В создании первого научного центра в Москве – Московского университета в 1755 г. – Академия наук сыграла крупную роль. Академики Ломоносов и Ададулов принимали деятельнейшее участие в организации университета; Ададулов был первым куратором университета. Первое ядро русских профессоров университета – Барсов и Поповский – было дано Академией наук из своих студентов. До создания университета Москва не имела своих центров научного искания. Все, что было в ней собрано в XVII в. или в первые годы петровского времени, перевозилось в Петербург, концентрировалось в Академии наук; в Петербург была перенесена Кунсткамера, Навигационная школа, библиотека и собрание Аптекарского приказа. Из подмосковной* [было] вывезено самое крупное в России [частное] собрание инструментов, книг и коллекций гр. Брюса, пожертвованное им по смерти в 1735 г. на пользу общественную и явившееся важным орудием научной работы Академии в течение десятков лет.

Вторая половина XVIII в. резко изменила научную жизнь Москвы. Здесь к 1824 г. оказались независимые и крупные центры научного искания во главе с университетом. Характерной чертой этих центров явилось их более быстрое пополнение русскими учеными и горячая поддержка русским обществом. В Московский университет и связанные с ним учреждения за немногие десятилетия притекло столько пожертвований частных лиц, столько созданий библиотек, музеев и т.д., сколько Академия наук не получала в целое столетие своей жизни. В нее приток пожертвований, живая поддержка ее работы русским обществом в заметной и широкой мере – за исключением отдельных немногих случаев вроде завещания гр. Брюса – начались во второй период ее истории, главным образом со второй половины XIX в. Широкая, тесно связанная с общественным русским движением научная жизнь Москвы начала XIX столетия была сильно разбита 1812 г. Многое из начатого и намеченного не возродилось, но неизменным остался факт большей интенсивности и силы научной жизни Московского университета и связанных с ним учреждений, например, к 1820 г., чем только что подымавшейся из упадка Академии наук.

В это время и в Петербурге в среде русского общества были созданы более крупные центры научной работы, чем Академия наук, – Медико-хирургическая академия в области естествознания и кружок гр. Румянцева, связывавший

* Так в тексте подлинника. Очевидно, имеется в виду подмосковное имение Я.В. Брюса «Глинки». – *Ред.*

воедино на поле русской истории, русской археологии, истории русской литературы и славяноведения петербуржцев, москвичей и работников провинции, совершали ту работу, которую не делала в достаточной мере Академия наук. Здесь научная работа тесно сплелась с русским общественным движением, с помыслами и интересами русского общества. Оно через несколько лет отразилось и на Академии, так как в нее начали входить русские ученые, сложившиеся в этих новых центрах.

К концу [первого] академического столетия, в начале XIX в. в России произошло и другое изменение, сказавшееся на истории Академии не совсем ожидаемым путем, усилившее ее оторванность от русского общества, замедлившее процесс ее «национализации».

Одновременно с Москвой и Петербургом в первые годы царствования Александра I сложились центры научной работы в других городах, частью в чуждых русской государственной культуре городах окраин – были вновь созданы или совершенно реформированы университеты в Або, Дерпте, Вильно, Харькове, Казани, лицей в Кременце, горная школа в Кельце. Всюду здесь видной научной силой явились вначале пришлые ученые, большей частью немцы, но всюду более или менее быстро начала складываться и местная научная жизнь. Обстоятельства русской жизни сложились тяжело и неблагоприятно для русских научных центров и учреждений. 1812 год затормозил рост научного расцвета Москвы; правительственная реакция и военные события не дали докончить предложенный план открытия новых научных центров, а открытые в Петербурге, Казани, Харькове [университеты] на первых же порах пережили всю тяжесть государственной разрушительной деятельности – мрачной работы Рунича и Магницкого. Влияние этой работы надолго сдавило молодые создавшиеся учреждения.

Совершенно иначе сложилась научная жизнь в Вильно, Або или Дерпте. Их не коснулась сперва – и совсем почти не коснулась в Або и Дерпте – правительственная реакция, ибо они были далеки по своему [стремлению] от освободительных движений русского общества. Благодаря этому, в то время как условия для роста научной и культурной работы для русского общества, для подъема в нем знания и образования были тяжелы и неблагоприятны, в России создались крупные очаги научной работы, чрезвычайно усилившие уровень знаний и образования в среде немецкого, шведско-финского и польского общества Российской империи. В истории Академии наук особенное значение имело создание Дерптского университета. Он не только высоко поднял культуру и знание в захудалых в то время областях Остзейского края, резко отстававших до того времени в области научной работы от работы в России, поскольку она складывалась вокруг Академии наук, он объединил местных – немецких по языку и укладу жизни – ученых, он создал в пределах России крупный немецкий научный центр, находившийся в теснейшей связи с подымающимися и растущими центрами научной мысли и работы Западной Европы – университетами немецкого языка. Трудно сейчас даже оценить все значение этой огромной культурно-научной силы, которая была этим путем создана правительством в Дерпте для «немецкого общества» в России, особенно при отсутствии чего-нибудь аналогичного в тогдашней жизни русского общества и при той реакции, которая заглушала в нем все ростки самодет-

тельности. В этих условиях Дерптский университет во много раз увеличил влияние и силу «немецкого общества» в жизни России.

В 1817 г., когда с назначением президентом Академии наук графа С.С. Уварова Академия начала выходить из периода упадка и начиналась в ней новая жизнь, вблизи Петербурга в теснейшем общении с влиятельными кругами русских правительственных сфер оказался крупный немецкий центр научной работы, находившийся в тесной связи с мировой нау[кой], – живая и растущая организация. В это время Дерпт был, несомненно, более крупной научной силой, чем Петербургская Академия наук. Понятно поэтому, что при реорганизации Академии он оказал на нее сильное влияние, длившееся долгие годы, вплоть до последних 25 лет, ибо в условиях русской жизни эпохи второй половины царствования Александра I и всего царствования Николая I были обстоятельства, как увидим, чрезвычайно способствовавшие инородному влиянию, дававшему возможность свободного научного искания, отсутствовавшего у русского общества. Влияние Дерптского университета и подымавшегося по образованию – под его влиянием – немецкого общества Остзейских провинций наряду со многим общечеловечески хорошим принесло Академии наук и многое чуждое ей как русской организации, привело в конце концов к обострению своеобразной национальной борьбы в ее среде, шедшей десятки лет. Вред этой борьбы умерялся только одним тем, что она никогда не разрушала основных вековых традиций исканий научной истины, которые были в ней столь прочно заложены в январе 1725 г. первыми академиками – иноземцами, высадившимися на берегах Невы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Татищев В.Н.* Разговор о пользе наук и училищ. М., 1886. С. 110. По-видимому, Татищев не раз вспоминал этот разговор. П.П. Пекарский (История Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. I. С. XIII) приводит несколько иную его версию из письма В.Н. Татищева к Шумахеру в 1747 г., т.е. через 23 года после разговора.

² Об основании Академии см. новейшую работу академика А.С. Лаппо-Данилевского «Петр Великий – основатель Императорской Академии наук в С.-Петербурге» (СПб., 1914), где приведена относящаяся сюда литература. [См. также: История АН СССР. М.; Л., 1958. Т. 1; *Копелевич Ю.Х.* Основание Петербургской академии наук. Л., 1977. – *Ред.*].

³ Из общих очерков истории Академии, касающихся ее научной деятельности, см. «Историю Академии наук» Г.Ф. Миллера с продолжениями И.Г. Штриттера (1725–1743): Материалы для истории Академии наук. СПб., 1890. Т. VI (на нем. языке); *Куник А.А.* Почему ныне невозможна еще история Академии наук в XVIII столетии // Ученые записки Академии наук по I и III отделениям. СПб., 1854. Т. II. С. 137–144; *Он же.* Историко-литературная летопись Академии // Там же. СПб., 1852. Т. I, вып. 3. С. 529–579; *Пекарский П.П.* Материалы для истории образования в России: Первые профессора Академии наук и первые ученики их // Атеней. М., 1858. № 14. С. 367–392; *Веселовский К.С.* Последние годы прошлого столетия в Академии наук // Русская старина. СПб., 1892. № 2. С. 225–245; *Он же.* Время президентства графа Д.Н. Блудова в Академии наук, 1855–1864 // Там же. СПб., 1901. Т. 4, № 12. С. 495–528; *Пекарский П.П.* История Академии наук в Петербурге, 1870–1873. Т. I–II; *Сухомлинов М.И.* Пятидесятилетний и столетний юбилей Санкт-Петербургской Академии наук // Русская старина. СПб., 1877. Т. 18. С. 1–20; *Фусс П.Н.* Краткое обозрение трудов Санкт-Петербургской Академии наук с 1726 по 1826 г. Собрание актов торжественного заседания императорской Санкт-Петербургской Академии наук, бывшего по случаю празднования столетия ее существования 29 декабря 1826 г. СПб., 1827 (то же издано по-французски: *Fuss P.* Coup d’oeil historique sur le dernier quart-de-siècle de l’existence de l’Academie des Sciences Imperiale de St.-Petersbourg.

СПб., 1843). Есть данные по истории и общие очерки в некоторых из отчетов непреходящих секретарей. См., например: *Middendorf A. de. Discours // Compte Rendu de l'Academie des Sciences Imperiale de St.-Petersbourg 1854 et 1855.* СПб., 1856.

⁴ См.: *Пекарский П.П.* История Академии наук в Петербурге. Т. I–II.

⁵ Яркую картину, нарисованную Фуссом, см.: *Coup d'oeil historique...* Р. 4–5; *Плетнев П.А.* Памяти графа С.С. Уварова – президента Академии наук // Ученые записки АН по II отделению. СПб., 1856. Кн. II, вып. I. С. 61 (LXI).

⁶ Устав Санкт-Петербургской Академии наук. СПб., 1836, § 2, п. «а». См. также: Уставы Академии наук СССР, 1724–1974. М., 1974. С. 92. – *Ред.*

⁷ См. работы графа Д.А. Толстого: [Академическая гимназия в XVIII столетии, по рукописным документам Архива Академии наук // Записки АН. СПб., 1885. Т. 51, кн. 1, приложение № 2; Академический университет в XVIII столетии, по рукописным документам Архива Академии наук // Там же. Приложение № 3]. Эти издания дают архивный материал, несомненно рисующий очень печальную картину этой деятельности. Они (учебные функции Академии наук. – *Ред.*), однако, не поставлены в рамки русской и европейской жизни, и их влияние не прослежено в глубь общества.

⁸ См.: *Сухомлинов М.И.* Речь в торжественном собрании Академии наук по случаю столетнего юбилея императора Александра I. СПб., 1877. С. 14.

⁹ Там же. С. 38.

¹⁰ Там же. С. 24.

¹¹ Гравировальная палата уничтожена с 1 февраля 1805 г. по предложению академика Захарова и Озерецковского, так как она «стоит Академии великих издержек, ни малой пользы не приносила». См.: Журнал Комитета правления от 10 января 1805 г. (§ 43). [Архив АН СССР. Ф. 4. Оп. 1–1805. Ед. хр. 2. Л. 134–135. – *Ред.*]

¹² О том, как тяготилась Академия этой деятельностью, мы имеем многочисленные указания во внутренней истории Академии XVIII в. См.: *Пекарский П.П.* История Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. I; *Миллер Г.Ф.* [Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1890. Т. VI. – *Ред.*]

¹³ Смотри любопытное отражение этих собраний в рассказах придворных XVIII в., например в анекдотах князя де Линя, которые записал Уваров (*Ouvarov S.S. Le prince de Ligne // В кн.: Etudes de philologie et de critique.* Р., 1845).

¹⁴ *Пекарский П.П.* История Академии наук в Петербурге. Т. I. С. 639.

¹⁵ О нем см.: Там же. С. 524–538.

¹⁶ См. о нем: *Семенников В.П.* Собрание старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное императрицей Екатериной II, 1768–1783. СПб., 1913.

¹⁷ К. Флоринский, переводчик основ химии Макера (1774), между прочим, писал: «При переводе моем, за неимением химических слов на российском языке, имел я немалые затруднения... Я старался, сколько возможно, оные слова изобразить на российском языке..., иные выбирал из книг металлургических, о иных спрашивал ученых и знающих сию науку людей, а иные, которые я нигде не мог найти, ни дать им пристойного знаменования, оставлял непеведенные» (Там же. С. 15).

¹⁸ Эта связь существовала и раньше. Так, при ближайшем участии Адмиралтейств-коллегии была организована Великая Сибирская экспедиция; в то же самое время выдающийся гидрограф А.И. Нагаев все время работал над картами, очевидно потребными для Академии. Позже вся работа по составлению географической карты России проводилась при самом тесном участии таких академиков, как Вишневский, Иноходцев и другие.

¹⁹ *Сухомлинов М.И.* Речь в торжественном собрании... С. 39.

²⁰ Деятельность Мессершмидта ждет до сих пор справедливой оценки. Его сохранившиеся дневники не изданы; ими пользовались только исследователи Сибири XVIII и XIX столетий. В них много ценного, и они, равно как и материалы Великой Сибирской экспедиции («Камчатской»), заслуживают научного издания.

²¹ Роль третьего академика Делиля де ля Кройера не очень ясна.

²² Регламент Академии наук. СПб., 1803. С. 6–7. [См. также: Уставы Академии наук СССР. 1724–1974. С. 62. – *Ред.*]

²³ Уставы... С. 65.

²⁴ Об истории Ботанического сада Академии наук см.: *Rynpext Ф.И.* Материалы для истории Академии наук по части ботаники // Записки АН. СПб., 1865. Т. 7, приложение № 3. С. 1–35.

²⁵ Об истории Анатомического театра см.: *Baer К.Е.* Über den jetzigen Zustand und die Geschichte des anatomischen Cabinets der Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg // Сборник Музея антропологии и этнографии. СПб., 1900. Т. I. С. 111–152.

²⁶ Может быть, не будет ошибочным и зачатки Лаборатории – ее такое раннее учреждение в истории Академии – связать с аптекарскими навыками старой Руси: все три учреждения имели корни в одной потребности – врачевании. В Академии они приняли лишь научный облик.

²⁷ О ее истории за это время см.: *Struve W.* Description de l'observatoire astronomique central de Poulkova. SPb., 1845. 2 vol.

²⁸ О Делиле см.: *Струве В.Я.* О рукописи астронома Делиля, принесенной в дар Русскому Географическому Обществу членом оного князем И.А. Долгоруковым // Записки РГО. СПб., 1849. Кн. III. С. 50 и след.

²⁹ О П.Б. Иноходцеве см.: Русский биографический словарь. СПб., 1897. С. 124; *Сухомлинов М.И.* История Российской Академии. СПб., 1876. Вып. III. С. 168–264; *Венгеров С.А.* Источники словаря русских писателей. СПб., 1910. Т. II. С. 499.

³⁰ Личность Вишневого обратила на себя недостаточное внимание. О нем см.: *Венгеров С.А.* Указ. соч. СПб., 1900. Т. I. С. 594; *Middendorf A.F.* Discours / Compté Rendu de l'Academie des sciences de St.-Petersbourg 1854 et 1855. SPb., 1856. P. 31–40; *Struve W.* Descriptions géographiques principales de la Russie. SPb., 1843. P. 13–20.

³¹ *Middendorf A.F.* Reise in den aussersien Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844. SPb., 1849. Bd. II. S. 38–39.

³² О Ф.У.Т. Эпинусе см.: [Histoire del'Academie Imperiale des sciences. Années 1799–1802] // [Nova] Acta Academiæ Scientiarum Petropolitanae. Petropoli, 1806. Т. XV. P. 13–14.

³³ О В.В. Петрове см.: Resueil des actes... 1834. P. 3–6; История Военно-медицинской (бывшей Медико-хирургической) Академии за 100 лет. СПб., 1898. С. 826; Русский биографический словарь. СПб., 1902. Т. 13. С. 662, 665.

³⁴ См.: *Harnack A.* [Geschichte der königlich // Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin], 1900. Bd. 1–3.

³⁵ См.: *Heller A.* Geschichte der Physik von Aristoteles bis auf neueste Zeit. Stuttgart, 1884. Bd. II. S. 478.

³⁶ [*Петров В.В.* Собрание физико-химических новых опытов и наблюдений. СПб., 1801. Ч. I. С. XXVIII].

³⁷ См.: *Fuss P.N.* Coup d'oeil historique sur le dernier quart-de-siècle de l'existence de l'Academie des sciences de St.-Petersbourg. SPb., 1843.

³⁸ Сравни об Эйлере: «Who in my opinion is the greatest of all the successors of Isaak Newton as lunar theorist». [«Кто, по моему мнению, является величайшим среди всех последователей Исаака Ньютона теоретиком Луны». – *Ред.*] (*Brown E.W.* The Australian meeting of the British association // Nature. L., 1914. Vol. 94, N 2346. P. 185).

³⁹ *Euler L.* Lettres à une princesse d'Allemagne sur divers sujets de physique et de philosophic. SPb., 1768–1772. Т. 1–3.

⁴⁰ Эти письма были изданы четыре раза по-русски (1772–1796) под заглавием «Письма о разных физических и философских материях» и были одним из самых успешных изданий «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». См.: *Семенников В.П.* Собрание, старающееся о переводе иностранных книг. С. 20.

⁴¹ О И.А. Эйлере см.: *Ienn Albert Euler* // Nova Acta... 1806. Т. XV. P. 5. Силуэт И.А. Эйлера см.: *Модзалевский Б.Л.* Список членов императорской Академии наук, 1725–1907. СПб., 1908. С. 371.

⁴² О нем см.: Neuer Necrolog d. Deutschen, [Schmidt – Necrolog]. 1826. Bd. IV.

⁴³ О нем см.: *Struve O.* // Compte Rendu de l'Academie des sciences de St.-Petersbourg, 1856. SPb., 1857. P. 89.

⁴⁴ О Г.Ф. Миллере см.: *Пекарский П.П.* История Академии наук в Петербурге. Т. I. С. 308–430.

⁴⁵ О П.С. Палласе см.: Русский биографический словарь. СПб., 1902. Т. 13. С. 153–162.

⁴⁶ О нем см.: Nova Acta Academiæ scientiarum Petropolitanae. Petropoli, 1801. Т. XII; Histoire de l'Academie des sciences. P. 7; Recueil des actes de la séance publique de l'Academie

des sciences de St.-Petersbourg tenue 29 décembre 1831. SPb., 1832. P. 112–117; *Baer K.V.* [Über d. literarischen Nachlass von C.F. Wolff]//Bulletin Academie de la Classe physico-mathematique. SPb., 1847. Vol. V. P. 129–160; Allgemeine deutsche Biographie. Leipzig, 1898. Bd. 44. S. 41.

⁴⁷ К.М. фон Бэр в своих воспоминаниях указывает на то, что в основу своих знаменитых работ по эмбриологии он положил, кроме самостоятельной работы, труды Вольфа. [См.: *Бэр К.М.* Автобиография. Л., 1950. С. 300–303. – *Ред.*].

⁴⁸ [*Wolff C.F.* Über die Bildung des Darmkanals im bebrüteten Hühnchen. Halle, 1812].

⁴⁹ См.: *Модзалевский Б.Л.* Список членов императорской Академии наук, 1725–1907. С. 349.

⁵⁰ См. о нем: *Scherer A.* [Worte der Erinnerung an das Leben und die Verdinste von Tobias Lowitz. SPb., 1820].

⁵¹ О К. Кирхгофе, пропущенном в Русском биографическом словаре см.: *Poggendorf J.Ch.* Biographisch-literarisches Handwörterbuch zur Geschichte der exacten Wissenschaften. Leipzig, 1863. Bd. I. S. 1260.

⁵² О К. Германе см.: [Общий отчет, представленный его императорскому величеству по Министерству народного просвещения за 1838 год] // ЖМНП. СПб., 1839. Ч. XXII. С. 19; *Никитенко А.В.* [Воспоминания о Карле Федоровиче Германе] // Санкт-Петербургские ведомости. 1839. № 216, 217; *Григорьев В.В.* [Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования]. СПб., 1870.

⁵³ О нем см.: Справочный словарь. СПб., 1849; *Савельев П.С.* О жизни и ученых трудах Френа. СПб., 1855; *Он же.* [Сообщение о похоронах Френа] / Москвитянин. М., 1851. Кн. I. № 17, сент. С. 58; *Brosset M.F.* // Journal asiatique. P., 1851. N 18; *Dorn B.A.* Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der wissenschaften zu St.-Petersburg. SPb., 1846; *Дорн Б.А.* Академик Френ и его ученая деятельность//Ученые записки АН по I и III отделениям. СПб., 1855. Т. III, вып. 3. С. 429; *Он же.* Очерк музеев императорской Академии наук. СПб., 1865. С. 76.

⁵⁴ *Гильденштедт А.И.* Речь о произведениях российских, способных к содержанию всегда выгодного превосходства в продаже в чужие края российских товаров пред покупкою иностранных, говоренная декабря 29 дня 1776 года, в публичном С.-Петербургской императорской Академии наук собрании, во время полувекового ее юбилея // Академические известия на 1780 год. СПб., 1780. Ч. IV. С. 356.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Рано умерший князь А.Д. Кантемир был воспитанником первых академиков и явился одним из первых – и многих – выдающихся людей, получивших образование в Академии.

1914–1916

АКАДЕМИЯ НАУК 1824–1889 ГОДОВ*

Во второе столетие своей истории Академия наук перешла, пережив только что огромный кризис большого упадка и замиранья. В течение 8 лет (1810–1818) она была без президента и вице-президента, к 1818 году в ней было всего 17 академиков (два из которых только что – в 1817 году – в нее вошли), среди которых (9 из них были русскими уроженцами) не было ни одного ученого с европейским именем. Наиболее известен был математик Фусс, больной и старый, уже не работавший научно. Знали, может быть, еще астронома Шуберта и экономиста Шторха. Почтенные и крупные теперь для нас имена Вишневого, Германа, Петрова за пределами России тогда не имели значения, молодой Френ только что начинал научную деятельность и был никому – за узким кругом ближайших специалистов – не известен. В общем,

* Изъятые примечания составителя, характеризующие его работу над текстом (см. *В.И. Вернадский.* Труды по истории науки. М.: Наука, 2002).

в эпоху блестящего расцвета естественноисторических и физико-математических наук, нового расцвета гуманизма и филологии, который переживался в это время в Европе, Петербургская Академия наук давно потеряла ту славу и то значение, какие она имела около середины XVIII столетия. Ее издания к этому времени тоже потеряли былое влияние и едва ли имели интерес; они, несомненно, не были живым органом, дававшим понятие о движении научной мысли и научной работы в России (стояли в стороне от мирового научного творчества). В них видное место занимали посмертные мемуары Л. Эйлера, написанные десятки лет раньше и, очевидно, уже давно не отвечавшие тому состоянию математических интересов, какое было ключом в это время в Европе под влиянием великих математиков послеэйлерова времени. Академия наук была на границе полного научного замирания.

К этому присоединилось и тяжелое материальное состояние Академии наук. В связи с наполеоновскими войнами наша страна переживала тяжелый финансовый и экономический кризис. Штаты 1803 года к 1818 году совершенно не отвечали потребностям жизни; рубль чрезвычайно понизился в своей цене; на старое содержание академиков нельзя было найти нужных людей, а на отпускавшиеся средства нельзя было вести сколько-нибудь правильно дело научной работы и даже поддерживать элементарные потребности академической организации. Здания были полуразрушены, недостроены. Характерно для ее состояния, например, что главное здание, место собрания ее членов, в котором Академия наук помещалась со времен Екатерины II, десятки лет оставалось внутри недостроенным, на 2/3 необитаемым – главный конференц-зал стоял без пола [А]. Другие ее здания, еще более древние, были еще более заброшены.

Это тяжелое состояние Академии быстро изменилось благодаря назначению нового ее президента С.С. Уварова (1818–1855), тогда еще молодого человека, полного энергии и благих желаний. Несомненно, после Л. Блюментроста, первого президента Академии (1725–1733), впервые во главе Академии наук стал человек, сам ученый, искренно преданный ее развитию, знававший и понимавший ее значение. После Блюментроста, к сожалению отвлеченного в последние годы своего короткого управления Академией другими занятиями, в течение более, чем 85 лет, прошедших после его смерти до Уварова, может быть отмечена деятельность только двух президентов, иностранцев по рождению и воспитанию, барона Корфа (1734–1740) и барона А.Л. Николаи (1798–1803) [Б]. Оба они были образованными людьми, придворными, которых прельщал интерес науки и литературы. Николаи был плодовитым, не без таланта, немецким поэтом. Корф оставил свой след в заботах об изучении русского языка и литературы, о чем уже упоминалось раньше.

Николаи, заставший Академию в полном упадке, в короткое свое управление несколько улучшил материальное ее положение и принимал деятельное участие в выработке нового регламента Академии, стремясь к расширению ее автономии. Однако, стал законом не проект, выработанный Николаи, а другой, в составлении которого принимал деятельное участие академик Фусс [В]. Этот устав вошел в жизнь, когда во главе Академии наук, ее президентом стал Н.Н. Новосильцов, ей чуждый, занятый другими делами, вскоре ее оставивший. В течение 69 лет из 100 в Академии наук или не было президента

(8 лет), или были президенты, ей далекие, чуждые или деятельность коих отнюдь не могла быть оцениваема – ни с какой точки зрения – положительным образом. Некоторым коррективом к такому положению дел было одно время назначение особых директоров Академии, которые при живом президенте (гр. К.Г. Разумовском) исполняли независимо от него его функции (1766–1798), но и среди них только кн. Е.Р. Дашкова (1783–1794) была на высоте положения и оставила заметный след в истории Академии.

Несомненно, такая тяжелая и неправильная организация центрального органа управления Академией наук сильно отражалась на ее росте, на ее положении в общественной и правительственной среде, она в значительной мере обуславливала то состояние упадка, какое так тяжело переживала Академия наук уже 1780-х годах, и до назначения Уварова, не менее, как в течение 30 лет.

Только с назначением президентом Сергея Семеновича Уварова [Г] Академия наук окончательно вошла в рамки государственных учреждений России и получила в них то высокое положение – первенствующего ученого сословия – которое являлось для нее, как идеал и необходимость, и за которое она так или иначе пыталась вести борьбу. Любопытна с этой точки зрения, например, борьба академических представителей в Екатерининской законодательной комиссии. В общей схеме новых учреждений России Академия наук получила высокое, занимаемое ей место, в Уставе 1803 года – но настоящим образом оно было закреплено только президентством С.С. Уварова. Счастливым случаем было в истории Академии, что Уваров, поднявшийся до положения сановника в царствование императора Николая Павловича, неизменно оставался в ней до нового царствования – до эпохи Великих реформ. Долгое время Уваров сохранял доверие и расположение императора Николая вплоть до 1849 г. Человек широко образованный, Уваров, как известно, явился идеологом самодержавия; он был не только автором известной формулировки «самодержавия, православия и народности» как идейных лозунгов правительства императора Николая Павловича – идея независимой от хартий и конституционных ограничений монархии глубоко пронизала все его мировоззрение и связывалось с его идеями о ходе исторических явлений. Великие личности, стоящие выше толпы и с ней не считающиеся, но обожаемые, являлись для него настоящими вождями человечества, лучшими выразителями его идеалов и стремлений. Гете был для него самодержавным монархом в культурном человечестве [Д]. Положение во главе Академии долгие годы человека, идейного выразителя основ политической деятельности правительства Николая I и в то же время горячо преданного науке и литературе, несомненно, в значительной мере способствовало упрочению высокого положения Академии наук в ту эпоху жизни русского общества, когда наука и литература находились под подозрением. В истории Академии наук при Уварове мы имеем проявление того же покровительства науке – вопреки тенденциям правительства – лично со стороны императора, какое для литературы выразилось в истории Пушкина.

С.С. Уваров был назначен президентом Академии наук молодым человеком, отнюдь не стоявшим высоко среди высшего петербургского общества. Его значение определялось его женитьбой на гр. Разумовской. Он был в это время попечителем учебного округа и, хотя звание попечителя в то время

было гораздо более высоким в бюрократической среде, чем в наше время, – все же Уваров сановником тогда еще не был. Уже будучи президентом Академии, после оставления им должности попечителя он был одно время директором департамента в министерстве финансов при Канкрине, стоял во главе государственного банка. Такое назначение президентом Академии наук не сановника было связано с ее падением; вес президента Академии был в то время невелик во влиятельных кругах. Лишь позже, когда Уваров достиг высокого бюрократического положения, ставши министром народного просвещения и членом Государственного совета, вновь восстановилась нарушенная назначением его и бар. Николаи (чтеца императрицы Марии Федоровны и невидного придворного) традиция назначения в президенты Академии наук лиц, занимающих высокое положение в придворной или государственной иерархии России. Эта традиция была закреплена регламентом 1804 года и 1835 гг. [Е].

Сергей Семенович Уваров получил хорошее домашнее образование и во время своего пребывания за границей завязал широкие связи в ученном и образованном светском обществе того времени. С одной стороны, Уваров вошел во французское общество, еще живое традициями дореволюционной светской французской образованности. Сохранились его воспоминания о принце де Лине, в кружок которого он вошел, его переписка о сношении с образованными представителями французской реакции, с де Барантом, Ж. де Местром и др. С другой стороны, Уваров был охвачен очарованием Гёте и близко сошелся с учеными кругами филологов-классиков и ориенталистов Франции и германских государств. Эти связи Уварова сыграли видную роль и в его реорганизаторской деятельности в Академии наук.

Сам Уваров был человеком широкого и разностороннего образования, ученый-классик, человек с большой инициативой и большими знаниями. Член кружка Арзамас, он был близок с образованными кругами русской литературы, кружком Оленина, с Карамзиным, Батюшковым, Гнедичем. Эти интересы его молодости сохранились у него на всю жизнь и позже, уже в старости, он набросал свои воспоминания об этих литературных кругах, в которых старался поставить их в исторические рамки, ярко окрасив их взглядом участника, понявшего перед концом жизни исторический смысл пережитого [Ж].

В тесной связи с этими литературными вкусами стоят его научные работы по истории Эллады. Они были самостоятельными исследованиями; правда, они не вносили ничего существенно нового, но шли в уровень с тем новым течением и подъемом в научном познании эллинизма, который как раз в это время переживался человечеством, нашел себе центры в германских университетах и так могущественно – и в общем плодотворно – отразился в науке и жизни образованного европейского общества первой четверти XIX столетия. В истории эллинистических научных интересов в России Уваров, несомненно, сыграл видную роль и являлся горячим поклонником классического образования – того новогуманистического течения, которое реформировало и оживило в это время германскую высшую и среднюю школу и по отношению к которому русский гимназический классицизм конца XIX столетия является печальным и искаженным отголоском. Наряду с этим значением Уварова должна быть отмечена и его крупная роль в организации научной работы по востоковедению в русском обществе. Еще молодым человеком, в 1810 году

Уваров в специальной брошюре на французском языке поднял вопрос об основании в России «Восточной Академии», причем указывал на значение этих вопросов для России. Уваров здесь несомненно является выразителем мнений не только своих – но, по-видимому, целого кружка лиц, группировавшихся в Петербурге; в этой работе участвовал академик Клапрот, сыгравший позже столь печальную роль в жизни нашей Академии, и гебраист Фесслер, преподаватель Петроградской Духовной Академии, вскоре после того изгнанный из России. Эта брошюра Уварова, интересная и тем, что она отразила на себе работу английских и французских ученых и вводила ее в историческое мирозерцание, была позже не раз переиздана, переведена Уваровым на немецкий и русский языки и доставила ему громкую известность в Европе. Ему суждено было и реально способствовать этому делу как созданием восточных кафедр в Петроградском университете, так и созданием нового разряда в нашей Академии наук.

Его деятельность в Академии была особенно энергична до назначения его в 1838 году министром народного просвещения, но он до самой своей отставки от министерских обязанностей и болезни в 1849 году принимал близкое участие в организации и жизни Академии. То состояние, в каком он нашел Академию в 1818 и в каком она была в 1849 году – было несравнимо и в этом огромном росте Академии роль Уварова была первостепенной. Отнюдь не преувеличением и не искажением истины в официальных юбилеях и некрологах были те указания, какие делались в заседаниях Академии наук в 1843 году в 25-летие его президентства и в 1855 году в поминке его после его смерти [И]. Президентство Уварова действительно составило эпоху в истории Академии, хотя, конечно, далеко не все его начинания и решения выдержали пробу времени, наряду с хорошим он делал и ошибки. К концу жизни после 1838 г. нередко министр народного просвещения в нем, как увидим, побеждал президента Академии.

Первыми же мерами в ближайшие годы Уварову удалось улучшить материальное финансовое положение Академии наук, внести некоторый порядок в распоряжение ее средствами, достроить десятки лет недостроенные здания, увеличить ее бюджет. В конце концов это выразилось в новом государственном бюджете Академии, ее штатах 1836 года, которые сразу поставили всю работу в Академии на прочную базу. В общем устав 1836 года остался неизменным в Академии до сих пор, а штаты получили полное изменение только в 1912 году.

Но, конечно, улучшение штатов – увеличение средств Академии и усиление ее персонала могло получить значение только при условии правильного использования нового создававшегося орудия научной работы. В этом отношении новые течения сказались очень быстро в жизни Академии за несколько лет до устава 1835 года. Ко времени этого устава в состав членов Академии вошло несколько крупных ученых, некоторые из которых имели уже мировое имя при избрании в ее члены; это были Х.Г. Пандер (1820), Е.И. Паррот (1826), Э.Х. Ленц (1828), В.Я. Буняковский (1828), К.Э. фон Бэр (1828), А.Я. Купфер (1828), Г.И. Гесс (1828), М.В. Остроградский (1828), Я.И. Шмидт (1829), А.М. Шегрен (1829), Ф.Ф. Брандт (1830), В.Я. Струве (1832). Академия наук сразу в этот промежуток времени заняла первенствующее место среди ученых учреждений цивилизованного мира. Если в

1818 году она была совершенно забытым и неизвестным учреждением, про которое правильно говорил один из историков Академии, что «в последние десять лет (до 1818 года) она держалась одною недвижимостью внутренне-го и внешнего своего устройства» [К], в 1836 году она стояла в первых рядах человечества, в ее составе, видными ее деятелями были первоклассные ученые, ее работа была энергична, а достигаемые ею результаты огромны. В 1818 году она вступила на путь научного развития, с тех пор не прерывавшегося и не ослабевавшего. Это было, несомненно, достигнуто прежде всего тем, что в ее состав – подобно тому, как это делалось и раньше, были привлечены иностранцы, главным образом немцы и швейцарцы – из числа 11 названных выше ученых, такими были Паррот, Гесс, Шмидт, Брандт и Струве. Такое приглашение было отчасти связано с теми отголосками интернационального или, вернее, внеинтернационального представления о научном обществе, которое было исключительно живо в это время, полное впечатлений и отражений эпохи Великой Революции и наполеоновских войн. В сущности, такое представление корнями уходило далеко вглубь, в средние века, в эпоху, когда создавались Академии и когда окончательно выростала в конгломерате меняющихся государств и общин, независимо от церкви, среди ученых. Эти независимые от государственных рамок общения ученых, их переход в такие страны, которые – вне зависимости, их племени или их государственного подданства, – давали им возможность вести научную работу, являлся обычным и в новое время, когда были созданы государства нового времени и когда они стали все более и более ярко преобразовываться в национальные государства. Больше того, в это время создалась идеология такого внегосударственного общества ученых. Она была в блестящей форме выражена на одном из торжественных годовых собраний нашей Академии, в 1856 году, непререкаемым секретарем Академии А. Миддендорфом, в эпоху, когда под влиянием общественного подъема и роста русского общества, его значения в жизни страны, стал резко чувствоваться разлад между русским обществом и интернациональным составом Академии наук [Л]. Миддендорф полагал задачей государственного управления создание академий наук из величайших ученых всего человечества, не ограничивая их состав теми кандидатами, которые могли быть даны данным государством. Он считал, что этим путем может быть создано тем более сильное орудие научного творчества и связанной с ним максимальной пользы для данной страны, чем удачнее будет в этом смысле деятельность правительства, чем крупнее люди, которых ему удастся привлечь в состав данной Академии из других и своей страны.

Мысль эта, несомненно, имеет много за себя и заключает зерно истины, но она связана с такими условиями, которые отсутствуют в обстоятельствах государственной жизни XIX века. Именно XIX век как раз выдвинул в государственной жизни народный, национальный элемент и вызвал необходимость для правильного функционирования научной работы ее теснейшую связь со всею жизнью, с народом и обществом, в котором идет работа. То, что хотелось видеть в жизни Миддендорфу, и под влиянием чего в Николаевское время так высоко сразу была поставлена Академия наук, нигде в окружающей научной среде не выжило пробы времени. Уже в то время, когда говорил об этом идеале Миддендорф, была ясна его безнадежность. Еще в начале XIX века можно было думать, что победят старые традиции. Итальянец Лагранж,

один из величайших мировых математиков, был долгое время виднейшим академиком, славой Прусской Академии наук в Берлине, где он заменил Эйлера, ушедшего в Петербург – но позже переехал в Париж, став там членом Академии наук и сенатором, и умер французом (1813). А. фон Гумбольдт, пруссак по рождению и подданству, был академиком в Париже и с большим для себя огорчением вынужден был перейти в Берлинскую Академию в 1827 году, когда уже ясно обнаружилась победа нового течения – перехода международных по составу академий наук в академии национальные. В первой половине XIX века мы видим очень ярко все растущую тенденцию этого рода и сейчас академии все стали учреждениями национальными. Для поддержания вненационального единства науки, необходимого для развития нации и самих академий не в меньшей мере, чем национальный их состав, пришлось искать других путей и он был найден в международном союзе академий, идея которого любопытным образом была высказываема в собрании нашей Академии в том же 1856 году тем же Миддендорфом.

Академия наук в Петербурге дольше других сохраняла свой интернациональный характер. Помимо того несомненного успеха, какое имело такое ее пополнение в 1820-х годах новыми учеными, вновь возродившего ее предназначение в мировой научной жизни, были в жизни нашей страны и другие обстоятельства, которые поддерживали ту же тенденцию и делали переход ее в чисто национальное учреждение более медленным и длительным.

С одной стороны, этому способствовало отсутствие в это время – в 1818 году и в ближайшие годы крупных русских ученых, которые могли бы быть поставлены наравне с приглашенными иностранцами. Оставляя в стороне области русской истории и аналогичных дисциплин и обращаясь к наукам филологическим, математическим или естественноисторическим, – мы сейчас найдем немного лиц, которые в промежуток 1818–1835 года могли бы по праву быть выбраны в состав Академии наук, не были выбраны и вместо которых были выбраны иностранцы. Несомненно, такие могли быть найдены – некоторые из них в то же время были и членами-корреспондентами Академии (например, Соболевский, Норденшельд, Стевен, Спасский и др.) – но они не имели той связи с ученым миром Запада, которая имела в это время огромное значение для поднятия силы Академии наук. Были и такие, значение которых было совершенно неясно для современников – как, например, Лобачевский, оставшийся вне связи с Академией, как раз тот ученый, имя которого наиболее ярко блистает с ходом времени среди всех имен русских ученых первой половины XIX столетия. Но была и другая сторона жизни, ведшая в Николаевское время к интернациональному характеру Академии наук. Это было время огромного влияния в правительственных кругах немецких групп русского общества; можно сказать, что они в это время держали в своих руках в значительной мере правительственную власть. Как раз в это же время университет в Дерпте получил широкое развитие и находился в теснейшей связи с немецкими университетами германских государств; он связывал все немецкое общество в единое культурное целое и давал почву для создания в нем научной деятельности и научных специалистов. В общем это немецкое общество было сплоченным и сплоченность эта чрезвычайно усиливалась университетской жизнью. Значение этого общества чрезвычайно поддерживалось в правительственных кругах тем, что при сохранении за ним местных

привилегий в Остзейском крае, оно стояло совершенно в стороне от русской общественной жизни и было вполне благонадежно в политическом смысле, т.к. ему были совсем чужды все те общественные настроения и чаяния, борьба с которыми после 1825 года выступила на первый план внутренней жизни России. Именно этим вызвано и то, что в высшей иерархии России среди ее главных деятелей нередко бывали и играли видную роль иностранцы, чуждые русской жизни и не всегда в нее входящие. Такими бывали в Николаевское время даже министры, не говоря уж о более мелких частях управления. Все время в правительственную машину проникали с запада главным образом немецкие деятели, принимавшие русское подданство, политически благонадежные, исполнительные, нередко знающие специалисты, иногда совсем чуждые традициям русской жизни. Достаточно вспомнить таких министров-иностранцев, крупных деятелей в русском правительстве, какими были Канкрин или Нессельроде.

Несомненно, этот процесс происходил и в научной области. Правительство Николая I нередко предпочитало обращаться к специалистам-иностранцам, минуя своих русских – таковы, например, знаменитые экспедиции А. фон Гумбольдта, Г. Розе и Эренберга или Мурчисона и маркиза де Вернейля. Понятно, поэтому, что Академия наук, обладавшая правом самопополнения и состоявшая к 1826 году, к началу царствования императора Николая Павловича, в подавляющем большинстве из иностранцев или русских подданных немцев [М], искавшая опоры в правительственной среде и стремившаяся к возможной свободе научной работы, боявшаяся каких бы то ни было столкновений с властью, могла вести правильно и широко научную работу только путем возможного воздержания от участия в русской общественной жизни, сохранения прежнего интернационального характера и преобладания немецкого элемента в своем составе.

Благодаря всем этим историческим условиям переход ее в чисто национальное учреждение по составу совершался очень медленно, последний академик-иностранец по месту рождения был выбран в 1884 году и то это был давно уже русский подданный [Н].

Ход процесса изменения положения дел может быть прослежен в следующей таблице, дающей состав академиков по периодам [О]:

	1818	1835	1841	1859	1889	1914
Русские	5	4	22	27	22	34
Русские немецкого общества [П]	4	8	9	13	10	2
Иностранцы по рождению	10	11	13	12	6	16

Мы видим, что несмотря на происшедшее в 1841 году присоединение Российской Академии в виде II Отделения, – состав Академии наук вплоть до 1889 года сохранял в общем прежний облик: в Академии наук русские не были представлены даже пропорционально количественному составу населения России. Состав Академии наук сильно меняться только после 1889 года, в тот период, который сейчас подлежит нашему изучению и в который она – подобно другим академиям – приобрела и по своему составу национальный характер. Это изменение, как мы увидим, совершилось в ней без очень резких

переворотов, почти исключительно постепенным выбором русских ученых. Поворот уже обозначился к 1889 году, но этот год был до известной степени годом критическим: было неясно, куда пойдет ход изменений. Мы увидим, что этот поворот был следствием сильного изменения, происходившего в составе нашего общества и в росте мировой силы русской культуры.

Тому же самому содействовали и причины внутреннего характера и на первом месте то, что несмотря на происходившую в среде Академии глухую национальную борьбу, ее научная работа все время после 1818 года росла и увеличивалась – а вместе с тем увеличивалось и ее значение в мировой культурной жизни и еще больше в культурной жизни нашей страны. Неизбежно благодаря этому усиливалось противоречие между национальным укладом русского общества, совершавшего в это время огромную работу, переходившего в созданиях своей культуры в первые ряды мировых культурных наций, и жизнью находившегося в его среде чуждой ему по составу Академией наук. Чем больше росла Академия, тем больше она сталкивалась с русской жизнью, тем большим диссонансом звучал ее во многом интернациональный, до известной степени немецкий уклад, тем настойчивее чувствовалась в русском обществе необходимость ввести ее целиком в круг своих чисто национальных орудий. Очевидно, в живом и большом обществе, совершавшем большую не только культурную, но и научную работу, не могло существовать высшее научное государственное учреждение, растущее и по своему значению и по тому вниманию, которое обращало на него правительственная власть и правительственная поддержка, не связанное с русским обществом тесными и неразрывными нитями.

В течение 71 года, с 1818 по 1889, история Академии наук теснейшим образом связана с борьбой за национализацию Академии наук. Русское общество постепенно захватывало себе создающуюся в виде Академии наук крупную силу, превращало ее в национальное учреждение. Уклад Академии наук изменялся под таким напором общественного мнения и проникновения в ее среду русских ученых. Одновременно он изменялся и под влиянием новых потребностей научной творческой работы, благодаря постепенному превращению Академии наук в одно из крупнейших по научным силам и материальным средствам мировых научных учреждений. В эти годы окончательно выяснились в ее строе те изменения, которые в прошедшее столетие были связаны с очищением ее от задач, чуждых ее основным потребностям. Вместе с тем кое-что из потерянного при этом в цепи исторических случайностей было вновь восстановлено в новом виде и глубоко вошло в жизнь Академии.

Самым крупным и решительным шагом в этом направлении было коренное изменение в 1841 году ее общего устройства благодаря созданию II Отделения русского языка и словесности и слиянию с Академией наук Императорской Российской Академии. Ход всего дела для нас сейчас неясен и, к сожалению, далеко не все относящиеся сюда документы опубликованы. Повидимому, он был связан со стремлением к полной национализации Академии наук. Однако она не могла быть произведена какой-нибудь единой мерой, исходящей от правительственной власти, т.к. традиции старого были в Академии наук могущественны и глубоки, русское общество не было еще очень сильно ни в своей культуре, ни еще более в ее сознании, и немецкий строй

Академии наук поддерживался тем значением, какое имели и по существу дела должны были иметь в правительственных кругах Николая Павловича иностранцы и русские немцы.

Но если 1841 год не привел сразу к национализации Академии наук, он вместе с тем явился первым крупным шагом в этом направлении. Вместе с тем он чрезвычайно расширил научную силу Академии наук и связал ее с разработкой тех отраслей науки, которые по самой природе своей теснейшим образом связаны с жизнью русского общества. Ибо в этот год в круге задач Академии наук были введены – и Академии предоставлены были для этой цели нужные средства – изыскания, связанные с историей России, изучением русского и славянских языков, историей русской литературы, славяноведением. Инициатива происшедшего изменения, поскольку можно судить по опубликованным и имеющимся в архиве Академии наук данным, исходила непосредственно от императора Николая Павловича, произошла вопреки намерениям министра народного просвещения и президента Академии С.С. Уварова, против желания и при упорном, но глухом, сопротивлении самой Академии наук. Поводом к ее совершению была судьба другого учреждения, той Императорской Российской Академии, которая в 1783 году, как уже указывалось, была создана для исполнения функций, которые до того времени лежали на Академии наук и которая значительную часть своей истории оказывалась тесно связанной с Академией наук и по своему личному составу и нередко по организации своего управления. Российская Академия первое время находилась в теснейшей связи с Академией наук и первое время дала очень много для изучения русского языка и для русской литературы, как изданием словаря русского языка, так и другими своими изданиями. Однако, деятельность Российской Академии довольно быстро замерла благодаря соединению в ней двух различных функций, исполнение которых лежало на одних и тех же людях, а между тем по существу только в исключительных случаях возможно было ждать совмещения в одном и том же лице потребных для этого знаний и способностей. Российская Академия должна была быть Академией изящной литературы по типу Академии Française, должна была не только научно изучать русский язык, но и объединять тех лиц, которые лучше других владели этим языком, умели извлекать из него в творческом акте неведомую другим силу и неизвестные раньше свойства. И вместе с тем она должна была научно изучать этот язык, прошлое русской литературы. Ученые и художники должны были одинаковым образом делать одно и то же дело. В конце концов Российская Академия не сделала, как следует, ни того, ни другого дела. В литературе она сделалась оплотом той школы русской литературы, представителем которой явился Шишков, и боролась против современного русского литературного языка, основанного на народной речи. Традиции прошлого ею были поняты неправильно; думая, что она продолжает реформу Ломоносова и старой Академии наук – она в действительности шла по другому пути, прямо противоположному. В науке она стала знаменитой дилетантски-невежественным изучением русского языка и древностей. Особенно ярко выразилось это в эпоху, когда во главе Российской Академии стал энергичный и деятельный адмирал Шишков [С] – с 1819 по 1841 год, в течение 28 лет и каких лет! Это было время, когда Академия наук получала мировое научное значение и стала по составу интернациональным учрежде-

нием, когда в лице Пушкина русская литература нашла себе мирового великого писателя и окончательно в русскую литературу вошел тот русский язык, борьба с которым была уделом Российской Академии; наконец, это было время, когда кружок гр. Н. Румянцева положил основу научному изучению русского языка, истории русской литературы, древностей. В эту эпоху свободный кружок г. Румянцева играл в действительности ту роль Академии, которую по-своему строю не могла играть Академия наук и которую не исполнила Российская Академия [Т]. 10 апреля 1841 г. Шишков скончался и на докладе Уварова о его смерти Николай I написал: «Представьте мне проект соединения Российской Академии с Академией наук». Уваров попытался дать этой мысли облик, схожий с тем, в какой вылилась Французская Академия в эпоху Наполеоновской реформы, состоящая из 5 независимых Академий. Уваров предполагал создать три независимые Академии, внешне соединенные под именем «Соединенные Императорские Академии», но и этот проект не встретил согласия императора Николая, который повелел: «Под общим названием Императорской Академии наук составить три Отделения – первое собственно Академия наук (*sciences exactes*); второе – Отделение словесное, в коем заключалась бы и Российская Академия; третье – Отделение истории и древностей, с коим поставить в сношение и Археографическую комиссию» [У]. В общем в этих словах сказались основы нового устройства Академии наук; только Археографическая комиссия, как увидим, недавно перед темотвергнутая от Академии, по желанию, по-видимому, Уварова вновь не была к ней присоединена.

19 октября 1841 года после энергичного наставления Николая I состоялось соединение Российской Академии с Академией наук, причем Академия наук приняла то внутреннее устройство, какое она имеет и теперь: впервые распалась на три Отделения. Вместе с тем впервые русский язык вошел в употребление в заседаниях Академии наук – в общем собрании и во II Отделении. Т.к. устава I и II Отделения никакого не получили, то там еще продолжал господствовать французский язык [Ф]. В течение 116 лет Академия наук употребляла в своих внутренних делах латинский, немецкий, французский языки и через 116 лет впервые ввела русский. В других Отделениях русский язык пришел очень поздно и еще не так давно французский язык был неизбежным для некоторых академиков.

ПРИМЕЧАНИЯ

[А] *Плетнев П.А.* [Памяти графа Сергея Семеновича Уварова – президента императорской Академии наук] // Уч. зап. АН по II Отд. СПб., 1856. Вып. 1. Кн. II. С. LXI.

[Б] О бароне А.Л. Николаи см.: *Веселовский К.С.* Последние годы прошлого столетия в Академии наук // *Русская старина*. СПб., 1892. № 2. С. 225–245; *Он же*. [Отношение императора Павла I к Академии наук] // Там же. 1898. Т. 94. № 4, 5; *Allgemeine deutsche Biographie*. Leipzig, 1886, Bd. 23. S. 577; *Русский биографический словарь*. СПб., 1914. С. 347–353.

[В] Историю устава Академии наук см.: *Сухомлинов М.И.* Речь в торжественном собрании Академии наук по случаю столетнего юбилея императора Александра I. СПб., 1877. [Речь перепечатана в] «Записках АН» (СПб., 1878. Т. XXX. I. Кн. I. С. 17) (литература по истории устава).

[Г] Сам С.С. Уваров, по-видимому, не придавал очень большого значения своей академической деятельности. В автобиографической заметке для французского словаря, переданной Погодину в 1840 г., [написано:] «Назначенный попечителем Петербургского учебного округа,

он в 1818 г. избран (sic) в президенты Академии наук. Управляя разумно и ревностно столь важною частью, ему вверенною, г. Уваров много способствовал своими трудами к развитию литературы в своем отечестве...» (*Погодин М.П.* [Для биографии графа Сергея Семеновича Уварова] // Русский архив. М., 1871. № 9. С. 2104). Однако в рескрипте на графский титул выдвинуты его заслуги по Академии. К сожалению, биография Уварова до сих пор не написана. О нем см.: *Плетнев П.А.* [Памяти графа С.С. Уварова...] // Уч. зап. АН по II Отд. С. LIII; [Граф Сергей Семенович Уваров] // Библиотека для чтения. [СПб., 1856. Т. 136. № 3]. С. 66; *Погодин М.П.* [Для биографии графа Сергея Семеновича Уварова]. С. 2078 и след.; Граф Сергей Семенович Уваров // Правительственный вестник, СПб., 1905, № 203–204 (оттиск); *Schmid G.* Goethe und Uwarow und ihr Briefwechsel // Russische Revue. [Jahrgang] XVII. SPb., 1888. [Heft 2]. S. 131 сл.

[Д] Речь о Гёте 1833 г., см.: *Ouvaroff [S].* Études de philologie et de critique. SPb., 1843. P. 358–374. В торжественном собрании Академии наук 1833 г. С.С. Уваров прочитал «Notice sur Goethe». [Перевод см.: Уч. зап. Моск. университета. М., 1833. Ч. I. С. 74. – *Ред.*].

[Е] Регламент императорской Академии наук. СПб., 1803. С. 24 (С. 26). Статья эта без изменений внесена в Устав 1836 г.: «Президент избирается и определяется непосредственно его императорским величеством из особ первых четырех классов». [См. также: Уставы Академии наук СССР. 1724–1974. М., 1974, с. 99 (с. 36). – *Ред.*]. В проекте Комиссии это место было отредактировано иначе: «Из особ первых государственных классов» (*Сухомлинов М.И.* Указ. соч. С. 63).

[Ж] См. статью: *Уваров С.* Литературные воспоминания // Современник, СПб., 1851. Т. XXVII. № 67. С. 37 и след. О литературном кружке «Арзамас» и Уварове того времени см.: *Сидоров Е.А.* Литературное общество «Арзамас» // ЖМНП, СПб. 1901. Т. III. Ч. CCCXXXIII. № 6. С. 357–391.

[З] См. перепечатку этой статьи Уварова (Project d'une Académie asiatique) в сборнике его статей «Études de philologie et de critique» (P. 1–49). О впечатлении, произведенном ею в Европе, и ее составлении см.: *Плетнев П.А.* [Памяти графа С.С. Уварова...]. *Schmid G.* Goethe und Uwarow und ihr Briefwechsel // Russische Revue. S. 136 и след.; Мысли Гёте // *Ibid.* S. 139.

[И] См.: *Плетнев П.А.* [Памяти графа С.С. Уварова...].

[К] Там же. С. LXI.

[Л] *Middendorff A.* Compte Rendu de II' Académie des sciences de St.-Petersbourg, 1856. SPb., 1857.

[М] В ней было к 1826 г. всего 17 членов: шесть русских, три русских из немецкого общества и восемь иностранцев по рождению.

[Н] В.В. Радлов, [ординарный академик по литературе и истории азиатских народов с 7 ноября 1884 г.].

[О] В 1877 г. по исчислению М.И. Сухомлинова, из 37 академиков было семь лиц иностранного образования и восемь воспитанников Дерптского университета, который стоял в этом отношении на первом месте среди русских университетов, [и только] 5 воспитанников Московского университета (*Сухомлинов М.И.* Указ. соч. С. 42).

[П] Нельзя не отметить, что этот термин не очень ясен. Некоторые из лиц немецкого происхождения, кажется, были уже совершенно русскими и по кругу своих интересов. Но в общем цифры дают известное представление о составе Академии.

[Р] Славянского происхождения.

[С] О Шишкове как деятеле Российской Академии см.: [*Стоюнин В.Я.* Александр Семенович Шишков] // Исторические сочинения. СПб., 1880. Ч. I; *Сухомлинов М.И.* История Российской Академии, СПб., 1885. Вып. VII. С. 187–235.

[Т] О кружке Н. Румянцева и его значении см.: *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. I. Кн. I. Гл. V; *Качубинский А.А.* Начальные годы русского славяноведения. Адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев. Одесса, 1887–1888; *Булич С.К.* [Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904. Т. I. С. 802 и след., 945].

[У] См. историю этого изменения: *Сухомлинов М.И.* Отчеты ОРЯС Академии наук за 1866–1891 гг. (1879). СПб., 1892. С. 349 и след.; 1893. С. 550 и след.

[Ф] Сохранились любопытные данные в архивах. Боязнь введения [русского] языка. Привести выдержки из приписок к делам.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ПЕРВЫЙ ГОД УКРАИНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (1918–1919)

1. Отец и мать мои были киевляне. В обеих семьях были живы национальные украинские традиции. Мои детские годы (1868–1876) я провел на Украине, в Полтаве и в Харькове, бывал и в Киеве.

Но после заграничной командировки (я окончил университет в Петербурге и им был командирован за границу) я был выбран в 1889 г. на кафедру минералогии в Московском университете сперва приват-доцентом с обязательным курсом.

Это случилось совершенно неожиданно для меня. В 1888 г. я познакомился в Лондоне с профессором Московского университета А.П. Павловым и его женой М.В. Павловой, которая тоже была крупным ученым палеонтологом. С ними вместе я проделал геологическую экскурсию в Уэльсе во время Международного геологического конгресса.

Это знакомство определило всю мою дальнейшую жизнь. В 1889 г. я неожиданно в Париже получил письмо от А.П. Павлова, предлагавшего мне выставить свою кандидатуру на кафедру минералогии Московского университета. Профессор минералогии М.А. Толстопятов (1836–1890) должен был по болезни оставить кафедру.

В это время я собирался было устроиться в Киевском или Харьковском университетах, так как климат Петербурга был тогда вреден моей жене, по словам врачей. Вследствие этого семья моей жены – семья Старицких – переехала в Полтаву из Петербурга, чтобы быть ближе к тогда единственному своему внуку – моему сыну.

Мой отец кончил Киевский университет и был профессором политической экономии и статистиком сперва в Киевском, потом в Московском университете, до своего переезда в 1856 г. в Петербург. Я застал еще в Московском университете людей, его знавших. Врачи нашли климатические условия Москвы вполне подходящими для моей жены Наталии Егоровны (1860–1943).

Летом (1889–1918 гг.), за исключением почти ежегодных поездок за границу и полевой работы по минералогии и геологии, мы жили в Полтаве и в Полтавской губ., где жили родители моей жены и где у меня был маленький хуторок на Пеле около Шишак.

Я был все это время в тесном контакте с земским Полтавским естественно-историческим музеем с его основания и в нем научно работал.

Отец и мать хорошо знали украинский язык. Мать, очень музыкальная, с большим голосом (меццо-сопрано) прекрасно пела украинские песни; бывали дома и хоры. На меня это очень сильно действовало, хотя я это ничем внешне не проявлял. Я был очень замкнутым ребенком.

Родной дядя моей матери Н.И. Гулак был членом и одним из вождей тайного украинского общества – Кирилло-Мефодиевского братства, во главе которого стояли Шевченко, Костомаров и др. Наиболее жестоко пострадал Шевченко. Гулак некоторое время сидел в тюрьме, а потом принужден был жить вне Украины.

Мать моя была близка с невестой – будущей женой Н.И. Костомарова, подругой ее детства. Они обе учились в одном пансионе имени ген. Левашева в Киеве (см. § 19).

Она часто рассказывала мне об ее трагической и романтической судьбе¹.

Семья матери (и семья моей жены) принадлежала к старшинским-помещичьим семьям. Интересуясь своим и моих детей прошлым, я проследил по документам, что все эти семьи построили свое благосостояние на праве держать шинок (право пропинации) и на покупке крепостных – привилегии дворянства.

Екатерина II и Павел I, восстановив крепостное право на Украине после того как она освободилась от него многолетним казацким и народным восстанием, этим путем чрезвычайно ослабили самостийные течения, которые длились в отдельных семьях господствующих классов до XIX в. – до политического возрождения Украины.

Семья моего отца была другого склада. Мой прадед И.Н. Вернацкий, доказывая свое родовое дворянство (шляхетство) при Екатерине II в Черниговском наместничестве и получив его для себя и своей семьи, мог привести в доказательство его только показания под присягой 12-и дворян («бумаги сгорели»), что он вел «шляхетский образ жизни».

Он, очевидно, знал только имя и отчество своего отца, показав, что его отец и дед были «войсковые товарищи», т.е. внесенные в регистр рядовые свободные казаки.

Он был священником большого села Церковщины Березинского повета Черниговского наместничества. Священники тогда выбирались в Малороссии прихожанами из своей среды. По семейным преданиям он пришел в Церковщину из Запорожья. Он был очень яркой личностью². Он учился в Переяславском Коллегиуме и в Киевской Академии, в то время высших учебных заведений³.

По семейным преданиям мои предки по отцу пришли в Запорожье из Литвы или из Италии⁴.

Мой дед, разошедшийся со своим отцом, Василий Иванович Вернадский (1769–1838), получил в 1826 г. чин коллежского советника со старшинством от 31 декабря 1824 г. Этот чин давал тогда право на потомственное дворянство. Он, очевидно, ясно понимал подозрительность дворянства своего отца; он переписался в другую дворянскую книгу (дворянство по службе) и, воспользовавшись этим, переименовал правописание нашей семьи: Вернадские вместо Вернацкие.

Род Вернацких в 1840-х годах был исключен из списков черниговских потомственных дворян, как явно неправильно вписанный.

В моем детстве огромное влияние на мое умственное развитие имели два человека: во-первых – мой отец (Иван Васильевич Вернадский, 1821–1884), который в 1868 г. должен был бросить профессуру в Александровском лицее и Технологическом институте в Петербурге из-за болезни и по выздоровлении по-

¹ См. ее воспоминания и книгу Н.И. Костомарова: Кирилло-Мефодиевское братство.

² Это видно помимо семейных преданий и из исторических документов, которые опубликованы в «Киевской Старине». См. указатель к этому журналу.

³ К сожалению, история высшей школы на Украине еще не написана. Исследования проф. Д.И. Чижевского 1920–1930-х годов дают о ней другое представление, чем то, которое сейчас господствует в нашей исторической литературе. Философия, в ней преподававшаяся, не была средневековой схоластикой, как обычно указывают, но отвечала уровню науки и философии в XVII–XVIII вв.

⁴ Любопытно, что среди славян Италии (Истрии) встречаются фамилии Vernasca, Vernazzi и т.п. (итальянский геолог – Vernazzi de la Vernaska). Наша фамилия была Verna (так рассказывал отец).

Профессор М.А. Максимович (1804–1873), знаток прошлого Украины, ботаник, говорил моему отцу, что предки наши пришли «из Литвы».

лучил место директора конторы Государственного банка в Харькове; во-вторых – его двоюродный брат по моей бабушке Е.Я. Короленко, оригинальный своеобразно образованный человек – Евграф Максимович Короленко (1810–1880)¹.

Я помню до сих пор один мой разговор с отцом.

Это было в 1871 г. во время франко-прусской войны.

Отец разговаривал с Д.И. Каченовским, известным профессором Харьковского университета, только что вернувшимся из-за границы. Я прислушивался к разговору, просматривая «Ниву» с военными картинками².

Вдруг отец меня позвал. Он сказал, продолжая разговор с Каченовским: «Мой отец (дед Володи) был уверен, что я доживу до конституции в России. Но теперь я уверен, что доживет только мой сын». – Мне было тогда 8 лет.

Я дожил до большого – до величайшей социальной революции, падения династии Романовых-Голштейн-Готторпов и создания советской социалистической республики.

В семье Вернадских был культ декабристов³ и резко отрицательное отношение к самодержавию и к крепостному праву⁴.

Мой дед В.И. Вернадский ушел с благословения своей матери пешком в Москву, бежал от отца, который хотел, чтобы он поступил в Киевскую могиланскую академию. А он хотел быть врачом.

Тогда отец его – мой прадед – торжественно церковно проклял его за непослушание своему отцу, что отразилось на всей его жизни⁵: в большой его семье умирали юнкерами и студентами или в детском возрасте все его дети. Остался один мой отец, самый младший, который получил имя Иван в честь того святого, который был покровителем проклявшего его отца. Меня назвали в честь деда (Владимир – Василий).

Мой дед, Василий Иванович, был оригинальным, по-видимому, очень одаренным врачом и масоном. Он принадлежал к концу жизни к мистическому кружку Пилецкого.

¹ В.Г. Короленко в своей «Истории моего современника» дает его прекрасную характеристику. Моя бабушка – урожденная Е.Я. Короленко и дед В.Г. Короленко – Г.Я. Короленко были родные брат и сестра.

² «Нива» – широко распространенный иллюстрированный дешевый еженедельник, издававшийся в течение десятков лет в Петербурге Марксом до самой революции.

Он давал в приложениях к журналу полные издания русских писателей-классиков. Они сохранились до сих пор в наших библиотеках. Для многих все еще нет других полных изданий, например, для Писемского, Лескова.

³ История декабристов на Украине до сих пор исторически не выяснена, на что уже давно указывал М.П. Драгоманов, в семье которого был такой же культ декабристов, как в нашей семье. Южное общество на Украине выходило далеко за пределы военных слоев и имело разветвления в казацких и старшинских семьях.

⁴ Вдумываясь теперь в пережитое изменение условий жизни, в победу рабочих и крестьянских масс, тесно между собой связанных, я ясно понимаю, что корни благоприятных условий для успеха революции 1917 г. были и в том, что крестьянство Великобритании и Украины никогда не мирилось с крепостным правом, что оно на Украине добилось было освобождения и новое закрепощение было там в самом конце XVIII в. Это никогда не забывалось.

История нашего казачества есть проявление этого процесса. Отмена крепостного права, опоздавшая на два столетия, была проведена экономически и граждански для крестьян тягостно и невыгодно.

⁵ Такая же история была с дедом Ф.М. Достоевского. Его семья происходила из белорусского или русского шляхетского рода.

Читая его формулярный список военного врача, поражаешься многолетними военными походами, в которых ему пришлось участвовать. Он проделал походы с Суворовым и с Кутузовым. Был на Чортовом мосту и в 1799 г. был взят в плен с госпиталем, начальником которого он был, маршалом Масеной. Он одинаково принимал в госпиталь и французов, и русских, вследствие чего Наполеон I дал ему орден (Légion d'honneur).

Как это не похоже на современное преступное одичание, проповедуемое идейно и проводимое на деле гитлеровской Германией и ее союзниками.

Он вернулся в Россию в мае 1800 г. во главе госпиталя с 1000 человек¹.

2. После смерти моего брата от первого брака отца, Николая², только что кончившего Харьковский университет (1851–1874), я еще больше сблизился с отцом, бывшим в отчаянии.

В 1876 г. он вышел в отставку, переехал из Харькова в Петербург и хотел здесь издавать либеральную газету. Но после многократных отказов он убедился, что ему это не разрешат, и он думал переехать в Прагу, где мы были всей семьей в 1873 г. и где он бывал раньше. Но моя мать решительно протестовала. Она была первый раз за границей в 1873 г. и ей там совсем не понравилось. Она была очарована Петербургом, его красотой, тогда не понятой, и белыми ночами.

Перед переездом мы с отцом вдвоем были за границей и, мне кажется в Милане, в газете «Вперед» Лаврова отец и я прочли о циркуляре, запрещающем в России печатать на малороссийском языке. Это произвело громадное впечатление на отца, и разговоры, с этим связанные, сильно на меня тогда подействовали. Отец рассказывал мне историю Украины совершенно не так, как она излагалась в гимназии. Он часто вспоминал, что Петербург построен на костях украинцев (в связи с изменой Мазепы; строили Петербург казаки из полков Мазепы).

Вернувшись в Петербург, я постарался ознакомиться с украинской литературой. В библиотеке отца я нашел разрозненные номера «Основы»³ и другие украинские издания. Я добывал украинские книги у букинистов, кое-что получал из-за границы. Я подробно расспрашивал отца о Шевченко, Кулише, Максимовиче, Квитке-Основьяненко, которых он лично знал, также о Кирилло-Мефодиевском братстве, о Костомарове и т.д.

Между прочим, тут я впервые ближе ознакомился с сочинениями М.П. Драгоманова (1841–1895) и с закордонной литературой, которую он и С.А. Подолинский (1850–1891) издавали за границей, между прочим, прочитал толстые тома «Громады»⁴.

¹ Портрета его не сохранилось. Но у отца, а теперь у меня, висит портрет Вашингтона, который, по словам отца, удивительно похож на его отца. Отец был похож на свою мать Е.Я. Короленко, а я похож на него. Мы вышли в Короленко, а не в Вернадских.

² Мать его – первая жена моего отца была кухней моей матери. Урожденная Шигаева, из культурной семьи, она была видная деятельница женского движения 60-х годов и первая ученая женщина-экономист. О ней есть несколько биографий. Мой брат был очень одаренный художник и поэт, с мягким характером, очень многообещающая личность.

³ Украинско-русский журнал, издававшийся в Петербурге в 1860-х годах, потом прекращенный.

⁴ Их доставлял мне друг нашего дома, молодой артиллерийский офицер Н.Д. Похитонов, психически заболевший в Шлиссельбургской тюрьме и умерший вскоре в больнице. Его биография см.: *Фигнер Н.* Шлиссельбургские узники // Полн. собр. соч. Т. II. С. 106–122.

Уже после смерти отца в 1888 г. в Париже я близко сошелся с М.П. Драгомановым. Так как я знал его литературу, то мы очень быстро сблизились. До его неожиданной ранней смерти я следил за его заграничной литературой, получал его издания, участвовал в чествовании Павлика, был членом Общества Шевченко в Львове – своего рода Украинской Академии.

3. Дожив до 80-ти лет и непрерывно сознательно, почти с детства, относясь к окружающей меня общественной жизни, я вижу, что украинская струя в ней не являлась основной. Я не был политиком.

Первое место в моей жизни занимало и занимает научное искание, научная работа, свободная научная мысль и творческое искание правды личностью.

Она шла при этом в своеобразной общественной моральной оболочке, наложившей неизгладимый след на всю мою жизнь – в тесном дружеском кружке «братства»¹. Сейчас в живых из членов братства нас остается только двое² и остатки второго поколения.

Наша попытка не отвечала историческому моменту или, может быть вернее, она была нам не под силу.

Трудно сказать, во что бы она вылилась, если бы нам не пришлось жить в эпоху величайшей мировой революции, исторически сложившейся в нашей стране, но явно глубочайшим образом отразившейся на всем человечестве, на всей планете. Она далеко еще не дошла до конца.

Я вижу сейчас, что то, что мы переживаем, выходит за пределы нашей страны. Впервые «мировой» характер социально-политических процессов в ходе человеческой истории явно исходит из более глубокого субстрата человеческой истории, из геологического субстрата, лежащего в основе истории человечества, из нового состояния области жизни нашей планеты, ее биосферы, перехода ее в ноосферу, в которой человечество становится впервые мощной планетной геологической силой³, где может геологически проявляться его мысль, его сознание, его разум.

4. Неуклонно, в течение больше 60 лет, мое научное искание идет в одном и том же направлении – в выяснении наиболее близкого человеку хода переживания мною и моими современниками геологического процесса изменения жизни на Земле как на планете.

Вдумываясь теперь в принципы геохимии и биогеохимии, как они сложились в нашей стране, я вижу, что их исторические корни реально исходят для меня из трех моих переживаний. Первое было в 1908 г. Я был тогда в Дубли-

¹ См.: Корнилов А. Русская мысль. 1916. № 8. С. 49 и след.; Шаховской Д. Автобиография. Сборник к 50-летию газеты «Русские ведомости». М., 1913; Гревс И.М. Минувшие годы. А.А. Корнилов (1862–1925) – общественный деятель и историк. Им была дана первая научная история России XIX века (Курс лекций в Политехническом Институте в Петербурге, переведенный по-английски). Он оставил «Записки», которые должны быть изданы.

² В.И. Вернадский и Анна Николаевна Шаховская (жена Д.И. Шаховского) и их дети: Т.В. и Н.В. Вернадские, Н.Д. и А.Д. Шаховские и др.

³ Представление о ноосфере было правильно введено в 1927 г. философом (бергсонианец) и математиком Э. Ле Руа из принятого им моего представления о биосфере, как он это указывает (*Le Roy E. de. L'exigence idéaliste et le fait d'évolution*. P. 1927. P. 196). В этой его философской книжке (лекции в Collège de France) его суждения в области естествознания принадлежат не только ему, но и крупному геологу и палеонтологу, его другу, Шарден де Тельяру, теперь научно работающему в Китае. [Тейяр де Шарден умер в 1955 г. в Нью-Йорке. – Ред.]

не, в Ирландии, тогда еще входившей в состав Великобритании, на заседании Британской ассоциации наук, иностранным членом которой я был с 1889 г. Д. Джоли, профессор физики и минералогии Дублинского университета, прочел доклад о геологическом значении урана – дал первую сводку по радиогеологии. Я близко сошелся с Джоли, сохранив с ним дружеские отношения до его смерти (1857–1933), и сразу оценил значение его работ.

В 1911 г. на годовом заседании Академии наук в Петербурге на мою долю выпала обязанность произнести ежегодную речь по существовавшему тогда старому обычаю.

Я выбрал темой: «Задача дня в области радия», где я пытался дать понятие об основном значении в геологической истории нашей планеты радиоактивной энергии. Как следствие этого вытекало основное значение химических элементов в геологии нашей планеты и, очевидно, всех планет – значение геохимии.

В зоне веков элементарный химический состав нашей планеты резко стихийно меняется. Одни элементы – атомы ее – исчезают, другие закономерно рождаются. Медленно исчезают: уран, торий, калий, рубидий и др., переходя в свинец, кальций, стронций, гелий, в новые изотопы.

Этот основной планетный процесс ясно связан с энтропией планеты.

Процесс этот только намечен и, вероятно, будет понят в своем значении, когда будет улучшена методика определения радиоактивности и выяснен кажущийся нам сейчас более чем вероятным радиоактивный *распад всех химических элементов*. Путь к решению этого вопроса был найден, мне кажется, перед самой войной профессором Свентославским в Варшаве с помощью созданного им микрокалориметра. Работа его разрушена гитлеровскими варварами¹.

Геология нашей планеты этим путем закономерно в корне меняется с ходом времени.

Второе переживание, из которого мне приходится исходить, это выяснившаяся для меня и для всей страны в 1915 г. полная неподготовленность нашего царского правительства к обороне страны и к пониманию государственного значения в этом аспекте ее естественных ресурсов.

В записке, поданной мною в Академию наук и принятой Академией к исполнению в мае 1915 г.², выяснялась необходимость спешного привлечения ученых к исследованию производительных сил нашей страны, как теперь говорят, ее минерального и живого сырья. Я указывал на то, что это была старая традиция Академии, еще с XVIII в., когда в пятидесятилетие Академии в 1776 г. академик Гильденштедт ярко указал на необходимость такого учета.

Результатом работы этой комиссии – *Комиссии по изучению естественных производительных сил* – КЕПС'а, быстро развернувшейся и привлечшей к работе Академии сотни лиц, раньше ей чуждых, было издание ряда томов

¹ Проф. Свентославский был раньше несколько лет проф. Московского университета, заведовал термохимической лабораторией им. Лугона. См. мою речь на Междунар. геологическом конгрессе в Москве в 1937 г.

² См.: *Вернадский В.И.* Об изучении естественных производительных сил России // Изв. Ак. наук. 1915. С. 682.

по изучению производительных сил России, давших огромный материал для геохимии.

Впервые в работу Академии вошли в значительном количестве врачи, инженеры, техники – люди, интересующиеся прикладной наукой. Издания ее имеют значение и до сих пор, и Комиссия существовала до 1930-х годов.

Сейчас она существует в Академии наук в виде Совета по изучению производительных сил, к которому перешла часть функций прежней Комиссии. Отсутствие ее в эту войну крайне неблагоприятно сказывается.

Третьим переживанием для меня явилось председательство в Ученом Совете при Министерстве земледелия, во главе которого стоял до меня академик Б.Б. Голицын, который принимал вместе с тем деятельное участие и в КЕПС'е, будучи вместе с А.Е. Ферсманом и его двумя секретарями. После его преждевременной смерти в мае 1916 г. я согласился заменить его в Ученом Совете, так как во время своей работы в КЕПС'е я встретился с огромным значением живых организмов при учете энергетики планеты.

При Совете был ряд научных учреждений, некоторые из которых были прекрасно оборудованы и во главе их стояли крупные специалисты: по агротехнике, прикладной энтомологии, сельскохозяйственной механике, земледелию и пр.

Создателем этой замечательной организации был не Б.Б. Голицын. Им был один из больших государственных деятелей, который не мог в то время развиваться во всей своей силе – В.И. Ковалевский, заместитель председателя Совета.

В это время, когда я его знал, он кончал свою деятельность, уже был больным. Им был дан план, им был создан подбор выдающихся людей – А. Релье, А.А. Ячевский, Д. Арцыбашев, Е.Ф. Лискун и др.

При знакомстве с этими учреждениями и людьми, во главе их стоящими, для меня открылся новый мир. Я убедился, что в основе геологии лежит химический элемент – атом, и что в окружающей нас природе – в биосфере – живые организмы играют первостепенную, может быть ведущую, роль.

Исходя из этих идей создалась у нас и геохимия, и биогеохимия.

5. Весной 1917 г. в Петрограде я заболел. Профессор Рубель нашел у меня, к моему удивлению, острое заболевание туберкулезом, причем исследование рентгеном показало, что я перенес раньше когда-то туберкулез, о чем я не имел понятия. Когда я поправился, он настоял на моем отъезде из Петрограда, чтобы провести весну вне города, и я при первой возможности уехал в июне в Шишаки на Украине.

Я хотел этим временем воспользоваться, чтобы спокойно набросать сложившиеся у меня мысли о биогеохимии и геохимии.

В Шишаках на «Кобыле» в лесу я работал с большим подъемом, выяснил себе основные понятия биогеохимии, резкое отличие биосферы от других оболочек Земли, основное значение в ней размножения живого вещества.

Я начал писать с большим воодушевлением, с широким планом изложения. Мне кажется теперь, что то простое и новое понятие о живом веществе, как о совокупности живых организмов, которое мною внесено в геохимию, позволило мне избавиться от тех усложнений, которые проникают в современную биологию, где в основу поставлена жизнь, как противоположение косной материи.

Понятие «жизнь» неразрывно связано с философскими и религиозными построениями, от которых биологи никак не могут избавиться. Оставляя в стороне представление «жизнь», я постарался остаться на точной эмпирической основе и ввел в геохимию понятие «живое вещество» как *совокупность живых организмов, неразрывно связанных с биосферой, как неотделимая ее часть или функция*. Живое вещество целиком отвечает жизни, поскольку она проявляется на нашей планете вне философских и религиозных наростов мысли.

С этого времени, где бы я ни находился и при каких бы условиях, иногда очень тяжелых, мне бы не приходилось жить, я непрерывно работал, читал и размышлял над вопросами геохимии и биогеохимии, работаю и до сих пор.

И это отразилось в моей работе для будущей Украинской Академии наук, участвовать в основании которой мне выпало на долю и в которой я поставил впервые эту работу на экспериментальную почву.

6. В Шишаках я получил телеграмму от академика С.Ф. Ольденбурга (1863–1934), который был в это время министром народного просвещения в кабинете А.Ф. Керенского. Он вызывал меня в Петроград. Когда я приехал, он предложил мне быть одним из товарищей министра народного просвещения и заведовать отделом высшей школы и государственной организацией исследования научных проблем.

С 1897 по 1911 г., будучи профессором Московского университета, я принимал самое горячее участие в вопросах реорганизации академической жизни и в обсуждении правильной и мощной организации высшей школы, которую мы надеялись тогда создать. Эта наша работа была разрушена министром народного просвещения Кассо.

С 1906 г. я непрерывно выбирался в Государственный совет от высшей школы и от Академии наук. Однако политическая деятельность меня мало затрагивала, и я рассматривал ее как исполнение морального долга гражданина.

В эти же годы (1904) я явился одним из инициаторов создания свободного *Академического Союза*, быстро охватившего *подавляющее большинство* профессуры нашей страны.

Вопросы правильной организации научной и ученой работы меня, таким образом, всегда глубоко интересовали.

Из всего вышеуказанного ясно, что я не мог морально отказаться от предложения С.Ф. Ольденбурга, хотя чувствовал всю непрочность положения дел. Можно было все-таки надеяться, что что-нибудь можно сделать, в чем я и не ошибся.

Я принял его предложение.

Я столкнулся здесь с чрезвычайной случайностью распределения высших учебных заведений в нашей стране и с чрезвычайной редкостью и случайностью больших центров научной работы, не связанных с высшей школой.

В то короткое время, пока мне пришлось здесь работать, был открыт Пермский университет, подготовлявшийся еще годами до революции, созданный по инициативе и частью на средства Мешкова, местного общественного деятеля, идейного человека.

Поднят был и вопрос о создании новых академий наук. Я помню, что этот вопрос мы обсуждали вместе с моим старым другом академиком Н.Я. Марром.

Поднимался вопрос о Грузинской академии наук и об академии наук на Украине и в Сибири. Эти вопросы сейчас практически разрешены. Грузинская и Украинская академии существуют, а вопрос о Сибири, вероятно, временно решен в виде филиалов при Всесоюзной Академии.

В это время я познакомился с другим товарищем министра, проф. Н.П. Василенко (1866–1935), историком Украины, который являлся представителем Украины в вопросах, связанных с высшей школой. У него первого явилась мысль о создании Украинской Академии. Он умер ее академиком.

У нас с ним сразу создалась дорогая нам обоим дружеская связь, которая для меня, его пережившего, осталась тоже на всю жизнь.

Чрезвычайно интересен и сейчас заслуживает внимания план Н.Я. Марра о создании особого историко-филологического факультета в Тифлисе – теперь Тбилиси. Марр в своей записке предполагал в основу факультета поставить арабский и восточные языки – культуру Азии аналогично тому, как в основе общих историко-филологических факультетов европейских и американских университетов поставлены языки греков и римлян и культура Западной Европы.

7. Когда произошел Октябрьский переворот, я чувствовал себя морально не в силах принимать активное участие в гражданской войне и уехал в Полтаву. В это время министром народного просвещения был уже С.С. Салазкин, мой старый друг по академическому Союзу.

Приехав в Полтаву в ноябре 1917 г., я застал там три правительства: 1) Центральная Украинская рада в Киеве, во главе которой стоял профессор Голубович. 2) Правительство Донецкой рабочей республики (Юзовско-Донецкой) и 3) местный Совет Рабочих и Крестьянских депутатов, в котором большую роль играли железнодорожники и меньшевики.

22 апреля 1918 г. в Киеве – Правобережной Украине – Центральная рада была разогнана и установилась при помощи немцев на некоторое время власть «гетмана» Скоропадского. «Гетманство» это было фикцией – реальное его значение выяснилось жизнью от акта до акта – это была эфемерная власть в очень ограниченной форме. Ничего общего не было между ней и гетманством Украины от XVI и до начала XVIII в., кроме имени, как не был им последний гетман при Екатерине II – Кирилл Разумовский.

Я не был в это время в Киеве, а был в Полтаве, а там об этом мы ничего не знали. Мы только пережили внезапное занятие Полтавы, почти без сопротивления, немецкими войсками. Связь с Киевом для обывателей Полтавы в это время почти не существовала. В той среде в которой я вращался, она была ничтожна. Полтава издавна была связана с Харьковом и с Донбассом больше, чем с Киевом. В связи с этим мы знали о связи пришедших немцев с Белой армией генерала Краснова на Дону.

В этой обстановке я получил в мае письмо от Н.П. Василенко из Киева. Он предлагал мне приехать в Киев, возможно, для организации широкой культурной работы в Киеве и указывал на возможность создания Украинской Академии наук.

8. В Киеве я бывал раньше несколько раз. Я был там еще ребенком, жил в доме на Липках, в котором жила и умерла моя бабушка В.М. Константино-

вич¹. Много позже, будучи профессором в Москве, я сделал в 1904 г. большую минералогическую экскурсию со специалистами минералогического кабинета Московского университета в долину Тетерева, в область пеликанитов, каолина и плакиоглазов (солнечный камень), и на Волынь в Овручский уезд.

Незадолго до моего приезда в Киев «черная сотня» в Киеве сожгла дом проф. М.С. Грушевского. Он полускрывался после этого, живя в сохранившихся от пожара больших флигелях своего дома.

М.С. Грушевский, родом из Кубани, воспитанник Киевского университета – ученик проф. В. Антоновича – крупнейший украинский историк, человек огромной эрудиции. До революции он был украинским профессором во Львове в австрийском университете и поставил там кафедру украинской истории очень высоко. Он создал целую школу учеников, высоко поставил научное общество им. Шевченко, явившееся центром научной работы в пределах населенной украинцами территории.

Я познакомился с ним в Петрограде в 1916 г. во время войны с Германией.

В это время старая Российская Академия наук активно поддерживала хлопоты об отмене указа 1876 г., запретившего печатание книг на украинском языке.

Одним из реальных проявлений этих стремлений было то, что одна или две статьи М.С. Грушевского были напечатаны тогда в Академии наук в Петрограде на украинском языке на основании того, что по уставу Академия может печатать на том языке, на котором она считает это нужным.

Академик А.А. Шахматов, с которым я был дружен и твердая моральная личность которого (то, что он не считался с тем, что об нем подумают) мне импонировала и всегда мне останется дорога, принимал в этом деле большое участие.

Тогда мы оба с Грушевским не думали, что может быть создана Украинская Академия наук. Разговор с Грушевским тогда касался Львовского общества Шевченко, членом которого я был, и, как сейчас помню, вопроса об Угорской Руси, как она тогда называлась и которая меня тогда очень интересовала.

9. Приехав в Киев, я быстро сговорился с Н.П. Василенко и был очень увлечен возможностью создания Украинской Академии наук. Я поставил тогда условием, что я не буду гражданином Украинского гетманства, я буду принимать участие в культурной работе на Украине в качестве академика Российской Академии наук – в качестве делового эксперта. На это пошел Василенко.

Я тогда был уже 12 лет академиком и прошло всего три года, как была создана по моей инициативе и при самом деятельном моем участии самая крупная комиссия Российской Академии наук – *Комиссия по изучению естественных производительных сил* – КЕПС, в которую входили сотни людей – ученых и инженеров (§ 4).

Мне кажется, я был тогда в Киеве единственным лицом, которое было практически знакомо с академической работой, как она проявлялась тогда в Петроградской Академии наук.

¹ Моя бабушка в это время уже умерла (1863), а жила в нем старшая сестра моей матери Е.П. Неелова, которая получила в наследство этот дом.

Среди всех академий наша академия резко выделялась.

Она была построена при Петре I, по его сознательной инициативе по типу старой Парижской королевской академии наук, которая погибла во время Великой французской революции и была восстановлена Наполеоном I в урезанной форме. Основное различие старой Парижской и нашей Академии наук от Наполеоновской заключалось в том, что она не только заседала и не только издавала журналы, книги и имела библиотеку, но в том, что при ней существовали научные институты, лаборатории, музеи, ботанические сады и т.п.

Только в Лондоне, в Королевском обществе мы имеем фактически такую же более свободную и сложную организацию. Но это было частное общество с неограниченным числом членов, получавшее от государства дотации, но также, как все большие научные общества, от него не зависящее.

Академии на континенте представляли из себя государственные учреждения, которые ближе стояли к Парижской Академии нынешнего времени, чем к структуре нашей Академии.

Мы оба с Н.П. Василенко ясно сознавали, что в такой исторический момент надо действовать быстро, решительно и вполне верить друг другу.

10. До 1863 г. – польского восстания – в Киеве было господство польской культуры, так как после гибели при Екатерине II польского государства, при Александре I два крупных польских государственных деятеля Чарторижский и Чацкий (а Чарторижский был и русским государственным деятелем) создали в Литве в Вильно¹ и в Украине (Кременец-Подольском) самые крупные центры польской культуры – Виленский университет и Кременецкий лицей.

С моментом гибели польского государства совпал, к счастью для поляков, патриотический подъем и появление крупных польских ученых, писателей и поэтов – золотой век польской культуры.

Николай I, создав русский Киевский университет (1837) для противодействия полонизации (польские помещики и их окружение), использовал для этого польских ученых, усилив этим для Киева влияние польской культуры, обратное тому, чего он желал.

При Александре II после польского восстания 1863 г., отразившегося в Киевской губ., началась более грубая русификация. Она проявилась в борьбе с коренным украинским населением и резко вылилась в указе, подписанном Александром II в Эмсе в 1876 г. о запрещении впредь печатать на малороссийском языке.

Поэтому в Киеве моего времени и в украинских территориальных университетах: Киевском, Харьковском, Одесском (Новороссийском) идейные украинские ученые не могли прочно устроиться. Наоборот. На историко-филологических факультетах, где национальные традиции могли сказываться ярко и сильно, подбор профессоров был для Украины чрезвычайно неблагоприятен. Систематически, за период больше 40 лет, министерство замещало кафедры лицами, которые относились к украинскому движению резко отрицательно или враждебно.

В этих университетах всегда существовало большинство, которое систематически проводило тенденцию русификации.

¹ У самого Вильно идет граница сплошного белорусского населения (Академик Е.Ф. Карский).

В Киевском университете, уже после отъезда М.П. Драгоманова за границу и закрытия юго-западного отдела Географического общества в 1876 г., это было выражено особенно сильно. В нем среди крупных ученых находились люди, которые проводили идейно резко русификаторскую политику, не оставившаяся для этого ни перед какими средствами; действовали по принципу – цель оправдывает средства. Среди профессоров в университете не было лиц, которые были бы крупными исследователями в области языка, литературы, истории Украины. А без участия таких людей нельзя было выработать устав Украинской Академии наук.

Надо было искать таких людей в другом месте. Мы с Н.П. Василенко обратились к специалистам по украиноведению за пределами Киева.

С одной стороны, я обратился, с согласия Н.П. Василенко, к профессору Лазаревского института в Москве А.Е. Крымскому, крупному ученому ориенталисту, ученику академика Ф.Е. Корша. Крымский был не только ориенталистом, но был крупным исследователем в области истории и грамматики украинского языка, был крупным украинским поэтом и человеком колоссальной эрудиции. Он был членом Академического союза с самого его основания в 1904 г. и моим близким другом.

Я познакомился с ним по Академическому союзу, где он был представителем Лазаревского института восточных языков.

И любовь к Украине нас связывала.

Сверх того мы оба с ним входили в один из обычных в то время самочинных кружков – в «группу автономистов и федералистов». Этот кружок имел целью объединить лиц, которые хотели ознакомиться с состоянием этих вопросов и обсуждать вопросы, сюда относящиеся, в аспекте современности.

С согласия Н.П. Василенко я списался с А.Е. Крымским. Пришлось привезти Крымского в товарном вагоне в Киев из Москвы, так как он правильно соглашался ехать «навсегда» в Киев только со своей большой библиотекой по ориенталистике на арабском, персидском, турецком и других языках и по украиноведению, которую он составлял всю жизнь. И сам хрупкий и больной, одинокий тогда человек, он не мог выехать без провожатого.

Он выехал при первой возможности немедленно и приехал в Киев благополучно с огромной драгоценной библиотекой (которую он потом передал Украинской Академии наук), в сопровождении своего молодого ученика.

Но помимо этого, я предложил Н.П. Василенко вызвать и другого украиноведа – историка Слободской Украины и ее культуры, старого профессора Харьковского университета, с которым я близко познакомился по Государственному совету (с 1906 г.), где мы оба входили в одну и ту же оппозиционную группу – левую – Государственного совета. Это был Д.И. Багалея. Он немедленно приехал.

Крымский и Багалея играли ведущую роль в нашей работе.

11. В это время М.С. Грушевский передал мне через своего брата А.С. Грушевского, тоже украиноведа, но по своему значению не сравнимого с братом, что он хочет со мной повидаться, чтобы переговорить об Украинской Академии, но что он скрывается, никуда не выходит и просит меня зайти к нему.

Я при первой возможности, с соблюдением самой полной конспирации, пришел к нему в назначенный день и имел с ним длинный разговор.

Мы стояли с ним на противоположных точках зрения. М.С. исходил из структуры западноевропейских академий и из прекрасно поставленного им общества им. Шевченко во Львове (теперь филиала Украинской Академии), в котором, в связи с его университетской семинарией, прекрасно было поставлено украиноведение.

Но, что я считал не менее важным, общество им. Шевченко совершенно не было приноровлено к работе в области других дисциплин – математики, естествознания и прикладных наук.

М.С. поставил вопрос прямо. Он говорил мне: «Вы знаете, что у нас сейчас нет достаточных ученых-специалистов-украинцев за пределами украиноведения. И, следовательно, мы должны обратиться к русским.

Пройдет еще много времени, пока они у нас создадутся – эти специалисты».

Я стоял на другой точке зрения. Я был с ним согласен, но думал, что нужно создать кафедры и лаборатории, которые может быть в первое время будут заняты русскими; но очень скоро это само собой изменится, так как академики выбираются. Важно создать сильные центры для исследования украинского народа, его истории, его языка, природы Украины.

Конечно, надо вести эти исследования не по национальному принципу, а в самом широком общечеловеческом масштабе.

Очень скоро выдвинутся местные силы.

М.С. в это время хотел создать в Киеве научное общество типа общества им. Шевченко во Львове, Киевское научное украинское общество, которое и было создано и членом которого я стал с самого его основания.

М.С. умер академиком Украинской Академии наук и Академии наук СССР в 1934 г. Он жил в Москве, где и умер. Похоронен в Киеве.

Но сама Украинская академия была построена по типу С.-Петербургской Академии наук, с лабораториями, институтами и т.п. и, как мы видим теперь, мой прогноз был правильным. Украинцы на этих кафедрах уже занимают почти равное место. А эти годы вовсе не были нормальными.

12. Я согласился вести две комиссии: 1) Комиссию по вопросам, касающимся ученых и высшей школы вообще на Украине. Секретарем этой комиссии был молодой киевский профессор Б.Л. Личков, русский по происхождению, но прекрасно знающий украинский язык, и 2) Комиссию по составлению устава Украинской Академии наук. Секретарем этой комиссии был, насколько помню, В.Л. Модзалевский, печатавший в это время в Киеве «Малороссийский родословник».

С Личковым мы очень быстро сдружились и до сих пор эта наша дружба осталась в силе.

Очень скоро выяснилась и другая задача, которая раньше не предполагалась. Время было революционное и пришлось спасать библиотеки в имениях поблизости Киева. Была образована поэтому третья комиссия, председателем которой тоже был я. Была составлена Житецким, Ефремовым и мной записка, которая легла в основу устава Центральной Украинской национальной библиотеки. Секретарем комиссии был Перфецкий.

Он был утвержден уже в другой обстановке, в заседании Общего собрания Академии 21 ноября 1918 г.

Из окрестностей Киева был перевезен ряд библиотек, много тысяч томов.

13. 19-го октября 1918 г. первая комиссия закончила свою работу, выработала устав Украинской Академии наук. Он был опубликован 26-го октября в «Державном Вестнике». Раньше, 22-го октября был опубликован в той же газете список членов Академии наук.

27-го октября состоялось первое Общее собрание Украинской Академии наук.

Должен был председательствовать старший по возрасту профессор Киево-Могилянской академии, ее историк, Н.И. Петров. Не помню почему, он не мог председательствовать, кажется заболел. Председательствовал второй старший по возрасту профессор О.И. Левицкий, бытовой историк казацкой Украины XVII–XVIII вв.

В этом заседании я был выбран единогласно закрытой баллотировкой президентом – головой – Украинской академии наук, Д.И. Багалея – вице-президентом, а А.Е. Крымский – непременно секретарем.

На другой день после моих выборов я напечатал в киевских газетах письмо о выходе моем из партии народной свободы, членом которой и членом центрального комитета которой я был с самого ее основания.

Такое же мое заявление я направил в тот же день в Киевский комитет партии народной свободы, секретарем которого была в то время О.В. Луначарская, сестра наркома народного просвещения А.В. Луначарского, известного историка литературы и критика, позже академика Академии наук СССР¹. Я сделал этот шаг, так как считал и считаю принципиально, что президент Академии не должен принадлежать к какой-либо политической партии на время своего президентства.

Я остался с того времени беспартийным и участие в политической жизни страны принимал с того времени только постольку, поскольку в ней принимает участие каждый рядовой гражданин.

14. Дружно и энергично пошла созидательная работа новой Академии наук. Планов было много. Мы чувствовали, что делаем большое нужное дело как в жизни Украины, так и в жизни России. Но это все же была только внешняя ее сторона.

Я сейчас же начал себе создавать экспериментальную базу по геохимии и биогеохимии, над которыми после моего приезда в Киев, я все время неуклонно работал.

Я очень сблизился в это время с профессором С.Л. Франкфуртом, учеником К.А. Тимирязева, и А.Е. Душечкиным, которые стояли во главе большой прекрасной лаборатории Союза сахарозаводчиков. Они дали мне возможность сразу поставить научную работу по биогеохимии. Вокруг меня собрался небольшой кружок лиц, которых я заинтересовал этими проблемами, некоторые из них работают в этой области и до сих пор.

9-го ноября я сделал доклад в заседании физико-математического отделения Украинской Академии наук о значении живого вещества в геохимии. Была принята тематика экспериментальной работы в этой области.

¹ Это ошибка. О.В. Луначарская была женой Н.В. Луначарского – брата А.В. – *Ред.*

Ассигновано было 59.400 руб. и постановлено оплачивать трех сотрудников: И.Д. Старынкевич-Борнеман, М.И. Усановича и Б.М. Беркенгейма¹.

Это было начало Биогеохимической лаборатории и экспериментальной работы по биогеохимии. Здесь работа шла в военных условиях, и все-таки мы получили результаты.

Одной из тем было выяснение задачи, которая была поставлена впервые в конце прошлого века Д. Мёрреем во время знаменитой великобританской океанографической экспедиции Челленджера.

Он обратил внимание на то, что кремниевые диатомовые водоросли в океане чрезвычайно распространены и в то же время количество растворенного в морской воде кремнезема очень ограничено. Он высказал рабочую гипотезу, что диатомовые берут нужный им кремнезем из взмученной в морской воде твердой мути – глины, разлагая ее каолиновое ядро, которое в них находится.

Я занимался каолином еще в Париже у Ле-Шателье в *École de Mines* в 1889 г. и дал его структурную формулу. При разложении каолина выделяется тепло, как первый показал Ле-Шателье и как я мог у него подтвердить. Разлагая каолиновое ядро, диатомовые должны получать свободную энергию – тепло, которую могли использовать для жизни.

Молодой химик В.М. Науменко под моим руководством поставил эти опыты в лаборатории сахарозаводчиков. Он был офицер и во время одной из тревог был убит. Большая часть опытов погибли, колбы лопнули от мороза, но один из контрольных опытов сохранился и был доведен до конца А. Оглоблиным, очень талантливым энтомологом с химическим уклоном. Мы растили диатомовых на подольском каолине и могли доказать, что в этом подольском каолине, при посеве диатомовых появился свободный гидрат окиси алюминия, которого не было в нем раньше.

Когда в 1922 году я приехал в Париж, то сделал доклад об этом в Парижской академии наук; на следующем заседании французский зоолог Купен сделал доклад, подтверждая наши наблюдения, и указал также, как и мы указывали, что помимо диатомовых, могли здесь действовать бактерии, от которых ни Купен, ни мы не могли тогда избавиться.

Эта работа была вновь поставлена мной в Биогеохимической лаборатории в Москве в 1935 г. и только в 1942 г. проблема была окончательно решена в работе проф. А.П. Виноградова и ботаника Е.А. Войченко².

Вопрос был решен окончательно в положительном смысле. Но небольшое количество бактерий играет второстепенную роль как питание.

Я мог выдвинуть в Париже и другой результат работы нашей лаборатории Украинской Академии наук. И.Д. Старынкевич-Борнеман впервые констатировала постоянное нахождение никеля у многих мышей, до тех пор в организмах

¹ Б.М. Беркенгейм – теперь редактор химических журналов в Москве; М.И. Усанович – теперь профессор химии в Ташкенте, крупный физикохимик. И.Д. Старынкевич-Борнеман работает в области редких земель Лаборатории геохимических проблем им. В.И. Вернадского и в Геологическом институте Академии наук СССР.

² Первый отчет – А. Виноградова и Е. Войченко. См.: ДАН. 1942. Т. XXXVII, № 4. С. 158. Окончательная работа должна появиться в ближайшем № «Микробиологии».

неизвестное, к сожалению, пока только качественно. Это было первое выступление Украинской Академии наук на международной академической арене¹.

15. Странное, ненормальное впечатление производил Киев и Украина в то время.

Киев был переполнен немецкими офицерами, которые расхаживали по Крещатику, сидели в кофейнях. Приходили немецкие газеты, которые давали неверное освещение тому, что делалось в это время у нас и в Западной Европе, но никаких других известий мы не имели. На юге, в Подолии, были австрийские войска. Внешне в Киеве казалось все благополучно. Не помню сейчас фамилию какого-то немецкого генерала, который объехал на автомобиле весь Крым и писал восторженные статьи про *unsere schöne Krum* в киевской немецкой газете.

Мы, однако, чувствовали, что все окружающее нас – декорум, а действительность, другая. Наконец, гетману удалось послать в Германию для каких-то экономических переговоров профессора С.Л. Франкфурта.

Он привез в Киев впервые более точные известия о том, что все, что мы видим, есть декорум, и что в действительности в Украине началось крестьянское восстание, а в Германии революция; она не может долго сопротивляться. В это время на Украине все усиливалась скупка продовольствия и увоз его в Германию.

Крестьянство стало защищаться. Франкфурт считал, что существование у нас немцев – вопрос нескольких недель. Многие думали, что Франкфурт преувеличивает остроту положения, но через несколько дней все выяснилось. Началась уже явная пропаганда среди немецких войск и среди населения, появились новые люди, раньше где-то скрывавшиеся. В один прекрасный день явились немецкие и русские солдаты (пьяные, в расстегнутых мундирах), которые братались, пели революционные песни; дисциплина лопнула, офицеры попрыгали; говорят, начались среди них самоубийства.

Немецкая армия развалилась. Процесс шел чрезвычайно быстро. Наконец, в один день, когда мы проснулись, оказалось, что немцы исчезли и увели с собой гетмана.

Появилась новая украинская власть – директория Винниченко, опиравшаяся на армию Петлюры, которую в Киеве, однако, мы не видали.

Это было в конце ноября, немножко больше месяца после основания Украинской Академии наук. В заседании Общего собрания 28 ноября я сделал доклад о положении дел, которое нам представлялось не очень прочным и неясным.

Директория изменила состав комиссии по высшей школе и по научным учреждениям. Я остался членом, но не председателем. Не помню, кто был председателем.

Но скоро снова все изменилось – директория просуществовала всего несколько недель, меньше двух месяцев.

По инициативе правительства директории был поднят вопрос об основании украинского университета в Каменец-Подольске. Мне предложили отправиться туда и торжественно открыть Каменец-Подольский украинский университет. Соблазн был для меня очень большой, так как я никогда не был

¹ *Vernadsky W. C.R. 1922. T. 175. P. 382; Caupin K. Ibid.*

в Подолии. В Каменец-Подольске начал свою педагогическую деятельность мой отец, бывший там до отправления в заграничную командировку старшим учителем гимназии. Он был восхищен красотой природы Каменец-Подольска. Но благоразумие победило. Я чувствовал непрочность положения и не решился поехать в совсем неизвестное мне место.

Директория внесла несколько изменений в устав Украинской Академии наук, между прочим – пункт, против которого мы протестовали, что Академия может печатать на всех языках, кроме русского. Печатание на русском языке не было прямо запрещено, но требовало особой мотивировки.

Очень скоро после этого правительство директории уехало в Каменец-Подольск и предложило нам всем поехать вместе с ними. Очень много украинцев уехало. Мы же остались и решили собраться после отъезда «правительства». Появились слухи о том, что большевистские войска подходят к Киеву.

Рано утром 5-го февраля, когда я вышел из дому пройтись, Киев был занят какими-то войсками, по-видимому, русскими, которые не отвечали, кто они такие, но это не были украинцы Петлюры и не были большевики. Скоро они ушли и все, казалось, было спокойно.

Утром 5-го февраля 1919 г. мы собрали Общее собрание Академии в доме, где я в то время жил, – в здании бывшей первой гимназии на Шевченковском (прежде Бибиковском) бульваре.

А.Е. Крымский через боротьбистов был больше всех нас в курсе. Для нас было ясно, что решается судьба Академии.

Мы единогласно пришли к заключению, что после собрания отправим Крымского как неперменного секретаря Академии встретить от имени Академии приближающиеся к Киеву большевистские войска¹. Как мы узнали, во главе были Раковский и Мануильский. Крымский все время был в контакте с новой властью.

Въезд в Киев большевистских войск был торжественный. В положении Академии больших изменений не произошло. Вместо председателя (не помню, кто был раньше) в комиссии по высшей школе был назначен председателем молодой химик Затонский – партийный. Я остался членом.

16. В мае 1919 г. в Киев неожиданно приехал по поручению Президиума Российской Академии наук академик А.Е. Ферсман, выбранный по-новому сразу в академики 2-го февраля 1919 г. (Я участвовал в его избрании – был в числе его предложивших.) Он был командирован Академией наук СССР, во-первых, с целью пополнить библиотеку Академии наук в Петрограде, так как Киев и Украина стали тогда мощным центром свободной и бесцензурной печати на русском и украинском языках. Вышло много интересных и важных книг. В то же самое время государственная организация снабжения книгами таких учреждений, как Академия, временно исчезла в революционное переходное время.

Другой целью его приезда было завязать связи с новой Академией, оказать ей дружескую помощь от старой организации.

4-го мая он делал большой доклад в заседании Общего собрания Украинской академии о положении научной работы в России. Создана была

¹ Теперь видно, что это была особая Украинская Красная Армия. См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 2-е изд. М., 1935. Т. XXIII, приложение VIII. С. 650.

связь между Комиссией по изучению естественных производительных сил – КЕПС – Петроградской Академией и Украинской Академией наук.

Конечно, в те бурные времена, какими были 1917–1921 гг., трудно было ожидать прочных успехов. Но и принципиальную сторону нельзя игнорировать. Между Украинской и нашей старейшей Академией сразу установилась дружеская связь и она нерушимо с тех пор держится, хотя мы забыли, как она началась.

Очень скоро, однако, она окажется реальной, так как Украинская Академия чрезвычайно пострадала от немецкого варварства, так же, как и Белорусская, и придется их восстанавливать с самого начала.

Это придется делать всем академиям совместно.

Мне кажется, придется создать Союз советских академий. В частности, одно из следствий посещения А.Е. Ферсмана было выяснение положения Комиссии естественных производительных сил (КЕПС).

Во главе КЕПС'а в Петроградской Академии стояли в то время академик Н.С. Курнаков и А.Е. Ферсман, я числился председателем комиссии.

А.Е. Ферсман в своем докладе заявил, что вопрос о Комиссии естественных производительных сил должен быть решен так, что для территории Украины во главе ее должен стоять академик Украинской академии, в данном случае я, пока я остаюсь здесь.

17. В это время, в 1919 г., стихийные силы, от отдельных лиц не зависящие, господствовали, и я, например, оказался скоро в положении, в котором, неожиданно-негаданно для себя, смог только через несколько лет, в 1921 г., после долгого перерыва вновь восстановить свою работу в Петрограде.

Вкратце постараюсь здесь изложить, как это случилось.

В Киеве и в окрестностях его происходили столкновения разных групп, нередко бывали перестрелки. Значительную часть этого времени я провел в работе в Староселье на биологической станции на Днепре около Десны, где в это время были еще остатки превосходного лесного массива, который тогда еще шел от Киева до Чернигова. Уже через несколько лет после революции, в 1920-х годах, он уже был не тот.

В Староселье я близко сошелся с нынешним академиком Украинской академии Н.Г. Холодным и проф. С.Е. Кушакевичем, умершим от сыпного тифа по дороге из Украины.

18. В конце августа или в начале сентября я получил телеграмму от Временного правительства, находящегося в Ростове-на-Дону, адресованную: «Академику Российской Академии Вернадскому», в которой говорилось, что я должен принять все меры для сохранения научных и реальных ценностей, собранных в Украинской академии наук. Я решил поехать в Ростов-на-Дону для объяснений и переговоров. Проехать тогда было не просто. Мы поехали в товарном вагоне. Со мной поехали еще несколько академиков: Н.П. Василенко, В.А. Кистьяковский, С.Т. Тимошенко и др.

В переговорах мне удалось добиться: 1) Того, что вопрос об Украинской Академии наук будет решен окончательно после выслушивания мнения об этом университетов Украины. 2) Принципиально было признано, что Академия для юга России и для научного изучения Украины желательна. 3) Вместо меня одного была установлена тройка из академиков: меня, С.Т. Тимошенко

и О.И. Левицкого. 4) Что немедленно после моего отъезда будет переведена определенная сумма для оплаты жалованья и для сохранения порядка.

Назначили в Киев попечителем бывшего профессора Варшавского университета Спекторского. Со Спекторским я не был знаком, но знал его как ученого, исследователя истории общественных наук в XVII в. Моя статья об этих его исследованиях была помещена в это переходное время в «Русской Мысли», незадолго до революции. И между нами сразу создались хорошие отношения.

Ему было дано указание оказывать мне содействие.

19. Еще не было ясно, как разгорится дальнейшее, кто победит: большевики, эсэры или белые, не говоря уже об иностранных – немецких, американских, английских, французских, итальянских интервентах, а на Украине и польских.

Условия жизни в Киеве, и помимо этих основных больших факторов, определялись глухими подземными течениями.

Фактически в Киеве в это время была свобода печати, власть не могла с ней бороться. Житейски мне пришлось с этим явлением сразу столкнуться.

12 февраля советской властью передан был Академии дом, в котором прежде помещался женский дворянский пансион имени генерала Левашева.

Я знал о нем потому, что мне много рассказывала о нем мать, которая там училась, и с этим пансионом была связана ее дружба с Костомаровой, о которой я говорил раньше (§ 1). Я знал, что этот пансион был организован на средства, собранные киевским дворянством и населением Киева вообще после оставления Киева (выхода в отставку) генерал-губернатором Левашевым.

И вдруг попечитель Спекторский обратился ко мне с предложением вернуть этот дом Левашевым, которые предъявили свои права на него. Нашелся какой-то генерал Левашев, который поднял это дело, но обратился не в Академию, а к попечителю, который этому поверил.

Мне удалось найти в архиве дома доказательства, которые поставили вне всяких сомнений ложность семейных традиций. Это было подхвачено печатью и дебатировалось на страницах газет. Печать вообще внимательно следила за делами Академии. Правые – русификаторы (которых в Киеве было много) ночью сняли вывеску: «Украинская Академия наук» и пришлось вновь ее торжественно восстанавливать. Печать этим вопросом несколько дней занималась, представляя все в трагикомичном виде.

Но гораздо важнее этих мелочей, которые характеризуют ту среду, в которой приходилось жить, было то обстоятельство, что денежный перевод, который должен был быть отправлен из Ростова чуть не на другой день после моего отъезда, все не приходил.

Я решил снова ехать в Ростов. Поездка эта, однако, была совершена в совершенно других условиях. Я поехал через Харьков и ночевал у академика Украинской академии наук Палменко. В Харькове в это время было заседание Городской Думы и большая тревога. Белая армия и генерал Май-Маевский, который командовал ею, пьянствовали и возбуждали тревогу среди обывателей. Белая армия явно разлагалась.

Приехав в Ростов я узнал, что деньги были уже высланы.

20. Выехать из Ростова в Киев прямо я уже не мог. Я решил ехать пароходом через Новороссийск и Крым.

Приехав в Ялту, я вышел из парохода, так как нашел у себя вшей (я ехал в переполненном пароходе), и решил от них при первой остановке в Ялте скорее избавиться. Но совершенно неожиданно для меня все мои планы переменялись. В Ялте, на пристани, неожиданно для меня и для моих я встретил мою дочь, которая пришла встречать пароход, и моего сына, который пришел как раз в этот момент пешком из Симферополя и тоже пришел встречать пароход.

Эта остановка перестроила всю мою жизнь. В тот же вечер были найдены еще вши, и ровно в назначенное время у меня начался очень сильный сыпной тиф. К счастью, я попал в условия очень хорошего ухода.

Моя племянница С.М. Бакунина в это время жила в своей даче (где умер брат знаменитого анархиста – философ-гегельянец, тверской земский деятель А.А. Бакунин); она настояла, чтобы я остался у нее. Я жил на этой даче в 1916 г.; мои жена, дочь и племянница меня выходили.

Я чуть не умер. Врач, лечивший меня, известный и как общественный деятель, К. Михайлов умер сам во время моей болезни от сыпного тифа.

Умер от сыпного тифа и провожавший меня на пароход в Новороссийске профессор Киевского университета философ Е.Н. Трубецкой, активный член академического союза.

Вернуться в Киев я не мог. Остался в Симферополе, где в Университете в это время собрался цвет ученой профессуры со всей России, и где я был одно время ректором Таврического университета.

После меня был теперешний академик А.А. Байков.

Когда я в 1921 г. мог вернуться в Петроград или в Киев, я выбрал Петроград, а в Киев в Академию наук послал об этом извещение. С разрешения Советского российского правительства Академия наук прислала вагон за мной и за семьей неперменного секретаря С.Ф. Ольденбурга. Этот вагон по инициативе наркома здравоохранения Н.А. Семашко (который оказался моим учеником) был прицеплен к санитарному поезду. Еще раньше Н.А. Семашко, чего я долго не знал, послал и в Крымское советское правительство телеграмму обо мне, которая мне тогда очень помогла.

ПОСЛЕСЛОВИЕ (1921–1926)

21. В 1921 г. в Петрограде я получил приглашение через Академию наук, к которой Парижский университет обратился с просьбой дать мне эту возможность, прочесть в этом же 1921 г. курс лекций по геохимии в качестве *professeur adjoint* в Сорбонне. Ректором Парижского университета был в это время известный математик Аппель¹. Я был этим приглашением страшно удивлен, так же как и Академия.

Приехав в Париж, я имел дело с проф. Жантилем (геолог и географ), который, говоря о моем будущем, предложил мне остаться профессором Парижского университета, для чего я должен был бы эмигрировать.

Но я решительно отказался: уезжая из Петрограда (я выехал с семьей), я дал обещание тогдашнему наркому народного просвещения М.Н. Покровскому (моему старому знакомому по Москве) вернуться в Россию по окончании лекций в Париже.

¹ Приглашение шло от него.

Не по своей вине, в это сложное время, когда складывался новый строй, я из-за разных формальностей опоздал к началу лекций в Париже в 1921 г. и смог их начать только в 1922 г. (хотя приехал в 1921).

В Париже в это время я работал в минералогической лаборатории моего старого друга проф. А. Лакруа, с которым мы вместе работали в 1889 г. у проф. Фуке в Collège de France. Памяти моего старого дорогого учителя Фуке я посвятил французское издание моей книги «La Géochimie».

Одновременно я работал в Радиевом институте им. Кюри, директором которого была проф. М. Склодовская-Кюри (1867–1934).

Из Академии я получал зарплату только в первое время. Но я получил в Париже одну из премий Академии наук в 10.000 франков и небольшую сумму от Сорбонны за чтение лекций.

В 1924 г. я получил из новой научной организации Fondation Rosenthal для работы над *биогеохимией* и в частности над *геохимическим значением живого вещества* достаточную сумму, позволившую мне жить и работать в Париже два года¹.

В моей работе в это время я подошел к новым не изученным явлениям. Работа эта шла одновременно в двух направлениях: в биогеохимии я остановился на явлениях размножения, связав их математически с биосферой, и на геологическом значении живого веществ; в Радиевом институте им. Кюри я работал над новыми загадочными явлениями, над радиевыми рудами Конго.

В Радиевом институте, за несколько лет перед этим, были подарены м-м Кюри владельцами радиевого рудника в Конго несколько слитков чистого уранового свинца атомного веса 206. Слиток весил несколько килограммов [каждый]. Этот урановый свинец был добыт из минерала кюрита.

Образцы руды кюрита были тоже в Радиевом институте и, изучая их, я пришел к заключению, что кюрит находится в кристаллах, которые являются псевдоморфозами: *он является вторичным соединением*. Это – псевдоморфозы по настурану².

Я работал вместе с физиком-химиком, русской, сирийкой Е.А. Шамье, научной сотрудницей Радиевого института Кюри³.

Эмпирическая формула кюрита – $2\text{Pb}_1\text{O} \cdot 5\text{UO}_3 \cdot 4\text{H}_2\text{O}$.

Очень возможно, что это не уранат свинца, а плумбат или природная свинцово-урановая кислота.

Кроме того, что весь свинец в кюрите оказался урановым свинцом атомного веса 206, мы встретились с химическими качественными реакциями, в которых мы не могли разобраться за недостатком материала.

¹ Fondation Rosenthal было создано талантливым организатором (русским – евреем по происхождению, «королем жемчуга»), очень образованным человеком – Розенталем. Он предложил комитету Fondation Rosenthal, состоявшему из крупнейших французских ученых, получать деньги в виде акций по его предприятию по добыче жемчуга для поддержки – финансирования – отдельных научных работ. Этим путем получалось больше денег, чем если бы держать их в менее доходных бумагах.

Через немного лет, при начавшемся кризисе, его дело было ликвидировано.

² В настуранах, кроме уранового свинца, образовавшегося в геологическое время, и окислов урана и O_2 и UO_3 , находятся еще примеси разнообразных элементов в количествах, не превышающих 1% вместе взятых, связанных с радиохимическим изменением. *В настуранах Конго нет и следа тория*.

³ См.: *Vernadsky W. M-Ile Chamié. C.R.*, 178. 1924. P. 1725; *Вернадский В. Очерки геохимии*. 4-е изд. М., 1934. С. 254; *Vernadsky W. Les problèmes de la Radiogéologie. P.*, 1934.

Мы думали, что кроме свинца здесь есть еще какое-то другое тело¹. Для исследования не хватило кюрита.

Обращение м-м Кюри к бельгийской компании, которая владела рудниками Конго для получения нового материала, было напрасным.

Директором компании был минералог Вютгенбах, с которым я был знаком, но он интересовался больше технологией и финансовой стороной дела, чем чисто минералогическими проблемами. Он отказал в доставке материала и сказал, что они сами исследуют это явление, чего они не сделали, хотя такие их минералоги, как Скуп, Торо и другие, прекрасно могли бы у них это сделать. Урановое месторождение Конго и до сих пор является недостаточно выясненным в своем генезисе, хотя есть ряд отдельных хороших работ по минералогии и геологии этого месторождения².

Вопрос, поднятый мной и Е.А. Шамье, остается открытым. Нахождение в биосфере минерала, состоящего из чистого изотопа – уранового свинца, является до сих пор загадкой в истории радиоактивных элементов. Трудно себе представить какой процесс и где идет при этом.

Количество уранового свинца в радиоактивном уране ничтожно. Оно во много раз меньше содержания в нем радия, который является исходным атомом для уранового свинца, являющегося конечным продуктом его распада. Количество радия равно $3.4 \cdot 10^{-5}$ весовых %. Количество свинца в ураните (...). В кюрите же количество свинца уранового равно 21,25 весовых %, в десятки миллионов раз больше. Как это произошло?

Пришлось оставить эту работу на полдороге.

22. Осенью 1925 г. я должен был сдать научный отчет в Fondation Rosenthal и этим отчитаться в полученных мной от них суммах.

Я вспоминаю с удовольствием, как интенсивно работал я в Bourg le Reine в окрестностях Парижа, с большим подъемом целые дни. И вдруг я получил ультимативное требование от Академии, чтобы я немедленно вернулся в Петроград. Я ответил, что я немедленно по окончании сдачи отчета приеду.

Но как ученый не могу уехать, не сдавши отчета и не закончив свои обязанности перед Fondation Rosenthal.

А.П. Карпинскому я написал подробное письмо и получил от него очень хороший ответ; переписка эта напечатана³.

И вдруг в ответ я получил телеграмму от Академии в 1925 г. с требованием немедленного выезда с угрозой, что я буду исключен из академиков, если не приеду немедленно. Мне казалось, что Академия была осведомлена о моей работе, так как академики, приезжавшие в Париж, виделись со мной,

¹ В Парижской академии хранится наш запечатанный пакет, который должен лежать впредь до нашего требования. См.: Янишина Ф.Т., Юшкевич А.П. Вернадский и ученые Франции // *Вопр. истории естествознания и техники*. 1991. № 2. С. 80–91, 134–137.

² Урановое месторождение Конго находится в осадочных породах, но они пересечены местами пегматитами.

³ В это время еще полные отчеты заседания Академии наук и ее отделений печатались в ограниченном количестве по числу академиков не только в выдержках (как это происходит и прежде было в «Известиях»), но и целиком для академиков.

и я им рассказывал о хорошо шедшей моей работе. Помню приезд покойного акад. А.А. Белопольского, приезд акад. А.Ф. Иоффе и С.Ф. Ольденбурга.

От Академии я получил телеграмму в ответ на мою, что ввиду моего отъезда немедленно приехать я исключаяюсь из числа академиков.

Одновременно с письмами к А.П. Карпинскому и к С.Ф. Ольденбургу я послал письмо Н.М. Покровскому, в котором указывал, что я совершенно не виноват, если окажусь не в состоянии исполнить данное ему мной слово: не сдавши отчет, я вернуться не могу. А отчет кончу, как писал Академии, осенью 1925 г.

23. Я усиленно работал над отчетом и принимал меры, чтобы найти за работок.

Это было уже не так легко, так как положение во Франции резко изменилось с 1921 г. Начинаясь кризис. Во Франции был принят закон, что получить гражданство может только тот, кто внесет 10 тысяч франков.

Кроме того, стали залечиваться последствия первой империалистической войны, сильно ослабившей цвет французской интеллигенции.

Я обратился к своим чешским друзьям (проф. Ф. Славику) и на 1926 год получил приглашение прочесть курс геохимии металлов в Праге на французском языке, с тем, что в дальнейшем этот курс будет проведен законодательным путем как постоянный.

Таким образом, хотя это было предложение на один год, но оно меня устраивало и давало возможность спокойно относиться к будущему.

Не знаю, что произошло в Петрограде, – и я никогда не старался это разузнать, – но вдруг я получил телеграмму с предложением занять одну из десяти новых кафедр, которые были установлены после празднования юбилея Академии – ее двухсотлетия.

Академия настаивала, чтобы я приехал сейчас же, а не после лекций в Праге, что для меня было вполне понятно и приемлемо.

Чехи согласились перенести эти лекции на 1927 г., а затем на 1928 г., когда они и осуществились.

В Академии я вследствие этого явился не академиком по кафедре минералогии и, вернувшись, взялся вновь за председательство в КЕПС'е, где сейчас же организовал *Отдел биогеохимии*, будущую Биогеохимическую лабораторию (с 1928 г.).

Боровое, 11/VI–1943 г.

Московское Отделение Архива РАН. Ф. 518. Оп. 2, № 70.

РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ ЗНАНИЙ

Академия наук подходила в своей научной работе к вопросам истории знаний уже в первые десятилетия своего существования. Это не было случайностью. По сути вещей, все большие собрания ученых – особенно академии, объединяющие ученых разных специальностей и по идее охватывающие все знание, – всегда проникнуты интересами и проблемами его истории.

Научная работа есть осознание действительности, выражение ее в формах закона разума. Такое осознание неизбежно требует постановки всяко-

го достижения и всякой изучаемой проблемы в исторические рамки; мысль, в формах академической жизни, по сути вещей, направляется на искание в прошлом корней нового достижения, новой проблемы, связывает идущую в кругу академии работу со всей прошлой деятельностью человечества в той же области. Ибо только при этом условии возможно понять новое; в старине всегда новизна слышится.

Если в ходе научных открытий встречаются люди, раздвигающие рамки знания, но не чувствующие связи нового, ими достигнутого, с прошлой работой человечества, не могущие вследствие этого правильно оценить свои собственные достижения, то этого не может быть и не бывает в организациях ученых.

Характерной чертой академий является научное осознание ими научных проблем *sub specie aeternitatis*. Так выразить явления можно только в историческом аспекте, ибо в этом случае в нем выливается в человеческом сознании критическая оценка достоверности знания, основное условие, отличающее научное знание от других аналогичных форм духовных проявлений человеческой личности. Точный учет пределов достоверности есть основа научного выражения явлений *sub aeternitatis*. А такое осознание, непрерывное из поколения в поколение, есть основа силы и значения академий в жизни народов. Чем оно полнее, тем глубже академия внедряется в окружающую жизнь.

В строе академий другое условие приводит к той же форме выявления их деятельности. Академии медленно и постепенно создались вековой жизнью; их корни тысячелетни; они таятся в дружеских «братствах», долгое время не принимавших устойчивых форм, подчиненных государственному укладу. Этот товарищеский, братский элемент неизбежно сохранился и в новых формах академий, созданных главным образом в середине XVII столетия, за два поколения до возникновения два века тому назад основанной Санкт-Петербургской Академии наук. Смерть и избрание нового члена академического братства всегда являлись поводом оценки его научных исканий и достижений с той же самой точки зрения – *sub specie aeternitatis*.

В истории нашей Академии эти основы бытия сразу проявились чрезвычайно ярко и никогда не заглашались, даже в периоды замедления ее творчества, которые бывали несколько раз в первом столетии ее существования. Академия сразу заняла видное место в научной мировой организации XVIII в.; ее создание было одним из очень крупных событий истории европейской мысли в первой половине XVIII в. Историческая значимость ее создания сознавалась как современниками вне России, во внесударственной «республике наук», еще тогда очень сильной, так и в среде самой Санкт-Петербургской Академии наук. Это выразилось в заботе о сохранении материалов для ее истории; в этом отношении наша Академия находится в лучшем положении, чем ее более старые прообразы – Парижская королевская академия наук и даже Королевское общество наук в Лондоне. Трудом и усилиями первых академиков, среди которых выдвигаются в этом смысле фигуры Ф.И. Миллера и отчасти Ж.Н. Делиля, сохранены драгоценнейшие материалы для истории Академии, помимо все время тщательно собиравшегося ею самой Научного архива. Научный ее архив собирался и сохранялся не случайно. Ничто не делается самой собой, без воли, мысли и труда хотя бы безымянных деятелей, и не случайно в нашем распоряжении оказался в XX в. такой драгоценный

для истории науки архив, каким является Архив Академии наук. С 1725 г. его организация была сознательной заботой академических деятелей на протяжении поколений. И хотя он не раз подвергался опасности распыления, он быстро вновь приводился в живое состояние. Не только сразу создавался и охранялся архив, но и вся текущая жизнь Академии тщательно учитывалась в ученой печати в первые же ее десятилетия. Об этом заботились первые академики; они искали и нашли нужных для этого задания людей. Такова была особенно жизненная работа И.Г. Бакмейстера (умер в 1794 г.), А. Бюшинга, Л.И. Бакмейстера.

Ученый характер Архива Конференции Академии наук был признан и ясно сказался в его организации только в XX в., когда непременным секретарем Академии был избран академик С.Ф. Ольденбург. В 1922 г. Архив получил современное устройство, был переименован в Архив Академии наук, и его задача окончательно определилась как «хранение рукописных и печатных материалов по истории Академии и русской науки».

Недостаток средств, а отчасти и помещения не позволял Архиву развить эту деятельность в тех размерах, какие требует суть дела. Сейчас он перешел в новое помещение, и одна из причин медленного проявления его работы таким путем кажется устраненной.

Работа нашего Архива, как всякого правильно научно поставленного архива, должна заключаться, с одной стороны, в научном издании хранящихся в нем памятников, а с другой стороны, в научной работе, основанной на этих памятниках.

Архив Академии должен работать в двух направлениях – в области истории Академии и в области истории русской науки.

Он должен работать сам и должен помогать той же работе всех желающих. Помощь, оказываемая им научной работе, была широко поставлена во все эти годы. Работа же его как целого выражена слабо.

Работа Архива может или возникать в его среде, или исходить из Академии. Для самостоятельной работы он не имел и не имеет нужной организации. Но он оказывал все время помощь работе, вызванной заданиями Академии наук.

Академия несколько раз подходила к большим предприятиям, требовавшим помощи Архива. К сожалению, они ни разу не были доведены до конца. В изданиях Академии постоянно появляются новые многочисленные, часто драгоценные, исторические работы о прошлом Академии и историко-биографические оценки академиков, не раз начинались и большие систематические работы, но они все время прерывались. Так, прервалась со смертью академика П.П. Пекарского его значительная история нашей Академии наук, построенная на биографической основе. Она прервалась на биографии академика М.В. Ломоносова.

Никто не подходил с тех пор в таком широком и глубоком охвате к истории Академии. Лишь через много лет, по инициативе президента академии Д.А. Толстого и академика М.И. Сухомлинова, эта работа была возобновлена в другой, более узкой форме: был издан ряд «Материалов для истории Академии наук» (до 1750 г.) и «Протоколы Конференции Академии наук» (до 1803 г.).

После нового долгого перерыва Академия в 1912–1913 гг. вновь вернулась к организованному изучению своего прошлого, на этот раз последнего,

новейшего его периода (1889–1914 гг.), в связи с двадцатипятилетием деятельности ее тогдашнего президента.

Издание это тоже не было закончено. Уже в последнее десятилетие были выпущены в свет отпечатанные том II: «Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Часть первая» (Пг., 1917) – и том III: «Материалы для биографического словаря действительных членов императорской Академии наук. Часть вторая. М–Я» (Пг., 1917).

Вопрос об издании общего словаря академиков снова встал перед Академией ко времени ее двухсотлетнего юбилея в 1925 г., но пока не получил движения. Научное издание такого словаря является очередной задачей, так как оно должно дать огромный, первостепенный, частью неизвестный, частью рассеянный материал для истории науки в нашей стране.

В 1926 г. Академия постановила готовить к каждому своему годовому отчету исторический очерк жизни и деятельности одного из своих сочленов – по примеру Парижской академии наук и некоторых ученых обществ Запада. Это с течением времени должно пробудить интерес к истории научной мысли и помочь сохранению исторического материала, иначе безвестно исчезающего. История Парижской академии наук это ярко показывает.

Не получило завершения и другое начинание Академии, остановившееся в текущем десятилетии: предпринятое ею издание истории научных исканий в нашей стране – истории русской науки. Оно было начато, по инициативе академиков С.Ф. Ольденбурга и А.С. Лаппо-Данилевского, в 1915 г. под влиянием вышедшего в это время сборника «*La science française*», изданного при участии Institut de France. План этого издания был разработан в особом совещании под председательством академика А.С. Лаппо-Данилевского, который до самой своей смерти (1919) оставался его руководителем.

Это издание было отчасти вызвано психологией момента, когда народная совесть, в самых разнообразных ее проявлениях, была до глубины своей потрясена тяжелыми событиями мировой войны 1914 г. В это время прочувствовалась та широкая волна научной работы и научного творчества, которая непрерывно подымалась в жизни нашего народа с шестидесятых годов прошлого столетия и которая особенно ярко сказалась после 1905 г. Издание исторических очерков имело в виду не только интересы преходящего момента – пробуждение народного самосознания в эпоху кризиса, оно впервые должно было подвести итоги глубокому историческому процессу – росту, углублению и расширению научной мысли в среде нашего народа. Процесс этот современниками не сознавался и не оценивался в его значении.

К сожалению, в связи с тяжелыми условиями жизни в 1918–1920 гг. эта работа остановилась, хотя в 1921 г. и была сделана новая попытка ее возрождения в среде новой комиссии, возникшей в то время в Академии наук, – Комиссии по истории знаний.

Из доставленных и подготовленных рукописей некоторые, частью в расширенном виде, [уже] появились в печати, появляются в настоящее время или будут изданы. Так, напечатан труд профессора А.В. Васильева «Математика. Выпуск 1. 1725–1826–1863» (Русская наука. Отдел второй, Пг., 1921); академик Е.Ф. Карского «Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР» (Сборник Отделения русского языка и словесности. Л., 1926, CI, I); академика К.Д. Глинки «Очерк истории русского почвоведения» (Записки Ле-

нинградского сельскохозяйственного института. Л., 1924, I); академика Б.А. Тураева «Русская наука о Древнем Востоке до 1917 года» (Труды Комиссии по истории знаний. Л., 1927, 3). Несколько других работ, в прежнем или переработанном виде, появятся, а другие были использованы их авторами для других изданий. Такова работа академика В.П. Бузескула «Разработка греческой истории в России» (Анналы. Пг., 1924, IV).

Уже это показывает, то начинание Академии жизненно, и было бы важно, чтобы оно окончательно не замерло.

История русской науки и история научной мысли и научной работы в нашей стране вообще представляют особый интерес и имеют большое значение даже вне всякого отношения к жизни нашего Союза. Начавшийся с создания Академии и усилившийся в шестидесятых годах прошлого и особенно в начале этого столетия рост научной мысли и научной работы в нашей стране является неразрывной и важной частью большого мирового процесса – роста науки в пределах западноевропейской цивилизации. Реальное его значение в этом общечеловеческом движении очень велико; оно гораздо больше, чем это сознают. История науки в XVIII–XX вв. не может быть познана и изложена без истории русской науки, а для этого необходима большая исследовательская работа. Это – наша обязанность, которая в нужной степени еще не исполняется.

Одной из форм такой работы являются полные и снабженные научным историко-критическим комментарием издания сочинений крупных ученых и писателей – создателей культурной жизни народа. Эта последняя задача не только небезразлична для истории научной мысли, но и необходима и неизбежна, так как научная мысль теснейшим образом связана со всеми остальными проявлениями духовного творчества человечества. Она от него отделена только в отвлеченном представлении.

Научная мысль творится в атмосфере интуиций великих писателей и глубоких созданий художественного творчества. Например, ясно и глубоко сказывается в истории научного творчества – через философскую мысль, от него неотделимую, – характерное для европейского нового времени, XVII–XX вв., проникновение в культурную жизнь инструментальной музыки. Не случайны совпадения в их истории.

В частности, для нашей Академии, роль которой так велика в создании нашего литературного языка, которая явилась в работе над «Словарем» и в ряде изящной словесности продолжательницей екатерининской Российской Академии и которая дала стране ряд классических изданий наших писателей, указанная работа входит глубоко в ее структуру. К сожалению, академическая «Библиотека русских писателей» не продолжалась за последнее время, кроме одного тома Полного собрания сочинений А.С. Грибоедова (1917. Т. III. Вып. 9). Чрезвычайно замедлилось, в силу различных обстоятельств, и издание сочинений А.С. Пушкина, которое будет в конце концов закончено. Издание научных сочинений академиков В.Г. Васильевского и А.Н. Веселовского задержалось, но будет продолжаться.

Наконец, после долгого перерыва, с начала войны возобновилось полное историко-критическое издание сочинений М.В. Ломоносова. Оно сейчас поручено двум академическим комиссиям – Комиссии по истории знаний и Постоянной историко-археографической комиссии. Это издание было начато еще в XIX в. академиком М.И. Сухомлиновым и потребует большой работы,

особенно потому, что касается той полосы нашей исторической жизни – первой половины XVIII в., в области которой сейчас замерла работа исследователей истории русского языка и словесности.

Академия наук возобновила в истекшем десятилетии и другую форму изучения прошлого – устройство выставок, посвященных памяти творцов научного знания. Этим путем не только становится широко известным, глубоко проникает в народ знание о научной работе, шедшей в его среде или в среде человечества (что является само по себе делом огромной важности); не только подводятся итоги нашего знания в изучении работы великих ученых и их времени, но открываются, собираются и спасаются драгоценные научные материалы, т.е. устанавливаются новые эмпирические научные факты, касающиеся прошлого хода знаний.

В истекшем десятилетии, в январе 1927 г., Академия наук впервые после 1911 г., когда ею была устроена выставка памяти М.В. Ломоносова, организовала выставку памяти другого своего великого сочлена – академика К.М. фон Бэра. Выставка была организована Комиссией по истории знаний и прошла очень успешно как по ее посещаемости, так и по тому новому материалу, который она выявила для биографии К.М. фон Бэра и для характеристики его времени.

М.В. Ломоносов, Л. Эйлер, К.М. фон Бэр, по глубине и широте их влияния на ход западноевропейской цивилизации, на рост нашей культуры и на уклад нашей Академии, выделяются среди блестящей плеяды ученых, слагающих ее в непрерывном ряде поколений. Жизнь и творчество всех их и посейчас занимают научную мысль и вызывают научную работу: сочинения М.В. Ломоносова издаются нашей Академией; сочинения Л. Эйлера издаются в Базеле Швейцарским научным обществом при участии нашей и других академий, в нашей среде идет работа по изучению К.М. фон Бэра и выявлению его личности в истории нашей научной работы.

Эта работа идет в новой комиссии Академии наук, являющейся ее новым созданием и посвященной всецело изучению истории знаний. Комиссия по истории знаний была организована еще в 1921 г., но ее деятельность проявилась лишь в 1926 г. При ней были образованы подкомиссии: по изучению научной деятельности К.М. фон Бэра (и Академии его времени) и по изданию сочинений М.В. Ломоносова.

В открытых заседаниях Комиссии (по повесткам) за этот год сделан членами Комиссии ряд докладов, посвященных истории знаний как в нашей стране так и за ее пределами. Часть этих докладов печатается в «Трудах» Комиссии, которых вышло несколько выпусков и материал для которых быстро растет. Напечатаны и печатаются: «Мысли о современном значении истории знаний» академика В.И. Вернадского; «Первый сборник памяти Бэра» (статьи академика В.И. Вернадского, М.М. Соловьева и профессора Э.Л. Радлова); «Русская наука о Древнем Востоке до 1917 года» покойного академика Б.А. Тураева; «Очерк истории русской географической науки» профессора Л.С. Берга; «В.О. Ковалевский по его переписке» профессора А.А. Борисяка.

В связи с Комиссией под редакцией неперменного секретаря Академии печатаются с 1927 г. «Очерки по истории знаний». Вышли и печатаются сборники, посвященные Ньютону, Кастрену и Бертло.

Комиссия по истории знаний приступила к изданию в своих «Трудах» материалов для истории науки в России. Сейчас идет работа над перепиской

А.О. и В.О. Ковалевских (профессор А.А. Борисьяк и В.А. Чистович), над рукописями, связанными с экспедицией Беринга (профессор Л.С. Берг), и астрономическими текстами XV в. (профессор В.Н. Бенешевич).

Деятельность Комиссии только что налаживается, но уже сейчас выяснилась необходимость и возможность создания музея по истории знаний, имеющего задачей главным образом создать и сохранить материальный научно собранный архив по вековой работе нашего народа и нашей страны в области научных и научно-технических исканий.

Комиссия по истории знаний и будущий ее Музей являются единственными в Союзе ССР организациями этого рода.

Академия, создавая названную Комиссию, вступила на новый для нашей страны путь научных исканий. Она идет сейчас в могучем потоке научной мысли, связанной с расцветом истории научных исканий и с пробуждением к ней действенного интереса, который за последние десятилетия наблюдается в Западной Европе, в Северной Америке и в древних цивилизованных обществах Азии – во всем человечестве.

Пробуждение этого интереса не случайно; оно связано с глубоким все-ленским переворотом в научных представлениях о мироздании – переворотом, свидетелями и деятелями которого являются наши поколения.

1927

ВОПРОС О ЕСТЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛАХ В РОССИИ С XVIII ПО XX в.

(Фрагменты)

I

Вопрос о естественных производительных силах нашей страны, мне кажется, сейчас, в эпоху величайшего разорения и разрухи нашей страны, в эпоху ее обнищания, приобретает особое значение. И действительно, мы видим, что, несмотря на переживаемое нами революционное движение и гражданскую войну... он не сходит с нашего поля зрения.

Мне кажется, он должен сейчас обращать на себя особое внимание русского общества. И должен обращать по двум причинам: 1) потому, что только правильным, быстрым и разумным использованием естественных производительных сил нашей страны мы можем выйти из тех ужасов, в каких приходится нам жить, когда миллионы людей умирают от голода {...} и 2) потому, что русский народ сейчас неизбежно роковым образом теряет известную часть производительных сил своей страны, отдавая их в чужие руки, в так называемые концессии иностранному капиталу (создание независимых от него государств). Эта отдача есть печальная необходимость, и ее нельзя избежать, но ее можно правильно регулировать. Сильный берет у слабого. И особенно это будет тогда, когда слабый не использует то колоссальное богатство человечества, которое находилось в его распоряжении и которое он по своему незнанию, отсутствию энергии, недостаточной трудоспособности

или другим причинам оставил неиспользованным. Количество богатств природы, находящихся в распоряжении человечества, всегда ограничено. Если ход истории дал одному народу их много, а он их оставит лежать втуне, от этого страдает все человечество. И он может их удерживать от мирового обмена и использования до тех пор, пока он для этого достаточно силен...

Мы должны прежде всего обладать знанием наших богатств, понимать их ценность, знать, как их надо и как их можно перевести в формы, доступные для человеческой жизни. Этого знания мы сейчас не имеем. Мы его в прошлом не приобрели и должны спешно создавать это знание теперь, когда уже ждать нельзя, когда пробил час их использования независимо от нашей воли.

Это задача величайшей важности, которая стоит перед людьми тех поколений, на долю которых выпала активная роль в наше время. Это задача не одного дня, и чрезвычайно существенно, чтобы сознание ее важности и ее неотвратимости охватило более молодые поколения, в руках которых будущее нашей страны, охватило русскую молодежь. Важно, чтобы молодежь пошла по другому пути, чем шли ее отцы.

Задача эта не в первый раз ставится перед русским обществом, она стояла перед ним уже многие десятилетия и столетия назад. Можно сказать, что она стояла перед ним всегда, так как использование естественных производительных сил есть основной элемент жизни культурного человечества. Только этим путем зоологический вид *Homo sapiens* переходит в того *Homo faber*, который меняет лик нашей планеты, овладевает ее силами.

Но сознание значения этого неизбежного процесса, его существования есть явление новое в истории человечества. Оно возникло в новое время, в тот великий период истории человечества, когда возникла новая наука, наша наука, когда получило значение организованное, коллективное стремление свободных человеческих личностей овладеть силами природы для блага человечества. Бессознательная коллективная работа толпы, массовое творчество безымянного человечества в этом направлении в XVI – начале XVII в. заметно начали переходить в сознательную работу науки, т.е. отдельных свободных человеческих личностей, объединенных одним и тем же стремлением к познанию истины. В это время в разных местах и в разных кругах в той международной среде ученых – Республике науки, как любили ее тогда называть, независимой от сложных и мелких дроблений на государства, сословия, классы и религиозные сообщества, – зародилась и укрепилась идея о силе и значении науки, о ее величайшем значении для будущего человечества. Это было еще то время, когда в действительности значение науки для реальной жизни было ничтожно. Осознание значения науки как реальной силы, как крупного исторического фактора жизни было не результатом наблюдения, но результатом веры.

Россия и русское общество вошли в жизнь культурного западноевропейского человечества в начале XVIII в., во время Петра и в значительной мере силою его воли и его личности. Говоря это, я знаю, что я противоречу одному из трюизмов, вошедших в сознание русского общества. Сделалось общим местом отрицать значение человеческой личности и единичной воли. Но я не историк, а натуралист. Для меня имеют значение наблюдаемые конкретные факты больше, чем какие бы то ни было положения, на них основываемые.

В области тех явлений, с какими мне приходится сталкиваться в исторической перспективе, в области истории идей, научной мысли, истории знания, человеческая личность и человеческая воля выступают на первое место, являются реальным фактом. Нет идеи, нет научной мысли, нет научной работы, научного открытия без человеческой личности. Коллективно их можно делать только тогда, когда эта коллективная работа руководится человеческой личностью. Величайшие изменения в науке совершаются только человеческими личностями, только их влияние в ней чувствуется. Наука есть проявление отдельных свободных человеческих личностей, создание их свободной, сознательной воли.

Когда достижения науки проникают в массовую историю человечества, это обозначает влияние на историю человечества человеческой личности, как бы это ни объясняли в своих схемах последователи тех и иных философских или исторических схем.

С точки зрения историка науки, натуралиста, привыкшего наблюдать факты, влияние отдельной человеческой личности есть самый обычный и самый реальный из реальных факт окружающей жизни.

Наука в России началась и проникла в русскую жизнь в сильной зависимости от воли и мысли императора Петра. Ему обязана своим созданием Российская – тогда Санкт-Петербургская – Академия наук, и с ним так или иначе связаны те лица, которые в это время среди народа, жившего многими столетиями и тысячелетиями вне мировой научной мысли, начали научную работу в России. Мы не должны забывать, что наука есть новое явление в человеческой истории.

Создавая за несколько месяцев до смерти Российскую Академию наук, Петр сознавал, что он делал. Сохранился интересный разговор его с В.Н. Татищевым: «В 1724 г., как я отправлялся в Швецию, случилось мне быть у его величества в летнем доме; тогда лейб-медик Блюментрост, яко президент Академии наук, говорит мне, чтоб в Швеции искать ученых людей в учреждающуюся академию в профессора, на что я, рассмеявсь, ему сказал: ты хочешь сделать архимедову машину очень сильную, да подымать нечего и где поставить места нет. Его Величество изволил спросить, что я сказал, а я донес, что ищет учителей, а учить некого, ибо без нижних школ академия она с великим расходом будет бесполезна. На сие Его Величество сказал: Я имею жать скирды великия, только мельницы нет; да и построить водяную и воды довольства в близости нет; а есть воды довольно в отдалении, токмо канал мне делать уже не успеть для того, что долготы жизни наша ненадежна, и для того перво мельницу строить а канал велел только зачать, которое наследников моих лучше понудит к построенной мельнице воду провести». Это не анекдот.

С Академией наук перенесены были в Россию все представления о задачах государственной научной работы того времени. И долгие десятилетия – сотню слишком лет – главным, резко преобладающим центром научной работы и мысли в России являлась Академия наук.

Двести лет тому назад, когда началось создание Российской академии, идея государственного значения познания естественных производительных сил страны не была еще ясна в той форме, в какой она нам ныне является. Но в это время, в начале XVIII в., когда только слагалось современное государс-

тво, приобрело большое распространение сознание необходимости хорошего использования ресурсов страны для создания устойчивого и сильного государства. В это время научное знание благодаря развитию механики и горного искусства проникло уже в использование полезных для человека недр земли, полезных ископаемых. В то же самое время очень занимало научную мысль использование животных и растений, их акклиматизация, создание новых сортов полезных для человека животных. В эту эпоху ясно была видна необходимость охвата, шедшего путем вековой рутины и бессознательного опыта, земледелия, лесоводства, скотоводства, садоводства в их бесконечных разветвлениях и разнообразии.

Наука все более и более проникала в новые для нее области техники, фактически внедрялась в жизнь.

В государственных идеях это было время экономических идей меркантилизма – идей торгового баланса в форме так называемого кольбертизма и [полицейского] монархического государства. Обе эти идеи проникали Петра и государственных людей его времени. Они неизбежно приводили к необходимости познания естественных производительных сил каждого отдельного государства и их использования. На государственное хозяйство переносились, до известной степени, воззрения, создавшиеся и по отношению к частному хозяйству. Масштаб был иной, но суть дела та же. Но масштаб, несомненно, привносил и новое, неожиданное. Так выросло представление о камеральных науках (их значение).

Государственные деятели этого времени впервые ясно осознали необходимость знания ресурсов страны, и этим – помимо всякого рода других соображений – обуславливается то покровительство, которое оказывалось в это время науке великими государственными деятелями. Не случайно великий французский министр Кольбер в 1666 г. создал Королевскую Парижскую академию наук, чрезвычайно содействовавшую поднятию научного знания Франции и связанных с ней стран, и оказал огромную помощь развитию науки. Исходя из области тех же идей, Петр через 58 лет приступил к созданию Петербургской Академии наук, положив в основу ее те же принципы, которые [были] созданы жизнью и традицией для академии французской.

Работа Академии наук не была работой бюрократического государственного органа, но она не была и работой общественной. Такие люди, как Кирилов, Рычков, Татищев, в XVIII в. были единицами.

Одной из основных задач Академии было познание естественных производительных сил страны – с точки зрения тех идей, какие интересовали людей того времени. К работе Академия наук смогла приступить не сразу, так как ее создание совпало с тяжелым кризисом, который переживала Россия после смерти Петра.

XIX век внес другие интересы и в русское общество, и в Русское государство.

XIX век – эпоха резко иных интересов и пониманий государственных и экономических заданий, чем те, которые господствовали в начале XVIII в. и которые дали идейную основу исследования естественных производительных сил России, выливавшиеся в работе академиков.

Характер хозяйства изменился. Государственная деятельность в эпоху создания новой Европы после времени Наполеона Бонапарта ставила совер-

шенно иные задачи. Вся политика России шла в совершенно ином масштабе. Интересы русского общества и государства направлены были всецело в другом направлении; это были или интересы великой политики, не захватившие значительных кругов, или интересы социальные.

II

Я хочу остановить ваше внимание в этой лекции на вопросе, который мне кажется вопросом первостепенной важности, но который чрезвычайно мало обращал на себя внимание русского общества...

Богатство страны или народа может быть разложено на две хотя и связанные, но во многом независимые друг от друга части: 1) силы природы той территории, которая находится в распоряжении страны, и 2) силы народа, который эту территорию занимает.

Естественные производительные силы страны – это потенциальная энергия, использованная или неиспользованная данной страной или данным народом, которая определяет его возможные действия...

Силы народа определяются его способностью к работе, его честностью, моральными и умственными качествами, его знанием и талантливостью. Народ, стоящий в этих отношениях очень высоко, может достигнуть очень многого – я даже думаю всего – и в том случае, если силы страны, им занятой, ничтожны. Духовные силы человечества – его мысль, его воля и его нравственная сила, – несомненно, являются основным, определяющим условием национального богатства. Обладая ими, народ в сложных условиях исторической жизни приобретет и добудет себе необходимые для их проявления силы природы.

Я оставлю в стороне эту духовную сторону – этот главный элемент национального богатства. Я остановлюсь только на силах природы России, на ее так называемых естественных производительных силах – на богатстве ее недр, на богатстве ее почв, на продуктах ее животного и растительного царств, на источниках механической энергии, ей свойственных.

Мы сейчас знаем, что эти потенциальные силы нашей страны огромны. Потенциальное богатство России было – да и теперь осталось – таково, каким оно является у очень немногих народов мира.

Я хочу, однако, говорить не о величине потенциальных сил нашей страны, а о том, как знание этих сил достигнуто, насколько оно полно достигнуто и, наконец, насколько значение его понято русскими мыслящими людьми.

Я буду говорить здесь как натуралист, хотя буду касаться явлений истории. И это надо иметь в виду, ибо натуралист подходит к историческим явлениям иначе, чем часто, а в последнее время очень часто, подходит к ним историк, экономист или социолог.

Натуралист знает, что главная творческая сила, создающая духовные ценности, и в том числе создающая науку, знание – всякое знание, а следовательно, и знание естественных производительных сил страны, есть человеческая личность, ее свободная научная мысль. Натуралист – эмпирик; он никогда не может принять реальность тех фикций, тех извне в науку проникших философских построений прошлого человечества, которые исключают из него или считают ничтожным влияние отдельной человеческой личности. Наука

создается отдельными человеческими личностями, а не этими схематическими стихийными процессами, которыми нередко занимаются историки. Я нарочно это здесь подчеркиваю, т[ак] к[ак] знаю, как глубоко распространено это убеждение в русском обществе. Это [один] из многих его печальных предрассудков. В той области исторической науки, в какой мне приходится заниматься, в истории науки, истории приобретения знания, влияние человеческой личности проявляется так, как оно нигде, может быть не проявляется. Этим личностей может быть много или мало, но никогда нельзя здесь массой заменить работу отдельных единиц. Из множества средних умов не создать одного Ньютона или Фарадея.

Как же приобреталось знание наших потенциальных сил и в каком положении это знание в настоящий момент?

Вспомним недавнее прошлое. Еще немного лет назад, в 1915 г., в эпоху преступной войны и бойни, русское общество впервые неожиданно для себя столкнулось с необходимостью ответить на вопрос, каковы потенциальные силы территории [России], насколько они используются, насколько могут использоваться и каковы их будущие возможности.

Я не ошибусь, если скажу, что русская интеллигенция оказалась совсем не подготовленной ответить на этот вопрос. Она не знала ресурсов своей страны, она жила в своей стране вне сознательной связи с тем неизбежным нервом всякого богатства, с источником той энергии, который питает и дает возможность развернуться духовным силам народа. Она была от него духовно оторвана. Она даже не сразу поняла значение того вопроса, который поставила перед ней история.

После 1915 г. много прожито <...> И в то же время как раз сейчас мы переживаем новый, раньше невиданный мировой перелом в жизни человечества, когда вопрос о формах мировой организации человечества выходит из области утопических мечтаний, а становится областью реальной политики <...>

Очевидно, при таких обстоятельствах перед нами еще острее стоит вопрос о необходимости знать потенциальные силы нашей страны, уметь их правильно оценить, понять их значение.

Живые силы страны должны быть направлены на эту работу. А вместе с тем народ и интеллигенция, составляющая его мир, должны сознавать, что при том неизбежном сокращении государственных расходов – благодаря нашему обнищанию, которое нам предстоит в ближайшее время в небывалой раньше степени, – расходы на это изучение не должны и не могут сокращаться в той степени, в какой они должны сокращаться на все остальное. Это самые производительные и самые необходимые расходы, какие сейчас существуют в государственных организациях человечества.

Я считаю, что та страна, тот народ, который поймет это, выйдет сильным, могучим и счастливым из переживаемого кризиса, тот же, который этого не сознает, есть народ обреченный. Но для того чтобы идти этим путем, прежде всего надо знать прошлое, историю творческой работы в этом направлении, каковая уже велась до нас.

Знание наших потенциальных естественных сил двоякого порядка. С одной стороны, это то знание, какое накоплено и существует в архивах науки, известное большим специалистам. С другой стороны, это то знание, какое существует в народе или в его интеллигенции. Эти оба знания неодинако-

вы. И 1915 год, да и теперешнее время экспериментов и начинаний в этой области, выяснили, что последнее знание – знание вопроса в народе и в его интеллигенции – во много раз меньше того, что реально достигнуто трудом поколений исследователей.

Наши естественные производительные силы страны, с одной стороны, недостаточно исследованы. Они настойчиво требуют энергичной и организованной творческой исследовательской научной работы. А с другой стороны, то, что известно, не проникло в достаточной степени в мыслящую среду русского народа и общества. Свобода от науки в этой области не только народа, но и русской интеллигенции поразительная. Ее, конечно, и надо было ждать, раз история показала, что при колоссальных естественных богатствах Россия [была] нищенски бедна.

Понять, почему это так, можно, только обратившись к истории получения этих знаний, без этого нельзя идти дальше. Этого требует вековой, испробованный опытом эмпирический путь точного естествознания. Когда мы вступаем в какую-нибудь область исследования, мы прежде всего обращаемся к изучению того, что по этому вопросу сделано, и только исходя из него переходим к неизвестному, к творческой добыче нового. Другого пути нет.

* * *

История понимания значения изучения естественных производительных сил России может быть в сжатой схеме выражена следующим образом. Оно сознательно, тогда в широких формах, проводилось в течение всего XVIII в. Здесь оно велось при поддержке правительства, иногда в большей, иногда в меньшей степени, Петербургской Академией наук, причем главными работниками, душою дела, были благородные ученые – академики, в значительной мере иностранцы – французы, швейцарцы, немцы разных государств, отдавшие России и русскому народу свои лучшие силы. С ними вместе уже с самого начала принимали участие в этой работе русские ученые. До 1770-х годов, еще при Екатерине II, русские академики и академики-немцы стояли вне влиятельных кругов русского общества. Академия не давала чинов, и медленно входили русские разночинцы в среду влиятельного русского общества. Не один Ломоносов был в это время из крестьян – разночинцами были почти все выдающиеся академические ученые – и Крашенинников, и Красильников, и Головин и т.д. Эта работа Академии наук встречала иногда поддержку в правительственной власти, проникнутой культурной средой иноземцев, массой вошедших в состав правящих и зажиточных кругов русского государства в то время, или немцев Остзейского края, связанных со старой немецкой культурой, хотя Остзейский край в это время вовсе не являлся крупным идейным и культурным центром с точки зрения немецкого масштаба. Центр работы вносился иностранцами.

Эта работа закончилась к концу века и была, как мы увидим, огромна.

В XIX столетии она замерла. Здесь можно отметить только своеобразную работу правительственных сил, среди которых выдвигается деятельность графа Егора Францевича Канкрин – долголетнего министра финансов, иностранца, ставшего русским и опиравшегося большей частью на крупных мировых

ученых, частью на Академию наук, сохранявшую свой отдельный от русской жизни отпечаток, и, может быть, даже еще более связанную в то время – время императора Николая I – с немецким обществом в России, чем это было в XVIII в.

Во второй половине XIX в. мы видим проявление более активного участия русского общества в изучении естественных производительных сил. В это время деятельность русских ученых, тесно связанных с правительственными организациями и с высшими школами, стала очень заметным фактором этой работы. Работа в области познания естественных производительных сил шла не очень быстро и сознательно, однако постепенно создавались необходимые для этой цели организации. В XIX столетии трое ученых пытались выдвинуть значение этой работы в сознании русского общества – академик К.М. фон Бэр, А.Ф. Миддендорф и Д.И. Менделеев, но их мысли охватывали только отдельных людей, а не широкие круги русского общества. Направленные к этой цели организации начинались при малых средствах, при ничтожной поддержке правительства – так начиналась организация Главной физической обсерватории, Ученого сельскохозяйственного комитета, Геологического комитета.

Лишь в XX в. начинается в этой области более сильное и глубокое течение большого масштаба. Ибо изменяется мировое понимание изучения естественных производительных сил, меняется масштаб государственной политики создание Сибирской железной дороги и связанного с ней Комитета, сознание изучения естественных производительных сил стало распространяться в среде русского общества. Уже во время войны, в 1915 г., это движение благодаря выступлению Российской Академии наук в тесной связи с другими организациями и высшими школами России получило новое направление, задержанное, но не разрушенное тяжелым переживаемым кризисом. Наоборот, все указывает на то, что впервые есть данные для его расцвета. И, как я уже указывал, в этом есть настоятельная необходимость...

* * *

Мы подходим к новым изменениям в понятиях.

1. Силы природы, доступные нам сейчас, очень ограничены; если мы будем брать их в современном состоянии и в современных методах использования, железа хватит на 50–60 лет, фосфатов для удобрения – в том же роде, нефти – тоже, угля – на 200–300 лет, золота – еще меньше. Плодородные почвы выработаны, увеличение урожайности прежними приемами все дорожает по количеству затрачиваемой энергии.

2. Основной задачей государственной политики является овладение силами природы для всего человечества, организацией всего человечества. Изыскание новых сил природы, использование новых форм энергии становится очередной задачей дня. Это может быть вопросом не долгих столетий, а немногих десятилетий, а может быть, и лет. Мы переживаем в науке такие возможности, которые делают допустимым переворот всей жизни человечества в связи с новыми научными открытиями.

3. Организация научной творческой работы является основной задачей государства. Организация распределения богатств является второстепенной перед организацией их интенсивного и быстрого создания. Ибо самое правильное, самое равномерное распределение, самое коммунистическое

не даст ничего серьезного и прочного, если нет в достаточной мере того, что надо распределять: без науки его не создаст ни труд, ни любая форма организации жизни...

III

...Толчок дал император Петр I – удивительная личность в истории нашей страны и нашего народа, с ярким проявлением воли и поразительной трудоспособностью, с огромным синтетическим творческим умом, с сознанием долга, чувством своего более высокого уровня, приведившим его к резкой ломке других личностей и к жестокости. Это был человек совершенно исключительных ума, воли и страстей, не всегда сдерживаемых.

Петр сознательно обратил внимание на значение изучения естественных производительных сил для России и создал для этого необходимый аппарат... Несмотря на то, что он начал эту работу в конце жизни, примерно с 1717 г. ...

Для того чтобы оценить эту деятельность Петра, надо понять круг тех идей, которые он воспринял и которые росли в его время.

Эти идеи были:

1. Идея о значении науки и знания как будущем реорганизаторе человечества.

2. Идея о значении для страны благоприятного торгового баланса, идея так называемого кольбертизма.

3. Идея о государственном управлении как хозяйственном управлении, научно правильном извлечении доходов на государственное хозяйство с помощью государственного механизма. В петровское время это выразилось в любопытных, имевших большое будущее и еще недавно возрождающихся у нас представлениях о так называемых камеральных науках.

Эти идеи имели в начале XVIII в. разную судьбу, и в нескольких словах я скажу о них...

Значение науки. Эпоха Возрождения и создание новой науки в XVI–XVII вв. привели к созданию международной республики ученых с общим латинским языком и очень неувловимыми формами организации, но игравшей в эти века большую роль, большую, чем думают историки. Это очень любопытная сторона... Организация научной работы академий. Первое – Лондонское королевское общество, связь которого с идеями Бэкона может быть явно прослежена...

Кольбертизм. Идея государственной работы для того, чтобы собирать в стране признаки богатства – деньги. Выгодно их больше иметь, т.е. больше вывозить [товаров], чем ввозить... Представление о меркантилизме. Это течение в той форме, в какой провел его в жизнь один из величайших государственных людей, французский министр Кольбер, явилось в унисон с развитием значения науки. Создание им Парижской академии наук и широкая помощь научным работам во всех видах...

Петр Великий жил в атмосфере этих идей. Его первые начинания в этой области имели характер отдельных попыток.

Организация исследования Севера и Сибири. Экспедиция Беринга, которая затем выразилась в Великой Северной экспедиции (1733–1742), – одно из величайших мировых достижений...

Но в общем – в основе – создание Академии наук явилось тем могучим орудием, которое позволило довести – худо ли, хорошо ли, но до конца задание, поставленное Петром I. Петр провел устав Петербургской академии по типу Академии Кольбера – Парижской академии. Это, кажется, единственный пример подобного рода. Петр ясно сознавал то, что сделал. Сохранился любопытный документ – [«Разговор о пользе наук и училищ»] Татищева. Академия сохранилась при преемниках Петра. Трудно пробивалась – не было средств...

1921–1922

ГИТЛЕРИЗМ – СМЕРТЕЛЬНАЯ УГРОЗА ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ*

Ученые Советской страны обращаются к передовым людям во всех странах мира со жгучим протестом против дикого вандализма гитлеровских орд.

Разбойничьи полчища немцев уже давно заставили содрогнуться весь мир перед насилием, которое они учинили в оккупированных странах Европы. Но все это бледнеет перед чудовищными злодеяниями германских варваров в войне против СССР. С хладнокровием и цинизмом профессиональных бандитов немцы, не щадя стариков и детей, убивают и грабят мирных жителей, подвергают изощренным пыткам пленных красноармейцев, насилуют женщин. Немецкая армия покрыла себя несмываемым позором. Все понятия о воинской чести она цинично растоптала в прах.

Преступный, обдуманный вандализм немецко-фашистских орд с предельной ясностью проявляется в кощунственном надругательстве над святынями русской и мировой культуры. Исторические памятники, известные всему миру и дорогие сердцу каждого советского гражданина, с садистской жестокостью подвергаются уничтожению. В селе Михайловском фашистские мерзавцы разрушили ценнейшие памятники, связанные с именем гениального русского поэта Пушкина. Они надругались над памятником Мицкевича во Львове и над памятником Шевченко в Каневе. С ужасающей наготой злодеяния фашистских варваров обнаружилось в городах и селениях, ранее захваченных немцами и ныне освобожденных доблестной Красной Армией. В городе Клин с бессмысленным озверением разграблен и разрушен дом-музей Чайковского, где композитор создавал оперы и симфонии, которые ценит и любит весь мир. В Ясной Поляне памятные места, связанные с жизнью и творчеством гордости русской и мировой литературы Льва Николаевича Толстого, осквернены и разгромлены. Советские ученые разделяют со всем народом боль, негодование и справедливое чувство неукротимой мести, вызванное вестью об этих отвратительных злодеяниях немецких фашистов. Эти злодеяния не случайны. В них претворена вся программа фашистского чело-веконенавистничества, в них видна вся мера невежества, подлости и одичания, какие годами воспитывал в немецком обывателе обер-бандит Гитлер. Это его маниакальный бред о физическом истреблении целых народов с их тысячелетней культурой толкал фашистских гангстеров на бессмысленное разрушение памятников национальной культуры.

* Вестник РАН, 1942, № 1, с. 26–27.

Фашистскими негодьями в их омерзительных бесчинствах в Клину и Ясной Поляне руководила тупая и злобная ненависть гитлеризма к культуре и искусству, ненависть к идеям гуманизма, свободы и братства народов, идеям, воплощенным в творчестве Чайковского и Толстого.

Разумеется, не прусским фельдфебелям уничтожить великую культуру русского народа, культуру, давшую миру Ломоносова и Лобачевского, Пушкина, Глинку и Чайковского, Толстого и Горького. Советская страна, в союзе с великими демократиями мира, выжжет огнем и железом фашистскую чуму и обеспечит культурный прогресс человечества. Но мы, ученые Советской страны, еще и еще раз обращаем внимание мирового общественного мнения на то, какую смертельную угрозу всем культурным завоеваниям народов несет с собой гитлеризм. Фашизм и культура, фашизм и наука, фашизм и творческий созидательный труд – несовместимы. На полях Советской страны сейчас развертывается историческая битва между силами свободы, культуры, разума и прогресса и самыми реакционными зверскими и деспотическими силами, какие когда-либо знала мировая история. От исхода этой битвы зависят судьбы мира, судьбы цивилизации, судьбы величайших культурных ценностей, завоеванных человечеством в трудной борьбе на протяжении тысячелетий. Кровавые и позорные деяния фашистских полчищ с непреложностью доказывают, в какую мрачную бездну дикости и озверения хочет бросить народы мира преступный безумец Гитлер.

С чувством глубокого негодования протестуя против вандализма немецко-фашистских людоедов, ученые Советской страны призывают всех честных людей во всем мире удвоить свои усилия, теснее сплотиться вокруг СССР, Великобритании и Соединенных Штатов Америки для того, чтобы добиться окончательной победы над нацистской Германией.

Академики: В.Л. Комаров, О.Ю. Шмидт, Е.А. Чудаков, А.Н. Колмогоров, А.Н. Бах, П.И. Степанов, Л.А. Ордели, В.П. Никитин, А.М. Деборин, Е.С. Варга, И.И. Мещанинов, А.А. Богомолец, А.Я. Вышинский, Т.Д. Лысенко, В.Н. Образцов, А.Е. Ферсман, М.Б. Митин, А.И. Абрикосов, А.А. Байков, И.П. Бардин, В.И. Вернадский, И.М. Виноградов, Б.Г. Галеркин, Б.Д. Греков, Н.С. Державин, Н.Д. Зелинский, А.Ф. Иоффе, П.Л. Капица, М.В. Кирпичев, В.А. Кистяковский, Н.Е. Кочин, Г.М. Кржижановский, А.Н. Крылов, В.Ф. Миткевич, Н.И. Мухелишвили, С.С. Наметкин, С.П. Обнорский, В.А. Обручев, И.А. Орбели, М.А. Павлов, Н.Д. Папалекси, Д.М. Петрушевский, В.Л. Поздюнин, М.М. Покровский, А.Е. Порай-Кошиц, Л.И. Прасолов, Д.Н. Прянишников, Ф.А. Ротштейн, Н.Н. Семенов, К.И. Скрябин, С.Л. Соболев, А.Д. Сперанский, Е.В. Тарле, А.М. Терпигорев, А.Н. Толстой, И.А. Трахтенберг, А.Е. Фаворский, А.Н. Фрумкин, В.Г. Хлопин, Н.В. Цицин, С.А. Чаплыгин, Н.П. Чижевский, К.И. Шенфер, П.П. Ширишов, М.А. Шолохов, Л.С. Штерн, Е.М. Ярославский

БУДУЩЕЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

I

Старая и новая интеллигенция

Прежде всего, старая государственная форма России умерла и никогда не вернется. Мечтать о реставрации могут только люди, абсолютно лишенные чутья реальной действительности. Но не вернется и старая форма русской интеллигенции. Она погибла в обломках революции, и это хорошо, ибо вина за многое, что совершилось и совершается, лежит на ней, старой русской интеллигенции.

Никогда в истории не было примера, чтобы мозг страны – интеллигенция – не понимала, подобно русской, всего блага, всей огромной важности государственности.

Не ценя государственности, интеллигенция, несмотря на длительную борьбу за политическую свободу, не знала и не ценила чувства свободы личности. Живя в огромном государстве, со столь же огромными естественными богатствами, интеллигенция совершенно не была связана с производительными силами страны, ничего не делая для развития этих сил.

И еще – русская интеллигенция была даже не атеистична, она была аре-лигиозна; она пыталась прожить, не замечая религиозных вопросов, замалчивая их.

Так было.

Но так не будет.

В огне и буре великой небывалой разрухи идет процесс не только борьбы материальных сил, но и процесс огромного внутреннего перерождения.

Создается новая интеллигенция.

Только глухие и незрячие этого не замечают.

Новая интеллигенция – для новой России.

Новая Россия, будет ли она меньше в своих границах, чем раньше, как думают многие, *или больше*, как думаю я, – но она будет *единой*. Может быть федеративной, может быть с широкой областной автономией, но единой.

И новая русская интеллигенция будет понимать и ценить это единство. Новая интеллигенция отдаст свои силы, свои знания великой работе по развитию производительных сил государства.

Черты этой интеллигенции вырисовываются. Замечающийся сейчас интерес к религиозным вопросам, попытки возрождения реального православия являясь фактом громадной важности. Напрасно многие боятся этого как симптома реакции и застоя. Нет. История говорит нам, что человеческая мысль в области научного знания может постигать новое, а не топтаться на одном месте, только если рядом с научным творчеством идет широкое творчество религиозное. *И теперешнее религиозное движение в России таит в себе залог будущего расцвета русской науки.*

– Итак, создается новая интеллигенция, и грядет новая Россия. В ней не будет места Обломовым и героям Чехова. И соответственно новым задачам должна быть построена новая школа.

II

Интеллигенция и наука

Моя лекция является первой из целой серии лекций, посвященных изучению естественных производительных сил Крыма. Специалисты разных областей изложат Вам те данные, которые могут быть научно связаны с разными сторонами той части России, в которой мы живем.

Моя задача иная – мне предстоит объяснить Вам то значение, какое имеет работа этого рода в переживаемый нами момент времени, выделить то общее, которое связано с этим частным случаем.

Я должен буду касаться – в значительной мере – не тех конкретных данных точного знания, среди которых движется моя мысль, но общих положений, тесно связанных не только с научным, но и с общественным, и с моральным мировоззрением человека. Ибо я считаю поднятые в этой серии лекций вопросы имеющими глубокий смысл. Привыкши идти путем точной индукции, переходить от частного к общему, я и здесь останусь верным этому исконному пути натуралиста, тому пути, который приводит человечество к тем великим научным завоеваниям, которые, по моему убеждению, в действительности заставляют его проделывать работу, выходящую в своем значении за пределы нашей планеты. Я буду искать общего, исходя из частного случая. Переживаемый нами сейчас разгром всей сложившейся веками государственности, огромные опасности, угрожающие росту и развитию нашей умственной культуры нередко в последнее время вызывают сомнения и в ценности научного знания вообще, и в прочности тесно связанной с наукой технической оболочки культуры XX столетия. Кажется, точно все рушится, и этот наблюдаемый нами и нами тяжело переживаемый социальный процесс идет так глубоко, что может привести к повторению в истории человечества того падения культуры, которое мы переживали для средиземноморской культуры в первые века средневековья или дальневосточной культуры к более поздним временам того же периода западноевропейского человечества.

Мне представляются эти опасения противоречащими тому значению и тому положению, которое занимает наука нашего времени.

Никогда еще в истории человечества не было такого периода, когда наука так глубоко охватывала бы жизнь, как сейчас. Вся наша культура, охватившая всю поверхность земной коры, является созданием научной мысли и научного творчества. Такого положения еще не было в истории человечества, и из него еще не сделаны выводы социального характера.

Вдумываясь в происходящий процесс роста научного развития, можно убедиться, что этот рост не является случайным явлением, он имеет характер стихийного, т.е. естественного, процесса, идущего на земной поверхности и связанного с изменениями, происходящими в биосфере.

Я не имею возможности в этой лекции касаться этого вопроса во всей его совокупности, для этого потребовалось бы столько времени, сколько нет в моем распоряжении. Но я все же попытаюсь в немногих словах дать здесь понять и почувствовать, что я имею в виду.

Человечество, взятое в целом, не безразлично в стихийных, естественных процессах, идущих на земной поверхности. Оно здесь теснейшим образом связано с другими организмами и совершает с ними вместе огромную оп-

ределенного рода геологическую работу. Если бы эта работа прекратилась или изменилась, это сказалось бы очень резко на ходе естественных геологических процессов. Составляя часть остальных организмов – живого вещества, – человек чрезвычайно меняет всю работу живого вещества. Он вместо прежней природы создает новую культурную природу, резко меняет облик земной коры. Если мы сравним этот облик – и оценим эту работу – в связи с тем обликом девственной природы, которая существовала тысяч 20 лет тому назад в даунский период четвертичной эпохи, мы можем убедиться, какая огромная геологическая работа производится человечеством и какую геологическую силу представляет человеческая культура.

Чрезвычайно характерно, что вся эта работа всегда шла в одном и том же направлении. Остановки культуры, которые мы наблюдаем, были всегда связаны с расширением – географическим – ее области. Мы ни разу не видели понижения культуры, которое не было связано с захватом в культурный обмен новых областей, новых народов и с повышением для них культурного уровня. В общем, неизменно все время шло расширение области, захваченной культурой. Эту общую картину не меняют отдельные случаи частичных временных заминок и колебаний.

Мы имеем здесь типичную картину стихийного геологического, естественного процесса. Мне пришлось его изучать в одном его проявлении – в химических процессах земной коры, в геохимических проявлениях. В этих явлениях роль живого вещества – организмов – колоссальна; без них вся химия земной коры пошла бы иначе. В этих процессах среди живого вещества – особенно на суше – чрезвычайно роль человечества, и его геохимическое значение увеличивается с каждым столетием. Всякое повышение культуры связано с увеличением его геохимического значения. Все тенденции, которые мы наблюдаем в окружающей нас истории, которые повышают культурную силу человечества, увеличивают его геохимическое значение.

Чрезвычайно характерно, что геохимическая роль культурного человечества совершенно соответствует геохимической роли живого вещества. Она идентична по своему характеру и различна лишь по своей интенсивности. Человек и микроорганизмы – самая могучая форма геохимического воздействия живого вещества – производят работу одного и того же рода, (что) одинаково отражается на ходе геохимических процессов.

Значение культурного человечества увеличилось со времени окончательного создания новой науки, точного знания, охватившего и наше мышление, и нашу обыденную жизнь. Мы видим постепенное, все увеличивающееся значение этого процесса с конца XV столетия; кривая воздействия человечества (на природу) быстро поднимается, и никакого намека на поворотный пункт или на замедление этого подъема не наблюдается.

Мысленно и возможно – в философской области – гадать о возможности такого поворота, – но ученый должен основываться не на мыслимости данного процесса, но на его реальном проявлении. Реального проявления уменьшения геохимического значения человечества мы не наблюдаем. А следовательно, не наблюдаем и признаков упадка культуры. В то же самое время сейчас культурное человечество захватило весь земной шар, дальше ему распространяться нельзя. Понижение культуры вроде того, которое наблюдалось раньше, когда культурные рамки захватывали новые племена и области

варваров, сейчас невозможно – ему не может быть места в реальной обстановке действительности.

Единственное возможное понижение высоты культуры возможно благодаря поднятию уровня социальных низов, представляющих некоторую аналогию варварским состояниям народов средневековья. Но эти падения уровня культуры, очевидно, не могут быть сравниваемы, напр[имер], с тем, что пережило человечество при падении Западной Римской империи.

Такое состояние культурного человечества тесно связано с его культурным ростом, и на первом месте – с ростом основанной не на бессознательном массовом творчестве, как это было раньше, техники, но на технике, тесно связанной с наукой.

Наука представляет ту силу, которая спасает человечество, не дает ему опуститься, является той силой, которая совершает человеческую работу, в частном случае – геохимическую, им совершаемую.

Силой, делающей эту работу, является сознание и воля человека, выраженные в форме науки.

Рост науки увеличивает силу человечества, увеличивает его геохимическую работу; (он) необходим и неизбежен в том стихийном процессе, в котором мы бессознательно участвуем.

Можно находить в этом успокоение и удовлетворение, если потребность этого чувствуется в переживаемый тяжелый момент анархии, развала жизни и расстройств государственной и общественной жизни.

Мне кажется, что в ходе исторических событий вообще не может быть безразличной такая связь жизни человечества с стихийным геологическим процессом, но здесь я этого не буду касаться. Мне важно лишь заметить, что падение культуры и рост научного знания тесно связан[ы] с гораздо более мощным естественным процессом, независимым от воли и сознания человечества, и что, если мы видим признаки в жизни человечества обратного характера, они не могут быть длительными. Структура человеческой жизни должна – и неизбежно будет – изменена в том направлении, которое соответствует тому естественному стихийному процессу, в который как неизбежное звено входит культурная работа человечества.

Как будет изменена картина исторической жизни, как приспособится человечество к стихийному естественному процессу, мы не знаем, но мы можем действовать в сознании того направления, которое этому содействует, и можем быть уверены, что понимая так историческую обстановку, мы имеем большие шансы на успех в наших начинаниях.

Очевидно, легче и проще всего нам действовать в направлении, меняющем в нужной мере научную работу, ибо наука является той силой, которая подымает и создает в значительной мере геологическое значение культурного человечества.

К рассмотрению нужной для этого организации науки нам и предстоит сейчас перейти. Но прежде я хочу сказать несколько слов о той основной мысли – неизбежности развития и роста техники и науки, о которой я сейчас говорил, и независимости его от воли человека.

III

Интеллигенция и народное образование

Я приступаю со страхом и смущением к изложению, т[ак] к[ак] тема огромна и т.д.

Не давал это потому, что 1) важнейшая работа сейчас для русск[ого] общ[ества] передумать основы будущей России. Придет момент – придется действовать, будет поздно думать, 2) необходимо самое [неразборчиво – Публ.] до конца [неразборчиво – Публ.] всех [неразборчиво – Публ.].

Старая Россия не вернется. Реставрация старого госуд[арственного] строя после пережитого так же невероятна, как реставрация старого русск[ого] обществ[енного] строя и старой интеллигенции.

Новая Россия может быть охарактеризована в немногих чертах:

1. Сохранение единства России в составе великого государства. Русское общество не понимало и не ценило великого блага – большого государства.

2. Неосуществимость старого централизма власти – того централизма, который характеризовал старую Россию и до известной степени теперешнюю советскую.

Россия может быть только федералистической или состоящей из широко автономных провинций. Для организации н[ародного] образования это имеет огромное значение.

3. Какая бы власть в России ни была – монархическая или республиканская – безразлично, неизбежно то давление на внутреннюю жизнь общества, какое производилось или производится, напр[имер], монархической самодержавной властью старой России или же диктатурой ком(м)унистов при республиканской организации власти.

4. Немыслима организация государства при бесправном – de jure или de facto – положении творческих производительных сил страны, из них главнейшие – крестьянстве и интеллигенция. В той или иной форме это наблюдалось в самодерж[авной] России и наблюдается в советской.

Наряду с такими госуд[арственными] осн[овами] будущей новой России необходимо считаться и с резким изменением общества, т.е. интеллигенции, той активной умственной силы страны, значение которой теоретически правильно учитывается в тех умств[енных] течениях, которые лежат в основе идейной стороны большевизма; труднее, чем госуд[арственную] орг[анизацию], определить – но т[ак] к[ак] для организации школы это необходимо сделать – я попытаюсь [неразборчиво – Ред.].

Очевидно русск[ая] интеллигенция после переж[итого] будет не та, как была раньше. Этот перелом совершается и составляет огромную силу будущего. Реставраторы полит[ического] строя старой России и идеологи старых задач интеллигенции, ничему не научившиеся и не вздрогнувшие в своих основах от происходящего, явно не имеют будущего.

Я попытаюсь указать те черты своего «я», которые интеллигенция русская должна неизбежно потерять. Приобрести же она должна следующее.

1) Интеллигенция русская наконец почувствует то значение и ту силу, которую она должна иметь для блага и роста государства. Она творец культуры и она (же) является эксплуатир(уемой).

2) Русская интеллигенция все время носила восточные черты безразличия к свободе. Идеино не было на европейском континенте другой интеллигенции, которая так мало бы ценила свободу личности.

3) Русская интеллигенция чрезвычайно мало была связана с производительным трудом.

4) Русская интеллигенция была безразлична к одному из величайших проявлений духовной жизни человечества – религиозной жизни.

5) Русская интеллигенция не была связана с государством и не ценила государство.

6) В связи с этим, с чертами героев старого крепостничества, Обломова и героев Чехова, русская интеллигенция не проявила в достаточной мере активности и не защищала свои интересы, т.е. интересы духовной силы русской интеллигенции.

Едва ли есть сейчас вопрос более ответственный, более глубокий и более требующий от нас вдумчивости и творчества, чем широко и глубоко поставленный вопрос о народном образовании.

Он велик даже в наше время, когда перед каждым вдумывающимся в окружающее человеком стали мучительно и властно все коренные вопросы бытия.

Ибо наше время – время крушения государства, полного развала жизни, ее обнаженного цинизма, проявления величайших преступлений жестокости, время, когда пытка получила свое этическое обоснование, а величайшие преступления, вроде Варфоломеевской ночи, выставлялись как идеал, время обнищания, голодания, продажности, варварства и спекуляции – есть вместе с тем и время самого искреннего, полного и коренного подъема духа. Это время, когда все величайшие задачи бытия встают перед людьми как противовес окружающим их страданиям и кровавым призракам. Сейчас каждый из нас должен искать устоев новых для жизни, проверить богов, которым он поклонялся, совершить в своей душе переоценку духовных ценностей.

Хочет или не хочет человек – он должен это сделать, так как он не может жить в рамках старого, покойной и тихой жизни нет, и уйти в квиетизм он не может – если только он не уйдет из своей страны и из среды своего народа.

Но те вопросы, которые сейчас в реальных формах стали перед человечеством, выходят за пределы одного народа – это вопросы вечные.

Я считаю неизбежно идущую кругом эту великую духовную работу величайшим делом и более сильной и важной чертой момента, чем все те события, которые нам, современникам, кажутся важными и первоочередными.

Будущее делается ими, и от того и другого духовного облика, выносимого нами из переживаемого, зависит окончательный результат мировой трагедии.

Не только реальны материальные разрушения и перемещения богатств – но еще более реальны духовные переживания. Страдания и разочарования, новые лозунги жизни, оживленные старые, старое, понятое наново, и новое, влившееся в старые рамки, – духовное переживание и освещение событий, их понимание и духовное восприятие их человеком более важно, чем становление материальных сил и элементарных страстей человека.

Меня не смущает, что сейчас те лица, в глуби духовной силы которых совершается сейчас огромная, невидная пока работа, как будто не участвуют

в жизни. На виду б[ольшей] ч[астью] не они, а другие люди, действия которых не обузданы духовной работой. Но все это исчезнет, когда вскрыется тот невидимый во внешних проявлениях процесс, который является духовным результатом мирового человеческого сознания. Он зреет; время его придет, и последнее властное слово скажет он: а темные силы, всплывшие сейчас на поверхность, опять упадут на дно...

Я хочу сейчас остановить Ваше внимание на вопросе, который, кажется мне, не обращает на себя достаточно внимание русского общества. Об нем не думают и об нем не говорят. Его трудно решать и трудно вводить в жизнь.

Нет сейчас вопроса более срочного и более важного, чем вопрос о народном образовании.

Нет вопроса, о котором мы должны были бы больше думать и больше рассуждать даже если бы в данный момент мы могли бы по нем мало сделать.

Ибо придет время, когда не будет времени об нем думать, а надо будет решать, и трудно будет решать русскому обществу, которое об нем не успело достаточно подумать и пережить его.

Ибо сейчас нельзя жить по старым рецептам, особенно таким, какие были у нас в этом отношении за последние десятилетия.

Я думаю, что в значительной мере все переживаемое находится в теснейшей связи с той легкомысленной небрежностью, с каким русское общество поколениями относилось к вопросам народного образования.

Мы должны пересмотреть все основы нашей жизни – пересмотреть смело, до конца, тронуть самое дорогое – ибо в том, что произошло, мы все виноваты и мы все обязаны понять урок жизни и найти выход из этого положения, в каком мы сейчас находимся – из междоусобной войны, из царства нищеты, голода, морального издевательства, диктатуры, не оставившей человеку ни одной свободной стороны жизни.

В народном образовании заинтересовано государство, семья, человеческая личность, общественные организации.

С ним связаны теснейшим образом такие великие творения духовной жизни человечества, как наука, философская мысль, религия, художественное творчество.

МЫСЛИ НАТУРАЛИСТА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ СЛАВЯНСКОЙ НАУЧНОЙ РАБОТЫ НА ФОНЕ МИРОВОЙ НАУКИ*

I

1. Мы живем в эпоху, небывалую в истории человечества – в эпоху мировых войн, охвативших почти все государства, весь земной шар. Два независимых центра потрясений выявились почти одновременно: Европейский в 1914 году и Дальневосточный – в 1911. Первая мировая война явилась пред-

* Неопубликованная статья Вернадского / Публ. подготов. И.И. Мочалов // Научное наследие В.И. Вернадского в контексте глобальных проблем цивилизации: Докл. межгос. конф. (Крым, 23–25 мая 2001 г.). – М.: Ноосфера, 2001, с. 157–163.

дверием еще более сильного потрясения. Через одно поколение – через 21 год, – в 1939 году, началась в Европе вторая фаза, только еще достигающая наибольшего выявления. Эта вторая фаза тесно связана с Дальневосточным фокусом потрясений, где с 1911 года – 31 год – война не прекращается, а сейчас она охватила Тихий океан. Развернулась война, тысячелетия в Европе небывалая, варварская по своей идеологии, война с новой задачей – *истребления населения*, очищения от него территории. Немцы Гитлера вернулись к идеологии своих предков – вандалов.

Война началась под лозунгом *восстановления рабства* для побежденных, для Славян в первую очередь. Она захватила, по крайней мере, три четверти, если не больше, населения нашей планеты. От нее страдает все человечество.

Эта война разразилась как раз тогда, когда, во-первых, человек *впервые в своей истории распространился по всей поверхности планеты* и когда впервые нет в ней ни одного уголка, где бы он научно не охватывал область своего заселения. И, во-вторых, тогда, когда все человечество фактически объединено в единое экономическое целое, когда передвижение человека и перевозка вещей достигли небывалой быстроты – многих сотен километров в сутки и когда эта скорость с каждым годом увеличивается. И в то же время через радио и телевидение человек может общаться, слышать и даже видеть на расстоянии в тысячи километров почти мгновенно.

2. *Человечество едино*. Это выражается не только в способности его давать плодovitое потомство, какой бы расы человек ни был. Но мы научно знаем, что в прошлой его доистории он являлся кровной смесью разных родов и видов, потомство которых в наше время выявилось как единый вид *Homo Sapiens*.

Единство всего человечества, без различия рас и цвета кожи, есть точно установленный *научный факт*. Оно вошло, однако, в общее сознание не научным путем, а тысячелетия назад изошло из великих религиозных построений прошлого – христианства, мусульманства, больших исканий философских и религиозных Индии и Китая¹. Оно поставлено сейчас под сомнение. Силой оружия, насилием и завоеванием Германия, Япония и Италия, его не признающие, пытаются повернуть назад ход истории как раз в *ноосфере*. Идея безумная.

3. Те же причины, которые, в конце концов, определили характер войны, сказались и в другом большом планетном процессе – *в резком изменении геологического положения человека на нашей планете*. Эти причины всюдность человечества и колоссальный подъем наук о природе и техники, которые дали в руки человека могучее средство изменять окружающую его природу. Употребление его на войну, на *самоистребление*, есть проявление, не вытекающее *из естественного хода процесса*, – наоборот, ему противоречащее. Это проявление злой воли человека. Человек не есть независящее от окружающего, самодовлеющее существо на нашей планете, а есть организованная составная часть определенной геологической оболочки биосферы, в которой он эволюционным путем образовался с ходом времени в миллиар-

¹ Древняя еврейская религия, из которой изошли христианство и мусульманство, исторически была всечеловеческой.

ды лет и изошел из предков, живших в море, водных организмов во всяком случае.

Прежде чем идти дальше, надо отметить одно совершенно забытое *крупное научное обобщение*, которое было сделано в начале 1850-х годов, за три года до Дарвина и Уоллеса, североамериканским ученым *Д. Дана* (1813–1895). Дана установил факт без всяких объяснений, я выражу его современным языком, а не так, как высказал его Дана. Мне кажется, это научное обобщение не вызывает сомнения и может быть легко проверено, если желающий обратится к любому учебнику палеонтологии, где на это не указывается, но легко в нем проверяется.

Дана показал, что в ходе эволюционного процесса неизменно усложняется и утончается *центральная нервная система*, т.е. мозг, причем в ходе геологического времени наблюдаются остановки, но на протяжении более пятисот миллионов лет *нет ни одного случая обратного явления*. Дана назвал этот процесс *энцефалозом*. В последние 10–15 миллионов лет, когда образовался мозг человека, этот мозг является наиболее тонким и совершенным. Очевидно, на человеке процесс не кончится. 15 миллионов лет – мелочь в масштабе Земли. Это только 1/30 времени, прошедшего с начала протерозоя.

4. Энцефалоз Дана проявляется только в определенной геологической оболочке нашей планеты – в биосфере¹. Здесь сейчас происходит пересмотр основных идей.

В начале XX века резко выявилось, что в наш век происходит крупный подъем значения человека как *геологической*, раньше небывалой, *силы*. В связи с этим почти одновременно, независимо друг от друга, русский *геолог А.П. Павлов* (1854–1929) указал, что переживаемая нами геологическая эра (конец четвертичного периода) есть *антропогенная эра*, а ныне здравствующий североамериканский геолог *Ч. Шухерт* назвал ее психозойской эрой. Это эра господства человека².

В последнее время это представление получило другое, более конкретное выражение. *Вхождение цивилизованного человека в биосферу коренным образом ее меняет*. Девственная природа исчезает все с большей быстротой, и человек все ярче и ярче выступает как *решающий геологический фактор в истории планеты*. Достаточно привести один пример – то значение, которое на Земле приобретают такие свободные металлы, как железо (редкий природный металл), алюминий (до человека не существовал), магний (то же), цинк, свинец (раньше минералогические редкости). Сейчас все эти металлы и их сплавы встречаются на каждом шагу и количество их с ходом времени растет в геометрической прогрессии, как растет все живое и все изделия-машины человека.

Геологическая роль человека выявляется его *разумом* и его *техникой* и может быть рассматриваема, как все более и более сознательное изменение им окружающей природы, ее им переработки. В связи с этим можно выразить происходящий процесс как геологический процесс изменения жизнью и тру-

¹Моя статья «О геологических оболочках Земли как планеты» печатается в ближайшем выпуске «Известий Академии наук», отдел геофизики и географии.

²Развивая идеи Леконта, тоже крупного североамериканского натуралиста.

дом человека *биосферы*, перевод ее в *ноосферу*, т.е. в область жизни, управляемую разумом¹. Этот шаг был сделан в 1924 году французским математиком и философом *Ле Руа* и французским же крупным палеонтологом (теперь в Китае) *Шарден де Тейяром*. Они, мне кажется, правильно указывают, что мы наблюдаем и переживаем геологические изменения биосферы, переход ее в новое состояние – в *ноосферу*.

II

5. Перейдем теперь к основной теме статьи – к *славянской организованной научной работе*, т.е. к организации совместной работы в научной области разных славянских народов.

Такая организованная работа играла очень малую роль до сих пор во всех славянских странах, и это, можно сказать, содействовало той катастрофе, которую приходится им сейчас переживать.

Наибольшей формой такой организации был Союз Славянских Академий, который, мне кажется, наиболее проявил себя в издании большой незаконченной «Славянской энциклопедии». Это было еще до начала нашей революции, в старой Академии наук в Петербурге, где в это время был ряд крупных славистов – А.А. Шахматов, В. Ягич и др. История славяноведения в этой энциклопедии, написанная по первоисточникам, была дана югославским славистом В. Ягичем, который работал в Академиях Петербурга и Вены. Она включает драгоценный научный фактический материал, однако требующий, насколько могу судить, критического отношения к сделанным из него выводам.

Славяноведение и его история играли большую роль в культурной научной жизни славян, находившихся под властью чуждых им государств – Германии, Австро-Венгрии, Италии и Турции. В единственном славянском государстве, которое существовало как самостоятельное и независимое к началу первой мировой войны, к 1914 году, – в империи Российской – славяноведение не играло сколько-нибудь заметной роли в ее общей культуре. В то же время славянские народы, входившие в состав бывшей Российской империи, должны были бороться за свою культурную самобытность точно так же, как боролись их соплеменники в чуждых им по языку и истории государствах. Нередко славянское русское государство еще более стесняло культурную жизнь поляков, белорусов и украинцев, чем неславянские государства, в которых им приходилось жить.

В славяноведении, помимо научных задач, жизненное значение имела всегда идея политическо-национального освобождения. Лучшие люди шли туда. Русским в России, если они не принадлежали идейно к белорусам, украинцам, полякам, т.е. огромному славянскому большинству царской России, славяноведение было чуждо.

Положение резко изменилось после первой мировой войны – после падения Российской империи и образования более демократических республиканских государств вместо монархических Турции, России, Германии,

¹ От греческого слова «ноос» – разум. Влияние разума человека на геологические процессы по существу нам непонятно. Я не могу здесь на этом останавливаться. Североамериканский ученый проф. А. Лотка – один из немногих – касался этого вопроса в своей интересной книге «Физическая биология» в 1925 году.

Австро-Венгрии. Образовался ряд новых государств для подавляющей части славянских народов.

6. Впервые после многих веков создались новые демократические государства, построенные на национальной основе, – *Чехословакия* (из частей Венгрии и Австрии) впервые после начала XVII века (через 200 лет после крушения старого Чешского королевства). К ней была присоединена *Прикарпатская Русь*, населенная русскими, большая часть которых считала себя украинцами, другая – русскими по языку. К сожалению, ее конституция была задержана чехословацким правительством, и только после жалобы карпаторуссов и украинских канадцев в Лигу Наций начала действовать ее конституция незадолго до катастрофы. Привычки австрийского бюрократизма, в котором чехи играли большую роль, здесь сказались. Точно так же было и по отношению к *словакам*. Господствующая группа политиков не справилась с положением, чем воспользовались немцы, создав маленькую Словакию, – фиктивное государство гитлеровской Германии.

Еще резче близорукость политики сказалась в новой *Польской республике*, которая захватила в свой состав многочисленные группы литовцев, белорусов и украинцев, которые должны были бороться за свои национальные права, что ослабило польское государство с самого начала, и эта ошибка подготовила его гибель, что резко выразилось в военном участии польского правительства на стороне немцев в разгроме Чехословакии за несколько месяцев до начала разгрома Польши.

В этом отношении политика *Советского Союза*, в который, в конце концов, вылилось новое устройство народов царской России, после некоторых инцидентов привела к национальной культуре и на Украине, и в Белоруссии. В революционный и послереволюционный периоды развились в Киеве¹ и позже в Минске Украинская и Белорусская Академии наук, явившиеся живыми центрами научной работы в этих республиках в еще не установившейся революционной обстановке. Создалась и развивается высшая школа на белорусском и украинском языках. В Западной Украине, входившей в состав Польской республики, сохранилось от австрийского времени крупное украинское Общество имени Шевченко во Львове, в 1939 году введенное в организацию Украинской Академии наук в Киеве. Но во все время существования Польского государства высшая украинская школа, частично существовавшая во Львове при австрийцах, отсутствовала. Львовский университет с преподаванием на украинском и русском языках восстановился в 1939 году.

За это время я знаю только одну научную организацию того будущего типа, который мне представляется неизбежным в ближайшем будущем. Это прекрасная организация чешского, польского и румынского геологических комитетов для исследования геологии Карпат. Сейчас в ней должна принять участие и Украина.

III

7. Во взрыве второй мировой войны часть научных учреждений славянских народов – польских, чешских, югославских, словенских, кошубских,

¹ Созданная до Советской власти Украинская Академия [наук] сохранилась и получила свое развитие после вхождения Украины в Советский Союз.

хорватских – частью погибли, частью замерли¹. В каком они состоянии сейчас, мы не знаем. В то же самое время и в пределах нашего Союза – на Украине и в Белоруссии – огромные центры культуры – лаборатории, обсерватории, библиотеки, картинные галереи и т.п. – по-видимому, разрушены и погибли (в какой степени, мы не знаем). Личный состав в значительной мере спасен и продолжает работать, принимая меры к восстановлению научной деятельности после изгнания немцев, в других республиках нашего Союза. По-видимому, возможно думать, что сохранились центры научной работы и в Словакии (Братислава), и в Болгарии, где в последние годы шла большая научная работа.

Таким образом, перед нами стоит огромная работа над немедленным восстановлением главных научных ценностей и научных учреждений. Она должна начаться теперь же и должна мощно развиваться после победы над немцами.

Мне кажется, что это восстановление должно идти по определенному плану и совместными усилиями всех славянских народов. В истории славянских народов, переполненной враждой и борьбой друг с другом, кровавыми войнами братских народов, есть все же глубокая основа для взаимопомощи и организации в ноосфере совместной организованной научной работы всех славянских народов. Несколько исторических особенностей являются для этого характерными и определяют возможность, мне кажется, в условиях ноосферы их совместной культурной жизни и их совместных для этого действий. Очевидно, в ноосфере не может быть войн – массовых убийств, и должны быть созданы другие, более отвечающие разуму способы решения недоразумений.

8. Следующие обстоятельства этому содействуют:

1) Славянские племена, один из исходных центров расселения которых был в Карпатах, сплошь заселяют одну огромную территорию бассейнов Балтийского и Черного морей, от Атлантического океана до океана Тихого. Западная часть этой территории в историческое время сильно отодвинулась на восток; поморские и полабские славяне частью были оттеснены, частью истреблены германцами; в XIX веке, при Николае I, были потеряны русские крестьянские колонии в Калифорнии (форт Росс); при Александре II была продана Аляска².

Это тот же процесс, который пережит и другими народами (голландцы). Мы отступили, упустив единственный исторический момент для получения малонаселенных территорий Нового Света, в конце концов, захваченных англосаксами.

2) Славянские языки наиболее молоды и образовались в историческое время. Разговорный народный язык легко понятен для обыденных вещей для всякого славянина: они [славяне] могут всегда между собой объясниться. Литературный и научный язык для своего понимания требует немногих недель практики. Ничего подобного нет для романских и особенно для германских языков. По-видимому, это отчасти связано с тем, что в основе славянской культуры лежит влияние и Византии, а не только Рима. Даже для Западных славян, как чехо-

¹ Погибли еще во время Германской революции все слабые научные организации лужичан (вендов).

² Замечательный русско-американский государственный деятель Баранов поселился на Сандвичевых островах и считал, что там должен быть центр Русской Америки. Его проект не был принят русским правительством.

словаки и хорваты (церковно-славянский язык последних связан с глаголицей), широкая основа церковно-славянской письменности лежит в основе структуры всех славянских литературных языков. Еще в конце XVIII века существовал общий литературный, для русских и сербов, – славяно-русский язык.

9. *Исходя из всего изложенного выше, необходимо сейчас же создать центр для работы над восстановлением научно-культурной славянской работы, – такой же центр, как центры военных организаций (польской и чешской), образованных сейчас временно в нашем Союзе. Он должен состоять из представителей всех славянских академий и главных научных славянских обществ. Чем скорее этот центр создастся, тем лучше.*

Боровое – Госкурорт 10 июня 1942 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к тринадцатому тому	5
---------------------------------------	---

ОБЩЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

О профессорском съезде	9
Выступление на совещании по аграрному вопросу 27–29 апреля 1905 года	15
По поводу разгрома	16
Официальная публицистика	19
Ближайшие задачи академической жизни	22
Три забастовки	31
Новое бедствие	36
Три решения	43
Русская жизнь и «внепартийные»	51
О Государственном Совете	56
В защиту амнистии	63
Выступление на заседании Государственного Совета 4 мая 1906 года	64
Амнистия как акт политической необходимости	67
Письма о Государственном Совете	70
Смертная казнь	76
Выступление на заседании Государственного Совета 30 июня 1906 года	79
Отдельное мнение члена Государственного Совета В.И. Вернадского по вопросу о пределах рассмотрения законопроекта об отмене смертной казни в Государственном Совете	82
Вотум недоверия	90
Из заграничных впечатлений	92
Патриотизм и черная сотня	104
Москва, 4-го января	108
Два года	112
Смертная казнь	113
О выборах в II Государственную Думу	114
Академия наук в 1906 году	116
Москва, 2-го февраля	119
Роковая ошибка	122
Москва, 6-го февраля	125
Москва, 7-го февраля	127
Москва, 14-го февраля	129

Москва, 16-го февраля	131
Москва, 21-го февраля	134
Когда же конец?	135
Москва, 28-го февраля	136
Странные заботы о восстановлении порядка	138
Москва, 7-го марта	140
Обзор печати	142
Москва, 10-го марта	144
Новая угроза высшей школе	146
Университет и «правые»	148
Москва, 17-го марта	150
Москва, 20-го марта	152
Москва, 28-го марта	153
Москва, 4-го апреля	155
Москва, 11-го апреля	158
Академическая жизнь	160
Перед грозой	166
К вопросу об Университете имени Шаняевского	168
Наука и проект университетского устава А.Н. Шварца	170
Перед съездом	174
Разгром	177
1911 год в истории русской умственной культуры	181
Война и прогресс науки	196
К пересмотру аграрной программы конституционно-демократической партии	205
Украинский вопрос и русское общество	210
Мир без аннексий	222
Обязанность каждого	224
Аграрная проблема и научная исследовательская работа	228
Неотложное дело	230
Увеличение производительности труда	233
Об автономии	237
Об основаниях аграрной политики в России	240
Задачи науки в связи с государственной политикой в России	241
К созданию Украинской академии наук в Киеве [I, II, III]	252
Одна из задач дня	258
Письмо в редакцию газеты «Приазовский край»	261
Письма о Западе. [II]. Англия	264
Письма о Западе. III. Большевики и мировая политика Великобритании	270
Письма о Западе. IV. Франция	273
Об организации местной власти [I]	278
Об организации местной власти [II]	282
Научная задача момента	285
Неизбежность роста научного знания	288
Лекция на кооперативных курсах в Симферополе 18(31) октября 1920 г.	288

Организация народного образования в новой России	292
Лекция на кооперативных курсах в Симферополе 25 октября (7 ноября) 1920 г.	292
Русская интеллигенция и новая Россия	296
Общий враг будет повержен	298
Памяти Егора Павловича Старицкого	300
От Временного правительства	301
К ученым-естествоиспытателям Великобритании	306
Из истории идей	307
Из записок по польскому вопросу	318
Мысли о современном значении истории знаний	320
Об ответственности ученых. 1922 г.	332
Из дневника. 21 мая 1884 г.	332
О роли народных масс	333
О роли личности в истории. Август 1892 г.	336
Об общем ходе развития философии. Конец XIX – начало XX в.	339
Социализм и научная мысль	341
О важности охвата явлений в их целостности. 20 августа 1920 г.	342

АКАДЕМИЯ НАУК

Академия наук в первое столетие своей истории	344
Примечания	374
Академия наук 1824–1889 годов	377
Примечания	387
Из воспоминаний	389
Первый год Украинской академии наук (1918–1919)	389
Послесловие (1921–1926)	408
Работы по истории знаний	411
Вопрос о естественных производительных силах в России с XVIII по XX в. (Фрагменты)	417
Гитлеризм – смертельная угроза человечеству	426
Будущее интеллигенции	428
Мысли натуралиста об организации славянской научной работы на фоне мировой науки	434

Научное издание

ВЕРНАДСКИЙ
Владимир Иванович

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
в двадцати четырех томах

Том тринадцатый

В.И. Вернадский –
общественный деятель
и публицист

Утверждено к печати
Ученым советом

Института геохимии и аналитической химии
им. В.И. Вернадского Российской академии наук,
Комиссией РАН по разработке научного наследия
академика В.И. Вернадского

Художник *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *Е.А. Желнова, Р.В. Молоканова,*
Е.Л. Сысоева, Т.И. Шеповалова
Компьютерная верстка *Н.В. Мелковой*

Иллюстрации воспроизведены в соответствии
с представленными архивными оригиналами

Подписано к печати 06.08.2013
Формат $70 \times 100^{1/16}$, Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 36,4 + 0,1 вкл. Усл.кр.-отт. 36,5. Уч.-изд.л. 39,0
Тип. зак.

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Е-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ППП «Типография “Наука”»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-038120-9

9 785020 381209

